

История реформации (том 1 из 2)

Томас М. Линдси

A History of the Reformation

Vol. 1 of 2

Thomas M. Lindsay

Электронная книга проекта Гутенберга по истории Реформации (том 1 из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Реформации (том 1 из 2)

Автор: Томас М. Линдси

Дата выхода: 29 августа 2012 [Электронная книга № 40615]

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ" (ТОМ 1 ИЗ 2) ***

Международная теологическая библиотека

История реформации

Томас М. Линдси, магистр, доктор философии

Директор Колледжа Объединенной свободной церкви, Глазго

В двух томах

Том I

Реформация в Германии От ее начала до религиозного мира в Аугсбурге

Эдинбург

Т. и Т. Кларк

1906

Содержание

- [Реклама сериала.](#)
- [Самоотверженность.](#)

- Предисловие.
- Книга I. Накануне Реформации.
- Глава I. Папство.
- § 1. Претензия на Всеобщее превосходство.
- § 2. Временное превосходство.
- § 3. Духовное превосходство.
- Глава II. Политическая ситуация.
- § 1. Небольшая территория христианского мира.
- § 2. Консолидация.
- § 3. Англия.
- § 4. Франция.
- § 5. Испания.
- § 6. Германия и Италия.
- § 7. Италия.
- § 8. Германия.
- Глава III. Эпоха Возрождения.
- § 1. Переход от средневекового мира к современному.
- § 2. Возрождение литературы и искусства.
- § 3. Его более раннее отношение к христианству.
- § 4. Братья Общей судьбы.
- § 5. Немецкие университеты, школы и стипендии.
- § 6. Ранние немецкие гуманисты.
- § 7. Гуманистические кружки в городах.
- § 8. Гуманизм в университетах.
- § 9. Reuchlin.
- § 10. “Эпистола-обскурум Вирорум”.
- § 11. Ulrich von Hutten.
- Глава IV. Социальные условия.
- § 1. Города и торговля.
- § 2. Географические открытия и начало мировой торговли.
- § 3. Увеличение благосостояния и роскошная жизнь.
- § 4. Положение крестьянства.
- § 5. Более ранние социальные восстания.
- § 6. Религиозный социализм Ганса Бема.
- § 7. Восстания в Бундестаге.
- § 8. Причины непрекращающихся восстаний.
- Глава V. Семейная и народная религиозная жизнь в десятилетия, предшествовавшие Реформации.
- § 1. Преданность Германии Римской церкви.

- § 2. Проповедь.
- § 3. Церковные праздники.
- § 4. Религиозная жизнь семьи.
- § 5. Суеверная религия, основанная на Страхе.
- § 6. Внецерковная религия.
- § 7. “Братья”.
- Глава VI. Гуманизм и реформация.
- § 1. Savonarola.
- § 2. Джон Колет.
- § 3. Эразмус.
- Книга II. Реформация.
- Глава I. Лютер к началу спора об индульгенциях.
- § 1. Почему Лютер добился успеха как лидер Реформации.
- § 2. Юность и образование Лютера.
- § 3. Лютер в Эрфуртском монастыре.
- § 4. Ранняя жизнь Лютера в Виттенберге.
- § 5. Ранние лекции Лютера по теологии.
- § 6. Продавец индульгенций.
- Глава II. От начала спора об индульгенциях до диеты из червей.
- § 1. Теория и практика индульгенций в шестнадцатом веке.
- § 2. Тезисы Лютера.
- § 3. Лейпцигский спор.
- § 4. Три трактата.
- § 5. Папская булла.
- § 6. Лютер, представитель Германии.
- Глава III. Диета червей.
- § 1. Римский нунций Алеандр.
- § 2. Император Карл v.
- § 3. В городе Вормс.
- § 4. Лютер в Вормсе.
- § 5. Первое выступление Лютера перед Вормсской диетой.
- § 6. Второе выступление Лютера перед Сеймом.
- § 7. Конференции.
- § 8. Запрет.
- § 9. Популярная литература.
- § 10. Распространение учения Лютера.
- § 11. Эндрю Боденштайн из Карлштадта.
- § 12. Лютер вернулся в Виттенберг.
- Глава IV. От диеты из червей до окончания крестьянской войны.

- § 1. Продолжающееся распространение лютеранского учения.
- § 2. Начало разделения в Германии.
- § 3. Крестьянская война.
- § 4. Двенадцать Статей.
- § 5. Подавление восстания.
- § 6. Лютер и крестьянская война.
- § 7. Германия разделилась на два отдельных лагеря.
- Глава V. От сейма в Шпейере 1526 года До Религиозного мира в Аугсбурге 1555 года.
- § 1. Сейм в Шпейере, 1526г.
- § 2. Протест.
- § 3. Лютер и Цвингли.
- § 4. Марбургский коллоквиум.
- § 5. Император в Германии.
- § 6. Аугсбургский сейм 1530 г.
- § 7. Аугсбургское исповедание.
- § 8. Реформация, которая должна быть сокрушена.
- § 9. Шмалькальдская лига.
- § 10. Двоеженство Филиппа Гессенского.
- § 11. Морис Саксонский.
- § 12. Смерть Лютера.
- § 13. Религиозная война.
- § 14. Временный Аугсбургский суд.
- § 15. Религиозный мир в Аугсбурге.
- Глава VI. Организация лютеранских церквей.
- Глава VII. Лютеранская реформация за пределами Германии.
- Глава VIII. Религиозные принципы, вдохновившие Реформацию.
- § 1. Реформация возникла не из Критики Доктрин.
- § 2. Всеобщее священство верующих.
- § 3. Оправдание верой.
- § 4. Священное Писание.
- § 5. Личность Христа.
- § 6. Церковь.
- Указатель.
- Сноски

[Примечание автора: Изображение на обложке было подготовлено отправителем при распространении корректуры и находится в общественном достоянии.]

Реклама сериала.

Международная теологическая библиотека.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРЕПОДОБНОГО ЧАРЛЬЗ А. БРИГГС, доктор философии, доктор литературы, профессор Теологической энциклопедии и символики, Юнион теологическая семинария, Нью-Йорк;

и покойный ПРЕПОДОБНЫЙ СТЮАРТ Д. Ф. САЛМОНД, доктор философии, директор и профессор систематического богословия и толкования Нового Завета Колледжа Объединенной свободной церкви в Абердине.

Эта библиотека предназначена для того, чтобы охватить всю область христианского богословия. Каждый том должен быть законченным сам по себе и в то же время составлять часть тщательно спланированного целого. Предполагается, что он сформирует серию учебников для студентов-богословов. Авторами будут ученые с признанной репутацией в нескольких закрепленных за ними областях знаний. Они будут сотрудничать друг с другом и с редакторами в попытке подготовить серию томов, которые могли бы адекватно отразить текущее состояние расследования.

ТЕПЕРЬ ГОТОВЫ ТРИНАДЦАТЬ ТОМОВ СЕРИИ, А ИМЕННО:—

Введение в литературу Ветхого Завета. С. Р. ДРАЙВЕР, доктор философии, доктор литературоведения, региональный профессор иврита и Канон Крайст-Черч, Оксфорд. Седьмое издание. 12с.

Христианская этика. Ньюман Смит, доктор философии, пастор Первой конгрегационалистской церкви, Нью-Хейвен, Коннектикут. Третье издание. 10с. 6д.

Апологетика. Автор: покойный А. Б. Брюс, доктор философии, профессор толкования Нового Завета, Колледж Свободной церкви, Глазго. Третье издание. 10с. 6д.

История христианского вероучения. Автор: Г. П. Фишер, доктор философии, профессор церковной истории, Йельский университет, Нью-Хейвен, Коннектикут. Второе издание. 12 страниц.

История христианства в Апостольскую эпоху. Артур Кушман Макгифферт, доктор философии, профессор церковной истории, Объединенная теологическая семинария, Нью-Йорк. 12с.

Христианские институты. А. В. Г. Аллен, доктор философии, профессор церковной истории Епископальной теологической школы, Кембридж, Массачусетс, 12 лет.

Христианский пастор. Вашингтон Гладден, доктор философии, доктор права, пастор Конгрегационалистской церкви, Колумбус, Огайо. 10с. 6д.

Богословие Нового Завета. Джордж Б. Стивенс, доктор философии, профессор систематической теологии Йельского университета, США 12 лет.

Древняя католическая церковь. Автор: РОБЕРТ РЕЙНИ, доктор философии, директор Нового колледжа в Эдинбурге. 12с.

История Ветхого Завета. Х.П. Смит, доктор философии, профессор библейской истории Амхерстского колледжа, США 12 лет.

Богословие Ветхого Завета. Покойным А.Б. Дэвидсоном, доктором философии, LL.D. Под редакцией покойного директора Салмонда, доктора философии 12 лет.

Учение о спасении. Автор: Джордж Б. Стивенс, доктор философии, профессор систематической теологии Йельского университета. 12с.

Реформация. (Том I. — В Германии.) Автор: Т. М. Линдси, доктор философии, директор Колледжа Объединенной свободной церкви в Глазго. 10с. 6д.

ГОТОВЯЩИЕСЯ ОБЪЕМЫ:—

Реформация. (Том II. — В землях за пределами Германии.) Т.М. Линдси, доктор философии, директор Колледжа Объединенной свободной церкви, Глазго.

Литература Нового Завета. ДЖЕЙМС МОФФАТ, доктор философии Объединенной свободной церкви, Дандональд, Шотландия.

Современная история Ветхого Завета. ФРЭНСИС БРАУН, доктор философии, профессор иврита и родственных языков, Объединенная теологическая семинария, Нью-Йорк.

Ранняя латинская церковь. ЧАРЛЬЗ БИГГ, доктор философии, региональный профессор церковной истории и каноник Церкви Христа в Оксфорде.

Канон и текст Нового Завета. КАСПАР РЕНЕ ГРЕГОРИ, доктор философии, профессор Лейпцигского университета.

Современная история Нового Завета. ФРЭНК К. ПОРТЕР, доктор философии, Йельский университет, Нью-Хейвен, Коннектикут

Философия религии. Автор: РОБЕРТ ФЛИНТ, доктор философии, почетный профессор богословия Эдинбургского университета.

Поздняя латинская церковь. Э. В. УОТСОН, магистр, профессор церковной истории Королевского колледжа в Лондоне.

Христианский проповедник. У. Т. ДЭВИСОН, доктор философии, преподаватель систематической теологии Ричмондского колледжа, Суррей.

Греческая и Восточная церкви. У. Ф. АДЕНИ, доктор философии, директор Ланкаширского колледжа, Манчестер.

Библейская археология. Г. БЬЮКЕНЕН ГРЕЙ, доктор философии, профессор иврита, Мэнсфилд-колледж, Оксфорд.

История религий. Автор: Джордж Ф. Мур, доктор философии, профессор Гарвардского университета.

Учение о Боге. Уильям Н. Кларк, доктор философии, профессор систематического богословия, Гамильтонская теологическая семинария, Нью-Йорк

Учение Христа. Х.Р. Макинтош, доктор философии, профессор систематической теологии, Нью-колледж, Эдинбург.

Учение о человеке. Уильям П. Патерсон, доктор богословия, профессор богословия Эдинбургского университета.

Канон и текст Ветхого Завета. Ф.К. Беркитт, магистр, университетский преподаватель палеографии, Тринити-колледж, Кембридж.

Жизнь Христа. Уильям Сэндей, доктор философии, доктор права, профессор богословия леди Маргарет и каноник Церкви Христа в Оксфорде.

Христианская символика. К. А. Бриггс, доктор философии, профессор Теологической энциклопедии и символики, Юнион Теологическая семинария, Нью-Йорк.

Раввинистическая литература. С. Шехтер, магистр, президент Еврейской теологической семинарии, Нью-Йорк

Самоотверженность.

ТО THE ПРЕПОДОБНОМУ ДЖОРДЖУ КЛАРКУ ХАТТОНУ, ДОКТОРУ МЕДИЦИНСКИХ НАУК

Предисловие.

Эта история Реформации была написана с намерением описать великое религиозное движение в его социальной среде. То были героические времена, породившие великих людей с поразительными индивидуальностями, которые нелегко взвесить на современных весах. Эпоха достаточно отдаленная, чтобы заставить нас помнить, что, хотя о морали одного века можно судить по другому, о людях, принадлежащих к нему, следует судить по стандартам их современников, а не только по нашим. Религиозное возрождение происходило в рамках политических, интеллектуальных и экономических изменений, и его нельзя отделить от окружающей среды без опасности нанесения увечий. Все это усложняет описание.

Мое оправдание, если нужно оправдание, за то, что я отваживаюсь на выполнение этой задачи, заключается в том, что этому периоду я уделял особое внимание в течение многих лет и что я

читал и перечитывал большинство оригинальных современных источников информации. Хотя в полной мере использовались труды предшественников в той же области, ни одна глава в книге, за исключением главы о политическом состоянии Европы, не была написана без постоянных ссылок на свидетельства того времени.

История Реформации, как мне кажется, должна описывать пять отдельных, но взаимосвязанных вещей: социальные и религиозные условия эпохи, из которой вышло великое движение; лютеранскую реформацию вплоть до 1555 года, когда она получила юридическое признание; реформацию в странах за пределами Германии, которые не подчинились руководству Лютера; проблему определенных аспектов религиозной жизни средневековья в анабаптизме, социнианстве и антиринитаризме; и, наконец, Контрреформацию.

Второе следует за первым в естественной последовательности; но третье было почти современником второго. Если Реформация получила юридическое признание в Германии раньше, чем в какой-либо другой стране, то ее зачатки во Франции, Англии и, возможно, Нидерландах появились еще до того, как Лютер опубликовал свои Тезисы. Я не считал возможным описать все пять в хронологическом порядке.

В этом томе описывается канун Реформации и само движение под руководством Лютера. Во втором томе я надеюсь рассмотреть Реформацию за пределами Германии, анабаптизм, социнианство и родственные явления, уходящие корнями далеко в средние века, а также Контрреформацию.

Первая часть этого тома посвящена интеллектуальной, социальной и религиозной жизни эпохи, породившей Реформацию. Интеллектуальная жизнь того времени часто описывалась, и ее экономические условия начинают привлекать внимание. Но мало кто заботился о том, чтобы исследовать народную и семейную религиозную жизнь за десятилетия до великого возрождения. И все же для истории реформационного движения нет ничего важнее. При его изучении можно увидеть, что евангельское возрождение не было уникальным явлением, совершенно не связанным с непосредственным прошлым. В религиозной жизни того периода существовала преемственность. После Реформации публично и в частном порядке пелись одни и те же гимны, которые были в употреблении до того, как Лютер поднял знамя восстания. Многие молитвы в литургиях Реформации взяты из богослужебных книг средневековой церкви. Большая часть семейных наставлений в религиозных вопросах, полученных реформаторами в детстве, в свою очередь была передана ими следующему поколению. Великая Реформация уходила своими корнями в простое евангельское благочестие, которое никогда полностью не исчезало в средневековой церкви. Тысячи людей признали учение Лютера не поразительной новинкой, а чем-то таким, во что они всегда в глубине души верили, хотя, возможно, и не были в состоянии сформулировать это. Это правда, что Лютер и его соратники-реформаторы учили свое поколение, что Наш Господь, Иисус Христос, заполняет всю сферу Бога, и что другие посредники и ходатаи были излишни, и что они также избавили его от страха перед кастой священников; но люди не восприняли это учение как совершенно новое; они скорее приняли его как нечто, что они всегда чувствовали, хотя и не были способны дать своим чувствам должное и полное выражение. Верно, что это простое благочестие было заключено в рамки суеверия и что на Церковь обычно смотрели как на учреждение, внутри которого священники осуществляли тайную науку искупления посредством своей власти над таинствами; но старое евангельское благочестие существовало, и его следы можно найти, если поискать.

Часть главы, описывающая семейную и народную религиозную жизнь, непосредственно предшествовавшую Реформации, уже появлялась в лондонском Quarterly Review за октябрь 1903 года.

Описывая начало лютеранской реформации, мне пришлось исходить из того же, что и в моей главе о “Лютере”, вошедшей во второй том Кембриджской современной истории, и я обнаружил, что не могу не повториться. Особенно это касается изложения теории и практики индульгенций. Следует, однако, сказать, что ввиду определенных замечаний к более ранним работам римско-католических рецензентов я еще раз повторил утверждения, сделанные об индульгенциях великими средневековыми теологами тринадцатого и пятнадцатого веков, и не смог изменить ранее высказанные мнения.

Я благодарю моего коллегу, доктора Денни, и еще одного друга за заботу, проявленную ими при пересмотре корректурных листов, и за многие ценные предложения, которые были реализованы.

Томас М. Линдси.

Март 1906 года.

Книга I. Накануне Реформации.

Глава I. Папство.1

§ 1. Претензия на Всеобщее превосходство.

Долгая борьба между средневековой церковью и Средневековой империей, между священником и воином,² закончилась в первой половине XIII века свержением Гогенштауфенов и оставила папство единственным наследником притязаний древнего Рима на власть над цивилизованным миром.

Roma caput mundi regit orbis frena rotundi.

Сильные и властные папы на протяжении веков настаивали на осуществлении полномочий, которые, по их утверждению, принадлежали им как преемникам Святого Петра и представителям Христа на земле. Церковные юристы перевели свои утверждения на юридический язык и выразили их в принципах, заимствованных из старого имперского права.

Прецеденты, необходимые юридическому мышлению для объединения прошлого с настоящим, были обнаружены в серии воображаемых папских решений, растянувшихся на прошлые столетия. Поддельные декреты псевдо-Исидора (используемые папой Николаем I в его письме от 866 г. н.э. епископам Галлии), группы канонистов, которые поддерживали притязания папы Григория VII (1073-1085), — Ансельм Луккский, Деусдедит, кардинал Бонцио и Григорий Павийский, — придали папским притязаниям видимость санкции древности. Декрет Грациана, изданный в 1150 году в Болонье, в то время самой известной юридической школе Европы, объединил все эти более ранние подделки и добавил новые. Он вытеснил старые сборники канонического права и стал отправной точкой для последующих канонистов. Его мозаика фактов и лжи легла в основу теорий об имперской власти и универсальной юрисдикции римских епископов.³

Живописный религиозный фон этой концепции Церкви Христовой как великой светской империи был представлен св. Августин, хотя, вероятно, он был бы первым, кто протестовал бы против использования его видения Града Божьего. Его незаконченный шедевр "De Civitate Dei", в котором с благочестивым и пылким воображением он противопоставил Civitas Terrena, или светское государство, основанное на завоеваниях и поддерживаемое обманом и насилием, Царству Божьему, которое он отождествлял с видимым церковным обществом, будоражил воображение всех христиан в дни, непосредственно предшествовавшие распаду Западной Римской империи, и в значительной степени способствовал окончательному ниспровержению последних остатков культурного язычества. Это стало наброском, который юристы Римской курии постепенно дополнили деталями своим строго определенным и юридически выраженным притязанием римского понтифика на универсальную юрисдикцию. Его живые, но поэтически неопределенные идеи были преобразованы в четко определенные правовые принципы, которые можно было найти в готовом виде во всеобъемлющей юриспруденции древней империи, и были проанализированы и представлены в определенных притязаниях править и судить во всех сферах человеческой деятельности. Когда поэтические мысли, которые по самой своей природе устремляются к бесконечному и растворяются в нем, заключаются в юридические формулы и превращаются в принципы практической юриспруденции, они теряют весь свой отличительный характер, и творение, воплощающее их, становится совсем не таким, каким оно должно было быть. Пагубная деятельность римских канонистов фактически преобразила Civitas Dei из славного видения св. Августина превратился в ту Civitas Terrena, которую он отвергал, и идеальное Царство Божье превратилось в вульгарную земную монархию со всеми сопутствующими завоеваниями, мошенничеством и насилием, которые, по мнению великого богослова Запада, естественно присущи такому обществу. Но очарование Града Божьего еще долго ослепляло глаза одаренных и благочестивых людей в раннее Средневековье, когда они созерцали видимую церковную империю, управляемую римским епископом.

Также считалось, что требования практической религии в повседневной жизни находятся во владении этой церковной монархии, чтобы давать и отказывать. Ибо почти всеобщим верованием средневекового благочестия было то, что посредничество священника было необходимо для спасения; а священство было неотъемлемой частью этой монархии и не существовало за ее пределами. "Ни один добрый христианин-католик не сомневался в том, что в духовных вопросах духовенство является назначенным Богом начальством над мирянами, что эта власть проистекает из права священников совершать таинства, что Папа является реальным обладателем этой власти и намного превосходит любую светскую власть".⁴ В десятилетия,

непосредственно предшествовавшие Реформации, у многих образованных людей могли возникнуть сомнения по поводу этой власти духовенства над духовным и вечным благополучием мужчин и женщин; но когда дошло до дела, почти никто не осмелился бы сказать, что в этом ничего нет. И до тех пор, пока сохранялось ощущение, что в этом что-то может быть, мягко говоря, беспокойство, с которым христианские мужчины и женщины не могли не испытывать, когда они смотрели в неизвестное будущее, заставляло королей и народы колебаться, прежде чем бросить вызов Папе и духовенству. Духовные силы, которые, как считалось, исходили от исключительного обладания священством и таинствами, во многом способствовали укреплению авторитета папской империи и объединению ее в одно компактное целое.

В раннем средневековье претензии папства на универсальное верховенство выдвигались и защищались только церковными юристами; но в XIII веке богословие также начало излагать их со своей собственной точки зрения. Фома Аквинский поставил перед собой задачу доказать, что подчинение римскому понтифику необходимо для каждого человека. Он заявил, что, согласно закону Нового Завета, король должен подчиняться священнику в той мере, в какой, если короли оказывались еретиками или раскольниками, епископ Рима имел право лишить их всей королевской власти, освободив подданных от их обычного повиновения.⁵

Наиболее полное выражение этого временного и духовного превосходства, на которое претендуют епископы Рима, можно найти в Комментариях папы Иннокентия IV к Декреталиям⁶ (1243-1254) и в Булле *Unam Sanctam*, опубликованной папой Бонифацием VIII в 1302 году. Но последующие епископы Рима ни в коей мере не отказались от своих притязаний на вселенский суверенитет. Те же претензии предъявлялись во время ссылки в Авиньон и во времена Великого раскола. Они были утверждены папой Пием II в своей Булле *"Exécrabilis et pristinis"* (1459) и папой Львом X в самый канун Реформации в своей Булле *"Пастор Этернус"* (1516); в то время как папа Александр VI (Родриго Борджиа), действующий как владыка вселенной, передал Новый Свет Изабелле Кастильской и Фердинанду Арагонскому в соответствии с законом дарения в своей булле *"Inter cætera divinae"* (4 мая 1493 г.).⁷

Власть, о которой говорилось в этих документах, представляла собой двойное превосходство, светское и духовное.

§ 2. Временное превосходство.

Первое, заявленное в самом широком смысле, заключалось в праве смещать королей, освобождать их подданных от присяги и передавать их территории другому лицу. Оно могло быть приведено в исполнение только тогда, когда папа находил более сильного властелина, готового выполнять его приказы, и, естественно, исполнялось редко. Однако два случая произошли незадолго до Реформации. Георг Подьеброд, король Богемии, оскорбил римского епископа, настаивая на том, чтобы римский престол выполнил сделку, заключенную с его подданными-гуситами на Базельском соборе. Он был вызван в Рим для суда как еретик папой Пием II в 1464 году и папой Павлом II в 1465 году и был объявлен последним низложенным; его подданные были освобождены от присяги, и его королевство было предложено Матьяшу Корвину, королю Венгрии, который с радостью принял это предложение, следствием чего стала затяжная и кровопролитная война. Еще позже, в 1511 году, папа Юлий II отлучил от церкви

короля Наварры и уполномочил любого соседнего короля захватывать его владения — предложение, с готовностью принятое Фердинандом Арагонским.⁸

Однако, как правило, это притязание на временное превосходство, то есть направлять политику и быть окончательным арбитром в действиях временных суверенов, давало о себе знать более косвенными способами. Великий властитель, поставленный над слабо сформированными королевствами Средневековья, не решался спровоцировать соперничество с властью, которая была способна дать религиозную санкцию восстанию могущественной феодальной знати, ищущей законного предлога для неповиновения ему, или которая могла лишить его подданных внешних утешений религии, наложив запрет на все или часть его владений. Мы не должны предполагать, что осуществление этого притязания на временное превосходство всегда было злом. Раз за разом действия и вмешательство благонамеренных пап доказывали, что светское превосходство римского епископа означает, что моральные соображения должны иметь должное значение в международных делах Европы; и этот факт, признанный и ощущаемый, во многом объяснял большую часть практического согласия с папскими притязаниями. Но с того времени, когда папство стало, со своей светской стороны, итальянской державой, и когда его международная политика имела главным мотивом повышение политического престижа римского епископа на итальянском полуострове, моральный уровень папского двора был безнадежно понижен, и у него больше не было даже видимости представления морали в международных делах Европы. Это изменение можно приблизительно датировать понтификатом папы Сикста IV (1471-1484) или рождением Лютера (10 ноября 1483 г.). Обладание папством дало Сиксту такое преимущество перед его современниками в Италии, что он “был освобожден от всех обычных соображений порядочности, последовательности или благоразумия, потому что его положение папы спасло его от серьезной катастрофы”. Божественная власть, принятая папами как представителями Христа на земле, означала для Сикста и его непосредственных преемников, что они были выше требований общепринятой морали и имели право для себя или для своих союзников нарушать самые торжественные договоры, когда это соответствовало их изменчивой политике.

§ 3. Духовное превосходство.

Церковное превосходство постепенно интерпретировалось как означающее, что епископ Рима был *единым* или вселенским епископом, в котором были сосредоточены все духовные и церковные полномочия, и что все остальные члены иерархии были просто делегатами, выбранными им для целей управления. Согласно этой интерпретации, епископ Рима был абсолютным монархом королевства, которое называлось духовным, но которое было столь же насквозь материальным, как королевства Франции, Испании или Англии. Ибо, согласно средневековым представлениям, люди были духовными, если они принимали сан или давали монашеские обеты; поля, водостоки и заборы были духовными предметами, если они были церковной собственностью; дом, амбар или хлев были духовной вещью, если они стояли на земле, принадлежащей Церкви. Это папское королевство, ошибочно называемое духовным, было разбросано по Европе епархиальными землями, монастырскими поместьями и приходскими домами, вплетенными в паутину обычных королевств и княжеств Европы. Частью притязаний папы на *духовное* превосходство было то, что его подданные (духовенство) не были обязаны верностью монарху, на территории которого они проживали; что они жили вне сферы

гражданского законодательства и налогообложения; и что они подчинялись особым законам, установленным для них их верховным духовным правителем, и платили налоги ему и только ему. Таким образом, притязания на духовное превосходство влекли за собой бесконечное вмешательство в права светского суверенитета в каждой стране Европы, и гражданские и священные вещи были настолько неразрывно смешаны, что совершенно невозможно говорить о Реформации как о чисто религиозном движении. Это была также попытка положить конец освобождению Церкви и ее владений от всякого светского контроля и ее постоянному вторжению на светскую территорию.

Чтобы показать, как это притязание на духовное превосходство постоянно вторгалось в сферу светской власти и порождало дух беспорядков по всей Европе, нам достаточно взглянуть на его осуществление в вопросе покровительства благотворительным организациям, на то, как общее право Церкви вмешивалось в особые гражданские законы европейских государств, и на растущее бремя папских реквизиций денег.

В случае епископов теория заключалась в том, что декан и капитул избирались, и что избранный епископ должен был быть утвержден папой римским. Эта процедура предусматривала выбор на местном уровне подходящего духовного правителя, а также верховенство главы Церкви. Однако средневековые епископы были светскими лордами, имевшими большое влияние на гражданские дела королевства или княжества, в пределах которых находились их епархии, и естественно, что короли и принцы были заинтересованы в том, чтобы заполучить людей, которые были бы верны им самим. Отсюда прослеживалась тенденция к тому, что гражданские власти в большей или меньшей степени вмешивались в епископские назначения. Это часто приводило к тому, что эти выборы становились предметом конфликта между главой Церкви в Риме и главой государства во Франции, Англии или Германии; в этом случае права декана и капитула обычно не имели большого значения. Соперничество было по природе вещей почти неизбежным, даже когда гражданская и церковная власти руководствовались наилучшими мотивами и когда обе стремились назначить людей, компетентных исполнять свои обязанности со способностями. Но лучшие мотивы не всегда проявлялись активно. Епархиальная рента была большой, а доходы епископов прекрасно обеспечивали любимых последователей королей и пап, и если доходы одной епархии не могли адекватно выразить королевскую или папскую благосклонность, фаворита могли назначить сразу на несколько епархий. Папский nepотизм стал притчей во языцех, но следует помнить, что царский nepотизм тоже существовал. Папа Сикст V. настоял на назначении вассала своего племянника, кардинала Джулиано делла Ровере, на престол Модруса в Венгрии и после трехлетнего противостояния добился своего в 1483 году; а Матиас Корвин, король Венгрии, передал архиепископство Гран Ипполито д'Эсте, юноше, не достигшему совершеннолетия, и после двухлетней борьбы вынудил папу утвердить это назначение в 1487 году.

В течение четырнадцатого века папство пыталось получить более полный контроль над церковными назначениями посредством системы оговорок, которая столь широко использовалась в местных церковных делах для дискредитации папства в годы, предшествовавшие Реформации. По крайней мере, столетием ранее папы имели обыкновение заявлять под различными предлогами, что определенные бенефиции являются вакантными после апостольских дней, что означало, что епископ Рима оставляет это назначение за собой. Папа Иоанн XXII. (1316-1334), основываясь на такой предыдущей практике, установил ряд

правил, определяющих, какие льготы должны быть зарезервированы за папским патронажем. Очевидной причиной принятия этого закона было предотвращение растущего зла множественности; но, как и во всех случаях папского законотворчества, эти *Constitutiones Johanniæ* имели целью связать церковь всех покровителей, кроме самих пап. Ибо папы всегда утверждали, что они одни стоят выше законов, которые они издают. Они были *supra legem* или абсолютным законом, и их власти всегда могли отменить свое законодательство, когда это соответствовало их целям. Согласно этим конституциям папы Иоанна XXII., когда кафедры были вакантны из-за признания выборов недействительными, они были зарезервированы за папой Римским. Таким образом, мы обнаруживаем, что в 1337 году состоялись спорные выборы на престол Данкельда, и после нескольких лет судебных разбирательств в Риме выборы были отменены, и Ричард де Пилмор был назначен епископом апостольской епархии. Было объявлено, что престол Данкельда зарезервирован за папой римским по крайней мере для назначения двух последующих епископов.⁹ Эта система резервирования постепенно распространялась при преемниках папы Иоанна XXII., и применялась ко всякого рода бенефициям по всей Европе, пока не стало трудно сказать, какая часть церковных привилегий ускользнула из папской сети. В городской библиотеке Трира хранится рукопись "Правил Римской канцелярии", на которой кто-то нарисовал голову папы римского с надписью, исходящей из рта: "*Reservamus omnia*", что несколько приблизительно отражает содержание книги. В конце концов, было сделано утверждение, что Святой Престол владеет всеми бенефициями, и в условиях всеобщей секуляризации Церкви, свидетелями которой были за полвека до Реформации, сами Правила Римской канцелярии содержали списки цен, которые взимались за различные бенефиции, как с исцелением душ, так и без него; и при заключении сделки покупатель всегда мог получить пункт, отменяющий гражданские права покровителей.

С другой стороны, церковные преференции всегда подразумевали пожизненное наделение владельцев землями и денежными средствами, и право даровать эти временные привилегии было защищено законами большинства европейских стран. Таким образом, постоянно расширяющиеся папские оговорки о бенефициях приводили к постоянным конфликтам между законами Церкви — в последнее время это были Правила Римской канцелярии — и законами европейских государств. Временные правители стремились защитить себя и своих подданных статутами Премунира и другими статутами подобного рода,¹⁰ или же заключали сделки с папами, которые принимали форму конкордатов, подобных конкордатам в Бурже (1438) и Вене (1448). Ни законы, ни сделки не имели большого значения против превосходной дипломатии папства и страха, который его предполагаемое обладание духовными силами внушало всем классам людей. Папские юристы всегда представляли Конкордат как имеющий обязательную силу только до тех пор, пока его поддерживает добрая воля папы; и среди народов Европы существовало глубоко укоренившееся чувство, что Церковь является, выражаясь языком крестьян Германии, "домом папы" и что он имеет право свободно распоряжаться ее собственностью. Благочестивые и патриотичные люди, такие как Гаскойн в Англии, сожалели о пагубных последствиях папских оговорок; но они не видели выхода, если только Всемогущий не изменит сердце Святого Отца; и после неудач соборных попыток реформ угрюмая безнадежность, казалось, овладела умами людей, пока Лютер не научил их, что в той неопределимой власти, которой, как утверждали папа и духовенство, обладают над духовным и вечным благополучием мужчин и женщин, ничего нет.

Папе Иоанну ххii. (1316-1334) принадлежит заслуга или дискредитация создания для папства механизма сбора денег на его поддержку. В его положении это было почти неизбежно. Вступив на престол, он оказался с пустой казной; ему пришлось влезть в долги, чтобы выжить; он должен был обеспечить дорогостоящую войну с Висконти; и он должен был оставить деньги, чтобы позволить своим преемникам проводить его светскую политику. Немногие папы жили так просто; он добывал деньги не для личной роскоши, а для предполагаемых требований папской политики. Он был первым папой, который систематически превращал дарование благодати, временной и вечной, в источник дохода. До сих пор папская канцелярия взимала плату, по крайней мере, якобы, за фактически выполненную работу — плату за делопроизводство, регистрацию и так далее. Иоанн установил размер платы пропорционально предоставленной благодати или способности получателя платить. Он и его преемники сделали Десятину, Аннаты, Прокуратии, Сборы за дарование Паллия, Меди Фруктус, Субсидии и Диспенсации постоянными источниками дохода.

Десятина — десятая часть всех церковных доходов на службу папству — взималась время от времени для экстраординарных целей, таких как крестовые походы. Предполагалось, что он по-прежнему взимался только для особых целей, но необходимые случаи стали почти постоянными, и поборы вызывали яростное негодование. Когда Александрvi. взимал Десятину в 1500 году, ему разрешили делать это в Англии. Французское духовенство, однако, отказалось платить; они были отлучены от церкви; Парижский университет объявил отлучение незаконным, и папе пришлось уйти.

Аннаты были древним обвинением. С начала двенадцатого века новый получатель пособия должен был выплачивать сверх своего дохода за первый год на местные нужды, такие как ремонт церковных зданий, или в качестве утешения наследникам умершего получателя пособия. С начала XIII века римские папы иногда разрешали прелатам и князьям взыскивать его с лиц, поступающих на бенефиции. Одним из самых ранних зарегистрированных случаев был случай, когда архиепископу Кентерберийскому было разрешено использовать летописи своей провинции сроком на семь лет, начиная с 1245 года, с целью погашения долгов своей кафедральной церкви. Папа Иоанн ххii. начал присваивать их для целей папства. Его предшественник Климент v. (1305-1314) потребовал все аннексии Англии и Шотландии сроком на три года, начиная с 1316 года. В 1316 году Иоанн выдвинул гораздо более широкое требование, причем в выражениях, которые показывали, что он был готов рассматривать аннаты как постоянный налог для общих целей папства. Трудно проследить этапы постепенного повсеместного введения этого налога; но за десятилетия до Реформации он вводился повсеместно, и были подсчитаны средние значения его размера.¹¹ “Они состояли из части, обычно исчисляемой как половина предполагаемого дохода от всех пособий на сумму более 25 флоринов. Таким образом, архиепископство Руана облагалось налогом в 12 000 флоринов, а маленький престол Гренобля - в 300; великое аббатство Сен-Дени - в 6000, а маленький монастырь Святого Киприана Пуатье - в 33; в то время как все приходские кюре во Франции оценивались в 24 дуката, что эквивалентно примерно 30 флоринам”. Архиепископства облагались особым налогом в виде цены паллия, и он часто был очень большим.

Прокуратурами были обвинения, замененные денежными выплатами, которые епископы и архиidiaконы были уполномочены производить на свои личные расходы во время поездок с посещениями по своим епархиям. Папы начинали с требования доли, а заканчивали тем, что часто требовали всю эту сумму целиком.

Папа Иоанн ххii. был первым, кто потребовал, чтобы доходы от вакантных пособий (*medii fructus*) выплачивались в папскую казну во время вакантных должностей. Самый ранний случай датируется 1331 годом, когда было предъявлено требование о доходах вакантного архиепископства Гран в Венгрии; и вскоре вошло в обычай настаивать на том, чтобы стипендии всех вакантных должностей выплачивались в папскую казну.

Наконец, папы заявили, что это их право требовать специальных субсидий от церковных провинций, и на людей было оказано большое давление, чтобы они платили эти так называемые добровольные пожертвования.

Помимо сумм, которые поступали в папскую казну из этих регулярных источников дохода, нерегулярные источники давали еще большие суммы денег. Были изданы бесчисленные разрешения на уплату пошлин за всевозможные нарушения канонического и морального закона — разрешения на браки в пределах запрещенных степеней, на многоженство, на получение неправомерной выгоды в торговле или иным образом. Эта деморализующая торговля сделала римское казначейство партнером во всевозможных беззакониях, и Лютер в своем обращении к знати немецкой нации, посвященном реформированию христианского сословия, мог бы уместно описать Двор Римской курии как место, “где были аннулированы обеты, где монаху разрешалось покинуть свой Орден, где священники могли вступать в супружескую жизнь за деньги, где незаконнорожденные могли стать законными, а бесчестие и позор могли привести к высоким почестям; вся дурная слава и бесчестье посвящаются в рыцари и облагораживаются”. “Существует, - добавляет он, - купля-продажа, измена, буйство и торг, обман и ложь, грабеж и воровство, разврат и злодейство и всевозможные проявления презрения к Богу, хуже которых антихрист не мог бы царствовать”.

Огромные суммы денег, полученные таким образом, не представляют всех средств, которые стекались со всех частей Европы в папскую казну. Римская курия была высшим апелляционным судом для всей Западной Церкви. В любом случае это было связано с большим объемом юридических дел с неизбежными судебными издержками; но Курии удалось привлечь к себе большой объем дел, которые можно было бы легко урегулировать в епископальных или столичных судах. Это было сделано в соответствии с двойной политикой — церковной и финансовой. За полвека до Реформации произошло свержение феодализма и укрепление королевского абсолютизма, и нечто подобное можно было наблюдать как в папстве, так и среди европейских княжеств. Точно так же, как королевский абсолютизм восторжествовал, когда наследственные феодальные магнаты потеряли свою власть, так и папский абсолютизм мог стать свершившимся фактом только тогда, когда он смог растоптать епископат, лишенный своей церковной независимости и присущих ему полномочий управлять и судить. Епископат был ослаблен многими способами — освобождением аббатств от епископского контроля, поощрением нищенствующих монахов становиться соперниками приходского духовенства и так далее, — но самым действенным методом его унижения было поощрение людей с церковными жалобами проходить мимо епископальных судов и передавать свои дела непосредственно папе римскому. Людям говорили, что национальностям нет места в католической церкви. Рим был общим отечеством, а папа - вселенским епископом и обычным судьей. Его решение, которое всегда было окончательным, можно было получить напрямую. Таким образом, людей соблазняли обращаться со своими мольбами прямо к папе римскому. Несомненно, это предполагало отправку гонца в Италию с заявлением о признании вины и просьбой о слушании дела; но это не обязательно предполагало, что судебный процесс должен

проходить в Риме. Центральная власть могла делегировать свои полномочия, и судебный процесс мог проходить везде, где папа мог назначить. Но эта концепция, несомненно, в значительной степени увеличила деловую активность судов, фактически заседавших в Риме, и вызвала приток денег в имперский город. Папы также были готовы ссужать деньги обедневшим тяжущимся сторонам, за что, разумеется, взимались большие проценты.

Огромный объем бизнеса, который, таким образом, направлялся в папскую канцелярию со всех частей Европы, требовал наличия орды чиновников, чье жалованье обеспечивалось частично из доходов зарезервированных бенефиций по всей Европе, а частично из гонораров и взяток сторон в судебном процессе. Папские суды были печально известны своей медлительностью, алчностью и продажностью. Каждый документ должен был проходить через невероятное количество рук и оплачиваться соответствующим количеством пошлин; и расходы на судебные иски, достаточно высокие в соответствии с предписанным правилом канцелярии, были значительно увеличены сверх обычных расходов за счет других, которые не фигурировали в официальных таблицах. Зарегистрированы случаи, когда стоимость полученных справок в двадцать четыре - сорок один раз превышала сумму законных официальных обвинений. Римская церковь превратилась в судебную инстанцию, не самого уважаемого рода, — арену соперничающих тяжущихся сторон, канцелярию писцов, нотариусов и сборщиков налогов, — где совершались сделки о привилегиях, диспенсациях, покупке бенефиций и т. Д. И где истцы бродили со своими прошениями от двери одной конторы к двери другой.

В течение полувека, предшествовавшего Реформации, дела шли от плохого к худшему. Опасения, вызванные попытками провести реформу через Генеральные советы, улеглись, и у Курии не было никакого желания реформировать саму себя. Продажность и алчность возросли, когда папы начали продавать должности при папском дворе. Бонифаций ix. (1389-1404) был первым, кто собрал деньги, продав эти официальные должности тем, кто заплатил самую высокую цену. “В 1483 году, когда Сикст iv. (1471-1484) пожелал выкупить свою тиару и драгоценности, заложенные в долг в размере 100 000 дукатов, он увеличил число своих секретарей с шести до двадцати четырех и потребовал от каждого платить по 2600 флоринов за работу в офисе. В 1503 году, чтобы собрать средства для Цезаря Борджиа, Александр vi. (1492-1503) создал восемьдесят новых офисов и продал их по 760 дукатов за штуку. Юлий ii. сформировал "коллегию" из ста одного переписчика папских бумаг, в обмен на что они заплатили ему 74 000 дукатов. Лев x. (1513-1521) назначил шестьдесят камергеров и сто сорок оруженосцев с определенными привилегиями, за которые первый заплатил ему 90 000 дукатов, а второй 112 000. Оплаченные таким образом места были личной собственностью, которую можно было передать при продаже. Бурхард рассказывает нам, что в 1483 году он купил должность церемониймейстера у своего предшественника Патрицци за 450 дукатов, которые покрыли все расходы; что в 1505 году он тщетно предлагал Юлию ii. (1503-1513) 2000 дукатов за вакантную должность писца и что вскоре после этого он купил право наследования сокращенной должности до 2040 года”.¹² Когда Адриан vi. (1522-1523) честно попытался очистить эту авгиеву конюшню, он оказался перед фактом, что ему придется обратиться к плывут по течению люди, потратившие свой капитал на покупку мест, которые любая реформа должна уничтожить.

Папские поборы, необходимые для поддержки этого роскошного римского двора, особенно те, которые взимались с европейского духовенства, были настолько несносными, что часто их было трудно собрать, и использовались приспособления, которые в конце концов увеличивали бремя тех, кто должен был предоставлять деньги. Папский двор заключал сделки со светскими правителями о разделе добычи, если они разрешали ее собирать.¹³ Папы согласились с тем, что короли или принцы могут конфисковывать Десятину или аннаты на установленный срок при условии, что папские чиновники имеют право собирать их, как правило, для использования римлянами. В десятилетия, предшествовавшие Реформации, обычной практикой было взимание этих взносов с помощью агентов, часто банкиров, чьи сборы были огромными, иногда до пятидесяти процентов. Сбор таких экстраординарных источников дохода, как индульгенции, был отмечен еще худшими злоупотреблениями, такими как использование продавцов индульгенций, которые наводнили Европу и чья ложь и вымогательство были общей темой обвинений величайших проповедников и патриотов того времени.

Нереформированное папство последних десятилетий пятнадцатого и первой четверти шестнадцатого века было открытой раной Европы и объектом проклятий почти всех современных авторов. Его злоупотребления не находили защитников, и его сторонники, нападая на нападавших, довольствовались тем, что настаивали на необходимости духовного превосходства римских епископов.

“Sant Peters schifflin ist im schwangk

Ich Sorge fast den untergangk,

Die wallen schlagen allsit dran,

Es würt vil sturm und plagen han.”¹⁴

Глава II. Политическая ситуация.¹⁵

§ 1. Небольшая территория христианского мира.

В период Реформации небольшая часть мира принадлежала христианству, и только часть из них была затронута, реально или номинально, этим движением. Христиане, принадлежащие к греческой церкви, были полностью вне ее влияния.

Христианский мир сильно сократился с седьмого века. Сарацины и их преемники в мусульманском владычестве захватили многие земли, которые ранее были населены христианским населением и управлялись христианскими правителями. Палестина, Сирия, Малая Азия, Египет и Северная Африка к западу от Гибралтарского пролива когда-то были христианскими и были потеряны для христианского мира в седьмом и восьмом веках.

Мусульмане вторглись в Западную Европу, завоевали испанский полуостров, перешли Пиренеи и вторглись во Францию. Они были встречены и разбиты в трехдневной битве при Туре (732 г.) франками под командованием Карла Молота, деда Карла Великого. После того, как они были отброшены за Пиренеи, испанский полуостров стал ареной борьбы между мусульманами и христианами, которая длилась более семисот лет, и Испания не становилась полностью христианской до последнего десятилетия пятнадцатого века.

Если на Западе волна мусульманских завоеваний была рано остановлена, то на Востоке она текла неуклонно, хотя и медленно. В 1338 году Орчан, султан турок-османов, захватил Галлиполи, укрепленный город, охранявший восточный вход в Дарданеллы, и мусульмане закрепились на европейской земле. Несколько лет спустя войска его сына Мурада I. захватили часть Балканского полуострова и отрезали Константинополь от остального христианского мира. Сто лет спустя Константинополь (1453) пал, христианское население было убито или обращено в рабство, великая церковь Святой Мудрости (Святая София) была превращена в мусульманскую мечеть, и город стал метрополией широко распространяющейся империи турок-османов. Сербия, Босния, Герцоговина (герцогство, от Herzog - герцог), Греция, Пелопоннес, Румыния, Валахия и Молдавия были включены в состав Мусульманской империи. Белград и остров Родос, два оплота христианского мира, пали. Германии угрожали турецкие вторжения, и в течение многих лет в сотнях немецких приходов звонили колокола, призывая людей молиться против прихода турок. Победоносное наступление мусульман было остановлено только героической обороной Вены в 1529 году. Только Адриатическое море отделяло Италию от Османской империи, и огромная горная стена с полосой Далматинского побережья, лежащей у ее подножия, была оплотом между цивилизацией и варварством.

§ 2. Консолидация.

В Западной Европе и в пределах, прямо или косвенно затронутых Реформацией, отличительной политической характеристикой времен, непосредственно предшествовавших движению, была консолидация или сращивание. Феодализм с его свободами и беззаконием исчезал, и при монархиях, которые имели тенденцию становиться абсолютными, формировались компактные нации. Если исключить скандинавский Север, то пять наций включали в себя почти всю сферу западноевропейской жизни, и во всех них можно увидеть действие принципа консолидации. В трех странах - Англии, Франции и Испании - возникли великие объединенные королевства; и если в двух, Германии и Италии, не было объединения народов вокруг одной династии, то тот же принцип объединения проявился в образовании постоянных государств, которые имели все сходство с современными королевствами.

Для нашей цели важно взглянуть на каждый из них и показать принцип в действии.

§ 3. Англия.

К тому времени, когда герцог Ричмондский взошел на английский престол и правил "политическим управлением" как Генрих VII., началась отчетливо современная история Англии. Феодализм погиб на поле битвы при Босворте. Пришествие Черной смерти, гигантская забастовка сельскохозяйственных рабочих при Уоте Тайлоре и священнике Болле и

последующее превращение крепостных крестьян в свободных людей, работающих за плату, создали новую Англию, готовую к переменам, которые должны были преодолеть пропасть между средневековой и современной историей. Консолидации народа способствовал английский обычай, согласно которому младшие сыновья знати приравнялись к простолюдинам и что привилегии, а также поместья переходили к старшим сыновьям. Это удерживало различные классы населения от стереотипного разделения на касты, как в Германии, Франции и Испании. Это имело тенденцию к созданию постоянно растущего среднего класса, который не ограничивался городами, но пронизывал и сельские районы. Младшие сыновья дворянства происходили из этого среднего класса, и превращение крепостных в класс наемных работников позволило некоторым из них подняться в этот класс. Англия была первой страной, ставшей компактным государством.

Ранняя часть правления Генриха VII не был свободен от попыток, которые, в случае успеха, отбросили бы страну обратно в прежнее состояние дезинтеграции. Хотя король утверждал, что объединил соперничающие линии Йорка и Ланкастера, йоркисты не переставали создавать трудности внутри страны, которые охотно поощрялись из-за границы. Ирландия была оплотом йоркистов, и Маргарет, вдовствующая герцогиня Бургундская, сестра Эдуарда IV, пользовалась достаточно мощным влиянием во Фландрии, чтобы превратить эту землю в центр йоркистских интриг.

Ламберт Симнел, самозванец, который утверждал, что является либо сыном, либо племянником Эдуарда IV (его рассказы о себе разнились), появился в Ирландии, и весь остров собрался вокруг него. Он вторгся в Англию, привлек под свои знамена многих старых йоркистов, но потерпел поражение при Сток-он-Тренте в 1487 году. Это было действительно грандиозное восстание. Восстание под руководством Перкина Уорбека, молодого бургундца из Турне, хотя и поддержанное Маргаритой Бургундской и Яковом IV, шотландским, было подавлено легче. Народное восстание против сурового налогообложения было подавлено в 1497 году, и можно сказать, что домашние трудности Генриха полностью разрешились к 1500 году. Англия вступила в шестнадцатый век как компактная нация.

Внешняя политика Генриха VII. был союз с Испанией и дальновидная попытка обезопасить Шотландию мирными средствами. Это имело последствия для двух браков, которые имели далеко идущие результаты. Брак дочери Генриха Маргариты с Джеймсом IV, шотландским три поколения спустя привел к союзу двух корон, а также к союзу между Екатериной, третьей дочерью Фердинанда и Изабеллы Испанских, и сыном Генриха VII..... стал поводом, если не причиной, восстания Англии против Рима. Кэтрин вышла замуж за Артура, принца Уэльского, в 1501 году (14 ноября). Принц Артур умер 14 января 1502 года. После длительных переговоров, затянувшихся из-за нежелания папы Римского (Пия III.) предоставить разрешение, Екатерина была помолвлена с Генрихом, и брак состоялся в год восшествия принца Генриха на престол. Екатерина и Генрих были коронованы вместе в Вестминстере 28 июня 1509 года.

Англия процветала во время правления первого монарха эпохи Тюдоров. Устойчивый рост производства шерсти и экспорта шерсти сам по себе свидетельствует о том, что период внутренних войн закончился, поскольку овцы быстро вымирают, когда банды налетчиков вторгаются в страну. Рост числа капиталистов-ремесленников показывает, что деньги стали достоянием всех классов общества. Рост числа компаний купцов-авантюристов доказывает, что Англия получала свою долю в мировой торговле новой эры. Английские ученые, такие как

Гроцин и Линакр (наставник в Италии папы Льва х. и в Англии принца Уэльского), впитали Новые знания в Италии, и за ними последовал Джон Колет, который перенял дух Возрождения у итальянских гуманистов и пыл религиозного возрождения у работ Савонаролы во Флоренции. Страна почти во всем отошла от средневековья, когда Генрих VIII., надежда английских гуманистов и реформаторов, взошел на трон в 1509 году.

§ 4. Франция.

Если Англия вступила в XVI век как самое компактное королевство в Европе в том смысле, что все классы ее общества были спаяны прочнее, чем где-либо еще, то о Франции того же времени можно сказать, что нигде центральная власть суверена не была установлена более прочно. Многие способствовали такому положению вещей. Столетняя война с Англией сделала для Франции то, что войны с маврами сделали для Испании. Это создало чувство национальной принадлежности. Это также сделало необходимыми национальные армии и повышение национальных налогов. В тяжелый период анархии при Карле VI. казалось, что все местные и провинциальные учреждения Франции рушатся или демонстрируют свою неэффективность, чтобы помочь нации в ее самой острой нужде. Единственной вещью, способной выдержать бури и стрессы того времени, была королевская власть, и это несмотря на неспособность человека, который ею обладал. Правление Карла VII. дал ясно понять, что Англии не суждено оставаться во владении французской территорией; и последующие царствования видели, как центральная власть постепенно приобретала непреодолимую силу. Карл VII. своей политикой слегка уступать давлению и сидеть тихо, когда мог, — своим бездействием, возможно, виртуозным, — Людовик XI. своим беспокойным, беспринципным ремеслом Анна Божеская (его дочь), своим ясным пониманием и быстрым решением не только заложила основы, но и построила и укрепила здание абсолютной монархии во Франции. Королевская власть подчинила себе крупную знать и феодалов; она в значительной степени подчинила себе Церковь; она объединила города и сделала их опорой своей власти; и она сделала себя прямым господином крестьян.

Работа по консолидации была столь же быстрой, сколь и завершенной. В 1464 году, через три года после своего вступления на престол, Людовик XI. столкнулся с грозным объединением крупных феодалов Франции, которое называло себя Лигой общественного блага. Карл Гиенский, брат короля, граф Шароле (известный как Карл Смелый Бургундский), герцог Бретани, две великие семьи арманьяков, старшую из которых представлял граф Арманьяк, а младшую — герцог Немур, Иоанн Анжуйский, герцог Калабрийский и герцог Бурбонский, объединились с оружием в руках против короля. Тем не менее, к 1465 году Нормандия была отторгнута у герцога Гиенского; сама Гиенна перешла к королю в 1472 году; герцог Немурский был разгромлен и убит в 1476 году; граф Шароле, ставший герцогом Бургундским, был свергнут, его власть пошатнулась, а сам он был убит швейцарскими крестьянскими конфедератами, и почти все его французские владения были объединены к 1480 году; а после смерти короля Рене (1480) провинции Анжу и Прованс были присоединены к короне Франции. Крупные феодалы были настолько основательно разбиты, что их попытка восстания была предпринята в первые годы правления Карла VIII. был легко выведен из себя Анной Божеской, действовавшей от имени молодого короля.

Попытки удержать Церковь восходят ко временам Базельского собора, когда папа Евгений находился в безнадежном споре с большинством ее членов. В 1438 году делегация от Совета посетила короля и изложила ему соборные планы реформ. Карл VII созвал собрание французского духовенства на встречу в Бурже. Он присутствовал сам со своими главными вельможами; на встрече также присутствовали члены Собора и папские делегаты. Там была официально представлена и согласована знаменитая Прагматическая санкция Буржа.

Эта прагматическая Санкция воплощала в себе большинство заветных соборных планов реформы. Она утверждала церковное превосходство Соборов над папами. Он требовал созывать Собор каждые десять лет. В нем говорилось, что выбор высших духовных лиц должен быть оставлен на усмотрение Капитулов и монастырей. Это опровергало общее требование папы о сохранении бенефиций и значительно ограничивало их использование в особых случаях. Он отменял право папы действовать как обычный человек и настаивал на том, что никакие церковные дела не должны быть обжалованы в Риме без предварительного исчерпания юрисдикции судов низшей инстанции. Он отменил Аннаты, за некоторыми исключениями в пользу нынешнего папы. Он также предпринял некоторые попытки обеспечить церкви образованным служением. Все эти заявления просто выполняли предложения Базельского собора; но они оказали важное влияние на позицию французского духовенства по отношению к королю. Прагматическая санкция, хотя и была издана собранием французского духовенства, тем не менее была королевским указом и, таким образом, давала королю неограниченные права над Церковью на территории Франции. Право избирать епископов и аббатов было передано в руки капитулов и монастырей, но королю и знати было прямо разрешено выдвигать и рекомендовать кандидатов, и это легко могло быть распространено на принуждение к избранию рекомендованных. Результатом не могли не стать неограниченные права покровительства со стороны короля и знати над бенефициями во Франции, и французская церковь едва ли могла избежать того, чтобы не принять вид национальной Церкви, контролируемой королем как главой государства. Отмена Прагматической санкции всегда была приманкой, которой французский король мог размахивать перед глазами папы римского, а обещание сохранить Прагматическую санкцию всегда было взяткой, чтобы заручиться поддержкой духовенства и парламентов Франции.

В 1516 году Франциск I и Лев X договорились о Конкордате, практическим результатом которого стало то, что король получил право выдвигать кандидатуры почти на все высшие вакантные должности во Франции, в то время как папы получили аннаты. Полученные результаты не пошли на пользу Церкви. Это сделало духовенство жертвой папских притеснений и вынудило их добиваться продвижения по службе через подчинение королю и двору; но это привело к тому, что монарх перешел на сторону папства, когда пришла Реформация.

Вряд ли можно сказать, что Франция была компактной нацией. Дворянство было отделено от среднего и низшего классов тем фактом, что все младшие сыновья сохраняли статус и привилегии дворян. В древние времена они не платили никакой доли налогов, взимаемых на войну, на том основании, что оказывали личную услугу, и привилегия быть свободными от налогов сохранялась еще долгое время после того, как услуги феодального ополчения прекратились. Дворянство во Франции превратилось в касту, многочисленную, во многих случаях бедную и слишком гордую, чтобы принижать себя, занимаясь какой-либо профессией или коммерцией.

Людовик XI. сделал все возможное для поощрения торговли и внедрил во Франции производство шелкопряда. Но поскольку вся тяжесть налогообложения легла на сельские округа, средние классы нашли убежище в городах, а крестьянство, между податями, которые оно должно было платить своим лордам, и налогами для короля, находилось в угнетенном состоянии. Их жалобы были изложены в петиции, которую они направили в обманчивой надежде на улучшение положения в Генеральные штаты, собравшиеся по случаю восшествия на престол Карла VIII. “В течение последних тридцати четырех лет, - говорят они, - войска постоянно проходили через Францию и жили за счет бедняков. Когда бедняку удастся, продав пальто, которое у него на спине, и после тяжелого труда выплатить свой гонорар, и он надеется прожить год на то немного, что у него осталось, тогда в его хижину приходят свежие войска и съедают его. В Нормандии множество людей умерло от голода. Из-за нехватки скота мужчинам и женщинам приходится впрягаться в повозки; а другие, опасаясь, что, если их увидят днем, их схватят за то, что они не заплатили подати, вынуждены работать по ночам. Королю следовало бы сжалиться над своим бедным народом и освободить его от упомянутых тягот и обвинений”. Это было в 1483 году, до того, как итальянские войны еще больше увеличили бремя, которое приходилось нести беднейшему классу общества.

Новое образование начало просачиваться во Францию сравнительно рано. В 1458 году итальянец греческого происхождения был назначен преподавать греческий язык в Парижском университете. Но этот университет долгое время был центром средневековых схоластических исследований, и только после итальянских кампаний Карла VIII., который находился в Италии в разгар эпохи Возрождения, можно сказать, что Франция приветствовала гуманистическое движение. В 1507 году в Париже была основана греческая пресса, группа французских гуманистов приступила к изучению авторов классической античности, и новое обучение постепенно вытеснило старые схоластические дисциплины. Французские гуманисты, возможно, первыми занялись специальным изучением римского права и заслужили признание как выдающиеся юристы. Франциск, как и Генрих VIII. короля Англии приветствовали при его вступлении на престол как короля-гуманиста. Таково было положение Франции в начале шестнадцатого века.

§ 5. Испания.

Испания веками находилась под властью мусульман. Мусульмане захватили почти всю страну, и во всех ее наиболее плодородных провинциях христианское крестьянство жило под властью хозяев чужой веры. В начале десятого века единственными независимыми христианскими княжествами были небольшие государства, раскинувшиеся вдоль южного берега Бискайского залива и юго-западных склонов Пиренеев. Вожди готов и вандалов медленно возвращали себе северные районы, в то время как мавры удерживали более плодородные провинции юга. Политические условия страны в конце XV века неизбежно отражали это постепенное отвоевание, в результате которого возникли христианские княжества. В 1474 году, когда Изабелла (она вышла замуж в 1469 году за Фердинанда, наследника Арагона) унаследовала суверенитет Кастилии от своего брата Генриха IV., Испания была разделена на пять отдельных княжеств: Кастилия с Леоном, на долю которого приходится 62%; Арагон с Валенсией и Каталонией, на долю которых приходится 15%; Португалия, на долю которой приходится 20%;

Наварра, на долю которой приходится 1%; и Гранада, единственное оставшееся мусульманское государство, на долю которого приходится 2%. по всей поверхности страны.

Кастилия росла за счет почти непрерывного отвоения земель у мусульман, и эти дополнения были приобретены многими способами. Если бы они были совершены в ходе того, что можно назвать национальной войной, захваченные земли становились собственностью короля и могли быть им сохранены или пожалованы его лордам духовно и светски на различных условиях. В некоторых случаях эти пожалования делали их обладателей почти независимыми князьями. С другой стороны, земли могли быть отторгнуты у пришельцев частными авантюристами, и в таких случаях они оставались во владении завоевателей, которые образовывали муниципалитеты, имевшие право выбирать и менять своих сюзеренов, и действительно образовывали независимые сообщества. Затем, как это было естественно в период непрерывных войн, появились пустыри. Они стали собственностью тех, кто на них поселился. Наконец, существовали опасные пограничные земли, которые по политике короля или знатного сеньора принадлежали людям с поселенцами, которых можно было побудить заняться опасным занятием только при условии получения ими хартий (fueros), гарантировавших их практическую независимость. При таком положении вещей центральная власть не могла быть сильной. Она была еще более ослаблена тем фактом, что крупные феодалы утверждали, что имеют как гражданскую администрацию, так и военное правление на своих землях, и приняли почти царственный вид. Военно-религиозные ордена существовали в изобилии и обладали огромным богатством. Их великие магистры, в силу занимаемой должности, были независимыми военачальниками и обладали великими дарами в виде богатых орденов, которыми они могли одаривать своих последователей. Их власть затмевала власть суверена. Великие духовные лица, могущественные феодалы благодаря своим землям, претендовали на права гражданской администрации и военного правления, подобно своим коллегам-мирянам, и, будучи лично защищены неопровержимой святостью священнического звания, вели себя еще более беспокойно. Почти всеобщая анархия царила во время правления двух слабых королей, которые предшествовали Изабелле на троне Кастилии, и земли короны, являвшиеся поддержкой и особым покровительством суверена, были отчуждены в результате щедрых подарков знати. Именно с такой ситуацией столкнулась молодая королева, когда вступила в права наследства. Ситуация усугубилась восстанием Хуанны, незаконнорожденной дочери Генрихаiv. Восстание было успешно подавлено. Королева и ее супруг, которые еще не вступили на трон Арагона, попытались обеспечить безопасность страны. Предыдущая анархия привела к своим обычным результатам. Страна кишела бандами разбойников, и жизнь за стенами городов была небезопасна. Изабелла учредила или, скорее, возродила Святое братство (Hermandad), кавалерийский отряд, собранный всей страной (каждая группа из ста домов была обязана предоставить одного всадника). Это была армия конной полиции. У нее были свои судьи, которые судили преступников на месте их преступлений, и осужденные были наказаны войсками в соответствии с вынесенными приговорами. Его общепризнанными целями были пресечение всех насильственных преступлений, совершенных за пределами городов, и охота на преступников, скрывшихся от городского правосудия. Его судьи отменили судебную власть знати, которая тщетно протестовала. Братство выполняло свою работу очень эффективно, и города и простые люди сплотились вокруг монархии, которая обеспечила им безопасность жизни и имущества.

Затем монархи атаковали позицию знати, чья взаимная вражда делала их сравнительно легким противником для правителей, доказавших свою силу правления. Королевские владения, которые были отчуждены во время предыдущего правления, были возвращены суверену, и многие из наиболее злоупотребляемых привилегий знати были урезаны.

Одна за другой великие магистратуры крестоносных орденов сосредоточивались в лице короны, папа соглашался и даровал инвеституру. Церковь была лишена части своего избыточного богатства, а гражданские полномочия высших духовных лиц были упразднены или урезаны. В конце концов, можно сказать, что испанское духовенство стало почти таким же подвластным монарху, как и французское.

За умиротворением и консолидацией Кастилии последовало завоевание Гранады. Святое братство служило постоянной армией, внутренние распри между маврами помогали христианам, и после затяжной борьбы (1481-1492) город Гранада был взят, и мавританское владычество на полуострове прекратилось. Таким образом, вся Испания, за исключением Португалии и Наварры (захваченных Фердинандом в 1512 году), была объединена под властью Фердинанда и Изабеллы, католических государей, как их стали называть, и гражданское единство усилило стремление к религиозному единообразию. Евреи в Испании были многочисленны, богаты и влиятельны. Они породнились со многими знатными семьями и почти контролировали финансы страны. Было решено принудить их стать христианами, если потребуется, силой. В 1478 году была получена Булла от папы Сикста IV об учреждении инквизиции в Испании при условии, что инквизиторы должны назначаться государем. Таким образом, Святая канцелярия стала инструментом установления гражданского деспотизма, а также средством подавления ереси. Она выполняла свою работу с беспрецедентной до сих пор беспощадной строгостью. Сам Сикст и некоторые из его преемников, тронутые неоднократными жалобами, пытались обуздать ее дикую энергию; но инквизиция была слишком полезным орудием в руках деспотического монарха, и папы были вынуждены разрешить ей действовать и отклонять все апелляции в Рим на вынесенные ею приговоры. Он был применен против мавританских подданных католических королей, несмотря на условия капитуляции Гранады, которые предусматривали осуществление гражданских и религиозных свобод. Результатом стало то, что, несмотря на ожесточенные восстания, все мавры, за исключением небольших групп семей, находившихся под особой защитой короны, к 1502 году стали номинальными христианами, хотя прошло почти столетие, прежде чем инквизиция выкорчевала последние следы мусульманской веры на испанском полуострове.

Смерть Изабеллы в 1504 году примерно датирует грандиозное восстание против этого процесса репрессий и консолидации. Суровость инквизиции, настойчивость Фердинанда лично управлять землями своей покойной жены и многие местные причины привели к массовым заговорам и восстаниям против его правления. Годы между 1504 и 1522 годами были периодом революций и беззакония, которые закончились, когда Карл V, внук Фердинанда и Изабеллы, преодолел всякое сопротивление и установил царство личного деспотизма, которое долгое время отличало королевство Испания. Испанские проблемы были как-то связаны с тем, что Карлу не удалось привести в исполнение в Германии, как он хотел, запрет, наложенный в Вормсе на Мартина Лютера.

§ 6. Германия и Италия.

Германия и Италия в начале шестнадцатого века почти не продвинулись в том, чтобы стать объединенными и компактными нациями. Процесс национальной консолидации, который был характерной чертой того времени, проявился на этих землях скорее в создании компактных княжеств, чем в великом и эффективном национальном движении под властью одной суверенной державы. В истории принято говорить, что главной причиной этого было присутствие в этих двух землях папы и императора, двух сил, воплощавших более ранний средневековый идеал двойного правления, одновременно гражданского и церковного. Макиавелли выразил общую идею в своей ясной и энергичной манере. Он говорит, что итальянцы обязаны Риму тем, что они разделены на фракции, а не объединены, как Испания и Франция. Папа, объясняет он, который претендовал как на светскую, так и на духовную юрисдикцию, хотя и не был достаточно силен, чтобы единолично править всей Италией, был достаточно могуществен, чтобы помешать любой другой итальянской династии занять его место. Всякий раз, когда он видел, что какая-либо итальянская держава становится достаточно сильной, чтобы у нее появилось будущее, он обращался за помощью к какому-нибудь иностранному властелину, тем самым делая Италию жертвой постоянных вторжений. Теневого господства папы римского было достаточно, по мнению Макиавелли, чтобы предотвратить какое-либо реальное господство местной династии на итальянском полуострове. В Германии наблюдалось аналогичное бессилие. Германский король был императором, средневековым главой Священной Римской империи, “королем римлян”. Некоторое представление о том, что лежало в основе этой мысли и ее выражения, можно получить, прочитав на портрете Максимилиана Альберта Дюрера “Император цезарь Дивус Максимилианус Пий Феликс Август”, как если бы он был Траяном или Константином. Эта фраза переносит нас во времена, когда тевтонские племена обрушились на римские владения в Западной Европе и завладели ими. Они были варварами, испытывавшими неизменное почтение к более широкой цивилизации великой империи, которую они завоевали. Они забрались в скорлупу великой империи и попытались ассимилировать ее юриспруденцию и религию. Таким образом, в раннем Средневековье, как говорит м-р Фримен, “Двумя великими державами в Западной Европе были Церковь и Империя, и центром каждой из них, по крайней мере в воображении, был Рим. И то, и другое продолжалось в поселениях германских народов, и оба они в некотором роде черпали новые силы из перемен. Люди больше, чем когда-либо, верили, что Рим был законным и естественным центром мира. Ибо считалось, что по божественному праву существуют два Наместника Бога на земле: римский император, Его наместник в мирских делах, и римский епископ, Его наместник в духовных. Эта вера не мешала существованию ни отдельных государств, ни княжеств, ни национальных Церквей. Но считалось, что римский император, который был Владыкой Мира, по праву был главой всех светских государств, а римский епископ, Папа Римский, был главой всех Церквей”. Эта идея была плодом благочестивого воображения и никогда не была реально и полностью выражена на деле. Ни одна восточная нация или Церковь никогда не соглашались с ней; и светская власть императоров никогда полностью не признавалась даже на Западе. И все же он правил в умах людей со всей силой идеала. По мере того, как постепенно возникали современные нации Европы, реальное главенство императора становилось все более и более призрачным. Но оба главенства могли мешать национальной консолидации стран, Германии и Италии, в которых проживали владельцы. Все это, как уже было сказано, общеизвестно в истории, и, как и все общеизвестные места, в нем содержится большая доля правды. И все же можно усомниться в

том, что средневековая идея была исключительно ответственна за распад Германии или Италии в шестнадцатом веке. Тщательное изучение условий жизни в обеих странах позволяет нам увидеть, что помимо средневековой идеи действовали многие причины — условия географические, социальные и исторические. Каковы бы ни были причины, распад этих двух земель резко контрастировал с консолидацией трех других наций.

§ 7. Италия.

В конце пятнадцатого века Италия включала в себя очень большое количество мелких княжеств и пять государств, которые можно было бы назвать великими державами Италии — Венецию, Милан и Флоренцию на севере, Неаполь на юге и Государства Церкви в центре. Мир поддерживался хрупким и в высшей степени искусственным балансом сил. Венеция была торговой республикой, управляемой олигархией знати. Город в лагунах был основан дрожащими от страха беглецами, спасавшимися от гуннов Аттилы, и ему было более тысячи лет. У него были обширные территории на материковой части Италии и колонии, простиравшиеся вдоль восточного побережья Адриатики и среди греческих островов. У него был самый большой доход из всех итальянских государств, но его расходы были также самыми тяжелыми. Следующим по богатству стал Милан с годовым доходом более 700 000 дукатов. В конце столетия он находился во владении семьи Сфорца, основатель которой родился пахарем и вырос до грозного командира солдат-наемников. На него претендовал Максимилиан как на феодальное владение империи, а короли Франции — как на наследие герцогов Орлеанских. Спорное наследие стало одной из причин вторжения Карла в Италию^{viii}. Флоренция, самый культурный город Италии, была, как и Венеция, торговой республикой; но это была демократическая республика, в которой одна семья, Медичи, узурпировала почти деспотическую власть, сохранив при этом все внешние признаки республиканского правления.

Неаполь был той частью Италии, где дольше всего сохранялась феодальная система средневековья. Старое королевство Двух Сицилий (Неаполь и Сицилия) с 1458 года было разделено, и Сицилия была политически отделена от материка. Остров принадлежал королю Арагона, в то время как правителем материка был незаконнорожденный сын Альфонсо Арагонского, Фердинанд, или Ферранте, который оказался деспотичным и властным правителем. Он сокрушил своих полунезависимых феодальных баронов, подчинил города своему деспотическому правлению и смог передать компактное королевство своему сыну Альфонсо в 1494 году.

Однако особенностью политического состояния Италии, которая лучше всего иллюстрировала общую тенденцию эпохи к объединению, был рост церковных состояний. Владения, находившиеся непосредственно под светской властью папы, были наиболее дезорганизованными во всей Италии. Вассальные бароны были бурно независимы, а папы имели мало власти даже в самом Риме. Беспомощность пап контролировать своих вассалов, возможно, достигла своей низшей стадии во времена Иннокентия^{viii}. Его преемники Александр ^{vi}. (Родриго Борджиа, 1492-1503), Юлий ⁱⁱ. (Кардинал делла Ровере, 1503-1513) и Лев ^x. (Джованни де Медичи, 1513-1521) стремились создать сильное центральное владычество — Государства Церкви, и частично преуспели в этом. Смутные времена французских вторжений и непрерывная война между наиболее могущественными государствами Италии предоставили им такую возможность. Они проводили свою политику с искусством, которое отбрасывало все

моральные обязательства, и с безжалостностью, которая не останавливалась ни перед каким кровопролитием. В их руках папство казалось всего лишь светской властью, и современные политики относились к нему как к таковой. Это было одно из политических государств Италии, и папы отличались от своих современных итальянских правителей только тем фактом, что их духовное положение позволяло им оказывать европейское влияние, к которому другие не могли стремиться, и что их священный характер ставил их выше обязательств обычной морали в вопросе выполнения торжественных обещаний и соблюдения договорных обязательств, скрепленных самыми священными клятвами. В каком-то смысле их цель была патриотической. Это были итальянские князья, целью которых было создание сильной итальянской центральной власти, способной сохранить независимость Италии от чужеземцев; и в этом они частично преуспели, какого бы суждения ни требовалось вынести о средствах, принятых для достижения их цели. Но действия итальянского принца поставили духовного главу Церкви вне всех тех влияний, интеллектуальных, художественных и религиозных (возрождение при Савонароле во Флоренции), которые работали в Италии на возрождение европейского общества. Папы эпохи Возрождения подавали пример, которому слишком верно следовали почти все правители того времени, веры в то, что политические мотивы намного перевешивают все моральные и религиозные мотивы.

§ 8. Германия.

Германия, или Империя, как ее называли, во времена Реформации включала в себя Нидерланды на северо-западе и большую часть нынешних австро-венгерских земель на востоке. Он был в странном состоянии. С одной стороны, во всех немецкоговорящих частях возникло сильное народное чувство единства, а с другой - страна была разрезана на части и дольки и разделена более безнадежно, чем сама Италия.

Номинально Империей правил один верховный лорд, подчинявшийся великому феодальному собранию - сейму.

Империя была выборной, хотя на протяжении поколений избираемыми правителями всегда были главы Дома Габсбургов, а с 1356 года выборы находились в руках семи принцев-выборщиков — трех на Эльбе и четырех на Рейне. На Эльбе были король Богемии, курфюрст Саксонии и курфюрст Бранденбурга; на Рейне - пфальцграф Рейнский и архиепископы Майнца, Трира и Кельна.

Эта Империя, номинально единая и полная сильнейших чувств единства, была безнадежно расколота, и — в этом заключалась особенность ситуации — все элементы, выступавшие за мирное правление, которые в таких странах, как Франция или Англия, поддерживали центральную власть, были на стороне разобщенности.

Взгляд на карту Германии времен Реформации показывает поразительное множество отдельных княжеств, церковных и светских, тем более сбивающих с толку, что большинство из них, казалось, состояло из участков, расположенных отдельно друг от друга. Почти каждому правящему князю приходилось пересекать земли какого-нибудь соседа, чтобы посетить отдаленные части своих владений. Следует также помнить, что подразделения, которые могут

быть представлены на карте, но слабо выражают реальное положение вещей. Территории имперских городов — земли за пределами стен, которыми правили отцы—граждане, - были по большей части слишком малы, чтобы их можно было отобразить на какой-либо карте, и по той же причине крошечные княжества орд свободной знати также невидимы. Итак, мы должны представить себе все эти маленькие средневековые республики и те бесконечно малые королевства, расположившиеся лагерем на территориях великих князей и отнявшие у них даже то небольшое единство, которое показано на карте.

Крупные феодальные государства, курфюршества и герцогства Саксония, Бранденбург, Бавария, Пфальц, Гессен и многие другие, имели собрания своих Поместий - Советы подвластных дворян и юристов, — свои собственные Высшие суды, в которые нельзя было подать апелляцию, свою собственную налоговую систему, свои собственные финансы и чеканку монет, и в значительной степени контролировали свое духовенство и свои отношения с властями за пределами Германии. Их князья, которым мешали великие церковники, которым постоянно мешали городские республики, которым бросала вызов свободная знать, тем не менее были настоящими королями и извлекали выгоду из централизующих тенденций того времени. Они единственные в Германии представляли стабильное центральное правительство и привлекали к себе более мелкие подразделения, расположенные за пределами и вокруг них.

Тем не менее, несмотря на все эти разногласия, уходящие корнями глубоко в прошлое, все классы общества, от князей до крестьян, были проникнуты чувством единой Германии, и не было недостатка в схемах для претворения этого чувства в жизнь. Самые ранние практические попытки начались с объединения немецких церковников в Констанце и плана создания Национальной церкви Германии; и мечта о церковном единстве привела к стремлению к политическому единству.

Практическими средствами, предложенными для создания немецкого национального единства на землях, простиравшихся от Дуврского пролива до Вислы и от Балтики до Адриатики, были провозглашение всеобщего мира на Земле, запрещающего всякую междоусобную войну между немцами; учреждение Верховного суда для разрешения споров внутри Империи; общая чеканка монет и общий таможенный союз. Чтобы еще крепче связать всех вместе, требовался Общий Совет или руководящий орган, который при императоре должен был определять Внутреннюю и внешнюю политику Империи. Единственными авторитетами, которые могли создать правительственное единство такого рода, были император, с одной стороны, и великие князья - с другой, и эти двое должны были быть едины во взаимном доверии и намерениях. Но этого так и не произошло, и на протяжении всего правления Максимилиана и в первые годы правления Карла мы встречаем две разные концепции того, каким должно быть центральное правительство — одну олигархическую, а другую автократическую. Князья были полны решимости сохранить свою независимость, и их планы по объединению всегда подразумевали правящую олигархию с серьезными ограничениями, наложенными на власть императора; в то время как императоры, которые никогда не подчинились бы олигархии немецких князей и которые обнаружили, что не могут осуществить свои планы по установлению автократического единства, были, по крайней мере, способны разрушить любое другое.

Германских князей обвиняли в том, что они предпочитали безопасность и расширение своих династических владений единству империи, но можно ответить, что при этом они лишь следовали примеру, поданному им их императорами. Фридрих III., Максимилиан и Карл V.

неизменно пренебрегали имперскими интересами, когда они вступали в противоречие с благополучием семейных владений Дома Габсбургов. Когда Максимилиан унаследовал имперские бургундские земли, феодальное владение империи, от брака с Марией, наследницей Карла Смелого, он относился к наследству как к части фамильных поместий своего Дома. Тироль был поглощен Домом Габсбургов, когда Швабская лига предотвратила захват его Баварией (1487). Та же участь постигла Австрийское герцогство, когда была восстановлена Вена, а также Венгрию и Богемию; и когда Карл V получил Вюртемберг из-за объявленного вне закона герцога Ульриха, он тоже был отделен от Империи и поглощен семейными владениями Габсбургов. Короче говоря, три сменявших друг друга императора упорно проводили политику разорения Империи с целью увеличения семейных владений Дома, к которому они принадлежали.

Последняя попытка придать конституционное единство Германской империи была предпринята на сейме в Вормсе (1521) - сейме, перед которым выступал Лютер. Там император Карл V. согласился принять Рейхсрегмент, который по всем существенным пунктам, хотя и отличался некоторыми деталями, был таким же, как его дед Максимилиан, предложенный сейму 1495 года. Центральный совет состоял из президента и четырех членов, назначаемых императором, шести выборщиков (за исключением короля Богемии), которые могли заседать лично или через депутатов, и двенадцати членов, назначаемых остальными сословиями. Города не были представлены. Этот рейхсрегионт должен был управлять всеми землями Германии, включая Австрию и Нидерланды, но исключая Богемию. Швейцария, до сих пор номинально входившая в состав империи, формально вышла из состава Германии и перестала быть ее частью. Центральное правительство нуждалось в средствах для продолжения своей работы, и особенно для обеспечения армии для исполнения своих решений; и на его предыдущих заседаниях обсуждались различные схемы сбора необходимых денег. В конце концов было решено собрать необходимые средства путем введения налога в размере четырех процентов на весь импорт и экспорт и создания таможен на всех границах. Практическим результатом этого было возложение всего бремени налогообложения на торговые классы, или, другими словами, заставить города, которые не были представлены в Рейхсрегменте, платить за все центральное правительство. Этот рейхсрегионт должен был быть просто консультативным советом, без какого-либо решающего контроля, пока император находился в Германии. Когда он отсутствовал в стране, у нее была независимая государственная власть. Но все важные решения должны были утверждаться отсутствующим императором, который, со своей стороны, пообещал не создавать никаких иностранных лиг с участием Германии без согласия Совета.

Как только Рейхсрегистратура установила свою схему налогообложения, города, на которые предлагалось возложить все бремя предоставления требуемых средств, вполне естественно, возразили. Они встретились с представителями в Шпейере (1523) и послали делегатов в Испанию, в Вальядолид, где случайно оказался Чарльз, чтобы выразить протест против системы налогообложения. Их поддерживали крупные немецкие капиталисты. Император принял их милостиво и пообещал взять управление государством в свои руки. Таким образом, последняя попытка придать Германии государственное единство была разрушена совместными действиями императора и городов. Несомненно, Реформация при Лютере серьезно способствовала распаду Германии, но следует помнить, что движение не может стать национальным там, где нет нации, и что немецкая национальность была безнадежно

уничтожена как раз в то время, когда это было наиболее необходимо для объединения и умерения великих религиозных импульсов, которые пульсировали в сердцах ее граждан.

Максимилиан был избран римским королем в 1486 году и унаследовал империю после смерти своего отца, Фридриха III., в 1493 году. Он был очень обаятельной личностью — человеком, полным энтузиазма, никогда не испытывающим недостатка в идеях, но на редкость лишенным терпеливой практической способности претворять их в жизнь. Его можно почти назвать прообразом той Германии, над которой он был призван править. Ни один человек не был более полон стремления к немецкому единству как идеалу; ни один человек не сделал больше для увековечения вполне реальных разделений земли.

Он был покровителем немецкой учености и немецкого искусства и заслужил похвалы немецких гуманистов: ни один правитель не был более прославлен в современных песнях. Он защищал и поддерживал немецкие города, поощрял их промышленность и развивал их культуру. Почти во всем идеальном он выступал за немецкую национальность и единство. Он поставил себя во главе всех тех интеллектуальных и художественных сил, которые распространяли мысль о единой Германии для немцев. С другой стороны, его единственной настойчивой практической политикой, в которой он добился почти неизменного успеха, было объединение и консолидация семейных владений Дома Габсбургов. В этой политике он был лидером тех, кто разделил Германию на совокупность отдельных и независимых княжеств. Великогерманские князья последовали его примеру и сделали все возможное, чтобы превратиться в цивилизованных правителей современных государств.

Максимилиан умер несколько неожиданно 12 января 1519 года, и пять месяцев прошли в интригах сторонников Франциска Французского и юного Карла, короля Испании, внука Максимилиана. Французская партия считала, что они заручились подкупом большинства выборщиков; и когда об этом зашептались, вскоре начали проявляться народные чувства в пользу Карла из-за его немецкой крови. Естественно, сильнее всего она была в Рейнских провинциях. Папские делегаты не смогли уговорить рейнских шкиперов нанять им лодки для путешествия, поскольку считалось, что папа благоволит французскому королю. Города Империи обвинили Франциска в разжигании междоусобной войны в Германии и продемонстрировали свою ненависть к его кандидатуре. Даже ландскнехты настаивали на внуке своего “Отца” Максимилиана. Взоры всей Германии с тревогой были обращены к почтенному городу Франкфурту-на-Майне, где, согласно древнему обычаю, собирались выборщики для избрания правителя Священной Римской империи. 28 июня (1519 г.) городской набатный колокол подал сигнал, и выборщики собрались в своих алых парадных одеждах в полутемной маленькой часовне Святого Варфоломея, где всегда проводился конклав. Проявление народных чувств сделало свое дело. Карл был избран единогласно, и вся Германия возрадовалась: добропорядочные бюргеры Франкфурта заявили, что, если бы избиратели выбрали Франциска, они бы “играли со смертью”.

Это была волна национального возбуждения, желание иметь немецкого правителя, которое привело к единогласному избранию; и никогда еще народ не заблуждался так сильно и, в конце концов, не был разочарован. Карл был наследником Дома Габсбургов, внуком Максимилиана, в его жилах текла немецкая кровь. Но он не был немцем. Максимилиан был последним из настоящих немецких Габсбургов. История едва ли знает другой случай, когда кровь матери настолько полностью изменила характер расы. Чарльз был сыном своей матери, и с годами ее

испанские черты проявились в нем с большей силой. Отрекшись от престола, он удалился, чтобы закончить свои дни в испанском монастыре. В Вормсе Лютеру противостоял испанец, а не немец.

Глава III. Эпоха Возрождения.16

§ 1. Переход от средневекового мира к современному.

Движение, называемое Ренессансом, в самом широком смысле можно описать как переход от средневековья к современному миру. Все наши нынешние представления о жизни и мышлении уходят своими корнями в этот период.

Он стал свидетелем зарождения современной науки и применения истинно научных методов к исследованию природы. Он стал свидетелем астрономических открытий Коперника и Галилея, основания анатомии под руководством Вессалия и открытия циркуляции крови Харвеем.

Это была эпоха географических исследований. Открытия телескопа, компаса моряка и пороха дали людям власть над ранее неизвестными силами природы и приумножили их силы, отвагу и способность к приключениям. Когда эти географические открытия сделали возможной мировую торговлю, начался переход от средневековых методов торговли к современным, который продолжался с конца четырнадцатого до начала семнадцатого века, когда основательно установились современные коммерческие условия. Переходный период ознаменовался расширением сферы торговли, которая больше не ограничивалась Средиземным, Черным и Северным морями, Балтийским и восточным побережьями Африки. Жесткие группы ремесленников и торговцев — цеховая система средневековья — начали распадаться, оставляя более свободное пространство для индивидуальных и новых корпоративных усилий. Цены постепенно освобождались от официального регулирования и становились предметом естественных переговоров. Компании-авантюристы начали участвовать в мировой торговле, и было положено начало комиссионным операциям. Все эти изменения относятся к переходному периоду между средневековым и современным миром.

В искусстве управления людьми эпоха Возрождения была эпохой политической концентрации. В двух королевствах — Германии и Италии — средневековые представления об императоре и папе, всемирном короле и мировом священнике были еще достаточно сильны, чтобы препятствовать объединению национальных сил под одним политическим руководством; но и там принцип объединения можно обнаружить в частичном действии — в Германии в образовании великих независимых княжеств, а в Италии в росте Церковных государств, — и его частичная неудача подвергла обе нации иностранному гнету. Повсюду предпринимались попытки утвердить притязания светских властей на освобождение от клерикальной опеки и церковной узурпации. В то время как в основе всего этого лежало начало утверждения высшего

права личности на восстание против любого обычая, закона или теории, которые могли бы подчинить человека касте или классу. Швейцарские крестьяне начали это делать, когда они мастерили пики, привязывая свои косы к альпенштокам, и, стоя плечом к плечу при Моргартене и Земпахе, отбивали самые яростные атаки средневекового рыцарства. Они доказали, что крестьянин как мужчина для мужчины ничем не хуже дворянина, и индивидуальная мужественность, утвержденная таким грубым и телесным способом, вскоре начала проявляться ментально и морально.

В юриспруденции эпоху Возрождения можно описать как внедрение исторических и научных методов, отказ от юридических фикций, основанных на сборниках фальшивых декреталий, восстановление истинного текста римского кодекса и замену канонического права гражданским в качестве основы законодательства и управления. Произошел полный разрыв с прошлым. Замена канонического права, основанного на Декрете Грациана, гражданским правом, основанным на сводах законов Юстиниана, повлекла за собой такое нарушение преемственности, что это было самое важное из всех изменений того переходного периода. Ибо закон проникает во все человеческие отношения, и полное изменение правовых принципов должно повлечь за собой революцию, которая тем не менее реальна, что действует почти бесшумно. Кодексы Юстиниана и Феодосия полностью перевернули учения канонистов, и гражданские юристы научились смотреть на Церковь всего лишь как на подразделение государства.

В литературе произошло открытие классических рукописей, введение изучения греческого языка, осознание красоты языка в выборе и расстановке слов под руководством классических моделей. Были также открыты литературные возможности современных языков — итальянского, английского, французского и немецкого, — и с этим открытием возникли национальные литературы Европы.

В искусстве полная революция была произведена в архитектуре, живописи и скульптуре благодаря восстановлению древних моделей и изучению принципов их конструирования.

Производство бумаги, открытие искусства печати и гравировки приумножили обладание сокровищами интеллекта и художественного гения и в сочетании сделали искусство и литературу демократичными. То, что когда-то было достоянием немногих избранных, стало общим достоянием. Новые мысли могли воздействовать на людей массами и начали двигать толпу. Старые средневековые барьеры были разрушены, и люди увидели, что в религии было больше, чем учила средневековая церковь, в социальной жизни было больше, чем проявил феодализм, и что их отцы не знали множества этих знаний.

Если Возрождение — это переход от средневековья к современному миру, - а вряд ли возможно рассматривать его иначе, — тогда это одно из тех великих движений человеческого разума, которые почти не поддаются точному описанию, и в нем есть неуловимость, которая сбивает нас с толку, когда мы пытаемся дать определение. “Это была эмансипация разума, - говорит Саймондс, - в расе людей, нетерпимых к контролю, готовых критиковать каноны поведения, увлеченных древней свободой, недавно пробудившихся к чувству прекрасного и превыше всего стремящихся обеспечить себе свободу действий в сферах, находящихся за пределами сферы власти. Мужчины, такие энергичные и независимые, испытывали радость от исследования. Не было проблемы, с которой они боялись столкнуться, не было формулы, которую они не стремились бы переделать в соответствии со своими новыми концепциями”.¹⁷ Это был расцвет

и плодотворность европейской интеллектуальной жизни; но, возможно, следует добавить, что она содержала новую концепцию вселенной, в которой религия заключалась не столько в чувстве зависимости от Бога, сколько в вере в возможности, заложенные в человечестве.

§ 2. Возрождение литературы и искусства.

Но Ренессанс, как правило, имеет более ограниченное значение, и оно определяется самой мощной из новых сил, которые работали над всеобщим интеллектуальным возрождением. Это означает возрождение образования и искусства, вытекающее из открытия и изучения литературных и художественных шедевров древности. Возможно, именно в этом более ограниченном смысле движение более непосредственно подготовило путь для Реформации и того, что за ней последовало, и заслуживает более детального изучения. Это было открытие утраченных средств культуры и последующее пробуждение и распространение литературного, художественного и критического духа.

Знание древней латинской литературы не было полностью утрачено в раннее средневековье. В бенедиктинских монастырях сохранились классические рукописи, особенно в монастыре Монте-Кассино на юге и в монастыре Фульда на севере Европы. Эти монастыри и их сестринские учреждения были учебными заведениями, а также библиотеками, и мы читали о многих из них, где изучение некоторых классических авторов было частью регулярного обучения. Вергилий, Гораций, Теренций и Марциал, Ливий, Светоний и Саллюстий были известны и изучались. Греческая литература не сохранилась в таком же объеме, но она никогда полностью не исчезала из Южной Европы, и особенно из Южной Италии. Со времен Римской республики в той части итальянского полуострова, которая когда-то называлась Великой Грецией, греческий был языком многих простых людей, как и по сей день в районах Калабрии и Сицилии; и преподаватели и студенты средневекового университета Салерно никогда не теряли вкуса к его изучению.¹⁸ Но при всем этом четырнадцатый век, и особенно эпоха Петрарки, ознаменовался зарождением нового рвения к литературе прошлого и действительно стал началом новой эры.

Италия была первой страной, освободившейся от условий средневековой жизни и готовой вступить в новую жизнь, которая ожидала Европу. Существовали итальянский язык, чувство особой национальности, значительный прогресс цивилизации, накопление богатства и, в эпоху деспотов, сравнительная свобода от постоянных изменений политических условий.

Великая поэма Данте, в которой переплетаются образы и мистицизм Джаккино ди Фьоре, глубочайшее духовное и нравственное учение средневековой церкви, и проницательность и суждение о людях и вещах великого поэта, стала первым признаком того, что Италия пробудилась ото сна Средневековья. Следующим был Петрарка, страстный исследователь жизни, мыслей и эмоций великих мастеров классической латинской литературы. Для него они были настоящими мужчинами, его собственные итальянские предки, и они, как и он, чувствовали потребность в эллинской культуре, чтобы утешить свои души и послужить всеобщему образованию человечества. Боккаччо, третий лидер "пробуждения", проповедовал радость жизни, универсальную способность к удовольствиям и чувственную красоту мира. Он

тоже, как и Петрарка, ощущал потребность в эллинской культуре. У обоих было пробуждение к красоте литературной формы и убежденность в том, что изучение древних классиков позволит им достичь этого. Оба ценили видение новой концепции жизни, почерпнутой из прочтения классики, более свободной, более расширенной и радостной, более рациональной, чем то, что было в Средние века. Петрарка и Боккаччо тосковали по раскрытой таким образом жизни, которая давала неограниченный простор игре эмоций, чувству прекрасного и разнообразной деятельности человеческого интеллекта.

Ученые греки были вынуждены поселиться в Италии — люди, способные интерпретировать древнегреческих поэтов и прозаиков — Мануил Хрисолорас (во Флоренции, 1397-1400), Георгий Трапезундский, Теодор Газа (греческую грамматику которого Эразм преподавал, находясь в Англии), Гемистос Плетон, выдающийся платонист, при котором христианский платонизм получил свой импульс, и Джон Аргиропулос, который был учителем Рейхлина. Люди раннего Возрождения были их учениками.

§ 3. Его более раннее отношение к христианству.

На ранних стадиях этого интеллектуального возрождения не было ничего враждебного христианству или средневековой церкви, и очень мало было от неоязычества, которое оно развило впоследствии. Многие инстинкты средневекового благочестия сохранились, изменились только объекты. Петрарка почитал РУКОПИСЬ Гомера, которую он не мог прочесть, как его предок мог бы почитать наплечник святого.¹⁹ Люди раннего Возрождения собирали коллекции рукописей и надписей, камеи и монет и поклонялись им, как реликвиям. Библиотека Медичи была образована около 1450 года, Библиотека Ватикана - в 1453 году, и началась эпоха страстного коллекционирования.

Эпоха учености пришла на смену, и итальянские студенты начали интерпретировать древних классических авторов с присущим им мистицизмом. Они искали средство примирить христианскую мысль с древней языческой философией и, подобно Клименту Александрийскому и Оригену, обнаружили его в платонизме. Были основаны платоновские академии, и кардиналы Виссарион, Марсильо Фичино и Пико делла Мирандола стали христианскими платонистами Италии. Конечно, в своем энтузиазме они зашли слишком далеко. Они присвоили всю интеллектуальную жизнь языческой эпохи и переняли ее этические, а также интеллектуальные представления, ее основу чувственных удовольствий и ее радость от чувственной жизни. Тем не менее, их главной мыслью было показать, что эллинизм, как и иудаизм, был путем к христианству, и что Сивилла, как и Давид, была свидетельницей Христа.

Папство оказало покровительство возрождению литературы и искусства и поставило себя во главе интеллектуального движения. Папа Николай v. (1447-1455) был первым епископом Рима, который способствовал Возрождению, и его самого можно считать олицетворением искренности, простоты и высоких интеллектуальных и художественных целей его раннего периода. Происходивший из малоизвестной семьи, принадлежащей к Саранце, маленькому городку недалеко от Специи, и обеспеченный собственными средствами еще до того, как он практически вышел из юношеского возраста, он поднялся благодаря своим талантам и своему характеру до самого высокого положения в Церкви. Он был частным репетитором, секретарем, библиотекарем и, несмотря ни на что, настоящим любителем книг. Они были единственной

личной роскошью, которой он позволял себе, и, возможно, никто в его дни не знал о них больше. Он был доверенным советником Лоренцо Медичи, когда тот основал свою великую библиотеку в Сан-Марко. Он сам основал Библиотеку Ватикана. У него были агенты, которые обыскивали монастыри Европы, и он собрал литературные реликвии, избежавшие уничтожения при разграблении Константинополя. Перед его смертью в его библиотеке в Ватикане хранилось более 5000 рукописей. Он собрал вокруг себя группу прославленных художников и ученых. Он наполнил Рим искусными ремесленниками, декораторами, ювелирами, мастерами по росписи стекла и вышивке. Знаменитый Лео Альберти был одним из его архитекторов, а Фра Анджелико - одним из его художников. Среди его учеников были Лаврентий Валла и Поджо Браччолини, кардиналы Виссарион и Георгий Трапезундский. Он руководил и вдохновлял их работу. Критические нападки Валлы на Пожертвование Константина и на традицию о том, что Двенадцать продиктовали Апостольский символ веры, не поколебали его доверия к ученому. Основные греческие авторы были переведены на латынь по его приказу. Европа видела, как богословие, наука и искусство оказывали друг другу взаимную поддержку под руководством главы Церкви. Возможно, Юлий II. (1503-1513) понимал более определенно, чем даже Николай, что единственной обязанностью главы Церкви было взять на себя руководство интеллектуальным и художественным движением, которое расширяло мысль Европы, — только его неугомонная энергия никогда не позволяла ему уделять время реализации своей концепции. “Наставление, которое папа Юлий II. дал Микеланджело изобразить его в образе Моисея, может быть истолковано только одним образом: Юлий поставил перед собой миссию вывести Израиль (Церковь) из состояния деградации и показать ему — хотя он и не мог предоставить владение — Землю Обетованную, по крайней мере издали, ту благословенную землю, которая заключается в наслаждении высшими интеллектуальными благами, а также в тренировке и посвящении всех способностей человеческого разума единению с Богом”.²⁰

Возрождение классики в Италии вскоре исчерпало себя. Его чувственное восприятие выродилось в чувственность, его инстинкт красоты выражения превратился в элегантную безделицу, а его энтузиазм по отношению к античности - в неоязычество. Оно почти с самого начала потерпело неудачу в реальной моральной серьезности; едва ли видело и еще менее понимало, как излечить глубоко укоренившееся моральное зло эпохи.

Италия дала начало эпохе Возрождения, но вскоре она распространилась на более северные земли. Возможно, первой этот импульс почувствовала Франция, затем Германия и в последнюю очередь Англия. В борьбе с Реформацией движение в Германии является наиболее важным.

Немцы на протяжении всего средневековья поддерживали постоянные и тесные отношения с южным полуостровом, и в пятнадцатом веке они были сильнее, чем когда-либо. Немецкие купцы имели свои фабрики в Венеции и Генуе; молодые немецкие дворяне, которым предстояла юридическая или дипломатическая карьера, изучали право в итальянских университетах; студенты-медики завершали свое обучение в знаменитых южных школах; а немецкие странствующие студенты часто пересекали Альпы, чтобы получить дополнительные знания. Между Германией и Италией существовали такие постоянные научные связи, что Новые Знания не могли не распространиться среди людей севера.

§ 4. Братья Общей судьбы.

Германия и Нидерланды были необычайно подготовлены к тому возрождению литературы, искусства и науки, которое пришло в Италию. Одним из величайших даров, дарованных мистиками четырнадцатого и пятнадцатого веков своей родной земле, была превосходная система школьного образования. Джерард Гроот, ученик фламандского мистика Яна ван Райсбрука, после долгих консультаций со своим Учителем основал братство под названием "Братья общей жизни",²¹ целью которого было улучшение религиозного состояния своих собратьев путем распространения хороших книг и тщательного обучения молодежи. Они должны были обеспечивать себя копированием и продажей рукописей. Во всех домах Братьев была большая комната, где за столами сидело несколько переписчиков, чтец медленно повторял слова рукописи, и книги множились так быстро, как это было возможно до изобретения книгопечатания. Они наполнили свои библиотеки лучшими книгами христианской и языческой древности. Они размножали небольшие трактаты, содержащие мистическое и практическое богословие Друзей Божьих, и распространяли их среди людей. Один из близких последователей Гроота, Флоренций Радевинсон, оказался выдающимся педагогом, и школы Ордена вскоре прославились. Братья, по словам их основателя, использовали образование с целью "возведения духовных столпов в Храме Господнем". Они настаивали на изучении Вульгаты в своих классах; они давали в руки своим ученикам немецкие переводы христианских авторов; они старались привить им хорошее знание латыни и читали вместе с ними отрывки из наиболее известных древних авторов; они даже немного учили греческий; и их ученики научились петь более простые, более евангельские латинские гимны.

Материнская школа находилась в Девентере, городке, расположенном в юго-западном углу огромной епископальной территории Утрехт, ныне голландской провинции Обер-Йессель. Он расположен на берегу того рукава Рейна (Йесселя), который течет на север, огибает Зютфен, Девентер, Зволле и теряется в Зюйдер-Зее у Кампена. Большое число наиболее выдающихся лидеров пятнадцатого века были обязаны своим ранним обучением этой великой школе в Девентере. В последние десятилетия пятнадцатого века директором школы был Александр Хегиус (1433-1498), который приехал в Девентер в 1471 году и оставался там до своей смерти.²² Школа достигла пика славы при этом известном мастере, который собрал вокруг себя 2000 учеников, — среди них Эразм, Конрад Мутти (Мутианус Руфус), Герман фон Буш, Иоганн Мурмеллиус, — и, отказавшись от старых методов преподавания грамматики, научил их тонкостям латинского языка, направив их непосредственно к изучению великих писателей классической древности. Он был таким неутомимым учеником, что, как говорят, бодрствовал во время ночных дежурств, держа в руках свечу, которая его зажигала, чтобы проснуться от ее падения, если им овладеет дремота. Слава Девентера погибла вместе с этим великим учителем, который до последнего поддерживал древние традиции школы своей максимой, что обучение без благочестия - скорее проклятие, чем благословение.

Другими известными школами Братьев во второй половине XV века были Шлеттштадт,²³ года в Эльзасе, в нескольких милях от западного берега Рейна и примерно на полпути между Страсбургом и Базелем; Мюнстер на Эмсе, монастырь раннего средневековья; Эммерих, город на Рейне недалеко от границ Голландии, и Альтмарк на северо-западе. Шлеттштадт под руководством своего хозяина Людвиг Дрингенберга почти соперничал со славой Девентера, и многие члены хорошо известного страсбургского кружка, собиравшегося вокруг Якоба Вимфелинга, Себастьяна Бранда и немецкого Савонаролы Джона Гейлера фон Кейзерсберга,

были учениками этой школы. Помимо этих более известных заведений, школы Братьев распространились по всей Германии. Учителей обычно называли Переключниками, и под этим названием у них была школа в Магдебурге, в которую, вероятно, отправили Лютера, когда он провел год в этом городе. Их работа была настолько обширной, а обучение настолько эффективным, что хронисты, не имевшие никакого отношения к Братству, сообщают нам, что во многих немецких городах можно было услышать, как девочки поют простые латинские гимны и что дети ремесленников могли разговаривать на латыни.

§ 5. Немецкие университеты, школы и стипендии.

Стремление к образованию распространилось по всей Германии в пятнадцатом веке. Князья и бюргеры соперничали друг с другом в возведении учебных заведений. В течение ста пятидесяти лет было основано не менее семнадцати новых университетов. Праг, чешский фонд, был основан в 1348 году. Затем последовали четыре немецких фонда: Вена в 1365 или 1384 году; Гейдельберг в 1386 году; Кельн в 1388 году; и Эрфурт, основанный горожанами в 1392 году. В XV веке здесь были Лейпциг в 1409 году; Росток, расположенный на берегу так называемого Восточного моря, почти напротив южной оконечности Швеции, в 1419 году; Краков, польский город, основанный в 1420 году; Грайфсвальд в 1456 году; Фрейбург и Трир в 1457 году; Базель в 1460 году; Ингольштадт, основанный с особым намерением обучать студентов послушанию папе, задача, выполненная исключительно хорошо, в 1472 году; Тюбинген и Майнц в 1477 году; Виттенберг в 1502 году; и Франкфурт-на-Майне - на Оudere, в 1507 году. Марбург, первый университет эпохи Реформации, был основан в 1527 году.

Жажда образования овладела классом бюргеров, и города соперничали друг с другом в создании школ высшего уровня, где учителям платили из городских доходов. В некоторых немецких городах было несколько таких фондов. В Бреслау, “студенческом раю”, их было семь. Не пренебрегали и образованием девочек. Франкфурт-на-Майне основал среднюю школу для девочек в начале пятнадцатого века и настоял на том, чтобы учительницами были образованные дамы, а не монахини.²⁴ Помимо классных комнат, в городах обычно предоставлялись общежития, где мальчики получали жилье, а иногда и дрова (предполагалось, что еду они добывали, попрошайничая на улицах города), и часто больницы, где за учениками могли ухаживать во время болезни.²⁵

Эти возможности получения образования привлекали мальчиков со всех концов страны и добавили новый класс бродяг к бродягам всех мастей, которые наводняли дороги в позднее средневековье. Странствующий ученый в своем желтом шарфе был характерной чертой той эпохи, и часто не пользовался авторитетом. Обычно его представляли как персонажа в Fastnachtspiele, или грубых популярных карнавальных комедиях, и он почти всегда был жуликом и часто вором. Дети десяти-двенадцати лет покинули свои деревни под присмотром ученика постарше, чтобы поступить в какую-нибудь известную школу. Но эти старшие ученики слишком часто были простыми бродягами, получившими знаний ровно столько, чтобы навязываться простым крестьянам, которым они продавали амулеты от зубной боли и других неприятностей. С маленькими детьми, доверенными им доверчивыми родителями, часто обращались с величайшей жестокостью, их нанимали попрошайничать или воровать еду и отправляли по трактирам с банками пива. Маленькие несчастные были пленниками, рабами своих сомнительных хозяев, и многие из них умерли на обочине дороги. Нам не нужно

удивляться, что Лютер, помнящий об этих бродячих студентах, впоследствии осудил систему, при которой люди проводили иногда “двадцать и даже сорок лет” в так называемой студенческой жизни, которая часто была одним из самых низких проявлений бродяжничества и разврата, и в конце концов не знали ни немецкого, ни латыни, “не говоря уже, - добавляет он с искренним негодованием, - о постыдной и порочной жизни, которой наша достойная молодежь была так прискорбно развращена”. Сохранились две или три автобиографии этих странствующих студентов; и две из них, Томаса Платтера и Иоганна Буцбаха, относятся ко времени Лютера и дают яркую картину их жизни.²⁶

В Германии не было недостатка в школах и университетах, но вряд ли можно сказать, что они сделали что-то большее, чем просто подготовили к вступлению движение Возрождения. В течение пятнадцатого века все университеты находились под влиянием Церкви, и схоластика предписывала методы обучения. Поступало очень мало новых знаний. Это правда, что, за исключением Кельна и, возможно, Ингольштадта, схоластика, которой преподавали, представляла то, что считалось более передовыми мнениями, — взгляды Джона Дунса Скотта, Уильяма Оккама и Габриэля Била, а не знания Фомы Аквинского и других великих защитников папских традиций; но она так же основательно, как и старшая схоластика, подходила для обсуждения всевозможных словесных и логических тонкостей. Знания любого рода обсуждались в рамках формул и фраз, санкционированных длительным схоластическим использованием. Невозможно описать мельчайшие различия и основанные на них сложные рассуждения, не выходя за рамки имеющегося в нашем распоряжении объема. Достаточно сказать, что преобладающий курс обучения создавал внушительные рамки без особого солидного содержания и обеспечивал интеллектуальную гимнастику без особых реальных знаний. Выживание можно увидеть в формальной логике, которую все еще преподают. Количество нерастраченной изобретательности, затраченной на создание фигур и настроений, а также на обнаружение и упорядочивание всех возможных настроений под каждой фигурой и на предоставление всем мнемоническим именам — Барбара, Селарент, Дарий, Ферие приорис и т.д., — позволяет получить некоторое представление о схоластических методах, использовавшихся в этих университетах пятнадцатого века.

Тогда следует помнить, что стипендия принимала квазицерковную форму. Все университеты были монастырскими учреждениями, где преподаватели были профессионалами, а студенты-любителями соблюдать целибат. Ученых собирали в общежитиях, в которых они жили со своими учителями, и учили считать себя очень выдающимися личностями. Устав средневекового Оксфорда провозглашает, что Бог создал “клерков” с интеллектуальными способностями, недоступными простым мирянам; что “клеркам” надлежало демонстрировать это отличие своим внешним видом; и что университетские портные, в обязанности которых входило делать людей внешними такими, какими Бог их сделал внутренними, должны были считаться членами Университета. Эти средневековые студенты иногда напускали на себя вид, который разжигал страсти мирян и часто приводил к огромным беспорядкам. Так, в 1513 году жители Эрфурта забарабанили в ворота университета из пушек, а после бегства профессоров и студентов уничтожили почти все архивы и библиотеку. Примерно в то же время, когда некоторые жители Вены насмеялись над священной студенческой одеждой, началась “латинская война”, которая буквально опустошила город. Кульминацией этого гордого разделения между “клерками” и мирянами стала великая ежегодная процессия, когда новоиспеченные выпускники, облаченные во все великолепие новых мантий бакалавров и магистров, маршировали по главным улицам университетского городка в окружении

университетских сановников и часто в сопровождении магистратов в их мантиях. Молодой Лютер признался, что, когда он впервые увидел процессию в Эрфурте, ему показалось, что нет более завидного положения на земле, чем положение только что получившего диплом выпускника.

Средневековая церковная традиция господствовала над всеми областями образования; и философия и логика, или то, что считалось философией и логикой, Аристотеля, управляли этой традицией. Благоговение перед именем Аристотеля почти приняло форму религиозного рвения. В любопытном средневековом Жизнеописании Аристотеля древний языческий мыслитель объявляется предтечей Христа. Все, кто отказывался принять его руководство, были еретиками, и предполагалось, что его формальная схема мышления оправдывает утонченные софизмы средневековой диалектики. Его система мышления была укрепленной защитой, которая сохраняла старое и защищала его от вторжений нового Учения. Отсюда ненависть, которую, по-видимому, испытывали почти все немецкие гуманисты к имени Аристотеля. Отношение приверженцев старого и нового учения к древнегреческому мыслителю представлено в двух картинах, каждая из которых отражает чувство времени. На одном из них, в церкви доминиканцев в Пизе, Аристотель изображен стоящим справа, Платон - слева от Фомы Аквинского, и лучи, струящиеся из их раскрытых книг, создают нимб вокруг головы великого средневекового теолога и мыслителя. На другой, гравюре на дереве, опубликованной Гансом Гольбейном младшим в 1527 году, Аристотель со средневековыми врачами изображен спускающимся в обители тьмы, в то время как Иисус Христос стоит на переднем плане и указывает на истинный свет толпе людей, среди которых художник изобразил крестьян с цепями.

§ 6. Ранние немецкие гуманисты.

Когда зачатки Нового Учения появились в Германии, они не принесли с собой какого-либо повсеместного возрождения культуры. Здесь не было такого всплеска художественного духа, как в Италии, наложившего отпечаток на такие искусства, как живопись, скульптура и архитектура, которые могли бы привлечь внимание всего общественного сознания. Люди, которые первыми почувствовали зарождение новой интеллектуальной жизни, были, по большей части, студентами, прошедшими обучение в более известных школах Братьев Общей жизни, и у каждого из них была серьезная цель в жизни. Новое обучение представлялось им не столько средством самосовершенствования, сколько инструментом реформирования образования, критики устаревших методов обучения и, прежде всего, проведения реформ в Церкви и очищения общественной жизни. Одним из наиболее выдающихся таких ученых был кардинал Николас Кузанус²⁷ (1401-1464). Это был человек с необычайно открытым умом, который, будучи насыщен старыми знаниями, был способен оценить новое. Он изучал классику в Италии. Он был опытным математиком и астрономом. Некоторые даже утверждали, что он предвосхитил открытия Галилея. Инструменты, с помощью которых он работал, грубо сделанные деревенским жестянщиком, все еще можно увидеть сохранившимися в доме братства, который он основал на родине, в Куесе, на Мозеле; и там же все еще можно изучить листы, исписанные его длинными расчетами по реформе календаря.

Другим ученым, присланным теми же школами, был Джон Вессель из Кронингена (1420-1489), который в поисках знаний переехал из Кельна в Париж, а из Парижа - в Италию. В конце концов

он устроился каноником в Братстве горы Святой Агнессы. Там он собрал вокруг себя группу молодых студентов, которых поощрял изучать греческий и иврит. Он был теологом, которому доставляло удовольствие критиковать существующие мнения о богословских доктринах. Он отрицал, что огонь Чистилища может быть материальным огнем, и теоретизировал об индульгенциях таким образом, что был предшественником Лютера.²⁸ “Если бы я прочитал его книги раньше,” сказал Лютер, - мои враги могли бы подумать, что Лютер все позаимствовал у Вессела, настолько велико согласие между нашими душами. Я чувствую, как возрастают моя радость и моя сила, я не сомневаюсь, что учил правильно, когда обнаруживаю, что человек, писавший в другое время, в другом климате и с другими намерениями, полностью согласен с моей точкой зрения и выражает ее почти теми же словами”.

Можно упомянуть других ученых-единомышленников, Рудольфа Агриколу,²⁹ (1442-1485), Джейкоба Вимфелинга,³⁰ (1450-1528), и Себастьяна Бранда (1457-1521), который был городским клерком Страсбурга с 1500 года и автором знаменитого "Корабля дураков", который был переведен на многие языки и использовался его другом Гейлером из Кейзерсберга в качестве текста для одного из своих курсов популярных проповедей.

Всех этих людей и других единомышленников, столь же одаренных, обычно считают предшественниками немецкого Возрождения и причисляют к немецким гуманистам. И все же может возникнуть вопрос, можно ли считать их представителями того гуманизма, который окружал Лютера в его студенческие годы и ярким примером которого был Ульрих фон Гуттен, неистовый буреветник времен Реформации. Его истоки следует проследить до других, менее авторитетных пионеров. Множество молодых немецких студентов, обладающих талантом странствовать и обеспечивать себя попрошайничеством, которым обладали столь многие из них, перебрались в Италию, где им удавалось ненадежно существовать, пока они с неподдельной жадностью посещали занятия, проводимые итальянскими гуманистами. Там они заразились духом итальянского Возрождения, а также научились презирать обычные ограничения нравственной жизни. Там они впитали презрение к Церкви и ко всем видам теологии и приобрели подлинный темперамент более поздних итальянских гуманистов, которые могли быть нерелигиозными, но не антирелигиозными, просто потому, что религия любого рода была чем-то чуждым их природе.

Таким человеком был Питер Людерс (1415-1474). Он начал жизнь священнослужителем, отправился в Италию, где посвятил себя изучению классической литературы и где приобрел нерелигиозный характер и пренебрежение к обычной нравственной жизни, которые опозорили большую часть позднейших итальянских гуманистов. Живя в Падуе (1444), где он был частным репетитором нескольких молодых немцев из Пфальца, курфюрст пригласил его преподавать латынь в Гейдельбергском университете. Старшие профессора завидовали ему: они настаивали на чтении и пересмотре его вводной лекции; они отказали ему в пользовании библиотекой; и вообще сделали его жизнь обузой. Он боролся до 1460 года. Затем он провел много лет, кочуя с места на место, обучая классике в частном порядке тех ученых, которых смог найти. Он не был человеком респектабельной жизни, много пил, распутничал во всех отношениях и был совершенно нерелигиозен, с сильным презрением ко всякой теологии. Похоже, в трезвом состоянии он ухитрялся держать свои еретические взгляды при себе, но время от времени выдавал себя во время запоев. Когда в Базеле его обвинили в отрицании учения о трех лицах в Божестве, он сказал своим обвинителям, что охотно исповедался бы в четырех, если бы они только оставили его в покое. Он закончил свои дни преподавателем медицины в Вене.

История сохранила имена нескольких из этих странствующих ученых, которые посеяли семена классических исследований в Германии, и, несомненно, многие из них были забыты. Разгульный образ жизни, нерелигиозность, их единственный дар - искреннее желание знать и передавать знания древней классической литературы, беспечность в том, как они жили, при условии, что только они могли изучать и преподавать латынь и греческий, они были апостолами Новой Науки с сомнительной репутацией и по-своему небрежно распространяли ее по северным землям.

§ 7. Гуманистические кружки в городах.

Рассадниками немецкого Возрождения поначалу были не столько университеты, сколько объединения близких людей в некоторых городах. Три из них были выдающимися - Страсбург, Аугсбург и Нюрнберг, — все богатые имперские города, имевшие тесные связи с императорским двором, с одной стороны, и с Италией — с другой.

Гуманистический кружок в Нюрнберге был, пожалуй, самым выдающимся, и он находился в более тесных отношениях, чем кто-либо другой, с грядущей Реформацией. Самым известным ее членом был **31-летний** Виллибальд Пиркхаймер (1470-1528), чье воспитание было больше похоже на воспитание молодого флорентийского патриция, чем сына немецкого бюргера. Его отец, богатый нюрнбергский купец, обладавший большими интеллектуальными способностями и достижениями, искусный дипломат и близкий друг императора Максимилиана, руководил образованием своего сына. Он брал мальчика с собой в путешествия, которые вынуждали его совершать торговые или дипломатические дела его города, и посвящал его в тайны торговли и немецкой политики. Юноша также был обучен рыцарским премудростям верховой езды и искусному обращению с оружием. Его, как и многих молодых немецких патрициев, отправили в Падую и Павию (1490-1497) изучать юриспруденцию и дипломатическую науку, и ему посоветовали не пренебрегать возможностями приобрести новые знания. Когда он вернулся, на двадцать седьмом году жизни, его назначили одним из городских советников, и ему была доверена важная роль в управлении городским бизнесом. В этом качестве ему приходилось часто бывать на сейме или при императорском дворе, и вскоре он стал любимцем императора Максимилиана, который радовался общению с таким разносторонним умом, как его собственный. Ни один немец так близко не подходил к многогранной культуре ведущих итальянских гуманистов, как этот гражданин Нюрнберга. С другой стороны, он обладал таким запасом серьезности, которым, кажется, не обладал ни один итальянец. Он был глубоко обеспокоен реформацией в Церкви и государстве, и после того, как Лейпцигский диспут показал, что ссора Лютера с папой была не просто монашеским спором, а доходила до корней вещей, он был убежденным сторонником Реформации на ее ранних стадиях. Его сестры Чаритас и Клара, обе образованные дамы, были монахинями в монастыре Святой Клары в Нюрнберге. Старшая, которая была настоятельницей ее монастыря, оставила интересную подборку писем, из которых представляется вероятным, что она имела большое влияние на своего брата и помешала ему присоединиться к лютеранской церкви после того, как она окончательно отделилась от римского послушания.

Свободное от общественных дел время Пиркхаймер посвящал учебе и общению с учеными. Его дом был дворцом, наполненным предметами искусства. Его библиотека, богатая рукописями и книгами, была открыта для каждого студента, пришедшего познакомиться с ее владельцем. На своих знаменитых банкетах он с удовольствием собирал за своим столом самых выдающихся людей того времени. Он вполне свободно владел греческим языком и делал переводы из трудов Платона, Ксенофонта, Плутарха и Лукиана на латынь или немецкий. Описание, которое он дает в своих фамильярных письмах сестрам и близким друзьям о своей жизни в загородном поместье своего шурина, подобно картине привычек римского патриция пятого века в Галлии. Утро проводил за учебой, за чтением Платона или Цицерона; а после полудня, если подагра заставляла его дома, он наблюдал из окна за сельскими жителями в полях или за спортсменами и рыбаками за их занятиями. Он любил принимать гостей из окрестностей. Иногда он собирал вокруг себя своих старших слуг или арендаторов с их женами и семьями. Вечер обычно посвящался изучению истории и археологии, которыми он очень интересовался. У него была привычка засиживаться допоздна, и когда небо было ясным, он следил за движением планет с помощью телескопа; ибо, как и многие другие в ту эпоху, он верил в астрологию и верил, что сможет прочесть будущие события и судьбы народов по движению блуждающих звезд.

Членами всех этих общественных кругов были поэты и художники - Ганс Гольбейн в Аугсбурге; Альберт Дюрер с Хансом Себальдусом Бехамом в Нюрнберге. Современные итальянские художники, когда они перестали выбирать сюжеты из Священного Писания или из Житий Святых, инстинктивно обратились к изображению сцен из древней языческой мифологии. Немецкие художники пошли другим путем. Они обратились за сюжетами к обычной жизни народа. Но изменение было постепенным. Дева перестала быть Царицей Небесной и превратилась в чистейший образ домашнего человеческого материнства, а сопровождающие ее ангелы - в резвых детей, срывающих цветы, ласкающих животных, играющих с фруктами. В романе Лукаса Кранаха "Отдых во время перелета в Египет" два херувима забрались на дерево, чтобы ограбить птичье гнездо, а птицы-родители кричат на них с ветвей. На одном из изображений Святого семейства Альберта Дюрера Богородица с Младенцем сидят посреди фермерского двора, окруженные всевозможными сельскими принадлежностями. Затем немецкое искусство смело погрузилось в изображение обычной обывденной жизни — рыцарей и турниров, торговых обозов, уличных сцен, картин крестьянской жизни, особенно крестьянских танцев, университетских и школьных сцен, изображений лагеря и войск на марше. Грядущая революция в религии уже провозгласила, что любая человеческая жизнь, даже самая заурядная, может быть священной; и современное искусство открыло живописное в обычной жизни людей — в замках знати, на рынках городов и в деревнях крестьян.

§ 8. Гуманизм в университетах.

Новое Обучение постепенно проникало в университеты. Ученых-классиков приглашали читать лекции или устраиваться частными преподавателями в университетские города, и студенты читали Цицерона и Вергилия, Горация и Проперция, Ливия и Саллюстия, Плавта и Теренция. Одним из первых признаков роста гуманистических настроений стали изменения в одном из любимых развлечений немецких студентов. Во всех средневековых университетах во время карнавала студенты вставали и разыгрывали спектакли. Сюжеты почти неизменно брались из Священных Писаний или из апокрифов. Чосер говорит о студенте Оксфорда, что

Иногда, чтобы продемонстрировать свою легкость и мастерский взгляд

Он играл Ирода на высокой виселице”.

В конце XV века сюжеты изменились, и студенческие пьесы представляли собой либо репродукции произведений Плавта или Теренция, либо оригинальные композиции, представляющие обычную жизнь того времени.

Юридическое признание гуманизма в Университете обычно проявлялось в учреждении кафедры поэзии или ораторского искусства, поскольку немецкие гуманисты были широко известны как “Поэты”. Во Фрайбурге была учреждена кафедра поэзии в 1471 году, а в Базеле - в 1474 году; в Тюбингене стипендия оратору была законодательно утверждена в 1481 году, а Конрад Цельтис был назначен на кафедру поэзии и красноречия в 1492 году.

Однако Эрфурт обычно считался особым рассадником немецкого университетского гуманизма с тех пор, как Петер Людерс преподавал там в 1460 году. С этого момента в университете никогда не было недостатка в преподавателях-гуманистах, и среди последующих поколений студентов постепенно сформировался гуманистический кружок. Постоянным руководителем этого кружка был немецкий ученый, которого звали Конрад Мут (Mudt, Mutta и Mutti - варианты), который латинизировал свое имя в Mutianus и добавил Rufus, потому что он был рыжеволосым. Этот Мутианус Руфус был во многих отношениях типичным немецким гуманистом. Он родился в 1472 году в Гомбурге в Гессене, учился в Девентере у Александра Геггуса, посещал Эрфуртский университет, а затем отправился в Италию изучать юриспруденцию и Новое образование. Он стал доктором юридических наук в Болонье, завел друзей среди многих выдающихся итальянских гуманистов и приобрел множество покровителей среди кардиналов в Риме. В конце концов он поселился в Готе, где получил каноническое звание в церкви. Он не получил никаких отличий как автор, но оставил после себя интересную коллекцию писем. Ему доставляло огромное удовольствие собирать вокруг себя многообещающих молодых студентов Эрфуртского университета, наблюдать за их чтением и консультировать их по всем литературным вопросам. Находясь в Италии, он познакомился с Пико делла Мирандолой и принял концепцию объединения платонизма и христианства в эклектическом мистицизме, который должен был стать эзотерическим христианством для мыслителей и образованных людей, в то время как популярное христианство с его суевериями было необходимо для простого народа. Христианство, учил он, зародилось задолго до исторического пришествия нашего Господа. “Истинный Христос, - сказал он, - был не человеком, но Мудростью Божьей; Он был Сыном Божьим и в равной степени передан евреям, грекам и немцам”.³² “Истинный Христос - это не человек, но дух и душа, которые не проявляются внешне, и их нельзя трогать или хватать руками”.³³ “Закон Божий, - сказал он в другом месте, - который просвещает душу, имеет две главы: любить Бога и любить ближнего”. как человек сам по себе. Этот закон делает нас причастниками Небес. Это естественный закон; не высеченный в камне, как закон Моисея; не высеченный в бронзе, как закон римлян; не написанный на пергаменте или бумаге, но внедренный в наши сердца высшим Учителем”. “Тот, кто благочестиво вкушал эту памятную и спасительную Евхаристию, совершил нечто божественное. Ибо истинное Тело Христово есть мир и согласие, и нет более святого Воинства, чем добрососедская любовь”.³⁴ Он отказывался верить в чудеса и считал, что Священное Писание полно басен, призванных, подобно басням Эзопа, учить нравственным истинам. Он утверждал, что посвятил себя “Богу, святым и изучению всей древности”; и результат был выражен в следующей цитате из письма Урбану

(1505), одному из его друзей и учеников в Эрфурте: “Есть только один бог и одна богиня; но есть много форм и много имен — Юпитер, Солнце, Аполлон, Моисей, Христос, Луна, Церера, Прозерпина, Теллус, Мария. Но не распространяйте это повсюду; мы должны хранить молчание об этих элевсинских мистериях. В религиозных вопросах мы должны использовать басни и загадки в качестве завесы. Ты, имеющий милость Юпитера, лучшего и величайшего Бога, должен втайне презирать малых богов. Когда я говорю "Юпитер", я имею в виду Христа и истинного Бога. Но хватит об этих вещах, которые слишком высоки для нас”.³⁵ Такой человек с презрением смотрел на Церковь своего времени и хлестал ее своим презрением. “Я не почитаю ни плащ, ни бороду Христа; я почитаю истинного и живого Бога, у которого нет ни бороды, ни плаща”.³⁶ Наедине он осудил церковные посты, исповедь и мессы по усопшим и назвал нищенствующих монахов “чудовищами в капюшонах”. Он саркастически отзывается о христианстве своего времени: “Под верой мы подразумеваем не соответствие того, что мы говорим, фактам, а мнение о божественных вещах, основанное на доверчивости и убеждении, которое стремится к выгоде. Его сила такова, что принято считать, что нам были даны ключи от царства небесного. Поэтому тот, кто презирает наши ключи, должен пощупать наши гвозди и наши дубинки (*quisquis claves contemserit clavum et clavam sentiet*). Мы сняли с груди Сераписа магическую печать, которой Иисус из Галилеи дал власть. С помощью этой фигуры мы обращаем в бегство наших врагов, добываем деньги, освящаем Бога, сотрясаем ад и творим чудеса; не имеет значения, небесные мы или земные, при условии, что мы счастливо восседаем на пиру Юпитера”.³⁷ Но он не хотел бунтовать против внешнего авторитета Церкви того времени. “Нечестив тот, кто желает знать больше, чем Церковь. Мы носим на своем челе, “ говорит он, ” печать Креста, знамя нашего Короля. Давайте не будем дезертирами; пусть в нашем лагере не будет ничего изменного”.³⁸ Власть, против которой восстали гуманисты, была чисто интеллектуальной, как и свобода, за которую они боролись. В их миссию не входило провозглашать духовную свободу или освобождать простого человека от его рабского страха перед средневековым священством; и это создало непреодолимую пропасть между их устремлениями и устремлениями Лютера и настоящих лидеров реформационного движения.³⁹

Членами эрфуртского кружка гуманистов были Генрих Урбан, которому были адресованы многие письма Мутиануса, Петрей Альпербах, получивший титул “насмешник богов и людей” (*derisor deorum et hominum*), Иоганн Ягер из Дорнхайма (*Crotus Rubeanus*), Георг Буркхардт из Шпальта (*Spalatinus*), Генри и Петер Эберахи. Эобан Гессенский (*Helius Eobanus Hessus*), самый одаренный из них всех и самый непьющий, присоединился к кружку в 1494 году.

Подобные университетские кружки формировались и в других местах: в Базеле, куда привлекали Генрих Лорити из Гларуса (*Glareanus*), а затем и Эразм; в Тюбингене, где Генрих Бебель, автор “Лицедейства”, поощрял своих молодых друзей изучать историю; и даже в Кельне, где Герман фон Буш, ученик Девентера, и Ортуин Грациус, впоследствии ставший мишенью авторов “Эпистолы обскурум вирорум”, считались лидерами, преисполненными Новой учености.

Как в Италии папы и кардиналы покровительствовали лидерам Возрождения, так и в Германии император и некоторые князья покровительствовали гуманизму. Немецким ученым, стоявшим во главе нового движения, Максимилиан казался идеальным правителем. Его казна, без сомнения, почти всегда была пуста, и в его распоряжении не было прибыльных должностей, которыми он мог бы их наделить; должность придворного поэта, данная Конраду Цельтесу, а затем Ульриху фон Гуттену, мало что принесла, кроме коронации в присутствии императорского

двора со вкусом сплетенным лавровым венком;⁴⁰ но характер Максимилиана привлекал как крестьян, так и ученых. Его романтизм, его неизменная молодость, его удивительная интеллектуальная разносторонность, его рыцарство и его сочувствие очаровывали их. Максимилиан живет в народной песне Германии, как ни один другой правитель. Схема воспитания, воспетая в "Вайскуниге" и проиллюстрированная Гансом Бургмайером, дала ему право называться "императором-гуманистом".

§ 9. Reuchlin.

Немецкие гуманисты, принадлежали ли они к ученым обществам городов или к университетским группам, были слишком индивидуальны, чтобы представлять собой группу людей, объединившихся под влиянием общей цели. Эрфуртский отряд ученых назывался "Муцианским воинством", но о приверженцах Нового Учения едва ли можно было сказать, что они образуют сплоченную фалангу. Однако что-то помогло объединить их всех. Это было преследование Рейхлина.

Иоганн Рейхлин (1455-1522), как и последовавший за ним Эразм, был в значительной степени человеком сам по себе. Поначалу он вошел в историю достаточно драматично. Группа итальянских гуманистов собралась в доме Джона Аргиропулоса в Риме в 1483 году. Среди них был молодой неизвестный немец, который недавно прибыл с рекомендательными письмами к хозяину. Он объяснил, что приехал изучать греческий. Аргиропулос дал ему Фукидида и попросил перевести страницу или две на латынь. Рейхлин интерпретировал с такой легкостью и элегантностью, что компания воскликнула, что Греция перелетела через Альпы, чтобы обосноваться в Германии. Молодой немец провел несколько лет в Италии, наслаждаясь дружбой ведущих итальянских ученых. Он был страстным приверженцем Нового Учения и по возвращении стал первым, кто сделал греческий язык по-настоящему популярным в Германии. Но он был еще более ревностным изучателем иврита, и о нем почти можно сказать, что он познакомил народы Европы с этим древним языком. Его "De Rudimentis Hebraicis" (1506), грамматика и словарь в одном флаконе, был первой книгой такого рода. Его интерес к языку был больше, чем у студента. Он верил, что иврит был не только самым древним, но и самым священным из языков. На нем говорил Бог. Он открыл Себя людям не только в еврейских писаниях Ветхого Завета, но также передал через ангелов и других божественных посланников скрытую мудрость, которая была сохранена в древних еврейских писаниях за пределами Священных Писаний, — мудрость, известную Адаму, Ною и Патриархам. Он изложил свою странную мистическую теософию в любопытной маленькой книге "De Verbo Mirifico" (1494), полной нестандартных знаний и поиска возвышенных тайн в самых отрывках еврейских Писаний. Возможно, его центральная мысль выражена в предложении: "Бог - это любовь; человек - это надежда; связь между ними - вера.... Бог и человек могут быть настолько объединены в неопикуемый союз, что человеческий Бог и божественный человек могут рассматриваться как одно существо".⁴¹ Книга представляет собой симпозиум, на котором Сидоний, Барух и Капнион (Рейхлин) ведут длительную беседу друг с другом.

Рейхлину было пятьдесят четыре года, когда начались разногласия, которые постепенно разделили ученых Германии на два лагеря и объединили гуманистов в одну партию, борющуюся за свободу исследования.

Джон Пфефферкорн (1469-1522), родившийся евреем и принявший христианство (1505), воодушевленный рвением новообращенного обратить евреев поголовно в христианство и, возможно, подстрекаемый доминиканцами Кельна, с которыми он был тесно связан, зародил идею, что его бывших единоверцев можно было бы склонить к принятию христианства, если бы были конфискованы все их особые книги, за исключением Ветхого Завета. В раннее средневековье евреев постоянно преследовали, и их преследования всегда были популярны; но пятнадцатый век был для них периодом относительного покоя; они купили покровительство императора, и их услуги как врачей были с благодарностью признаны во Франкфурте и многих других городах.⁴² Все же народная ненависть к ним как к ростовщикам сохранялась и проявлялась во время каждого социального переворота. Пробудить дремлющую антипатию всегда было легко.

В 1507-1509 годах Пфефферкорн написал четыре книги против евреев ("Юденшпигель", "Юденбихте", "Остернбух", "Юденфейнд"), в которых предлагал запретить евреям заниматься ростовщичеством, заставить их слушать проповеди и конфисковать их книги на иврите. На самом деле он получил мандат от императора Максимилиана, вероятно, через какого-нибудь коррумпированного секретаря, уполномочивающий его конфисковывать все подобные книги. Он начал свою работу в Рейнской области и уже конфисковал книги многих евреев, когда летом 1509 года приехал в Рейхлин и попросил его о помощи. Ученый не только отказался, но и указал на некоторые нарушения императорского мандата. Сомнительная законность имперского приказа также привлекла внимание Уриэля, архиепископа Майнцского, который запретил своему духовенству оказывать Пфефферкорну какую-либо помощь.

После этого Пфефферкорн и доминиканцы снова обратились к императору, получили второй мандат, затем третий, который был самым важным. Это оставило дело в руках архиепископа Майнцского, который должен был собрать доказательства по поводу еврейских книг. Он должен был спросить мнения Рейхлина, Виктора фон Карбена (1422-1515), который был евреем, но затем стал христианским священником, Джеймса Хохстраттена (1460-1527), доминиканца и инквизитора Кельнской епархии, ярого врага гуманизма, и университетов Гейдельберга, Эрфурта, Кельна и Майнца. Они должны были записать свои мнения и отправить их Пфефферкорну, который должен был представить их императору. Соответственно, архиепископ попросил Рейхлина посоветовать императору, "было бы похвально и полезно для нашей святой религии уничтожить такие книги, которыми пользовались евреи, за исключением только книг Десяти заповедей Моисея, Пророков и Псалтири Ветхого Завета". Ответ Рейхлина был готов к ноябрю 1510 года. Он изучил этот вопрос очень тщательно и беспристрастно. Он разделил еврейские книги на несколько категорий и высказал свое мнение по каждой. Об уничтожении Ветхого Завета не могло быть и речи. Талмуд представлял собой собрание изложений еврейского закона в разные периоды; никто не мог высказать о нем своего мнения, пока не прочитал его до конца; Рейхлину удалось раздобыть только отрывки; судя по ним, вполне вероятно, что книга действительно содержала много вещей, противоречащих христианству, но такова природа еврейской религии, которая была защищена законом; в ней действительно содержалось много хорошего, и ее не следовало уничтожать. Каббала была, по словам Рейхлина, очень ценной книгой, которая, как никакая другая, убеждала нас в божественности Христа и должна быть бережно сохранена. У евреев были различные комментарии к книгам Ветхого Завета, которые были очень полезны для того, чтобы дать возможность христианским ученым правильно понять их, и их не следовало уничтожать. У них также были проповеди и церемониальные книги, принадлежащие их религии, которые были гарантированы имперским

законом. У них были книги по искусствам и наукам, которые следовало уничтожить только в той мере, в какой они обучали таким запрещенным искусствам, как магия. Наконец, были сборники стихов и басен, и некоторые из них могли содержать оскорбления в адрес Христа, Пресвятой Девы и Апостолов и, возможно, заслуживали сожжения, но не без тщательного и компетентного изучения. Он добавил, что лучший способ разобраться с евреями - это не сжигать их книги, а вести разумную, мягкую и доброжелательную дискуссию.

Мнение Рейхлина было особенным: все остальные авторитетные источники предлагали сжечь еврейские книги, а Майнцкий университет не стал бы делать исключение из Ветхого Завета, пока не будет доказано, что он не был подделан еврейскими фанатиками.

Сдержанный и научный ответ Рейхлина был выдвинут против него в качестве обвинения. Последовавшая за этим полемика, длившаяся шесть томительных лет, была так разогнана доминиканцами, что Рейхлин, гуманист и мирянин, был представлен как бросающий вызов богословам Церкви по богословскому вопросу. Как и все средневековые споры, он велся с большой горечью и не испытывал недостатка в оскорблениях, часто достаточно грубых. Гуманисты, однако, увидели, что это был случай ученого, защищающего подлинную науку от мракобесов, и после бесплодных попыток заставить Эразма возглавить их, они объединились в общей атаке. Художники также оказали свою помощь. На одной современной гравюре Рейхлин сидит в машине, увитой лаврами, и въезжает в свой родной город Пфорцхайм. Кельнские богословы маршируют в цепях перед машиной; Пфефферкорн лежит на земле, а палач готов обезглавить его; горожане и их жены в праздничных костюмах ждут герцога, а городские музыканты приветствуют его торжествующей мелодией; в то время как один достойный бюргер выражает свое сочувствие, выбрасывая монаха из окна. Другая сторона спора представлена грубой гравюрой на дереве, на которой видно, как Пфефферкорн ломает кафедру учености, на которой сидит двуязычный Рейхлин.⁴³ Однако наиболее заметным вкладом в этот спор стала публикация знаменитой *Epistolæ Obscurorum Virorum*, неразрывно связанной с именем Ульриха фон Гуттена.

§ 10. “Эпистола-обскурум Вирорум”.

Пока бушевала полемика (1514), Рейхлин собрал серию свидетельств своей учености и опубликовал их под названием "Письма выдающихся людей".⁴⁴ Это натолкнуло какого-то молодого гуманиста на идею сборника писем, в которых мракобесы разоблачали себя и свою невыразимую глупость под пародируемым названием "*Epistolæ Obscurorum Virorum*". Книга имеет такое же отношение к схоластическим диспутам конца пятнадцатого века, какое *Дон Кихот* имеет к романам средневекового рыцарства. Это целый ворох вопросов по грамматике, этимологии, очередности получения диплома, жизни в загородном доме священника и схоластической казуистике. Магистр Хенрикус Шаффсмулиус пишет из Рима, что однажды в пятницу утром он отправился завтракать на Кампо деи Фьори, заказал яйцо, в котором, когда его открыли, оказалась курица. “Скорее, ” сказал его спутник, “ проглоти это, или хозяин запишет цыпленка в счет”. Он повиновался, забыв, что была пятница, и по закону мясо нельзя было есть. В своем замешательстве он посоветовался с одним теологом, который посоветовал ему сохранять покой, ибо эмбрион цыпленка в яйце подобен червям или личинкам во фруктах и сыре, которых люди могут проглатывать без вреда для своей души даже в Великий пост. Но другой, столь же образованный человек, сообщил ему, что личинки в сыре и черви во фруктах

должны классифицироваться как рыба, которую каждый может законно есть в постные дни, но что куриный эмбрион — это совсем другое дело - это мясо. Примет ли ученый магистр Ортуин, который знал все, решение за него и облегчит его отягощенную совесть? Авторы посылают своему дорогому магистру Ортуину короткие латинские стихотворения, которыми они скромно гордятся. Они признаются, что их стихи не отсканированы; но это не имеет большого значения. Авторы светских стихов должны быть внимательны к таким вещам; но их стихи, повествующие о жизни и деяниях святых, не нуждаются в таких уточнениях. Авторы признают, что временами их жизнь не такая, какой она должна быть; но Соломон и Самсон не были совершенны; и у них слишком много христианского смирения, чтобы желать превзойти таких почитаемых христианских святых. В письмах содержится много сплетен о порочности поэтов (гуманистов). Эти злые люди очень неуважительно отзывались о Священном Гербе в Трире (Треве); они сказали, что Благословенные Реликвии Трех королей в Кельне - это кости трех вестфальских крестьян. Корреспонденты обмениваются конфиденциальными сведениями о проповедях, которые им не нравятся. Один проповедник, говоривший с неподобающей серьезностью, произнес простую проповедь без каких-либо заученных силлогизмов или замысловатых теологических рассуждений; он просто говорил о Христе и Его спасении, и странным было то, что люди, казалось, слушали его жадно: такую проповедь следовало бы запретить. Намеки на Рейхлина и его судебный процесс разбросаны по всем письмам, и авторы бесхитростно раскрывают свои надежды и опасения по поводу результата. Возможно, сокрушается кто-то, что негодяй в конце концов сойдет с рук: автор статьи слышит, что деньги достопочтенного инквизитора Хохстраттена почти иссякли и что у него едва осталось денег на необходимую взятку в Риме; остается надеяться, что он получит еще. Совершенно невозможно перевести послания и сохранить первоначальный колорит языка — смесь церковных фраз, народных идиом и словечек и худшей средневековой латыни. Конечно, в письмах содержится много предосудительного: они нападают на характер мужчин и даже женщин; но это было обычной чертой гуманизма того времени. Они, несомненно, преуспели в осмеянии противников Рейхлина, особенно когда некоторые из мракобесов не увидели сатиры и рассматривали письма как подлинное изложение взглядов, которым они симпатизировали. Некоторые нищенствующие монахи в Англии приветствовали книгу против Рейхлина, а доминиканский приор в Брабанте купил несколько экземпляров, чтобы отправить своему начальству.

Авторство этих знаменитых писем до конца неизвестно; вероятно, над ними работали несколько гуманистических перьев. Общеизвестно, что они происходили из кружка гуманистов в Эрфурте, и что человеком, задумавшим книгу и написавшим большинство писем, был Джон Ягер из Дорнхайма (Crotus Rubianus). Долгое время их приписывали Ульриху фон Гуттену; некоторые письма, возможно, вышли из—под его пера - одно из них было написано наверняка. Эти *Epistolæ Obscurorum Virorum*, если сравнить их с *Encomium Moriae* Эразма, показывают, насколько неизмеримо ниже был обычный немецкий гуманист по сравнению с ученым из Нидерландов.⁴⁵

§ 11. Ulrich von Hutten.

Ульрих фон Гуттен, **46-летний** буреизвестник периода Реформации в Германии, был членом одной из старейших семей франконской знати — свирепой, незаконной, буйной знати. Старая

горячая семейная кровь текла в его жилах, и это во многом повлияло на его полную приключений карьеру. Он был старшим сыном, но его хрупкое тело и болезненный нрав выделяли его в глазах отца для священнической жизни. В возрасте одиннадцати лет его отправили в древний монастырь Фульды, где его не по годам развитый ум во всех видах интеллектуальной работы, казалось, предвещал выдающееся положение, если он останется верен призванию, к которому предназначил его отец. Мальчик, однако, вскоре обнаружил, что у него нет призвания к Церкви и что, хотя он живо интересовался всевозможными науками, он ненавидел схоластическое богословие. Он обратился к своему отцу, рассказал ему, как ему ненавистна мысль о клерикальной жизни, и попросил разрешить ему мечтать о карьере ученого и литератора. Старый франконский рыцарь был таким же суровым, какими обычно бывают люди его сословия. Он пообещал Ульриху, что тот может уделять самообразованию столько времени, сколько захочет, но в конце концов он должен будет вступить в Церковь. После этого Ульрих, упрямый обломок упрямого камня, решил сбежать из монастыря и жить своей собственной жизнью. Как ему это удалось, неизвестно. Он познакомился с Джоном Ягером из Дорнхайма, и они вдвоем, на немецкий студенческий манер, переходили из университета в университет; они вместе учились в Кельне, затем в Эрфурте. Старший Хаттен отказался каким-либо образом помогать своему сыну. Как молодой студент выживал, никто не знает. У него было слабое здоровье; его по меньшей мере дважды ограбили и наполовину убили хулиганы, когда он бродил по небезопасным дорогам; но неукротимое намерение жить жизнью литератора или умереть поддерживало его. Наконец друзья семьи уладили вялое примирение между отцом и сыном. Они указали, что способности молодого человека могли бы найти применение в дипломатической карьере, поскольку Церковь была ему так неприятна, и отец был вынужден разрешить ему поехать в Италию при условии, что он займется изучением права. Ульрих с радостью отправился в страну Новой Учености, добрался до Павии, с трудом добрался до Болоньи, обнаружил, что юриспруденция нравится ему не больше теологии, и начал писать. Нет необходимости следить за его беспорядочной карьерой. Ему часто удавалось заполучить покровителей; но он был не из тех людей, которые безбедно живут в зависимости; он всегда помнил, что он франконский дворянин; у него был раздражительный нрав — его слабое здоровье служило вполне подходящим оправданием.

Вполне вероятно, что его пребывание в Италии оказало на него такое же влияние, как и на Лютера, хотя и по-другому. Реформатор с отвращением отвернулся от итальянского, и особенно от римского зла. Гуманист размышлял о величии имперской идеи, которая теперь, как он думал, является неотъемлемым правом его Германии, у которой ее отнимает папство. Отныне им владела одна неотступная мысль.

Он был гуманистом и поэтом, но человеком особенным, выделяющимся из среды своих собратьев, которому суждено было жить в памяти своего народа, когда их имена были забыты. Они могли бы быть лучшими учеными, уметь писать более изящной латынью и более изящно обращаться с мелочами, но он был человеком с целеустремленностью. Его беспорядочная и отнюдь не чистая жизнь была облагорожена его искренним, хотя и ограниченным и непрактичным патриотизмом. Он ковал, плел интриги, сражался, льстил и проповедовал, чтобы создать объединенную Германию под властью реформированного императора. Что бы ни препятствовало этому, оно должно было быть атаковано тем оружием сарказма, оскорблений и презрения, которое было в его распоряжении; и *одним* врагом было папство конца пятнадцатого века и все, что оно подразумевало. Именно папство лишило Германию золота, удерживало императора в рабстве, противопоставляло одну часть земли другой, давало

сепаратистским планам князей надежду на успех. Папство было его Карфагеном, который должен быть разрушен.

Хаттен был мастером инвектив, бесстрашным, критически разрушительным; но у него было мало конструктивных способностей. Нелегко понять, что он имел в виду под реформацией Империи — перед ним маячило нечто смутное, грандиозное, обновление воображаемого прошлого. Германия могла бы стать великой, предполагается в "Вдохновителях" (написано в 1520 году), если бы папству было брошено вызов, если бы князья находились в надлежащем им подчинении, если бы была создана великая имперская армия, которой платили бы из общего имперского фонда, — армия, где офицерами были рыцари, а рядовыми - крестьянская пехота (ландскнехты). Это страсть к германскому имперскому единству, которую мы находим во всех произведениях Хаттена, начиная с ранних *Epistola ad Maximilianum Cæsarem Italiae fictitia*, *Vadiscus* или римских триад, вплоть до *Inspicientes*, а не средства, с помощью которых это должно быть создано. Он был прирожденным врагом, тем, кто любил битву ради битвы, кто никогда не мог насытиться сражениями, — человеком, в жилах которого бурлила кровь его франконских предков. Как и они, он любил свободу во всем - личную, интеллектуальную и религиозную. Как и они, он презирал легкость и роскошь и презирал бюргеров с их любовью к комфорту и богатству. Он был гораздо более высокого мнения о рыцарях-разбойниках, чем о купцах, которых они грабили. Он верил, что Германия поправится, если удастся избавиться от купцов и священников. Грабителями были даже немецкие патриоты, которые препятствовали ввозу иностранных товаров и защищали немецких производителей, получая прибыль, причитающуюся им за их труд.

Гуттена обычно считают союзником Лютера, и со дня Лейпцигского диспута (1519 г.), когда Лютер впервые атаковал римское первенство, он был горячим поклонником Реформатора. Но он очень мало сочувствовал более глубокой религиозной стороне движения Реформации. Он относился к протесту Лютера против индульгенций почти так же, как и папа Лев x. Это был презренный монашеский спор, и все здравомыслящие люди, по его мнению, должны были бы радоваться, видя, как монахи пожирают друг друга. "Недавно я сказал монаху, который рассказывал мне об этом, - пишет он, - "Пожирайте друг друга, чтобы вы могли быть поглощены друг другом". Я желаю, чтобы наши враги (монахи) жили в как можно большем разладе и постоянно ссорились между собой". Он яростно присоединился к Лютеру (а Гуттен всегда был яростным) только тогда, когда обнаружил, что монах выступает за свободу совести (Свободу христианина) и за объединенную Германию против Рима (За христианскую знать немецкой нации, уважающую реформацию христианского сословия). Изучая его лицо на сохранившихся гравюрах, отмечая впалые щеки, высокие скулы, длинный нос, густые усы, выбритый подбородок, бакенбарды, торчащие, словно потертые шлемом, и смелые глаза, мы можем увидеть грубого франконского дворянина, который по странному стечению обстоятельств стал ученым, гуманистом, патриотом и, по-своему, реформатором.

Глава IV. Социальные условия.47

§ 1. Города и торговля.

Уже говорилось, что времена Возрождения были переходным периодом как в социальном, так и в интеллектуальном состоянии народов Европы. Экономические изменения были настолько значительными, что никакое описание условий Реформации не было бы полным без некоторого описания социальной революции, которая медленно прогрессировала. Однако следует помнить, что существует некоторая опасность в том, чтобы делать чисто общие утверждения, которые единственно возможны в этой главе. Действующие экономические силы видоизменялись в странах и районах на протяжении десятилетий в зависимости от местных условий. Любое общее описание может быть дополнено многочисленными исключениями.

В основе всей средневековой системы лежала идея о том, что земля была единственной экономической основой богатства. В раннее средневековье это было в значительной степени верно повсюду, и особенно в Германии. Каждый маленький район производил почти все, что ему было нужно для собственных нужд; и экономическая ценность города заключалась в том, что он был корпорацией ремесленников, обменивавших плоды своего труда на излишки сельскохозяйственной продукции, которую крестьяне приносили на свой рынок. Но растущая торговля городов, поначалу развивавшаяся вдоль больших рек, артерий стран, постепенно создала еще один источник богатства; и эта торговля достигла больших успехов после того, как Крестовые походы открыли восточные рынки для европейских торговцев. Торговля и мануфактуры были жизнью городов, и их значение быстро возрастало.

В средневековые времена каждый город был независимым экономическим центром, а регулирование промышленности и торговли было исключительно муниципальным делом. Такое положение дел изменилось в некоторых странах еще до Реформации, и государственные деятели начали признавать важность национальной торговли и предпринимать шаги для ее развития; но в Германии, главным образом из-за ее безнадежных разногласий, старое положение дел сохранилось, и муниципалитеты продолжали направлять и контролировать все коммерческие и промышленные дела.

Первоначально города росли под защитой императора, или какого-нибудь крупного землевладельца, или церковного князя, или фонда, и первые должностные лица были представителями этих питающих сил. Потомки этого раннего чиновничьего класса стали известны как “патриции” города, и они рассматривали все официальные должности как наследственные привилегии своего класса. Городское население было тщательно организовано в ассоциации рабочих, обычно называемые “гильдиями”, которые поначалу занимались просто регулированием и улучшением работы промышленности, а также образованием и развлечениями рабочих. Но эти “гильдии” вскоре приобрели политический характер. Принадлежащие к ним рабочие сформировали боевую силу, необходимую для независимости и защиты города. У каждой “гильдии” была своя боевая организация, свое боевое знамя, свой арсенал; и ее члены были обучены обращению с оружием и практиковались в нем в часы отдыха. Таким образом, “гильдия” начала претендовать на некоторую долю в

городском управлении, и в большинстве немецких городов за десятилетия до Реформации старое аристократическое правление “патрициев” уступило место более демократическому правлению “гильдий”. Главные должности, связанные с “гильдиями”, незаметно стали передаваться по наследству в нескольких ведущих семьях, и это создало второй “патрициат”, контроль над которым вызывал возмущение у подавляющей массы рабочих. Нюрнберг был одним из немногих великих немецких городов, где старые “патриции” продолжали править вплоть до времен Реформации.

Эти “гильдии” были по большей части полны деловой энергии, которая проявлялась в двояком способе установления таких правил, которые, по их мнению, обеспечивали хорошее качество изготовления, и в обеспечении условий для продажи их изделий. Считалось, что все рабочие были заинтересованы в производстве хороших изделий, и плохая работа одного ремесленника считалась дискредитирующей всех. Следовательно, как правило, каждое изделие тестировалось в частном порядке, прежде чем выставляться на всеобщее обозрение, и были придуманы различные наказания для проверки производства некачественных товаров. Так, в Бремене каждая плохо сшитая пара обуви публично уничтожалась у позорного столба в центре города. Такие правила принадлежали частной администрации городов и отличались в разных местах. Действительно, все муниципальное управление немецких городов представляет собой бесконечное разнообразие из-за местной истории и других условий, влияющих на отдельные города. В то время как производство было предметом частного регулирования в каждом промышленном центре, распределение вовлекало города в нечто вроде общей политики. Для этого требовались безопасные средства связи между одним городом и другим, между поселками и сельскими округами, а также безопасные выходы в чужие страны. Нужны были дороги, мосты и безопасность передвижения. Города объединились и заключили союзы с могущественной феодальной знатью, чтобы обеспечить себе эти преимущества. Таково было происхождение великого Ганзейского союза, который зародился во Фландрии, распространился по Северной Германии, включал скандинавские страны и превратился в европейскую державу.⁴⁸ Менее известные лиги среди городов Южной Германии сослужили столь же хорошую службу, и они обычно обеспечивали выходы в Венецию, Флоренцию и Геную благодаря союзам с крестьянством, в руках которого были главные перевалы в Альпах. Все это означало противостояние между бюргерами и знатью — противостояние, которое было непрерывным, которое иногда выливалось в большие войны и которое вынуждало города содержать гражданские армии, состоящие частично из их граждан, а частично из наемных войск. Считалось, что Страсбург и Аугсбург вместе могли бы послать на поле боя боевую силу численностью в 40 000 человек.

Область торговли, хотя и была, согласно современным представлениям, ограниченной, была довольно обширной. Она включала все страны современной Европы и прилегающих морей. Морская торговля велась в Средиземном и Черном морях, в Балтийском и Северном морях, а также вдоль западных побережий Франции и Испании. Северное море было великим местом рыбной ловли, и большое количество сушеной рыбы, необходимой для надлежащего соблюдения Великого поста, отправлялось каботажными судами и сухопутными путями в южные страны Европы. Меха, шкуры и кукуруза поступали из России и северных стран. Испания, некоторые районы Германии и, прежде всего, Англия, были странами-экспортерами шерсти. Восточные графства Англии, многие города Германии и Франции, и особенно Нидерланды, были центрами шерстяных мануфактур. Север Франции был великой страной выращивания льна. В Италии, Барселоне в Испании и Лионе во Франции производили шелк. Пряности и

сушеные фрукты Востока, его шелка, дорогая парча и перья поступали из Леванта в Венецию и переправлялись на север через большие перевалы, пронизывающие хребет Альп.

Гражданские государственные деятели делали все возможное, заключая взаимные сделки и создавая фабрики, чтобы защитить и расширить торговые возможности для своих горожан. У немецкого купца был свой великолепный Фондако деи Тедески в Венеции, его фабрики Ганзейского союза - в Лондоне, Брюгге, Бергене и даже в далеком Новгороде; а у англичан были также свои фабрики за границей, в пределах которых они могли спокойно покупать и продавать.

Опасности, подстерегавшие немецких торговцев, несмотря на все гражданские союзы, были скорее внутри страны, чем за границей. Его страна кишела свободными дворянами, каждый из которых считал себя суверенной державой, имеющей полное право делать все, что ему заблагорассудится, в пределах своих владений, будь то обширное княжество или несколько сотен акров, окружающих его замок. Он мог взимать любые пошлины или таможенные сборы, какие ему заблагорассудится, с торговцев, чьи тяжело груженные повозки въезжали на его территорию. У него были обычные права, которые делали плохие дороги и отсутствие мостов выгодными для владыки земли. Если ломалась ось или колесо, если повозка переворачивалась при переходе через опасный брод, тюки, брошенные на тропинке или выброшенные на берег ручья, могли быть востребованы владельцем земли. Хуже всего были опасности, исходившие от рыцарей-разбойников — людей, которые настаивали на своем праве вести частную войну, даже когда это принимало форму разбоя на большой дороге, и которые в основном существовали за счет доходов, которые, по их словам, были получены от того, что их “лошади обрывали кошельки путешественников”.

Несмотря на все эти препятствия, в Германии постепенно возник класс капиталистов. Большие прибыли, совершенно не связанные с торговлей, можно было получить, управляя, собирая и пересылая деньги, поступающие от всеобщей системы индульгенций. Именно таким образом фуггеры Аугсбурга впервые разбогатели. Деньги вскоре породили деньги. На протяжении большей части средневековья не существовало такой вещи, как выдача денег в долг под проценты, за исключением итальянских купцов Северной Италии или евреев. Церковь всегда запрещала то, что она называла ростовщичеством. Но церковники были первыми, кто практиковал грех, который они осуждали. Члены церковных корпораций начали делать полезные авансы, взимая проценты в размере от 7 до 12 процентов — достаточно умеренные для того времени. Постепенно этот обычай распространился среди богатых мирян, которые не ограничивались этими разумными прибылями, и мы находим, что Себастьян Бранд оскорбляет “евреев-христиан”, которые стали худшими угнетателями, чем израильские капиталисты, которым они подражали.

Но большие изменения в социальных условиях, последовавшие за изменениями в распределении богатства, произошли тогда, когда эпоха географических открытий сделала возможной мировую торговлю.

§ 2. Географические открытия и начало мировой торговли.

Пятнадцатый век с самого начала был свидетелем одного географического открытия за другим. Возможно, мы можем сказать, что генуэзские моряки начали новую эру, достигнув Азорских

островов и Мадейры. Затем дом Энрике Португальский, губернатор Сеуты, организовал торговые и исследовательские рейсы вдоль побережья Африки. Его судами командовали португальские, венецианские и генуэзские капитаны. С 1426 года отправлялась экспедиция за экспедицией, и к моменту его смерти в 1460 году было исследовано побережье Африки вплоть до Гвинеи. Его работу продолжили его соотечественники. Гвинейская торговля рабами, золотом и слоновой костью была налажена еще в 1480 году; Конго было достигнуто в 1484 году; а португальские корабли под командованием Бартоломью Диаса обогнули мыс Доброй Надежды в 1486 году. В эти более поздние годы новый мотив побудил к исследовательским путешествиям. Рост турецкого могущества на востоке Европы уничтожил торговые колонии и фабрики на Черном море; падение Константинополя перекрыло путь по долине Дуная; и Венеция получила монополию на торговлю с Египтом и Сирией, единственными оставшимися каналами, по которым товары с Востока достигали Европы. Великая коммерческая проблема того времени заключалась в том, как наладить прямую торговлю с Востоком. Именно это вдохновило бристольских шкиперов, знакомых с Исландией, на мысль, что, следуя древнескандинавским традициям, они могли бы найти путь через Северную Атлантику; это отправило Колумба через Среднюю Атлантику открывать Багамские острова и континент Америка; и это заставило более удачливых португальцев обогнуть мыс Доброй Надежды. Юный Васко да Гама достиг цели первым, когда, обогнув мыс, он проплыл вдоль восточного побережья Африки, достиг Момбасы, а затем смело пересек Индийский океан и прибыл в Каликут, индийский торговый центр, в котором велась богатая торговля, которой стремились поделить все европейские нации. Возможности мировой торговли привели к созданию торговых компаний, поскольку требовался больший капитал, чем был у отдельных купцов, и образование этих компаний затмило, дискредитировало и, в конце концов, разрушило систему позолоты средневековых торговых городов. Торговля и промышленность стали капитализироваться в ранее неизвестной степени. Одна великая семья капиталистов, Вельзер, владела фабриками в Риме, Милане, Генуе и Лионе и контролировала богатую торговлю с Востоком через свои дома в Антверпене, Лиссабоне и на Мадейре. Они даже безуспешно пытались основать немецкую колонию на новом континенте — в Венесуэле. Другие, фуггеры из Аугсбурга, были заинтересованы во всех видах торговли, но особенно в горнодобывающей промышленности. Говорят, что почти все рудники Тюрингии, Каринтии и Тироля в пределах Германии, а также Венгрии и Испании за ее пределами были в их руках. Капитал семьи оценивался в 1546 году в шестьдесят три миллиона гульденов. Такое увеличение богатства, похоже, коснулось не только нескольких любимцев фортуны. Он принадлежал массе членов крупных торговых компаний. Фон Безольд приводит в пример "некоего уроженца Аугсбурга", чьи инвестиции в размере 500 гульденов в торговую компанию принесли ему за семь лет 24 500 гульденов. Князья-торговцы противостояли князьям государства и Церкви, и их присутствие и власть нарушили старые социальные отношения. Города, резиденции этих богатых купцов, приобрели новое и мощное влияние в комплексе национальных отношений, пока не будет преувеличением сказать, что если политическое будущее Германии находилось в руках светских князей, то в ее социальном положении стал доминировать класс бюргеров.

§ 3. Увеличение богатства и роскошная жизнь.

Культура, давно покинувшая монастыри, поселилась в городах. Мы уже видели, что они были центрами немецкого гуманизма и Нового образования. Художники немецкого Возрождения

принадлежали к городам, и их главными покровителями были богатые бюргеры. Богатые торговцы проявляли свой гражданский патриотизм, помогая строить большие церкви; в возведении великолепных торговых палат, где можно было хранить товары, с залами для покупки и продажи и комнатами, где городские торговцы могли консультироваться об интересах гражданской торговли; в строительстве Артушефе или залов собраний, где патрицианские бюргеры устраивали свои публичные танцы, обеды и другие виды общественных развлечений; в возведении огромных башен в честь города. Они построили великолепные частные дома. Эней Сильвиус рассказывает нам, что в Нюрнберге он видел много бюргерских домов, приличествующих королям, и что король Шотландии жил не так благородно, как нюрнбергский бюргер второго ранга. Они наполнили свои жилища золотой и серебряной посудой и дорогим венецианским стеклом; их мебель была украшена изящной резьбой по дереву; дорогие гобелены, картины и гравюры украшали стены; а приемная, или *stube*, была местом наибольшей демонстрации. Города, в которых было накоплено все это богатство, не были ни густонаселенными, ни могущественными. Их нельзя сравнивать с городскими республиками Италии, где город правил большой территорией: земли, принадлежащие имперским городам Германии, были сравнительно небольшой площади. Они также не могли похвастаться населением крупных городов Нидерландов. Говорят, что в середине пятнадцатого века население Нюрнберга составляло немногим более 20 000 человек. Страсбург, несколько меньший по размеру. В 1440 году население Франкфурта-на-Майне составляло около 10 000 человек.⁴⁹ За десятилетия, непосредственно предшествовавшие Реформации, число жителей, вероятно, увеличилось еще вдвое. Но все крупные города с их тщательно продуманными укреплениями, красивыми зданиями и массивными башнями имели очень внушительный вид в начале шестнадцатого века.

Однако у всего этого была и другая сторона. Среди богатых бюргеров и знати Германии было очень мало личного “комфорта” и очень мало личной утонченности - гораздо меньше, чем среди соответствующих классов в Италии, Нидерландах и Франции. Города были сильно осушены, если осушались вообще; улицы редко мостили, и грязь скапливалась почти неопишутыми способами; мусор выбрасывали из окон; а полчища свиней были обычными падающими. Увеличение богатства проявлялось главным образом во всех видах чувственной жизни. Проповедники, экономисты и сатирики осуждают роскошь и нескромность одежды как мужчин, так и женщин, обжорство и пьянство богатых бюргеров и знати Германии. От Ганса фон Швайнихена мы узнаем, что дворяне гордились тем, что среди их слуг были люди, способные напоить всех соперников за столом, и что знатные особы редко встречались без такого соревнования в выпивке.⁵⁰ В богатом, образованном и артистичном городе Нюрнберге была общественная повозка, которую каждую ночь водили по улицам, чтобы подобрать и развезти по домам пьяных бюргеров, найденных лежащими в уличной грязи. В “Хронике семьи Циммер” рассказывается, что в замке графа Эндрю Зонненбергского по окончании карнавальных танцев и после того, как по кругу был разлит обычный “сонный напиток”, кто-то из компании отправился на псарню и вынес в бальный зал ведра с объедками и помоями, собранными для кормления собак, и что лорды и леди развлекались, швыряясь содержимым друг в друга, “к большому ущербу, - добавляет хронист, - своей одежде и комнате”.⁵¹ Подобная вольность пронизывала отношения между ними. мужчины и женщины, о которых, возможно, будет достаточно сказать, что общественные бани, где, следует отметить, купание часто носило беспорядочный характер, были таковы, что служили Альберту Дюреру и другим современным художникам “школой жизни” для создания рисунков обнаженной натуры.⁵² Разговоры и

поведение знати и богатых бюргеров Германии за десятилетия до Реформации демонстрировали грубость, которая теперь считалась бы позором для низших слоев населения в любой стране.⁵³

Постепенная капитализация промышленности подрывала старую организацию "гильдии" в городах; расширение торговли, и особенно перенос центра внешней торговли из Венеции в Антверпен, вследствие открытия нового пути на восточные рынки, и, прежде всего, рост крупных торговых компаний, мировая торговля которых требовала огромного капитала, отодвинули "гильдии" на второй план и уничтожили их влияние. Расцвет и могущество этого капиталистического порядка отделили бедных от богатых и создали, в неизвестном ранее смысле, класс пролетариата в городах, который мог увеличиться за счет притока недовольных и разоренных крестьян из сельских районов. Разложение нравов, достигшее своего апогея в городской жизни первой четверти XVI века, усилило растущую ненависть между богатым бюргером и бедным рабочим. Показная демонстрация бюргерского богатства усилила естественную антипатию между купцом и знатью. Всеобщая ненависть к купечеству - ярко выраженная черта времени. "Они повышают цены, сеют голод и убивают бедняков", - было распространенной поговоркой. Такие люди, как Ульрих фон Гуттен, были готовы оправдать рыцарей-разбойников, потому что они нападали на торговцев, которые, по его словам, разоряли Германию. И все же купеческий класс рос и процветал, а вместе с ними и города, которые они населяли.

§ 4. Положение крестьянства.

Необходимо также описать положение крестьянства в Германии. Люди, занимающиеся земледелием, обычно составляют наиболее стабильный элемент в любом сообществе, но они не могли не быть затронуты экономическими изменениями того времени. Семена революции уже давно были посеяны среди немецкого крестьянства, и крестьянские восстания происходили в различных районах юго-центральной Европы с середины XIV до начала XVI веков. Трудно точно описать состояние этих немецких крестьян. У социального положения дворян и бюргеров было много историков, а их образ жизни оставил обильные следы в литературе и археологии; но крестьянские дома и инвентарь вскоре пришли в упадок, и хроники редко упоминают мир, к которому принадлежали "землевладельцы", за исключением случаев, когда какое-нибудь местное крестьянское восстание или трагедия крестьянской войны оставляли их в истории. Наша главная трудность, однако, возникает не столько из-за нехватки описательного материала — ибо его можно найти, если его усердно искать, - сколько из-за различных, почти противоречивых утверждений, которые делаются. Некоторые современные писатели снисходительно описывают крестьянский класс. Большое количество сборников Weisthümer, общепринятых законов, регулировавших жизнь деревенских общин, были восстановлены и тщательно отредактированы;⁵⁴ народных песен сохраняют старую жизнь и обычаи; многие из Fastnachtspiele или грубых карнавальных драм посвящены крестьянским сценам; а Альберт Дюрер и другие художники того времени снова и снова зарисовывали крестьянина, его дом и скотный двор, его деревню и его повседневную жизнь. Мы можем, частично, реконструировать старую крестьянскую жизнь и ее окружение. Только следует помнить, что жизнь различалась не только в разных частях Германии, но и в одних и тех же районах и десятилетиях при разных сельских владельцах; ибо крестьянин был настолько

зависим от своего надсмотрщика, что характер владельца во многом определял положение людей.

Деревенских ремесленников не существовало. Крестьяне жили сами по себе, отдельно от всех других классов населения. Это универсальное утверждение. Они везли продукты своей земли и скот в ближайший город, продавали их на рынке и покупали там все, что им было нужно для жизни и работы.

Они жили в деревнях, определенным образом укрепленных; группа домов иногда была окружена стеной, но обычно прочным забором, сделанным из прочных кольев и переплетенных ветвей. Сюда входили через ворота, которые можно было запереть. За забором по кругу тянулся глубокий ров, пересеченный "падающей дверью" или подъемным мостом. За оградой среди домов обычно располагались небольшая церковь, трактир, дом или комната (Spielhaus), где заседал сельский совет и где вершилось правосудие. Впереди стоял крепкий деревянный кол, к которому привязывали преступников для наказания, а рядом с ним всегда были колодки, иногда виселица, реже столб и колесо для варварского средневекового наказания "битие на колесе".

Дома представляли собой деревянные каркасы, заполненные высушенными на солнце кирпичами, и были покрыты соломой; дымоходы были деревянными, обмазанными глиной. Скот, топливо, фураж и семья были укрыты под одной большой крышей. Древесина для строительства и ремонта добывалась в лесу в соответствии с правилами, установленными в Вайштюмере, и крестьянам разрешалось собирать упавшие ветки на дрова: женщины собирали и носили, а мужчины рубили и складывали под карнизом. Все нарушения лесных законов сурово карались (в некоторых Вайштюмерах вырубка дерева без разрешения каралась обезглавливанием); то же самое касалось и переноса ориентиров, поскольку древесина и почва были ценны.

К большинству домов был пристроен небольшой огороженный сад, в котором выращивали капусту, зелень и салат-латук; мелкий лук (сиболле, шотландский сибос), петрушку и горошек; мак, чеснок и коноплю; яблоки, сливы и, в Южной Германии, виноград; а также другие растения, средневековые немецкие названия которых я не могу перевести. В саду ставили деревянные ульи, а во дворе обычно стояла голубятня.

Скудное нижнее белье крестьян было шерстяным, а верхняя одежда льняной — мужской, подпоясанной поясом, с которого свисал меч, ибо они всегда ходили вооруженными. Их мебель состояла из стола, нескольких трехногих табуретов и одного или двух сундуков. На стенах висели грубые кухонные принадлежности, а на стропилах — вяленая свинина, фрукты и корзины с зерном. Чашки для питья были из грубой глины; и мы находим правила, согласно которым скатерть или покрытие стола следовало стирать по крайней мере раз в год! Их обычной пищей были "немного бедного хлеба, овсяная каша и вареные овощи; а питьем были вода и сыворотка". Поголовье включало лошадей, коров, коз, овец, свиней и кур.⁵⁵

Жители деревни избрали из своей среды четырех мужчин, бауэрнмейстера, которые были Отцами общины. Они были арбитрами в спорах, улаживали ссоры и обеспечивали справедливое распределение различных феодальных выплат и услуг. Они не обладали судебными или административными полномочиями; они принадлежали верховному лорду или назначенному им представителю. Этот чиновник заседал в зале правосудия, слушал дела, выносил приговоры и пользовался всеми средневековыми полномочиями "ямы и виселицы".

Весь список средневековых наказаний, нелепых и ужасных, был в его распоряжении. Это был он, который приказал пронести бранящуюся жену вокруг церкви три раза, под насмешки соседей; который заковал несчастного угольщика, нарушившего какой-то лесной закон, в колодки и держал его босые ноги на медленном огне, пока его подошвы основательно не обгорели; который обезглавливал людей, рубивших деревья, и приказывал казнить убийц на колесовании. Он следил за тем, чтобы арендная плата, выплаченная натурой, была должным образом собрана. Он руководил принудительными работами по вспашке, посеву и уборке урожая на полях верховного лорда, выяснял, какой лес нужно рубить для замка, какие рвы рыть и какие дороги ремонтировать. Он видел, что крестьяне пили только вино с виноградников владельца, и что они пили его в достаточном количестве; что они мололи зерно на мельнице владельца и обжигали хлеб в поместной пекарне. Он взыскал два самых ценных движимых имущества мертвого крестьянина — ненавистный “налог на смерть”. Его власти не было конца. Конечно, согласно Вайштюмеру, эти полномочия должны были осуществляться *обычными* способами; и в некоторых частях Германии бессрочная “принудительная служба” была заменена двенадцатидневной службой в году, а в других - выплатой фиксированной ставки вместо службы.

Это описание крестьянской жизни полностью взято из “Вайштюмера”, и, по причинам, которые сразу бросаются в глаза, оно, возможно, отражает скорее "золотое прошлое", чем реальное положение дел в начале шестнадцатого века. Это показывает крестьян, живущих в состоянии грубого изобилия, если бы не бесконечные поборы их лордов и постоянные грабежи, которым они подвергались со стороны банд отъявленных негодяев, кишевших по стране, и отрядов солдат, которые, не задумываясь, уводили коров крестьянина, забивали его свиней, жестоко обращались с его женщинами и даже поджигали его дом.

У крестьян были свои развлечения, не всегда слишком пристойные. В дни церковных праздников, а их было много, крестьяне ходили в церковь и слушали утреннюю мессу, обсуждали деревенские дела под липами или на каком-нибудь открытом месте неподалеку от деревни, а вторую половину дня проводили в тех развлечениях, которые им больше всего нравились, — ели и выпивали в трактире и танцевали на деревенской лужайке. В одном из своих наименее известных стихотворений Ганс Сакс описывает эту сцену— девушки и волынщики ждали на танцплощадке, а мужчины и юноши в трактире ели телячью голову, рубец, печенку, кровяную колбасу и жареную свинину, запивая сывороткой и кислым деревенским вином, пока некоторые не провалились под скамейки; и была такая толкотня, царапанье, пиханье, вопли и пение, что не было слышно ни слова. Затем на площадку для танцев пришли трое молодых людей, его возлюбленная приготовила гирлянду для одного из них, и танцы начались; присоединились другие пары, и наконец шестнадцать пар ног пришли в движение. Повсюду слышались грубые шутки, жесты и ласки.

“Nach dem der Messner von Hirschau,

Der tanzet mit des Pfarrhaus Frau

Von Budenheim, die hat er lieb,

Viel Scherzens am Tanz mit ihr trieb.”

Мужчины сбивали своих партнерш с ног и кружили их круг за кругом, или хватали их за талию и подбрасывали так высоко, как только могли; в то время как сами они подпрыгивали и выбрасывали ноги так безрассудно, что Ганс Закс думал, что они все упадут.

Зимние забавы собирались вокруг прядильни. Ибо в большинстве немецких деревень было принято, чтобы молодые женщины отправлялись прясть весь вечер в большую комнату на мельнице, или в деревенскую таверну, или в дом соседки со своей шерстью и льном, своими прялками и веретенами, некоторые из которых были старинными семейными реликвиями и богато украшены. По их словам, мальчики приходили также для того, чтобы счистить пушок с платьев девушек; поддержать маленький стаканчик с водой, в который они опускали пальцы во время разминки; и подбодрить старых дев песнями и декламациями. После работы начались танцы. В праздничные вечера, и особенно во время карнавала, парни угощали своих возлюбленных поздним ужином и танцами; и провожали их домой, неся их прялки и веретена.⁵⁶ Все старинные немецкие любовные народные песни полны намеков на это крестьянское ухаживание, и не будет преувеличением сказать, что из "пения в прядильне" возникло большинство старейших народных песен.

Эти описания применимы к немецким крестьянам Центральной и Южной Германии. На севере и северо-востоке земледельческое население, по большей части славянского происхождения, было обращено завоевателями в крепостное состояние, не имевшее аналогов в более благоприятных районах.

§ 5. Более ранние социальные восстания.

Именно среди крестьян немецкого происхождения на протяжении более века происходили восстания, успешные и неудачные. Поезд для революции был проложен не там, где крепостничество было наихудшим, а там, где в жизни было достаточно легкости, чтобы позволить людям думать, и где свобода была ближе всего в поле зрения. Возможно, было бы неплохо обратиться к более ранним крестьянским восстаниям, прежде чем пытаться исследовать причины тех постоянных волнений, которые были совершенно очевидны в начале XVI века.

Первым крупным успешным крестьянским восстанием была борьба за свободу жителей четырех лесных кантонов Швейцарии. Оружие, с помощью которого они свергли рыцарство Европы, - грубые пики, сделанные путем привязывания кос к альпенштокам, - до сих пор можно увидеть в исторических музеях Базеля и Констанца. Они доказали, что крестьянин как мужчина для мужчины ничем не хуже дворянина. Появился на свет свободный крестьянин-солдат. Эти свободные крестьяне на самом деле не отделялись от империи до 1499 года и были формально связаны с ней до 1648 года. Император все еще был их верховным господином. Но они были его свободными крестьянами, способными создавать лиги для своей взаимной защиты и отстаивания своих прав. К ним присоединились другие кантоны и некоторые соседние города, и Швейцарская конфедерация с ее флагом - белым крестом на красном фоне - и девизом "Каждый за всех и все для каждого" стала новой нацией в Европе. В течение следующего столетия (1424-

1471) крестьяне Ретийских Альп также завоевали свою свободу и образовали конфедерацию, подобную швейцарской, хотя и отдельную от нее. Он назывался Граубунд.

Пример этих крестьянских республик, сильных защитой, которую давали им горы, воспламенил воображение немецких крестьян юга и юго-запада империи, и лидеры проигравших народные дела нашли убежище в альпийских долинах, обдумывая новые планы освобождения своих последователей. У нас есть свидетельства популярности швейцарцев в городах и сельских округах Германии на протяжении всего пятнадцатого и вплоть до шестнадцатого века.⁵⁷

Но хотя социальные волнения и народные восстания против власти, характерные для конца средневековья, обычно и достаточно справедливо называются крестьянскими восстаниями, это название имеет тенденцию затемнять их реальный характер. Это были, скорее, восстания бедных против богатых, должников против кредиторов, людей, имевших ограниченные юридические права или вообще их не имевших, против тех, кто находился под защитой существующих законов, и к ним присоединились бедняки городов, а также крестьянство сельских районов. Обычно восстание начинали крестьяне, а за ними следовали горожане; но так было не всегда. Иногда городской сброд поднимался первым, а крестьяне присоединялись к нему позже. Также во многих случаях более бедные дворяне тайно или открыто сочувствовали повстанческому движению. Не раз они возглавляли повстанцев и сражались во главе них. Союз бедных дворян и крестьян привел к успеху чешского восстания.

Следует также помнить, что с конца четырнадцатого века и до начала шестнадцатого, какими бы разнообразными ни были крики и лозунги повстанцев, всегда слышна одна постоянная нотка ненависти к священникам (pfaffen); и из того, как евреи и священники постоянно объединяются в одном общем доносе, можно сделать вывод, что ненависть возникла скорее из-за невыносимого давления церковного вымогательства, чем из какого-либо чувства нерелигиозности. Десятина, большая и малая, и средства, затраченные на ее взимание, были невыносимым бременем. “Священники,” говорит английский писатель, “получают десятую часть всего зерна, лугов, пастбищ, травы, дров, жеребят, ягнят, гусей и цыплят. Сверх десятой части жалованья каждого слуги, шерсти, молока, меда, воска, сыра и масла; да, и они так строго следят за своей прибылью, что бедная жена должна отчитываться перед ними за каждое десятое яйцо, иначе она не получит своих прав на Пасху и будет признана еретичкой”. На самом деле, многие из этих десятин, вымогаемых от имени Церкви, вообще не попали в карманы духовенства, а были конфискованы феодальным настоятелем и пошли на увеличение его доходов. Народные чувства, однако, редко допускают дискриминацию, и феодальные и клерикальные сборы рассматривались как принадлежащие к одной системе невыносимого угнетения. Кроме того, алчность церковников выходила далеко за рамки взимания десятины. “Я вижу,” сказал испанец, - что мы едва ли можем получить что-либо от служителей Христа иначе, как за деньги; за деньги на крещение, за деньги на епископство, за деньги на брак, за деньги на исповедь — нет, не за соборования без денег! Они не будут звонить в колокола без денег, не будут хоронить в церкви без денег; так что кажется, что Рай закрыт от тех, у кого нет денег. Богатого хоронят в церкви, бедного - на церковном кладбище. Богатый мужчина может жениться на своей ближайшей родственнице, а бедный - нет, хотя он и готов умереть из-за любви к ней. Богатые могут есть мясо в Великий пост, а бедные - нет, хотя рыба, возможно, намного дороже. Богатый человек может легко получить большие поблажки, но бедный - никаких, потому что ему нужны деньги, чтобы заплатить за них”.⁵⁸

Несмотря на эту ненависть к священникам, можно обнаружить, что почти каждое повстанческое движение было пропитано каким-либо чувством восторженной религии, к которому примешивалась какая-то смутная мечта о том, что царство Божье может быть установлено на земле, если только священники будут изгнаны из страны. Этот религиозный элемент черпал часть своей силы из движения Лоллардов в Англии и таборитов в Богемии, но после 1476 года оно приобрело отчетливо немецкий характер. Его связь с тем, что можно почти назвать эпидемией паломничеств, сильно возросшим почитанием Пресвятой Богородицы и предписаниями, наложенными на союзников в некоторых революционных движениях повторять так много "Отче наш" и "Аве Мария", по-видимому, приводят к выводу, что большая часть того возрождения восторженной и суеверной религии, которым была отмечена вторая половина пятнадцатого века, может рассматриваться как попытка создать популярную религию отдельно от священников и клириков всех мастей.

Одно из самых ранних народных восстаний произошло в Готе в 1391 году, когда окрестные крестьяне и многие горожане города восстали против поборов евреев и потребовали их изгнания. Это было восстание должников против ростовщиков, и в конце концов оно было подавлено большинством граждан. Начиная с этой даты и вплоть до 1470 года подобные восстания происходили во многих частях Германии, вызванные теми же или сходными причинами — поборами евреев, священников или знати. В 1431-1432 годах по всей Европе велась мощная гуситская пропаганда. Страны были наводнены гуситскими воззваниями, и их пересекали гуситские эмиссары. Пола Кроуара отправили в Шотландию, а таких, как он, - в Испанию, Нидерланды и Восточную Пруссию. Среди прочего, они учили, что ветхозаветному закону о десятине не было места в христианской церкви и что христианская десятина изначально была добровольным пожертвованием, — утверждение, особенно приемлемое для немецкого крестьянства. К этому времени вся Германия узнала, как чешские крестьяне, обученные и руководимые людьми, принадлежащими к мелкому дворянству, разгромили в двух памятных кампаниях имперские армии во главе с самим императором и как они даже начали вторгаться в Германию. Хронисты говорят о тревоге правящих классов, гражданских и сельских, когда они осознали силу чувств, возбужденных этой пропагандой. Гуситская доктрина десятины впоследствии появляется в большинстве крестьянских программ.

Еще более мощный импульс восстаниям дала трагическая судьба бургундского короля Карла Смелого. Карл был идеальным феодальным автократом. Феодальные князья Германии в пятнадцатом веке смотрели на него снизу вверх и подражали ему, как и Людовик XIV. их потомки в конце семнадцатого века. Простые люди считали его типичным феодальным тираном, и ненавистное впечатление, которое производили на них его высокомерие, мстительность и угнетение бедных, проявляется в народных песнях того периода:

“Er schazt sich künig Alexander gleich;

Er wolt bezwingen alle Reich,

Das wante Got in kurzer stund.”

Они даже стали считать его одним из тех антихристов, которые должны были появиться, и в течение многих лет после его смерти в Нанси (1477) многие верили, что он жив и искупает свои грехи в длительном паломничестве.

Когда этот великий властитель, который, как считалось, хвастался, что есть три правителя — Бог на небесах, Люцифер в аду и он сам на земле, — потерпел поражение при Грансоне, был разгромлен при Морате, разгромлен и убит при Нанси швейцарскими крестьянами, ликование было огромным, и считалось, что крестьянство может унаследовать землю.⁵⁹

§ 6. Религиозный социализм Ганса Бема.

В последние годы этой памятной бургундской войны в самом центре Германии, в районе, который можно приблизительно определить как треугольник, вершинами которого были города Ашаффенбург, Вюрцбург и Крайльсхайм, в уединенных долинах Шпессарта и Таубергрунда, возникло странное движение. Молодой человек, Ганс Бем (Бехайм, Böheim), принадлежащий к самому низшему классу общества, стоящему ниже крестьянина, который кочует с одного деревенского фестиваля или церковного эля на другой и играет на маленьком барабане или на дудельсаке (грубой волынке), или поет песни для танцоров, внезапно осознал духовные вещи благодаря беседе странствующего францисканца. Он был совершенно необразован. Он даже не знал Символа Веры. У него были видения Пресвятой Девы, которая являлась ему в облике дамы, одетой в белое, призывала его стать проповедником и обещала ему дальнейшие откровения, которые он время от времени получал. Его домом была деревня Хельмштадт в долине Таубер, а самым священным местом, которое он знал, была часовня, посвященная Пресвятой Богородице в маленькой деревушке Никласхаузен на реке Таубер. Часовне была предоставлена индульгенция, и она была местом небольших паломничеств. Ганс Бем внезапно появился в воскресенье в середине Великого поста (24 марта 1476 г.), торжественно сжег свои грубые барабан и волынку перед толпой людей и объявил, что до сих пор он служил грехам и тщеславию деревенских жителей, но отныне он собирается быть проповедником благодати. Он был безупречным юношей, и его характер придавал силу его словам. Он рассказал о своих видениях, и люди поверили ему. Это был период, когда эпидемия паломничества охватила Европу, и паломники распространяли весть о пророке повсюду. Послушать его приходили толпы людей из соседних долин. Его слава распространилась на более отдаленные уголки, и хронисты утверждают, что в некоторые дни он проповедовал перед аудиторией от двадцати до тридцати тысяч человек. Его кафедрой была бочка, поставленная дыбом, или окно фермерского дома, или ветка дерева. Он уверял своих слушателей, что самым святым местом на земле, намного более святым, чем Рим, является часовня Богоматери в Никласхаузене, и что истинная религия заключается в почитании Пресвятой Девы. Он безмерно осуждал всех священников: они были хуже евреев; они могли быть обращены на какое-то время, но как только они возвращались к своим собратьям, они обязательно становились отступниками. Он ругал императора: тот был негодяем, который поддерживал всю мерзкую шайку принцев, верховных лордов, сборщиков налогов и других угнетателей бедных. Он насмехался над Папой Римским. Он отрицал существование Чистилища: хорошие люди попадали прямо в рай, а плохие - в ад. Он заявил, что приближается день, когда каждый принц, даже сам император, должен будет работать за свой дневной заработок, как все бедняки. Он утверждал, что налоги всех видов - зло, и их не следует платить; что рыба, дичь и луга являются общей собственностью; что все люди - братья и должны делиться поровну. Когда его проповедь закончилась, толпа преданных преклонила колени вокруг "святого юноши", и он, благословляя их, простил их грехи именем Бога. Затем толпа окружила его, срывая с него одежду, чтобы добыть какой-нибудь лоскуток

ткани, чтобы отнести домой и поклониться как реликвии; и часовня Никласхаузена обогатилась жертвоприношениями тысяч паломников.

Власти, миряне и священнослужители, поначалу не обращали на него особого внимания. Некоторые князья и некоторые города (например, Нюрнберг) запретили своим подданным посещать Никласхаузен; но пророка это не коснулось. Он пришел к убеждению, что его слова должны быть воплощены в действия. Однажды в воскресенье он попросил своих последователей встретиться с ним в следующее воскресенье, взяв с собой мечи и оставив своих жен и детей дома. Епископ Вюрцбургский, услышав это, послал отряд из тридцати четырех всадников, которые схватили пророка, посадили его на лошадь и увезли в епископскую крепость Фрауенберг близ Вюрцбурга. Его последователи допустили его поимку и, казалось, были ошеломлены этим. Через день или два они собрали все свое мужество и, по наущению старого крестьянина, которому было видение, во главе с четырьмя франконскими рыцарями выступили против Фрауенберга и окружили его. Они ожидали, что его стены падут, как стены Иерихона; и когда их постигло разочарование, они задержались на несколько дней, а затем постепенно разошлись. Сам Ганс после допроса был приговорен к сожжению как еретик. Он умер, распевая народный гимн во славу Пресвятой Девы.

Его смерть не положила конец вере его последователей. Несмотря на строгие запреты, паломничества продолжались, а дары накапливались. Соседний рыцарь разграбил часовню и унес сокровища, которыми был вынужден поделиться со своими соседями. Тем не менее паломничества продолжались, пока, наконец, церковные власти не уволили священника и не снесли здание, надеясь тем самым уничтожить движение.

Память о Гансе Беме жила среди простых людей, крестьян и ремесленников, ибо низшие классы Вюрцбурга и соседних городов были последователями этого движения. Возникло религиозное общественное движение, чисто немецкое, которому не суждено было скоро умереть. Влияние учения Ганса Бема проявляется почти во всех последующих восстаниях крестьян и ремесленников.⁶⁰ Даже Себастьян Бранд относит никласхаузенских паломников к своему типу энтузиастов, которые не довольствуются откровениями Ветхого и Нового Заветов, но должны искать собственного особого пророка:

“Man weis doch aus der Schrift so viel,
Aus altem und aus neuem Bunde,
Es braucht nicht wieder neuer Kunde.
Dennoch wallfahrten sie zur Klausen
Des Sackpfeifers von Nicklashausen.”⁶¹

А паломничество в Никласхаузен сохранилось в памяти людей благодаря длинной народной песне, которую Лиlienкрон напечатал в своем сборнике.⁶²

С этого времени в социальных восстаниях всегда присутствовал некоторый оттенок религиозного энтузиазма, когда крестьяне и бедные бюргеры плечом к плечу выступали против правящих сил в деревне и в городе.

Крестьяне на землях аббата Кемптенского, к северо-востоку от Боденского озера, в течение двух поколений протестовали против обращения с ними властей (1420-1490). Они подняли открытое восстание в 1491-1492 годах. Поначалу это было чисто аграрное восстание, вызванное требованиями, предъявленными к ним их господином, не санкционированными старыми обычаями, распространенными в вайштумере; но низшие классы города Кемптен объединились с повстанцами. Тем не менее, есть отчетливые следы религиозного энтузиазма, мало чем отличающегося от того, который вдохновлял движение Ганса Бема. Восстание было подавлено, а лидеры, которым удалось спастись, нашли убежище в Швейцарии.

§ 7. Восстания в Бундестаге.

В массовом социальном восстании, вспыхнувшем в Эльзасе в 1493 году, крестьян поддержали города; были выдвинуты требования об упразднении императорского и церковного судов, об уменьшении церковной собственности, о разграблении евреев, наживавшихся на ростовщичестве, и об ограничении власти священников. У немцев была пословица: “Бедняк должен завязывать шнурки на ботинках”, и “завязанный башмак” (Bundschuh), обувь бедняка, стал эмблемой этого и последующих социальных восстаний, в то время как их девизом было: “Только то, что справедливо перед Богом”. Это восстание, которое было преждевременно предано, не испытывало недостатка в выдающихся лидерах. Одним из них был Ганс Ульман, бургомистр Шлеттштадта, который умер на эшафоте, подтверждая справедливость требований, выдвинутых им и его товарищами, и предсказывая их будущий триумф.

В 1501 году крестьяне Кемптена и соседних округов снова подняли восстание, и к ним снова присоединились более бедные горожане. В следующем, 1502 году, планировалось восстание со штаб-квартирой в деревне Унтергромбах, недалеко от Шпейера; оно распространилось на Эльзас, вдоль Неккара и вниз по Рейну. БANNER "Бундестага" был снова развернут. Оно было сшито из голубого шелка, с белым крестом - эмблемой Швейцарии - в центре. Он был украшен изображением распятого Христа, Бундштука с одной стороны и коленопреклоненного крестьянина с другой. Девизом снова стало “Только то, что справедливо перед Богом”. Каждый сотрудник пообещал пять раз в день повторять молитву Господню и "Аве Мария". Святыми покровителями были объявлены Пресвятая Дева и святой Иоанн. Это движение было решительно антиклерикальным. Лидеры учили, что не может быть избавления от угнетения до тех пор, пока священники не будут изгнаны с земли, пока имущество знати и священников не будет конфисковано и их власть не будет сломлена. Десятина, феодальные поборы всех видов и любое социальное неравенство были осуждены; водные, лесные и пастбищные угодья были объявлены общей собственностью всех. Лидеры признали верховенство императора как верховного владыки, но отвергли все промежуточные юрисдикции. План состоял в том, чтобы поднять крестьян и горожан по всей Германии и призвать швейцарцев помочь им в освобождении от угнетения. Восстание было подавлено с дикой жестокостью; большинство лидеров были четвертованы. Многие бежали в Швейцарию и скрывались в альпийских долинах.

Одним из них был Йосс Фриц, который был солдатом (ландскнехтом) - человеком со многими лидерскими качествами. Он обладал целеустремленностью, большими организаторскими способностями и даром убеждения. Он поклялся восстановить Бундеслигу. Он долгие годы скрывался в Швейцарии, вынашивая свои планы. Затем он тайно вернулся к своему народу. Кажется, он добился назначения лесничим к дворянину, чьи земли находились недалеко от

города Фрейбург в Брейсгау; и там, в маленькой деревушке Лехен, он начал заново сплетать разорванные нити Бундсхухской лиги. Он общался с бедняками в тавернах, пил церковный эль, на деревенских лужайках в праздничные дни. Он говорил о справедливости Божьей и порочности мира. Он изложил старые принципы Бундестага с некоторыми вариациями. Кажется, что от огульной ненависти к священникам отказались. Большинство деревенских священников были крестьянами и, как и они, страдали от властолюбия начальства. Приходской священник Лехена стал решительным сторонником Bundschuh и сказал своим прихожанам, что все его идеи могут быть подтверждены словом Божиим. Джосс Фриц привлек на свою сторону “золото” нищих, бродячих музыкантов, всевозможных бродяг, которые могли быть полезны. Они передавали его послания, созывали людей на его собрания в тихих местах в лесу и были активными помощниками. На этих собраниях Джосс Фриц и его заместитель Джером, подмастерье пекаря, разъясняли Священные Писания “просто под руководством Святого Духа” и доказывали, что все требования Бундштука вытекают из слова Божьего.

Когда страна, казалось, почти созрела для восстания, Джосс Фриц решил подготовить знамя как можно тайнее. Было легко достать синий шелк и пришить к нему белый крест; трудность заключалась в том, чтобы найти художника, достаточно сочувствующего, чтобы нарисовать эмблемы, и достаточно смелого, чтобы сохранить тайну. Наконец знамя было раскрашено. Распятый Христос в центре, крестьянин, преклонивший колени в молитве, с одной стороны, и Бандшух с другой, фигуры Девы Марии и Святого Иоанна, а также изображения папы Римского и императора. Был добавлен девиз “Господи, помоги праведным”, и знамя с его поразительной символикой было завершено. У Лиги была старая программа с некоторыми изменениями: — никаких хозяев, кроме Бога, папы и императора, никакого ростовщичества, все долги должны быть аннулированы, и пункты, упомянутые выше. Лидеры хвастались, что их лига простирается до города Кельн (Cologne), и что швейцарцы будут маршировать во главе их. Но тайна просочилась наружу до запланированной даты всеобщего восстания, и восстание было безжалостно подавлено (1512-1513). Ее лидер сбежал со знаменем Bundschuh, намотанным на его тело под одеждой. Через четыре года он снова вернулся к своей работе (1517). За очень короткое время его агенты, “гильдия” нищих, бродячих менестрелей, бедных священников, паломников к местным святыням, продавцов помилований, нищенствующих монахов и даже прокаженных, объединили крестьянство и бедных ремесленников в городах в один обширный заговор, который охватил весь район между Вогезами и Шварцвальдом, включая весь Баден и Эльзас. Заговор снова был раскрыт до того, как планы лидеров созрели, и частичные восстания были легко подавлены; но когда власти приступили к тщательному расследованию, они были ошеломлены масштабами движения. Крестьяне сельских районов и население городов были связаны друг с другом, чтобы отомстить за общие обиды. Средствами тайной связи пользовались сельские трактирщики, старые ландскнехты, разносчики, приходские священники, а также вышеупомянутые бродяги; и имена некоторых из подчиненных лидеров — “длинный” Джон, “кривой” Питер, “старый” Кунц — показывают классы, из которых они были взяты. Было обнаружено, что население Вайзенбурга пришло к соглашению с жителями Хагенау (оба города находились в Эльзасе) убить гражданских советников, судей и всех жителей благородного происхождения, отказаться от уплаты всех имперских и церковных сборов и что швейцарцы обещали прийти им на помощь.

Можно почти сказать, что между 1503 и 1517 годами социальная революция прочно утвердилась в южных округах империи, от Эльзаса на западе до Каринтии и Штайермарка на востоке. Нет необходимости подробно описывать подъемы. Это были не чисто крестьянские

восстания, поскольку почти всегда в них участвовали горожане; но все они демонстрировали ту смесь коммунистических идей и религиозного энтузиазма, эмблемой которой стало знамя Бундштука, и которая может восходить к движению под руководством Ганса Бема как к его немецкому источнику, и, возможно, к более ранней пропаганде гуситских революционеров или таборитов. Последние десятилетия пятнадцатого и первые годы шестнадцатого века были временем постоянных социальных волнений.

§ 8. Причины непрекращающихся восстаний.

Если мы спросим, почему крестьяне, участь которых, согласно информации, приведенной в "Вайштюмере", не могла быть такой уж тяжелой, были так готовы к восстанию в последней четверти XV века, ответ, по-видимому, будет заключаться в том, что их обстоятельства, должно быть, все больше менялись. Некоторые хронисты описывали положение крестьян в конце пятнадцатого и в начале шестнадцатого века, и они всегда останавливаются на их нищете. Джон Бем, писавший в начале шестнадцатого века, говорит, что "их участь была тяжелой и прискорбной", и называет их "рабами".⁶³ Себастьян Франк (1534), Себастьян Мюнстер (1546), Х. Панталеоне (1570), итальянец, написавший описание Германии, все согласны с Бемом. Франк добавляет, что крестьяне ненавидят любого священнослужителя, хорошего или плохого, и что их речь полна насмешек над священниками и монахами; в то время как Панталеоне замечает, что многие квалифицированные рабочие, ремесленники, художники и образованные люди произошли из этого презируемого крестьянского класса. Должно быть, произошли большие перемены к худшему в положении более бедных жителей как в городе, так и в деревне.

Что касается горожан, то ничего не нужно добавлять к тому, что уже было сказано; но причины растущей депрессии крестьянства были более сложными. Всеобщее свидетельство современников состоит в том, что постепенное введение римского права привело к величайшим переменам, передав средство всеобщего угнетения в руки верховных лордов. Нет необходимости предполагать, что юристы, внедрившие новую юриспруденцию, намеревались использовать ее для деградации и угнетения крестьянского класса. Небольшое изучение Вайштюмера показывает, насколько сложным и разнообразным был этот общепринятый закон, регулировавший отношения между крестьянином и надсмотрщиком. Было естественно, когда крупные поместья превращались в княжества, будь то мирские или клерикальные, что верховные лорды искали какой-то принцип кодификации или приведения к единообразию. На протяжении веков существовал обычай пытаться упростить более грубые и запутанные немецкие кодексы, приведя их в соответствие с принципами римского права, и эта идея получила мощный импульс от движения Возрождения. Но когда ошеломляющее разнообразие обычных обычаев, которые регулировали отношения земледельцев к надсмотрщикам, было упрощено в соответствии с идеями римского права, результат оказался в высшей степени опасным для свободного крестьянства Германии. Концепция строгой индивидуальной собственности имела тенденцию вытеснять неопределенную концепцию общинной собственности, и крестьяне могли появляться только под видом арендаторов на долгосрочной основе, или крепостных, у которых могли быть некоторые личные права, но не было прав собственности, или рабов, у которых вообще не было никаких прав. Новая судебная практика началась с нападения на общие земли, пастбища и леса. Страсть к охоте, которая становилась все более захватывающей по мере того, как право вести частную войну

становилось все более и более опасным, привела к тому, что дворяне настаивали на индивидуальном праве собственности на все лесные угодья и к опубликованию таких лесных законов, какие, как мы находим, были приняты в Вюртемберге, где любой, кто был уличен в нарушении границы с ружьем или арбалетом, мог лишиться одного глаза. Попытку свести свободных крестьян, владеющих общинной собственностью, к арендаторам, находящимся в долгосрочной аренде, затем к крепостным и, наконец, к рабам можно увидеть в семидесятилетней борьбе между аббатами Кемптена и их крестьянами. Эти духовные владыки вели борьбу со всеми видами силы и ухищрений, на которые только были способны. Они незаконно расширили юрисдикцию своих духовных судов; они препятствовали бедным людям, которые выступали против них, садиться за Стол Господень; они фактически подделали свои документы о праве собственности, вставив положения, которые изначально в них не содержались.

Случай с землями Кемптен, без сомнения, был экстремальным, хотя ему могли соответствовать и другие. Но на что следует обратить внимание, так это на огромные возможности для угнетения, которые были предоставлены в руки верховных лордов новой юриспруденцией, и соблазн воспользоваться ими, когда, казалось, этого требовали их интересы, или когда их крестьянство начало становиться непокорным или стало слишком зажиточным. Экономические изменения, происходившие на протяжении всего пятнадцатого века, дали повод для использования полномочий, которые новая юрисдикция предоставила в распоряжение землевладельцев. Экономическая революция с самого начала привела к обнищанию немецкой знати; в то время как в своем начале и до тех пор, пока не произошел резкий рост цен, она скорее помогла крестьянству. У них был лучший рынок сбыта их продукции, и они так извлекали из этого выгоду, что бюргеры заговорили о том, чтобы лишить их права на свободные рынки на том основании, что они начали узурпировать место торговцев и занимались торговлей золотом, ссужая деньги под проценты. Соревнование в роскошной одежде и образе жизни, которое обедневшая знать вела с богатыми бюргерами, сделало первых еще беднее и безрассуднее. Мы читаем о знатной даме из Швабии, которая, вместо того чтобы блистать на турнире, продала деревню и все свои права на нее, чтобы купить синее бархатное платье. Дворяне, становясь все беднее и беднее, видели, что их собственные крестьяне зарабатывают деньги до такой степени, что они, сравнительно говоря, были намного богаче их самих, так что в Вестфалии говорили, что крестьянин может получить кредит легче, чем пять дворян.

Более того, крестьяне, похоже, уже не были так покорны своим господам, как раньше. И в этом не было ничего удивительного. Созданием ландскнехтов вселило в их головы новые мысли. Времена старого боевого рыцарства прошли, и сила армий измерялась количеством и дисциплиной пехоты. Победы швейцарцев над Карлом Смелым сделали крестьян или солдат-ремесленников могущественными. Короли и принцы создавали постоянные армии, набираемые из сельских районов или из числа более дикого и беспокойного городского населения. Народные песни полны деяний этих солдат-плебеев. Когда ландскнехт навещал своих родственников в деревне или в городе, расхаживал с важным видом в своей великолепной пестрой одежде, широкополой шляпе, украшенной огромными перьями, в своих огромных латных рукавицах и оружии; когда он показывал золотую цепь, или свои дукаты, или драгоценный камень, который он получил в качестве своей доли добычи; когда его старые соседи видели, что молодые бюргеры подражают его одежде и походке, — он становился центром восхищения, и его родственники начинали высоко ценить его. Они приобрели новую независимость характера, новое нетерпение по отношению ко всему, что мешало им подняться

в мире. Едва ли было достаточно отмечено, что большинство лидеров плебейских восстаний были распущенными ландскнехтами.⁶⁴

Новая юриспруденция была очень эффективным инструментом в руках обедневшего класса землевладельцев, призванным избавить крестьянина от его избыточного богатства и удержать его на подобающем месте. Он использовался почти повсеместно, и естественным следствием этого были крестьянские восстания. Но более решительные крестьянские восстания, начавшиеся с Бундеслиги, возникли в то время, когда жизнь крестьян и ремесленников была тяжелой.

Последнее десятилетие пятнадцатого века и первое число шестнадцатого включали в себя ряд лет, когда урожай был неурожайным почти полностью на всей территории Германии или в некоторых ее частях. Они начались в 1490 году, и в тот год современные авторы, такие как Тритемий, заявляют, что участь бедняков была почти невыносимой. Неурожаи 1491 и 1492 годов усугубили ситуацию. В 1493 году, когда был основан Бундшух, о положении дел можно догадаться по тому факту, что люди проделали путь от Тироля до верховьев Майна, где урожай был сравнительно хорошим, купили там ячмень в пять раз дороже обычной цены, перевезли его на выючных лошадях малолюдными тропами в свою страну и с прибылью продали.

В 1499 году швейцарцы отказались подчиниться имперским предложениям по укреплению империи. Максимилиан или его правительство в Тироле решили наказать их, и Швабская лига должна была стать палачами. Швейцарцы, крайне разгневанные, заявили, что если их вынудят к войне, то это будет война на уничтожение. Они были так же плохи, как и их слово. Очевидец видел целые деревни в опустошенных районах, покинутых мужчинами, а женщины собирались в отряды, питались травами и кореньями и с апатией отчаяния наблюдали, как их ряды день ото дня становятся все меньше.⁶⁵ Война в Швейцарии была хуже многих неурожаев для Хегау и других районов Южной Германии.

В 1500 году по всей Германии был неурожай; 1501 и 1502 годы были годами неурожая в ряде районов; а в 1503 году был еще один повсеместный неурожай. Эти годы дефицита сильнее всего давили на крестьянский класс. В некоторых районах Бранденбурга крестьян находили в лесах мертвыми от голода, с травой, которую они пытались съесть, все еще у них во рту. Такие города, как Аугсбург и Страсбург, закупали зерно, размещали его в магазинах и поддерживали жизнь бедняков периодическими раздачами. Этот цикл голодных лет с 1490 по 1503 год был периодом, когда происходили наиболее решительные и отчаянные социальные восстания, и во многом объясняет их.⁶⁶

Наше описание социальных условий, существовавших в период, положивший начало Реформации, ограничено Германией. Великое религиозное движение зародилось на этой земле, и изучение тамошней окружающей среды имеет первостепенное значение. Но всеобщие экономические изменения повсюду вызывали социальные беспорядки, видоизменявшиеся по внешнему виду и характеру в зависимости от особых условий различных стран Европы. Народные восстания в Англии, начавшиеся с гигантской забастовки рабочих под руководством Уота Тайлера и пастора Болла и закончившиеся беспорядками во время правления Эдуарда VI, были аналогом социального восстания в Германии.

Из всего сказанного становится очевидным, что накануне Реформации положение Европы, и Германии в частности, характеризовалось бурлящим недовольством и было полно

ожесточенной классовой ненависти — торговые компании и крупные капиталисты выступали против “гильдий”, беднейшие классы - против более богатых, а знать - против городов. Такое положение вещей в изобилии отражено в народных песнях того периода, которые лучше всего раскрывают сокровенные чувства людей. Ибо это была эпоха песен повсюду, и особенно в Германии. Дворяне и рыцари, бюргеры и крестьяне, ландскнехты и швейцарские солдаты, священники и клерки, юристы и торговцы — все выражали чувства своего класса, когда пели; и народные песни дают нам прекрасную картину классовой ненависти, которая разрывала на части старые условия средневековой жизни и готовила путь для нового мира.

Это общественное брожение усилилось из-за внезапного и загадочного роста цен, затронувшего сначала товары иностранного производства, к которым более богатые классы стали сильно пристрастными, и, наконец, обычные предметы первой необходимости. Сейчас считается, что причиной было не обесценивание чеканки монет, поскольку это затронуло только узкий круг; и не импорт драгоценных металлов из Америки, поскольку это произошло позже; скорее, это было увеличение добычи на рудниках в Европе. Какова бы ни была причина, для современников это было раздражающей загадкой, и каждый класс общества был склонен винить в этом других. Таким образом, в начале шестнадцатого века мы имеем беспокойное социальное состояние в Германии, вызванное в значительной степени экономическими причинами, которых никто не понимал, но результаты которых болезненно проявлялись в толпах крепких нищих, заполонивших дороги, — отбросах всех классов общества, от разорившегося дворянина и распущенного солдата-наемника до разорившегося крестьянина, безработного рабочего, нищего монаха и “бродячего студента”. Именно в эту массу бурлящего недовольства упала искра религиозного протеста — единственное, что было необходимо, чтобы поджечь поезд и разжечь социальный пожар. Это было общество, к которому обращался Лютер, и его недовольство было тем резонатором, на котором отражались его слова.

Глава V. Семейная и народная религиозная жизнь в десятилетия, предшествовавшие Реформации.⁶⁷

§ 1. Преданность Германии Римской церкви.

Истинные корни духовной жизни Лютера и других реформаторов следует искать в семье и в популярной религиозной жизни того времени. Долг историка - выяснить, если возможно, какие религиозные наставления давались родителями детям в благочестивых семьях, из которых вышло большинство реформаторов, и с какими религиозными влияниями сталкивались благочестивые мальчики после того, как они покидали семейный круг. Мало кто позаботился о выполнении этой трудной задачи, и только в последние годы был накоплен необходимый материал. Его следует искать в автобиографиях, дневниках и частных письмах; в книгах народного благочестия, которые терпеливые церковные археологи эксгумируют и

перепечатавают; в упоминаниях о благочестивых братствах позднего средневековья, и в особенности окаландах среди ремесленников, которые появляются в городских хрониках, и чьи конституции медленно раскрываются местными историческими обществами; в полицейских постановлениях городов и сельских округов, направленных на ограничение власти духовенства, и в церковных документах. эдикты князей, пытающихся привести в исполнение некоторые рекомендации Констанцского и Базельского соборов; в наиболее популярных гимнах того времени и в проповедях наиболее пылких проповедников; в песнях паломников и путеводителях для паломников; и во множестве других источников, обычно не изучаемых церковными историками.

На первый взгляд, ни одна страна не казалась более преданной средневековой церкви и папе, ее главе, чем Германия за полвека до Реформации. Образованный итальянец Алеандр, папский нунций на Вормсском сейме, был поражен признаками недовольства, с которыми столкнулся в 1520 году.⁶⁸ Он часто посещал Германию и был близко знаком со многими гуманистами севера; по его мнению, вплоть до 1510 года (даты его последнего визита) он никогда не был среди людей, столь преданных римскому епископу. Ни одна нация не проявляла таких признаков восторга по поводу прекращения Раскола и восстановления "Церковного мира". Итальянские гуманисты постоянно выражают свое удивление силой религиозной восприимчивости немцев, а папская курия рассматривала немецкую набожность как постоянный источник доходов Рима. Немцы проявляли почти лихорадочное стремление воспользоваться всеми обычными и экстраординарными средствами благодати. Они построили бесчисленное количество церквей; их города были полны монастырских фондов; они покупали индульгенции, совершали паломничества, посещали святыни, почитали реликвии так, как этого не делал ни один другой народ. Благочестие немцев вошло в поговорку.

Количество церквей было огромным для населения. Почти в каждой крошечной деревне была своя часовня, и в каждом городе любого размера было несколько церквей. Церковное строительство и убранство были характерной чертой того времени. В городе Данциг в течение пятнадцатого века было заложено или достроено 8 новых церквей. "Святой" город Кельн (Cologne) в конце XV века насчитывал 11 больших церквей, 19 приходских костелов, 22 монастыря, 12 больниц и 76 женских монастырей; у его алтарей ежедневно служилось более тысячи месс. Несомненно, он был исключительно богат церковными зданиями; но в меньшем городке Брауншвейг было 15 церквей, более 20 часовен, 5 монастырей, 6 больниц и 12 домов бегинок, а в его великой церкви, посвященной святому Блазию, было 26 алтарей, на которых служили 60 священнослужителей. Так было по всей Германии.

Помимо большого количества монахов и монахинь, населявших бесчисленные монастыри, значительная часть населения принадлежала к какому-либо полуцерковному объединению. Многие были третьяками святого Франциска; многие были связаны с бегинками: в Кельне насчитывалось 106 домов бегинок; в Страсбурге - более 60, а в Базеле - более 30.

Церкви и часовни, монастыри и религиозные дома получали всевозможные подношения как от богатых, так и от бедных. В те дни беспрецедентного бюргерского процветания городские церкви превратились в "музеи и сокровищницы". Окна были заполнены расписным стеклом; оружие, доспехи, драгоценности, картины, гобелены хранились в сокровищницах или украшали стены. Сохранились древние описи некоторых из этих церковных накоплений богатства. В кафедральном соборе Берна, например, голова святого Винцентия, покровителя, была

украшена большим количеством золота и одним драгоценным камнем, который считался бесценным; в сокровищнице было 70 золотых и 50 серебряных чаш, 2 серебряных ларца и 450 дорогих облачений для причастия, украшенных драгоценными камнями огромной ценности. Роскошь, художественная фантазия и богатство, которые могли послужить и тому, и другому, все три были характерны для того времени, и немцы расточали их на свои церкви.

§ 2. Проповедь.

С другой стороны, проповедь заняла такое место, какого никогда ранее не занимала в средневековой церкви. Некоторые выдающиеся церковники, не колеблясь, говорили, что это самая важная обязанность, которую может выполнять священник, — более важная, чем служение мессы. Было признано, что, когда люди начали читать Библию и религиозные книги на родном языке, священникам стало необходимо уметь разумно и сочувственно наставлять своих прихожан в проповедях. Были предприняты попытки снабдить проповедников материалом для составления проповедей. Самой ранней была *Biblia Pauperum* (Библия для нищих христиан, или монахов-проповедников), в которой собраны на одной странице иллюстрации библейских историй, подогнанные друг к другу, и добавлены краткие комментарии. Таким образом, на двадцать пятом листе изображены три картины — в центре Распятие; слева Авраам, собирающийся заколоть Исаака, с агнцем на переднем плане; и слева Медный змей и исцеление от чумы. Более образованные проповедники нашли ценный комментарий в "Postilla" ученого францисканца Николаса де Лиры ("Лиры" или "Лир", деревня в Нормандии), который был первым настоящим ученым-экзегетиком, и которому позже Лютер был в большом долгу.⁶⁹

Для приходских священников также были написаны и опубликованы руководства по пастырскому богословию, самое известное из которых — под причудливым названием *Dormi Secure* ("спи в безопасности"). В нем описываются наиболее важные части богослужения и то, из чего состоит хорошая проповедь; в нем даются Уроки для воскресных служб, основные догматы христианской веры, даются указания по пастырской работе и исцелению душ. Несколько затруднительно кратко описать характер проповедей. Некоторые из них были очень назидательными и заслуженно популярными. Проповеди Джона Херолта были напечатаны и получили очень широкое распространение. Вышло не менее сорока одного издания. Большая часть проповеди представляла собой изложение тем, взятых из схоластического богословия, обработанных самым техническим образом. Многие проповедники, похоже, профанировали свой пост в погоне за популярностью и примешивали к своим увещаниям весьма сомнительные истории и грубые шутки. Самым известным из проповедников, процветавших в конце XV века, был Джон Гейлер из Кейзерсберга (в Эльзасе близ Кольмара), друг Себастьяна Бранда и член гуманистического кружка Страсбурга. Должность, которую он занимал, иллюстрирует стремление людей того времени поощрять проповедь. Бюргер Страсбурга Питер Шотт оставил некоторую сумму денег на содержание проповедника, который должен был стать доктором богословия, не принимавшего монашеских обетов и который должен был проповедовать людям на местном наречии; в Страсбургском соборе была установлена специальная кафедра для проповедника, предоставленного этим фондом, которым был Джон Гейлер. Его проповеди полны призывов к благочестию и правильной жизни. Он обрушивался с критикой на пороки и суеверия своего времени. Он осудил поклонение реликвиям,

паломничества, покупку индульгенций и разврат в монастырях. Он выступал против роскошной жизни пап и прелатов и их торговли бенефициями. Он саркастически ссылаясь на папские декреты и на придирки схоластического богословия. Он так ясно описывает роскошь и пороки, которые он осуждал, что его труды являются ценным источником для историка народной морали. Он был суровым проповедником морали, но в его проповедях содержится очень мало евангельского послания. Читая их, мы можем понять жалобу Лютера на то, что, хотя он выслушал множество проповедей о грехах века и множество рассуждений на схоластические темы, он никогда не слышал ни одной, в которой провозглашалась бы любовь Бога к человеку в миссии и труде Иисуса Христа.

§ 3. Церковные праздники.

Сама Церковь, признавая любовь народа ко всякого рода сценическим представлениям, с удовольствием удовлетворяла преобладающий вкус великолепными процессиями, великолепным церковным церемониалом, Страстными представлениями и Чудесными представлениями. Подобные сцены постоянно описываются в современных хрониках. Шествия устраивались на День Тела Христова, на Рождество, в День благодарения за урожай, когда отцы гражданского общества просили духовенство помолиться о дожде или когда город посещал высокопоставленный папский чиновник. Мы слышим об одном из них в Эрфурте, который начался в пять часов утра и, с посещением Крестных ходов и служб на каждом из них, закончился только в полдень. Школьники города, числом 948 человек, возглавляли процессию, затем шли 312 священников, затем весь университет — всего 2141 человек, — а за ними следовали монахи, принадлежащие к пяти монастырям. Святое Причастие, которое несли высшие духовные лица и которому предшествовало большое количество гигантских свечей, занимало середину процессии. За ним последовал городской совет, затем все горожане, затем женщины и девы. Отряд девиц насчитывал 2316 человек. На головах у них были гирлянды, а волосы ниспадали на плечи; в руках они несли зажженные свечи и скромно маршировали, глядя в землю. Две красивые девушки шли во главе их со знаменами, за ними следовали четверо с фонарями. В центре стояла самая красивая, одетая в черное и босоногая, с большим и великолепным крестом в руках, а рядом с ней один из членов городского совета, выбранный за его приятную внешность. Все было устроено с расчетом на художественный эффект.⁷⁰

Пьесы о страстях и чудесах⁷¹ были очень полезны для ознакомления людей с содержанием Священного Писания, поскольку почти всегда состояли из библейских сцен и историй. Они часто были очень сложными; иногда для исполнения ролей требовалось более ста актеров; а пьесы часто были настолько длинными, что длились два-три дня. Церковные распорядители чувствовали, что непрерывное представление серьезных и возвышенных сцен и чувств может утомить их аудиторию, и они смешивали их с более легкими сценами, которые часто вырождались в буффонаду или что-то похуже. Священный и суровый пафос Страстей перемежался грубыми шутками о дьяволе, а самые торжественные представления были осквернены. Эти мистерии обычно совершались в больших церквях, и в зданиях, посвященных священным предметам, происходили сцены самого грубого юмора, в ущерб всякому религиозному чувству. Более серьезные церковники почувствовали профанацию и попытались запретить постановку пьес, перемежающихся грубыми и непристойными сценами, в церквях и

на церковных дворах. Их вмешательство пришло слишком поздно; грубый народный вкус потребовал того, к чему он привык; священные истории и обычаи, восходящие к примитивному язычеству, смешались воедино, и народ утратил чувство святости, которое должно было быть присуще первому. Во-первых, Праздник Осла должен был быть приурочен к Бегству в Египет. Красивая девушка, державшая на коленях ребенка, восседала на осле, украшенном великолепной попоной из золотой ткани, и духовенство провожало ее в процессии по главным улицам города к приходской церкви. Девушку на заднице внесли в церковь и поставили возле главного алтаря, и каждая месса и другие службы завершались криками всей паствы. Действительно, сохранилась старая рукопись с подзаголовком, предписывающим священнику трижды прореветь, вознося Воинство.⁷² В другие периоды народного разгула все части церковной службы, даже самые торжественные, пародировались мирской молодежью городов.⁷³

Все это, однако, мало что говорит нам об интимной религиозной жизни и чувствах людей, что является важным вопросом для изучения корней великого церковного восстания.

Когда будут проанализированы свидетельства, собранные из источников, то обнаружится, что религиозная жизнь народа конца пятнадцатого и начала шестнадцатого веков полна противоречивых элементов и образует то, что должно казаться нам очень несообразной мозаикой. Если классификация допустима, что вряд ли допустимо (поскольку религиозные типы всегда отказываются различаться и всегда имеют тенденцию пересекаться), то можно было бы говорить о простом домашнем благочестии семейного круга — религии, которой обучали на коленях матери, Киндерлехре, как называл это Лютер; об определенной яркой религии, вдохновлявшей толпы; о спокойной антиклерикальной религии, которая тихо росла и распространялась по всей Германии; о благочестии молитвенных кругов, потомков мистиков четырнадцатого века.

§ 4. Религиозная жизнь семьи.

Биографии некоторых лидеров Реформации, когда они передают детские воспоминания авторов, бессознательно свидетельствуют о том, какой религии обучали детей в набожных семьях бюргеров и крестьян. Мы знаем, что Лютер выучил Символ веры, Десять заповедей и Молитву Господню. He knew such simple evangelical hymns as “Ein kindelein so lobelich,”⁷⁴ “Nun bitten wir den heiligen Geist,” and “Crist ist erstanden.” Детей укачивали, пока они засыпали, а матери пели:

“Ach lieber Heere Jhesu Christ

Sid Du ein Kind gewesen bist,

Итак , Гиб , ай дисем Кинделин

Din Gnod und ouch den Segen den.

Ач Джесу, Хир мин,

Behüt diz Kindelin.

Монахиня слофф, монахиня слофф, мин Кинделин,

Jhesus der sol din bülli sin,

Der well, daz dir getroume wol

Und werdest aller Tugent vol.

Ach Jhesus, Heere min,

Behüt diz Kindelin.”⁷⁵

Эти песни или гимны, распространенные до Реформации, так же часто исполнялись после разрыва с Римом. Следует отметить преемственность в частной религиозной жизни до и после прихода Реформации. Немногие гимны были более популярны в последнее десятилетие пятнадцатого века, чем “In dulci Jubilo”, в котором смешались латынь и немецкий. Первым и последним стихами были:

“In dulci jubilo,

Nun singet und seid froh!

Unsers Herzens Wonne

Leit in præsepio,

Und leuchtet als die Sonne

Matris in gremio.

Альфа-эс и О,

Альфа-это и есть!

Ubi sunt gaudia?

Nirgends mehr denn da,

Da die Engel singen

Новая кантика,

Und die Schellen klingen

In regis curia.

Eya, wär'n wir da,

Eya, wär'n wir da!”

Этот гимн до недавнего времени продолжал пользоваться огромной популярностью в немецких протестантских церквях и семьях, а во времена Реформации распространился далеко за пределы Германии.⁷⁶ В версии пятнадцатого века он содержал один стих, восхваляющий Богородицу:

“Mater et filia

Du bist, Jungfraw Maria.

Wir weren all verloren

Per nostra crimina,

So hat sy uns erworben

Celorum gaudia.

Eya, wär'n wir da,

Eya, wär'n wir da!”

который либо был опущен в версиях после Реформации, либо был заменен:

“O Patris charitas,

O Nati lenitas!

Wir weren all verloren

Per nostra crimina,

So hat Er uns erworben

Cœlorum gaudia.

Eya, wär'n wir da,

Eya, wär'n wir da.”⁷⁷

Не было недостатка и в прямом простом евангельском наставлении. Фридрих Мекум (более известный под латинизированным именем Миконий), родившийся в 1491 году, рассказывает, как его отец, зажиточный бюргер из Лихтенфельса в Верхней Франконии, обучал его религии, когда он был ребенком. “Мой дорогой отец, ” говорит он, “ научил меня в детстве Десяти заповедям, Молитве Господней и Символу веры и заставил меня всегда молиться. Ибо, сказал он, “Все приходит к нам только от Бога, и это даром, бесплатно, и Он будет вести нас и править нами, если мы только усердно помолимся Ему ’. ” Мы можем проследить эту простую евангельскую семейную религию вплоть до средневековья. В удивительно интересной хронике брата Салимбене из францисканского монастыря Пармы, относящейся к тринадцатому веку, нам рассказывается, как многие из благожелательно настроенных горожан города часто приходили в монастырь, чтобы насладиться религиозной беседой брата Хью. Однажды разговор зашел о мистическом богословии аббата Джаоккино ди Фьоре. Бюргеры заявили, что

получили большое назидание, но сказали, что надеются, что на следующий вечер брат Хью ограничится тем, что перескажет *импростые слова Иисуса*.

Центральная мысль всей евангельской религии заключается в том, что верующий обязан своим положением перед Богом и своей уверенностью в спасении не добрым делам, которые он действительно может совершать, а благодати Божьей, проявленной в миссии и труде Христа; и чем больше мы отворачиваемся от мысли о том, что мы можем сделать, к мысли о том, что Бог сделал для нас, тем сильнее будет убеждение, что простое доверие к Богу - это то, благодаря чему присваивается прощающая благодать Божья. Эта двойная концепция — Божья благодать, нисходящая на нас свыше, и доверие верующего, поднимающееся снизу, чтобы встретить и присвоить ее, — никогда не отсутствовала в самой простой религии Средневековья. Это не нашло четкого выражения в средневековом богословии, поскольку из-за своей вынужденной связи с философией Аристотеля это богословие было в значительной степени искусственным; но сама мысль имела непрерывное существование в общественном сознании христианских мужчин и женщин и проявлялась в проповедях, молитвах и гимнах, а также в других способах, которыми проявлялась религиозная жизнь. Это можно найти в проповедях величайшего из средневековых проповедников Бернара Клервосского и в учении самого убедительного из религиозных наставников Франциска Ассизского. Первый, Бернард, несмотря на свое богословское образование, смог подняться над мыслью о человеческих заслугах, рекомендуя грешника Богу; а другой, Фрэнсис, у которого вообще не было богословского образования, настаивал на том, что он был пригоден для подражательной жизни просто потому, что у него не было никаких личных заслуг вообще, и всем он был обязан чудесной милости и благодати Божьей, дарованной ему даром в деле Христа. Мысль о том, что все хорошее, что мы можем сделать, исходит от мудрости и милосердия Божьего, и что без этих даров благодати мы грешны и ничего не стоим, чувство, что всякое прощение и всякая святая жизнь являются бесплатными дарами Божьей благодати, было центральной мыслью, вокруг которой в средневековье, как и во все времена, оплеталась вера простых и благочестивых людей. Это нашло выражение в более простых средневековых гимнах, латинских и немецких. Крайняя потребность в благодати, прощающей грехи, выражается и преподается в молитве Канона Мессы. Это нашло свое отражение, вопреки теологии, даже в официальной программе Церкви, где умирающим говорят, что они должны уповать на Христа и Его Страсти как на единственное основание уверенности в своем спасении. Если мы возьмем четвертую книгу "Подражание Христу" Фомы Кемпийского, то невозможно не увидеть, что его идеи о таинстве Вечери (несмотря на содержащиеся в них ошибки) поддерживали в его уме мысль о даровой благодати Божьей и что у него было четкое представление о том, что Божья благодать дается даром, а не заслужена тем, что может сделать человек. Ибо основная мысль благочестивых средневековых христиан, как бы она ни была приукрашена суеверными представлениями, заключалась в том, что в таинстве они получали дар ошеломляющего величия. Многие современные христиане, похоже, думают, что главная идея заключается в том, что в этом таинстве человек *что—то* делает - исповедует христианство. Старая точка зрения проделала долгий путь к тому, чтобы люди оставались правыми, несмотря на ошибки, в то время как современная точка зрения многое делает для того, чтобы вести их по ложному пути, несмотря на правду.

Все это в совокупности показывает нам, что среди благочестивых средневековых христиан существовала простая евангельская вера и что их жизнь питалась теми же божественными истинами, которые лежат в основе теологии Реформации. Все истины были там, как поэтические мысли, как искренняя мольба и исповедь, в пылкой проповеди или в учении у

камина. Когда средневековые христиане преклоняли колени в молитве, вставали, чтобы воспеть хвалу своему Искупителю, обращались как умирающий к умирающим людям или как мать к детям, стоящим на коленях, приходившие слова и мысли были тем, что Лютер, Цвингли и Кальвин вплели в символы веры Реформации и расширили до той экспериментальной теологии, которая была характерна для Реформации.

Когда в последние десятилетия пятнадцатого века в типографии начали выпускать маленькие книжечки для личного и семейного благочестия, неудивительно, после всего сказанного, обнаружить, насколько многие из них были полны простого евангельского благочестия. Некоторые содержали Молитву Господню, Десять заповедей, Апостольский символ веры, а иногда перевод или парафразу некоторых Псалмов, особенно 51-го псалма. Были напечатаны популярные религиозные наставления и катехизисы для семейного использования. В Катехизисе Дитриха Кельде (написанном в 1470 году) говорится: "Человек должен возлагать свою веру, надежду и любовь только на Бога, а не на какое-либо творение; он не должен уповать ни на что, кроме дела Иисуса Христа". "Зееленвурцгартляйн", широко используемая книга благочестия, наставляет кающегося: "Ты должен возлагать всю свою надежду и упование только на дело и смерть Иисуса Христа". "Гайстлихская улица" Ульриха Краффта (1503) учит умирающего полностью полагаться на "милосердие и благодать Бога, а не на свои собственные добрые дела". Цитаты можно умножать, и все они доказывают существование простого евангельского благочестия и показывают, что домашний опыт Фридриха Мекума (Микония) разделялись тысячами людей и что в конце пятнадцатого века в бесчисленных немецких семьях существовала простая евангелическая семейная религия.

§ 5. Суеверная религия, основанная на Страхе.

Когда чувствительные, религиозно настроенные мальчики покидали благочестивые дома, они не могли не соприкоснуться с религией совершенно иного рода. Многим не нужно было покидать семейный круг, чтобы встретиться с ним. Недалеко от Мансфельда, дома Лютера, были известные места паломничества. Паломники, поодиночке или большими группами, проходили мимо, чтобы помолиться перед деревянным крестом в Киффхойзере, который, как предполагалось, вызывал чудесные исцеления. Часовня Бруно Квертфорта и старая часовня в Вельфешольце были местами паломничества. Больных людей переносили в места рядом с монастырской церковью в Виммельберге, где они могли лучше всего слышать звон монастырских колоколов, которые, как считалось, обладают целебными свойствами.

Вторая половина пятнадцатого века стала свидетелем великого и широко распространенного религиозного возрождения, которое продолжалось и в первые десятилетия шестнадцатого века, хотя 1475 год, возможно, можно считать его высшей точкой. Его наиболее характерной чертой было стремление совершать паломничества к любимым святыням; и эти паломничества всегда рассматривались как нечто вроде удовлетворения, приносимого Богу за грехи. К некоторым из более ранних явлений мы здесь не имеем никакого отношения.

Импульс паломничествам, данный после великого Раскола празднованием в 1456 году первого юбилея "исцеления ран Церкви"; связь этих паломничеств с доктринами индульгенций,

которые, сформулированные великими схоластами XIII века, изменили всю покаянную систему средневековой Церкви, следует оставить без внимания; было описано любопытное социалистическое, антиклерикальное и все же глубоко суеверное движение, возглавляемое пастухом и деревенским волынщиком Гансом Бемом. Но одно движение настолько характерно для нашего времени, что его необходимо заметить. В 1455-1459 годах все хронисты описывают большие собрания детей со всех концов Германии, из городов и деревень, которые с крестами и знаменами отправлялись в паломничество к святому Михаилу в Нормандии. Любекский хронист сравнивает распространение движения с распространением чумы и задается вопросом, было ли это побуждение вызвано Божьим вдохновением или наущением дьявола. Когда группа этих детей-паломников достигла города, неся высоко поднятые кресты и знамена с грубым изображением Святого Михаила, распевая свою особую паломническую песню,⁷⁸ городских детей побудило присоединиться к ним. Как возникла эта странная эпидемия и что положило ей конец, кажется совершенно сомнительным; но хроники почти каждого крупного города Германии подтверждают факты, а современные записи о Северной Франции описывают группы молодых паломников, которые пересекали страну, чтобы отправиться на гору Святого Михаила.

В последние десятилетия пятнадцатого века, похоже, в Центральной Европе царил великий страх. Страны были поражены непрекращающимися вспышками чумы; появились новые болезни, о которых раньше никто не слышал, которые усилили ужас людей. Тревога о турецком вторжении всегда была у них перед глазами. В сотнях немецких приходов в полдень зазвонили колокола, созывая прихожан на молитву против вторжения турок, и это помогло им всегда помнить о страхе. Матери угрожали своим непослушным детям, призывая турок прийти и забрать их. Именно страх лежал в основе этого грубого возрождения религии, которым отмечены последние десятилетия пятнадцатого века. Это породило непреодолимое беспокойство. В пророчества о зле было легко поверить. Астрологи заняли свое место и обладали властью, которая была столь же новой, сколь и странной. Легковерные люди приветствовали всевозможные откровения и провозглашения чудесных знамений. В Вильснаке, деревне в одной из областей Бранденбурга (Пригниц), с 1383 года утверждалось, что освященная облатка выделяет Кровь Христа. Внезапно, в 1475 году, людей охватило желание совершить паломничество к этой святыне. Толпы детей-паломников снова заполнили дороги — мальчики и девочки в возрасте от восьми до восемнадцати лет, с непокрытыми головами, одетые только в рубашки, они кричали: “О Господи, помилуй нас”, направляясь в Уилснак. Иногда школьные учителя возглавляли толпу паломников; матери бросали своих младших детей; деревенские парни и служанки бросали свою работу в полях, чтобы присоединиться к процессиям. Эти паломники прибывали в основном из Центральной Германии (1100 человек только из Айслебена), но зараза распространилась на Австрию и Венгрию, и из этих стран появились большие группы молодых паломников. Они путешествовали без провизии и зависели в еде от благотворительности крестьян. Многие из этих детей-паломников не знали, почему они присоединились к толпе; они никогда не слышали о Истекающем Кровью Войске, к которому они направлялись; когда их спросили, зачем они отправились в путь, они могли только ответить, что ничего не могли поделать, что они увидели красный крест во главе своего маленького отряда и должны были следовать за ним. Многие из них не могли говорить, все плакали и стонали, дрожа, как в лихорадке. Их поддерживала неестественная сила. Рассказывали, что маленькие мальчики и девочки, некоторым из которых не исполнилось и восьми лет, из маленькой деревни недалеко от Бамберга, в свой первый

поход прошли маршем весь день и первую ночь невероятное расстояние не менее восьмидесяти миль! Некоторые города пытались положить конец этим паломничествам. Эрфурт закрыл свои ворота перед молодежными компаниями. Паломничества закончились так же внезапно, как и начались.⁷⁹

Последующие годы были свидетелями подобных удивительных паломничеств — в 1489 году к “черной Божьей Матери” в Альтеттинг; в 1492 году к “Святой Крови” в Штернберге; в том же году к “жалкой кости” в Дорнахе; в 1499 году к изображению Пресвятой Богородицы в Гриментале; в 1500 году к голове св. Анне в Дюрене; а в 1519 году - “Прекрасной Марии” в Регенсбурге.

Если не считать этих спорадических перемещений, последние десятилетия XV века были в основном временем паломничеств. Немецкие князья и богатые купцы совершали паломничества в Святую Землю, посещали тамошние священные места и возвращались с многочисленными реликвиями, которые хранили в любимых церквях. Фридрих Мудрый, курфюрст Саксонии, впоследствии известный как защитник Лютера, совершил такое паломничество и поместил приобретенные им реликвии в Замокскую церковь (костел Всех святых) в Виттенберге. Он стал усердным коллекционером реликвий, и у него были уполномоченные на Рейне, в Нидерландах и в Венеции с приказом доставать ему любые священные новинки, которые они встретят, для продажи.⁸⁰ Он выхлопотал у папы римского Индульгенцию для всех, кто посещал собрание и принимал участие в церковных службах в День всех святых; ибо одна из ироний истории заключается в том, что церковь, на дверях которой Лютер прибил свои тезисы против индульгенций, была одним из священных зданий, которым была дарована Индульгенция, и что день, выбранный Лютером, был ежегодной годовщиной, что привлекало толпы людей воспользоваться ею.⁸¹

Паломничество в Святую Землю было слишком дорогостоящим и опасным, чтобы многие могли себе позволить. Более богатые немцы совершали паломничества в Рим, а великим местом паломничества для представителей среднего класса или более бедных немцев была Компостелла в Испании. Айнзидельн в Швейцарии также ежегодно привлекает толпы паломников.

Для этих благочестивых путешественников были написаны путеводители, и два из них, самые популярные, недавно были переизданы. Это “Мирабилия Рима” для римских паломников и “Уолфарт и Штрассе Святого Якоба” для путешественников в Компостеллу. Эти маленькие книжки пользовались огромной популярностью. До 1500 года “Римская мирабилия” выдержала девятнадцать латинских и по меньшей мере двенадцать немецких изданий; она также была переведена на итальянский и голландский языки. В нем описываются различные святыни Рима, где паломники могут обрести особые дары благодати, посетив их и поклонившись им. Тот, кто ходит в Латеранскую церковь и молится там, получает “прощение всех грехов, как вины, так и наказания”. Рядом с Латераном есть “прелестная маленькая часовня” (вероятно, то, что сейчас называется Латеранским баптистерием), где можно получить те же привилегии. Паломник, идущий с добрыми намерениями к Главному Алтарю церкви Святого Петра, “даже если он убил своего отца или свою мать”, освобождается от всех грехов, “как вины, так и наказания”, при условии, что он расскается. Добродетели Святого Кроче, по-видимому, были оценены еще выше. Если человек покидает свой дом с намерением посетить святилище, даже если он умрет по

дороге, ему прощаются все его грехи; и если он посещает церковь, он получает освобождение от Чистилища на тысячу лет.⁸²

Компостелла в Испании была местом народного паломничества. До изобретения книгопечатания мы находим следы рукописных руководств для путешественников, которые, без сомнения, были распространены среди намеревающихся паломников, а впоследствии для оказания помощи стали прибегать к услугам печатного станка. В испанском архиве в Симанкасе есть два отдельных листа, на одном из которых указаны многочисленные Индульгенции в пользу посетителей святилища святого Иакова, в то время как на другом перечислены реликвии, которые там можно увидеть. В нем упоминаются тридцать девять великих реликвий - от костей святого Иакова, которые лежали под большим алтарем собора, до костей святой Сусанны, которые были похоронены в церкви за стенами города.⁸³ Эти листовки были проданы паломникам и доставлены ими обратно в Германию, где они стимулировали рвение и преданность тех, кто намеревался совершить паломничество. Путеводитель нашего паломника "Вальфарт и штрассе Святого Якоба",⁸⁴ посвящен почти исключительно дороге. Автором был некий Герман Кюниг из Ваха, который называет себя Мерген-кнехтом, или слугой Девы Марии. Хорошо известная песня паломников "О святом Иакове" (Von Sant Jacob) рассказывает о том, как те, кто достиг конца своего путешествия, получили, благодаря заступничеству святого Иакова, прощение от вины и наказания (von Pein und Schuldt) всех своих грехов; в ней паломникам предлагается взять с собой две пары обуви, бутылку с водой и ложку, сумку и посох, широкополую шляпу и плащ, оба отделаны кожей в местах, наиболее подверженных истиранию, и оба необходимы для защиты от ветра, дождя и снега. ⁸⁵ Он обязывает их брать разрешения у своих приходских священников на отказ от исповеди, поскольку они отправлялись в чужие страны, где не могли найти священников, говорящих по-немецки. Это предупреждает их о том, что они могут умереть вдали от дома и найти могилу на пути паломничества. В нашем путеводителе все это опущено. Она написана человеком, совершившим паломничество пешком; который внимательно наблюдал за всеми поворотами дороги и мог предупредить попутчиков о трудностях пути. Он указывает маршрут от города к городу; где повернуть направо, а где налево; какие приметные здания указывают правильный путь; где путешественник найдет людей, которые щедры к бедным паломникам, и где жители немилосердны, а за еду и питье нужно платить; где много гостиниц и те участки дороги, на которых их немного, и где паломники должны заранее покупать провизию и носить ее в своих сумках; где больные паломники могут найти больницы по пути, и на какое лечение они могут там рассчитывать;⁸⁶ в каких гостиницах они должны сменить место жительства. перевод денег во французскую и испанскую монету. Короче говоря, брошюра представляет собой средневековый "Бедекер", составленный с немецкой точностью для немецких паломников, посещающих знаменитый храм святого Иакова Компостельского. Эта небольшая книга выдержала несколько изданий в период с 1495 по 1521 год и сама по себе является доказательством популярности этого места паломничества. В последние десятилетия пятнадцатого века возникла группа мужчин и женщин, которых можно было бы назвать профессиональными паломниками, которые постоянно находились в пути между Германией и Испанией. Паломничество было одним из самых ранних так называемых "удовольствий", которые можно было совершать опосредованно, и братья Святого Иакова (Джейкобс-Брюдер) регулярно совершали паломничество либо от своего имени, либо от имени других.

Многие из этих паломников были мужчинами и женщинами безразличного характера,⁸⁷ которые были отправлены в паломничество в качестве церковного наказания за свои грехи. В

"Хрониках семьи Циммер"⁸⁸ приводится несколько случаев, когда преступники, совершившие убийство, кражу или другие тяжкие преступления в период с 1490 по 1520 год, были отправлены в Сантьяго в качестве наказания. Даже в последние десятилетия пятнадцатого века, когда большая часть паломников была по-своему набожна, было слишком хорошо известно, что паломничество не способствует нравственной жизни. Суровые проповедники праведности, такие как Гейлер из Кейзерсберга и Берхтольд из Регенсбурга, осуждали паломничества и говорили, что они создают больше грехов, чем приносят прощения.⁸⁹ Приходские священники постоянно запрещали своим кающимся женщинам, особенно если они не были замужем, отправляться в паломничество. Но эти предупреждения и упреки были напрасны. Преобладающий ужас овладел людьми, и они переходили от святилища к святилищу в поисках хоть какого-то облегчения для своей измученной совести.

Характерной чертой этого пробуждения, которое нашло такой поразительный результат в этих паломничествах, была мысль о том, что на Иисуса следует смотреть как на Судью, который должен прийти наказать нечестивых. Его спасительная и ходатайственная работа была отодвинута на задний план. Люди забыли, что Он был Спасителем и Заступником; и поскольку человеческое сердце жаждет, чтобы кто-нибудь заступился за него, нужно было найти другого заступника. Эта милостивая личность была обнаружена в Деве-Матери, которую следовало умолять заступиться за своего Сына за бедных грешных человеческих созданий. Последняя половина пятнадцатого века ознаменовалась глубоко укоренившимся и широко распространенным стремлением полагаться на защиту Девы-Матери с силой и интенсивностью, доселе неизвестными в средневековой религии. Это стало свидетелем самого большого прогресса, который когда-либо был достигнут в направлении того, что следует назвать Мариолатрией. Эта преданность выражалась, как это постоянно бывает с религиозными эмоциями, в гимнах; очень большая часть средневековых гимнов во славу Пресвятой Девы была написана во второй половине пятнадцатого века — периода этого странного возрождения, основанного на страхе. Страх перед Сыном как Судьей породил преданность Матери как заступнице. Были напечатаны небольшие книги для личного и семейного богослужения с такими названиями, как "Жемчужина страстей" и "Маленькое Евангелие", содержащие, с пространными комментариями, слова нашего Господа на кресте, обращенные к Иоанну и Марии. Она стала идеальной женщиной, идеальной матерью, "Матерью Божьей", *mater dolorosa*, с сердцем, пронзенным мечом, участницей искупительных страданий своего Сына, сохранившей свое чувствительное женское сердце, готовое прислушаться к призывам страдающего, скорбящего человечества. Мы можем видеть, как эта преданность Деве-Матери оплодотворяет социальные бунты от Ганса Бема до Йосса Фрица. Теология школ следовала в русле народных настроений, и доктрина Непорочного зачатия получила более строгое определение и нашла своих самых ярых сторонников в последние десятилетия XV века.

Мысль о материнском заступничестве пошла дальше; нужно было заступиться за саму Пресвятую Деву, чтобы побудить ее умолять своего Сына за погрязших в грехе людей, и ее мать (святая Анна) стала объектом культа, который, можно сказать, был совершенно новым. В ее честь были написаны гимны.⁹⁰ Братств, созданных по образцу братств, посвященных Пресвятой Деве, были созданы для того, чтобы донести до нее силу молитв чисел. Эти братства распространились по всей Германии и за ее пределами.⁹¹ Расширение ареала культа почти можно проследить по хроникам того периода. Особый культ Девы Марии, по-видимому, зародился, по крайней мере в его экстравагантной популярной форме, в Северной Франции и

распространился из Франции через Германию и Испанию; но, насколько можно проследить, этот культ св. Анна, “Бабушка”, имела немецкое происхождение, и эта преданность наиболее ярко проявилась на немецкой земле. Даже поэты-гуманисты с энтузиазмом воспевали ее, а такие коллекционеры реликвий, как Фридрих Саксонский и кардинал-архиепископ Майнца, радовались, когда им удалось пополнить свое хранилище большим пальцем святой Анны. Сам Лютер говорит нам, что “святая Анна была его кумиром”; а Кальвин говорит о преданности своей матери святой. Ее имя было выгравировано на многих приходских церковных колоколах, и каждое потягивание за веревочки и звон колокола считались обращенной к ней молитвой о заступничестве. Пресвятая Дева и святая Анна привели с собой других святых, которые также считались истинными заступниками. На трех колоколах церкви, в которой был крещен Лютер, были глубоко вырезаны из меди следующие надписи: “Боже, помоги нам; Мария, помилуй”. 1499. “Помоги нам, Анна, а также святой Петр, святой Павел. 1509”. “Помоги нам, Боже, Мария, Анна, святой Петр, Павел, Арнольд, Стефан, Симон. 1509.” Популярная религия всегда представляла Иисуса, говорит нам Мекум (Миконий), как сурового Судью, который осудит и накажет всех тех, кто не добился праведности заступничеством святых или своими собственными добрыми делами.

Это возрождение религии, каким бы грубым оно ни было и основывалось на страхе, оказало явное благотворное воздействие на часть духовенства и привело к значительному изменению нравов среди тех, кто попал под его влияние. Папский раскол, продолжавшийся до 1449 года, имел одним из своих результатов ослабление всей церковной дисциплины, и его последствия проявлялись в растущей безнравственности, охватившей все классы духовенства. Насколько можно судить, описанное выше возрождение религии не оказало большого влияния на светское духовенство. Независимо от того, берем ли мы свидетельства из хроник того времени или из посещений епископов, мораль приходских священников была чрезвычайно низкой, а частная жизнь высшего духовенства в Германии, как известно, была коррумпированной. Занимавшие епископские кафедры были по большей части младшими братьями великих князей и были вовлечены в религиозную жизнь ради церковных доходов. Автор “Хроник семьи Циммер” рассказывает нам, что на праздничных сборищах, сопровождавших заседания сейма, молодые дворяне, миряне и священнослужители, проводили большую часть своего времени за игрой в кости и карты. Проходя по залам, пробираясь между группами молодых дворян, лежащих на полу (поскольку столы и стулья в те дни были редкостью), он то и дело слышал, как молодой граф кричал молодому епископу: “Поиграй, пастор, твоя очередь”. Тот же автор описывает свиту великого прелата, которого всегда сопровождала на Сейм наложница, одетая в мужскую одежду. Возрождение также не оказало большого влияния на более старые монашеские ордена, бенедиктинцев и их ответвления. Однако с теми монашескими орденами, которые вступали в тесный контакт с людьми и заразились от них новым рвением, дело обстояло иначе. Доминиканцы, великий проповеднический орден, были охвачены реформами. Францисканцы, которые печально отошли от своей прежней жизни самоотречения, вступили в новую жизнь. Монастырь за монастырем реформировался, и его обитатели снова начали вести ту жизнь, о которой мечтал их основатель. Огонь возрождения, однако, ярче всего горел среди августинских отшельников, ордена, к которому присоединился Лютер, и они представляли, как никто другой, все характерные черты нового движения.

У этих отшельников-августинцев была несколько любопытная история. У них не было ничего общего со святым Августином, кроме имени и того факта, что папа дал им правило Святого. Августин как основа их монашеской конституции. Изначально они были отшельниками,

живущими уединенной жизнью в горных районах Италии и Германии. Многие папы желали подчинить их монастырскому правлению, и это, наконец, было успешно сделано. Они разделяли, как ни один другой Орден, возрождение второй половины пятнадцатого века и проявляли в своей жизни все его религиозные особенности. Ни в одном монашеском ордене не было таких преданных слуг Девы-Матери. Она была покровителем наряду с Санкт - Августин. Ее образ стоял во главе дома каждого монастыря. Богословы августинских отшельников соперничали с богословами францисканцев в распространении учения о Непорочном зачатии. Они много сделали для распространения культа “Блаженной Анны”. Они были преданы папству. Один из их ученых мужей, Иоанн Пальцкий, один из двух профессоров богословия в Эрфуртском монастыре, когда Лютер поступил туда послушником, был самым ярким защитником доктрины истощения и религиозной ценности индульгенций. При всем этом их жизнь была более самоотверженной, чем у большинства монахов. Они культивировали теологическое образование, и немногие университеты в Германии обходились без отшельника-августинца, который выступал в качестве профессора философии или теологии. Они также уделяли большое внимание искусству проповеди, и в каждом крупном монастыре был специальный проповедник, который привлекал толпы мирян в монастырскую часовню. Их монастыри обычно располагались в больших городах, а их благочестивая жизнь, ученость и популярные таланты их проповедников сделали их любимцами горожан. Это был самый уважаемый орден в Германии.

Эти последние десятилетия пятнадцатого века были днями возрождения нищенствующих орденов и возрождения их власти над людьми. Те, кто был более расположен к князьям и к более богатым бюргерам, неизменно выбирали своих духовников из монахов нищенствующих орденов, и особенно из отшельников-августинцев. Часовни францисканцев и отшельников были переполнены, а часовни приходского духовенства опустели. Простые люди брали в качестве своих религиозных наставников людей, разделявших новое пробуждение и доказавших свою искренность самоотверженным трудом. Напрасно Римская курия публиковала правила, настаивающие на том, что каждый прихожанин должен исповедоваться приходскому священнику не реже одного раза в год, и снова и снова объясняла, что личный характер служителя не влияет на эффективность совершаемых им таинств. До тех пор, пока можно было найти бедно одетых, изможденных, чистоплотных францисканских или отшельнических священников, которые выступали в роли исповедников или проповедников, люди бросали приходское духовенство, стекались к их исповедальням, ждали, когда они отслужат мессу, и толпились в их часовнях, чтобы послушать их проповеди. Эти десятилетия были временем последнего возрождения нищенствующих монахов, которые были религиозными наставниками в этой яркой популярной религии, которая так ярко проявляется в наш период.

§ 6. Внецерковная религия.

Третье религиозное движение, относящееся к последним десятилетиям пятнадцатого и первым десятилетиям шестнадцатого века, по своему характеру настолько отличалось от того, что только что было описано, и даже противоречило ему, что изучающий с некоторым удивлением обнаруживает, что он должен признать его присутствие наряду с другим. Это было безмолвное распространение тихой, искренней, но нецерковной религии. Историки обычно ничего не

говорят об этом движении, и лишь внимательное изучение городских хроник и записей провинциального и муниципального законодательства раскрывает его мощь и масштабы. Всегда признавалось, что отец Лютера был человеком глубоко религиозного склада ума, хотя обычно он презирал духовенство и считал большинство монахов жуликами или дураками; но чего не признают, так это того, что в этом он представлял тысячи тихих и набожных немцев во всех классах общества. Мы находим следы молчаливого, широко распространяющегося движения в церковном законодательстве немецких князей, в полицейских постановлениях и в положениях о поддержке бедных среди бюргеров; в уставах и практике братств среди низших классов, и особенно среди городских ремесленников; и в многочисленных переводах Вульгаты на местный язык.

Реформы, намеченные Констанцским и Базельским соборами, были совершенно проигнорированы Римской курией, и вследствие этого несколько немецких князей, хотя и чувствовали безнадежность настаивания на всеобщем очищении Церкви, решили, что эти реформы должны быть проведены в пределах их собственных владений. Еще в 1446 году герцог Вильгельм Саксонский опубликовал указы, которые противоречили притязаниям Церкви на полную независимость от государства. Его постановления о соблюдении воскресенья, его запрет церковным судам вмешиваться в дела саксонских мирян, его суровый отказ позволить любому саксу апеллировать к иностранной юрисдикции - все это в той или иной степени были примерами вмешательства светской власти в то, что считалось исключительной прерогативой церкви. Однако он пошел гораздо дальше. Он провозгласил, что светская власть обязана следить за тем, чтобы приходские священники и их начальники в его владениях вели жизнь, соответствующую их призванию, — концепция, которая полностью противоречила церковным претензиям средневековья. Он также заявил, что официальное посещение и реформирование всех монастырей в пределах его владений входит в компетенцию светской власти. Что касается доказательств, то, вероятно, эти декларации о правах гражданских властей осуществлять дисциплину в отношении приходских священников и их настоятелей остались мертвой буквой. Мы слышим, что подобная реформация не проводилась. Но посещение саксонских монастырей было введено в силу, несмотря на протесты церковных властей. Андреас Пролес никогда бы не смог осуществить свои предложения по реформе в монастырях отшельников-августинцев, если бы не поддержка, которую он получил от светских князей против своего церковного начальства в Риме. Герцоги Эрнест и Альбрехт воплотили представления герцога Вильгельма об отношении гражданских властей к церковным в своих постановлениях 1483 года, и курфюрст Фридрих Мудрый был наследником этой церковной политики своей семьи.

Архивы бранденбургского электората, исследованные Прибатчем и описанные им в журнале *Zeitschrift für Kirchengeschichte*⁹², свидетельствуют о том, что там действуют те же идеи. Такой благочестивый принц, как Фридрих II. Бранденбургский, удалил недостойных церковных сановников и восстановил их в должности, взяв таким образом на себя надзор за Церковью. Апелляции в Рим были запрещены под страхом наказания. Постепенно при Фридрихе и его преемниках возникло то, что было практически национальной церковью Бранденбурга, которая была почти полностью под контролем гражданской власти и почти полностью отделена от римского контроля.

Города также вмешивались в то, что до сих пор считалось исключительной прерогативой церковных властей. Они признали вред, который наносят народу многочисленные церковные праздники и дни святых, и приняли правила об их соблюдении, все они были направлены на

уменьшение количества дней, в которые люди по церковному закону были вынуждены бездельничать. Когда Лютер в своем Обращении к знати немецкой нации призывал к отмене церковных законов, принуждающих к праздности во время многочисленных церковных праздников, он лишь предложил расширить и шире применять полицейские правила, действовавшие в его родном округе Мансфельд.

Это нецерковное чувство ярко проявляется в изменении взглядов на христианское милосердие, которое знаменует конец пятнадцатого века.

Ничто так не показывает, как Церковь тринадцатого и четырнадцатого веков прививала народам Европы разум Иисуса, как рвение, с которым они пытались исполнять свой долг по отношению к бедным, больным и беспомощным. Учреждений, основанных отдельными лицами или корпорациями с целью предоставления жилья обездоленным, было множество, и мужчины и женщины охотно посвящали себя служению несчастным.

“Бегинки в развевающихся шляпах,

Вытянутые бескровные лица пусты,

И нестиранные халаты, чтобы обернуть их стройные

Скудные цифры”,⁹³

были сестры милосердия в каждом средневековом городе. К сожалению, уроки Церкви включали мысль о том, что попрошайничество является христианской добродетелью; в то время как идея о том, что, поскольку милосердие учит закон Христа, за его осуществлением повсюду должны наблюдать священнослужители, была возведена в определенный принцип действия, если не в нечто прямо предписанное законом Божьим. Реформация протестовала против этих двух идей, и молчаливое предвосхищение этого протеста можно найти во внецерковном благочестии конца пятнадцатого века.

Практика попрошайничества, ее терпимость и даже поощрение были почти повсеместными. В некоторых благотворительных учреждениях больные и пенсионеры получали от фонда все необходимое для жизни, но обычно считалось, что им подобает выпрашивать их у благотворительных организаций. Сам факт попрошайничества, казалось, поднимал тех, кто участвовал в нем, до уровня членов религиозной ассоциации. Святой Франциск, “подражатель Христа”, научил своих последователей просить милостыню, и этот великий пример освятил эту практику. Это правда, что нищенствующие монахи всегда были мишенью сатириков конца пятнадцатого века. Они с удовольствием изображали нищенствующего монаха с его мешком, в который он, казалось, мог запихнуть все: мед и специи, мускатный орех, перец и консервированный имбирь, капусту и яйца, домашнюю птицу, рыбу и новую одежду, молоко, масло и сыр; особенно сыр, причем всех видов — овечье и козье молоко, твердый и мягкий сыр, крупные сыры и маленькие сырки — жадно требовали эти “охотники за сыром”, как их сатирически называли. За ними по пятам топала толпа полуцерковных попрошаек, у всех у них были профессиональные имена - люди, которые просили милостыню для строящейся церкви, или для алтарного покрывала, или для того, чтобы пригласить молодого священника на его первую мессу; люди, которые носили реликвии, чтобы благотворители могли их поцеловать — немного соломы из вифлеемских яслей или перо из крыла ангела Гавриила; братья Святого Иакова, которые совершали постоянные заместительные паломничества в Компостеллу, а

иногда грабили и убивали по дороге; братья святого Антония, которые просили милостыню у других, которые имели особую привилегию носить крест и колокольчик во время своих посещений с просьбой о подаянии. Все это были церковные попрошайки. Обычные нищие делали все возможное, чтобы обрести хоть какую-то долю святости, окружавшей эту профессию; они носили с собой изображение какого-нибудь святого или прикрепляли к своим шляпам ракушку, значок паломника, и обеспечивали себе квазицерковное положение.⁹⁴ В своем Обращении к знати немецкой нации Лютер выразил не просто свое собственное мнение об этом нашествии нищих, но то, что думали и частично практиковали тихие миряне на протяжении нескольких десятилетий. В некоторых городах начали издавать законы, запрещающие беспорядочное попрошайничество со стороны трудоспособных людей, предоставляли им работу, отбирали у них детей и обучали их ремеслам - все эти разумные действия противоречили духу средневековой церкви.

Однако внецерковное религиозное чувство проявляется гораздо яснее, если рассмотреть историю благотворительных фондов. Неизменным обычаем раннего средневековья было то, что благотворительные пожертвования оставались руководству Церкви и духовенству. В конце пятнадцатого века обычай начал меняться. Переход от церковного управления к мирскому поначалу, вероятно, был вызван главным образом вырождением духовенства и верой в то, что средства, выделенные для бедных, не использовались должным образом. Свидетельства этого можно найти в многочисленных примерах, когда гражданские власти пытались, и успешно, забрать управление благотворительными фондами из рук церковных властей и передать их в руки мирян. Но так не могло быть всегда. Скорее мы должны сказать, что до людей начало доходить, что, хотя благотворительность была частью закона Христа, это не обязательно означало, что все благотворительные организации должны быть переданы под контроль духовенства или других церковных администраторов. Таким образом, в последние годы XV века мы находим постоянные случаи передачи завещаний для бедных в руки городского совета или коллегий мирян. То, что это было сделано без какой-либо враждебности по отношению к Церкви, доказывается тем фактом, что один и тот же завещатель оказывает благотворительные услуги фондам, находящимся в ведении духовенства, и другим фондам, находящимся под управлением мирян. Из накопленных таким образом средств городские советы начали систему заботы о бедных города, которая заключалась в раздаче жетонов, которые можно было обменять на определенное количество хлеба или шерстяной ткани, или обуви, или дров для обжига, в лавках торговцев, которые были наняты для этой цели. Невозможно сказать, насколько далеко распространилось это новое и ранее неслыханное мирское управление в том, что до сих пор было особым достоянием духовенства, до конца пятнадцатого века. Ни один археолог еще не провел исчерпывающего изучения свидетельств, погребенных в архивах средневековых городов Германии; но Кригком⁹⁵ и другими было собрано достаточно, чтобы показать, что они стали очень обширными. Миряне увидели, что они вполне способны выполнять эту сугубо христианскую работу независимо от какого-либо клерикального руководства.

Другой интересный ряд фактов также свидетельствует о росте нецерковных религиозных чувств. Последние десятилетия пятнадцатого века ознаменовались возникновением бесчисленных ассоциаций, некоторые из них определенно религиозные, и все они имеют религиозную окраску, которая отличается от того, с чем мы встречались ранее. Они не стремились быть, подобно молитвенным кругам мистиков или *Gottesfreunde*, *ecclesiolæ* в *ecclesia*, строго неклерикальными или даже антиклерикальными. У них не было никаких трудностей с тем, чтобы

поставить себя под защиту Церкви, выбрать обычные церковные здания для своих особых служб и нанять священников для проведения своих богослужений; но они были явно мирскими объединениями и вели религиозную жизнь по-своему, без какого-либо учета представлений о высшей христианской жизни, которые Церковь привыкла представлять своим набожным ученикам. Некоторые из них были ассоциациями для молитвы; другие - для продвижения "культа" особой святой, например, братства, посвященные Деве Матери, или ассоциации, распространяющие "культ" Блаженной Анны; но, безусловно, наибольшее количество представляло собой объединения ремесленников и напоминало "золотые мастерские" Римской империи.

Возможно, одной из самых известных таких ассоциаций, созданных с целью поощрения молитвы, было "Братство одиннадцати Тысяч дев", широко известное под причудливым названием "Кораблик святой Урсулы". Ассоциация была задумана картезианским монахом из Кельна, и она быстро стала популярной. Фридрих Мудрый был одним из ее покровителей, его секретарь доктор Пфеффингер - одним из ее сторонников; число ее сотрудников исчислялось тысячами; ее восхваления воспевались в причудливом старинном немецком гимне.⁹⁶ С ее членов не взимались денежные взносы. Единственной обязанностью было регулярно молиться и учиться улучшать свою жизнь силой молитвы. Это был один из видов благочестивых братств пятнадцатого века. Он был самым известным в своем роде, и было много других. Но среди братств, свидетельствующих о распространении нецерковного благочестия, нет более важных, чем братства, получившие названия Каландс или Каландсгильден в Северной Германии и Цех в Австрии. Эти ассоциации были полезны во многих отношениях. Это были союзы для отправления религиозных обрядов; для взаимной помощи во время болезни; для защиты при нападении; и они также служили целям страховых обществ и похоронных клубов. Именно с их религиозной стороны мы должны здесь разобраться. Частью союза было то, что все братья и сестры (поскольку женщины обычно допускались) должны были собираться вместе в установленное время для общего религиозного служения. Братство выбрало церковь, в которой это проводилось, и, насколько мы можем видеть, обычно выбирались часовни францисканцев или отшельников-августинцев. Иногда алтарь предоставлялся исключительно в их пользование; иногда, если церковь была большой, в специальную часовню. Интересно отметить, что правила и способы проведения религиозных служб ассоциации были полностью в руках самого братства, и что эти миряне настаивали на том, чтобы регулировать их по-своему. У Лютера есть очень интересная проповедь, озаглавленная "Проповедь о достопочтенном таинстве святого истинного Тела Христова и Братств", вторая половина которой посвящена противопоставлению добрых братств и злых. По словам Лютера, эти братства - зло, в которых религия братьев выражается в прослушивании мессы один или два дня в году, в то время как, постоянно выпивая на собраниях братства, они ухищряются большую часть своего времени служить дьяволу. Истинное братство накрывает на стол для своих более бедных членов, оно помогает тем, кто болен или немощен, оно обеспечивает брачными припасами достойных молодых членов ассоциации. Он заканчивает сравнением между истинным братством и Церковью Христовой. Теодор Кольде отмечает, что тщательная монография о братствах конца пятнадцатого века в свете этой проповеди Лютера дала бы много информации о популярной религии того периода. К сожалению, никто еще не пытался выполнить эту задачу, но немецкие археологи медленно прокладывают путь, печатая, в основном из других источников, отчеты о строении и обычаях многих из этих каландов.

Из всего этого можно видеть, что в последние десятилетия пятнадцатого и в начале шестнадцатого веков наблюдался рост того, что можно назвать нецерковным благочестием, которое было спокойно настроено внести в сферу мирян многое из того, что, как предполагалось, принадлежало исключительно духовенству. Право епископа, которое Лютер провозгласил для гражданских властей в своем трактате "О свободе христианина", было, по крайней мере частично, провозглашено и осуществляется в нескольких немецких княжествах и муниципалитетах; практика христианской благотворительности и управление ею были изъяты из рук духовенства и переданы мирянам; и братства давали понять, что люди могут распределять свои религиозные обязанности наиболее подходящим для себя способом, не прося никакой помощи у Церкви, кроме как привлекать священника, которому они доверяют, для проведения богослужений и месс, которые они сами читают. так было устроено.

Появление многочисленных переводов Священного Писания на местный язык, несанкционированных официальными лицами средневековой Церкви и вызывающих у них ревнивое подозрение, по-видимому, подтверждает рост и распространение этого нецерковного благочестия. Отношение Церкви Средневековья, более ранней и поздней, к народным переводам Вульгаты - сложный вопрос. Священное Писание всегда объявлялось высшим источником и авторитетом по всем вопросам доктрин и морали, и на ранних стадиях споров о Реформации высший авторитет Священного Писания не считался предметом спора между противоборствующими сторонами. Это становится очевидным, если вспомнить, что Аугсбургское исповедание, в отличие от более поздних исповеданий Реформатских церквей, не содержит ни одной статьи, подтверждающей высший авторитет Священного Писания. Предполагалось, что это не должно было быть предметом обсуждения. Тридентскому собору было предоставлено право впервые поставить предания в соответствии со Скриптом на один уровень авторитета со Священными Писаниями Ветхого и Нового Заветов. Следовательно, многие небольшие книги, выпущенные монастырскими типографиями для наставления людей в течение десятилетий, предшествовавших Реформации, часто заявляют, что все учение Церкви можно найти в книгах Священного Писания.

Конечно, несомненно, что средневековая церковь снова и снова запрещала чтение Священного Писания в вульгате и особенно на народном языке, но можно утверждать, что эти запреты почти всегда были связаны с попытками подавления еретических или раскольничьих восстаний.⁹⁷

С другой стороны, на протяжении всего средневековья не было обнаружено ни официального поощрения чтения людьми Священных Писаний на народном языке, ни какого-либо официального покровительства переводам на народный. Максимум, что было сделано для того, чтобы терпимо относиться к знанию народных Священных Писаний, - едва ли можно сказать, что это поощрялось, - это выпуск Псалтири на народном языке, Богослужебных книг, а в пятнадцатом веке и Пленариев — маленьких книжечек, которые содержали переводы некоторых параграфов Евангелий и Посланий, читаемых на церковной службе, сопровождаемых легендами и народными сказаниями. Переводы Священного Писания постоянно отвергались папами и примасами по разным причинам.⁹⁸ Также несомненно, что знание Священных Писаний на местном языке, особенно необразованными мужчинами и женщинами, почти всегда считалось признаком еретической тенденции. "Третья причина ереси," говорит австрийский инквизитор, писавший о конце XIII века, - заключается в том, что они переводят Ветхий и Новый Заветы на вульгарный язык; и таким образом они учатся и

поучают. Я слышал и видел некоего деревенского клоуна, который слово в слово повторял Книгу Иова, и нескольких человек, которые в совершенстве знали Новый Завет”.⁹⁹ Обзор свидетельств, кажется, приводит к выводу, что правители средневековой Церкви относились к знанию народных Писаний с большим подозрением, но они не доходили до того, чтобы полностью осуждать обладание ими лицами, считавшимися заслуживающими доверия, будь то духовенство, монахи, монахини или выдающиеся миряне.

Однако в позднем Средневековье, с тех пор как Виклиф выпустил свою английскую версию, мы наблюдаем постепенную публикацию Священных Писаний на европейских языках. Особенно это было заметно в Германии; и когда изобретение книгопечатания облегчило распространение литературы, примечательно, что самые ранние типографии в Германии напечатали гораздо больше книг для семейного и частного богослужения, гораздо больше пленариев и гораздо больше изданий Библии, чем классических произведений. Двадцать два издания Псалтири на немецком языке появились до 1509 года, а двадцать пять Евангелий и Посланий - до 1518 года. Не менее четырнадцати (некоторые говорят, семнадцати) версий всей Библии были напечатаны на верхненемецком и три - на нижненемецком в последние десятилетия пятнадцатого и первые десятилетия шестнадцатого века — все переводы с Вульгаты. Первый был издан Джоном Метцелем в Страсбурге в 1466 году. Затем последовало еще одно страсбургское издание в 1470 году, два аугсбургских издания в 1473 году, одно на швейцарском диалекте в 1474 году, два в Аугсбурге в 1477 году, одно в Аугсбурге в 1480 году, одно в Нюрнберге в 1483 году, одно в Страсбурге в 1485 году и издания в Аугсбурге в 1487, 1490, 1507 и 1518 годах. Тщательное сравнение этих печатных Библий на народном языке доказывает, что более ранние издания были независимыми произведениями; но по мере того, как издание следовало за изданием, текст постепенно ассимилировался, пока не появилась немецкая вульгата, которой без разбора пользовались те, кто придерживался средневековой церкви, и те, кто был от нее несогласен. Эти немецкие версии были в значительной степени, но ни в коем случае не полностью вытеснены переводом Лютера. Анабаптисты, например, сохраняли эту немецкую вульгату еще долгое время после публикации версии Лютера, а эти немецкие Библии дореформации использовались почти двести лет после Реформации.¹⁰⁰

Откуда возник спрос на эти народные версии Священного Писания? То, что лидеры средневековой церкви с тревогой относились к их существованию, видно из прокламации примаса Германии Бертольда Майнцского, изданной в 1486 году, предписывающей цензуру книг с особым упором на народные переводы Священного Писания.¹⁰¹ С другой стороны, нет никаких доказательств того, что эти версии были полностью или в значительной части работой врагов средневековой Церкви. Средневековые братья, как они себя называли (вальденсы, пикарды, виклифиты, гуситы и т.д. - таковы были имена, данные им церковными властями совершенно без разбора), имели переводы Священных Писаний как на романский, так и на тевтонский языки еще в конце тринадцатого века. Записи инквизиторов и соборов доказывают это. Но нет никаких свидетельств, позволяющих связать какую-либо из этих немецких версий, за исключением, возможно, одной из аугсбургских и той, что была издана кобургерами в Нюрнберге, с этими более ранними переводами. Растущее распространение образования в пятнадцатом веке и, прежде всего, рост нецерковного благочестия, которое претендовало на самостоятельное изучение и суждение, потребовало и получило эти многочисленные версии Священного Писания на вульгарном языке.¹⁰² “Простой человек” держал в руках слово Божье, мог читать, размышлять и судить сам. Эффект присутствия этих народных Писаний склонен к преувеличению.¹⁰³ Гуманист Конрад Целтес мог бы пригрозить священникам, что Библию

скоро можно будет увидеть в каждой деревенской таверне; но мы знаем, что в те дни раннего книгопечатания полная Библия, должно быть, была слишком дорогой, чтобы ее мог купить бедняк. Тем не менее, он мог достать Евангелия, или Послания, или Псалтирь; и есть свидетельства, помимо количества изданий, что люди покупали Священные Писания и изучали их. Проповедников призывали разъяснять значение отрывков из Священного Писания, читаемых в Церкви, чтобы люди не были сбиты с толку различными способами перевода текста в имеющихся у них Библиях. Рассказывали истории о крестьянах, подобных Хансу Вернеру, которые превзошли своих приходских священников аргументами, почерпнутыми из Священного Писания. Церковные власти, несомненно, были встревожены, и их тревогу разделяли многие, кто желал реформирования жизни и нравов, но боялся любого революционного движения. Было правильно, что дети должны питаться Хлебом Жизни, но Мать-Церковь должна была держать в руках хлебный нож, чтобы дети не порезали себе пальцы. Некоторые издатели переводов вставили предисловия, в которых говорилось, что содержание томов следует понимать так, как учит Церковь, как это было сделано в Книге Евангелий, опубликованной в Базеле в 1514 году. Но, несмотря ни на что, возникла мирская религия, и миряне начали самостоятельно мыслить в вопросах, в которых до сих пор единственными судьями считались священнослужители.

§ 7. “Братья”.

Существовал и другой тип религиозной жизни и благочестивых объединений, которые, по-видимому, в той или иной форме оказывали большое влияние среди высшего класса ремесленников, и особенно среди печатников Аугсбурга, Нюрнберга и Страсбурга.

Вполне вероятно, что этот тип благочестия имел по крайней мере три корня.

(а) Мы можем проследить еще в последние годы XIII века во многих частях Германии существование нонконформистов, которые, по свидетельству инквизиторов, вели благочестивый образ жизни, поступали праведно по отношению к своим соседям и верили во все догматы христианской веры, но отвергали римскую церковь и духовенство. Их преследователи придали им высокий характер. “Еретиков узнают по их походке и разговорам: они живут тихо и скромно; они не гордятся одеждой; их ученые мужи - портные и ткачи; они не накапливают богатств, но довольствуются необходимым; они живут целомудренно; они умеренны в еде и питье; они никогда не ходят ни в таверны, ни на публичные танцы, ни на какие подобные развлечения; они воздерживаются от всякой сквернословности, злословия, необдуманных речей, лжи и ругани”. Список возражений, которые у них были против обычаев средневековой Церкви, - это те, которые пришли бы в голову любому евангелическому протестанту этого столетия. Они исповедовали простое евангельское вероучение; они оказывали пассивное сопротивление иерархическим и священническим притязаниям духовенства; они заботились о том, чтобы обучать своих детей в школах, которые они поддерживали; у них были народные переводы Священных Писаний, и они заучивали наизусть большие отрывки; они проводили свою религиозную службу на народном языке, и одним из обвинений, выдвинутых против них, было утверждение, что слово Божье так же полезно, когда его читают на народном языке, как и когда его изучают на латыни. Также интересно узнать, что их обвиняли в посещении домов для прокаженных, чтобы помолиться с обитателями, и что в некоторых городах у них были школы для детей-прокаженных.¹⁰⁴ Они называли себя Братьями.

Сообщества Братьев никогда не исчезали. В течение четырнадцатого и пятнадцатого веков они постоянно подвергались местным и несколько скачкообразным преследованиям, когда церковные власти могли заручиться помощью светских властей в своих планах репрессий, что не всегда было возможно. Они были широко представлены среди ремесленников в крупных городах, и известны случаи, когда гражданские власти отдавали им одну из городских церквей для их богослужений. Ответственность за периодические преследования привела к созданию организации, в рамках которой Братья, которые в то время жили в мире, принимали меры для приема и поддержки тех, кто смог сбежать из любого района, где свирепствовали преследования. Эти общества поддерживали переписку со своими собратьями по всей Европе и никогда не были так активны, как в последние десятилетия пятнадцатого и первой четверти шестнадцатого века.

(б) Еще во времена мастера Экхарта (ум. в 1327 г.), его учеников Таулера (ум. в 1361 г.) и Сузо (ум. в 1366 г.), таинственного “Друга Бога в Оберланде” и его единомышленников (среди них страсбургский купец Рулман Мерсвин (ум. в 1382 г.)) и брюссельского священника Джона Рейсбрука (ум. в 1381 г.) лидеры средневековых мистиков имели обыкновение собирать своих последователей в молитвенные круги; и этот обычай был увековечен еще долго после их отъезда. Как эти благочестивые ассоциации продолжали существовать в течение полувека до Реформации и какие формы принимала их организация, по-видимому, невозможно сказать с какой-либо точностью. Школьная система братьев Общей партии, которая всегда имела тесную связь с Готтесфройнде, по всей вероятности, служила распространению молитвенных кругов, унаследованных от ранних мистиков. По-видимому, среди этих Простых Братьев было принято приглашать своих соседей встретиться в их школьных классах или в холле, чтобы послушать религиозные проповеди. Там они читали и разъясняли Новый Завет на родном языке. Они также читали выдержки из книг, написанных для передачи популярных религиозных наставлений. Они расспрашивали свою аудиторию, чтобы выяснить, насколько глубоко их слушатели понимают их учение, и пытались с помощью вопросов и ответов выявить и разрешить религиозные трудности. К концу пятнадцатого века эти школы и учителя распространились по всей Германии, и их влияние на развитие личной религии должно было быть огромным.

(с) Затем, совершенно независимо от социальной и полуполитической пропаганды гуситов, есть свидетельства того, что с момента распространения энциклики, адресованной таборитами в ноябре 1431 года всем христианам во всех странах, и особенно с момента основания *Unitas Fratrum* в 1452 году, между Богемией и рассеянными по всей Германии организациями евангелических раскольников существовала постоянная связь. Вероятно, историки приписывают гуситам большее, чем им полагается, влияние на своих немецких сторонников. Последний пришел к выводу, что десятину следует рассматривать как добровольные пожертвования, что чашу следует раздавать мирянам и т.д., задолго до движений под руководством Виклифа и Гуса. Но знание того, что у них были сочувствующие и братья за пределами их собственной страны, должно было быть источником силы для немецких нонконформистов.

Наши знания о том времени все еще слишком туманны, чтобы дать нам право делать очень определенные заявления о пропорциональном воздействии этих трех религиозных источников влияния на небольшие общины братьев или евангелических раскольников из Средневековой Церкви, которые поддерживали шаткое существование в конце Средних веков. Однако есть один любопытный факт, который показывает, что, должно быть, существовала тесная связь

между вальденсами Савойи и Франции, Братями Германии и Unitas Fratrum Богемии. Все они использовали один и тот же катехизис для обучения своих детей божественным вещам. Насколько можно установить, этот небольшой катехизис был впервые напечатан в 1498 году, а количество изданий можно проследить вплоть до 1530 года. Он существует на французском, итальянском, немецком и чешском языках. О вдохновении, почерпнутом у ранних мистиков и Готтесфройнде, свидетельствуют книги, распространяемые Братями. Они широко использовали недавно открытое искусство книгопечатания для распространения за границей небольших мистических сочинений о личной религии и переводов отрывков из Священного Писания. Они печатали и распространяли книги, которые использовались мистиками четырнадцатого века в рукописном виде, такие как знаменитый "Мастербук", отдельные проповеди Таулера, Молитвы и Правила святой жизни, извлеченные из его сочинений, а также короткие трактаты, взятые у более поздних мистиков, такие как Объяснение десяти заповедей. Также вероятно, что некоторые из многочисленных переводов всей Библии или ее частей, имевших хождение в Германии до времен Лютера, были сделаны в этих молитвенных кругах. Знаменитая фирма нюрнбергских типографий "Кобургерс", издавшая так много Библий, была немецкой типографией небольшого катехизиса, которым пользовались Братья; и, как уже было сказано, анабаптисты, которые были преемниками этих ассоциаций, использовали не версию Лютера, а гораздо более старую, дошедшую до них от их предков.

Члены этих молитвенных кружков приветствовали лютеранскую реформацию, когда она пришла, но вряд ли можно сказать, что они принадлежали к ней. Лютер признался, сколь многим он обязан одному из их изданий, Die deutsche Theologie; и то, что помогло ему, должно было принести пользу другим. Организация лютеранской церкви, основанная на гражданском разделении Империи, послужила сигналом к тщательной реорганизации членов этих старых объединений, которые отказывались иметь что-либо общее с Государственной церковью. Они сформировали лучшую сторону очень смешанного и очень неправильно понимаемого движения, которое позже было названо анабаптизмом, и, таким образом, остались за пределами двух больших подразделений, на которые разделилась Церковь Реформации. Этот религиозный тип существовал и особенно ярко проявлялся среди ремесленников в крупных городах Германии.

Не следует предполагать, что эти четыре класса религиозных чувств, которые, как было обнаружено, существовали в последние десятилетия пятнадцатого и первые десятилетия шестнадцатого веков, всегда можно четко отличать друг от друга. Религиозные типы не могут быть разделены, они постоянно смешиваются друг с другом самым неожиданным образом. Гуманизм и анабаптизм кажутся настолько далекими друг от друга, насколько это возможно; тем не менее, некоторые из наиболее известных лидеров анабаптистов были выдающимися членами кружка Эразма в Базеле. Гуманизм и нежная привязанность к простой вере детства сочетались в изысканном характере Меланхтона. Лютер, после своей суровой борьбы с самоправедностью в монастыре в Эрфурте, верил, что, если бы его родители были мертвы, он мог бы освободить их души из чистилища, посетив святыни святых в Риме. Мальчик Мекум (Миконий) сохранил лишь настолько многое из учения своего отца о *бесплатной* Божьей благодати, что поверил, что Индульгенция от Тецеля пойдет ему на пользу, если он сможет получить ее, не платя за это. Повсюду и во все времена происходит смешение отдельных типов религиозных верований, пока заметный кризис внезапно не ставит людей лицом к лицу с необходимостью выбора. Такой кризис произошел в период, который мы называем Реформацией, в результате чего лидеры того великого религиозного возрождения обнаружили,

что, в конце концов, самое истинное богословие - это то, что выражалось в гимнах и молитвах, в проповедях возрожденцев и в обучении у камина, и что они сочли своим долгом как богословы дать четкое догматическое выражение тому, что их отцы довольствовались тем, что невнятно находили в религиозной, а не интеллектуальной сфере средневековой религиозной жизни.

Такова была религиозная атмосфера, в которой родился Лютер и которой он дышал с самых ранних дней. Кажется, что каждый элемент участвовал в создании и формировании его религиозной истории и, несомненно, оказал аналогичное воздействие на его самых выдающихся и сочувствующих последователей.

Глава VI. Гуманизм и реформация.105

§ 1. Savonarola.

Когда итальянский гуманизм, казалось, вот-вот превратится в простое возрождение древнего язычества, сопровождаемого циничным сенсуализмом, с одной стороны, и самой слепой верой в оккультные науки - с другой, во Флоренции появился великий проповедник, который напомнил людям о христианстве и христианской добродетели.

Джироламо Савонарола был итальянцем, земляком Джаоккино ди Фьоре, Арнольда Брешийского, Франциска Ассизского, Иоанна Пармского, и, подобно им, верил, что его посещают видения апокалиптические и другие. Он принадлежал к стране, по которой на протяжении всего Средневековья прокатывались массовые религиозные пробуждения, внезапные, всепоглощающие и скоротечные, как степные пожары. Мальчиком он содрогался, видя боль в окружающем мире; он содрогался, проходя мимо огромных мрачных дворцов итальянских деспотов, где банкетный зал был отделен от темницы таким тонким полом, что стоны заключенных смешивались со звоном серебряной посуды и развязными разговорами гостей. Семья предназначила ему профессию врача, и юноше предстояло изучить труды Фомы Аквинского и арабские комментарии к Аристотелю — в те дни это были врата к познанию искусства врачевания. Итоги великого Ученого приводили его в восторг и незаметно влекли к теологии; но внешне он не восставал против уготованного ему жребия в жизни. Проблеск тихого пристанища в этом мире боли и зла пришел к нему, но он исчез, поглощенный всеобщим мраком, когда Роберто Строцци отказался позволить ему жениться на своей дочери Лаодамии. Оставалось только уповать на Бога, изучать Его слово и то небольшое утешение, которое могли принести музыка и написание сонетов. Его преданность Фоме Аквинскому побудила его искать в доминиканском монастыре того убежища, к которому он страстно стремился, от развращенного мира и развращенной Церкви. Там он оставался похороненным долгие годы, читая и перечитывая Священные Писания, корпя над "Суммой", впитывая Новые Знания, почти бессознательно создавая для себя философию, в которой сочетались учения Аквината с

неоплатонизмом Марсильо Фичино и Академии, и планируя, как он мог бы наилучшим образом представить доктрины христианской религии в гармонии с естественным разумом человека.

Когда, наконец, он стал великим проповедником, способным повлиять на сердце и совесть, не следует забывать, что он был средневековым до мозга костей. Его доктринальное учение было прочно основано на теологии Фомы Аквинского. Его интеллектуальная концепция веры, его твердая вера в божественное предопределение и его способ ее выражения, его взгляд на Священное Писание как на обладающее многообразным значением - все это было определено для него великим доминиканским схоластом. Он твердо придерживался средневековой идеи о том, что Церковь была внешним политическим единством, управляемым римским епископом, которому должна подчиняться каждая человеческая душа и которому все должны повиноваться, за исключением тех случаев, когда отдавались приказы, противоречащие простому изложению евангельского закона. Он разъяснял полноту и незначительные ограничения власти папы в точности так, как это делали Фома и великие схоласты XIII века, хотя и в терминах, сильно отличающихся от канонистов Римской курии на закате средневековья. Даже его понимание неоплатонической стороны гуманизма восходит к средневековым авторитетам; ибо во все времена труды псевдо-Дионисия были источником вдохновения для великих схоластов.

Его ученость свела его с лидерами гуманистов Флоренции, серьезный тон его учения и святость его характера привлекли их, его глубокое личное благочестие заставило их почувствовать, что он обладает чем-то, чего им не хватает; в то время как ни одного неоплатоника не могло оттолкнуть его заявление о том, что он является получателем видений свыше.

Знаменитые флорентийские гуманисты стали учениками великого проповедника. Сам Марсильо Фичино, глава Флорентийской академии, который держал одну лампу зажженной перед бюстом Платона, а другую - перед изображением Пресвятой Богородицы, какое-то время был полностью очарован им. Вся внутренняя жизнь молодого Джованни Пико делла Мирандолы изменилась благодаря его беседам с приором Сан-Марко. Он изменил свои прежние беспечные привычки. Он сжег пять книг распутных любовных песен, которые сочинил до своего обращения.¹⁰⁶ Он молился ежедневно в определенные часы и искренне писал своему племяннику о важности молитвы для благочестивой жизни:

“Я побуждаю тебя, - говорит он, - не к той молитве, которая многословна, но к той молитве, которая в тайной комнате разума, в потайном помещении души, каждым чувством обращается к Богу; которая в самой светлой тьме созерцания не только представляет разум Отцу, но и соединяет его с Ним невыразимыми путями, которые знают только те, кто испытал. Меня не волнует, насколько длинной или краткой будет твоя молитва; но какой действенной, какой пылкой она будет, и скорее прерываемой вздохами, чем растянутой на несколько слов.... Пусть не проходит и дня, чтобы ты хотя бы раз не представил себя Богу в молитве.... О чем бы ты ни просил Бога в своей молитве, Дух Святой, молящийся за нас, а также твоя собственная нужда будут ежечасно напоминать тебе”.¹⁰⁷

Он изучал труды Фомы Аквинского, в которых излагалась любимая теология Савонаролы, и отзывался о великом ученом человеке как о “столпе истины”.¹⁰⁸ Он передал треть своих владений племяннику, а на оставшееся жил скромно, чтобы в значительной степени раздавать милостыню.¹⁰⁹ Он сделал Савонаролу своим раздавателем милостыни, который от его имени

раздавал милостыню обездоленным людям и брачные припасы бедным девушкам.¹¹⁰ У него часто возникали мысли о вступлении в Доминиканский орден, и

Однажды, прогуливаясь со своим племянником Джоном Фрэнсисом по саду в Ферраре и беседуя о любви Христовой, он разразился такими словами: “Племянник, - сказал он, - это я покажу тебе; предупреждаю тебя, держи это в секрете; все, что у меня останется после завершения некоторых моих книг, я намерен раздать бедным людям и, огораживаясь распятием, босиком ходить по миру, в каждом городе и замке я намерен проповедовать Христа”.¹¹¹

Также записано, что он практиковал бичевание себя; особенно “в те дни, которые представляют для нас Страдания и Смерть, которые Христос претерпел ради нас, он бил и бичевал свою собственную плоть в память об этом великом благе и для очищения своих старых проступков”.¹¹² Но превыше всего он посвятил себя прилежному изучению Священного Писания и рассказал об этой практике своему племяннику:

“Ты не можешь сделать ничего более угодного Богу, ничего более полезного для себя, чем если твоя рука день и ночь не перестанет перелистывать тома Священного Писания. В них тайно заключена некая небесная сила, быстрая и действенная, которая с удивительной силой преобразует разум читателей в любовь Божью, если их помолить чисто и смиренно”.¹¹³

Великий платонист оставил Платона ради святого Павла, которого он называл “славным апостолом”.¹¹⁴ Когда он умер, он завещал свои земли одной из больниц Флоренции и пожелал быть похороненным под покровом доминиканских монахов в монастыре Сан-Марко.

Другой выдающийся член Флорентийской академии, Анджело Полициано, также был одним из новообращенных Савонаролы. Мы находим его обменивающимся откровениями с Пико, оба заявляют, что любовь, а не знание - это способность, с помощью которой мы учимся познавать Бога:

“Но теперь посмотри, мой горячо любимый Анджело, - пишет Пико, - какое безумие овладевает нами. Любить Бога (пока мы в этом теле) мы скорее можем, чем либо познаем Его, либо произносим Его словами. Любя Его, мы также получаем больше пользы для себя; мы меньше трудимся и больше служим Ему. И все же лучше бы мы всегда благодаря знанию никогда не находили того, что ищем, чем благодаря любви обладали тем, что также было напрасно найдено без любви”.¹¹⁵

У Полициано, как и у Пико, одно время были некоторые мысли о вступлении в Доминиканский орден. Он тоже был похоронен по его собственной просьбе в рясе монаха-доминиканца в монастыре Сан-Марко.

Лоренцо де Медичи, который в течение своей жизни предпринимал множество попыток заручиться поддержкой Савонаролы и всегда получал отпор, не мог умереть, не умоляя великого проповедника навестить его на смертном одре и даровать ему отпущение грехов.

Итальянский гуманизм на какое-то время был обращен в христианство приором Сан-Марко. Если бы поэты и ученые, политики и священнослужители, государство и Церковь не были так безнадежно коррумпированы, возможно, произошло бы великое обновление человечества под

руководством людей, у которых не было желания нарушать политическое единство средневековой Церкви. Ибо едва ли можно слишком настойчиво утверждать, что Савонарола не был лидером Реформации в более ограниченном смысле этого слова. Движение, которое он возглавлял, имеет гораздо больше общего с грубым возрождением религии в Германии в конце пятнадцатого века, чем с самой Реформацией; и цель реорганизации тосканской конгрегации доминиканцев при Савонароле имеет почти точную параллель с созданием конгрегации августинских отшельников при Андреасе Пролесе и Иоганне Штаупице. Всем итальянским движением, как и следовало ожидать, руководили люди более умные и утонченные. Поэтому оно меньше, чем немцы, симпатизировало паломничествам, реликвиям, тонкостям церемониального богослужения и культу вульгарных чудес; но в этом отношении оно не было менее средневековым. Именно смерти, а не жизни и делу всей жизни Савонаролы было суждено оказать непосредственное влияние на Реформацию, которая вскоре выйдет за пределы Альп; ибо его мученическая смерть стала ярким доказательством невозможности реформирования Средневековой церкви без потрясения от великой конвульсии. “Сам Лютер, - говорит профессор Виллари, - вряд ли добился бы такого успеха в начале своей Реформы, если бы жертва Савонаролы не дала окончательного доказательства того, что надеяться на очищение Рима было безнадежно”.¹¹⁶

§ 2. Джон Колет.

В то время как Савонарола находился на пике своего влияния во Флоренции, в Италии случайно оказался молодой англичанин Джон Колет, сын богатого лондонского купца, который несколько раз был лорд-мэром. Мы можем предположить, что он отправился туда, как и его соотечественники Гроцин и Линакр, чтобы познакомиться с Новым Учением в его истоках. Нет никаких доказательств того, что он ездил во Флоренцию или когда-либо видел великого итальянского проповедника; но ни один иностранец не мог посетить Северную Италию в 1495 году, не услышав много о нем и его творчестве. Вся дальнейшая жизнь Коле в Англии свидетельствует о том, что, находясь в Италии, он действительно получил новый импульс, причем такого рода, который мог исходить только от Савонаролы. То, что Эразм рассказывает нам о своем пребывании там, убедительно подтверждает это. Коле посвятил себя изучению Священного Писания; он внимательно читал тех богословов древней Церкви, которые были особенно приемлемы для христианских гуманистов-неоплатоников; он изучал псевдо-Дионисия, Оригена и Иеронима. Что еще более примечательно в иностранном гуманисте, приехавшем учиться в Италию, так это то, что он прилежно читал английскую классику, какую только мог найти, чтобы подготовиться к проповеднической работе по возвращении в Англию. Слова Эразма подразумевают, что импульс сделать все это пришел к нему, когда он был в Италии, и не было никого, кто мог бы передать ему это, кроме великого флорентийца.

Когда Колет вернулся в Англию в 1496 году, он начал читать лекции в Оксфорде о Посланиях Святого Павла. Его метод изложения, достаточно знакомый после того, как Кальвин ввел его в Реформатскую церковь, был тогда абсолютно новым и доказывает, что он был оригинальным и независимым мыслителем. Его целью было выяснить *личное* послание, которое автор (святой Павел) послал христианам в Риме; и это побудило его искать каждый след, который раскрывал личность Апостола язычникам. Столь же важно было знать, каково было окружение людей, которым было адресовано Послание, и Колет изучал Светония, чтобы найти некоторые указания

на окружение римских христиан. Таким образом, он полностью освободился от схоластической привычки использовать Священное Писание как простой набор изолированных текстов, которые должны использоваться для доказательства доктрин или моральных правил, сконструированных или навязанных Церковью, и поэтому неудивительно обнаружить, что он никогда не начинает свои объяснения цитатами из Отцов Церкви. Еще большим доказательством его смелости является то, что он отказался от методов аллегоризации схоластов, — методов, которыми в изобилии пользовался Савонарола, — и что он сделал это, несмотря на свою преданность трудам псевдо-Дионисия. Он был первым, кто применил критические методы Нового обучения, чтобы раскрыть точный смысл книг Священного Писания. Его обращение со Священным Писанием показывает, что, как бы он ни находился под влиянием Савонаролы и христианских гуманистов Италии, он продвинулся далеко за их пределы и увидел то, чего не смог понять ни один средневековый теолог, а именно, что Библия — это личное, а не догматическое откровение. Они были средневековыми: он принадлежит к кругу мыслителей Реформации. У Лютера, Кальвина и Колета, что бы еще их ни разделяло, есть одна общая глубоко важная мысль. Далее, Коле отказался от средневековой концепции механического вдохновения текста Священного Писания, в этом также соглашаясь с Лютером и Кальвином. Вдохновение Священного Писания было для него чем-то таинственным. “Дух казался ему по причине своего величия обладающим собственным особым методом, необычайно, абсолютно свободным, дующим, куда ему заблагорассудится, делающим пророками кого пожелает, но при этом так, что дух пророков подчиняется пророкам”.¹¹⁷

Колет ясно видел и осуждал огромное зло, которое разрушало Церковь его времени. Собрание Английской церкви никогда не слушало более смелой проповеди, чем та, которую произнес им декан собора Святого Павла в 1512 году — в том же году, когда Лютер обратился к собранию духовенства в Лейпцау. Следует сравнить два обращения. В обоих содержится одна и та же фундаментальная мысль — каждое истинное реформирование должно начинаться с отдельного человека. Колет заявил, что реформа должна начаться с епископов, и что, начавшись, она распространится на духовенство, а оттуда и на мирян; “ибо тело следует за душой; и какими являются правители в государстве, такими будут и люди”. Он настаивал на том, что требуется соблюдение церковных законов, которые уже существовали. Невежественные и порочные люди допускались в священный сан, и существовали законы, запрещающие это. Симония расползалась “подобно раковой опухоли по умам священников, так что в наши дни большинство из них не стыдятся добиваться для себя высоких почестей ходатайствами и судебными исками, наградами и обещаниями”; и все же существовали строгие законы против зла. Он продолжил перечислять другие вопиющие злоупотребления — отсутствие места жительства духовенства, мирские занятия и побрякушки духовенства; скандалы и пороки церковных судов; нечастость провинциальных советов для обсуждения существующих зол и исправления их; растрата церковного наследия на роскошные здания, банкеты, обогащение родственников или содержание собак. У Церкви были законы против всех этих злоупотреблений, но они не применялись и не могли применяться до тех пор, пока епископы не исправят свои методы. Его схема реформы заключалась в том, чтобы ввести в действие существующие нормы канонического права. “Болезни, которые сейчас в Церкви, были такими же в прежние века, и нет такого зла, от которого святые отцы не предоставили бы превосходных средств; нет преступлений, о запрете которых не было бы законов в своде канонического права”. Такова была его определенная идея реформы в этой знаменитой проповеди на Собрании.

Но у него были более широкие взгляды. Он желал распространения здорового христианского образования и сделал все возможное, что мог сделать один человек для его продвижения, потратив свое личное состояние на основание школы Святого Павла, которую, что характерно, он оставил на попечение группы мирян. Он страстно желал увидеть широкое распространение проповеди на народном языке и считал, что епископы должны подавать пример в выполнении этого священнического долга. Вероятно, он хотел, чтобы вся служба была на местном наречии, поскольку против него было выдвинуто обвинение в том, что он учил свою паству повторять молитву "Отче наш" на английском языке. Кроме того, он ясно усвоил мысль, слишком часто забываемую теологами всех школ, что духовные факты и силы, лежащие в основе христианской жизни, - это одно, а интеллектуальные концепции, которые люди создают для объяснения этих фактов и сил, - это другое, и гораздо менее важное; что люди способны быть христианами и жить христианской жизнью благодаря первому, а не благодаря второму. Он увидел, что, хотя догма имеет свое место, это в лучшем случае союз бессмертного со смертным, союз между тем, что неизменно божественно, и образами человеческого мышления, которые меняются от эпохи к эпохе. По этой причине он был невысокого мнения о схоластической теологии своих дней с ее сорока тремя положениями о природе Бога и сорока пятью о природе человека до и после Грехопадения, с каждым из которых приходилось соглашаться, рискуя получить обвинение в ереси. "Почему вы превозносите передо мной такого человека, как Фома Аквинский? Если бы он не был таким высокомерным, он, несомненно, не стал бы так опрометчиво и гордо определять все вещи. И если бы его дух не был несколько мирским, он, несомненно, не искажил бы все учение Христа, смешав его со своей нечестивой философией". Схоластическое богословие могло быть научным в тринадцатом веке, но "научное" - это человеческий и изменчивый элемент догмы, а старое богословие стало явно ненаучным в шестнадцатом веке. Поэтому он привык советовать молодым студентам-богословам придерживаться Библии и Апостольского символа веры, а богословам, если им нравится, спорить об остальном; и он научил Эразма косо смотреть на реконструкцию августиновского богословия Лютером.

Но ни один мыслящий человек, как бы он ни пренебрегал философией и догмами, не может обойтись ни без того, ни без другого; и Колет не был исключением из общего правила. Он зафиксировал свое отвращение к Аквинату и свою неприязнь к Августину, и мы, возможно, можем увидеть в этом отсутствие симпатии к выдающейся характеристике теологии латинского христианства от Тертуллиана до Аквината и Оккама, не говоря уже о событиях, произошедших после Реформации. Великие люди, создавшие Западную церковь, почти все были образованными римскими юристами. Тертуллиан, Киприан, Августин, Григорий Великий (чьи труды служат мостом между латинскими отцами церкви и схоластами) — все они были людьми, получившими раннее образование римского юриста, - образование, которое сформировало все их мышление, будь то теологическое или церковное. Они инстинктивно рассматривали все вопросы так, как это сделал бы великий римский юрист. У них была присущая юристам тяга к точным определениям. У них была идея юриста о том, что главная обязанность, возложенная на них, состоит в том, чтобы добиваться подчинения авторитету, независимо от того, выражается ли этот авторитет во внешних институтах или в точных определениях правильных способов мышления о духовных истинах. Ни одна ветвь Западного христианского мира не смогла освободиться от чар, наложенных на нее этими римскими юристами первых веков существования Христианской церкви.

Если идеи римских юристов-христиан, медленно просачиваясь сквозь века, заставили римских епископов мечтать о том, что они преемники Августа, одновременно императора и Верховного

понтифика, повелителя тел и душ человечества, то они также вдохновили теологов Средневековой Церкви концепцией интеллектуального империализма, при котором система христианской мысли, выраженная с юридической точностью, могла бы связать во всеобъемлющее единство активный разум человечества. Выраженные таким образом догмы могут стать инструментами тирании, гораздо более проникающей, чем тирания института, и так обнаружил Колет. В своем бунте он отвернулся от латинян к грекам и к тому мыслителю, который был наиболее далек от юридической точности высказываний, характерной для западного богословия.

Вероятно, что его общение с христианскими гуманистами Италии и знакомство с платонистами и неоплатонизмом заставили его обратиться к трудам псевдо-Дионисия; но несомненно, что сначала он верил, что автор этих причудливых мистических трактатов был Дионисий, который был одним из обращенных апостолом Павлом в Афинах, и что эти труды воплотили в себе большую часть учения Апостола язычникам и возвращают читателя к первому поколению христианской церкви. После того, как он узнал от Гроцина, что автор "Небесной и земной иерархий" не мог быть обращенным апостолом Павлом и что эти труды не могли быть написаны ранее VI века, он все еще рассматривал их как свидетельство того, каким образом христианский философ мог выражать мысли, которые были актуальны в христианстве за тысячу лет до времен Колета. Эти труды можно было использовать как пробный камень для проверки обычаев и мнений, преобладавших в конце средневековья, когда люди все еще находились под властью схоластического богословия, и как оправдание для их отвержения.

Они научили его двум вещам, которые он очень хотел усвоить: что человеческий разум, какими бы способными он ни был чувствами к Богу, никогда не сможет постичь Его и не заключит Его характер и атрибуты в пропозиции — стереотипные аспекты мыслей, — которые можно подогнать под силлогизмы; и что такие вещи, как иерархия и таинства, следует ценить не потому, что они сами по себе являются активными источниками и центрами таинственных сил, а потому, что они слабо символизируют духовные силы, с помощью которых Бог работает для спасения Своего народа. Коле применил к изучению трудов псевдо-Дионисия ум, проникнутый простой христианской истиной, почерпнутой из изучения Священного Писания, и особенно Посланий святого Павла; и сама буйность воображения и сбивающая с толку путаница символизма в этих трудах, их неуловимость в противоположность точности Фомы Аквинского или Иоанна Дунса Шотландца позволили ему легче находить в них зародыши своих собственных более определенных мнений.

Когда изучаешь выдержки из "Иерархий"¹¹⁸, которые Колет выписал по памяти, вместе с фактическим текстом самих книг, едва ли удивительно обнаружить, как много в них от Колета и как мало от Дионисия.¹¹⁹

Хотя невозможно сказать, насколько Колет и согласившиеся с ним христианские гуманисты приветствовали бы принципы грядущей Реформации, можно утверждать, что он придерживался тех же взглядов по двум очень важным моментам. Он не верил в священство ни в средневековом, ни в современном римском смысле этого слова, и его теория эффективности и значения таинств христианской церкви была по сути протестантской.

Согласно Колету, не существовало такого понятия, как посредническое священство, основной функцией которого было бы обращаться к Богу от имени людей и приносить Ему их подношения. Обязанностью христианского священства было служение; оно состояло в том, чтобы возвещать любовь и милость Божию своим ближним и стремиться к очищению, просвещению и спасению человечества путем постоянной проповеди истины и распространения евангельского света, как стремился Христос. Он не верил, что священники получили от Бога силу отпускать грехи. “Необходимо отметить, — говорит он, — чтобы епископы не были самонадеянными, что не в силах людей ослаблять узы грехов; им также не принадлежит власть ослаблять или связывать что-либо”, — истина, изложенная Лютером в его Тезисах против индульгенций.

Коле еще более решительно отвергает сакраментальные теории средневековой Церкви. Евхаристия — это не жертва, а воспоминание о смерти нашего Господа и символ союза и общности, которые верующие имеют с Ним и через Него со своими ближними. Крещение — это церемония, которая символизирует изменение сердца верующего и его обет служения своему Учителю и означает “более совершенное крещение внутреннего человека”; а обязанность спонсоров — обучать детей знанию и страху Божьему. [120](#)

Нам говорят, что Лолларды были в восторге от проповедей Колета; что они советовали друг другу пойти послушать его; и что посещение проповедей декана фактически было выдвинуто против них в качестве обвинения. Сам Колет не был Лоллардом; более того, он, кажется, когда-то сидел среди церковных судей, приговоривших Лоллардов к смерти; [121](#) но проповедник, который учил, что десятина — это добровольные пожертвования, который осуждал порочную жизнь монахов и светского духовенства; который ненавидел войну и не стеснялся об этом говорить; чьи проповеди были полны простых библейских наставлений, должно быть, вызвал много воспоминаний о старых доктринах Лолларда. Ибо Лоллардизм никогда не умирал в Англии: он был активен во времена Колета, подготавливая страну к грядущей Реформации.

Оценивая влияние Колета на грядущую Реформацию, не следует забывать, что Латимер был его другом, что Уильям Тиндейл был одним из его любимых учеников и что он убедил Эразма отказаться от чисто классических исследований и заняться редактированием Нового Завета и Отцов церкви раннего христианства.

§ 3. Эразмус.

Эразм, как часто говорили, был “человеком сам по себе”, и все же его можно рассматривать как представителя одного и, возможно, наиболее распространенного типа христианского гуманизма. Его характер всегда будет предметом споров; и его мотивы могут, без всякой несправедливости, быть представлены в неблагоприятном свете — “великий ученый, но мелочный человек” — это вердикт, для которого имеется множество доказательств. Таково было окончательное суждение его современников, главным образом потому, что он отказался принять определенную сторону в эпоху, когда величайший спор, сотрясавший Западную Европу со времен падения старой империи, казался, призывал каждого человека примкнуть к той или иной партии. Наше современное суждение должно основываться на иной основе. В

более спокойные дни, когда шум битвы почти стих, можно признать, что отказ быть партизаном *может* свидетельствовать о величии, а не о мелкости души, о более остром видении и более спокойном мужестве. Мы не можем судить этого человека так же поспешно, как это делали его современники. Тем не менее, имеется достаточно доказательств, подтверждающих их вердикт. Каждый биограф признавал, что бесполезно искать правду в его обширной переписке. Его чувства, надежды, намерения и фактические обстоятельства одновременно описываются разным корреспондентам совершенно по-разному. Он всегда писал для эффекта, и часто для эффекта довольно грязного рода. Он редко высказывал определенное мнение по какому-либо важному вопросу, не попытавшись сформулировать его таким образом, чтобы иметь возможность, если возникнет необходимость, отрицать, что он его высказал. Никто лучше не знал, как использовать "если" и "но", чтобы укрыться от всякой ответственности. Он обладал изобретательностью каракатицы, чтобы скрывать себя и свои истинные взгляды, и это обычно использовалось для защиты собственной шкуры. Все это можно признать; вряд ли это можно отрицать.

Тем не менее, начиная с его первого визита в Англию (1498 г.) и заканчивая практическим отказом от кардинальской шапки от папы Адриана VI. при условии, что он будет жить в Риме и помогать в борьбе с Реформацией, у Эразма было свое собственное представление о том, что на самом деле означает реформация христианства, и какую долю в ней он мог принять. Следует признать, что он придерживался этой идеи и шел по пути, который наметил для себя, с упорством целеустремленного человека, которое делало ему честь. Это ни в коем случае не всегда было делом личной безопасности, и уж тем более дорогой к личному возвышению. В конце концов это привело его туда, где он никогда не ожидал оказаться. Это сделало его человеком, которого презирали обе стороны в великой борьбе; это оставило его абсолютно одиноким, без друзей и влияния. Он часто использовал весьма презренные средства, чтобы отразить попытки заставить его отклониться вправо или влево; он отказался от многих своих прежних принципов или настолько изменил их, что они больше не были узнаваемы. Но он всегда был верен своему собственному представлению о реформации и делу своей жизни как реформатора.

Эразм был твердо убежден, что христианство - это прежде всего нечто практическое. Оно имело отношение к обычной жизни человечества. Оно означало любовь, смирение, чистоту, благоговение — все добродетели, которые Спаситель проявил в Своей земной жизни. Эта ранняя "христианская философия" была скрыта от глаз под схоластической теологией, полной софистических тонкостей, и затерялась в смешении иудаизма и язычества популярной религиозной жизни с ее утомительными церемониями и варварскими обычаями. Он верил, что истинной реформацией было моральное обновление человечества, и единственной потребностью того времени было вернуться к той более ранней, более чистой религии, основанной на подлинном внутреннем почитании Христа и подражании Ему. Литератор, как и он сам, по его мнению, мог бы сыграть роль реформатора, причем мужественно, двумя способами. Он мог попытаться, используя остроумие и сатиру, выставить на посмеище безумства схоластов и вульгарную пародию на религию, которая была в моде среди народа. Он также мог представить взорам всех людей ту более раннюю и чистую религию, которая была истинным христианством. Он мог отредактировать Новый Завет и дать людям возможность прочесть те самые слова, которые говорил Иисус и проповедовал Павел, заставить их увидеть деяния Иисуса и услышать апостольские объяснения их значения. Он мог бы сказать:

“Будьте только обучаемы, и вы уже продвинулись далеко в этой (христианской) философии. Она придает дух учителю, который никому не передается с большей готовностью, чем простодушным людям. Другие философии, в силу самой сложности их предписаний, недоступны большинству умов. При этом не исключается ни возраст, ни пол, ни условия жизни. Само солнце не является более распространенным и открытым для всех, чем учение Христа. Ибо я совершенно не согласен с теми, кто не желает, чтобы Священное Писание читалось необразованными людьми в переводе на их вульгарный язык, как будто Христос учил таким тонкостям, что они едва ли могут быть поняты даже несколькими теологами, или как будто сила христианской религии заключалась в незнании ее людьми. Тайны царей, возможно, безопаснее скрывать, но Христос хотел, чтобы Его тайны публиковались как можно более открыто. Я хочу, чтобы даже самая слабая женщина читала Евангелие — читала Послания Павла. И я хотел бы, чтобы они были переведены на все языки, чтобы их могли прочитать и понять не только шотландцы и ирландцы, но также турки и сарацины. Сделать так, чтобы их поняли, - это, безусловно, первый шаг. Возможно, многие высмеют их, но некоторые примут их близко к сердцу. Я страстно желаю, чтобы земледелец напевал себе отрывки из них, идя за плугом, чтобы ткач напевал их на мотив своего челнока, чтобы путешественник скрашивал их рассказами скуку своего путешествия”.¹²²

Ученый, ставший реформатором, мог бы далее разъяснить, отредактировав и опубликовав труды ранних отцов христианства, какой была древнейшая христианская теология до того, как схоласты ее испортили.

Концепция о том, что реформация христианства была в основном обновлением морали, позволила христианскому гуманисту сохранить верность идее Возрождения о том, что писателей классической древности следует использовать для улучшения участи человечества. Флорентийский кружок говорил о вдохновении Гомера, Платона и Цицерона и видел, как они трудились, подобно нашему Господу, чтобы научить людей жить лучше. Пико и Рейхлин пошли дальше и обнаружили просветляющие предвосхищения христианства, в этом смысле и в других, среди евреев, египтян и, возможно, брахманов. Эразм был слишком дальновиден, чтобы вступать в какой-либо союз с восточным мистицизмом или каббалистическими спекуляциями; но он настаивал на помощи, которая могла бы исходить от христианского реформатора, в полной мере использующего этическое учение мудрецов Греции и Рима в его попытке произвести моральное обновление в жизни своих собратьев. Сократ и Цицерон, каждый в свое время и в своей сфере, стремились к тому же нравственному обновлению, которое обещало христианство, и, по крайней мере, в этом смысле их можно назвать христианами до Христа. Эразм был настолько убежден в их близости истинному духу христианства, что заявил, что Цицерон имеет такое же право на высокое место на небесах, как и многие христианские святые, и что, когда он думал об афинском мученике, он едва мог удержаться от восклицания: Святите Сократа, Ora pro nobis.

Следует также помнить, что Эразм испытывал подлинный и благородный ужас перед войной, который ни в коем случае не был простым испугом человека, чьи нервы всегда были на пределе. Он проповедовал мир так же смело и бескорыстно, как и его друг Джон Колет. Ему была невыносима мысль о религиозной войне. Об этом не следует забывать ни при какой оценке его поведения и его отношения к Реформации. Ни один человек, даже Лютер, не разбрасывал семена революции более безрассудной рукой, и все же глубокая и стойкая неприязнь ко всем движениям, которые можно было бы назвать революционными, была одним из наиболее

стойких элементов его характера. Он ненавидел то, что называл “суматой”. У него была искренняя вера в то, что все общественные пороки в государстве и Церкви нужно терпеть до тех пор, пока они тихо не исчезнут под влиянием сарказма и здравого смысла или пока они не будут устранены действиями ответственных властей. Он был достаточно прозорлив, чтобы видеть, что открытая и общепризнанная атака на папское превосходство или на любую из наиболее почитаемых доктрин и обычаев средневековой Церкви должна закончиться междоусобицей и кровопролитием, и поэтому он искренне верил, что такой атаки не должно быть.

Принимая во внимание все это, можно увидеть, какое представление имел Эразм о своей работе реформатора, с ее возможностями и ограничениями. Он упорно придерживался его всю свою жизнь. Он придерживался его в дни своей прежней сравнительной безвестности. Он поддерживал его, когда был возведен на трон как принц царства знаний. Он цеплялся за это в своей опозоренной старости. Никто не может оправдать те средства, к которым он иногда прибегал, чтобы не свернуть с пути, который он сам для себя наметил; но есть кое-что, что следует сказать в пользу человека, который, несмотря ни на что, решительно придерживался своего взгляда на то, какой должна быть реформация и каковы были функции литератора, который чувствовал себя призванным быть реформатором. Если бы Лютер был одарен тем острым чувством предвидения, которым так фатально был наделен Эразм, выступил бы он так решительно против индульгенций, как он это сделал? Вполне вероятно, что это ничего бы не изменило в его действиях; но сам он так не думал. Однажды он сказал: “Никакая хорошая работа не достигается нашей собственной мудростью; она начинается с крайней необходимости. Я был вынужден поступить по-своему; но если бы я знал тогда то, что знаю сейчас, десять диких коней не втянули бы меня в это”. Человек, возглавляющий великое реформаторское движение, может видеть далекое, но редко имеет четкое представление о ближайшем будущем. Это тот, кто чувствует медленное давлениемогушественной духовной силы, кто довольствуется одним шагом за раз и кто не просит увидеть весь путь, простирающийся перед ним.

Эразмус потерял обоих родителей, когда был ребенком, и никогда не пользовался преимуществами домашнего обучения. Обманом или самообманом он был загнан в монастырь, когда был юношей. Он вырвался из тисков монашеской жизни, когда ему было двадцать лет, с подорванным здоровьем, научившись узнавать человеческую природу с ее дурной стороны и торговать этим знанием. Он был одним из самых одиноких смертных и не доверял никому, кроме самого себя. За одним большим исключением, у него не было дружбы, которая оказала бы длительное влияние на его характер. С детства он учил себя по-своему; повзрослев, он сам все планировал и интриговал; он упорно отказывался быть втянутым в какую-либо работу, которая ему не нравилась, ради нее самой; он упорно избегал любых сложностей, которые могли бы повлиять на его действия или взвалить на него какую-либо ответственность. В этом он стоит почти в одиночестве среди гуманистов. Все остальные были чиновниками, или профессорами, или частными преподавателями, или юристами, или священнослужителями. Эразмус был никем и останется никем, всего лишь простым литератором.

Гольбейн рисовал его так часто, что черты его лица кажутся знакомыми. Каждая черточка четко очерченного лица предполагает сдержанный сарказм — плотно сжатые тонкие губы, полуприкрытые веки и пронизательный взгляд едва заметных голубых глаз. Голова у него интеллектуальная, но в портрете нет ничего мужского — ничего, напоминающего массивность ученого бюргера Пиркхаймера; или жизнерадостную силу гуманиста ландскнехта Эобануса

Гессуса; или поджарое волчье упорство Хаттена, потомка рыцарей-разбойников; или непоколебимую домашнюю отвагу Мартина Лютера. Изящные руки, которые Гольбейн так часто рисовал, и общая чопорность его внешности наводят на мысль о происхождении от длинной череды незамужних тетюшек. Острый интеллект был заключен в болезненное тело, чья хрупкость предъявляла постоянные требования к душе, которую оно заключало в тюрьму. Для этого нужны были теплые комнаты с печами, не издающими запаха, лучшие вина, покладистая лошадь и ловкий слуга; и чтобы обеспечить все эти удобства, Эразм писал самые энергичные письма с мольбами и опускался до всевозможной лести.

Визит Эразма в Англию в 1498 году стал поворотным моментом в его жизни. Впервые он оказался среди людей, равных ему в учебе и превосходящих его во многих вещах. “Когда я слушаю моего друга Колета,” говорит он, “мне кажется, что я слушаю самого Платона. Кто не восхищается полным владением науками в Гроцине? Что может быть острее, глубже и прозорливее суждения Линакра? Создавала ли природа когда-либо более мягкий, нежный или счастливый характер, чем у Томаса Мора?” Он познакомился с людьми, столь же увлеченными Новыми Знаниями, как и он сам, которые ненавидели шотландское богословие еще яростнее, чем он, и которые, тем не менее, верили в чистую, простую христианскую философию и были искренними христианами. Они убедили его присоединиться к ним в их работе, и мы можем проследить в переписке Эразма растущее влияние Коле. Настоятель собора Святого Павла сделал Эразма убежденным христианским гуманистом, которым он стал, и внушил ему концепцию реформации, которая, оставляя внешние вещи почти такими, какими они были, предпринимала обновление морали. Он никогда не терял оттиска марки Колета.

Из одного из писем Эразма следует, что Колет убеждал его написать комментарии к некоторым частям Нового Завета; но Эразм хотел работать только по-своему; и вполне вероятно, что вскоре его мысли обратились к подготовке издания Нового Завета на греческом. Эта задача долго вынашивалась, и он должен был совершенствоваться в своем знании языка.

Эта решимость не браться ни за какую работу, для которой он не был бы в высшей степени приспособлен, вкуче с его целеустремленностью и предприимчивостью создали Эразмусу репутацию сильного человека. Считалось, что он не похож ни на одного другого гуманиста, будь то итальянец или немец. У него не было желания просто воспроизводить античность или замыкаться в узком кругу, в котором творили “Поэты” Возрождения. Он применил древнюю культуру к современному использованию. Эразмус не был засидевшимся в кресле студентом. Он был одним из самых проникательных наблюдателей всего человеческого — Лукиан или Вольтер шестнадцатого века. Из-под полуопущенных век его быстрый взгляд улавливал и сохранял характерные черты всех типов мужчин и женщин. Он описывал теологов, юристов и философов, монахов и приходских священников, торговцев и солдат, мужей и жен, хороших и плохих женщин, танцовщиц и посетительниц ресторанов, паломников, продавцов помилований и хранительниц реликвий; крестьянина в поле, ремесленника в мастерской и бродягу на большой дороге. Он изучил все и мог описать их несколькими ловкими фразами, такими же резкими, как мазки Дюрера, с почти безупречным стилем и легким сарказмом.

Это применение Новых знаний для изображения обычной жизни в сочетании с его глубокой образованностью сделало Эразма кумиром молодых немецких гуманистов. Они говорили, что он больше, чем простой смертный, что его суждения непогрешимы и что его работа совершенна. Они совершали паломничества, чтобы навестить его. Интервью было событием, о

котором говорили годами; письмо - драгоценным сокровищем, которое можно было завещать как семейную реликвию. Некоторые люди отказывались оказывать всеобщее почтение ученым и государственным деятелям, князьям-мирянам и священнослужителям. Лютер в своих комментариях благоухал к пелагианской теологии; он презирал умышленную игру Эразма с истиной; он говорил, что великий гуманист был насмешником, который высмеивал все, даже Христа и религию. Для обвинения были некоторые основания. Его сарказм не ограничивался восхвалением Глупости или его лекций. Это проявляется почти во всем, что он написал, — даже в его пересказах Нового Завета.

То, что такой человек чувствовал себя призванным быть реформатором, что этот Савл должен был появиться среди пророков, само по себе свидетельствует о том, что он жил во время великого религиозного кризиса и что религиозный вопрос был самым важным в его дни.

Основными литературными произведениями Эразма, призванными служить реформации, которую он желал видеть, являются: —две небольшие книги "Enchiridion militis christiani" (Справочник христианского солдата, или Карманный кинжал для христианского солдата — его можно перевести любым способом), впервые напечатанные в 1503 году, и "Institutio Principis Christiani" (1518); его "Encomium Moriae" ("Похвала безумию", 1511); его издание Нового Завета, или Novum Instrumentum (1516), с предисловиями и парафразами; и, возможно, многие диалоги из его Коллоквиума (1519).

Сам Эразм объясняет, что в "Энхиридионе" он написал, чтобы опровергнуть вульгарное заблуждение тех, кто думает, что религия состоит из церемоний и не только еврейских обрядов, в то время как они пренебрегают тем, что действительно относится к благочестию. Вся цель книги состоит в том, чтобы утвердить индивидуальную ответственность человека перед Богом, независимо от каких-либо промежуточных человеческих факторов. Эразм так же полностью, как это сделал бы Лютер, игнорирует всю средневековую мысль о посреднической функции Церкви и ее священнического сословия. В этом отношении книга по сути протестантская и насквозь революционная. В нем так много слов говорится о том, что большая часть популярной религии является чистым язычеством:

“Человек поклоняется некоему Роху, и почему? потому что он воображает, что он изгонит чуму из своего тела. Другой бормочет молитвы Барбаре или Джорджу, чтобы не попасть в руки своего врага. Этот человек постится в Аполлонии, чтобы предотвратить зубную боль. Этот человек смотрит на образ божественного Иова, чтобы освободиться от зуда.... Короче говоря, каковы бы ни были наши страхи и желания, мы ставим над ними так много богов, и у разных народов они разные.... Это недалеко ушло от суеверия тех, кто приносил десятину Геркулесу, чтобы разбогатеть, или петуха Эскулапу, чтобы выздороветь от болезни, или кто убивал быка Нептуну для благоприятного путешествия. Названия изменены, но объект тот же”.¹²³

Говоря о монашеской жизни, он говорит:

“Любовь, - говорит Павел, - состоит в том, чтобы назидать ближнего своего" ... и если бы только это было сделано, ничто не могло бы быть более радостным или более легким, чем жизнь "религиозного"; но теперь эта жизнь кажется мрачной, полной еврейских суеверий, никоим образом не свободной от пороков мирян и в некоторых отношениях более порочной. Если бы Августин, которого они называют основателем своего ордена, снова ожил, он не узнал бы их; он

воскликнул бы, что никогда не одобрял такой образ жизни, но организовал образ жизни в соответствии с правилом Апостолов, а не в соответствии с суевериями евреев”.¹²⁴

Чем больше изучаешь "Восхваление безумия", тем очевиднее становится, что Эразм не собирался писать сатиру на человеческую слабость в целом: эта книга представляет собой самую жестокую атаку на средневековую церковь, которая до того времени была предпринята; и так и должно было быть. Автор время от времени отклоняется от своей главной темы, но всегда возвращается к безумным безрассудствам религиозной жизни, санкционированным высшими авторитетами средневековой церкви. Папы, епископы, теологи, монахи и обычные христиане-миряне - все они законченные глупцы в своей обычной религиозной жизни. Стиль яркий, автор увидел то, что описывает, и заставляет своих читателей увидеть это тоже. Он пишет со смесью легкой насмешки и горькой серьезности. Он разоблачает глупые вопросы теологов; пороки и мирские амбиции пап, епископов и монахов; глупую веру в праздники, паломничества, индульгенции и реликвии. Богословы, говорит автор, довольно опасные люди для нападок, поскольку они обрушиваются на человека со своими шестьюстами выводами и приказывают ему отречься, а если он этого не делает, они немедленно объявляют его еретиком. Проблемы, которые их интересуют, таковы:

“Был ли какой-нибудь момент времени в божественном зарождении? ... Мог ли Бог принять форму женщины, дьявола, осла, тыквы или камня?” Как тыква могла проповедовать, творить чудеса, висеть на кресте?”¹²⁵

Он насмехается над папами римскими и высшими духовными лицами:

“Те верховные Понтифики, которые стоят на месте Христа, если они попытаются подражать Его жизни, то есть Его бедности, Его тяжелому труду, Его учению, Его кресту и Его презрению к этому миру... что может быть ужаснее!.... Мы не должны забывать, что такая масса писцов, переписчиков, нотариусов, адвокатов, секретарей, погонщиков мулов, конюхов, менял, сводников и более веселых людей, о которых я мог бы упомянуть, если бы не уважал ваши уши, - что весь этот рой, который сейчас обременяет - прошу прощения, почести — Римский престол, был бы доведен до голодной смерти”.¹²⁶

Что касается монахов:

“Большая часть из них так верит в свои церемонии и человеческие традиции, что думают, что одно небо - недостаточная награда за такие великие деяния.... Один покажет свое брюхо, набитое всевозможной рыбой; другой изольет сотню бушелей псалмов; третий подсчитает мириады постов и снова восполнит их все тем, что чуть не лопнет за один обед. Другой устроит такое количество церемоний, что их с трудом выдержат семь кораблей; другой похвалится, что за шестьдесят лет он ни разу не притронулся ни к одному пенни, кроме как в двойных перчатках на руках.... Но Христос прервет их бесконечное хвастовство и спросит: "Откуда этот новый вид иудаизма?"

“Они все делают по правилам, по своего рода священной математике; например, сколько узлов должно быть завязано на их обуви, какого цвета все должно быть, какого разнообразия в их одежде, из какого материала, сколько соломинок шириной до пояса, какой формы и на сколько бушелей вместимостью их капюшон, на сколько пальцев шире их волосы и сколько часов они спят...”¹²⁷

Он высмеивает людей, которые бегают по Риму, Компостелле или Иерусалиму, тратя на долгие и опасные путешествия деньги, которые лучше было бы потратить на то, чтобы накормить голодных и одеть нагих. Он насмехается над теми, кто покупает Индульгенции, кто льстит себе фальшивыми помилованиями и кто безошибочно, словно по водяным часам, отмерил продолжительность Чистилища на века, годы, месяцы и дни, подобно таблице умножения. ¹²⁸Разве это религия - верить, что если кто-то заплатит хоть пенни из того, что он украл, то он сможет сразу очистить всю свою жизнь от грязи и всех своих лжесвидетельств, похоти, пьянства, всех своих ссор, убийств, обмана, вероломства, лжи, откупившись таким образом, что он сможет начать все сначала, с нового круга преступлений? Почитание реликвий, пожалуй, никогда не высмеивалось так жестоко, как в Разговорной речи "Peregrinatio Religionis Ergo".

Следует помнить, что эта горькая сатира была написана за несколько лет до того, как Лютер начал Реформацию нападениями на индульгенции. Может показаться удивительным, сколько вольностей позволил себе сатирик и как много было позволено ему. Но Эразм очень хорошо знал, как защитить себя. Он был очень осторожен, не предпринимая никаких определенных атак и не упоминая имен. Он всегда был готов объяснить, что он не хотел нападать на папство, а только на плохих пап; что он испытывал величайшее уважение к монашеской жизни и высмеивал только злонамеренных монахов; или что он почитал святых, но считал, что благоговение следует проявлять, подражая им в их благочестивой жизни. Он мог бы сказать все это совершенно искренне. Действительно, вполне вероятно, что при всем своем презрении к монахам Эразм в глубине души верил, что набожный монах-капуцин или францисканец ведет идеальную христианскую жизнь. Кажется, он говорит об этом в своем коллоквиуме "Милиция и Картузианцы". Более того, он писал до того, как сановники средневековой церкви начали беспокоиться. Либеральные церковники, которые были покровителями Нового Учения, не возражали против того, чтобы тот, кто написал на такой изысканной латыни, высмеивал пороки того времени и церковную жизнь того времени. Во всей своей более серьезной работе Эразм старался укрыться под защитой великих духовных лиц.

Эразм был не единственным ученым, предложившим опубликовать правильное издание Священного Писания. Великий испанец, кардинал Хименес, объявил, что намерен выпустить издание Священного Писания, в котором текст Вульгаты будет располагаться параллельными столбцами наряду с древнееврейским и греческим. Проспект этого комплутенсийского полиглота был выпущен еще в 1502 году; работа была закончена в 1517 году и опубликована в Испании в 1520 году и в других странах в 1522 году. Эразм позаботился о том, чтобы посвятить первое издание своего *Novum Instrumentum* (1516) папе Львух., который милостиво принял его. Он отправил второе издание тому же папе в 1519 году, сопроводив его письмом, в котором он говорит:

“Я изо всех сил старался воспламенить людей от ледяющих душу рассуждений, в которых они так долго пребывали, к рвению к теологии, которое должно было быть одновременно более чистым и серьезным. И что этот труд до сих пор не был напрасным, я вижу из этого, что некоторые люди в ярости против меня, которые не могут ценить то, чему они не в состоянии научить, и стыдятся учиться. Но, доверяя Христу как моему свидетелю, которого мои труды превыше всего охраняли бы, суждению вашего Святейшества, моему собственному чувству справедливости и одобрению стольких выдающихся людей, я всегда игнорировал вопли этих людей. Каким бы небольшим талантом я ни обладал, он был раз и навсегда посвящен Христу: он

будет служить только Его славе; он будет служить Римской Церкви, князю этой Церкви, но особенно вашему Святейшеству, которому я обязан больше, чем всем своим долгом ”.

Он посвятил различные части Парафразов Нового Завета кардиналу Кампеджио, кардиналу Вулси, Генриху VIII, Карлу V и Франциску I Французскому. Он сознательно поставил себя под защиту тех князей, церковных и светских, которых нельзя было заподозрить в каких-либо революционных замыслах против существующего положения вещей в Церкви или государстве.

Во всем этом ему некоторое время следовали самые выдающиеся христианские гуманисты Англии, Франции и Германии. Они были полны самых радужных надежд. Папа-гуманист восседал на троне Святого Петра, молодые короли-гуманисты правили Францией и Англией, император Максимилиан долгое время был покровителем немецкого гуманизма, и многого ожидали от его внука Карла, молодого короля Испании. Эразма, признанного лидера христианского образования, с энтузиазмом поддерживали Колет и многие другие в Англии, Будд и Лефевр во Франции, Иоганн Штаупиц, Кохлей, Томас Мурнер, Джером Эмсер, Конрад Мутианус и Джордж Спалатин в Германии. Все они верили, что приближается золотой век, когда светские правители запретят войны, а духовенство откажется от своей алчности, и когда и то, и другое поведет народы Европы к реформированию морали и восстановлению чистой религии. Они возлагали большие надежды на то, что все обойдется без “беспорядков”, которых они все боялись, и когда разразилась буря, многие из них стали непримиримыми противниками Лютера и его действий. Лютер не нашел более смертоносных врагов, чем Томас Мернер и Джером Эмсер. Другие, такие как Джордж Спалатин, стали его самыми горячими сторонниками. Эразм до конца придерживался осторожного нейтралитета. В длинном письме Марлиану, епископу Туя в Испании, он говорит, что ему не нравятся труды Лютера, что он с самого начала опасался, что они вызовут “смуту”, но что он не осмеливается полностью выступить против реформатора, “потому что он боялся, что тот, возможно, борется против Бога”. Максимум, на что его можно было заставить пойти после самых сильных уговоров, - это напасть на августинскую теологию Лютера в его “О свободе арбитра” и намекнуть на защиту принципа церковной власти в толковании Священного Писания и доказать, что Лютер придавал слишком большое значение элементу “благодати” в человеческих действиях. Он отвернулся от всего движения, насколько это было возможно, заявив, что ради себя он всегда будет цепляться за римскую кафедру.

Последние годы его жизни были потрачены на чрезмерную литературную работу — редактирование ранних Отцов церкви; он завершил свое издание Оригена в 1536 году, в год своей смерти. Он поселился в Лувене и считал его слишком богословским для своего комфорта; отправился в Базель; забрел во Фрейбург; затем вернулся в Базель, чтобы умереть. После своей смерти он был вынужден принять сторону, от которой так долго уклонялся. Папа Павел IV. назвал его отъявленным еретиком и поместил в первый папский “Указатель” “все его комментарии, заметки, схолии, диалоги, письма, переводы, книги и сочинения, даже если они не содержат ничего против религии или о религии”.

Мы тщетно ищем какие-либо признаки того, что эти христианские гуманисты осознавали, что они на самом деле жили во времена революции и действительно стояли на краю кратера, который собирался изменить европейскую историю своим извержением. Все религиозные инстинкты сэра Томаса Мора были средневековыми. Колет убедил его отказаться от своего прежнего порыва вступить в монашеский орден, но Мор до самой смерти носил власяницу. Тем не менее, в своем наброске идеального государства он расширил мысль святого Павла о

равенстве всех людей перед Христом до концепции, согласно которой ни от кого нельзя требовать работать более шести часов в день, и показал, что религиозная свобода может процветать только там, где не было ничего в форме средневековой Церкви. Милый и набожный молодой англичанин никогда не предполагал, что его академическая мечта воплотится в грубые практические мысли и еще более грубые действия лидеров крестьянских и ремесленных повстанцев, и что его Утопия (1515), в течение десяти лет после ее публикации и за десять лет до его собственной смерти (1535), послужит текстом для коммунистических проповедей, произносимых в малоизвестных трактирах или перед возбужденной аудиторией на деревенских лужайках. Сатирическая критика иерархии, монашеских орденов и популярной религиозной жизни, которую Эразм так безрассудно распространял в своих более легких и серьезных произведениях, послужила оружием для лидеров в том "смятении", которого он боялся всю свою жизнь; и когда он жаловался, что, похоже, мало кого интересует картина истинно благочестивой жизни, представленная в его "Энхиридионе", он не предвидел, что эта книга станет удивительно популярной среди тех, кто отрекся от всякой связи с Римским престолом, которому автор обещал пожизненное послушание. Христианские гуманисты, все до единого, были странным образом слепы к знамениям времени, в которое они жили.

Никто не может не оценить благородство цели трудиться ради великого морального обновления человечества, которую христианские гуманисты всегда ставили перед собой, или не захотеть увидеть, что они всегда и везде были проповедниками праведности. Когда мы вспоминаем полтора столетия войн, в значительной степени вызванных церковными мотивами, которые опустошали Европу в шестнадцатом и семнадцатом веках, мало кто может удержаться от сочувствия христианской гуманистической идее о том, что путь реформации лежал через великую перестройку существующих условий религиозной жизни, а не через церковную революцию к основательной реконструкции; хотя мы можем с грустью признать, что династическая борьба светских князей, алчность и религиозное бессилие пап и церковных властей, а также властное давление социальных институтов привели к тому, что реформация привела к радикальному изменению существующих условий религиозной жизни. а недовольство промышленности сделало невозможным мирный путь. Но что должно вызывать у нас удивление, так это то, что христианские гуманисты, казалось, с детской наивностью верили, что официальные власти, светские и церковные, проложат путь в этой мирной реформе, главным образом потому, что они были пропитаны гуманистической культурой и были покровителями художников и ученых людей. Гуманизм означал для папы Льва X. и молодого архиепископа Майнцского дополнительные источники наслаждения, представленные дорогими картинами, коллекциями рукописей и редких книг, удовлетворение их пристрастия к драгоценностям и камням, не говоря уже о менее безобидных удовольствиях, и преклонение круга ученых, которых они привлекли к своим дворам; и это значило немногим больше для молодых светских принцев.

Следует также опасаться, что христианские гуманисты не имели реального представления о том, что необходимо для того обновления морали, общественной и частной, которого они страстно желали. Картины христианской жизни, прожитой в соответствии с принципами разума, резкая полемика с иерархией и едкие насмешки над глупостью популярной религии не помогли народным массам. В те первые десятилетия шестнадцатого века множество людей страдало от постоянных эпидемий чумы и других новых и странных болезней, и они жили в постоянном страхе перед турецким вторжением. Страх смерти и последующего суда всегда был у них перед глазами. Чего они хотели, так это ощущения Божьего прощения за свои грехи, и они

жадно хватались за Индульгенции, паломничества к святым местам и поклонение реликвиям, чтобы получить прощение, которого они так жаждали. Аристократическая и интеллектуальная реформа, задуманная христианами гуманистами, вряд ли им понравилась. Их стремление к определенному спасению не могло быть удовлетворено рекомендациями вести добродетельную жизнь в соответствии с правилами неоплатонической этики. Трогательно слушать призывы к Эразмусу о чем-то большем, чем он когда-либо мог дать:

“О! Эразм Роттердамский, где ты?” - спросил Альберт Дюрер. ‘Посмотри, на что способна несправедливая тирания земной власти, силы тьмы. Слушай, ты, рыцарь Христа! выступи вперед рядом с Господом Христом; защищай истину, получи мученический венец! Как бы то ни было, ты всего лишь старик. Я слышал, как ты говорил, что посвятил себе всего пару лет активного служения; проведи их, я молюсь, с пользой для Евангелия и истинной христианской веры, и поверь мне, врата Ада, Римский престол, как сказал Христос, не одолеют тебя”.¹²⁹

Реформации нужен был человек, который сам почувствовал ту настоятельную потребность в прощении, которая заставляла его собратьев странствовать от святилища к святилищу, который мог бы рассказать им простыми, простыми словами, понятными простому человеку, как каждый из них может заслужить это прощение для себя, который мог бы избавить их от страха перед священником и указать им путь к миру Божьему. Реформация нуждалась в Лютере.

Книга II. Реформация.

Глава I. Лютер к началу спора об индульгенциях.¹³⁰

§ 1. Почему Лютер добился успеха как лидер Реформации.

Попытки реформации предпринимались различными способами. Ученые церковные юристы пытались осуществить это в пятнадцатом веке с помощью так называемой Соборной реформы. Искренность и способности лидеров движения не подлежат сомнению; но они потерпели позорную неудачу, и папство со всеми его злоупотреблениями никогда не было таким могущественным в церковном плане, как тогда, когда его превосходная дипломатия свела на нет попытки передать его под опеку собора.

Христианские гуманисты предприняли свою попытку — проповедовали нравственное обновление и применение существующих законов Церкви для наказания церковных правонарушителей. Колет красноречиво заверил англиканское собрание, что у Церкви есть

законы, которые, если их только применять, содержат достаточно положений, чтобы обуздать бедствия, которые, по общему мнению, свирепствуют, и справиться с ними. Эразм презирал униженную религиозную жизнь того времени и осуждал ее иудаизм и язычество. Оба были учеными и гениальными людьми, но им так и не удалось сдвинуть общество с мертвой точки и пробудить новую религиозную жизнь, что было единственным необходимым.

История не знает ничего о возрождении нравственной жизни, кроме какого-нибудь нового религиозного импульса. Необходимая движущая сила всегда исходила от лидеров, имевших общение с невидимым. Гуманизм обеспечил избыток учителей; время нуждалось в пророке. Они приняли одного; человека из народа; кость от их костей и плоть от их плоти; того, кто сам прожил популярную религиозную жизнь со всей основательностью сильной, серьезной натуры, кто исследовал все ее глубины и испытал ее возможности, но в конце концов не получил облегчения для своей отягощенной совести; кто, наконец, нашел свой путь в присутствие Божье и кто знал по своему собственному личному опыту, что живой Бог доступен каждому христианину. Он завоевал свободу христианина и через веру достиг радости жизни, гораздо более глубокой, чем та, которой хвастался гуманизм. Он стал лидером людей, потому что его радостная вера сделала его героем, избавив от всякого страха перед Церковью или духовенством — страха, который отягощал совесть людей на протяжении многих поколений. Люди могли *видеть*, что такое вера, когда смотрели на Лютера.

Никогда не следует забывать, что для своих современников Лютер был воплощением личного благочестия. Все говорили о его чувствительности к религиозным впечатлениям всех видов в ранние годы. Пока он был в монастыре, до или после того, как обрел избавление от своих душевных терзаний, его собраты считали его образцом благочестия. В более поздние дни, когда он выступил как Реформатор, он приобрел такую силу в сердцах людей всех сортов и рангов, потому что его считали глубоко набожным человеком. Альберта Дюрера можно считать прообразом. В "Дневнике великого художника о путешествии, которое он совершил со своей женой и ее служанкой Сюзанной в Нидерланды" (1520), — простом описании мест, которые он посетил, и людей, которых он видел, о том, сколько он заплатил за еду, жилье и проезд, о ценах, которые он получил за свои картины, и о том, сколько он заплатил за свои покупки, литературные и художественные, — он рассказывает, как услышал об осуждении Лютера в Вормсе, об исчезновении Реформатора, о его предполагаемом убийстве папскими эмиссарами (ибо так прошел слух по Германии), и это известие побудило его вознести молитвы, полный восклицаний, пылких призывов и горьких сожалений, который заполняет три из целых сорока шести страниц. Лютер, которому он почти поклоняется, — это "благочестивый человек", "последователь Господа и истинной христианской веры", "человек, просвещенный Святым Духом", человек, который был предан смерти папой и священниками своего времени, как Сын Божий был любим священниками Иерусалима. Единственное, что занимает мысли великого художника, — это личная религиозная жизнь Мартина Лютера.¹³¹

Другим источником силы Лютера было то, что его вели шаг за шагом, и что его соотечественники могли сознательно следовать за ним, не пугаясь каких-либо слишком резких перемен. Он был одним из них; он посвящал их в свои тайны на каждом этапе своей общественной карьеры; они знали его досконально. Он был монахом, и это было естественно для юноши с его образцовым благочестием. Он вел образцовую монашескую жизнь; его товарищи и начальники неустанно хвалили его. Он открыто высказал то, что почти все порядочные люди думали об Индульгенциях в частном порядке, простым языком, который был

понятен всем; и постепенно он научил себя и своих соотечественников, которые, затаив дыхание, следили за его карьерой, что человеку, который верит в Бога, не нужно бояться осуждения папы римского или духовенства. Он освободил не только образованные классы, но и простых людей от страха перед Церковью; и это было единственное, что необходимо для истинной реформации. До тех пор, пока народы Европы верили, что священство обладает какой-то таинственной властью, какой бы расплывчатой или неопределенной она ни была, над духовным и вечным благополучием мужчин и женщин, свобода совести и обновление общественной и частной нравственной жизни были невозможны. Духовный мир всегда будет иметь свои тревоги и ужасы для каждой христианской души, и величайшим достижением Лютера было то, что своим учением и, прежде всего, своим примером он показал простому человеку, что он находится в руках Бога и не зависит от благословения или запрета клерикальной касты. Ибо доктрина Лютера об оправдании верой, как он сам показал в своем трактате "О свободе христианина" (1520), заключалась просто в том, что не было ничего неопределенного в притязаниях, которые всегда выдвигала средневековая церковь. С того момента, как простые люди, простые мужчины и женщины, узнали и почувствовали это, они освободились от таинственного страха перед Церковью и священством; они могли честно смотреть духовенству в лицо и не обращать внимания на их угрозы. Именно потому, что Лютер освободился от этого страха, потому что люди, которые знали его как глубоко набожного человека, увидели, что он свободен от него, и, следовательно, что им не нужно беспокоиться по этому поводу, он стал великим реформатором и популярным лидером в эпоху, которая была вынуждена пересмотреть свои взгляды на духовные вещи.

Следовательно, мы можем без преувеличения сказать, что Реформация была воплощена в Мартине Лютере, что она жила в нем, как ни в ком другом, и что ее внутреннюю религиозную историю лучше всего изучать по записям его духовного опыта и по росту его религиозных убеждений.

§ 2. Юность и образование Лютера.

Мартин Лютер родился в 1483 году (10 ноября) в Айслебене и провел свое детство в маленьком шахтерском городке Мансфельд. Его отец, Ганс Лютер, принадлежал к Мерере (Муртауну), небольшому крестьянскому поселку, расположенному в северо-восточном углу Тюрингской земли, а его мать, Маргарет Циглер, происходила из бюргерской семьи в Айзенахе. Среди этих тюрингских крестьян существовал обычай, что только один сын, и обычно самый младший, унаследовал семейный дом и земельный участок. Остальных отправили одного за другим, снабдив небольшим запасом денег из семейного сейфа, прокладывать себе дорогу в мире. Ганс Лютер решил стать шахтером в округе Мансфельд, где политика графов Мансфельд по строительству и сдаче в аренду небольших плавильных печей позволила бережливым и квалифицированным рабочим подняться в мире. Отец вскоре добился своего. Он взял в аренду одну, а затем и три такие печи. Он завоевал уважение своих соседей, поскольку в 1491 году стал одним из четырех членов деревенского совета, и нам говорят, что графы Мансфельд относились к нему с уважением.

В прежние годы, когда Лютер был ребенком, семейная жизнь протекала в крайней бедности, и Лютер часто вспоминал тяжелую борьбу своих родителей. Он часто видел, как его мать таскает дрова для семейного костра из леса на своих бедных плечах. Ребенок рос в суровых, чумазах,

грубых условиях жизни немецкого рабочего класса, защищенный от многого дурного мудрой строгостью своих родителей. Он впитал его простые политические и церковные идеи. Он узнал, что император - это Божий правитель на земле, который защитит бедных людей от турок, и что Церковь - это "Дом папы", в котором римский епископ был домашним отцом. Его научили Символу веры, Десяти заповедям и Молитве Господней. He sang such simple evangelical hymns as "Ein Kindelein so lobelich," "Nun bitten wir den heiligen Geist," and "Crist ist erstanden." Он был мечтательным, созерцательным ребенком, и невидимый мир никогда не покидал его мыслей. Он знал, что некоторые шахтеры занимались колдовством в темных уголках под землей. Он боялся пожилой женщины, которая жила неподалеку; она была ведьмой, и сам священник боялся ее. Его учили об Аде, Чистилище и грядущем Суде. Он вздрагивал всякий раз, когда смотрел на витраж в приходской церкви и видел хмурое лицо Иисуса, который, восседая на радуге и с пылающим мечом в руке, должен был прийти судить его, он не знал, когда. Он видел толпы паломников, которые проходили мимо Мансфельда, высоко неся свои распятия и распевая свои паломнические песни, направляясь в часовню Бруно Квертфорта или в старую церковь в Виммельберге. Он видел, как по дорогам несли паралитиков и искалеченных людей, которые собирались приложиться к деревянному кресту в Киффаузере и обрести чудесное исцеление; и больных людей, направлявшихся в монастырскую церковь в Виммельберге, чтобы получить исцеление под звон благословенных колоколов.

Мальчик Лютер ходил в деревенскую школу в Мансфельде и терпел жестокость безжалостного педагога. В 1497 году его отправили на год в школу братьев Общей судьбы в Магдебурге. Затем он поступил в школу Святого Георгия в Эйзенахе, где оставался три года. Он был "бедным ученым", что означало мальчика, который получал жилье и образование бесплатно, был обязан петь в церковном хоре и которому разрешалось петь на улицах, выпрашивая еду. Весь город был очарован святой Елизаветой, благочестивой ландграфиней, которая отказалась от семейной жизни и всех земных удобств, чтобы заслужить звание средневековой святой. Здесь было девять монастырей, многие из которых восходили ко временам святой Елизаветы; ее добрые дела были запечатлены на окнах церкви, в которой Лютер пел мальчиком из хора; он подолгу беседовал с монахами, принадлежавшими к ее фондам. Мальчика почти незаметно привлекало то возрождение средневековой религиозной жизни, которое было популярной религиозной силой тех дней. В доме дамы, которую биографы отождествляют с некой фрау Коттой, он ощутил проблески старого домашнего евангелического благочестия, на этот раз сопровождаемого утонченностью манер, с которыми Лютер до сих пор не был знаком. Мальчику это очень нравилось, и его солнечная натура раскрылась под этим влиянием. Но это не затронуло его религиозно. Он записал, что с недоверчивым удивлением услышал, как его хозяйка сказала, что на земле нет ничего прекраснее любви мужа и жены, когда они пребывают в страхе Господнем.

После трехлетнего пребывания в Эйзенахе Лютер поступил в Эрфуртский университет (1501), в то время самый известный в Германии. Он был основан в 1392 году горожанами, которые очень гордились своим собственным университетом, и особенно тем фактом, что он намного превзошел другие учебные заведения, обязанные своим происхождением князьям. Академическая и бюргерская жизнь в Эрфурте были связаны так, как ни в каком другом университетском городе. Дни окончания учебы всегда были городскими праздниками, и на выпускных процессиях городские чиновники шли вместе с университетским руководством. Лютер рассказывает нам, что когда он впервые увидел новоиспеченных выпускников, марширующих в своих новых выпускных мантиях в середине процессии, он подумал, что они

достигли вершины земного счастья. Эрфуртский университет также был строго связан с Церковью. Разные папы обогатили его привилегиями; примас Германии, архиепископ Майнца, был его канцлером; многие из его профессоров занимали церковные посты пребендов или были монахами; каждый факультет находился под защитой святого-покровителя; преподаватели должны были поклясться, что не будут преподавать ничего, противоречащего доктринам Римской церкви; и были предприняты особые усилия, чтобы предотвратить возникновение и распространение ереси.

Его студенты подвергались большему разнообразию влияний, чем в любом другом учебном заведении Германии. Его теология представляла более современный тип схоластики, шотландцев; его философией было номиналистическое учение Уильяма Оккама, чей великий ученик Габриэль Бил (ум. в 1495 г.) был одним из самых знаменитых профессоров; система толкования Библии, впервые представленная Николасом де Лири¹³² (ум. в 1340 г.), долгое время преподавалась в Эрфурте целой чередой способных мастеров; гуманизм завоевал признание рано, и во времена Лютера эрфуртский кружок “Поэтов” уже был известен. Решительно антиклерикальное учение Иоанна Весселского, который читал лекции в Эрфурте в течение пятнадцати лет (1445-1460), оставило свой след в университете и не было забыто. Лютер рассказывает нам, что время от времени появлялись гуситские пропагандисты, которые шепотом распространяли среди студентов свой странный антиклерикальный христианский социализм. В то время как, словно в качестве противовеса, прибыли папские легаты, чье величие свидетельствовало о могуществе Римской церкви.

Лютера отправили в Эрфурт изучать юриспруденцию, и философский факультет провел необходимую предварительную подготовку. Молодой студент усердно выполнял предписанные задания. Схоластическая философия, по его словам, оставляла ему мало времени для изучения классической литературы, и он не посещал ни одной лекции по гуманизму. Однако он нашел время прочитать в частном порядке немало латинских авторов, а также кое-что выучить по-гречески. Вергилий и Плавт были его любимыми авторами; Цицерон также очаровал его; он читал Ливия, Теренция и Горация. Кажется, он также читал сборник избранных произведений Проперция, Персия, Лукреция, Тибулла, Сильвия Италика, Стация и Клавдиана. Но он никогда не принадлежал к кружку гуманистов; он слишком серьезно относился к религиозным вопросам и обладал слишком практичным складом ума.

Скудные сведения о студенческих днях Лютера показывают, что он был трудолюбивым, ярким, общительным юношей и музыкальным до мозга костей. Товарищи называли его “Философом”, “Музыкантом” и говорили о его игре на лютне, пении и о его способности вести споры. Он получил различные степени за необычайно короткое время. В 1502 году он был бакалавром, а в 1505 году - магистром. Его отец, гордый успехами сына, прислал ему дорогой подарок в виде *Corpus Juris*. Возможно, он начал посещать лекции на юридическом факультете, когда внезапно оказался в Эрфуртском монастыре августинских отшельников.

Действие было настолько внезапным и неожиданным, что современники сочли своим долгом дать всевозможные объяснения, и они были сплетены воедино в легендарные рассказы.¹³³ Сам Лютер сказал нам, что он ушел в монастырь, потому что *сомневался в себе*; что в его случае справедлива пословица “Сомнение делает монаха”. Он также сказал, что его решение было внезапным, потому что он знал, что его решение огорчит его отца и мать.

В чем заключались сомнения? В наши дни у нас возникает искушение подумать об интеллектуальных трудностях, и сомнения Лютера часто приписывают самокопанию, которое породил его контакт с гуманизмом в Эрфурте. Но эта идея, если и не была чуждой тому времени, то была странной для Лютера. Он был простой благочестивой натурой, практичной, а не умозрительной, чувствительной и наделенной богатым воображением. Он мог играть с абстрактными вопросами, но именно картинки побуждали его к действию. Он оставил после себя серию фотографий, которые с годами производили на него более глубокое и стойкое впечатление; они раскрывают историю его борьбы и рассказывают нам, какие сомнения привели его в монастырь. Картина на окне в церкви Мансфельда, изображающая Иисуса, сидящего на радуге, с нахмуренным лицом и обнаженным мечом в руке, идущего судить нечестивых; алтарь в Магдебурге, изображающий огромный корабль, плывущий к небесам, на корабле нет никого, кроме священников или монахов, а в море тонут миряне, которых спасают веревками, брошенными им священниками и монахами, которые были в безопасности на борту; живой портрет принца Ангальтского, который, чтобы спасти свою душу, стал монахом и нес мешок для подаваний на согнутых плечах по улицам города. Магдебург; история Святой Елизаветы, украшавшая окна церкви в Эйзенахе; молодой картезианец в Эйзенахе, которого мальчик считал самым святым человеком, с которым он когда-либо разговаривал, и который так умертвил свое тело, что стал похож на глубокого старика; ужасная сцена на смертном одре эрфуртского церковного сановника, человека, имевшего двадцать два бенефиция и которого Лютер часто видел парадно разъезжающим в больших процессиях, который был известен как злостный человек, и который, когда он пришел в себя, стал похож на глубокого старика. Желание умереть наполнило комнату его неистовыми криками. Лютер сомневался, сможет ли он когда-нибудь сделать то, что, по его мнению, должно было быть сделано им для спасения своей души, если он останется в этом мире. Именно это вынудило его стать монахом и похоронить себя в монастыре. Зловещее пламя Ада и бледные тени Чистилища, которые являются постоянным фоном дантовского Рая, присутствовали в сознании Лютера с детства. Сможет ли он избежать одного и получить доступ к другому, если останется в миру? Он усомнился в этом и ушел в монастырь.

§ 3. Лютер в Эрфуртском монастыре.

Это был монастырь августинских отшельников, возможно, самый высоко почитаемый монашеский орден среди простых людей Германии в первые десятилетия шестнадцатого века. Они представляли собой самый лучший тип того суеверного средневекового возрождения, которое уже было описано.¹³⁴ Ошибочно полагать, что, поскольку они носили имя Августина, им была известна евангельская теология великого Отца Запада. Их ведущие богословы принадлежали к другой, совсем иной школе. Двумя преподавателями теологии в Эрфуртском монастыре, когда Лютер поступил туда в 1505 году, были Джон Гензер из Пальца и Джон Натин из Нойенкирхена. Первый был широко известен благодаря своим трудам в поддержку самой строгой формы папского абсолютизма, доктрины истощения и эффективности папских индульгенций. Маловероятно, что Лютер был одним из его учеников, поскольку он ушел в отставку подорванным здоровьем и отягощенным старостью в 1507 году.¹³⁵ Последний, хотя и был неизвестен за стенами монастыря, был способным и строгим учителем. Он был горячим поклонником Габриэля Биля, Питера д'Айи и Уильяма Оккама, их общего учителя. Он мало думал о каком-либо независимом изучении Священного Писания. “Брат Мартин, - однажды

сказал он Лютеру, - оставь Библию в покое; читай старых учителей; они дают тебе всю суть Библии; чтение Библии просто порождает беспокойство”.¹³⁶ Впоследствии он приказал Лютеру в соответствии с его каноническим послушанием воздерживаться от изучения Библии.¹³⁷ Именно он заставлял Лютера читать и перечитывать труды Биля, д'Айи и Оккама, пока тот не выучил наизусть длинные отрывки; и кто научил Реформатора считать Оккама “своим дорогим Учителем”. Натин был решительным противником Реформации до своей смерти в 1529 году; но Лютер всегда отзывался о нем с уважением и говорил, что он “христианин, несмотря на монашеский капюшон”.

Лютер пришел в монастырь не для того, чтобы изучать теологию; он поступил в него, чтобы спасти свою душу. Эти занятия были частью монастырской дисциплины; заниматься ими - частью его обета послушания. Он усердно трудился над ними и очень радовал своих начальников; трудился, потому что был покорным монахом. Они произвели на него более глубокое впечатление, чем большинство его биографов хотели бы признать. В нем было больше от Схоласта и меньше от гуманиста, чем в любом другом человеке, стоявшем в первом ряду лидеров реформационного движения. Некоторые из его более поздних доктрин, и особенно его теория таинства Вечери, пришли к нему из монастырских исследований д'Айи и Оккама. Но в его единственном великом стремлении — как спасти свою душу, как обрести чувство Божьего прощения — они были скорее помехой, чем помощью. Его учителя могли быть отшельниками-августинцами, но они не имели ни малейшего представления об августиновском экспериментальном богословии. Они принадлежали к самой пелагианской школе средневековой схоластики; и их последним словом всегда было то, что человек должен сам добиваться своего спасения. Лютер пытался решить это в наиболее одобренной позднесредневековой манере, с помощью строжайшего аскетизма. Он постился и бичевал себя; он практиковал все обычные формы мацерации и изобретал новые, но все без толку. Ибо, когда пробужденная душа, как он сказал много лет спустя, стремится обрести покой в праведном труде, она стоит на фундаменте из рыхлого песка, который, как она чувствует, течет и перемещается под ней; и она должна переходить от одного доброго дела к другому и к еще одному, и так далее без конца. Лютер бессознательно переживал весь опыт Августина, и то, что мучило и приводило в ужас великого африканца, мучило его самого. Он узнал, что доброту человека следует измерять не добротой его ближнего, а добротой Бога, и что грех человека следует сопоставлять не с грехами его ближних, а с праведностью Бога. Его богословские исследования подсказали ему, что Божье прощение можно получить через Таинство покаяния, и что первой частью этого таинства является сокрушение о грехе. Но затем возникла трудность. Древнее и, несомненно, лучшее богословие объясняло, что эта благочестивая скорбь (*contritio*) должна основываться на любви к Богу. Была ли у него эта любовь? Бог всегда являлся ему как неумолимый Судья, неумолимо грозящий наказанием за нарушение закона, который, казалось, невозможно соблюсти. Он должен был признаться себе, что иногда почти ненавидел эту произвольную Волю, которую схоласты-номиналисты называли Богом. Более современное богословие, преподаваемое главным монастырским богословом Джоном из Пальца, утверждало, что скорбь может быть основана на более низких мотивах (истощение), и что это истощение было заменено раскаянием в самом Таинстве Покаяния. Итак, Лютер утомлял своих начальников постоянным использованием этого таинства. Малейшее нарушение самых пустяковых монастырских правил рассматривалось как грех, и в нем нужно было немедленно исповедоваться и получать отпущение грехов, пока сбитому с толку юноше не приказывали прекратить исповедь до тех пор, пока он не совершит какой-нибудь грех, заслуживающий

признания. Его братья считали его чудом благочестия. Они хвастались им на свой монашеский манер, и во всех окрестных монастырях, даже в Гримме, монахи и монахини рассказывали о молодом святом в Эрфуртском монастыре. Тем временем сам “молодой святой” прожил жизнь, полную душевных мук, шепча себе под нос, что он “созрел для виселицы”. В письме, написанном в 1518 году, спустя годы после окончания конфликта, Лютер говорит нам, что никакое перо не смогло бы описать душевные муки, которые он пережил. ¹³⁸ Проблески утешения пришли к нему, но они были преходящими. Наставник послушников дал ему спасительный совет; престарелый брат дал ему временное утешение. Джон Штаупиц, генеральный викарий Конгрегации, во время своих визитов в монастырь был привлечен следами скрытых конфликтов и искренними усилиями молодого монаха, с его высокими скулами, истощенным телосложением, блестящими глазами и выражением затаенного отчаяния. Он попытался разобраться в своих трудностях. Он отменил приказ Натина о том, что Лютер не должен читать Священные Писания. Он поощрял его читать Библию; он дал ему Glossa Ordinaria, или монастырский церковный комментарий, где отрывки объяснялись цитатами из выдающихся Отцов Церкви, а трудности преодолевались множеством благочестивых аллегоризаций; прежде всего, он убеждал его стать хорошим местным и текстуальным в Библии, то есть тем, кто, сталкиваясь с трудностями, не довольствовался комментариями, а составлял для себя подборки параллельных отрывков и находил объяснения одного в других. И все же поначалу это мало помогло. Наконец Штаупиц увидел, в каком трудном положении находится молодой человек, и оказал ему реальную и долговременную помощь. Он показал Лютеру, что тот достаточно справедливо противопоставлял человеческий грех и Божью святость и измерял глубину одного высотой другого; что он следовал самым истинным инстинктам глубочайшего благочестия, когда противопоставлял друг другу праведность Бога и грех и беспомощность человека; но что он ошибся, когда *постоянно* противопоставлял эти две мысли. Затем Он объяснил, что, согласно Божьему обетованию, праведность Божья может стать собственностью человека во Христе Иисусе и через него. Бог обещал, что человек может иметь общение с Ним; всякое общение основано на личном доверии; а доверие, личное доверие верующего человека личному Богу, который пообещал, дает человеку то общение с Богом, через которое все, что принадлежит Богу, может стать его. Без этого личного доверия или веры все божественное, Воплощение и Страсти Спасителя, Слово и Таинства, какими бы истинными они ни были на самом деле, находятся вне человека и не могут быть по-настоящему присущи ему. Но когда человек доверяет Богу и Его обещаниям, и когда общение, которое всегда создает доверие или вера, однажды установлено, тогда человек, который доверяет, может по-настоящему обладать ими. Праведные живут своей верой. Эти мысли, воплощенные в жизнь, помогли Лютеру постепенно проложить себе путь к миру, и много лет спустя он сказал Штаупицу, что именно он заставил его увидеть лучи света, которые рассеяли тьму его души. ¹³⁹ В конце концов, видение истинного отношения верующего человека к Богу пришло к нему внезапно со всей силой личного откровения, и охваченная бурей душа обрела покой. Внезапное просветление, личное откровение, которому суждено было изменить всю его жизнь, пришло к нему, когда он читал Послание к Римлянам в своей камере. Это пришло к Павлу, когда он ехал верхом по дороге в Дамаск; к Августину, когда он лежал под фиговым деревом в миланском саду; к Франциску, когда он тревожно расхаживал по каменным плитам часовни Портиункула на равнине под Ассизи; к Сузо, когда он сидел утром за столом. Оно выражалось разными словами: Павлу: “Зачем ты гонишь Меня?”; ¹⁴⁰ Августину: “Облекись в Господа Иисуса Христа и не заботься о плоти”; ¹⁴¹ Франциску: “Не бери ни золота, ни серебра, ни меди в свои кошельки, ни кошелька на дорогу, ни двух плащей, ни обуви, ни посоха”; ¹⁴²

Сузо: “Сын Мой, если ты хочешь услышать Мои слова”.¹⁴³ Но, хотя слова были другими, личное откровение То, что овладело людьми, было одним и тем же: вера в всемилостивого Бога, Который открыл Себя в Иисусе Христе, создает общение с Богом, и что все остальное — ничто по сравнению с этим общением. Именно этот контакт с Невидимым помог Лютеру справиться с его задачей лидера людей в эпоху, которая жаждала возрождения нравственной жизни, вдохновленной свежим религиозным импульсом.¹⁴⁴

Неизвестно точно, как долго длилась затяжная борьба Лютера. Есть указания на то, что это продолжалось в течение двух лет, и что он не достиг внутреннего покоя незадолго до того, как был отправлен в Виттенберг в 1508 году. Интенсивность и искренность конфликта оставили на нем отпечаток на всю жизнь. Убеждение в том, что он, каким бы слабым и грешным он ни был, тем не менее жил в личном общении с Богом, любовь которого он испытывал, стало единственным фундаментальным фактом жизни, на котором он, человеческая личность, мог стоять, как на каменном фундаменте; и, стоя на нем, чувствуя свою собственную силу, он также мог быть источником силы для других. Все остальное, каким бы почтенным и священным оно когда-то ни казалось, могло оказаться ненадежным, не нарушая впоследствии религиозной жизни Лютера, при условии, что у него останется только это одно. На данный момент, однако, ничто не казалось сомнительным. Внутреннее изменение не изменило ничего внешнего. Он все еще верил, что Церковь - это “Дом папы римского”; он принимал все ее обычаи и институты — ее мессы и реликвии, ее индульгенции и паломничества, ее иерархию и монашескую жизнь. Он все еще был монахом и верил в свое призвание.

Богословские исследования Лютера были продолжены. Особенно он посвятил себя Бернарду, в проповедях которого о Песне Песней Соломоновой он находил те же мысли об отношении верующей души к Богу, которые давали ему утешение. Он начал проявлять себя хорошим деловым человеком, знающим суть вещей. Штаупиц и его начальники поручали ему некоторые деликатные поручения от имени Ордена и тихо готовились к его продвижению. В 1508 году он вместе с несколькими другими монахами был отправлен из Эрфурта в меньший монастырь в Виттенберге, чтобы помогать тамошнему небольшому университету.

§ 4. Ранняя жизнь Лютера в Виттенберге.

Примерно в начале века Фридрих Мудрый, курфюрст Саксонии и глава эрнестинской ветви своей семьи, решил основать университет в своих владениях. Фридрих поддерживал тесные отношения с августинскими отшельниками с тех пор, как познакомился с ними, будучи школьником в Гримме, и генеральный викарий Джон Штаупиц вместе с доктором Поллихом из Меллерштадта были его главными советниками. Можно почти сказать, что новый университет с самого начала был учебным заведением, принадлежащим монашескому ордену, к которому присоединился Лютер. Сам Штаупиц был одним из профессоров и деканом теологического факультета; другой августинский отшельник был деканом факультета искусств; святые покровители ордена Пресвятой Богородицы и Св. Августин был Святым покровителем университета; святой Павел был покровителем теологического факультета, и в день его обращения была отслужена специальная месса с проповедью, на которой присутствовали ректор (доктор Поллих) и весь преподавательский состав.

Университет был плохо обеспечен. Избирательная Саксония не была богатым княжеством; в южной части действительно существовала некоторая горнодобывающая промышленность, а Цвиккау был центром крупного ткацкого ремесла; незначительная часть жителей, будь то деревень или городов, существовала за счет сельского хозяйства низкого пошиба. В Избирательном суде было не так уж много денег. Началом послужила сумма, вырученная от продажи индульгенций за несколько лет до этого, которым Фредерик не разрешил покидать страну. Пребанды при церкви Всех Святых (Замковая церковь) обеспечивали жалованье некоторым профессорам; остальные были отшельниками-августинцами, которые предоставляли свои услуги безвозмездно.

Город Виттенберг был больше похож на большую деревню, чем на столицу княжества. В 1513 году в нем проживало всего 3000 человек и было 356 жилых домов. Дома были по большей части убогими деревянными жилищами, грубо оштукатуренными глиной. Город находился в самом центре Германии, но был далек от любого из крупных торговых путей; в жилах жителей текла изрядная доля вендийской крови, и они были склонны к вялости и неводержанности. Окрестности не отличались живописностью, а окружающая местность отличалась бедной почвой. В целом это едва ли было подходящее место для университета. Императорские привилегии были получены от императора Максимилиана, и университет был открыт 18 октября 1502 года.

Одного или двух выдающихся преподавателей удалось уговорить перейти в новый университет. Штаупиц собрал многообещающих молодых монахов из многих монастырей своего Ордена и зачислил их в качестве студентов, и за первый год университет внес в свои книги 416 имен. Этот успех, по-видимому, был несколько искусственным, поскольку на летней сессии 1505 года их число постепенно сократилось до 56. Штаупиц, однако, призвал Фридриха продолжать.

Именно в интересах молодого университета Лютер и группа братьев-монахов были отправлены из Эрфурта в Виттенбергский монастырь. Там его поставили преподавать диалектику и физику Аристотеля - ненавистное занятие, — но монахам ли в монастыре или в университете, сказать невозможно. Все это время Штаупиц убеждал его изучать теологию, чтобы преподавать ее. Именно тогда Лютер начал систематическое изучение Августина. Он также начал проповедовать. Его первые проповеди были произнесены в старой часовне длиной 30 футов и шириной 20 футов, построенной из дерева, обмазанного глиной. Он проповедовал монахам. Доктор Поллих, настоятель, иногда приходил послушать его и беседовал с избирателем о молодом монахе с пронзительным взглядом и странными фантазиями в голове.

Его работа была прервана приказом отправиться в Рим по делам его Ордена (осень 1511 года). Его избрание было большой честью, и Лютер чувствовал, что это так; но можно задаться вопросом, не думал ли он больше о том факте, что посетит Святой Город как набожный паломник и сможет воспользоваться духовными привилегиями, которые, как он верил, можно было там найти. Когда он добрался до конца своего путешествия и впервые увидел город, он в экстазе воздел руки, восклицая: “Приветствую тебя, Святой Рим, трижды освященный кровью мучеников”.

Когда его официальная работа была завершена, он приступил к осмотру Святого Города с благоговением паломника. Он посетил все известные святыни, особенно те, к которым были привязаны Индульгенции. Он благоговейно выслушивал все рассказы о реликвиях, которые демонстрировались паломникам, и верил во все рассказанные ему истории. Он думал, что,

если бы его родители были мертвы, он мог бы уберечь их от Чистилища, отслужив мессы в определенных часовнях. Говорят, что только однажды его душа взбунтовалась. Он медленно поднимался на коленях по Скала Санта (на самом деле средневековая лестница), которая, как говорят, была каменными ступенями, ведущими к дому Пилата в Иерусалиме, по которым когда-то ступали ноги Господа нашего; когда на полпути ему в голову пришла мысль: *Праведный своей верой жив будет*; он выпрямился и медленно спустился. Как и тысячи благочестивых немецких паломников до него, он видел моральное разложение, опозорившее Святой Город, — неверных священников, которые насмехались над совершаемыми ими священными таинствами, и князей Церкви, которые жили в открытом грехе. Он видел моральную деградацию и испытывал отвращение к ней, и эти сцены запечатлелись в его памяти; но домашнее и монастырское воспитание позволило ему на какое-то время, несмотря на отвращение, наслаждаться памятниками древних героических мучеников и смотреть на их мощи как на хранилища божественной благодати. Позднее именно воспоминания о пороках Римского двора помогли ему ожесточить свое сердце против настроений, царивших в Святом Городе.

Когда Лютер вернулся в Виттенберг в начале лета 1512 года, его главный викарий отправил его в Эрфурт для завершения подготовки к получению степени доктора теологии. Он получил степень доктора Священного Писания, принес присягу доктора Виттенберга энергично защищать евангельскую истину (*viriliter*), был избран членом сената Виттенберга и три недели спустя сменил Штаупица на посту профессора теологии.

Лютер все еще был настоящим монахом, не сомневающимся в своем призвании. В 1512 году он стал заместителем приора Виттенбергского монастыря, а в 1515 году был назначен окружным викарием одиннадцати монастырей в Мейсене и Тюрингии. Но эта сторона его жизни может быть опущена. Именно его богословская работа в качестве профессора Виттенбергского университета важна для его карьеры реформатора.

§ 5. Ранние лекции Лютера по теологии.

С самого начала его лекции по теологии отличались от тех, что читались обычно, но не потому, что его богословские взгляды расходились с мнениями его старых учителей в Эрфурте. Никто не приписывал молодому виттенбергскому профессору каких-либо еретических взглядов. Его ум был чрезвычайно практичен, и он верил, что теология может быть полезна для того, чтобы направлять людей к обретению благодати Божьей и рассказывать им, как, обретая через доверие чувство общения с Богом, они могли бы продолжать жить в радостном послушании Богу и Его заповедям. Схоластические богословы Эрфурта и других мест не рассматривали богословие как практическую дисциплину такого рода. Лютер считал, что богословие должно обсуждать подобные вопросы, и он знал, что его главный интерес к богословию лежит на этой практической стороне. Кроме того, как он уже сказал нам, он считал себя специально выделенным для чтения лекций по Священному Писанию. Поэтому, подобно Джону Колету, он начал с изложения Посланий святого Павла и Псалмов.

Лютер никогда толком не знал иврита и в своих проповедях использовал Вульгату. У него на столе лежал огромный, широко отпечатанный том, и главы своих лекций он выписывал между напечатанными строчками. Некоторые страницы до сих пор хранятся в библиотеке Вольфенбюттеля, и их можно изучить.¹⁴⁵

Он частично использовал комментарии Николаса де Лира, но наибольшую помощь ему оказали отрывки из Августина, Бернарда и Жерсона, ¹⁴⁶ которые касались практической религии, ¹⁴⁷ Его лекции были экспериментальными. Он начал с факта человеческого греха, с возможности достичь чувства прощения и общения с Богом через доверие к Его обетованиям. С самого начала мы находим в зародыше то, что стало главными мыслями в более позднем лютеранском богословии. Люди искуплены независимо от их собственных заслуг; Божья благодать на самом деле - это Его милость, открытая в миссии и работе Христа; это связано с прощением грехов и является исполнением Его обетований; вера человека - это доверие к исторической работе Христа и к истинности Бога. Все эти мысли по большей части были выражены формальным языком тогдашней схоластической теологии. Они становились все более ясными и оформились в ряд положений, которые легли в общую основу его учения: человек обретает прощение по милости Божьей; когда человек ухватывается за Божье обещание прощения, он становится новым творением; это чувство прощения является началом новой жизни освящения; жизнь веры - это христианство с его внутренней стороны; контраст между законом и Евангелием является чем-то фундаментальным: существует реальное различие между внешней и видимой Церковью и идеальной Церковью, которую следует описывать по ее духовным и нравственным отношениям к Богу в духе Августина. Все эти мысли просто отодвигали в сторону обычное богословие, преподаваемое в школах, не останавливаясь на его критике.

В 1515 и 1516 годах, которые носят следы более тщательного изучения Августина и немецких средневековых мистиков, Лютер начал обнаруживать, что он не может выразить те мысли, которые он хотел донести, обычным языком схоластического богословия, и что его фразы предполагают идеи, отличные от тех, которые он хотел изложить. Он попытался подобрать другой набор выражений. Характерно для консерватизма Лютера то, что в богословской фразеологии, как впоследствии и в церковных учреждениях и церемониях, он предпочитал сохранять то, что использовалось, при условии, что только он мог не слишком произвольно вкладывать в нее свой собственный евангельский смысл. ¹⁴⁸ Обнаружив, что схоластическая фразеология не всегда соответствовала его целям, он обратился к популярным мистическим авторам и обнаружил там богатый запас фраз, в которых он мог выразить свои идеи о несовершенстве человека по отношению к добру. Наряду с этим изменением языка и в связи с ним мы находим свидетельства того, что Лютер начинал менее высоко ценить монашескую жизнь с ее *внешними* отречениями. Мысль о предопределении, подразумевая под этим не абстрактную метафизическую категорию, а концепцию о том, что вся жизнь верующего и все, что с ней связано, в конечном счете зависит от Бога, а не от человека, все больше и больше выходила на передний план. Тем не менее, похоже, что нет никакого желания критиковать или отвергать текущую теологию того времени.

Самые ранние следы *сознательного* противостояния появились примерно в середине 1516 года, что характерно для практической, а не умозрительной стороны теологии. Они начались с проповеди об индульгенциях, произнесенной в июле 1516 года. Начавшись, брешь ширилась до тех пор, пока Лютер не смог противопоставить “наше богословие” ¹⁴⁹ (богословие, преподаваемое Лютером и его коллегами в Виттенберге) тому, чему учили в других местах, и особенно в Эрфурте. Первый представлял Августина и Священное Писание, а второй был основан на Аристотеле. В сентябре 1517 года он поднял знамя богословского бунта и написал письмо прямо против “схоластического богословия”; он заявил, что в основе своей оно пелагианское и выбросило из поля зрения августиновские доктрины благодати; он посетовал на тот факт, что в нем пренебрегается учением о высшей ценности веры и внутренней

праведности; что оно поощряет людей искать спасения от того, что причитается за грех, с помощью индульгенций, вместо того, чтобы призывать их практиковать внутреннее покаяние, которое присуще каждой подлинной христианской жизни.

Именно на этом интересном этапе своего религиозного развития Лютер почувствовал себя вынужденным публично выступить против продажи индульгенций в Германии.

К 1517 году Лютер стал влиятельным человеком в Виттенберге и как проповедник, и как учитель. Он стал проповедником в городской церкви, с кафедры которой каждую неделю произносил множество проповедей, прилагая бесконечные усилия, чтобы “неотесанные саксы” поняли его. Он стал великим проповедником, и, как все великие проповедники, он осуждал распространенные грехи и оплакивал низкий уровень морали, установленный перед людьми высшими церковными властями; он говорил, что религия - дело нелегкое; что она не заключается в достойном исполнении внешних церемоний; что чувство греха, переживание Божьей благодати, страх Божий и преодоление этого страха через любовь к Богу - все это непрерывный опыт.

Его экзегетические лекции казались новым открытием Священного Писания. Серьезные бюргеры Виттенберга записывались в качестве студентов, чтобы послушать их. Слава о лекторе распространилась, и студенты со всех концов Германии стекались в маленький отдаленный университет, пока курфюрст не стал гордиться своим учебным заведением и человеком, который сделал его процветающим.

Такой человек не мог промолчать, когда увидел, что то, что он считал серьезным источником морального зла, приближается к людям, души которых Бог доверил ему на попечение; и именно так Лютер стал Реформатором.

До этого времени он был послушным монахом, усердно выполнял порученную ему работу, высоко ценился начальством, оправдывал ожидания своего главного викария и был всеми признан тихим и в высшей степени благочестивым человеком. У него был сильный, простой характер, в котором не было ничего от донкихотства. Конечно, он видел деградацию большей части религиозной жизни того времени и присутствовал по крайней мере на одном собрании, где присутствующие обсуждали планы реформации. Тогда (в Лейпцау в 1512 году) он провозгласил, что каждая истинная реформация должна начинаться с отдельных людей, что она должна проявляться в возрожденном сердце, пылающем верой, зажженной проповедью чистого Евангелия.

§ 6. Продавец индульгенций.

Что вывело Лютера из уединения, так это Индульгенция, провозглашенная папой Львом X., выращенная Альбертом Бранденбургским, архиепископом Майнца, и проповедованная Джоном Тецелем, монахом-доминиканцем, которому Альберт поручил продать для него Папские грамоты, как назывались билеты на Индульгенцию. Было объявлено, что деньги, вырученные от продажи, пойдут на строительство базилики Святого Петра, которая станет усыпальницей, достойной великого апостола, покоившегося, как говорили, в римской могиле.

Торговца сладостями обычно встречали великолепно, когда он приезжал в немецкий город. Фредерик Мекум (Миконий), который был очевидцем, так описывает въезд Тецеля в город Аннаберг в герцогской Саксонии:

“Когда Комиссар или продавец Индульгенций приближался к городу, перед ним на бархатной с золотом скатерти несли Буллу (провозглашающую Индульгенцию), и все священники и монахи, городской совет, школьные учителя и их ученики, а также все мужчины и женщины выходили ему навстречу со знаменами, свечами и песнями, образуя великую процессию; затем под звон всех колоколов и игру всех органов они сопровождали его до главной церкви; посреди церкви был установлен красный крест и вывешено знамя папы Римского; короче говоря, все священники и монахи, школьные учителя и их ученики были убиты. можно подумать, что они принимали Самого Бога”.

Затем Комиссар произнес проповедь, восхваляющую Индульгенцию, заявив, что “врата рая открыты” и что продажи начнутся.

Многие немецкие князья не испытывали особой любви к продавцам индульгенций, и Фридрих, курфюрст Саксонии, запретил Тецелю въезд на свои территории. Но земли Эрнестинской (избирательной) и Альбертинской (герцогской) Саксонии были настолько перемешаны, что комиссару было легко командовать всем населением Избирательной Саксонии, фактически не пересекая границу. “Красный Крест” был учрежден в Цербсте в герцогстве Саксония, в нескольких милях к западу, и в Ютербоке на территории Магдебурга, в нескольких милях к востоку от Виттенберга, и люди уезжали из города, чтобы купить Индульгенцию. Лютер считал, что продажа наносит ущерб нравственной и религиозной жизни его горожан; дошедшие до него сообщения о проповедях и обращениях продавца индульгенций, по-видимому, содержали то, что он считал ложью и богохульством. Он раздобыл копию рекомендательного письма, переданного архиепископом своему комиссару, и его негодование усилилось. И все же только после долгих колебаний, после того как многие из его друзей уговаривали его вмешаться, и в глубоком душевном смятении он решился протестовать. Когда он решался что-то сделать, он приступал к делу со смесью осторожности и мужества, которые были характерны для этого человека.

Церковь Всех Святых (Замковая церковь) в Виттенберге всегда была тесно связана с университетом; ее пребендариями были профессора; ее двери использовались как доска для публикации важных научных документов; и там часто появлялись уведомления о публичных академических “диспутах”, достаточно распространенных в то время. Днем в году, когда в церковь приходило самое большое количество горожан и незнакомцев, был День всех святых, первое ноября. Это была годовщина освящения здания, и в ознаменование этого события была проведена продолжительная серия богослужений. Курфюрст Фридрих был великим коллекционером реликвий и хранил свою коллекцию в церкви.¹⁵⁰ Он также добился Индульгенции для всех, кто пришел посетить юбилейные службы и взглянуть на мощи.

В День всех святых Лютер прибил свои Девяносто пять тезисов к дверям церкви. Это было строго академическое мероприятие. Профессор теологии в Виттенберге, желая прояснить истину, предложил обсудить устно или письменно вопрос об индульгенциях.¹⁵¹ Он выдвинул девяносто пять положений или направлений дискуссии, которые он предложил сохранить. Академический этикет строго соблюдался; предмет, о котором судили по бесчисленным книгам, написанным по нему, и разнообразию высказанных мнений, был в высшей степени

пригоден для дебатов; тезисы предлагались в качестве предметов для обсуждения; и автор, согласно обычаям того времени в таких случаях, не должен был быть определенно отвергнут высказанным мнением.

Тезисы, однако, отличались от большинства программ академических дискуссий тем, что каждый хотел их прочитать. Дубликат был сделан на немецком языке. Копии латинского оригинала и перевода были отправлены в университетскую типографию, и типографии не могли выпустить их достаточно быстро, чтобы удовлетворить спрос, поступавший со всех концов Германии.

Глава II. От начала спора об индульгенциях до диеты из червей.152

§ 1. Теория и практика индульгенций в шестнадцатом веке.

Практика индульгенций пронизывала всю покаянную систему Церкви позднего средневековья, и так было с начала XIII века. Его начало восходит за тысячу лет до времен Лютера.

В древней Церкви впадение в серьезный грех влекло за собой отделение от христианского братства, и повторный допуск к причастию был возможен только путем публичной исповеди в присутствии всей паствы и проявления истинного раскаяния в совершении определенных *удовлетворений*,¹⁵³ таких как освобождение рабов, длительный пост, обширная милостыня и т.д. Эти *удовлетворения* были явными признаками искренней скорби и считались одновременно угодными Богу и доказательством для христианской общины того, что кающийся испытал истинное раскаяние и может быть снова принят в их среду. Признание было сделано перед всей паствой; сумма *удовлетворения*, которую она считала необходимой, оценивалась паствой, и повторное признание также зависело от воли всей паствы. Часто случалось, что эти *удовольствия* смягчались или заменялись другими. Кающийся мог заболеть, и на соблюдении предписанного поста нельзя было настаивать без смертельной опасности; в таком случае внешний знак скорби, которого требовали, мог быть заменен другим. Или могло случиться так, что община убедилась в искренности раскаяния, не настаивая на том, что необходимо выполнить всю предписанную *сатисфакцию*.¹⁵⁴ Эти обмены и смягчения *сатисфакций* были небольшими зачатками более поздней системы индульгенций.

Со временем публичное признание в грехах, сделанное перед всей паствой, было заменено частным признанием, сделанным священнику, и вместо публичного *удовлетворения*, налагаемого всей паствой, священнику было предоставлено предписывать *удовлетворение* или внешний знак скорби, который, по его мнению, соответствовал совершенному и исповедуемому греху. Замена частной исповеди священнику публичной исповедью перед всей паствой расширила круг исповедуемых грехов. К явным грехам людей добавились *тайные*

грехи сердца, присутствие которых можно было выявить с помощью вопросов исповедника. Соответствующим образом расширился и круг *удовольствий*.

Когда назначение *удовлетворения* было оставлено в руках священника, было сочтено необходимым обеспечить некоторый контроль над произволом, который не мог не возникнуть. Так были изданы книги, содержащие списки грехов с соответствующими *удовлетворениями*, которых следовало требовать от кающихся. Если вспомнить, что некоторые из упомянутых грехов были очень тяжкими (убийства, кровосмешения, бесчинства всех видов), то неудивительно, что соответствующие *удовлетворения* или *епитимьи*, как их стали называть, в некоторых случаях были очень суровыми и растягивались на годы. С седьмого века возникла практика замены *удовлетворений* на другие, или епитимий. Наказание в виде многолетнего соблюдения поста могло быть заменено произнесением определенного количества молитв или псалмов, подачей определенной суммы милостыни или даже денежным штрафом — и в этом последнем случае часто использовалась аналогия с *Wehrgeld* германских племенных кодексов.¹⁵⁵ Эти обычные замены часто вносились в пенитенциарные учреждения или дисциплинарные книги. Этот новый обычай обычно принимал форму, согласно которой кающемуся, посетившему определенную церковь в установленный день и внесшему пожертвование в ее фонды, епитимья, наложенная на него священником в ходе обычного дисциплинарного взыскания, сокращалась на одну седьмую, одну треть, половину, в зависимости от обстоятельств. В каждом случае это было смягчение епитимьи или внешнего знака скорби, которые были наложены в соответствии с церковными правилами, установленными в Пенитенциарных учреждениях (*relaxatio de injuncta poenitentia*). Таково было истинное происхождение Индульгенций, и эти самые ранние примеры неизменно были смягчением церковных наказаний, которые налагались в соответствии с общепринятым обычаем в случаях дисциплинарного взыскания. Будет видно, что Лютер недвусмысленно исключил этот вид снисхождения из своих нападок. Он заявил, что Церковь имеет право навязывать то, что она имеет право ослаблять. Сначала считалось, что это право ослаблять или смягчать наложенные епитимьи находилось в руках священников, которые отвечали за дисциплину членов Церкви; но злоупотребления системой со стороны священников закончились тем, что власть давать индульгенции перешла в руки епископов, и они использовали вырученные деньги на строительство многих великих средневековых соборов. Епископальное злоупотребление индульгенциями привело к тому, что они были зарезервированы для пап.

Три концепции, каждая из которых относится к началу XIII века, объединившись, произвели большие изменения в этой старой и простой идее Индульгенций. Это были: (1) формулировка мысли *осокровищнице заслуг* (тезаурус заслуг); (2) превращение *института* в *Таинство* покаяния; и (3) различие между *истощением* и *раскаянием* в мысли о том, какой скорби Бог требует от настоящего кающегося.

Концепция хранилища заслуг (*thesaurus meritorum* или *indulgentiarum*) была впервые сформулирована Александром из Хейлса¹⁵⁶ в тринадцатом веке, и его идеи были приняты, расширены и уточнены последующими богословами.¹⁵⁷ Начиная с существующей в Церкви практики, согласно которой некоторые покаяния (например, паломничества) могут выполняться опосредованно, и объединяя несколько мыслей о том, что верующие являются членами одного тела, что добрые дела каждого из членов являются общим делом, достоянием всех, и следовательно, что наиболее грешные могут извлечь выгоду из добрых дел своих более святых

братьев, и что жертвы Христа было достаточно, чтобы стереть грехи всех, богословы постепенно сформулировали доктрину о том, что существует общее хранилище, в котором хранятся добрые дела живущих мужчин и женщин, святых на небесах и неисчерпаемые заслуги Христа, и что все эти накопленные там заслуги были переданы в ведение папы и могут быть розданы им верующим. К началу шестнадцатого века эта доктрина была не очень точно определена, но в целом в нее верили, ей учили и ее принимали. Это усилило смутное ощущение сверхъестественных, духовных сил, связанных с личностью римского епископа. Это имело одно важное последствие для доктрины индульгенций. Они могли быть выплатой из этой сокровищницы абсолютного эквивалента *удовлетворения*, причитающегося кающемуся за его грехи; они больше не были просто заменой одной формы покаяния другой или смягчением предписанной епитимьи.

The *Институт* покаяния содержал в себе четыре практики *скорби* о совершенных грехах (*contritio*); *исповеди* в этих грехах священнику; *Удовлетворения*, или надлежащего проявления скорби способами, предписанными Церковью по указанию духовника; и *Прощения* (*absolutio*), произносимого священником от имени Бога. За *удовлетворением* последовало помилование. Но когда *учреждением* стало *Таинство покаяния*, порядок был изменен: отпущение грехов следовало за исповедью и предшествовало сатисфакции, за которой оно следовало раньше. Удовлетворение утратило свое старое значение. Оно больше не было внешним признаком скорби и необходимым прецедентом прощения грехов. Согласно новой теории, отпущение грехов, последовавшее сразу за исповедью, имело своим результатом снятие всей вины за исповеданные грехи, а вместе с виной и всего полагающегося вечного наказания. Это снятие вины и вечного наказания, однако, не сразу открыло врата рая для прощенного грешника. Считалось, что правосудие Божье не могло позволить крещеному грешнику избежать какого бы то ни было наказания. Следовательно, было сказано, что, хотя вечное наказание исчезло вместе с отпущением грехов, оставалось временное наказание, причитающееся за грехи, и что на небеса нельзя попасть, пока это временное наказание не будет перенесено.¹⁵⁸ Временные наказания могут быть двух видов — те, которые претерпеваются в этой жизни, или те, которые претерпеваются в месте наказания после смерти. Епитимья, налагаемая священником, сатисфакция, теперь стала временным наказанием, полагающимся за совершенные грехи. Если священник назначал причитающуюся сумму и если кающийся был в состоянии выполнить все, что было наложено, грехи были искуплены. Но если священник наложил меньше, чем на самом деле требовала справедливость Божья, то эти временные муки должны были завершиться в Чистилище. Это породило большую неуверенность; ибо кто мог быть уверен, что священник правильно рассчитал и назначил компенсации или временные штрафы в точном размере, требуемом правосудием Божиим? Поэтому муки Чистилища грозили каждому человеку. Именно здесь появилась новая идея Индульгенций, призванная помочь верующему, обезопасив его от мук Чистилища, которые не были включены в отпущение грехов, получаемое в Таинстве Покаяния. Индульгенции в смысле смягчения наложенных епитимий отошли на второй план, и действительно ценной Индульгенцией была та, которая из-за заслуг, переданных из хранилища заслуг, была в глазах Бога эквивалентом временных наказаний, полагающихся за грехи. Таким образом, по мнению Александра из Хейлса, Бонавентуры,¹⁵⁹ и, прежде всего, Фомы Аквинского, реальная ценность индульгенций заключалась в том, что они обеспечивали освобождение от наказаний, полагающихся после отпущения грехов, независимо от того, были ли эти наказания епитимьями, наложенными священником, или нет; и когда вспоминается

неопределенность наложенных наказаний, самыми ценными из всех Индульгенций были те, которые касались не наложенных наказаний; священник мог ошибиться, но Бог не ошибся.

Хотя индульгенции всегда были связаны с удовлетворением и менялись с изменением значения последнего термина, на них не меньшее влияние оказало различие, которое стало проводиться между *истощением* и *раскаянием*, а также применение этого различия к теории Таинства покаяния. В раннее средневековье и вплоть до тринадцатого века всегда считалось, что *раскаяние* (печаль, вызванная любовью) было единственной вещью, которую Бог принимал во внимание при прощении грешника. Богословы тринадцатого века, однако, начали проводить различие между этой божественной печалью и определенной долей печали, которая могла возникнуть из-за множества причин менее достойного характера, и особенно из-за рабского страха. Это называлось *истощением*; и считалось, что это *истощение*, хотя само по себе слишком несовершенное, чтобы заслужить Божье прощение, может стать совершенным благодаря исповеди, услышанной священником, и произносимому им сакраментальному отпущению грехов. Очень естественно, хотя, возможно, и нелогично, считалось, что несовершенная скорбь, хотя и достаточная для получения отпущения грехов и, следовательно, избавления от вечного наказания, заслуживает более временного наказания, чем если бы это была скорбь благочестивого рода. Но именно эти временные наказания (включая муки Чистилища) и предусматривались Индульгенциями. Следовательно, Индульгенции более привлекали равнодушного христианина, который знал, что он согрешил, и в то же время чувствовал, что его печаль не была следствием его любви к Богу. Он знал, что его грехи заслуживают *какого-то* наказания. Его совесть, какой бы слабой она ни была, подсказывала ему, что он не может грешить совершенно безнаказанно и что необходимо нечто большее, чем его поверхностная исповедь священнику. Он чувствовал, что должен *что-то* сделать - поститься, или отправиться в паломничество, или купить Индульгенцию. Именно в этот момент Церковь вмешалась, чтобы показать ему, как его плохая работа может быть преобразована силой Церкви и ее сокровищницей заслуг во что-то настолько великое, что наказания в Чистилище действительно можно избежать. Его дешевая печаль, его небрежное признание не должны беспокоить его. Следовательно, для обычного равнодушного христианина *Истощение*, *Исповедь* и *Снисходительность* стали тремя главами плана Церкви по его спасению. Единственное, что удовлетворяло его совесть, — это то, что ему предстояло сделать, и это заключалось в получении Индульгенции - дело, которое со временем становилось для него все более легким.

Не следует предполагать, что эта доктрина *истощения* ее очевидный эффект в притуплении совести и снижении уровня морали пользовались безраздельной поддержкой богословов позднего Средневековья, но именно этой доктрине учило большинство шотландских богословов, которые взяли на себя ведущую роль в богословском мышлении в те времена. Она была изложена в самой экстравагантной форме таким представительным человеком, как Иоанн из Пальца в Эрфурте; ее проповедовали продавцы индульгенций; ее горячо приветствовали *равнодушные* христиане, которые желали избежать наказания за грех, не отказываясь от его наслаждений; она возвеличивала власть священства; и она была особенно ценна для обеспечения хорошей продажи индульгенций и, следовательно, для увеличения доходов папы. Это лежало в основе всей теории и практики индульгенций, с которыми столкнулся Лютер, когда опубликовал свои Тезисы.

История показывает нам, что грубые злоупотребления всегда были связаны с практикой Индульгенций, даже в их более ранних и простых формах. Священники злоупотребляли этой системой, и право выдавать Индульгенции было отнято у них и перешло к епископам. Епископы, в свою очередь, злоупотребляли этой привилегией, и папы постепенно пришли к выводу, что право даровать Индульгенцию принадлежит исключительно римскому епископу или тем, кому он может ее делегировать; и это предположение казалось разумным и спасительным. Поначалу энергия использовалась экономно. Это правда, что папа Урбан II в 1095 году пообещал крестоносцам индульгенцию, о которой никогда прежде не слышали, — полное освобождение от всех налагаемых канонических епитимий; но только в XIII и четырнадцатом веках индульгенции, которые теперь вдвойне опасны для нравственной жизни из-за возникших новых теорий, стали расточаться еще более безжалостно, чем в те дни, когда любой епископ имел право их даровать. С начала четырнадцатого века их отдавали набирать рекрутов для папских войн. Они щедро расходовались на религиозные ордена либо на благо членов, либо с целью привлечения незнакомцев и их даров в свои церкви. Они были дарованы соборам и другим церквям или отдельным алтарям в церквях и имели эффект пожертвования. Они были присоединены к специальным коллекциям реликвий, которые должны были заработать верующие, посещавшие святыни. Их раздавали больницам, а также на содержание мостов и дорог. Везде, где они встречались в позднем Средневековье, и было бы трудно сказать, где их не было, они ассоциировались с грязным стяжательством, и, как заметил Лютер в ранней проповеди на эту тему, они были очень тяжелым орудием в руках алчности.

Практика предоставления индульгенций была повсеместно распространена и получила всеобщее признание; но было нелегко дать объяснение этой системы в смысле показа того, что она была важным элементом христианской дисциплины. Ни один средневековый теолог не пытался сделать ничего подобного. Бонавентура и Фома Аквинский, два великих схоласта, которые больше, чем кто-либо другой, сделали для обеспечения теологической основы системы, совершенно откровенно говорят нам, что их дело - принять тот факт, что индульгенции действительно существуют как часть пенитенциарной дисциплины Церкви, и, принимая это, они считали себя обязанными построить разумную теорию.¹⁶⁰ Практика изменилась, и потребовались новые теории, чтобы объяснить различия. Излишне говорить, что эти объяснения не всегда совпадали; и что существовали очень большие расхождения во мнениях о том, что на самом деле означает Индульгенция для человека, который ее купил.

Из всех этих спорных вопросов наиболее важным был такой: давала ли Индульгенция прощение вины за грех или только за определенные наказания, которые следовали за греховным поступком? Это вопрос, к которому современные романисты чрезвычайно чувствительны.

Универсальный ответ, который дают все защитники индульгенций, писавшие на эту тему со времен Тридентского собора, заключается в том, что вина (*culpa*) и вечное наказание (*poenæ eternæ*) рассматриваются в Таинстве Покаяния, и что Индульгенции относятся только к временным наказаниям, включая под этим названием муки Чистилища. Это современное мнение подтверждается самыми выдающимися авторитетами средневековой церкви. Это было принято в приведенном выше описании теории индульгенций, поскольку было сказано, что основное применение индульгенций заключалось в защите от Чистилища. Но эти утверждения не исчерпывают вопрос. Средневековое богословие не создавало Индульгенций, оно лишь следовало практике папы Римского и Римской курии и пыталось ее оправдать, что было довольно сложной задачей. Все еще остается открытым вопрос, не обещали ли некоторые из

папских булл, издающих Индульгенции, устранение вины, а также защиту от временных наказаний. Если их изучить, отбросив поддельные Буллы, то обнаружится, что во многих из них нет упоминания о необходимости предварительной исповеди и отпущения грехов священником; что в одной или двух прямо упоминается об освобождении от вины, а также о наказании; и что многие (особенно те, которые провозглашают Юбилейную индульгенцию) используют формулировки, которые неизбежно привели умных мирян, таких как Данте, к мысли, что папы действительно провозглашали как освобождение от вины, так и от наказания. Конечно, можно сказать, что в те дни различие между виной (*culpa*) и наказанием (*poena*) было не очень точно определено, и что фраза *отпущение грехов* использовалась для обозначения как снятия вины, так и смягчения наказания; тем не менее, трудно не согласиться с выводом о том, что даже теоретически индульгенции были объявлены эффективными для снятия вины за грех в присутствии Бога.

Эти вопросы о теологическом значении Индульгенции, хотя и были необходимы для понимания всей ситуации в целом, в конечном счете имели мало общего с действиями Лютера. Он подошел ко всему вопросу с точки зрения практического воздействия провозглашения Индульгенции на умы простых людей, которые ничего не знали об утонченных теологических различиях; и доказательства того, что простые люди в целом верили, что Индульгенция действительно устраняет вину за грех, неопровержимы. Можно найти современных хронистов, которые заявляют, что индульгенции, данные крестоносцам, снимают вину так же, как и наказание; современные проповедники утверждают, что полные индульгенции снимают вину, и обосновывают свое мнение тем, что предполагалось, что такие Индульгенции содержат в себе Таинство Покаяния. Популярные путеводители, написанные для паломников в Рим и Компостеллу, распространяют популярную идею о том, что индульгенции, полученные в результате таких паломничеств, освобождают от вины так же, как и от наказания. Популярная вера была настолько широко признана, что даже Соборам пришлось возложить вину за это на продавцов помилований или, подобно Констанцскому собору, объявить папе импичмент и заставить его признаться, что он даровал Индульгенции для снятия вины, а также наказания. Это широко распространенное убеждение само по себе оправдывало Лютера в привлечении внимания к этой стороне вопроса.

Более того, хорошо бы увидеть, что на самом деле означала теория самых уважаемых теологов, если рассматривать ее практически. С момента формулирования Таинства Покаяния теория состояла в том, что вся вина за грех и все вечные наказания были сняты в результате отпущения грехов священником, которое следовало за исповедью кающегося. Таинство Покаяния устранило вину и Ад. Но остались настоящие грехи, подлежащие наказанию, потому что этого требовала справедливость Божья, и это было сделано во временных муках Чистилища. “Обычный человек”, если он вообще думал об этом, может быть оправдан, если он посчитает, что вина и Ад, отнятые одной рукой, были восстановлены другой. У него оставалось ощущение, что Божья справедливость требовала *некоторого* наказания за совершенные им грехи; и если это не было виной согласно теологическому определению, то, вероятно, это было все, чего он мог достичь. Его учили, и он верил, что за эти его действительные грехи его ждет наказание; и наказание, которое могло длиться тысячи лет в Чистилище, в его глазах не сильно отличалось от вечного наказания. Снисходительность пришла к нему, когда он был полон этих смутных мыслей, и предложила ему верный способ облегчить свою совесть и избежать наказания, которого, как он знал, он заслуживал. Ему нужно было только заплатить цену папского билета, совершить требуемое каноническое доброе дело, каким бы оно ни было, и он был уверен, что

его наказание отменено, а Божье правосудие удовлетворено. Возможно, это и не предполагает мысли об искуплении вины в теологическом смысле этого слова, но это определенно вводит в заблуждение моральные инстинкты “обычного человека” примерно так же, как если бы это было так. Неудивительно, что простые люди совершили теологическую ошибку, если это была ошибка, и увидели в каждой полной Индульгенции обещание прощения вины, а также наказания,¹⁶¹ ибо для них прощение вины и успокоение совести были одним и тем же. Именно этот практический моральный эффект Индульгенций, а не теологическое объяснение теории, побудил Лютера выступить с протестом.

§ 2. Тезисы Лютера.¹⁶²

Тезисы Лютера совершенно не похожи на то, что можно было ожидать от профессора теологии. Им не хватает теологического определения и они содержат множество повторений, которых можно было бы легко избежать. Это просто девяносто пять сильных ударов, нанесенных по великому церковному злоупотреблению, которое терзало совесть многих. Они выглядят как высказывания человека, который был в тесном контакте с народом; который был сильно потрясен доведенными до него сообщениями о том, что говорили продавцы помилований; который прочитал немало богословских объяснений практики индульгенций и записал несколько вещей, которым он хотел бы противоречить. Они читаются так, как будто предназначены для мирян и адресованы их здравому смыслу в духовных вопросах. Они просты и понятны и укладываются в рамки простой религии и простых моральных истин.

Эти Тезисы непреодолимо привлекали всех тех, кто был воспитан в простой евангелической вере, отличавшей тихую домашнюю жизнь стольких немецких семей, и кто не отказался от нее. Они также обращались ко всем, кто начал принимать то светское или нецерковное благочестие, которое, как мы видели, тихо, но быстро распространялось по всей Германии в конце средних веков. Эти две силы, обе религиозные, собрались вокруг Лютера. Эффект от Тезисов возник почти мгновенно: желание покупать индульгенции остыло, и продажи почти прекратились.

Девяносто пять Тезисов содержали шесть различных утверждений об индульгенциях и их эффективности:

- i. Индульгенция является и может быть только освобождением от чисто церковного наказания; Церковь может отменить то, что наложила Церковь; она не может отменить то, что наложил Бог.
- ii. Индульгенция никогда не может снять вину; сам папа не может этого сделать; Бог держал это в Своих руках.
- iii. Это не может отменить божественное наказание за грех; это также находится только в руках Бога.
- iv. Это не может иметь никакой силы для душ в Чистилище; наказания, налагаемые Церковью, могут относиться только к живым; смерть растворяет их; то, что Папа может сделать для душ в Чистилище, - это молитва, а не юрисдикция или сила ключей.

v. Христианин, имеющий истинное покаяние, уже получил прощение от Бога, совершенно независимо от Индульгенции, и не нуждается в нем; Христос требует этого истинного покаяния от каждого.

vi. Сокровищница Заслуг никогда не была должным образом определена, трудно сказать, что это такое, и люди не понимают ее должным образом; это не могут быть заслуги Христа и Его святых, потому что они действуют сами по себе и совершенно независимо от вмешательства Папы; это не может означать ничего большего, чем то, что Папа, обладая властью ключей, может отменять церковные наказания, налагаемые Церковью; истинная сокровищница заслуг - это Святое Евангелие благодати и славы Божьей.

Архиепископ Майнца, обнаружив, что публикация Тезисов препятствует продаже Индульгенций, отправил копию в Рим. Папа Лев, думая, что все это было монашеской ссорой, ограничился тем, что попросил главнокомандующего отшельниками-августинцами утихомирить своих монахов. Тетцель совместно со своим другом Конрадом Вимпиной опубликовал ряд контртезисов. Джон Майр из Экка, профессор в Ингольштадте, безусловно, самый способный оппонент, который когда-либо был у Лютера, написал ответ на Тезисы, которые он озаглавил "Обелиски";¹⁶³ и Лютер ответил трактатом под названием "Звездочки". В Риме Сильвестр Маццолини (1460-?) из Приерио, доминиканский монах, папский цензор Римской провинции и инквизитор, был глубоко недоволен Девяносто пятью тезисами и подвергнул их суровой критике в Диалоге о власти папы; против самонадеянных выводов Мартина Лютера. Книга попала в Германию к середине января 1518 года. Августинские отшельники провели свое обычное ежегодное собрание в Гейдельберге в апреле 1518 года, и Лютер услышал, как его тезисы сдержанно обсуждались братьями-монахами. Он обнаружил, что оппозиция его взглядам оказалась гораздо сильнее, чем он ожидал; но дискуссия была честной, и Лютер наслаждался ею после зловещего молчания большинства его друзей, которые сочли его поступок опрометчивым. Вернувшись из Гейдельберга, он начал общий ответ своим оппонентам. Книга "Резолюции", вероятно, была самой тщательно написанной из всех работ Лютера. Он долго думал над этим, тщательно взвешивал каждое утверждение и несколько раз переписывал отдельные фрагменты. Предисловие, адресованное его генеральному викарию Штаупицу, содержит несколько интересных автобиографических материалов; оно было адресовано папе Римскому; это была подробная защита его тезисов.¹⁶⁴

Девяносто пять тезисов имели беспрецедентный по тем временам тираж. Чуть более чем за две недели они стали известны по всей Германии; в течение четырех недель их читали по всей Западной Европе, "как если бы они были распространены ангельскими вестниками", - с энтузиазмом говорит Миконий. Лютер был поражен тем, как они были приняты; он сказал, что хотел не определять, а дискутировать. Полемика, которую они вызвали, увеличила их популярность. В Тезисах, и особенно в Резолюциях, Лютер практически отказался от всех практик, которые папа и Римская курия ввели в вопросе Индульгенций с начала XIII века, и от всех остроумных объяснений, выдвинутых схоластическими теологами для оправдания этих практик. Самым простым способом опровергнуть его было заявить о власти римского епископа; и именно такой линии придерживались его критики. Их аргументы сводятся к следующему: право выдавать Индульгенции - это просто частный случай власти папской юрисдикции, а Индульгенции - это просто то, чем папа их провозглашает. Следовательно, нападать на Индульгенции - значит нападать на власть Папы, а это недопустимо. Римская церковь фактически является Вселенской Церковью, а Папа практически является Римской Церковью.

Следовательно, как представитель Римской церкви, которая, в свою очередь, представляет Вселенскую Церковь, Папа, действуя официально, не может ошибаться. Официальные решения даются как на словах, так и на деле, обычай имеет силу закона. Следовательно, тот, кто возражает против такой давно устоявшейся системы, как Индульгенции, является еретиком и не заслуживает того, чтобы его выслушивали. [165](#)

Но наиболее убедительным аргументом для Римской курии был тот факт, что продажи папских билетов снижались с момента публикации Тезисов. Индульгенции были источником огромного дохода, и все, что препятствовало их продаже, приводило к финансовым затруднениям. Папа Левх. в своем “наслаждении папством” жил роскошно. У него был огромный доход, намного больший, чем у любого европейского монарха, но он жил сверх этого. Его доход составлял от четырехсот до пятисот тысяч дукатов; но он потратил семьсот тысяч на войну за герцогство Урбино; великолепный прием его брата Джулиана и его невесты в Риме (1514) обошелся ему в пятьдесят тысяч дукатов; и он потратил более трехсот тысяч на свадьбу своего племянника Лоренцо (1518). Как в Риме, так и в Германии раздавались голоса, протестующие против этой расточительности. Папа отчаянно нуждался в деньгах. Вряд ли стоит удивляться, что Лютер был вызван в Рим (повестка датирована июлем 1518 года и получена Лютером 7 августа), чтобы ответить за свою атаку на систему индульгенций. Повиновение означало бы смерть.

Безапелляционный вызов в суд мог быть истолкован как оскорбление Виттенбергского университета, на досках объявлений которого были вывешены Девяносто пять тезисов. Лютер написал своему другу Спалатину (Джордж Буркхардт из Спалта, 1484-1545), который был капелланом и личным секретарем курфюрста Фредерика, предположив, что принц должен защищать права своего университета. Спалатин немедленно написал курфюрсту, а также императору Максимилиану, и в результате повестка в Рим была отменена, и было решено, что дело должно быть передано в руки папского легата в Германии Томаса де Вио, кардинала Каэтана [166](#) (1470-1553), а Лютеру было приказано предстать перед этим чиновником в Аугсбурге. Беседа (октябрь 1518 г.) была не очень удовлетворительной. Кардинал потребовал, чтобы Лютер отрекся от своей ереси без каких-либо аргументов. Когда его попросили сказать, что это за ереси, он назвал утверждение в 58-м Тезисе о том, что заслуги Христа эффективно действуют без вмешательства папы Римского, и что в Резолюции говорится, что таинства неэффективны без веры в получателя. Несмотря на заявление легата, произошла некоторая дискуссия, но в конце концов Лютеру было приказано отречься или удалиться. Он написал обращение от плохо информированного папы к хорошо информированному Папе, а также обращение к Генеральному совету и вернулся в Виттенберг.

Когда Лютер вывешивал свои Тезисы на дверях Церкви Всех Святых, он был монахом-одиначкой, и ничто, кроме его мужественности, не поддерживало его; но за девять месяцев ситуация чудесным образом изменилась. Теперь он знал, что является представительным человеком, число сторонников которого исчисляется тысячами. Его коллеги в Виттенберге были с ним; его студенты демонстрировали лояльность (они сожгли контртезисы Вимпины-Тецеля); его теология распространялась во всех монастырях его Ордена в Германии и даже в Нидерландах; и быстрое распространение его Тезисов показало ему, что к нему прислушиваются в Германии. Его первой задачей по возвращении в Виттенберг было подготовить для прессы отчет о своей беседе с кардиналом Каетаном в Аугсбурге, и он был опубликован под названием “Акт Августа”.

Лютер изо всех сил старался довериться народу Германии; он публиковал отчет о каждом важном интервью, которое у него было; люди могли следовать за ним шаг за шагом, и он никогда не забегал так далеко, чтобы они не могли увидеть его следы. Непосредственным результатом Августинского акта стало огромное количество общественных симпатий к Лютеру. Люди, даже гуманисты, которых мало заботила полемика, увидели, что чрезвычайно набожному человеку, уважаемому преподавателю, прославившему свой малоизвестный университет, который не сделал ничего, кроме как предложил обсудить печально известный запутанный вопрос об индульгенциях, было безапелляционно приказано отречься и хранить молчание. Они могли только сделать вывод, что итальянцы относились к немцам презрительно и просто хотели выкачать из страны деньги, которые можно было потратить на роскошь папского двора. Курфюрст Фридрих разделял общее мнение и, кроме того, живо реагировал на все, что касалось его университета и его процветания. Нет никаких свидетельств того, что он сильно сочувствовал взглядам Лютера. Но Виттенбергский университет, основанное им учебное заведение, так долго влачившее весьма ненадежную жизнь, а теперь процветающее, был зеницей его ока; и он решил защищать его и учителя, снискавшего этим известность.

Политическая ситуация в Германии была слишком деликатной, а личное политическое влияние Фридриха слишком велико, чтобы папа мог действовать опрометчиво в любом вопросе, к которому этот принц проявлял глубокий интерес. Страна находилась накануне выборов римского короля; Максимилиан был стар, и императорские выборы могли состояться в любой момент; и Фридрих был одним из самых важных факторов в любом случае. Поэтому папа решил действовать осторожно. Осуждение Лютера кардиналом-легатом было отложено, и специальный папский делегат был направлен в Германию для проведения расследования. Было предпринято все возможное, чтобы выбрать человека, который, вероятно, был бы приемлем для избирателя. Карл фон Мильтиц, саксонский дворянин из округа Мейсен, каноник Майнца, Трира и Мейсена, папский камергер, знакомый Спалатина, личный агент курфюрста при Римском дворе, был отправлен в Германию. Он взял с собой "Золотую розу" в знак личного восхищения папы римским курфюрстом. Он был снабжен многочисленными письмами Его Святейшества к курфюрсту, некоторым саксонским советникам, магистратам Виттенберга, во всех из которых Лютер фигурировал как порождение дьявола. Вероятно, эта фраза была забыта, когда некоторое время спустя Лео написал Лютеру и назвал его своим дорогим сыном.

Когда Мильтиц оказался среди людей, говорящих по-немецки, он обнаружил, что при папском дворе такое положение вещей и не снилось. Он был немцем и знал немцев. Он мог видеть то, чего никогда не понимал кардинал-легат, - что ему пришлось иметь дело не с упрямством непокорного монаха, а с медленным движением нации. Когда он навестил своих друзей и родственников в Аугсбурге и Нюрнберге, он обнаружил, что трое из пяти были на стороне Лютера. Он пришел к мудрому решению встретиться с Лютером и Тецелем наедине, прежде чем предъявить свои верительные грамоты. Тецеля он увидеть не смог. Несчастный человек написал Мильтицу, что не осмеливается выйти из своего монастыря, так велика опасность, грозящая ему от насилия народа. Мильтиц встретился с Лютером в доме Спалатина; он сразу же отрекся от речей продавцов индульгенций; он дал понять, что невысокого мнения о методах действий кардинала-легата; он так подействовал на Лютера, что последний пообещал написать смиренное письмо папе римскому, посоветовать людям уважать Римский престол, сказать, что индульгенции полезны для снятия канонических епитимий. Все это сделал Лютер; и если бы Римская курия поддержала Мильтица, трудно сказать, как далеко зашло бы примирение. Но

Римская курия не поддержала папского камергера, и Мильтицу пришлось также считаться с Джоном Эком, который горел желанием уничтожить Лютера в публичной дискуссии.

Месяцы между его собеседованием в Аугсбурге (октябрь 1518 г.) и диспутом с Джоном Эком в Лейпциге (июнь 1519 г.) были потрачены Лютером на тяжелые и тревожные занятия. Его противники противопоставляли ему абсолютное превосходство папы во всех церковных вопросах. Это было одно из старейших унаследованных убеждений Лютера. Церковь была для него “Домом папы”, в котором папа был домашним отцом, которому полагалось всяческое послушание. Ему было трудно думать иначе. Он пересматривал свои убеждения об оправдывающей вере и пытался четко проследить их последствия, и действительно ли они привели к его заявлениям об эффективности индульгенций. Он не мог прийти ни к какому другому выводу. Возникла необходимость исследовать доказательства притязаний папы на абсолютную власть. Он начал изучать Декреталии и обнаружил, к своему изумлению и негодованию, что они были полны фальсификаций и что папское верховенство было навязано Германии на основании собрания Декреталий, многие из которых были явно подделками. Трудно сказать, принесло ли это открытие Лютеру больше радости или горя. Под совместным влиянием изучения истории, мнений ранних Отцов Церкви и Священного Писания один из его старейших ориентиров разваливался на куски. Его разум был охвачен вихрем сомнений. Он был наполовину в восторге, наполовину в ужасе от результатов своей учебы; и его переписка показывает, как менялось его настроение от недели к неделе. Именно в то время, когда он был таким образом “на волоске”, шатко балансируя на чаше весов, Джон Экк вызвал его на спор в Лейпциге о первенстве римского понтифика. Дискуссия могла разрядить обстановку, могла заставить его увидеть, чего он стоит. Он принял вызов почти лихорадочно.

§ 3. Лейпцигский спор.167

Лейпциг был вражеской страной, и его виттенбергские друзья не позволили бы Лютеру отправиться туда без сопровождения. Молодой герцог Барним, который был ректором Виттенбергского университета, сопровождал Карлштадта и Лютера, чтобы обеспечить им защиту своим присутствием. Меланхтон, который был членом преподавательского состава Виттенберга с августа 1518 года, Юстус Йонас и Николас Амсдорф отправились вместе с ними. Двести виттенбергских студентов в шлемах и с алебардами образовали охрану и шли рядом с двумя крестьянскими повозками, в которых везли их профессоров. Очевидец событий в Лейпциге оставил нам зарисовки того, что он видел:

“В гостиницах, где останавливались виттенбергские студенты, хозяин держал человека с алебардой возле стола, чтобы поддерживать мир, пока лейпцигские и виттенбергские студенты спорили друг с другом. Я сам видел то же самое в доме книготорговца Гербиполиса, куда я зашел пообедать ... ибо за столом сидел мастер Баумгартен ... который был так настроен против виттенбергеров, что хозяину пришлось сдерживать его алебардой, чтобы заставить соблюдать мир, пока Виттенбергеры были в доме и сидели с ним за одним столом”.

В зданиях Лейпцигского университета не было ни одного зала, достаточно большого для аудиенции, и герцог Георг предоставил для этого случая свой большой банкетный зал. Обсуждениям предшествовала служба в церкви.

Когда мы добрались до церкви ... они пели мессу двенадцатью голосами, которых раньше никто не слышал. После мессы мы отправились в замок, где обнаружили многочисленную стражу бюргеров в доспехах, с их лучшим оружием и знаменами; им было приказано находиться там дважды в день, с семи до девяти утра и с двух до пяти пополудни, чтобы поддерживать мир, пока длился Диспут”.¹⁶⁸

Сначала между Карлштадтом и Эком возник спор, а затем, четвертого июля, Экк и Лютер встретились лицом к лицу — оба крестьянские сыновья, встретившиеся, чтобы защитить старое или проложить путь новому.

Это был первый раз, когда Лютер встретил полемиста с европейской известностью. Джон Экк приехал в Лейпциг, только что одержавший победу на великих дебатах в Вене и Болонье, и был и чувствовал себя виновником торжества.

“У него было огромное квадратное тело, полный сильный голос, исходящий из его груди, подходящий для трагического актера или городского глашатая, скорее резкий, чем отчетливый; его рот, глаза и весь облик наводили на мысль скорее о мяснике или солдате, чем о богослове. Он дал представление о человеке, стремящемся одолеть своего противника, а не о том, кто стремится одержать победу во имя истины. В его аргументах было столько же софистики, сколько и здравого смысла; он постоянно искажал слова своих оппонентов или пытался придать им смысл, который они не должны были передавать”.

“Мартин, - говорит тот же очевидец,

“ среднего роста; его тело стройное, изможденное учебой и заботами; можно пересчитать почти все кости; он в расцвете лет; его голос звучит чисто и отчетливо... как бы сильно ни давил на него оппонент, он сохранял спокойствие и добродушие, хотя в дебатах иногда употреблял горькие слова.... В руке он держал букет цветов, и когда дискуссия стала жаркой, он посмотрел на него и понюхал”.¹⁶⁹

Намерение Эка состояло в том, чтобы заставить своего оппонента сделать какое-нибудь заявление, которое оправдало бы его обвинение Лютера в поддержке средневековых еретиков, и особенно гуситов. Он постоянно уводил дискуссию к вальденсам, последователям Виклифа и богемцам. Аудиторию захлестнула волна возбуждения, когда Лютер был постепенно вынужден признать, что в некоторых гуситских мнениях, возможно, есть доля правды:

“Я должен сказать одну вещь, которую я сам слышал во время Диспута и которая происходила в присутствии герцога Георга, который часто приходил на Диспут и слушал очень внимательно; однажды доктор Мартин сказал эти слова доктору Эку, когда на него сильно давили по поводу Яна Гуса: ‘Дорогой доктор, гуситские мнения не все неверны’. Вслед за этим герцог Георг сказал так громко, что услышала вся аудитория: ‘Боже, помоги нам от чумы!’ (Das walt, die Sucht), и он покачал головой и уперся руками в бока. Это я сам слышал и видел, поскольку сидел почти между его ногами и ногами герцога Барнима Померанского, который в то время был ректором Виттенберга”.¹⁷⁰

Что касается диалектической битвы, то Эк одержал победу. Он сделал то, что намеревался сделать. Он заставил Лютера заявить о себе. Все, что теперь было нужно, - это папская булла против Лютера, и мир избавился бы от еще одного язвительного еретика. Он сделал то, чего более политичный Мильтиц хотел избежать. Он сосредоточил внимание Германии на Лютере и сделал его центральной фигурой, вокруг которой могло собраться все тлеющее недовольство. Что касается Лютера, то он вернулся в Виттенберг, полный печальных предчувствий. Они не помешали ему подготовить и опубликовать для немецкого народа отчет о Диспуте, который был с нетерпением прочитан. Его аргументы были скорее историческими, чем теологическими. Он пытался показать, что признанию верховенства римского епископа в Западной Европе едва исполнилось четыреста лет и что на Востоке его не существовало. Греческая церковь, сказал он, является частью Церкви Христа и не будет иметь ничего общего с Папой Римским; великие Соборы первых христианских веков ничего не знали о верховенстве папы. Афанасий, Василий, Григории, сам Киприан - все они придерживались позиции самого Лютера и, по словам Экка, были еретиками. Речи Лютера в Лейпциге заложили основу той современной исторической критики институтов, которая так далеко зашла в наши дни.

В некоторых отношениях Лейпцигский диспут был самым важным моментом в карьере Лютера. Он впервые заставил его увидеть, в чем заключалась его оппозиция индульгенциям. Это заставило людей увидеть это. Его атака не была критикой, как он сначала подумал, простого нароста средневековой церковной системы. Он нанес удар по ее центру; по ее идеям священнического посредничества, которые отрицали право каждого верующего на немедленный вход в само присутствие Бога. Именно после Диспута в Лейпциге молодые немецкие гуманисты сплотились вокруг Лютера как один человек; бюргеры увидели, что религия и противодействие тирании священников не являются противоположными вещами; и что есть место для честной попытки создать для немцев Германию, независимую от Рима. После Лейпцига Лютер почувствовал себя новым человеком, с новой свободой и более широкими симпатиями. Его депрессия прошла. Проповеди, памфлеты, письма, вышедшие из-под его неутомимого пера, наводнили страну, и их жадно читали все классы населения.

§ 4. Три трактата.171

Три из этих сочинений выделяются настолько выдающимися, что заслуживают особого внимания: О свободе христианина, О христианской знати немецкой нации и О вавилонском пленении Церкви. Эти три книги обычно называют в Германии "Тремя великими трактатами Реформации", и название им вполне соответствует. Все они были написаны в 1520 году, после трех лет, проведенных в полемике, в то время, когда Лютер чувствовал, что полностью порвал с Римом, и когда он знал, что ему нечего ожидать от Рима, кроме приговора об отлучении от церкви. Впоследствии его учение, возможно, менялось в деталях, но во всех существенных положениях оно осталось таким, как в этих книгах.

“Трактат о свободе христианина”, “очень маленькая книга с точки зрения бумаги, - сказал Лютер, - но содержащая всю подытоженность христианской жизни”, имел несколько патетическую историю. Мильтиц, вопреки всему надеясь, что папа не доведет дело до крайности, попросил Лютера написать краткое изложение своих сокровенных убеждений и отправить его Его Святейшеству. Лютер согласился, и результатом стал этот небольшой томик. В качестве предисловия к нему приводится письмо Лютера папе Льву X., которое завершается так:

“У меня, в моей бедности, нет другого подарка, который я мог бы сделать вам, и вам не нужно обогащаться ничем, кроме духовного дара”. Вероятно, это была последняя из трех опубликованных книг (октябрь 1520 г.), но в ней содержатся принципы, лежащие в основе двух других.

Брошюра представляет собой краткое изложение, свободное от всех богословских тонкостей, священства всех верующих, которое является следствием факта оправдания только верой. Его предостерегающая записка Риму и его воспитательная ценность для благочестивых людей шестнадцатого века состояли в том, что он показывал, что человеку, который боится Бога и доверяет Ему, не нужно бояться ни священников, ни Церкви. Первая часть доказывает, что каждое духовное достояние, которым обладает или может обладать человек, должно восходить к его вере; если у него есть вера, у него есть все; если у него нет веры, у него нет ничего. Именно обладание верой дает свободу христианину; Бог с ним, кто может быть против него?

“Здесь вы спросите: “Если все, кто находится в Церкви, являются священниками, то по какому признаку тех, кого мы сейчас называем священниками, следует отличать от мирян?” Я отвечаю, что при использовании этих слов “священники”, “духовенство”, “духовное лицо”, “церковный” была совершена несправедливость, поскольку они были переданы от оставшейся части христиан тем немногим, кого теперь, по пагубному обычаю, называют церковниками. Ибо Священное Писание не делает различия между ними, за исключением того, что тех, кого сейчас хвастливо называют папами, епископами и лордами, оно называет министрами, слугами и управителями, которые должны служить остальным в служении Слова, для обучения вере Христовой и свободе верующих. Ибо, хотя это правда, что все мы в равной степени священники, все же мы не можем и не должны были бы, если бы могли, все служить и учить публично”.

Вторая часть показывает, что все, что делает христианин, должно исходить из его веры. Возможно, потребуется использовать все церемонии богослужения, которые прошлые поколения сочли полезными для развития религиозной жизни; возможно, поститься и практиковать умерщвление плоти; но если мы хотим, чтобы такие вещи были действительно полезными, их следует хранить на надлежащем месте. Это добрые дела не в том смысле, что они делают человека хорошим, а как знаки его веры; их следует совершать с радостью, потому что они совершаются ради Бога, Который соединился с человеком через Иисуса Христа.

Ничто из написанного Лютером так ясно не демонстрирует то сочетание революционной смелости и мудрого консерватизма, которое было характерно для этого человека. Нет никакой попытки снести какой-либо церковный механизм, при условии только, что он будет сохранен на своем надлежащем месте как средство достижения цели. Но религиозные церемонии не являются самоцелью; и если из-за человеческой испорченности и пренебрежения простыми заповедями слова Божьего они препятствуют, вместо того чтобы помогать истинному росту души, их следует отбросить; и тот факт, что душа человека в конечном итоге не нуждается абсолютно ни в чем, кроме слова Божьего, пребывающего в ней, придает людям смелости и спокойствия требовать своего преобразования.

Лютер применил эти принципы к реформации Церкви в своей книге “О Вавилонском пленении Церкви” (сентябрь-октябрь 1520 г.). Он подверг тщательной критике сложную систему таинств Церкви и пришел к выводу, что существует только два или, возможно, три библейских таинства — Евхаристия, Крещение и Покаяние. Он осудил доктрину Пресуществления как “чудовищный фантом”, о котором Церковь первых двенадцати веков ничего не знала, и сказал, что любая

попытка определить точный способ Присутствия Христа в таинстве является просто неприличным любопытством. Возможно, самая важная практическая часть книги посвящена теме христианского брака. Ни в одной сфере человеческой жизни Римская церковь не причинила большего вреда, вмешиваясь в простые указания Священного Писания:

Что мы скажем о тех нечестивых человеческих законах, которыми был запутан и опрокинут этот богом установленный образ жизни? Боже милостивый! ужасно смотреть на безрассудство римских тиранов, которые таким образом, согласно своим прихотям, в одно время аннулируют браки, а в другое время принуждают к ним. Неужели человеческая раса отдана на волю их прихотей только для того, чтобы над ней всячески насмехались и оскорбляли, чтобы эти люди могли делать с ней все, что им заблагорассудится, ради своих собственных роковых выгод? ... И что же они продают? Позор мужчин и женщин, товар, достойный этих торговцев, которые своей алчностью и нечестьем превосходят все самое грязное и отвратительное”.

Лютер указывает, что существует четкий библейский закон о степенях, в пределах которых брак является незаконным, и говорит, что никакие человеческие правила не должны запрещать браки вне этих степеней или разрешать их внутри них. Он также приходит к выводу, что развод для мужчин и женщин явно разрешен в Священном Писании; хотя он говорит, что лично он ненавидит развод и “предпочитает ему двоеженство”.

Обращение к христианскому дворянству немецкой нации произвело наибольшее непосредственное впечатление. Оно было написано в спешке, но, должно быть, долго обдумывалось. Лютер начал предисловие 23 июня (1520 г.); книга была готова к середине августа; а к 18-му по всей Германии было распространено четыре тысячи экземпляров, и типографии не могли печатать достаточно быстро, чтобы удовлетворить спрос. Это был призыв ко всей Германии объединиться против Рима.

Оно было благородно всеобъемлющим: оно охватывало всю ситуацию и энергично и ясно суммировало все немецкие жалобы, которые до сих пор излагались отдельно и слабо; оно выдвигало каждое частичное предложение реформы, каким бы неполным оно ни было, и ускоряло его, помещая его на надлежащее место в одной объединенной схеме. Все части были спаяны воедино простой и мужественной верой и ожили благодаря моральной серьезности, которая пронизывала целое.

Лютер нанес прямой удар по воображаемой таинственной полусверхъестественной силе, предположительно принадлежащей Церкви и священству, которая на протяжении столетий веков держала Европу в благоговейном подчинении. Реформа была невозможна, говорилось в обращении, потому что стены, за которыми укрепился Рим, остались стоять — стены из соломы и бумаги, но с виду внушительные. Этими фиктивными укреплениями являются: *духовная власть*, которая, как считается, превосходит светскую власть королей и принцев, концепция, согласно которой *никто не может толковать Священное Писание, кроме Папы*, идея, согласно которой *никто не может созвать Генеральный собор, кроме епископа Рима*. Это три линии укреплений, за которыми укрепилась Римская курия, и немецкий народ долгое время верил, что они неприступны. Лютер принимается за работу, чтобы разрушить их.

Романисты утверждают, что папа, епископы, священники и монахи принадлежат к *духовному сословию* и составляют его, в то время как князья, лорды, ремесленники и крестьяне являются *мирским сословием*, которое подчиняется духовному. Но это *духовное состояние* - всего лишь

иллюзия. Настоящее *духовное состояние* - это все тело верующих в Иисуса Христа, и они духовны, потому что Иисус сделал всех Своих последователей священниками Богу и Своему Христу. Сапожник принадлежит к *духовному сословию* так же верно, как и епископ. Духовенство отличается от мирян не неизгладимым характером, наложенным на них божественным таинством, называемым рукоположением, а тем, что они были отделены для выполнения определенного рода работы в государстве. Если папа римский, епископ, священник или монах пренебрегает своей работой, он заслуживает такого же наказания, как нерадивый каменщик или портной, и несет такую же ответственность перед гражданскими властями. *Духовное священство всех верующих*, дар оправдывающей веры, разрушил первую и самую грозную из этих папских укреплений.

Глупо говорить, что только *папа Римский может толковать Священное Писание*. Если бы это было правдой, то зачем вообще нужны Священные Писания?

Давайте сожжем их и удовлетворимся необразованными джентльменами в Риме, в которых обитает только Святой Дух, который, однако, может обитать только в благочестивых душах. Если бы я не читал этого, я никогда бы не поверил, что дьявол мог совершить такие безумства в Риме и найти последователей”.

Священное Писание открыто для всех и может быть истолковано всеми истинно верующими, которые имеют разум Христа и смиренно подходят к слову Божьему в поисках просветления.

Третья стена падает вместе с двумя другими. Глупо говорить, что *только папа может созвать Собор*. В Священном Писании нас ясно учат, что если наш брат оскорбляет, мы должны сообщить об этом Церкви; и если Папа оскорбляет, а он часто это делает, мы можем повиноваться Писанию, только созвав Собор. Каждый отдельный христианин имеет право сделать все возможное, чтобы его созвали; светские власти существуют для того, чтобы исполнять его желания; Императоры созывали Генеральные Соборы в ранние века Церкви.

Таким образом, убрав соломенные и бумажные стены, Лютер приступает к изложению своего обвинительного заключения. В Риме есть человек, называющий себя наместником Христа и живущий в состоянии удивительного сходства с нашим Господом и святым Петром, Его апостолом. Ибо этот человек носит тройную корону (одной короной он не довольствуется) и поддерживает такое состояние, что ему нужен больший личный доход, чем императору. Его окружает множество людей, называемых кардиналами, единственная очевидная польза от которых заключается в том, что они служат для привлечения к себе доходов богатейших монастырей, пожертвований и бенефиций в Европе и тратят полученные таким образом деньги на поддержание состояния великого монарха в Риме. Когда невозможно конфисковать все доходы церковного бенефиция, Курия объединяет около десяти или двадцати человек и умножает каждый из них на кругленькую сумму в пользу кардинала. Таким образом, приорат Вюрцбурга ежегодно выделяет тысячу гульденов, а Бамберг, Майнц и Трир выплачивают свои квоты. Папский двор огромен — три тысячи папских секретарей и неисчислимое множество прихлебателей; и все они ждут немецких бенефиций, обязанности которых они никогда не выполняют, как волки ждут стадо овец. Германия платит Курии больше, чем своему собственному императору. Тогда посмотрите, как Рим грабит всю германскую землю. Давным-давно император разрешил папе брать половину годового дохода с каждого бенефиция - аннаты — для финансирования войны с турками. Деньги никогда не тратились по назначению;

однако они регулярно выплачивались в течение ста лет, и папа требует их как регулярный и законный налог и использует их для оплаты должностей в Риме.

“Всякий раз, когда возникает какой-либо предлог для борьбы с турками, они рассылают комиссии для сбора денег и часто провозглашают Индальгенции под тем же предлогом.... Они думают, что мы, немцы, всегда будем такими большими дураками, и что мы будем продолжать давать деньги для удовлетворения их невыразимой жадности, хотя мы ясно видим, что ни аннексии, ни поблажки - деньги, ничего — ни единого фартинга — не идут против турок, но все идет в их бездонный мешок ... и все это делается во имя Христа и святого Петра”.

Мошенничество, используемое для получения немецких бенефиций для должностных лиц курии, поборы за выдачу паллия, торговля льготами и разрешениями в обход церковных и моральных законов - все это подробно описано. Самыми бесстыдными являются те, кто связан с браком. Куриальный суд описывается как место, где

где аннулируются обеты; где монаху разрешается покинуть свой монастырь; где священники могут вступить в супружескую жизнь за деньги; где незаконнорожденные дети могут стать законнорожденными, а бесчестие и позор могут привести к высоким почестям, а всякая дурная слава и бесчестие посвящаются в рыцари и облагораживаются; где допускается брак, который находится в запретной степени или имеет какой-либо другой недостаток.... Существует купля-продажа, измена, буйство и торг, обман и ложь, грабеж и воровство, разврат и злодейство, и все виды неуважения к Богу, хуже которого сам антихрист не мог бы царствовать”.

Намеченный план реформы включает в себя: полную отмену власти папы римского над государством; создание национальной немецкой церкви с собственным церковным советом, который будет последней апелляционной инстанцией для Германии и представлять немецкую церковь, как сейм представлял немецкое государство; некоторые внутренние религиозные реформы, такие как ограничение числа паломничеств, которые разрушали мораль и вызывали отвращение к честному труду; сокращение числа нищенствующих орденов и бродяг, которые толпились на дорогах и вызывали скандал в городах.

“Гораздо важнее учитывать то, что необходимо для спасения простых людей, чем то, что делает святой Франциск, или святой Доминик, или святой Августин или любой другой мужчина лег, тем более что все обернулось не так, как они ожидали”.

Он предлагает провести инспекцию всех женских монастырей и разрешить тем, кто недоволен своей монашеской жизнью, вернуться в мир; ограничить церковные святые дни, которые слишком часто представляют собой не что иное, как сцены пьянства, обжорства и разврата; женатое духовенство и положить конец унижительному сожительству немецких священников.

“Мы видим, как пало священство, и сколько бедных священников обременены женщинами и детьми, и их совесть обременена, и никто ничего не делает, чтобы помочь им, хотя им вполне можно было бы помочь.... Я не скрою своего честного совета и не утаю утешения от той несчастной толпы, которая сейчас живет в беде с женой и детьми и остается в стыде с тяжелой совестью, слыша, как их жену называют блудницей священника, а их детей незаконнорожденными.... Я говорю, что эти двое (которые в глубине души стремятся жить вместе в супружеской верности), несомненно, женаты перед Богом”.

Обращение завершается несколькими торжественными словами, обращенными к роскоши и узаконенной безнравственности немецких городов.

Ни одно из сочинений Лютера не произвело такого мгновенного эффекта, как это. Это была не первая программа, призывающая к совместным действиям в интересах объединенной Германии, но она была наиболее полной и была признана таковой всеми, кто работал над созданием Германии для немцев.

Три “Трактата о реформации” были изложением дела Лютера перед народом Отечества и были очень эффективным противоядием от папской буллы об отлучении его от церкви, которая была готова к публикации в Германии.

§ 5. Папская булла.

Бык, Exurge Domine, едва ли был достоин такого случая. Папа, похоже, оставил его строительство в руках Приериаса, Каэтана и Эка, и содержание, похоже, показывает, что Эк сыграл наибольшую роль в его создании. Многое из этого перекликается с заявлениями Эка, сделанными в Лейпциге годом ранее. Оно начиналось патетически: “Восстань, Господи, отстаивай Свое собственное дело; вспомни, как глупец ежедневно поносит Тебя; лисы опустошают Твой виноградник, который Ты отдал Своему викарию Питеру; кабан из леса опустошает его, и дикий зверь в поле пожирает его”. Вывают к Святому Петру, и подробно описывается огорчение папы при известии о злодеяниях Лютера. Самое тревожное заключается в том, что ошибки греков и богемцев возрождались, причем в Германии, которая до сих пор была так верна Святому Престолу. Затем последовало сорок одно предложение, якобы принадлежащее Лютеру, которое было осуждено как “еретическое или скандальное, или ложное, или оскорбительное для благочестивых ушей, или соблазняющее простые умы, и стоящее на пути католической веры”.¹⁷² Всем верующим людям было приказано сжечь книги Лютера везде, где они могли их найти. Сам Лютер отказался приехать в Рим и подчиниться наставлениям; он даже обратился к Генеральному собору вопреки указам Юлия II. и Пий II.; поэтому ему запретили проповедовать; ему и всем, кто последовал за ним, было приказано публично отречься в течение шестидесяти дней; если они этого не сделают, с ними будут обращаться как с еретиками, они будут схвачены и заключены в тюрьму магистратами, а на все города или районы, которые их приютили, будет наложен интердикт.

Среди сорока одного осужденного утверждения было одно - что сожжение еретиков было грехом против Духа Христа, — которому папа, по-видимому, придавал особое значение, так часто он повторял это в письмах курфюрсту Фридриху и другим властям Германии. Остальные можно разделить на четыре категории: против мнений Лютера об индульгенциях; его заявлений о Чистилище; его заявлений о том, что действительность таинств зависела от духовного состояния тех, кто их получал; что покаяние было внешним признаком скорби и что добрые дела (церковные и моральные) следует рассматривать как признаки веры, а не как то, что делает людей действительно праведными; его отрицание более поздних *куриальных* утверждений о природе папской монархии над Церковью. Мнения Лютера по всем этим пунктам могли быть подтверждены многочисленными свидетельствами из ранних эпох Церкви, и большая часть его критических замечаний была направлена против теорий, которые не были представлены ранее середины XIII века. Булла не пыталась спорить об истинности позиций, занятых в ее

предложениях. Не было сделано ничего, чтобы показать, что мнения Лютера были неправильными. Единственной доминирующей нотой, пронизывающей все папское освобождение, было простое утверждение права папы приказать прекратить любую дискуссию по его приказу.

Это не помогло привлечь внимание народа Германии к Быку и было особенно неподходящим для эпохи беспокойной умственной деятельности. Метод, принятый для его публикации в Германии, был еще менее рассчитан на то, чтобы завоевать уважение к его решениям. Издание было поручено Джону Эку из Ингольштадта, который был повсеместно признан личным врагом Лютера; и ему была предоставлена доселе неслыханная свобода вставлять по своему усмотрению имена определенного числа лиц и вызывать их предстать перед Римской курией. Он показал, насколько непригоден для этой ответственной задачи, вставив имена людей, которые критиковали или высмеивали его, — Адельмана, Пиркхаймера, Карлштадта и трех других.¹⁷³

Эк обнаружил, что гораздо проще получить разрешение Римской курии на публикацию Буллы против человека, который прекратил продажу индульгенций и иссушил огромный источник дохода, чем опубликовать Буллу в Германии. В Риме считалось, что нет человека, обладающего большим влиянием среди епископов и университетов, но Курия вскоре поняла, что допустила ошибку. Университеты отстаивали свои привилегии и не хотели иметь ничего общего с Джоном Эком. Епископы выдвигали всевозможные технические возражения. Многие люди притворялись, что Булла не была подлинной; и сам Лютер не побрезговал использовать эту фразу в своем трактате против Отвратительной Буллы Антихриста. Эк, приехавший в Германию, раздутый тщеславием, обнаружил, что над ним насмеются и презирают. Пиркхаймер окрестил его геобелтер Эк, Эк с раздутой головой, и эпитет прижился. Публикация также не стала легче, когда больше нельзя было делать вид, что она не соответствует действительности. Университет Виттенберга отказался опубликовать Буллу на том основании, что папа Римский не разрешил бы ее издание, если бы знал истинное положение дел, и они обвинили Экка в дезинформации Его Святейшества: избирательный совет Саксонии согласился с Сенатом; и их действия получили всеобщую оценку. Спалатин сказал, что он видел по меньшей мере тридцать писем от великих князей и ученых мужей из всех районов Германии, от Померании до Швейцарии и от Брайсгау до Богемии, призывающих Лютера твердо стоять на своем. Экк умолял епископов окружающих Виттенберг епархий — Мерзебурга, Мейсена и Бранденбурга — опубликовать Буллу. Они либо не хотели, либо были бессильны.

Лютер ожидал Буллы против себя еще со времен Лейпцигского диспута. Его переписка показывает, что он встретил ее без колебаний. Какой вред могла нанести папская булла человеку, вера которого дала ему общение с Богом? Какая правда могла быть в Булле, которая явно противоречила Священному Писанию? Святой Павел предостерегал нас от веры ангелу с небес, если он произносит слова, отличные от Священного Писания, которое является нашей силой и нашим утешением; почему мы должны возлагать нашу веру на папу или Собор? Бык сделал для него одно: он отлучил его от церкви и, следовательно, освободил от монашеских обетов. Он мог покинуть монастырь, когда хотел, но не захотел этого сделать. Когда он услышал, что его труды были сожжены как еретические по приказу папских легатов, он решил отомстить. Это не было внезапным решением. Одиннадцатью месяцами ранее (январь 1520 г.) он заверил Спалатина, что, если Рим осудит и сожжет его труды, он осудит и сожжет папские декретные законы. 10 декабря (1520 г.) он вывесил объявление, приглашающее студентов Виттенберга

стать свидетелями сожжения папских конституций и книг схоластического богословия в девять часов утра.¹⁷⁴ Множество студентов, бюргеров и профессоров собрались на открытом пространстве за Эльстерскими воротами между крепостными стенами и рекой Эльба. Был разведен большой костер. На этом месте до сих пор стоит посаженный давным-давно дуб. Один из профессоров разжег стопку; Лютер положил книги Декреталий на пылающую массу, и они занялись пламенем; затем среди торжественного молчания он положил в огонь экземпляр Буллы, сказав по-латыни: *Как ты погубил беспокойством Святейшего Божьего, так да погубит тебя вечный огонь* (Quia tu conturbasti Sanctum Domini, ideoque te conturbet ignis eternus). Он подождал, пока бумага сгорела, а затем вместе со своими друзьями и коллегами-профессорами вернулся в город. Несколько сотен студентов остались стоять вокруг костра. На какое-то время торжественность события отрезвила их, и они спели "Te Deum". Тогда ими овладел озорной дух, и они начали петь зауспокойные песни в честь сожженных Декреталий. Они раздобыли крестьянскую телегу, закрепили в ней шест, на который повесили шестифутовое знамя с изображением Быка, нагрузили маленькую тележку книгами Экка, Эмсера и других римских полемистов, протащили ее по улицам и вывезли через Эльстерские ворота, и, бросив книги и Быка на тлеющие угли костра, сожгли их. Снова протрезвев, они спели "Te Deum" и, наконец, разошлись.

Нам, живущим в двадцатом веке, едва ли возможно представить, какой трепет охватил Германию, да и всю Европу, когда разнеслась весть о том, что бедный монах сжег Буллу папы римского. Папские буллы сжигались еще до Лютера, но поджигателями были по большей части могущественные монархи. На этот раз это сделал монах, которого поддерживала только его мужественная вера. Это означало, что индивидуальная душа открыла свою истинную ценность. Если эпохи можно датировать, современная история началась 10 декабря 1520 года.

§ 6. Лютер, представитель Германии.

До сих пор мы следили исключительно за личной карьерой Лютера. Возможно, было бы неплохо ненадолго отвлечься в сторону, чтобы увидеть, как вокруг него собирались симпатии многих классов народа.

Представители иностранных государств, присутствовавшие на сейме в Вормсе, Англии, Испании и Венеции, все писали домой своим соответствующим правительствам о необычайной популярности, которой Лютер пользовался почти среди всех слоев своих соотечественников; и, как мы увидим, депеши Алеандра, папского нунция на сейме, полны заявлений и жалоб, подтверждающих эти сообщения. Эта популярность росла с 1517 года, и есть следы того, что несколькими годами ранее многих вдумчивых людей привлекал Лютер. Отчеты о беседе Лютера с кардиналом Каэтано в Аугсбурге и его позиция на диспуте в Лейпциге дали большой импульс тому почитанию, с которым люди относились к нему; но само почитание незаметно росло, если не считать каких-либо ярких инцидентов в его карьере. Доказательства того, что следует далее, были собраны главным образом из той частной переписки, которая дошла до нас; и наибольшее внимание уделялось письмам, которые не были адресованы Лютеру и которые никогда не предназначались для того, чтобы он их видел. Мужчины писали друг другу о нем и описывали впечатление, которое он производил на них самих и на ближайший круг их знакомых. Из таких писем мы узнаем не только о факте уважения, но и о том, какие качества в человеке вызвали его.¹⁷⁵

Большая часть свидетельств исходит из переписки образованных людей, которые, если и не были строго так называемыми гуманистами, принадлежали к тому растущему классу, на которых Новое Образование произвело большое впечатление и выработало характерный склад ума, присущий его обладателям. Отношение и работа Эразма подготовили их к тому, чтобы ценить Лютера. Монашеские противники великого гуманиста были совершенно правы, когда опасались последствий его революционного образа мыслей, как бы они ни сопровождались призывами против любых революционных действий. Он изложил свое представление о том, какой должна быть личная религиозная жизнь в своем “Энхиридионе”; он разоблачил смешение иудаизма и язычества значительной части популярной религии; он высмеял незначительные тонкости схоластического богословия и призвал людей вернуться к простой “христианской философии”; прежде всего, он настаивал на том, что христианство может обновить свою молодость, только вернувшись к изучению Священного Писания, и особенно Нового Завета; и он помог своим современникам совершить это возвращение своим изданием Нового Завета, и его усилиями сделать доступными для них труды более ранних Отцов Церкви. Его последователи-гуманисты в Германии верили, что они видели в Лютере человека, который делал то, к чему их лидер призывал всех людей. Они видели в Лютере Эразма, который стремился к корню вещей. Он со все возрастающей решимостью отвергал сбивающие с толку софизмы схоластики, и, более того, он показывал, как много из них возникло, превознося авторитет язычника Аристотеля над авторитетом святого Павла и св. Августин. Он кропотливо изучал этих схоластов и мог авторитетно говорить по этому вопросу; ибо он был образованным богословом. Отчеты о его лекциях, которые распространялись по всей Германии, информировали их о том, что он основывал свое учение на простом изложении Священного Писания в версии Вульгаты, которая была санкционирована средневековой церковью. Он бунтовал, и бунтовал все больше, против тех злоупотреблений в обычной религиозной жизни, которые поощрялись Римской курией из низменных побуждений, — злоупотреблений, которые Эразм пронзал насквозь легкими стрелами своего сарказма; и Лютер знал, в отличие от Эразма, о чем тот говорил, ибо он отдался этой популярной религии и отчаянно искал в ней средства примирения с Богом, но безуспешно в своих поисках. Они видели, как он настаивал с упорством, которого не проявлял ни один гуманист, на гуманистическом требовании о том, что каждый человек имеет право оставаться верным своим личным добросовестным убеждениям. Если некоторые из них, подобно Эразму, несмотря на свое презрение к монашеству, все еще верили, что высшим типом религиозной жизни является искренний самоотверженный францисканский монах, они видели свой идеал в августинском отшельнике, чья жизнь никогда не была запятнана никаким монашеским скандалом, и который был провозглашен своими братьями-монахами образцом личной святости. Они были уверены, что когда он героически боролся за свободу религиозной жизни, его мужество, которому они не могли подражать, основывалось на глубине и силе личного благочестия, которыми, по их печальному признанию, они сами не обладали. Если они иногда жаловались, что Лютер слишком резко высказывался против папы Римского, они признавали, что в своих нападках он обращался к корню вещей. Все дальновидные люди понимали, что *одним* препятствием на пути реформы была теория папской монархии, которая была кропотливо сконструирована итальянскими канонистами после провала соборной реформы, - теория, которая бросала вызов старой средневековой церковной традиции и противоречила торжественным решениям великих немецких соборов в Констанце и Базеле. Нападки Лютера на папство были не сильнее, чем у Жерсона и д'Айи, и его язык был не более грубым, чем у их общего учителя, Уильяма Оккама. В те ранние дни ничто не мешало людям, которые были искренне привязаны к средневековой церкви, ее более древней теологии

и обрядам, сплотиться вокруг Лютера. Когда марши стали красными, и зарождение протестантской церкви столкнулось со средневековьем, ситуация изменилась. Многие, кто с энтузиазмом поддерживал Лютера, покинули его.

Конрад Мутианус, каноник Готский и ветеран-лидер эрфуртского кружка гуманистов, восхищенно писал об оригинальности проповедей Лютера еще в 1515 году. Он аплодировал позиции, которую тот занял в Лейпциге, и называл его *Martinum, Deo devotissimum doctorem*. Его последователи больше не довольствовались изучением классических авторов. Эобанус Гессус, коронованный "король-поэт" Германии, отказался от своего Горация ради Энхиридиона Эразма и Священного Писания. Юстус Йонас (Йодокус Кох из Нордлингена) оставил классический греческий, чтобы заняться Посланиями к Коринфянам. Злобный сатирик Кьюриций Кордус обратился к Новому Завету. Они сделали это из восхищения Эразмом, "их отцом во Христе". Но когда появился Лютер, когда они прочитали его брошюры, распространявшиеся по Германии, когда они шаг за шагом следили за его карьерой, они попали под влияние новых чар. Эразмичи, выражаясь словами того времени, уменьшились, а мартиниани увеличились в количестве. Один из старого эрфуртского кружка, Йоханнес Кротус Рубеанус, был в Риме. Его письма, которыми обменивались его друзья, произвели на них немалое впечатление. Он сообщил им, что живет в центре очага чумы в Европе. Он поносил Курию как лишенную всякой моральной совести. "Папа и его вороны-падальщики" сидели довольные, пресыщенные страданиями Церкви. Когда Кротус получил из Германии копии трудов Лютера, он тайно раздал их своим итальянским друзьям и собрал их мнения для передачи в Германию. На всех них слова Лютера произвели сочувственное впечатление, но они жалели его как человека, идущего по очень опасному пути; никакая настоящая реформа была невозможна без разрушения всей куриальной системы, а это было слишком мощно, чтобы любой человек мог с этим бороться. И все же Лютер был героем; он был *Pater Patriae* Германии; его соотечественникам следовало бы воздвигнуть золотую статую в его честь; они желали ему счастливого пути. Когда Кротус вернулся в Германию и ближе познакомился с творчеством Лютера, его еще больше потянуло к Реформатору, и он с энтузиазмом писал своим друзьям, что Лютер был личным откровением Христа в наше время. Итак, мы видим, как эти гуманисты заявляют, что Лютер был святым Павлом того времени, современным Геркулесом, Ахиллесом шестнадцатого века.

Ни один гуманистический кружок не оказывал Лютеру такой восторженной поддержки, как кружок в Нюрнберге. Почва была подготовлена несколькими пылкими поклонниками Штаупица, во главе которых стоял Вацлав Линк, приор августинцев-отшельников в Нюрнберге и знаменитый проповедник. Они научились у Штаупица тому смешению теологии Августина с поздним немецким мистицизмом, которое было характерно для этого человека, и это подготовило их к более глубокому экспериментальному учению Лютера. Среди этих нюрнбергских гуманистов был Кристофер Шерл, юрист, лично знакомый с Лютером и Эком. Недолгая дружба между двумя антагонистами была завязана Шерлом, чья переписка с Лютером началась в 1516 году. Шерл был убежден, что дело Лютера было "делом Божьим". Он сказал об этом Эку. Он писал ему (18 февраля 1519 г.), что все наиболее духовно настроенные священнослужители, которых он знал, были преданы Лютеру; что "они слетались к нему плотными отрядами, как скворцы"; что их глубочайшие симпатии были с ним; и что они признавались, что их самые святые желания были вызваны его писаниями. Альберт Дюрер

выразил свое восхищение, нарисовав Лютера в образе святого Иоанна, любимого ученика Господа. Каспар Нютцель, один из самых высокопоставленных чиновников города, счел за честь перевести Девяносто пять тезисов Лютера на немецкий. Лазарус Шпренгель с удовольствием рассказывал своим друзьям, как трактаты и проповеди Лютера возвращали к живому христианству многих его знакомых, которые были сбиты с толку и отошли от веры банальностями, обычными в обычных проповедях. Подобный энтузиазм проявился в Аугсбурге и других городах. После Лейпцигского диспута великий печатник из Базеля Фробениус стал горячим поклонником Лютера; перепечатал большую часть его трудов и разослал их в Швейцарию, Францию, Нидерланды, Италию, Англию и Испанию. Он с удовольствием рассказал о благосклонном приеме, который они встретили в этих зарубежных странах, — как их приветствовал Лефевр во Франции и как швейцарский кардинал фон Ситтен сказал, что Лютер заслуживает всяческих почестей, ибо он говорил правду, которую не могли опровергнуть никакие специальные ходатайства Экк. Выдающийся юрист Ульрих Засиус из Фрейбурга сказал, что Лютер был “воплощенным ангелом”, и хотя он осудил его резкие высказывания в адрес папы Римского, он назвал его “Фениксом среди христианских богословов”, “цветком христианского мира” и “орудием Бога”. Засиус был человеком, все религиозные симпатии которого принадлежали средневековой концепции Церкви, и все же он говорил о Лютере именно так.

Возможно, нам сейчас трудно понять состояние умов, которые стремились к новому и в то же время цеплялись за старое, что заставило две нюрнбергские семьи, Эбнеров и Нютцлеров, приправлять церемонии семейного собрания в честь принятия пострига их дочерьми хвалебными речами Лютеру и его трудам. И все же это было доминирующей нотой в подавляющем большинстве сторонников Лютера в те ранние годы.

Люди, которые не испытывали особого восхищения лично перед Лютером, не хотели видеть, как Римская курия сокрушит его простым весом авторитета. Даже герцог Георг Саксонский, который на Диспуте в Лейпциге назвал Лютера заразой, был на мгновение восхищен Обращением к христианской знати немецкой нации и не имел большого желания публиковать Буллу в своих владениях; а его личный секретарь и капеллан Джером Эмсер, хотя и был личным врагом, который никогда не упускал возможности полемизировать с Лютером, тем не менее надеялся, что он сможет стать инструментом проведения реформации в Церкви. Якоб Вимфелинг из Страсбурга, убежденный медиевист, не проявлявший симпатий к Рейхлину, и его друг Кристофер из Утенхайма, епископ Базеля, надеялись, что движение, начатое Лютером, может привести к той средневековой реформации Церкви, которой они оба искренне желали.

Возможно, никто лучше не отражал позицию подавляющего большинства сторонников Лютера в период с 1517 по 1521 год, чем принц, которого по праву называют защитником Лютера, Фридрих курфюрст Саксонии. Это большая, хотя и распространенная ошибка - предполагать, что Фридрих разделял те взгляды Лютера, которые впоследствии превратились в лютеранское богословие. Его брат Джон и в еще большей степени его племянник Джон Фредерик были убежденными лютеранами в богословском смысле; но нет никаких свидетельств того, что Фредерик когда-либо был лютеранином.

У Фридриха никогда не было никаких близких личных отношений с Лютером. По просьбе Спалатина он оплатил расходы на *повышение* Лютера до степени доктора Священного

Писания; он, конечно, согласился с его назначением преемником Спалатина на посту профессора теологии; и он, должно быть, остро ценил то, каким образом работа Лютера постепенно подняла маленький и приходящий в упадок университет до того положения, которое он занимал в 1517 году. Между Лютером и Фредериком состоялся обмен несколькими письмами, но нет никаких свидетельств того, что они когда-либо встречались в беседе; также нет никаких свидетельств того, что Фредерик когда-либо слышал проповедь Лютера. Умирая, он попросил Лютера прийти и навестить его; но Реформатор был далеко, пытаясь отговорить крестьян от восстания, и когда он добрался до дворца, его старый защитник испустил дух.

Курфюрст был набожным человеком по средневековым меркам. Свои первые прочные религиозные впечатления он получил от общения с монахами-отшельниками-августинцами, когда был мальчиком в школе в Гримме, и всю свою жизнь поддерживал самые тесные отношения с Орденом. Он высоко ценил все внешние средства к религиозной жизни, которые предоставляла средневековая церковь. Он верил в ценность паломничеств и реликвий. Он совершил паломничество в Святую Землю и привез оттуда великое множество реликвий, которые поместил в церкви Всех Святых в Виттенберге, и у него были агенты в Венеции и других средиземноморских портах, которым было поручено добыть другие реликвии для его коллекции. Он продолжал покупать их вплоть до 1523 года. Он верил в Индульгенции старого типа, — Индульгенции, которые полностью или частично освобождали *отудовлетворений*, навязанных церковью, - и он раздобыл две из них для использования в Саксонии. Один из них служил пожертвованием на содержание его моста в Торгау, и он однажды поручил Тецелю проповедовать о его достоинствах; другой предназначался для оказания помощи паломникам, которые посещали его коллекцию реликвий и поклонялись ей в День всех святых. Но ясно, что ему не нравились Индульгенции того рода, против которых выступал Лютер, и он мало верил в добросовестность Римской курии. Он предотвратил вывоз из страны денег, собранных за одну полную индульгенцию, и запретил Тецелю проповедовать последнюю индульгенцию на своей территории. В этом вопросе все его симпатии были на стороне Лютера. Он был уважаемым покровителем благочестивого общества под названием "Шиффляйн святой Урсулы". Он регулярно ходил к мессе, и его посещения стали частыми, когда он пребывал в состоянии нерешительности или замешательства. Когда он был в Кельне (ноябрь 1520 г.), осажденный папскими нунциями, чтобы убедить его разрешить публикацию Буллы против Лютера на его землях, Спалатин отметил, что он ходил к мессе три раза за один день. Его благоговение перед Священным Писанием, должно быть, создало узы симпатии между ним и Лютером. Он беседовал со своим личным секретарем о несравненном величии и силе слова Божьего и противопоставлял его возвышенность софистике и тривиальности тогдашнего богословия. Он твердо придерживался традиционной политики своего Дома по обеспечению эффективности решений Констанцского и Базельского соборов в Электоральной Саксонии, несмотря на протесты курии и высших духовных лиц, и привык считать себя ответственным как за церковное, так и за гражданское управление своими землями. Алеандр считал мастерским политическим ходом организовать сожжение книг Лютера в Кельне, пока курфюрст находился в городе. Фридрих расценил этот поступок лишь как мелкое оскорбление самому себе. Он был убежденным поборником прав и свобод немецкой нации и помнил, что по старому конкордату, соблюдать который клялся каждый император, каждый немец имел право обратиться к Генеральному совету и не мог быть осужден без справедливого судебного разбирательства; и эта Булла сделала обращение Лютера к Совету одной из причин его осуждения. Итак, несмотря на "золотую розу" и другие уговоры, несмотря на угрозы, что он может быть включен в список

отлученных от церкви его подданных и что привилегии его университета могут быть лишены, он был тверд и не отказался от своей защиты со стороны Лютера. Он был благочестивым немецким принцем старомодного типа, не питавшим особой любви к итальянцам, и не собиравший поддаваться запугиванию со стороны папских нунциев. Его отношение к Лютеру очень точно отражает отношение огромной массы немецкого народа накануне Вормсской диеты.

Глава III. Диета червей.176

§ 1. Римский нунций Алеандр.

Рим сделал все возможное, чтобы избавиться от Лютера с помощью церковных мер, но потерпел неудачу. Если он должен был быть свергнут, если новое религиозное движение и сопровождавшее его национальное восстание должны были быть подавлены, это могло быть сделано только с помощью высшей светской власти. Курия повернулась к императору.

Максимилиан скорпостижно скончался 12 января 1519 года. После нескольких интриг, папская дипломатия была очень извилистой, его внук Карл, молодой король Испании, был единогласно избран его преемником (28 июня 1519 года). Неприятности в Испании помешали ему немедленно покинуть эту страну, чтобы вступить во владение своим новым саном. Он был коронован в Ахене 23 октября 1520 года и открыл свой первый немецкий сейм 22 января 1521 года в Вормсе.

Папа выбрал двух посланников для обслуживания молодого императора: протонотария Марино Караччоли (1469-1530), которому были поручены обычные дипломатические дела, и Джерома Алеандра, директора библиотеки Ватикана, который был назначен обеспечить объявление Лютера вне закона.

Римская курия имела в лице Алеандра одного из самых дальновидных, смелых и неутомимых дипломатов. Он был итальянцем, родился в семье бюргера в маленьком венецианском городке Мотта (1480-1542), получил образование в Падуе и Венеции; он начал жизнь гуманистом, с отличием читал лекции по греческому языку в Париже и был лично знаком со многими немецкими гуманистами, которые не могли простить “предателя”, покинувшего их ряды, чтобы служить мракобесной партии. Его графические письма, полные мельчайших деталей, отражают надежды и страхи папской дипломатии. Читатель держит руку на пульсе этих важных уст. Легат находился в стране, где “каждый камень и каждое дерево взывали: ‘Лютер’”. Домовладельцы отказали ему в жилье. В эти зимние месяцы ему приходилось дрожать на чердаке без печи. Вонь и грязь в доме были хуже, чем холод. Когда он появлялся на улицах, то видел хмурые лица, руки внезапно тянулись к рукояткам мечей, слышал проклятия, выкрикиваемые ему вслед.

Привратник-лютеранец ударил его в грудь, когда он пытался добиться аудиенции у курфюрста Саксонии, и никто в толпе не вмешался, чтобы защитить его. Он видел карикатуры на самого себя, подвешенного головой вниз к виселице. Он получил старые смертоносные немецкие письма о вражде от Ульриха фон Гуттена, который находился в безопасности в соседнем замке Эбернберг, примерно в дне езды верхом.¹⁷⁷ У имперских советников, которым он пожаловался, не было ни людей, ни средств, чтобы защитить его. Когда он попытался опубликовать ответы на нападки на папство, которыми изобиловали лютеранские издания, он едва смог найти печатника; а когда ему это удалось, синдикаты скупили его брошюры и уничтожили их. Шли недели, и он начал понимать, что есть только один человек, на которого он может положиться — молодой император, которого все, кроме него самого, считали марионеткой в руках своих советников, которого папа Лев назвал “хорошим ребенком”, но которого Алеандр после своей первой беседы в Антверпене счел наделенным “благоразумием, далеко не свойственным его годам”, и у которого “на затылке гораздо больше, чем на лице”. Он также пришел к убеждению, что единственным человеком, которого следует опасаться, был старый курфюрст Саксонии, “этот василиск”, эта “немецкая лисица”, этот “сурок с собачьими глазами, который искоса поглядывал на своих собеседников”.

Алеандр был чистым мирянином, человеком безразличных нравов, проявлявшим следы хладнокровной жестокости (например, когда он убил пятерых крестьян из-за потери одной из своих собак или пытался отравить Эразма). Он верил, что у каждого человека есть своя цена и что следует считаться только с низкими и эгоистичными мотивами. Но он выполнял работу курии в Вормсе с тщательностью, заслужившей награды, которую он впоследствии получил.¹⁷⁸ У него были шпионы повсюду — во дворах императора и ведущих князей, а также среди населения Вормса. Он без колебаний лгал, когда считал это полезным для “веры”, как он откровенно рассказывает.¹⁷⁹ Курия возложила на него трудную задачу. Он должен был убедиться, что Лютер был немедленно и неуслышанно изгнан Империей. Булла осудила его: светской власти ничего не оставалось, как привести приговор в исполнение. Алеандру не составило особого труда убедить императора следовать этим курсом в пределах его наследственных владений. Был издан эдикт, предписывающий сжечь книги Лютера, и легат имел удовольствие председательствовать на нескольких литературных аутодафе в Антверпене и других местах. Он также добился успеха у некоторых духовных князей Германии.¹⁸⁰ Но добиться этого в Вормсе было невозможно. В противном случае обязанностью Алеандра было позаботиться о том, чтобы дело Лютера рассматривалось отдельно от вопроса о национальных претензиях Германии к папству, и что, если окажется невозможным помешать Лютеру предстать перед Сеймом, он должен быть вызван туда просто с целью публичного отречения. С помощью императора он добился большого успеха.¹⁸¹

§ 2. Император Карл v.

Алеандр не был настоящим противником Лютера в Вормсе; он не был достоин этого имени. Германский сейм был ареной борьбы религий; и человеком веры на стороне средневековья был молодой император. Он представлял верующее прошлое, как Лютер представлял верующее будущее.¹⁸² “То, что мои предки установили на Констанцском и других соборах, — сказал он, — я имею честь отстаивать. Один-единственный монах, введенный в заблуждение частным суждением, выступил против веры, которой придерживались все христиане на протяжении

тысячи лет и более, и дерзко заключает, что все христиане до сих пор заблуждались. Поэтому я решил поставить на карту этого дела все мои владения, моих друзей, мое тело и мою кровь, мою жизнь и душу”.¹⁸³ Кризис не настиг его внезапно. Еще 12 мая 1520 года Хуан Мануэль, его посол в Риме, написал ему письмо с просьбой обратить некоторое внимание на “некоего Мартина Лютера, который принадлежит к последователям курфюрста Саксонии”, и чьи проповеди вызывали некоторое недовольство Римской курии. Мануэль считал, что Лютер мог бы оказаться полезным в дипломатическом споре с курией.¹⁸⁴ У Карла было время обдумать этот вопрос в своей серьезной, сдержанной манере; и к такому решению он пришел. Декларация была тем более запоминающейся, если вспомнить, что Карл был обязан своим избранием тому растущему чувству национальности, которое поддерживало Лютера,¹⁸⁵ и что он должен был убедиться в помощи Германии в его предстоящей борьбе с Франциском I. Некая мрачная реальность таилась в этих словах о том, что он был готов поставить свои владения на карту ради дела, которое он избрал. Многие можно сказать в пользу мнения, что “лютеранский вопрос сделал из мальчика-правителя мужчину”.¹⁸⁶

С другой стороны, хорошо помнить, что молодой император не принимал сторону папы и не придерживался идей Курии об абсолютном характере папского верховенства. Он подчеркивал единство католической (средневековой) церкви, преемственность ее обрядов и необходимость поддержания ее авторитета; но резиденцией этого авторитета для него был Генеральный совет. Декларация никоим образом не противоречит изменениям в политике империи, которые можно проследить в первые недели работы сейма, а также тем будущим действиям, которые привели к разграблению Рима и Временному Аугсбургскому перевороту (1548). Вполне возможно, что молодой правитель читал более ранние труды Лютера и восхищался ими, и что он рассчитывал на него как на помощь в приведении Церкви в лучшее состояние. Более чем вероятно, что он уже тогда считал своим долгом освободить Церковь от многочисленных злоупотреблений;¹⁸⁷ но яростные нападки Лютера на папу вызвали у него отвращение, а реформация, исходившая от народа, угрожала как светской, так и церковной власти. Он решил, что Лютер должен быть осужден, и сказал немецким князьям, что ни на йоту не изменит своего решения. Но это не помешало ему использовать Лютера для продолжения своих дипломатических отношений с папой и получения уступок от курии. Во-первых, папа вмешивался в деятельность инквизиции в Испании, пытаясь смягчить ее суровость; и Карл, как и его дед по материнской линии, Фердинанд Арагонский, верил, что Святая канцелярия помогает обуздать свободолюбивый народ Испании, и не желал, чтобы его орудие наказания стало менее эффективным. Во-вторых, было очевидно, что Франциск I. собирался вторгнуться в Италию, и Карл хотел, чтобы папа встал на его сторону. Если папа уступит ему по обоим этим пунктам, он был готов выполнить его пожелания относительно Лютера, насколько это было возможно.¹⁸⁸

§ 3. В городе Вормс.

Город Вормс был переполнен людьми самых разных мнений и самых разных национальностей. Первый сейм юного императора (Карлу едва исполнился двадцать один год), от которого мужчины всех партий ожидали так много, собрал гораздо большее количество людей, чем обычно присутствовало на этих собраниях. На повестке дня стояли важные вопросы, затрагивающие всю Германию. Существовал старый конституционный вопрос о монархии или олигархии, унаследованный от сеймов Максимилиана; любопытство увидеть, будет ли новый

правитель ставить перед сословиями истинно имперскую политику или, подобно своим предшественникам, он подчинит национальную политику династическим соображениям; депутаты от городов стремились обеспечить принятие определенных мер для прекращения частных войн, которые мешали торговле; все классы стремились обеспечить эффективное центральное правительство на время отсутствия императора в Германии; местные государственные деятели чувствовали необходимость положить конец постоянным спорам между церковной и светской властью. внутри Германии; но самой сложной проблемой из всех, о которой думал, говорил, спорил каждый человек, была: “Обратить внимание на книги и описания, сделанные монахом Мартином Лютером против Римского двора”.¹⁸⁹ Толпы, собравшиеся в Вормсе, волновали другие волнующие вопросы, помимо тех, которые были упомянуты в *повестке дня* сейма. Люди говорили о необходимости положить конец папским поборам, которые отнимали у Германии деньги, и воздух был полон слухов о том, что могут предпринять Зикинген и рыцари, и о том, будет ли еще одно крестьянское восстание. Инстинктивно чувствовалось, что эти вопросы связаны друг с другом, и каждый из них имел особую важность из-за того, как он был связан с религиозными и социальными проблемами того времени. Для народа Германии и для иностранных представителей, собравшихся вместе в Вормсе, бесспорно, что лютеранское движение и то, как с ним следовало бороться, было высшей проблемой момента. Все это вместе взятое собралось в Вормсе такое количество людей, какого не было ни в одном немецком городе со времен заседания Генерального совета в Констанце в 1414 году.

Вормс был одним из старейших городов Германии. Его жители были беспокойными, отстаивали свои права как жители свободного имперского города и находились в постоянной вражде со своим епископом. Они пережили множество интердиктов, были яростными антиклерикальными и, по мнению одного человека, были на стороне Лютера. Многолюдные улицы были заполнены принцами, их советниками и их свитой; высшими церковными сановниками и сопровождающим их духовенством; дворянами и их “всадниками”; ландскнехтами, ремесленниками и крестьянами. Можно было видеть, как испанские, французские и итальянские купцы, возвращаясь домой с франкфуртской ярмарки, обсуждали последнюю фазу лютеранского вопроса, а испанская знать и испанские купцы не раз вступали в драку на узких улочках. Все иностранные купцы, особенно испанцы, казалось, встали на сторону лютеран; не потому, что они проявляли большой интерес к доктринам, а потому, что чувствовали себя обязанными заступиться за человека, который осмелился сказать, что никто не должен быть сожжен за свои взгляды. Эти испанские купцы сделали себя очень известными. Они объединились в синдикаты с более яркими немецкими сторонниками Лютера, чтобы скупать и уничтожать папские брошюры; они покупали труды Лютера, чтобы унести домой. Алеандр проклинает этих марранов,¹⁹⁰ как он их называет, и сообщает, что они переводят труды Лютера на испанский. Вполне вероятно, что во многих из них текла мавританская кровь, и они познали ужасы инквизиции. Шпионы Алеандра донесли ему, что карикатуры на него самого и других видных папалистов продавались повсюду, и что фотографии Лютера с Голубем, парящим над его головой, Лютера с головой, увенчанной нимбом из лучей, Лютера и Хаттена,¹⁹¹ один с Библией, а другой с мечом, охотно покупались на улицах. Эти картины действительно продавались во дворах и комнатах епископского дворца, где проживал император. На ступенях церквей, у дверей общественных зданий торговцы предлагали нетерпеливым покупателям трактаты Лютера против папы Римского и сатиры Ульриха фон Гуттена на латыни и немецком. На

улицах и на открытых площадках, таких как Рынок, толпы увлеченных диспутантов спорили об учении Лютера и восхваляли его самыми преувеличенными способами.

Внутри Коллегии выборщиков мнения разделились. Архиепископ Кельнский, курфюрст Бранденбургский и его брат, архиепископ Майнцский, выступали за осуждение Лютера, в то время как курфюрст Саксонии имел большое влияние на архиепископа Трирского и графа Палатинского Рейнского. Последний, по словам Алеандра, в течение года почти не открывал рта, но теперь “ревел как десять быков” в защиту Лютера. 13 февраля у Алеандра была первая возможность выступить перед сеймом. Он говорил три часа и произвел сильное впечатление. Он подробно остановился на доктринальных ошибках Лютера, которые, по его словам, были ошибками вальденсов, Виклифа и гуситов. Он сказал, что Лютер отрицал Присутствие Христа на Святой Вечере и что он был вторым Арием.¹⁹² В последующие дни члены Сейма пришли к общему пониманию. Они представили памятную записку на немецком языке (19 февраля) императору, в которой напомнили ему, что ни один императорский указ против Лютера не может быть опубликован без их согласия, и что сделать это до слушания дела Лютера приведет к кровопролитию; они предложили пригласить Лютера приехать в Вормс под подписку о невыезде и в присутствии сейма спросить, является ли он автором книг, которые ему приписывают, и может ли он снять с себя обвинение в отрицании основных догматов веры; что он также должен быть заслушан по поводу папских претензий и Сейма судили бы по ним; и, наконец, они молили императора избавить Германию от папской тирании.¹⁹³ Император согласился, чтобы Лютера вызвали под подписку о невыезде и допросили о его книгах и о том, отрицал ли он какие-либо фундаментальные доктрины. Но он категорически отказался допустить какое-либо обсуждение авторитета папы Римского и заявил, что сам свяжется с Его Святейшеством по поводу жалоб Германии.¹⁹⁴

Документы в Reichstagsakten свидетельствуют не только о том, что между императором и большинством Сословий существовало явное расхождение во мнениях относительно того, как следует обращаться с Лютером, но и о том, что политика императора и его советников изменилась в период с ноября 1520 по февраль 1521 года. Алеандру не составило труда убедить Карла и его фламандских советников в том, что, поскольку речь шла о наследственных владениях императора, единственное, что должна была сделать гражданская власть, - это издать эдикт, подтверждающий папскую буллу, запрещающую Лютера и его приверженцев и предписывающую сжечь его книги. Это было сделано в Нидерландах. Однако они создали трудности в связи с такими краткими действиями внутри Германской империи. Алеандру сказали, что император ничего не сможет предпринять до окончания коронации в Ахене (октябрь 1520 г.);¹⁹⁵ а в ноябре, к большому неудовольствию нунция, император написал курфюрсту Саксонии (28 ноября 1520 г.) из Оппенгейма письмо с просьбой привести Лютера с собой на сейм.¹⁹⁶ В то время у Лютера не было большого желания идти на сейм, если только не было ясно понято, что его вызвали не для того, чтобы он просто отрекся, а для того, чтобы он мог отстаивать свои взгляды с полной свободой слова. Он не собирался отрекаться и мог сказать об этом в Виттенберге так же легко и ясно, как в Вормсе. Ситуация в Вормсе изменилась. Император полностью перешел на сторону нунция. Теперь он не видел необходимости в появлении Лютера. Сейму ничего не оставалось, как объявить Лютера под запретом Империи, потому что римский понтифик объявил его еретиком. Вся заслуга в этом изменении принадлежала Алеандру; но более чем вероятно, что объяснение кроется в изменении политики империи и папы. В конце 1520 года политика Римской курии была резко антиимпериалистической. Посол императора в Риме Дон Мануэль предупреждал своего

хозяина о папских интригах против него и предполагал, что Карл мог бы оказать некоторую милость “некоему Мартину Лютеру”; и этот совет легко мог вдохновить письмо от 28 ноября. Во время всех событий папская политика менялась и проявляла признаки того, что становится менее враждебной по отношению к императору. Как бы то ни было, Алеандр обнаружил, что после пребывания императора в Вормсе ему было гораздо легче навязывать Карлу и его советникам мнение папы о Лютере.¹⁹⁷

С другой стороны, немцы в сейме твердо придерживались мнения, что ни один их соотечественник не должен быть объявлен империей вне закона без того, чтобы его не выслушали в его защиту, и что они, а не епископ Рима, должны быть судьями в этом вопросе.

За два месяца до появления Лютера между императором и Сеймом возникло открытое противостояние и множество тайных интриг — был предложен эдикт против Лютера,¹⁹⁸ который сейм отказался принять;¹⁹⁹ предлагалось издать эдикт о сожжении книг Лютера, против чего также возражал Сейм;²⁰⁰ этот эдикт был пересмотрен и ограничен изъятием сочинений Лютера, в чем также были обнаружены недостатки со стороны Сейма; и, наконец, император издал этот пересмотренный эдикт от своего имени и за свой счет. без согласия Диеты.²⁰¹

Приказ явиться на сейм 16 апреля 1521 года и императорская охранная грамота были доверены императорскому герольду Каспару Штруму, который доставил их в Виттенберг 26 марта.²⁰² Лютер спокойно закончил какую-то литературную работу и 2 апреля отправился на сейм. Он верил, что идет навстречу своей смерти. “Мой дорогой брат, ” сказал он Меланхтону на прощание, “ если я не вернусь, если мои враги предадут меня смерти, ты будешь продолжать учить и твердо стоять в истине; если ты останешься в живых, моя смерть не будет иметь большого значения”. Возмущенным папистам это путешествие показалось королевским шествием; толпы людей приходили благословить человека, который выступал за Германию против папы и который шел на смерть за свое мужество; они толпились в гостиницах, где он отдыхал, и часто заставляли его утешающимся музыкой. Его лютия всегда служила ему утешением в минуты волнения. Юстус Йонас, знаменитый немецкий гуманист, ставший богословом, к большому неудовольствию Эразма, присоединился к нему в Эрфурте. Чем ближе он подъезжал к Вормсу, тем острее становились там споры. Друзья и враги опасались, что его присутствие подольет масла в огонь. Император начал жалеть, что отправил повестку. В Зикинген были тайно отправлены гонцы, а Гуттену обещана пенсия, чтобы узнать, не смогут ли они предотвратить появление Лютера.²⁰³ Не мог ли он укрыться в Эбернберге, всего в дне пути от Вормса? Разве нельзя было договориться об этом на частной встрече с Глапионом, исповедником императора? Буцера послали убедить его. Вестник многозначительно обратил его внимание на императорский эдикт, предписывающий магистратам конфисковать его труды. Но ничто не обескуражило Лютера. Он не пошел бы в Эбернберг; он мог бы встретиться с Глапионом в Вормсе, если бы исповедник пожелал интервью; то, что он должен был сказать, было бы сказано публично в Вормсе.

14 апреля Лютер достиг Оппенгейма, городка на Рейне, примерно в пятнадцати милях к северу от Вормса и примерно в двадцати к востоку от Эбернберга. Там он в последний раз отверг коварные искушения своих врагов и рассеянные советы своих друзей о том, что ему следует свернуть в сторону и искать убежища у Фрэнсиса фон Зикингена. Там он написал свое

знаменитое письмо Спалатину, в котором сообщал, что приедет в Вормс, если ему помешает столько дьяволов, сколько черепицы на крышах домов, и в то же время спрашивал, где ему поселиться.²⁰⁴

Вопрос был важным. Католики желали, чтобы Лютер был отдан под опеку императора как государственный узник или же помещен в монастырь августинских отшельников, где он мог бы находиться под наблюдением церкви. Но саксонская знать и их курфюрст решили никому не доверять опеку над своим соотечественником. Курфюрст Фридрих и часть его свиты разместились на постоялом дворе под названием "Лебедь", а остальные его последователи разместились в Доме рыцарей Святого Иоанна. Оба дома были полны; но было условлено, что Лютер будет жить в комнате двух саксонских джентльменов, В. Хиршфельда и В. Шотта, в последнем здании.²⁰⁵ На следующее утро Юстус Йонас, который прибыл в Вормс раньше Лютера, посоветовавшись с друзьями Лютера, покинул город рано утром во вторник (16 апреля), чтобы встретиться с Реформатором и рассказать ему о достигнутых договоренностях. С ним отправились два джентльмена, у которых должен был поселиться Лютер.²⁰⁶ Их сопровождало большое количество саксонских дворян со своей свитой. Когда стало известно, что они отправились встречать Лютера, огромная толпа людей (почти две тысячи, говорит секретарь Фоглер), кто верхом, а кто пешком, последовала приветствовать Лютера и действительно встретила его примерно в двух с половиной милях от города.²⁰⁷

§ 4. Лютер в Вормсе.

Незадолго до одиннадцати часов дозорный на башне у Майнцских ворот протрубил в рог, возвещая о появлении процессии, и вскоре после этого Лютер въехал в город. Жители Вормса были у своего Моргенимбиса или Фрухмалля, но все бросились к окнам или на улицы, чтобы увидеть прибытие.²⁰⁸ Каспар Штурм, герольд, ехал первым в сопровождении своего слуги - квадратного желтого знамени с изображением черного двуглавого орла, прикрепленного к его уздечке. Затем появилась повозка — настоящий саксонский роллвегелин, — в которой на соломе, наполовину заполнявшей ее, сидели Лютер и трое его товарищей. Фургон был предоставлен добрым городом Виттенбергом, который также нанял Кристиана Гольдшмидта и трех его лошадей за три гульдена в день.²⁰⁹ Спутниками Лютера были его socius itinerarius, брат Петценштейнер из Нюрнберга;²¹⁰ его коллега Николас Амсдорф; и студент Виттенберга, молодой померанский дворянин Петер Свавен, который был одним из студентов Виттенберга, сопровождавших Лютера с алебардой и шлемом на Диспут в Лейпциге (июль 1519 г.). Юстус Йонас ехал сразу за повозкой, а затем последовал за толпой знати и народа, вышедших встречать Реформатора.

Алеандр в своей комнате на чердаке услышал крики и топот на улицах и послал одного из своих людей выяснить причину, предположив, что это было вызвано прибытием Лютера. Гонец доложил, что процессия пробиравась сквозь плотную толпу людей и что повозка остановилась у дверей Дома рыцарей Святого Иоанна. Он также сообщил нунцию, что Лютер вышел, сказав, оглядываясь вокруг своими пронзительными глазами, Deus erit pro me, и что священник выступил вперед, принял его на руки, затем трижды коснулся или поцеловал его рясу с таким

благоговением, как если бы он прикасался к мощам святого. “Потом они скажут, - говорит Алеандр в гневе, - что этот негодяй творит чудеса”.²¹¹

После того, как дорожные пятна были удалены, Лютер пообедал с десятью или двенадцатью друзьями. После полудня пришли толпы посетителей, некоторые из которых проделали большой путь, чтобы увидеть его. Затем последовали долгие обсуждения того, как он должен был действовать на следующий день перед началом Сейма. Саксонские советники В. Фейлитч и В. Тун находились с ним в одном доме; саксонский канцлер В. Брюккв и друг Лютера Спалатин находились в "Лебеде", через несколько дверей от него. Джером Шурф, профессор права в Виттенберге, был вызван курфюрстом в Вормс в качестве юридического советника Лютера и прибыл в город за несколько дней до Реформатора.

Насколько Лютер знал о тайных интригах, которые велись в Вормсе по поводу его дел, сказать невозможно. Вероятно, он знал, что Сословия потребовали, чтобы он провел слушание и предстал перед беспристрастными богословами, и что жалобы германской нации на Рим должны быть рассмотрены одновременно; также что император отказался разрешить какие-либо богословские дискуссии или что жалобы на Рим должны быть частью судебного разбирательства. Все это было общественной собственностью. Императорский вызов и охранная грамота не относились к нему как к осужденному еретику.²¹² В нем к нему обращались как к Эрзамеру, либеру, андэхтигеру— термины, которые не употреблялись по отношению к еретику и которые были демонстративно опущены в охранной грамоте, присланной ему герцогом Георгом Саксонским.²¹³ Он также знал, что император, тем не менее, издал указ, предписывающий гражданским властям конфисковать его книги и не допускать их публикации. , или продан, и что такой эдикт ставит под сомнение ценность охранной грамоты.²¹⁴ Но он, вероятно, не знал, что этот эдикт был третьим проектом, изданным императором без консультации с сеймом. Также маловероятно, что он знал, как Алеандр работал день и ночь, чтобы его появление на сейме не стало чем-то большим, чем простой формальностью, и как далеко нунций продвинулся в отношениях с императором и его советниками. Его друзья могли рассказать ему все это, хотя даже они не знали до следующего утра, насколько решительно император не разрешал Лютеру произносить речь.²¹⁵ Однако они знали достаточно, чтобы суметь внушить Лютеру, что он должен сдерживать себя и действовать таким образом, чтобы разжечь руки своих оппонентов и получить разрешение выступить с пространной речью во второй аудитории. Сословия желали выслушать его, если император и его окружение решили помешать ему говорить. Эти консультации, вероятно, определили тактику, которой придерживался Лютер при своем первом выступлении перед сеймом.²¹⁶

На следующее утро (среда, 17 апреля) Ульрих фон Паппенгейм, церемониймейстер, пришел в комнату Лютера около десяти часов и, вежливо поприветствовав его со всем уважением, сообщил ему, что он должен предстать перед императором и сеймом в этот день в четыре часа, когда ему сообщат, зачем его вызвали.²¹⁷ Сразу после ухода маршала поступил срочный вызов от саксонского дворянина Ганса фон Минквица, который умирал в своей квартире, чтобы Лютер пришел выслушать его исповедь и причастить его. Лютер немедленно отправился успокаивать умирающего, несмотря на его собственные проблемы.²¹⁸ У нас нет информации о том, как были проведены часы между двенадцатью и четырьмя. Почти наверняка была проведена еще одна консультация. Спалатин и Брюкк обнаружили, что руководство аудиенцией должно было находиться не в руках Глапиона, духовника императора, как они предполагали до того времени, а в руках Джона Экка, Оратора или должностного лица архиепископа Трирского.²¹⁹ Для Лютера

это выглядело плохо. Эк был усердно занят сожжением книг Лютера в Трире; он жил в том же доме и в комнате рядом с папским нунцием.²²⁰ Алеандр, действительно, хвастается, что Эк был всецело предан ему и что он смог сформулировать вопрос, который Эк задал Лютеру во время первой аудиенции.²²¹

§ 5. Первое выступление Лютера перед Вормсской диетой.²²²

Незадолго до четырех часов маршал и герольд Каспар Штурм пришли в квартиру Лютера, чтобы сопроводить его в зал для аудиенций. Они вывели реформатора на улицу, чтобы проводить его ко дворцу епископа, где император жил вместе со своим младшим братом Фердинандом, впоследствии королем римлян и императором, и где заседал Сейм.²²³ Улицы были запружены людьми; из каждого окна выглядывали лица; мужчины и женщины забрались на крыши, чтобы мельком увидеть проходящего мимо Лютера. Пробраться сквозь толпу было трудно, и, кроме того, Штурм, который отвечал за безопасность Лютера, опасался, что какой-нибудь испанец может нанести Реформатору удар кинжалом в толпе. Итак, все трое свернули во двор отеля "Лебедь"; из него они попали в сад Дома рыцарей Святого Иоанна; и, поскольку большинство дворов и садов домов сообщались друг с другом, они смогли попасть во двор Епископского дворца, больше не появляясь на улице.²²⁴

Двор Дворца был полон людей, жаждущих увидеть Лютера, большинство из них явно были настроены дружелюбно. Именно здесь старый генерал Фрундсберг, самый прославленный солдат Германии, которому суждено было стать победителем в знаменитой битве при Павии, дружески похлопал Лютера по плечу и сказал слова, которые передавались по-разному. "Мой бедный монах! мой маленький монах! ты на пути к тому, чтобы выстоять так, как я и многие из моих рыцарей никогда не сражались в наших самых тяжелых битвах. Если ты уверен в справедливости своего дела, тогда выступай во имя Бога и наберись мужества: Бог не оставит тебя". Из толпы, "тут и там, из каждого угла, доносились голоса, говорящие: 'Разыгрывай мужчину! Не бойся смерти; она может лишь умертвить тело: за пределами этого есть жизнь'".²²⁵ Они поднялись по лестнице и вошли в зал для аудиенций, который был битком набит. Пока маршал и герольд прокладывали дорогу Лютеру, он прошел мимо старого знакомого, депутата из Аугсбурга. "А, доктор Пейтингер, - сказал Лютер, - вы тоже здесь?"²²⁶ Затем его повели туда, где он должен был предстать перед императором; и эти два пожизненных противника впервые увидели друг друга. "Шут вошел, улыбаясь", - говорит Алеандр (возможно, из-за того, что сохранилась улыбка, с которой он только что приветствовал доктора Пейтингера): "он медленно огляделся, и его лицо посерьезнело". "Когда он повернулся лицом к императору, - продолжает Алеандр, - он не мог держать голову неподвижно, а двигал ею вверх-вниз и из стороны в сторону".²²⁷ Все глаза были прикованы к Лютеру, и было написано множество рассказов, описывающих его внешность. "Мужчина среднего роста, - говорится в неподписанном испанском документе, хранящемся в Британском музее, "с волевым лицом, крепкого телосложения, с глазами, которые сверкали и никогда не были неподвижны. Он был одет в рясу ордена августинцев, но с поясом из шкуры, с большой тонзурой, недавно выбрит и с короной из коротких густых волос".²²⁸ Все обратили внимание на его блестящие глаза; и было замечено, что, когда его взгляд упал на итальянца, этот человек неловко заерзал на своем стуле, как будто "на него был направлен дурной глаз". Между тем, за несколько секунд до того, как тишина была нарушена, Лютер делал свои наблюдения. Он заметил смуглое, похожее на еврейское, лицо

Алеандра с торжествующим блеском ненависти. “Так евреи, должно быть, смотрели на Христа”, - подумал он.²²⁹ Он увидел молодого императора, а рядом с ним папских нунциев и великих духовных лиц Империи. Волна жалости прошла по его телу, когда он посмотрел на нее. “Он показался мне, - сказал он, - каким-то бедным ягненком среди свиней и собак”.²³⁰ Там был стол или скамья с несколькими книгами на ней. Когда взгляд Лютера упал на них, он увидел, что это были его собственные сочинения, и не мог не задаться вопросом, как они туда попали.²³¹ Он не знал, что Алеандр собирал их в течение нескольких недель и что по приказу Императора он передал их Джону Эку, чиновнику из Трира, для аудиенции.²³² Джером Шурф встал на сторону Лютера и был готов помочь в юридических трудностях.

Прошлое и будущее столкнулись друг с другом — молодой император в своих богатых парадных одеждах, с бледным, отсутствующим лицом, но “носящий на затылке больше, чем показывало выражение его лица”, потомок длинного ряда королей, решивший придерживаться верований, обрядов и правил Средневековой Церкви, которых придерживались его предки; и монах с изможденным лицом, изборожденным следами духовного конфликта и победы, в бедном одеянии своего Ордена, сын крестьянина, решивший проложить путь новой вере евангельской. свобода - духовное право каждого человека от рождения.

Напряженное молчание²³³ нарушил чиновник из Трира, человек величественной осанки, сказавший чистым, звенящим голосом, так что все могли отчетливо слышать, сначала по-латыни, а затем по-немецки:

“Мартин Лютер, Его Императорское Величество Святой и Победоносный (*sacra et invicta*), по совету всех сословий Священной Римской империи, приказал вызвать вас сюда, к трону Его Величества, чтобы вы могли отречься и отозвать, в соответствии с силой, формой и значением судебного приказа, выданного против вас Его Величеством и законно переданного вам, книги, как на латыни, так и на немецком, изданные вами и распространенные за границей, вместе с их содержанием: Поэтому я, от имени Его Императорского Величества Ваше Величество и князя Империи, спрашиваю вас: во-первых, признаете ли вы, что эти книги, выставленные в вашем присутствии (я показываю ему связку книг, написанных на латыни и по-немецки) и теперь названные одна за другой, которые были распространены с вашим именем на титульном листе, принадлежат вам, и признаете ли вы, что они ваши? Во-вторых, желаете ли вы отозвать их и их содержание, или вы намерены придерживаться их и подтвердить их?”²³⁴

Названия книг не были, поэтому Джером Шурф крикнул: “Пусть прочтут названия”.²³⁵ Затем нотариус Максимилиан Зибенбергер (по прозвищу Трансильванец),²³⁶ выступил вперед и, беря книги одну за другой, прочитал их названия и кратко описал их содержание.²³⁷ Затем Лютер, кратко и точно повторив два поставленных перед ним вопроса, сказал:

“На что я отвечаю так коротко и правильно, как только могу. Я не могу отрицать, что названные книги мои, и я никогда не буду отрицать ни одну из них:²³⁸ все они - мое детище; и я написал несколько других, названия которых не были названы.²³⁹ Но что касается того, что последует дальше, подтверждаю ли я в тех же выражениях все или откажусь от того, что я, возможно, произнес за пределами авторитета Писания, — потому что дело касается вопроса веры и спасения душ, и потому что это касается Слова Божьего, которое является величайшей вещью на небесах и на земле, и которое мы все должны чтить, — с моей стороны было бы опасным и

опрометчивым делать какие-либо непреднамеренные заявления, потому что в непреднамеренной речи я мог бы сказать что-то меньшее, чем факт, и что-то большее, чем истина; кроме того, я помню высказывание о Христе, когда Он провозгласил: “Всякий, кто отречется от Меня перед людьми, от того отрекусь и Я перед Отцом Моим Небесным и перед ангелами Его”. По этим причинам я со всем уважением прошу Императорское Величество дать мне время подумать, чтобы я мог ответить на этот вопрос, не нанося ущерба Слову Божьему и не подвергая опасности свою собственную душу”.²⁴⁰

Лютер ответил тихим голосом — настолько тихим, что депутаты от Страсбурга, сидевшие недалеко от него, сказали, что не расслышали его отчетливо.²⁴¹ Многие присутствующие по тихому голосу заключили, что дух Лютера сломлен и что он начинает бояться. Но из того, что последовало дальше, очевидно, что вся процедура Лютера во время его первого выступления перед Сеймом была направлена на то, чтобы разрушить интриги Алеандра, целью которых было помешать Реформатору обратиться к Сейму с длинной речью; и в этом он преуспел, как и надеялись Брюк и Спалатин.

Затем Сословия приступили к обсуждению просьбы Лютера. Алеандр говорит, что император созвал к себе своих советников; что выборщики переговаривали друг с другом; и что отдельные сословия совещались отдельно.²⁴² Из отчета венецианских послов мы знаем, что некоторые из них с трудом согласились на просьбу Лютера. Но, наконец, Чиновник из Трира снова обратился к Лютеру:

“Мартин, ты смог узнать из имперского мандата, зачем тебя вызвали сюда, и поэтому тебе на самом деле не требуется никакого времени для дальнейшего обсуждения, и нет никаких причин, по которым оно должно быть предоставлено. И все же Его Императорское Величество, движимый своим естественным милосердием, дарует вам один день на размышление, и вы явитесь сюда завтра в тот же час, но при том понимании, что вы дадите свой ответ не в письменной форме, а из уст в уста”.²⁴³

Заседание, которое, по мнению Лютера, заняло около часа, затем было объявлено оконченным, и герольд проводил его обратно в его комнату. Там он сел и написал своему другу Куспиниану в Вену “из гущи беспорядков”:

“В этот час я был перед императором и его братом, и меня спросили, отрекусь ли я от своих книг. Я сказал, что книги действительно были моими, и попросил немного отсрочить отречение. Они дали мне на размышление не больше времени, чем до завтрашнего дня. Да поможет мне Христос, я не собираюсь отречься ни от одной йоты”.²⁴⁴

§ 6. Второе выступление Лютера перед Сеймом.

Следующий день, четверг, 18 апреля, не дал много времени для размышлений. Лютера осаждали посетители. Утром к нему приходили близкие друзья; в полдень немецкая знать заполнила его гостиницу; во второй половине дня Буцер прискакал из Эбернберга с поздравлениями по поводу того, как прошла первая аудиенция, и привез письма от Ульриха фон Хаттена. Его друзья были почти поражены его жизнерадостностью. “Он приветствовал меня и

других, ” сказал доктор Пюттингер, который пришел первым, “ довольно весело— ‘Дорогой доктор, ’ сказал он, - как поживают ваши жена и ребенок?’ Я никогда не находил и не видел его другим, кроме как таким хорошим парнем, каков он есть”.²⁴⁵ Джордж Фоглер и другие имели с ним “много благочестивых бесед” и писали, восхваляя его безупречный героизм.²⁴⁶ Немецкая знать приветствовала Лютера с грубоватой сердечностью— “Герр доктор, как поживаете? Люди говорят, что тебя нужно сжечь; этого никогда не будет; это разрушило бы все”.²⁴⁷

Маршал и герольд пришли за Лютером вскоре после четырех часов и теми же тайными окольными путями повели его во дворец епископа. Толпы на улицах были еще больше, чем накануне. Говорили, что более пяти тысяч человек, немцев и иностранцев, были раздавлены на улице перед дворцом. Толпа была настолько плотной, что некоторые делегаты, например Эльхафен из Нюрнберга, не смогли пробиться сквозь нее.²⁴⁸ Было шесть часов, когда император в сопровождении курфюрстов и принцев вошел в зал. Лютера и герольда заставили ждать во дворе Дворца более полутора часов, измученных плотной движущейся толпой. В зале было так много народу, что принцы с некоторым трудом добрались до своих мест, и, когда они добрались до них, им стало не по себе.²⁴⁹ Двое знатных людей отсутствовали. Папские нунции отказались присутствовать, когда еретика разрешили говорить. По словам Алеандра, подобные разбирательства были чистейшим дурачеством (*ribaldaria*). Когда Лютер подошел к двери, ему все еще пришлось ждать; принцы были заняты тем, что добирались до своих мест, и этикет не позволял ему появляться, пока они не сядут.²⁵⁰ День сгущался, и мрачный зал горел факелами.²⁵¹ Наблюдатели обратили внимание на удивительно жизнерадостное выражение лица Лютера, когда он шел к своему месту.²⁵²

Император поручил проведение аудиенции Алеандру, своему духовнику Глапиону и Джону Эку, который проводил аудиенцию накануне.²⁵³ Руководство делами снова должно было быть в руках Чиновника. Как только Лютер занял свое место, Эк “бросился в слова” (*procurit in verba*)²⁵⁴ Он начал с краткого изложения того, что произошло на первой аудиенции; и, сказав, что Лютер попросил время для размышления, он намекнул, что каждый христианин должен быть готов в любое время обосновать свою веру, тем более такой ученый богослов, как Лютер. Он заявил, что теперь Лютеру пора четко ответить, придерживается ли он содержания книг, которые он признал своими, или же он готов отречься от них. Он заговорил сначала по-латыни, а затем по-немецки, и было замечено, что его речь на латыни была очень горькой.²⁵⁵

Затем Лютер произнес свою знаменитую речь перед Сеймом. Он освободился от паутины интриг, которую Алеандр с таким трудом сплел вокруг него, чтобы заставить замолчать, и выступил свободным германцем, чтобы отстаивать свое дело перед самой почетной аудиторией, которую Отечество могло предложить любому из своих сынов.

Перед ним были император и его брат Фердинанд, эрцгерцог Австрийский, которым суждено было в грядущие дни стать королем римлян и императором, а рядом с ними сидели все курфюрсты и великие князья Империи, миряне и священнослужители, среди них четыре кардинала. Вокруг него стояли, поскольку мест для сидения не было, графы, свободные дворяне и рыцари Империи, а также делегаты крупных городов.²⁵⁶ Послы и политические агенты почти всех стран Европы были там, чтобы увеличить толпу, готовые сообщить о результатах этого знаменательного дня. Ибо все верили, что какое бы важное дело для Германии ни обсуждалось на этом сейме, вопрос, поднятый Лютером, имел европейское значение и затрагивал страны, которые они представляли. Ходили слухи, основанные главным образом на безмятежном виде

Лютера, что монах собирается отречься;²⁵⁷ и большинство политических агентов искренне надеялись, что это может оказаться правдой. Они верили, что это и только это положит конец симптомам беспокойства, за которыми с тревогой наблюдали правительства всех стран.

Стараниями Вреде было собрано и напечатано в Reichstagsakten²⁵⁸ несколько статей, в каждой из которых якобы приводится речь Лютера; но это всего лишь резюме, некоторые длиннее, некоторые короче, и они не дают никакого представления о силе, которая взволновала аудиторию. Его действие следует искать в описаниях слушателей.

Образцы его книг, собранные Алеандром, были настолько представительными, что Лютер мог рассказать обо всех своих трудах. Он разделил их на три категории. Он писал книги в назидание, которые, как он мог с уверенностью сказать, были одобрены всеми людьми, как друзьями, так и врагами, и вряд ли можно было ожидать, что он, автор, будет единственным человеком, который откажется от содержания таких трудов, одобренных даже Папской буллой. Во втором классе сочинений он атаковал папскую тиранию, под гнетом которой стонала вся Германия; отречься от содержания этих книг значило бы сделать сильнее и менее терпимым чудовищное зло, против которого он протестовал; поэтому он отказался вспоминать такие сочинения; ни один лояльный немец не мог этого сделать. Он также писал против отдельных лиц, которые поддерживали папство; возможно, в некоторых местах он писал слишком резко и против некоторых людей; он был всего лишь человеком, а не Богом, и был склонен совершать ошибки; он помнил, как Христос, который не мог ошибаться, действовал, когда Его обвиняли, и, подражая Ему, он был вполне готов, если евангельские или пророческие свидетели докажут его неправоту, отречься от своих ошибок, и если его убедят, он заверил императора и собравшихся князей, что он будет первым, кто бросит его книги в огонь. Он подробно остановился на силе слова Божьего, которое должно превалировать над всем, и показал, что в прошлые времена многие бедствия обрушивались на народы, которые пренебрегали его учениями и предостережениями. В заключение он сказал следующее:

Я не говорю, что есть какая-либо необходимость в моем обучении или предупреждении многих государей до меня, но долг, который я несу передмоей Германией, не позволит мне отречься. Этими словами я вверяю себя вашему светлейшему Величеству и вашим княжествам и смиренно прошу вас не допустить, чтобы мои обвинители беспричинно восторжествовали надо мной. Я высказался (Dixi)”.

Лютер говорил по-латыни; его попросили повторить то, что он сказал, по-немецки. Зал был битком набит; факелы давали не только свет, но и тепло. Лютер покрылся испариной и выглядел изможденным; жара была невыносимой. Друзья подумали, что дальнейшие усилия окажутся для него непосильными. Саксонский советник Фредерик фон Тун, пренебрегая этикетом, громко крикнул: “Если вы не можете этого сделать, вы сделали достаточно, герр доктор”.²⁵⁹ Но Лютер продолжил и закончил свое обращение по-немецки. Его последними словами были. “Вот я стою (Ик бин Ич)”.

Алеандр, папский нунций, который не присутствовал, рассказывает, что, когда Лютер говорил о книгах, в которых он нападал на папство, и “с большой злобой” обличал папу,²⁶⁰ император приказал ему оставить эту тему и заняться другими делами. Император, несомненно, сказал сословиям, что он не допустит совместного обсуждения вопроса о ортодоксальности Лютера и жалоб на Святой Престол; и это в некоторой степени подтверждает заявление Алеандра.²⁶¹ Но когда видно, что ни один из дюжины присутствующих депутатов, которые пишут отчеты о

происходящем, не упоминает о перерыве; когда этого нет в официальном отчете; когда вспоминается, что Карл не понимал ни немецкого, ни латыни, история о перерыве представляется очень маловероятной. Алеандр не отличался правдивостью — “человек, мягко говоря, не фанатично правдивый (не суеверный *verax*)”, - говорит Эразм;²⁶² и нунций однажды похвастался своим хозяевам в Риме, что он может хорошо солгать, когда этого требует случай.²⁶³

Несколько писем с описанием этой сцены, написанных мужчинами, присутствовавшими на Сейме, свидетельствуют о сильном интересе, проявленном подавляющим большинством зрителей к внешности и речи Лютера. Его внешность, его речь, поза, в которой он стоял, - все описано. Когда художники изображают эту сцену на холсте или в бронзе, Лютер неизменно изображается стоящим прямо, с расправленными плечами и запрокинутой головой. Он не так предстал перед Карлом и Сеймом. Он был монахом, воспитанным в общепринятых привычках монашеского смирения. Он стоял, опустив голову и плечи, слегка согнув колени, и без жестов. Единственный признак телесного волнения проявлялся в том, что он сгибал и выпрямлял колени.²⁶⁴ Он обратился к императору и Сословиям со всем уважением — “Светлейший лорд и Император, самые прославленные принцы, самые милосердные лорды” — и извинился за любое нарушение этикета на том основании, что он был воспитан в монастыре и ничего не знал о придворных обычаях; но не один наблюдатель заметил, что он не обращался к присутствующим духовным принцам.²⁶⁵ Многие свидетели описывают очарование его веселой, скромной, но неустрашимой осанки. ²⁶⁶Саксонский официальный отчет гласит: “Лютер говорил просто, тихо, скромно, но не без христианского мужества и верности — также таким образом, что его враги, несомненно, предпочли бы более униженный дух и речь”; и далее сообщается, что его противники уверенно рассчитывали на отречение и были соответственно разочарованы.²⁶⁷ Многие ожидали, что, поскольку он никогда прежде не был в таком присутствии, странная аудитория привела бы его в замешательство; но, к их удивлению и радости, он говорил “уверенно, разумно”. , и благоразумно, как если бы он находился в своей собственной аудитории”.²⁶⁸ Сам Лютер был удивлен, что непривычная обстановка так мало повлияла на него. “Когда дошла моя очередь, — говорит он, - я просто продолжил”.²⁶⁹ Красота его дикции понравилась аудитории - “много справедливых и радостных слов”, - говорят доктор Пюттингер и другие.²⁷⁰

Когда Лютер закончил, Чиновник, помня, что его долгом было добиться от Лютера четкого отречения, обратился к нему в угрожающей манере (*increpidando similis*) и сказал ему, что его ответ не соответствовал сути. Вопрос заключался в том, что Лютер в некоторых своих книгах отрицал решения Соборов: подтвердил бы он или отрекся от того, что сказал об этих решениях? император потребовал простого (*non cornutum*) ответа. “Если Его Императорское Величество желает получить ясный ответ, - сказал Лютер, - я дам его ему, *neque cornutum neque dentatum*, и он таков: я не могу отречься, пока не будет доказано, что я неправ, свидетельством Священного Писания или очевидными рассуждениями; я не могу доверять ни решениям Соборов, ни папам, ибо очевидно, что они не только ошибались, но и противоречили друг другу. Моя совесть обращена к слову Божьему, и поступать против своей совести небезопасно и нечестно. Боже, помоги мне! Аминь!”²⁷¹

Когда он закончил, император и принцы посовещались; затем по знаку Карла,²⁷² Чиновник обратился к Лютеру с довольно пространной речью. Он сказал ему, что в своей речи он злоупотребил милосердием императора и усугубил свои злодеяния, напав на папу Римского и

папистов (papistæ) перед сеймом. Он кратко пересказал речь Лютера и сказал, что он недостаточно различал свои книги и свои мнения; возможно, было бы место для дискуссии, если бы Лютер выдвинул что-нибудь новое, но его ошибки были старыми - ошибки бедняков Лиона, Виклифа, Джона и Иеронима Гуса (ученый Чиновник назвал Гуссу брата, неизвестного истории),²⁷³ которые были решены на соборе в Констанце, где собрался весь немецкий народ; он снова попросил его отказаться от таких мнений. На это Лютер, как и прежде, ответил, что Генеральные Соборы допустили ошибку и что его совесть не позволяет ему отступить. К этому времени факелы догорели до самых розеток, и в зале стало темно.²⁷⁴ Утомленные толпой и жарой, многие готовились расходиться. Чиновник, сделав последнее усилие, громко крикнул: “Мартин, оставь в покое свою совесть; откажись от своих ошибок, и ты будешь цел и невредим; ты никогда не сможешь доказать, что Совет допустил ошибку”. Лютер заявил, что Советы допустили ошибку, и что он может это доказать.²⁷⁵ На это император сделал знак прекратить это дело.²⁷⁶ Было слышно, как последними словами Лютера были: “Бог пришел мне на помощь” (Получил кум мир зу хильф).²⁷⁷

Почти из всех сообщений очевидно, что с того момента, как Лютер закончил свою великую речь, в аудитории воцарилось сильное замешательство и, вероятно, разговоры. Все, что слышала большая часть присутствующих, была перепалкой между Лютером и Чиновником, вызванной, по мнению большинства немцев, властным поведением Экка, а итальянцы и испанцы приписывали упорству Лютера.²⁷⁸ “Лютер утверждал, что Соборы несколько раз допускали ошибки и принимали решения, противоречащие закону Божьему. Чиновник сказал “Нет”; Лютер сказал “Да” и что он может это доказать. На этом дело на тот момент закончилось”.²⁷⁹ Но все понимали, что о Констанцском соборе было сказано немало.

Император покинул трон и удалился в свои личные покои; курфюрсты и принцы разошлись по своим гостиницам. Несколько испанцев, увидев, что Лютер повернулся, чтобы покинуть трибунал, разразились улюлюканьем и последовали за “человеком Божьим с протяжными воплями”.²⁸⁰ Затем немцы, дворяне и делегаты от городов, окружили его, чтобы защитить, и когда они выходили из зала, они все разом, и Лютер среди них, вытянули вперед руки и высоко подняли их над головами, как это привык делать немецкий рыцарь, когда он выбивал из седла своего противника на турнире, или когда немецкий рыцарь выбивал противника из седла. ландскнехт так и сделал, когда нанес победный удар. Испанцы бросились к двери, крича вслед Лютеру: “В огонь с ним, в огонь!”²⁸¹ Толпа на улице подумала, что Лютера отправляют в тюрьму, и подумала о спасении.²⁸² Лютер успокоил их, сказав, что компания провожает его домой. Таким образом, с высоко поднятыми руками, бросая суровый вызов Священной Римской империи и Средневековой церкви, они сопровождали Лютера до его жилища.

Друзья добрались туда раньше него — Спалатин, всегда верный ему; Эльхафен, который не смог добраться до своего места в Сейме из-за давки. Лютер с сияющим лицом протянул обе руки, восклицая: “Я закончил, я закончил!”²⁸³ Через несколько минут Спалатина отозвали. Вскоре он вернулся. Старый курфюрст вызвал его только для того, чтобы сказать: “Как хорошо, отец, доктор Лютер выступил сегодня перед императором и Сословиями; но он слишком смел для меня”. Крепкий старый немецкий принц написал своему брату Иоанну: “Из того, что я услышал сегодня, я никогда не поверю, что Лютер еретик”; а несколько дней спустя “На этом Сейме не только Анна и Каиафа, но также Пилат и Ирод составили заговор против Лютера”. Фридрих Саксонский не был лютеранином, как его брат Иоанн и племянник Иоанн Фридрих; и он был лучше способен выразить то, что большинство немецких князей думали о Лютере и его

выступлении перед сеймом. Даже герцог Георг на мгновение пришел в восхищение; а герцог Эрик Брауншвейгский, вставший на сторону папы, не мог сесть за ужин, не прислав Лютеру банку пива "Айнбекер" со своего стола.²⁸⁴ Что касается простых людей, то в тот вечер на улицах Вормса поднялся дикий шум — люди проклинали испанцев и итальянцев, и восхваляли Лютера, который заставил императора и прелатов выслушать то, что он хотел сказать, и который озвучил жалобы Отечества на то, что он хотел сказать. римская курия с риском для своей жизни. Глас народа прозвучал в плакате, который на следующее утро был развешан на углах улиц города: "Горе стране, чей король - дитя". Это было началом разочарования Германии. Люди верили, что они получают германского императора, когда в порыве энтузиазма призывали избирателей выбрать внука Максимилиана. Они начинали понимать, что выбрали испанца.

§ 7. Конференции.

На следующий день (19 апреля) император предложил поместить Лютера под запрет Империи. Сословия не были удовлетворены и настаивали на том, что необходимо что-то предпринять для достижения компромисса. С Лютером обошлись не так, как они предлагали в своем меморандуме от 19 февраля. Ему было категорически приказано отказаться от участия. Император разрешил Алеандру регулировать порядок процедуры днем ранее (18 апреля), и результат не был удовлетворительным. Даже курфюрст Бранденбургский и его брат, колеблющийся архиепископ Майнцский, не хотели, чтобы все оставалось так, как было. Они понимали чувства немецкого народа, если тот не знал о дипломатических отношениях императора с папой. Император уступил, но сказал им, что позволит им услышать его собственную точку зрения на этот вопрос. Он достал лист бумаги и зачитал короткое заявление, подготовленное им самим на французском языке — языке, с которым Чарльз был знаком лучше всего. Это было незабываемое заявление о его собственной религиозной позиции, о котором уже упоминалось.²⁸⁵ Алеандр сообщает, что несколько принцев побледнели как смерть, когда услышали это.²⁸⁶ В более поздних беседах император горячо заявлял, что он никогда ни на йоту не изменит своего заявления.

Тем не менее, сейм назначил Комиссию (22 апреля) для совещания с Лютером, и во главе ее был поставлен архиепископ Трирский, который был, пожалуй, единственным среди высших духовных лиц Германии, кому Лютер полностью доверял. У них было несколько встреч с Реформатором, первая из которых состоялась 24 апреля. Все члены Комиссии искренне стремились к достижению компромисса, но после заявления императора это было невозможно, как ясно видел сам Лютер. Никакие резолюции, какими бы искусно составленными они ни были, не могли примирить веру императора в непогрешимость Генерального совета и фразу Лютера "совесть, привязанная к Священному Писанию". Никакие предложения оставить окончательное решение за императором и Папой, только за императором, за императором и Сословиями, за будущим Генеральным советом (все они были сделаны) не могли найти компромисса между двумя столь противоречивыми точками зрения. Компромисс не может быть достигнут в борьбе религий, и такова была природа противостояния между Карлом V и Лютером на протяжении всей их жизни. То, что разделяло их, не было второстепенным вопросом о доктрине или ритуале; это был фундаментальный вопрос, выражающийся в совершенно иной концепции всего круга религии. Моральный авторитет индивидуальной совести противостоял юридическому авторитету церковного собрания. В последующие дни монах сожалел, что не

высказался более смело перед Сеймом. Незадолго до своей смерти император выразил сожаление, что не сжег строптивного еретика. Когда Комиссия провалилась, Лютер попросил разрешения раскрыть все свои сокровенные мысли архиепископу Трирскому под печатью исповеди, и у них состоялась запоминающаяся беседа наедине. Алеандр яростно обрушился на архиепископа за отказ раскрыть то, что произошло между ними; но прелат был немецким епископом с совестью, а не беспринципным иждивенцем бесстыдной курии. Никто не знал, в чем состояло признание Лютера. Комиссии пришлось сообщить, что ее усилия оказались бесполезными. Лютеру было приказано покинуть Вормс и вернуться в Виттенберг, не проповедуя по пути; срок его действия истек через двадцать один день после 26 апреля. По истечении их срока он мог быть схвачен и предан смерти как заразный еретик. Оставалось только составить и опубликовать эдикт, содержащий запрет. Проходили дни, а оно так и не появлялось.

Внезапно до Вормса дошла ошеломляющая весть о том, что Лютер исчез, никто не знал, куда. Алеандр, как обычно, располагал самой точной информацией и предоставил самый полный отчет о ходивших слухах. Кохлей, находившийся во Франкфурте, послал к нему человека, который был в Эйзенахе, видел дядю Лютера и узнал от него о поимке. Пятеро всадников бросились на фургон, схватили Лютера и усаkali с ним. Кто были похитители и по чьему приказу они действовали, никто не мог сказать. “Одни обвиняют меня,” говорит Алеандр, “другие архиепископа Майнцского: если бы, Боже, это было правдой!” Одни думали, что Зикинген увез его, чтобы защитить; другие - что курфюрст Саксонии; третьи - что граф Мансфельд. Один упорный слух гласил, что похитителем был личный враг курфюрста Саксонии, некто Ганс Бехайм, и император скорее поверил этому. 14 мая в Вормс пришло письмо, в котором говорилось, что тело Лютера было найдено в серебряном руднике, пронзенное кинжалом. Весть о том, что Лютер был казнен эмиссарами Римской курии, облетела Германию и ее пределы; и вера была настолько стойкой, что Алеандр приготовился оправдать этот поступок, заявив, что Реформатор нарушил императорскую неприкосновенность, проповедуя в Эйзенахе и обращаясь к толпе людей во Франкфурте.²⁸⁷ Альберт Дюрер из Гента записал в своем личном дневнике, что Лютер, “боговдохновенный человек”, был убит папой и его священниками, как наш Господь был казнен священниками в Эйзенахе. Иерусалим. “О Боже, если Лютер мертв, кто еще может разъяснить нам Святое Евангелие!”²⁸⁸ Друзья писали смущенные письма в Виттенберг, умоляя Лютера сказать им, жив ли он или заключен в тюрьму.²⁸⁹ Эта новость вызвала в Вормсе величайший ужас и негодование. Решение императора не понравилось даже принцам, наиболее разгневанным против Лютера. Алеандр не смог заставить даже архиепископа Майнцского пообещать, что тот опубликует его. Когда комиссии сейма не удалось достичь компромисса, на дверях Ратуши и других общественных зданий Вормса были вывешены плакаты с намеком на то, что четыреста рыцарей поклялись, что не оставят Лютера неотмщенным, и на них появились зловеющие слова Бундшах, Бундшух, Бундшух. Император отнесся к этому делу легкомысленно, но немецкие князья-романисты были сильно встревожены.²⁹⁰ Они знали, в отличие от него, что союз крестьян с низшей знатью был возможным источником опасности для Германии на протяжении почти столетия; они помнили, что именно это сочетание сделало великое богемское восстание успешным. Через несколько месяцев после утверждения сейма сторонники романизма в Германии направили папе римскому тревожные сообщения об опасностях объединения мелкой знати с крестьянами.²⁹¹ Положение в Вормсе и без того было тяжелым, а когда весть об убийстве Лютера достигла города, волнение перешло все границы. Весь Императорский двор был в смятении. Когда

Алеандр находился в королевских покоях, высшие вельможи Германии столпились вокруг него, говоря, что он будет убит, даже если “прильнет к груди императора”. Люди столпились в его комнате, чтобы сообщить ему о заговоре с целью убить как его самого, так и старшего легата Караччиоли.²⁹² Волнение несколько улеглось, но более мудрые немецкие князья осознали всю серьезность ситуации и то, как мало решение императора сделало для прекращения лютеранского движения. Истинная история исчезновения Лютера была известна лишь много времени спустя. После провала конференций курфюрст Саксонии вызвал двух своих советников, а также своего капеллана и личного секретаря Спалатина и попросил их позаботиться о том, чтобы Лютера надежно спрятали до тех пор, пока не минует непосредственная опасность. Они должны были делать все, что им заблагорассудится, и ни о чем не сообщать ему. Прошло много недель, прежде чем курфюрст и его брат Иоанн узнали, что Лютер в безопасности и живет в их собственном замке Вартбург. Это был его “Патмос”, где он снял монашеское одеяние, отпустил волосы над тонзурой, был облачен как рыцарь и носил имя юнкер Георг. Его исчезновение не означало, что он перестал быть великим лидером человечества, но оно датирует начало национальной оппозиции Риму.

§ 8. Запрет.

После долгих проволочек императорский мандат против Лютера был подготовлен. Он был представлен (25 мая) на неофициальной встрече некоторых членов сейма после того, как курфюрст Саксонии и многие из самых верных сторонников Лютера покинули Вормс.²⁹³ Алеандр, который принимал большое участие в его составлении, принес два экземпляра, один на латыни, а другой на немецком, и вручил их Чарльзу в воскресенье (26 мая) после службы. Император подписал их, прежде чем покинуть церковь. “Теперь вы довольны?” спросил Карл, улыбнувшись легату; и Алеандр рассыпался в благодарностях. Немногие государственные документы, добытые в результате такой борьбы и интриг, оказались настолько бесполезными. Шум, поднявшийся в Германии при известии о смерти Лютера, предостерег немецких князей от осторожного приведения эдикта в исполнение.

Императорский эдикт против Лютера угрожал истреблением всем его сторонникам. Он практически провозгласил альбигойскую войну в Германии. Чарльз с улыбкой вручил его Алеандр. Алеандр отправил документ в Рим с ликованием, которое могло найти должное выражение только в цитате из “Искусства любви” Овидия. Папа Лев отпраздновал приход новостей комедиями и музыкальными представлениями. Но спокойные наблюдатели, иностранцы в Германии, увидели мало поводов для поздравлений и еще меньше для веселья. Генрих VIII. написал архиепископу Майнца, поздравляя его со свержением “мятежника против Христа”; но агент Вулси в сейме сообщил своему хозяину, что, по его мнению, есть сто тысяч немцев, которые все еще готовы отдать свои жизни в защиту Лютера.²⁹⁴ Веласко, разгромивший испанских повстанцев в битве при Вильяларе, написал императору, что победа была благодарностью Бога за его расправу с монахом-еретиком; но Альфонсо де Вальдес, секретарь императора, сказал в письме испанскому корреспонденту:

“Вот вам, как некоторые воображают, конец этой трагедии; но я убежден, что это не конец, а ее начало. Ибо я вижу, что умы немцев сильно раздражены против Римского престола, и они, кажется, не придают большого значения эдиктам императора; ибо с момента их опубликования книги Лютера безнаказанно продаются на каждом шагу и углу улиц и рынков. Из этого вы легко

догадаетесь, что произойдет, когда император уйдет. Это зло могло бы быть излечено с величайшей выгодой для христианского содружества, если бы папа не отказался от созыва Генерального собора, если бы он предпочел общественное благо своим собственным частным интересам. Но пока он настаивает на том, что Лютер должен быть осужден и сожжен, я вижу, что все христианское содружество спешит к гибели, если только Сам Бог не поможет нам ”.

Вальдес, как и Гаттинара и другие советники Карла, был последователем Эразма. Он возлагает вину за все на папу Римского. Но каким разочарованием должна была стать для эразмианцев эта Диета из Червей! Молодые монархи-гуманисты и папа-гуманист, от которых так много ожидали, поздравляют друг друга с приговором Лютера к сожжению на костре!

Дурные предчувствия Альфонсо де Вальдеса полностью оправдались. Книги Лютера стали более популярными, чем когда-либо, и императорский эдикт не препятствовал их продаже ни в Германии, ни за ее пределами. Алеандр вскоре узнал об этом. Он уехал в Нидерланды и занимался аутодафе запрещенных писаний; но ему пришлось признать, что они были бессильны помешать распространению взглядов Лютера, и он заявил, что единственным средством было бы, если бы император схватил и сжег полдюжины лютеран и конфисковал все их имущество.²⁹⁵ Указ был опубликован или повторен в землях за пределами Германии и в семейных владениях Дома Габсбургов. Генрих VIII приказал сжечь книги Лютера в Англии;²⁹⁶ в 1525 году власти Шотландии запретили их ввоз в страну под страхом самых суровых наказаний.²⁹⁷ Но эти указы было легко обойти, и запрещенные писания попали в Испанию, Италию, Францию, Фландрию и другие места, спрятанные в тюках с товарами. В Германии не было необходимости скрываться; императорский эдикт не просто игнорировался, но и открыто подвергался критике. Крупный страсбургский издатель Грюнигер извинился перед своими клиентами не за публикацию книг Лютера, а за публикацию книги против него; а Кохлей заявил, что печатники с радостью принимают любую рукопись против папства, печатают ее бесплатно прилагают усилия, чтобы издать ее со вкусом, в то время как каждому защитнику установленного порядка приходится дорого платить за печать своей книги, и иногда он не может нанять печатника любой ценой.

§ 9. Популярная литература.

Можно почти сказать, что движение Реформации создало немецкую книжную торговлю. Самые ранние немецкие печатные книги или, скорее, буклеты были немногочисленны и не имели большого значения — маленькие книжечки о личном благочестии, о народной медицине, травах, альманахи, путешествия или публичные воззвания. До 1518 года они едва превышали пятьдесят в год. Но в 1518-1523 годах они чрезвычайно возросли, и четыре пятых этого прироста составили противоречивые труды, вызванные национальным антагонизмом к Римской курии. Сначала этот рост был заслугой только Лютера;²⁹⁸ но с 1521 года у него появились ученики, соратники, оппоненты, и все они широко использовали немецкий язык, действенная литературная сила которого была открыта Реформатором.²⁹⁹ Эти писатели распространяли новые идеи среди людей, высших и низших, по всей Германии.³⁰⁰

В антиманистических произведениях на ранних стадиях полемики мало следов совместных действий; требовалась литературная оппозиция, чтобы придать им видимость единства. Каждый писатель рассматривает общий вопрос со своей индивидуальной точки зрения. Лютер - герой почти для всех, и о нем говорят в почти экстравагантных выражениях. Он - пророк Германии, Илия, который должен был прийти, Ангел Откровения, "летающий по середине небес с вечным Евангелием в руках", национальный чемпион, которого привезли в Вормс, чтобы заставить замолчать, и все же его слышали император, князья и папские нунции. Некоторые авторы все еще были склонны считать Эразма своим лидером и заявляли, что сражаются под знаменем этого "Рыцаря Христа"; другие смотрели на Эразма и Лютера как на коллег по работе, а в одной простой брошюре Эразм сравнивается с мельником, который перемалывает муку, а Лютер - с пекарем, который выпекает из нее хлеб, чтобы накормить людей. Пожалуй, самой поразительной чертой того времени было появление бесчисленных анонимных брошюр, якобы написанных необразованными для необразованных. В основном они представлены в форме диалогов, и местом записи бесед часто была деревенская пивная, где бюргеры, крестьяне, ткачи, портные и сапожники нападают на священников, монахов и даже епископов и побеждают их в споре. Одной из ярких черт этой новой популярной литературы является прославление немецкого крестьянина. Его всегда представляют как честного, простодушного, размышляющего и умного человека, сведущего в библейских знаниях и даже в истории Церкви и знающего о христианской доктрине столько же, "сколько три священника и более". Его можно сравнить с идеализированным крестьянином из дореволюционной литературы Франции, хотя ему недостает утонченности и он ничего не знает о возвышенных моральных чувствах; но он гораздо больше похож на Джака Апланда или Пирса Пахаря времен английских Лоллардов. Джек Апланд и Ханс Мэтток (Карстханс) оба ненавидят духовенство и презирают монахов и попрошайек, но немец проявляет гораздо большую свирепость, чем англичанин. Лоллард описывает толстого монаха ранних английских времен с распухшим подбородком, болтающимся под подбородком "как большое гусиное яйцо", и противопоставляет его бледному, убогому крестьянину и его жене, идущим босиком на работу по скованным льдом дорогам, их шаги отмечены кровью, которая сочилась из порезанных ступней; немецкий памфлетист сыплет бесконечным разнообразием диких прозвищ - охотники за сыром, колбасные злодеи, попрошайки, кувшины с кислым молоком, жирные свиньи дьявола и т.д. и т.д. Интересно отметить, что большая часть этой грубой противоречивой литературы, появившейся между 1518 и 1523 годами, происходила из тех регионов Южной Германии, где социальная революция обрела почти постоянное место с 1503 года. Это был признак того, что старый дух коммунистического и религиозного энтузиазма, который спазматически проявлялся со времен движения под руководством Ганса Бема, никогда не угасал, и это был симптом того, что крестьянская война, возможно, была не за горами. Требовалось совсем немного, чтобы вновь разжечь тлеющую ненависть крестьян к священникам. Когда немецкие патриоты выступали против поборов римской курии, крестьянин думал о большой и меньшей десятинах, о сборах за брак, крещение и погребение, которые требовал с него его собственный приходской священник. Когда реформаторы и популярные проповедники разоблачали скандалы и коррупцию в Церкви, крестьянин обращался с ними к какому-нибудь пьяному, живущему порочно, нерадивому священнику, которого он знал. Следует помнить, что персонаж Карстанс был изобретен в 1520 году не сторонником лютеранства, а Томасом Мурнером, одним из самых решительных противников Лютера,³⁰¹ когда он все еще был занят писательской деятельностью против клерикальных беспорядков того времени. Эта яростная атака на священников и монахов имела другие источники, помимо симпатии к Лютеру.³⁰² Это было пробуждение старых

воспоминаний, вызванное отчасти подпольной непрекращающейся гуситской пропагандой, а отчасти, без сомнения, новыми идеями, столь повсеместно распространенными.

Часть этой грубой популярной литературы имела более прямую связь с лютеранским движением. В качестве примера можно привести брошюру, вышедшую в 1521 году под названием "Новый и старый бог" и разошедшуюся огромным тиражом. Как и многие подобные издания, оно имело иллюстрированный титульный лист, который представлял собой графическое изложение его содержания. Там появились представители Нового Бога, папа Римский, несколько Отцов Церкви, а под ними Каэтан, Сильвестр Приериас, Экк и Фабер; против них были Старый Бог в виде Троицы, четыре Евангелиста, святой Павел с мечом, а за ним Лютер. Он нападал на церемонии, сложные богослужения, на неясные доктрины, которые были навязаны Церкви кровавыми гонениями и превратили христианство в иудаизм, и противопоставлял их неизменному Слову Старого Бога с его простой историей спасения и его простыми доктринами веры, надежды и любви. К тому же классу принадлежат труды яркого полемиста Джона Эберлина из Гюнцбурга, которого его оппоненты обвиняли в соращении целых провинций, настолько действенными были его призывы к "простому" человеку. Он начал с брошюры, адресованной молодому императору, и опубликовал, непосредственно перед или во время предыдущего заседания Вормсского сейма в 1521 году, смелое обращение, в котором Лютер и Ульрих фон Гуттен названы посланниками Бога к своему поколению. Это был первый из серии из пятнадцати, все они были в обращении до начала ноября того же года.³⁰³ Они назывались "Конфедераты" (Bundsgenossen). О содержании этих и других брошюр Эберлина можно догадаться по их названиям — О сорокадневном посте перед Пасхой и других, которые прискорбно угнетают христианский народ. Увещевание всем христианам, чтобы они сжалились над монахинями. Как это опасно, что у священников нет жен (на фронтисписе изображен брак священника с епископом, на заднем плане - брак двух монахов и двух музыкантов на возвышении). Почему в стране нет денег. Против фальшивого духовенства, босоногих монахов и францисканцев и т.д. и т.п. Он разоблачает так же резко, как это делал Лютер, систематический грабеж Германии в пользу Римской курии — 300 000 гульденов ежегодно высылаются из страны, и еще миллион раздается нищенствующим монахам. Он яростно выступал против монахов, которые ведут такой образ жизни, потому что они слишком ленивы, чтобы работать как честные люди, и называл их всевозможными прозвищами — монастырскими свиньями, ландскнехтами дьявола и т.д., Двадцать четыре тысячи из них живут в Германии и четыреста тысяч - в остальной Европе. Он рассказывает о приходском священнике, который подумал, что ему действительно нужно начать читать Священное Писание: его прихожане читают его, матери - детям, а отцы дома - домочадцам; они беспокоят его вопросами, взятыми из книги, и он часто затрудняется ответить; он спросил друга, с чего ему следует начать, и ему сказали, что в Посланиях к Тимофею и Титу много говорится о священниках и их обязанностях; он прочитал и пришел в ужас, обнаружив, что епископы и священники должны быть "мужьями одной жены" и т.д. Эберлин был францисканским монахом и был верен революционным традициям своего Ордена. Он проповедовал социальную, а также евангелическую реформу. Францисканский орден выдвинул немало реформаторов: таких людей, как Стивен Кампен, который пришел к взглядам, подобным взглядам Эберлина, без какого-либо учения, кроме как по велению своего сердца; или Джона Бриссмана, сведущего исследователя схоластического богословия, который, как и Лютер, обнаружил, что оно не удовлетворяет стремлениям его души; или Фредерика Мекума (Микония), все духовное развитие которого было очень похоже на развитие Лютера. Памфлеты, подобные брошюрам Эберлина, и проповеди, подобные проповеди

Кампена, несомненно, оказали определенное влияние на народные восстания против священников, которые не были редкостью по всей Германии в 1521 году, после окончания заседаний Вормсского сейма — в качестве примера можно привести Эрфуртские беспорядки, которые продолжались в апреле, мае, июне и июле.

§ 10. Распространение учения Лютера.

Можно сказать, что тот самый год, в котором был опубликован императорский эдикт против Лютера (1521), свидетельствовал о том, что среди монахов почти всех различных орденов началось молчаливое движение к принятию принципов, о которых свидетельствовал Лютер. Августинские отшельники, собственный орден Лютера, находились под его большим влиянием. Целые общины во главе с приором выступали за Реформацию как в Германии, так и в Нидерландах. Ни один другой монашеский орден не был так решительно на стороне Реформатора, но монахи всех мастей присоединились к проповеди и преподаванию новых доктрин. Мартин Буцер был доминиканцем, Отто Браунфеллс - картезианцем, Амброз Блауэр - бенедиктинцем. Случай с Эколампадием (Джоном Хусгеном (?) Хаусшейном) был своеобразным. Он был выдающимся гуманистом, испытал серьезные религиозные впечатления и вступил в орден Святой Бригитты; но пробыл там недолго, вступив в ряды реформаторов, и был приючен Францем фон Зикингеном в его замке в Эбернберге.³⁰⁴ Урбан Региус, самый доверенный и талантливый ученик Джона Эка в Ингольштадте, стал кармелитом и покинул свой монастырь, чтобы проповедовать доктрины Лютера. Джон Бугенхаген принадлежал к ордену премонстрантов. Он был ученым богословом. Борьба Лютера против индульгенций вызывала у него недовольство. Он узнал о Вавилонском пленении христианской церкви и изучил его с целью опровержения. Учеба настолько изменила его, что он почувствовал, что “весь мир, может быть, и неправ, но Лютер прав”; он завоевал расположение своего настоятеля и большинства своих товарищей и стал реформатором Померании.

Светские священники по всей Германии выступали за новые евангельские доктрины. Епископ Самлунда в Восточной Пруссии смело заявил, что он на стороне Лютера, и позаботился о том, чтобы лютеранские доктрины проповедовались по всей его епархии; а другие епископы проявили благосклонность к новой евангельской вере. Многие из самых влиятельных приходских священников поступали подобным образом, и их прихожане следовали им. Иногда высшее духовенство запрещало пользоваться церковью, и люди следовали за своим пастором, когда он проповедовал им в полях. Иногда (как в случае с Германом Тастом) священник проповедовал под липами на церковном дворе, и его прихожане приходили вооруженными, чтобы защитить его. Если священников не хватало, чтобы проповедовать лютеранские доктрины, вперед выходили миряне. Если они не могли проповедовать, они могли петь гимны. Посмотрите на бедного ткача из Магдебурга, который встал возле статуи кайзера Отто на рыночной площади и спел два гимна Лютера: “Aus tifer Not schrei Ich zu dir” и “Es woll' uns Gott gnädig sein”, в то время как люди столпились вокруг него утром 6 мая 1524 года. Бургомистр, возвращавшийся с ранней мессы, услышал его и приказал заключить в тюрьму, но толпа спасла его. Таково было начало Реформации в Магдебурге.³⁰⁵ Когда мужчины не осмеливались, их место занимали женщины. Аргула Грюнбах, изучавшая Священное Писание и труды Лютера, бросила вызов Ингольштадтскому университету в присутствии самого великого доктора Эка на публичный спор об истинности позиции Лютера.

Художники оказывали свою помощь в распространении новых идей, и многие карикатуры делали доктрины и цели реформаторов понятными простым людям. Эти фотографии иногда использовались для иллюстрации титульных листов спорной литературы, а иногда публиковались отдельными листовками. На одном из них Христос изображен стоящим *удвери* дома, который олицетворяет Его Церковь. Он приглашает людей войти через дверь; и показано, как папы, кардиналы и монахи взбираются на стены, чтобы тайно проникнуть внутрь.³⁰⁶ В другом, озаглавленном "Триумф истины", изображены простые жители немецкого городка, поющие приветственные песни в честь приближающейся процессии. Моисей, патриархи, пророки и апостолы несут на своих плечах Ковчег Священного Писания. Хаттен приезжает верхом на своем боевом коне, и к хвосту лошади прикреплена цепь, которая окружает толпу священнослужителей — архиепископа со свалившейся митрой, папу со свалившейся тиарой и сломанным папским посохом; за ними кардиналы, затем монахи, изображенные с головами кошек, свиней, телят и т.д. Затем следует триумфальная повозка, запряженная четырьмя живыми существами, представляющими четырех евангелистов, на одном из которых восседает ангел. Карлштадт стоит прямо в передней части машины; Лютер шагает рядом. В машине сидит Иисус и говорит: *Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь*. Святые мученики следуют за ним, распевая хвалебные песни. Немецкие бюргеры расстилают свои одежды на дороге, а мальчики и девочки усыпают тропинку цветами.³⁰⁷ Возможно, самым важным произведением такого рода было "Пассионарное христианство и антихристи".³⁰⁸ Лютер задумал книгу, Люк Кранах разработал рисунки, а Меланхтон снабдил ее текстами из Священного Писания и цитатами из канонического права. Это серия парных гравюр, представляющих жизнь Господа нашего и Папы Римского, расположенных таким образом, что везде, где открывалась книга, можно было увидеть две контрастирующие картинки одновременно. Контрасты были такими: Иисус оmyвает ноги ученикам; Папа протягивает палец ноги для поцелуя; Иисус исцеляет раненых и больных; Папа председательствует на турнире: Иисус склоняется под Своим Крестом; Папу торжественно несут на плечах мужчины: Иисус изгоняет менял из Храма; Папа и его слуги превращают церковь в рынок индульгенций и сидят в окружении крепких ящиков и грудок монет. По словам Лютера, это была "хорошая книга для мирян".

Одним из знамений времени был энтузиазм, проявленный в городах империи по отношению к делу Лютера. Путь был подготовлен. Бюргерские песни долгое время описывали церковные злоупотребления и свидетельствовали о широко распространенной ненависти к духовенству, которую разделяли горожане. Вольфганг Капито и Фредерик Мекум (Миконий), оба сыновья бюргеров, сообщают нам, что их отцы учили их, когда они были мальчиками, что индульгенции — это не что иное, как спекуляция со стороны хитрых священников, чтобы залезть руками в карманы простодушных мирян. Проницательные наблюдатели за тенденцией общественных настроений, такие как Вимфелинг и Пиркхаймер, с некоторой тревогой заметили постепенное распространение гуситской пропаганды в городах и сделали этот факт одной из причин, по которой они желали и настаивали на реформировании Церкви. Растущее сочувствие к гуситским взглядам в городах совершенно очевидно. Некоторые ведущие реформаторы, например, Капитон, рассказывали своим современникам, что в детстве они часто слушали гуситские проповеди; а в библиотеках бюргеров нередко содержались гуситские брошюры. Люди в городах читали, размышляли и беседовали наедине со своими близкими друзьями о беспорядках в жизни и доктрине Церкви тех дней и с нетерпением ожидали первых признаков подлинной попытки реформ.

Количество изданий немецкой вульгаты, какими бы грубыми ни были многие из этих версий, показывает, каким читающим Библию народом стали немецкие бюргеры, позволяет нам меньше удивляться тому, как противоречивые авторы предполагают, что миряне знали из Священных Писаний столько же, сколько духовенство, и придает достоверности современным утверждениям о том, что женщины и ремесленники знали свои Библии лучше, чем ученые мужи в университетах.

Эти вещи помогают нам понять, как горожане были готовы приветствовать простое учение Лютера, основанное на Священных Писаниях, как его труды находили такую широкую продажу по всей Германии, как они могли сказать, что он учил тому, о чем думали все люди, и смело высказывал то, о чем все люди шептались наедине. Они объясняют, как бюргеры Страсбурга прибили Девяносто пять тезисов Лютера к дверям каждой церкви и дома приходского священника в городе в 1518 году; как жители Констанца угрозами прогнали императорского посланника, который приехал опубликовать Вормсский эдикт в их городе; как жители Базеля аплодировали своему пастору, когда он нес Священное Писание вместо Хозяина в процессии в День Тела Христова; как высшее духовенство Страсбурга не смогло изгнать племянника и преемника знаменитого Гейлера из Кейзерсберга, хотя он и был арестован. обвиненный в том, что он последователь Лютера; и как его друг Мэтью Зелл, когда ему запретили проповедовать с кафедры, с которой гремел Гейлер, смог уговорить плотников воздвигнуть еще одну в углу огромного собора, с которой он обращался к людям, столпившимся послушать его. Когда духовенство убедило власти многих городов (Гослар, Данциг, Вормс и др.) закрыть церкви для евангельских проповедников, горожане слушали их проповеди под открытым небом; но, как правило, с самого начала гражданские власти были на стороне народа, приветствуя могущественного евангелического проповедника. Мэтью Зелл, а после него Мартин Буцер стали реформаторами Страсбурга; Кеттенбах и Эберлин из Ульма; Эколампаций и Урбанус Региус из Аугсбурга; Эндрю Осиандер из Нюрнберга; Джон Бренц из Халла в Швабии; Теобальд Пелликан (Pellicanus, то есть из Виллигхайма) из Нердлинга; Мэтью Альбер из Ройтлинга; Джон Лахманн из Хайльбронна; Джон Ваннер из Констанца; и и так далее. Гильдс Мастерзингеров приветствовала Реформацию. Величайший из гражданских поэтов, Ганс Сакс из Нюрнберга, был прилежным коллекционером и читателем книг Лютера. He published in 1523 his famous poem, "The Wittenberg Nightingale" (Die Wittembergisch Nachtigall, Die man jetzt höret überall). Соловьем был Лютер, и в его песне говорилось, что лунный свет с его бледными обманчивыми отблесками и глубокими тенями уходит, и восходит великолепное солнце. Автор восхваляет абсолютную простоту библейского учения Лютера и противопоставляет его причудам и тонкостям римской доктрины. Даже крестьянин, по его словам, может понять и знать, что учение Лютера хорошее и здоровое. В более позднем коротком стихотворении он противопоставляет евангельскую и римскую проповедь. Оригинальное издание было проиллюстрировано гравюрой на дереве, изображающей двух проповедников, обращающихся к своим аудиториям. Один говорит: *так говорит Господь*; а другой: *так говорит Папа Римский*.

§ 11. Эндрю Боденштайн из Карлштадта.309

Каждое великое движение за реформу несет в себе семена революции, "смуты", как называл это Эразм, и движение Лютера не было исключением из общего правила. Каждому

реформатору, который хотел бы успешно реализовать свои реформаторские идеи, приходится бороться с людьми и обстоятельствами, способствующими “беспорядкам”, почти так же упорно, как и со злоупотреблениями, которые он стремится преодолеть. Мы уже видели, как эти зародыши революции изобиловали в Германии и как революционеры естественным образом объединились с Реформатором и делом, которое он стремился продвигать.

Пока Лютер прятался в Вартбурге, революция охватила Виттенберг. Поначалу казалось, что его отсутствие ничего не меняет. Число студентов увеличилось до тех пор, пока не перевалило за тысячу, и сам город удивил очевидцев, которые были знакомы с другими университетскими городами Германии. Студенты ходили без оружия; в основном они несли Библии подмышками; они приветствовали друг друга как “единые братья во Христе”. Среди группы лидеров пока не возникло раскола, хотя его разочарование из-за того, что он не получил должность ректора Всех Святых, привело к изоляции Эндрю Боденштайна из Карлштадта. Единодушие не означало тупости; Виттенберг бурлил интеллектуальной жизнью. С момента своего основания университет отличался еженедельными публичными диспутами, в которых принимали участие студенты и профессора. В первые годы его существования обсуждаемые тезисы были предложены вошедшими в моду схоластической теологией и философией; но с 1518 года новые вопросы, волновавшие Германию, стали предметом дискуссий, и это придало жизнь и энтузиазм университетским занятиям. Когда Юстус Йонас приехал в Виттенберг из Эрфурта, он с энтузиазмом написал другу о “невероятном богатстве духовных интересов в маленьком городке Виттенберг”. Ни один из профессоров не проявлял большего интереса к этим публичным дискуссиям, чем Эндрю Боденштайн из Карлштадта. Он был очень успешным учителем, попал под магнетическое влияние Лютера и принял основные идеи новых доктрин. У него не было ни полнокровной человечности Лютера, ни его сочувственного такта, ни его практического понимания того, как все будет работать. Ему совершенно не хватало прочной основы консервативных чувств Лютера, которая заставляла его инстинктивно понимать, что новые идеи и новые вещи могут процветать только в том случае, если они надежно укоренены в том, что было старым. Карлштадту было достаточно того, что его собственные идеи, какими бы поспешными они ни были, были ясны, а его цели благотворны, чтобы он страстно желал немедленно воплотить их в жизнь. У него был темперамент скорее революционера, чем реформатора.

На него произвели сильное впечатление фундаментальные противоречия, которые, по его мнению, существовали между новыми евангельскими доктринами, проповедуемыми Лютером, и теориями и практикой средневековой религиозной жизни и богослужения. Это побудило его серьезно и ожесточенно нападать на монашеские обеты, безбрачие, отличительную одежду духовенства, идею умиловительной жертвы во время мессы, а также на присутствие и использование изображений в церквях. Он вынес все эти вопросы, представляющие практический интерес, на еженедельные публичные обсуждения в Университете; он опубликовал тезисы по ним; он напечатал две книги — одну о монашеских обетах, а другую о мессе, — которые имели обширный тираж как на немецком, так и на латыни (четыре издания были быстро исчерпаны). Преобладающая идея во всех этих публикациях, возможно, скорее подразумеваемая, чем выраженная, заключалась в том, что новая евангельская свобода могла быть реализована только тогда, когда все, что намекало на церемонии и обычаи средневековой религиозной жизни, было сметено. Его самые решительные обличения касались практики безбрачия; он подробно останавливался на божественном институте брака, его моральной и духовной необходимости и учил, что принудительный брак духовенства был лучше, чем

принудительное безбрачие средневековой церкви. Цвиллинг, молодой отшельник-августинец, чьи проповеднические способности были высоко оценены Лютером, пошел даже дальше Карлштадта в своем пламенном осуждении Мессы как идолопоклоннической практики.

Движение за претворение этих увещеваний в жизнь началось сначала среди духовенства. Два священника в приходах близ Виттенберга поженились; несколько монахов покинули свои обители и облачились в мирские одежды; Меланхтон и несколько его учеников полупублично общались в обоих видах в приходской церкви в День Михаила (29 сентября) 1521 года, и его примеру, похоже, последовали другие компании.

Пламенные обвинения Цвиллинга в идолопоклонстве масс взбудоражили горожан. В канун Рождества (24-25 декабря) 1521 года буйная толпа ворвалась в приходскую церковь и костел Всех Святых. В первом они разбивали лампы, угрожали священникам и в насмешку над богослужением хвалы распевали народные песни, одна из которых начиналась так: “Жила-была служанка, которая потеряла туфельку” — так возмущенное духовенство пожаловалось курфюрсту.³¹⁰

На следующий день, на Рождество, Карлштадт, который был архидьяконом, провел службу в церкви Всех Святых. Он снял свою духовную мантию и надел обычную одежду мирянина. Он проповедовал, а затем устроил Вечерю Господню “по-евангельски”. Он прочитал обычную службу, но опустил все, что говорилось об умиловительной жертве; он не возвысил Хозяина; и он вложил Хлеб в руки каждого причастника и передал Чашу в их руки. В последующие воскресенья и праздничные дни Таинство Вечери совершалось таким же образом, и нам сказано, что “hic pæne urbs et cuncta civitas communicavit sub utraque specie”.

В последние дни 1521 года, столь волнующие жителей Виттенберга, в город прибыли трое мужчин, известных в истории как пророки Цвиккау (27 декабря). Цвиккау, расположенный примерно в шестидесяти четырех милях к югу от Виттенберга, был центром ткацкой торговли Саксонии и насчитывал большое количество ремесленников. Мы видели, что движения религиозно-коммунистического толка время от времени возникали среди немецких ремесленников и крестьян с 1476 года. Николаус Шторх, ткач из Цвиккау, заявил, что у него были видения Ангела Гавриила, который открыл ему: “Ты воссядешь со мной на моем престоле”. Он начал проповедовать. Томас Мюнцер, который был назначен городским судьей городским проповедником в церкви Святой Марии, главной церкви Цвиккау, похвалил его выступления, заявив, что Шторч разъясняет Священное Писание лучше, чем любой священник. Некоторые авторы прослеживают происхождение этого движения в Цвиккау от гуситского учения. Мюнцер примкнул к крайним гуситам *после того, как* началось движение, и нанес визит в Богемию, взяв с собой нескольких своих близких друзей; но наши источники информации, которые скудны, не дают оснований для какого-либо определенного мнения о происхождении вспышки в Цвиккау. Через некоторое время Шторч и другие были вынуждены покинуть город. Трое из них отправились в Виттенберг — сам Шторх, провидец небесных видений, еще один ткач и Маркус Тома Штубнер, который когда-то был учеником Меланхтона и поэтому смог представить своих товарищей виттенбергскому кружку реформаторов. Их прибытие и выступления усилили волнение как в городе, так и в университете. Меланхтон приветствовал своего старого ученика и был впечатлен присутствием определенной духовной силы в Штубнере и его товарищах. Однако

некоторые из их доктрин, особенно их неприятие крещения младенцев, вызвали у него отвращение, и он постепенно отдалился от их общения.

Карлштадт воспользовался сильным волнением в Виттенберге, чтобы навязать горожанам и магистратам свой план реформации; и 24 января 1522 года власти города Виттенберг опубликовали свой знаменитый указ.

Этот документ, первая из многочисленных гражданских и территориальных попыток выразить новые евангельские идеи в законодательстве, заслуживает тщательного изучения.³¹¹ Он касается почти исключительно реформы общественной жизни и общественного богослужения. Он предписывает учредить общий сундук, находящийся в ведении двух мировых судей, двух горожан и государственного нотариуса. В него должны были быть вложены доходы от церковных фондов, ежегодные доходы гильдий рабочих и другие определенные денежные средства. Священникам должно было выплачиваться определенное жалованье, а поддержка бедных и монахов должна была осуществляться из этого общего фонда. Попрошайничество, будь то обычными нищими, монахами или бедными студентами, было строго запрещено. Если из общего сундука не хватало средств для содержания беспомощных и сирот, горожане должны были обеспечивать все необходимое. В городе не допускались дома с дурной славой. Церкви были местами для проповедей; в городе было достаточно места для проживания; и строительство небольших часовен было запрещено. Служба мессы была сокращена и сделана так, чтобы выразить евангельский смысл таинства, а элементы должны были быть переданы в руки причастников. Все это было объявлено законом в городе Виттенберге, и реформация должна была быть проведена в жизнь. Не удовлетворившись этими правилами, Карлштадт начал крестовый поход против использования картин и истуканов в церквях (правила разрешали три алтаря в каждой церкви и по одной картине на каждый алтарь). Со всем, что напоминало о старых религиозных обычаях, следовало покончить, а мясо употреблять в пищу в дни поста.

Это возбуждение породило фанатизм. Раздавались голоса, заявлявшие, что, поскольку все истинные христиане обучаются Духом Божиим, нет необходимости ни в гражданских правителях, ни в плотском обучении. Многие считают, что Карлштадт разделял эти фантазии, и было сказано, что в своем желании “упростить” себя он одевался как крестьянин и работал чернорабочим (он был женат) на ферме своего тестя. Более вероятно, что он обнаружил, что не в состоянии справиться с бурей, вызванной его поспешными мерами, и что он видел много предлагаемых вещей, к которым у него не было сочувствия.

§ 12. Лютер вернулся в Виттенберг.

Меланхтон почувствовал себя беспомощным перед этой “суматохой”, заявил, что никто, кроме самого Лютера, не сможет подавить волнение, и горячо настаивал на его возвращении. Революционное движение распространилось за пределы Виттенберга, в другие города Избирательной Саксонии, такие как Гримма и Альтенберг. Герцог Георг Саксонский, ярый защитник старой веры, наблюдал за происходящим с самого начала. Еще 21 ноября 1521 года он написал Иоанну герцогу Саксонскому, брату курфюрста, предупреждая его, что вопреки церковному обычаю таинство Вечери в Виттенберге совершается в обоих видах; он сообщил ему (26 декабря), что священникам угрожали во время служения мессы; он довел “беспорядки”

в избирательной Саксонии до сведения Рейхсрегмента в январе, в результате чего императорские мандаты были отправлены курфюрсту Фридриху и епископам Мейсена, Мерзебурга, и Наумбург, требуя от них принять меры для прекращения беспорядков. Курфюрст был серьезно встревожен. Его беспокойство усилилось после письма герцога Георга (2 февраля 1522 г.), в котором говорилось, что Карлштадт и Цвиллинг были зачинщиками всех беспорядков. Он поручил одному из своих советников, Хьюгольду из Айнзиделя, попытаться навести порядок, но результат был невелик. Вероятно, именно в этих обстоятельствах он написал свою Инструкцию Освальду, бюргеру из Эйзенаха, с намерением, чтобы ее содержание было доведено до сведения Лютера в Вартбурге. Это указание, возможно, было причиной, по которой Лютер внезапно покинул лечебницу, где он находился с момента своего появления в Вормсе, по приказу и под защитой своего принца.³¹²

Если это Наставление и определило его окончательно, то это была лишь одна из многих причин, побудивших Лютера покинуть свое одиночество. Его мало заботило влияние пророков Цвиккау,³¹³ оценивая их истинную ценность, но слабость Меланхтона, разрушительная и опасная стремительность Карлштадта, распространение беспорядков за пределы Виттенберга, решимость герцога Георга использовать эти вспышки для уничтожения всего движения за реформацию и вмешательство Рейхсрегиона в его мандаты заставили его почувствовать, что настал решающий момент, когда он должен снова быть среди своего народа.

Он отправился в свое одинокое путешествие, большую часть которого проходил по вражеской стране, проезжая Эрфурт, Йену, Борну и Лейпциг. Он был одет как “юнкер Георг”, с бородой на подбородке и шпагой на боку. В Эрфурте у него состоялась добродушная беседа со священником в гостинице; и Кесслер, швейцарский студент, рассказывает, как он встретил незнакомца, который сидел в гостиной “Медведя” в Йене, положив руку на рукоять меча, и читал небольшой еврейский псалтырь. Он прибыл в Виттенберг в пятницу, 7 марта; провел вторую половину дня и следующий день, обсуждая ситуацию со своими друзьями Амсдорфом, Меланхтоном и Джеромом Шурфом.³¹⁴

В воскресенье он появился за кафедрой и восемь дней подряд проповедовал народу, и эпидемия была остановлена. Многие вещи в движении, начатом Карлштадтом, встретили его одобрение. Он пришел к вере в брак духовенства; он решительно не одобрял частные мессы; у него были серьезные сомнения по поводу монашеских обетов; но он не одобрял насилие, важность, придаваемую внешним деталям, и использование силы для продвижения реформационного движения:

“Слово сотворило небо, и землю, и все сущее; то же самое Слово сотворит и сейчас, а не нас, бедных грешников. Подводя итог, я буду проповедовать это, я буду говорить об этом, я буду писать об этом, но я ни к кому не буду применять силу или принуждение; ибо вера должна быть свободной и ничем не ограниченной, и ее нужно принимать без принуждения. Жениться, покончить с изображениями, стать монахами или монахинями, или для монахов и монахинь покинуть свои монастыри, есть мясо в пятницу или не есть его, и другие подобные вещи — все это открытые вопросы, и ни один мужчина не должен запрещать их. Если я применю силу, что я получу? Изменения в поведении, внешние проявления, гримасы, притворство, лицемерие. Но что происходит с искренностью сердца, с верой, с христианской любовью? Всего недостает там, где этого не хватает; а за остальное я не дал бы и черенка груши. Чего мы хотим, так это

сердца, и чтобы завоевать их, мы должны проповедовать Евангелие. Тогда слово проникнет в одно сердце сегодня, а завтра - в другое, и сработает так, что каждый оставит Мессу”.

Он не упоминал ничего личного, не обвинял отдельных людей и, в конце концов, стал хозяином положения.

Когда он отвоевал Виттенберг, он совершил поездку по тем местам Избирательной Саксонии, где последовали примеру Виттенберга. Он побывал в Цвиккау, Альтенберге и Гримме — проповедовал тысячам людей, успокаивал их и возвращал к консервативной реформации.

Глава IV. От диеты из червей до окончания крестьянской войны.

§ 1. Продолжающееся распространение лютеранского учения.

Императорский эдикт, изданный против Лютера на Вормсском сейме, едва ли мог быть сильнее, чем был на самом деле,³¹⁵ и все же, как и многие другие эдикты императора и сейма, он оказался совершенно неэффективным. Это могло быть обеспечено только отдельными Сословиями, которые по большей части проявляли большое нежелание вводить его в действие. Она была опубликована на территориях эрцгерцога австрийского Фердинанда, курфюрста Бранденбургского, герцога Георга Саксонского и герцогов Баварских; но ни один из этих принцев, за исключением эрцгерцога и герцога Георга, казалось, не проявлял особого интереса к старой религии. В большинстве церковных государств власти опасались беспорядков после публикации и ничего не предприняли. Так, в Бремене нам говорят, что еще в декабре 1522 года люди никогда не видели эдикта. Города отнеслись к нему небрежно. Власти Нюрнберга, Ульма, Аугсбурга и Страсбурга опубликовали это публично в качестве официального документа и больше не беспокоились. В Страсбурге печатники продолжали выпускать книги и трактаты Лютера с такой скоростью, с какой их печатные станки могли их производить; а в Констанце население изгнало имперских уполномоченных из города, когда те приехали издавать эдикт.

Действия новообразованного рейхсрегмента были столь же нерешительными. Когда в Виттенберге вспыхнули беспорядки при Карлштадте и пророках Цвиккау, герцог Георг, сыграв на опасениях распространения гуссизма, смог добиться выдачи мандатов курфюрсту Саксонии и соседним епископам расследовать беспорядки и подавить их; но после возвращения Лютера и восстановления спокойствия его мольбы оказались безрезультатными. Напрасно он настаивал на том, что присутствие Лютера в Виттенберге было оскорблением Империи. Ему сказали, что рейхсрегистрация может сама судить, что такое оскорбление, и что когда они увидят их, то накажут. Эрцгерцог Фердинанд, президент, несомненно, симпатизировал герцогу Георгу, но он был бессилён; курфюрст Саксонии обладал наибольшим влиянием, и оно всегда оказывалось на стороне Лютера.

В январе 1522 года был избран новый папа, принявший титул Адриана vi. Его избрание стало триумфом партии, которая признавала настоятельную необходимость реформ и считала, что они должны осуществляться иерархией и изнутри Церкви. Адриан был благочестивым человеком по своему разумению, тем, кто глубоко ощущал разложение, унижавшее Церковь. Он верил, что восстание Лютера было наказанием, посланным Богом за грехи поколения. Он был наставником Карла V и взошел на папский престол с решимостью искоренить коррупцию и начать свои реформы с нападения на источник всего — Римскую курию. Но он был доминиканским монахом и разделял все доминиканские идеи о необходимости сохранения средневекового богословия в неприкосновенности и о строгом соблюдении церковной дисциплины. Он был так же невежествен, как и его предшественник, в отношении положения дел в Германии и считал Лютера еще одним Магометом, который отвлекал людей от высшей христианской жизни, потворствуя их плотским аппетитам.

Рейхсрегент заседал на сейме в Нюрнберге в 1522-1523 годах, и на этот сейм папа направил в качестве нунция Франческо Кьергати, епископа Террамо в Неаполитанском королевстве. Нунцию были даны пространные инструкции, в которых излагалось мнение папы о коррупции в Церкви и его намерении излечить ее, но которые требовали передачи Лютера в руки Римской курии и наказания священников, монахов и монахинь, нарушивших свои обеты безбрачия.³¹⁶ Не успел Кьергати прибыть в Германию, как понял, что для него будет невозможно выполнить требование Папы, и он проинформировал своего хозяина о положении дел. Когда он собрался в сейм и представил папские просьбы, ему практически ответили, что у Германии есть претензии к Риму и что их необходимо уладить, прежде чем Курия сможет рассчитывать на выполнение своих распоряжений. Они намекнули, что, поскольку папа признал коррупцию в Церкви, вряд ли можно ожидать, что они будут винить Лютера за то, что он указал на них. Они представили нунцию список из ста немецких жалоб на Римскую курию;³¹⁷ и предположили, что наиболее удобным способом их урегулирования для папы было бы немедленно передать для общественного пользования Германии немецкие аннаты³¹⁸ и что Немецкий Собор должен быть проведен на немецкой земле, в одном из крупных немецких городов.

Практическим результатом этого ограждения на сейме 1522 года, повторенного в 1523 году, стало то, что прогресс лютеранского движения не был остановлен. Насколько глубоко народ Германии проникся учением Лютера, можно узнать из писем нунция в Курию и из писем эрцгерцога Фердинанда императору. Оба используют одно и то же выражение, что “среди тысячи человек едва ли можно найти хоть одного, не запятнанного лютеранским учением”.

Адриан vi. скоропостижно скончался после нескольких месяцев правления, и следующий папа, Климент vii., Медичи и полностью находившийся под влиянием французского короля, принадлежал к старой нереформирующейся партии, единственным желанием которой было сохранить все порочащие привилегии Римской курии. Он выбрал и отправил в Германию в качестве своего нунция Лоренцо Кампеджио, одного из самых способных итальянских дипломатов, для переговоров с рейхсрегистром и сеймом, собравшимися в Шпейере в 1524 году.

Кампеджио, как и его предшественник, обнаружил, что германская нация была решительно враждебна Риму. Когда он официально въехал в Аугсбург и поднял руки, чтобы дать обычное благословение толпам людей, они восприняли это благословение с открытой насмешкой. Он

был настолько впечатлен их отношением, что, добравшись до Нюрнберга, снял свою официальную мантию и вошел в город как можно тише; более того, он получил сообщение от властей с просьбой “избегать крестного знамения или использования благословения, учитывая, как обстояли дела в то время”. Присутствие легата, казалось, усилило антипапское рвение народа. О папе открыто говорили как об антихристе. Планиц, энергичный комиссар курфюрста Саксонии, подсчитал, что около четырех тысяч человек в городе приняли участие в таинстве Вечери в обоих видах, и сообщает нам, что среди них были члены рейхсрегиона и Изабелла, королева Швеции, сестра императора.

Однако опытный итальянский дипломат полагал, что сможет разглядеть признаки, более благоприятные для своего хозяина, чем те, которые проявлялись при предыдущем ратификации. Рейхсрегионат, который до сих пор прикрывал лютеранское движение, потерял доверие многих слоев населения и был близок к своему падению. Она показала свою неспособность обеспечить соблюдение Мира на Землях. Именно князья разгромили восстание свободной знати под предводительством Франца фон Зикингена; именно Швабская лига, ассоциация, всегда преданная Австрийскому дому, сокрушила франконских дворян-разбойников; и как князья, так и Лига были раздражены попытками Рейхсрегистмента, который пытался отнять у них плоды их успехов. Города были вынуждены платить все налоги, необходимые для поддержки центрального правительства, и система монополий, возникшая в результате объединения крупных торговых домов, оказалась под угрозой. Города и капиталисты заключили тайное соглашение с императором, и фон Ханнарт был послан императором из Испании на сейм 1524 года, чтобы работать вместе с городами над свержением центрального правительства. Сам парламент вынес вотум недоверия правительству. В этих беспокойных водах ловкий рыболов может добиться некоторого успеха.

Его успех был скорее кажущимся, чем реальным. Сейм 1524 года не совсем отказался привести в исполнение Вормсский эдикт против Лютера и его последователей; они пообещали исполнить его “так хорошо, как они были в состоянии, и настолько, насколько это было возможно”, и города ясно дали понять, что принудительное исполнение невозможно. Они возобновили свое требование о созыве Генерального Совета в подходящем немецком городе для урегулирования дел Церкви в Германии и снова заявили, что пока что не должно проповедоваться ничего, противоречащего Слову Божьему и Святому Евангелию. Они пошли дальше и практически постановили, что Национальный совет для обсуждения состояния Церкви в Германии должен собраться в Шпайере в ноябре и принять временное решение по ее церковным делам, которое продлится до заседания Генерального совета. Это правда, что благодаря усилиям нунция и фон Ханнарта фраза “Национальный синод” была опущена, и встреча должна была состояться в одном из поместий Германии, на котором советники и ученые богословы различных князей должны были сформулировать все спорные моменты и заново рассмотреть жалобы немецкой нации на папство; но ни нунций, ни фон Ханнарт не обманывались относительно реального значения резолюции. “Это будет Национальный совет Германии”, - сказал Ханнарт в своем отчете. Ничто не могло быть более тревожным для папы Римского. Всегда существовала возможность организовать Генеральный совет; но Немецкий национальный синод, включающий большое количество представителей-мирян, собравшийся в немецком городе, предвещал создание независимой Национальной Немецкой церкви, которая будет настаивать на отделении от Римского престола. Папа написал Генриху VIII. король Англии просил его преследовать немецких купцов; он убедил императора запретить предполагаемую встречу немецких государств; и, что было более важно, он поручил своему нунцию тайно предпринять

шаги по формированию лиги немецких князей, которые все еще были сторонниками сохранения средневековой церкви с ее доктринами, церемониями и обычаями. Это положило начало религиозному разделению Германии.

§ 2. Начало разделения в Германии.

Шпейерский сейм (1524 г.), возможно, можно рассматривать как начало разделения Германии на два противоположных лагеря - протестантский и римско-католический, хотя по-настоящему их пути разошлись после Крестьянской войны. Свержение или, по крайней мере, дискредитация Рейхсрегента передало управление всем, включая урегулирование религиозного вопроса, в руки князей, ни одного из которых, за исключением курфюрста Саксонии, особо не заботила идея национальности; в то время как некоторые из них, как бы они ни стремились или когда-то стремились к церковным реформам, искренне боялись “беспорядков”, которые, по их мнению, могли скрываться за любыми заметными изменениями в религиозных обычаях. Герцог Георг Саксонский, который остро ощущал коррупцию в Церкви, больше всего на свете боялся зарождения гуситского движения в Германии. Он знал, что усердная, проникательная, тайная гуситская или, скорее, таборитская пропаганда велась в Германии уже давно. Еще во время Лейпцигского диспута (1519), когда Джон Экк искусно заставил Лютера признаться, что он одобряет некоторые моменты гуситского восстания, герцог Георг подбоченился, потряс длинной бородой и воскликнул: “Боже, помоги нам! Чума!” Страх перед гуситской революцией проявляется в его переписке, и особенно в его письмах герцогу Иоанну Саксонскому и курфюрсту о беспорядках в Виттенберге. Это был триумф Римской курии, когда ее сторонники, начиная с Эка, смогли навесить клеймо гуссизма на лютеранское движение; и карьера пророков Цвикау, несмотря на их подавление Лютером, была для многих указанием на то, что могло стоять за новой проповедью. Когда в 1525 году началась крестьянская война, многие из прежних сторонников Лютера увидели в ней указание на опасности, в которые, как им казалось, Лютер вел Германию. Следует также отметить, что многие гуманисты теперь начали покидать дело лютеран; его августинское богословие заставило их думать, что он стремится создать новую схоластику, которая казалась им почти такой же плохой, как старая, которую они с радостью наблюдали за его нападками.

Римская курия поспешила воспользоваться всеми этими тревогами. Его усилия были настолько успешными, что вскоре ему удалось создать Римско-католическую партию среди южногерманских князей и заручиться ее стойкостью, пообещав несколько уступок и разрешив властям сохранять для светских нужд своих государств около пятой части церковных доходов в каждом государстве. Ведущими государствами в этой римско-католической федерации были Австрия и Бавария, а также, пока был жив герцог Георг, герцогская Саксония в средней Германии. Это, естественно, вызвало появление явно лютеранской партии, уже не национальной, в которую вошли курфюрст Саксонии, ландграф Гессенский, маркграф Бранденбургский, его брат Альберт и многие другие. Альберт возглавлял Тевтонский орден в Восточной Пруссии. Он секуляризировал свое полуцерковное княжество, стал первым герцогом Пруссии, и его государство с самого начала приняло евангелическую веру.

Это разделение отчетливо проявилось только после окончания Крестьянской войны. Реформация распространилась простым естественным путем, без каких-либо попыток согласованных действий или какого-либо намерения навязать новый и единообразный порядок

общественного богослужения или внести изменения в церковное управление. Сам Лютер не терял надежды на то, что великие церковные княжества могут стать светскими владениями, что епископы возьмут на себя руководство церковной реформой и что в Германии будет великая Национальная Церковь с небольшими внешними изменениями — достаточными только для того, чтобы позволить евангелическую проповедь и обучение. Это правда, что император ясно продемонстрировал свою позицию, отправив мучеников на костер в Нидерландах, и что, как мы видели, симптомы раскола начали проявляться в 1524 году. Тем не менее, все это не помешало такому опытному государственному деятелю, как курфюрст Саксонии, с уверенностью ожидать мирного и, насколько это касалось Германии, единодушного и сердечного решения религиозных трудностей. Внезапно разразилась буря, которая должна была разрушить эти оптимистические ожидания и коренным образом изменить весь ход лютеранской реформации. Это была крестьянская война.

§ 3. Крестьянская война.³¹⁹

С одной точки зрения, это восстание было просто последним, самым масштабным и самым катастрофическим из тех восстаний, которые, как мы уже видели, были почти хроническими в Германии в последние десятилетия пятнадцатого и в начале шестнадцатого века. Все социальные и экономические причины, которые их породили,³²⁰ проявляли все большую активность в 1524-1525 годах. Легко показать, как это с особой тщательностью сделали многие историки лютеранской Церкви, что Реформация при Лютере не имела ничего общего с внезапным восстанием, — так же легко, как доказать, что было мало общего между “Духовной нищетой” Франциска Ассизского и вульгарным коммунизмом Братьев и сестер Свободного Духа, между доктринами Виклифа и гигантской забастовкой рабочих, возглавляемой Уотом Тайлером и священником Боллом, между учением Гуса и крайними таборитскими фанатиками. Но факт остается фактом: голос Лютера пробудил эхо, о котором он и не мечтал, и что его воздействие нельзя измерить какими-то изменениями в доктрине или реформацией церковной организации. Времена Реформации созрели для революции, и слова смелого проповедника, прозвучавшие тогда, когда все люди были беспокойны и большинство людей были угнетены, особенно обращенные к тем, кто чувствовал тяжесть бремени и иго раздражающим, получили далеко разнесшийся отклик. Кроме того, послание Лютера было демократическим. Она уничтожила аристократию святых, она сравняла барьеры между мирянином и священником, она учила равенству всех людей перед Богом и праву каждого верующего человека находиться в Божьем присутствии, независимо от его ранга и условий жизни. Он не ограничивался проповедью новой теологии. Его послание было в высшей степени практичным. В своем Обращении к знати немецкой нации Лютер озвучил все обиды Германии, затронул почти все открытые раны того времени и предсказал недалекие бедствия.

Также нельзя забывать, что ни один великий лидер никогда не разбрасывался дикими словами таким безрассудным образом. Лютер обладал даром произносить сильные, поражающие фразы, слова, которые, казалось, проникали в самую суть вещей, образы, которые освещали предмет с яркостью вспышки молнии. Он публиковал в прессе трактаты и брошюры почти обо всем, написанные по большей части под влиянием момента и когда разгорелся пожар. Его слова проникли в души, полные бурлящих страстей того времени. Они с жадностью впитывали мысли о том, что все люди равны перед Богом и что существуют божественные заповеди о

братстве человечества, более важные, чем все человеческие законы. Они отказывались верить, что такие золотые идеи принадлежат только к сфере духовной жизни или что единственными предписаниями, отрицающими права простого человека, были декреты Римской курии. Успешные восстания швейцарских крестьян, замечательные победы Зиски, народного вождя, в соседних с богемией землях, по их мнению, были иллюстрациями того, как слова Лютера, как кувалда, могут быть воплощены в соответствующие дела.

Были услышаны и другие учения, помимо учения Лютера. Многие гуманисты, называвшие себя учениками Платона, излагали друзьям или в своих классах коммунистические мечты о Республике и публиковали утопии, подобные блестящему наброску идеального государства, вышедшему из-под пера Томаса Мора. Эти рассуждения “о кафедре” были услышаны “бродячими студентами” и пересказаны с убедительными иллюстрациями способом, который и не снился их ученым авторам, аудитории ремесленников и крестьян, которые были более чем готовы найти им неожиданное применение.³²¹

Не следует забывать о влиянии популярной астрологии, поскольку астрологи были влиятельны среди всех классов общества, во дворцах принцев, в домах бюргеров, на сборищах крестьян на рынках и церковных сборищах. В те дни они были заняты тем, что указывали на небесные знамения, предсказывали бедствия и народные восстания.³²²

Миссионеры движения принадлежали к самым разным слоям людей — бедным священникам, сочувствующим жалобам своих прихожан; странствующим монахам, покинувшим свои монастыри, особенно принадлежащие к ордену францисканцев; бедным студентам, переходящим из университета в университет; ремесленникам, путешествующим по немецкой моде из одного центра своего ремесла в другой. Они находили свою аудиторию на деревенских лужайках под липами или в трактирах в нижних частях городов. Они говорили на грубом народном языке и украшали свою речь множеством цитат из Священных Писаний. Они читали взволнованной аудитории небольшие брошюры и афиши, напечатанные толстыми буквами на грубой бумаге, в которых обсуждались животрепещущие вопросы дня.

Восстание началось неожиданно, без какой-либо предварительной подготовки или формулирования требований, в июне 1524 года, когда тысяча крестьян, принадлежащих к поместью графа Сигизмунда Люпфенского, подняли восстание против своего господина в Штюлингене, в нескольких милях к северо-западу от Шаффхаузена, и перешли под руководство Ганса Мюллера, старого ландскнехта. Мюллер повел своих крестьян, один из которых нес флаг, украшенный имперскими цветами красного, черного и желтого, в маленький городок Вальдсхут, расположенный примерно на полпути между Шаффхаузенем и Базелем. Жители города побратались с крестьянами, и тогда либо сформировалось грозное “Евангелическое братство”, либо были пущены его корни. Новость быстро распространилась на восток и запад. Крестьяне округов вокруг Боденского озера — в Альгау, Клеттгау, Хегау и Филлингене — подняли восстание. Восстание распространилось на север, в Нижнюю Швабию, и к крестьянам Лейфена, возглавляемым Якобом Вехе, присоединились некоторые из войск Трухзесса, генерала Швабской лиги. Восстали крестьяне Зальцбурга, Штирии и Тироля. В этих трех восстаниях на востоке было больше всего стойкости. Зальцбургские крестьяне осадили кардинала-архиепископа в его замке; они не сдавались до весны 1526 года, и то только после того, как добились уступок от своих сюзеренов. Тирольские крестьяне под руководством своего

мудрого лидера Михаэля Гайсмайера заперли эрцгерцога Фердинанда в Инсбруке и в конце концов добились существенных уступок. Восстание в Штирии было очень сильным; оно продолжалось до 1526 года и в конце концов было подавлено введением в страну чешских войск. Из Швабии пламя восстания перекинулось во Франконию, где часть повстанцев возглавил сбежавший преступник, печально известный Яклеин Рорбах. Именно эта банда совершила бессмысленную резню в Вайнсберге, единственное выдающееся злодеяние восстания. Группа и содеянное были отвергнуты остальными повстанцами. Томас Мюнцер, который, изгнанный из Цвикау, а затем из Альштедта, поселился в Мюльхаузене, с сердцем, воспламененным несправедливостью общества, проповедовал восстание крестьянам Тюрингена. Он выступил с пламенными воззваниями:

Восстань! Сражайся в битве Господней! Вперед! Вперед! Вперед! Нечестивые трепещут, когда слышат о тебе. Вперед! Вперед! Вперед! Будьте безжалостны, хотя Исаа говорит вам справедливые слова (Быт. xxxiii.). Не обращайтесь к стонам безбожников; они будут просить, рыдать и умолять вас о пощаде, как дети. Не проявляй к ним милосердия, как повелел Бог Моисею (Втор. vii.), и как Он открыл то же самое нам. Поднимите города и деревни; прежде всего, поднимите шахтеров.... Вперед! Вперед! Вперед! пока горит огонь, пусть кровь не остывает на ваших мечах! Бейте пинк-панком по наковальне Нимрода! Разружьте их башни до основания: пока жив один из них, вы не будете свободны от страха перед людьми. Пока они царствуют над вами, бесполезно говорить о страхе Божьем. Вперед! пока есть день! С вами Бог”.

Эти слова должны были воодушевить шахтеров Мансфельда. Им не удалось осуществить свое первоначальное намерение, но они послали банды вооруженных повстанцев через Тюринген и Гарц, и в течение четырнадцати дней было разрушено около сорока женских монастырей, а заключенные (многие из них были бедными женщинами, которым некуда было вернуться) были отправлены на произвол судьбы.

Восстание распространялось подобно пожару, одна провинция загоралась за другой, пока ранней весной 1525 года почти вся Германия не была охвачена волнениями. Единственными районами, которым удалось спастись, были Бавария на юге, Гессен, а также северные и северо-восточные провинции. Повстанцами были не только крестьяне. Беднейшее население многих городов брталось с повстанцами и вынудило гражданские власти впустить их в свои стены.

§ 4. Двенадцать Статей.

Были опубликованы заявления с жалобами, которые, естественно, сильно напоминали те, что были опубликованы во время более ранних социальных восстаний. Крестьяне жаловались на постоянное присвоение лесных массивов владельцами и на то, что им не разрешалось ловить рыбу в ручьях или убивать дичь на своих полях. Они осудили практику собственников заставлять своих крестьян выполнять для него все виды безвозмездных работ — ремонтировать его дороги, помогать на охоте, разводить рыбу в прудах. Они говорили, что их посевы были испорчены дичью, которую им не разрешалось убивать, и охотниками, преследующими дичь; что землевладелец провел свои ручьи по их лугам и лишил их воды для орошения. Они

протестовали против произвольных наказаний, неизвестных старым обычным сельским судам (Хайнгерихте).

Они сформулировали свои требования справедливости в различных сериях статей, все из которых имели общие черты, но содержали некоторые разительные различия. Некоторые больше касались жалоб крестьян, другие озвучивали требования городского рабочего класса, третьи снова содержали следы политических устремлений более образованных лидеров движения. Почти все протестуют против того, что они не просят ничего, что противоречило бы требованиям справедливой власти, будь то гражданской или церковной, или Евангелию Христа. Крестьяне заявили, что каждая деревенская община должна иметь право выбирать своего собственного пастора и увольнять его, если он окажется неудовлетворительным; что, хотя они готовы платить большую десятину (т.е. Десятую часть урожая), меньшую десятину (т.е. Десятую часть яиц, ягнят, жеребят и т.д.) больше брать не следует; что эти большие десятины должны быть зарезервированы для выплаты жалованья деревенскому священнику, а то, что останется, должно пойти на поддержку бедных; что, поскольку Бог сделал всех людей свободными, крепостное право должно быть отменено. ; и что, хотя крестьяне готовы подчиняться законной власти, их не следует призывать подчиняться произвольным приказам своих землевладельцев. Они настаивали на том, что имеют право ловить рыбу в ручьях (не в прудах), убивать дичь и диких птиц, поскольку они являются общественной собственностью. Они требовали, чтобы леса, луга и пашни, которые когда-то принадлежали деревенской общине, но были присвоены землевладельцами, были восстановлены. Они настаивали на том, что произвольные услуги любого рода должны быть отменены и что любые услуги, помимо старых феодальных повинностей, должны оплачиваться в виде заработной платы. Они призывали к отмене обычая, по которому домовладельцу разрешалось во имя исполнения смертного приговора наложить арест на самое ценное имущество умершего арендатора; и к созданию беспристрастных судов в сельских округах. В заключение они попросили, чтобы все их требования были проверены словом Божиим и чтобы, если будет обнаружено, что какое-либо из них противоречит его учению, оно было отвергнуто.³²³

Горожане просили отменить все сословные привилегии при назначении на гражданские и церковные должности; улучшить отправление правосудия в городских судах; скорректировать местное налогообложение; разрешить всем жителям голосовать при выборах членов городского совета; и улучшить заботу о бедных. Некоторые из наиболее амбициозных манифестов содержали требования к тщательной реконструкции всей администрации Империи по схеме, которая включала в себя свержение всех феодальных судов, и предусматривала создание ряда имперских судебных инстанций, начиная с возрожденных общинных судов и заканчивая центральным имперским апелляционным судом для всей Империи. Некоторые манифесты требовали унификации чеканки монет, мер и весов по всей империи; конфискации церковных пожертвований с целью уменьшения налогообложения и погашения феодальных повинностей; введения единой ставки налогов и таможенных пошлин; ограничения деятельности крупных капиталистов; регулирования торговли законом; и допуска представителей всех классов общества к государственной администрации. В любом случае император считался Верховным Лордом. Были также декларации о суверенитете народа, сделанные таким образом, чтобы предположить, что некоторые лидеры повстанцев изучали труды Марсилия Падуанского. Самым известным из всех этих заявлений были "Двенадцать статей". Документ был принят делегатами от нескольких повстанческих банд, которые встретились в Меммингене в Верхней Швабии, чтобы объединиться на общей основе действий.

Если эти статьи на самом деле не были составлены Шапелером, другом Цвингли, то, вероятно, были вдохновлены им. Эти Двенадцать статей придали движению нечто вроде единства, хотя следует помнить, что документы, носящие такое название, не всегда совпадают. Основная мысль крестьянина заключалась в том, чтобы получить справедливую долю земли, гарантии владения и уменьшения феодальных повинностей; а идея ремесленника заключалась в получении полных гражданских привилегий и адекватного представительства своего класса в городском совете.

§ 5. Подавление восстания.

В первые месяцы 1525 года восстание унесло с собой все, что было до него. Многие небольшие города объединились с крестьянами; действительно, существовали опасения, что все города Швабии могут объединиться в поддержку движения. Видные дворяне были вынуждены присоединиться к “Евангелическому братству”, которое было официально учреждено в Меммингене (7 марта). Принцам, таким как кардинал-курфюрст Майнца и епископ Вюрцбурга, пришлось примириться с повстанцами. Германия была лишена солдат, призванных для участия в итальянских войнах Карла V. Правящие силы вовлекли повстанцев в переговоры просто с целью выиграть время, как стало ясно впоследствии. Но в восстании не было солидности, и оно не породило, за исключением Тироля, ни одного лидера, способного эффективно управлять своими последователями и давать практические результаты их усилиям. Повстанцы были деморализованы после своих первых успехов, и все движение начало проявлять признаки распада еще до того, как принцы оправились от пережитого ужаса. Филипп Гессенский помог курфюрсту Саксонии (Иоанну, поскольку Фридрих погиб во время восстания) сокрушить Мюнцера при Франкенхаузене (15 мая 1525 г.), город Мюльхаузен был взят и лишен своих привилегий имперского города, а восстание в Северной Германии было подавлено.

Георг Трюхсесс, генерал Швабской лиги, его армия, усиленная наемниками, вернувшись в Германию после битвы при Павии, овладел бандами в Швабии и Франконии. Эльзасское восстание было с большой жестокостью подавлено герцогом Антонием Лотарингским. Ни один из немецких князей не проявил ни малейшего уважения или милосердия к своим мятежным подданным, за исключением старого курфюрста Фридриха и Филиппа Гессенских. Первый на смертном одре умолял своего брата снисходительно отнестись к введенному в заблуждение народу; у крестьян Филиппа было меньше поводов для жалоб, чем у крестьян любой другой провинции, ландграф обсуждал с ними их жалобы и шел на уступки, которые эффективно предотвращали любое восстание. Повсюду, за исключением Тироля, восстание было подавлено с беспощадной жестокостью, и от 100 000 до 150 000 повстанцев погибли на поле боя или где-либо еще. Восстание продолжалось в Тироле, Зальцбурге и Штирии до весны 1526 года; во всех других районах Германии повстанцы были подавлены до конца 1525 года. Не было предпринято никаких попыток вылечить болезни, которые привели к восстанию. Угнетение крестьянства усилилось. Последние остатки местного самоуправления были уничтожены, и несчастные люди были обречены на долгие поколения существования в условиях самой низкой деградации. 1525 год был одним из самых печальных в летописи немецкого Отечества.

Крестьянская война оказала глубокое, длительное и катастрофическое воздействие на реформационное движение в Германии. Это повлияло лично на Лютера, и это не могло не отразиться на деле, которое он явно возглавлял. Это остановило распространение Реформации по всей Германии. Это передало руководство движением в руки евангелических князей и разрушило надежду на то, что оно может дать начало реформированной Национальной немецкой церкви.

§ 6. Лютер и крестьянская война.

Влияние восстания на характер самого Лютера и его будущее поведение было слишком важным для нас, чтобы полностью упускать из виду его личные отношения к крестьянам и их восстанию. Он был сыном крестьянина. “Мой отец, мой дед, мои предки - все были настоящими крестьянами”, - привык говорить он. Он видел угнетение крестьянского класса и сочувствовал ему, а также осуждал его в своей собственной резкой манере. Он упрекал землевладельцев в жадности, когда говорил, что если бы земля крестьянина производила столько монет, сколько колосьев кукурузы, прибыль досталась бы только землевладельцу. Он публично выразил свое одобрение многим предложениям, содержащимся в Двенадцати статьях, задолго до того, как они были сформулированы и приняты в Меммингене в марте 1525 года, и выступал за возврат к старым общинным законам или обычаям Германии. Онофициально заявил о своей согласии с содержанием Двенадцати статей после того, как они стали “уставом” восстания. Но Лютер, справедливо или ошибочно, считал, что от вооруженного восстания не может быть никакой реальной пользы. Он верил со всем упорством своей натуры, что, хотя к реформам могут быть два пути - путь мира и путь войны, путь мира - единственный, который приведет к долговременной выгоде. После разразившегося шторма он снова и снова рисковал своей жизнью, посещая пострадавшие районы, чтобы предупредить людей об опасности, которой они подвергаются. После попытки Мюнцера поднять шахтеров Мансфельда и пронести огонь и меч в район, где жили его родители, Лютер предпринял последнюю попытку направить заблудших людей на более разумный путь. Он совершил проповедническое турне по недовольным районам. Он отправился на запад от Эйслебена в Штольберг (21 апреля 1525 г.); оттуда в Нордхаузен, где сторонники Мюнцера звонили в колокола, чтобы заглушить его голос; на юг в Эрфурт (28 апреля); снова на север в плодородную долину Золотого Оэ и в Вальхаузен (1 мая); снова на юг в Веймар (3 мая), где до него дошла весть о том, что его курфюрст умирает и что он выразил желание его увидеть, — сообщение, которое дошло до него слишком поздно. Именно во время этого путешествия, или вскоре после своего возвращения в Виттенберг (6 мая), Лютер написал свой яростный трактат Против орд убийц и вороватых крестьян. Он написал это, когда его разум был полон призывов Мюнцера к бойне, когда опасность была в самом разгаре, когда в глазах и ушах стояли все виды и звуки разрушения и суматохи, когда все еще висело на волоске от того, не уничтожат ли банды повстанцев все, что было перед ними. В этом ужасном памфлете Лютер призывал князей подавить восстание. Именно эта брошюра, с учетом всех смягчающих обстоятельств, навсегда останется несмываемым пятном на его благородной жизни и карьере.³²⁴

Что касается его самого, то Крестьянская война запечатлела в нем глубокое недоверие ко всем, кто имел какое-либо отношение к восстанию. Он не забыл действия Карлштадта в Виттенберге в 1521-1522 годах, и когда Карлштадт был уличен в попытке проповедовать восстание во

Франконии и Швабии, Лютер так и не простил его. Его глубоко укоренившееся и неугасимое подозрение к Цвингли можно проследить до того, как он обнаружил, что друзья цюрихского реформатора были в Меммингене, помогли революционным делегатам разработать проект Двенадцати статей и побудили их укрыться под прикрытием религиозной реформации. Что, возможно, более важно, Крестьянская война породила у Лютера глубокое и стойкое недоверие к “простому человеку”, которого совершенно не было на ранних этапах его карьеры, что заставляло его препятствовать любым попыткам придать Евангелической церкви что-либо похожее на демократическую церковную организацию, и что побудило его связать свою Реформацию цепями светского контроля до такой степени, что он рассматривал светскую власть как обладающую квази-епископальной функцией.³²⁵ Вероятно, верно, что он спас Реформацию в Германии, оторвав ее от революционного движения; но этот рывок наложил отпечаток как на его собственный характер, так и на характер движения, которое он возглавлял. Враги Лютера быстро нажились на его отношениях с крестьянами, и Айнзер сравнил его с Пилатом, который умыл руки после того, как предал Иисуса евреям.

§ 7. Германия разделилась на два отдельных лагеря.

Восстание, если не считать его личного воздействия на Лютера, оказало глубокое влияние на всю немецкую реформацию. Некоторые князья, которые до сих пор поддерживали сторону романистов, утвердились в своей оппозиции; другие, которые колебались, окончательно отказались от дела Реформы. Обоим казалось, что за протестантской реформацией стоит социальная революция отчаянного рода. Многие невинные проповедники новой веры погибли во время беспорядков — их разыскивали и убивали князья как зачинщиков восстания. Герцог Антоний Лотарингский, например, подавляя восстание в Эльзасе, не скрывал своей веры в то, что причиной восстания были евангелические проповедники, и безжалостно убивал их, когда мог обнаружить. Курия сочла, что "Крестьянская война" была замечательным текстом для проповеди, когда они настаивали на том, что Лютер был еще одним гуссом и что движение, которое он возглавлял, было возрождением церковного и социального коммунизма крайних гуситов (таборитов); что все, кто нападал на Римскую церковь, были вовлечены в попытку разрушить основы общества. Именно после крестьянской войны Римско-католическая лига князей стала сильнее по численности и сплоченности.

Результат войны также показал, что единственным сильным политическим элементом в Германии было княжество. Рейхсрегистратия, которая все еще сохраняла шаткое существование, показала, что у нее нет сил справиться с беспорядками, и к ее попыткам посредничества отнеслись с презрением. С этого, 1525 года, стало ясно, что политическая судьба страны определенно определяется территориальной централизацией вокруг более крупных князей и знати. Было неизбежно, что консервативная религиозная реформация должна была следовать по пути политического роста, в результате чего в Германии не могло быть Национальной евангелической церкви. Она могла найти исход только в территориальных Церквях, находящихся под властью и защитой тех князей, которые из религиозных побуждений и совести приняли принципы, проповедуемые Лютером.

Более радикальное религиозное движение распалось на фрагменты и вновь появилось под видом оклеветанных и преследуемых анабаптистов, — название, которое охватывало очень широкий спектр религиозных мнений, — некоторые из которых присвоили себе устремления социальной революции, которая была подавлена князьями. Консервативная и лютеранская реформация нашла свои основные элементы силы в средних классах Германии; в то время как у анабаптистов было наибольшее число последователей среди ремесленников и городских рабочих.

Ужасы того времени разделили Германию на два враждебных лагеря — один принял, а другой отверг церковную реформацию, которая перестала быть национальным движением в каком-либо реальном смысле этого слова.

Глава V. От сейма в Шпейере 1526 года До Религиозного мира в Аугсбурге 1555 года.

§ 1. Сейм в Шпейере, 1526 г. 326

Когда Германия вышла из состояния социальной революции в конце 1525 года, вскоре стало очевидно, что религиозный вопрос оставался нерешенным и разделял страну на две партии, различия между которыми заметно усилились, и что обе, как всегда, твердо придерживались своих отличительных принципов. Возможно, одной из причин возросшего напряжения было поведение многих романистских князей при подавлении восстания. За победами Швабской лиги в Южной Германии повсюду последовали религиозные преследования. Люди были приговорены к конфискации имущества или к смерти не за мятеж, поскольку они никогда не принимали участия в восстании, а за свою признанную приверженность лютеранскому учению. Особыми объектами нападок были лютеранские проповедники. Айчили, который выступал в качестве главного маршала Швабской лиги, привлек к себе внимание тем, что грабил, убивал и предавал их смерти. Говорят, что он повесил сорок лютеранских пасторов на деревьях у дороги в одном небольшом районе. Римско-католические князья объединились для взаимной защиты еще в июле 1525 года. Наиболее влиятельными членами этой лиги были герцог Георг Саксонский, курфюрсты Бранденбурга и Майнца и герцог Генрих Брауншвейг-Вольфенбюттельский. Герцог Генрих был выбран для того, чтобы сообщить императору о том, что они сделали, и заручиться его сочувствием и поддержкой. Он сказал Карлу V., что лига была создана “против лютеран на случай, если они попытаются силой или хитростью склонить их к неверию”.

С другой стороны, у протестантских князей было взаимопонимание — по-видимому, это не было определенной лигой — защищать друг друга от любых посягательств на их веру. Лидерами были Иоанн Саксонский, Филипп Гессенский, герцоги Отто, Эрнест и Франциск Брауншвейг-

Люнебургские и графы Мансфельд. Филипп Гессенский был душой этого союза. Они могли рассчитывать на поддержку многих имперских городов, некоторые из которых, такие как Нюрнберг, находились в районах, где страной правили романистские князья.

На сейме, собравшемся в Аугсбурге в 1525 году, присутствовало очень мало людей, и обе стороны ждали Сейма, который должен был состояться в Шпейере в следующем году.

Никогда не было никаких сомнений относительно позиции и мнений императора по религиозному вопросу. Он решительно высказал их на Вормсском сейме. Он был воспитан в верованиях средневекового католицизма: он ценил церемонии и обычаи средневекового богослужения; он не понимал никакого другого церковного устройства; он верил, что римский епископ был главой Церкви на земле; он с самого начала последовательно преследовал протестантов в своих наследственных владениях; он желал исполнения Вормсского эдикта против Лютера. Если бы он остался в Германии, все его личное и официальное влияние было бы брошено на чашу весов против евангельской веры. Беспорядки в Испании и начало войны против Франциска Французского помешали его присутствию в Германии после его первого краткого визита. Теперь он победил Франциска и взял его в плен в битве при Павии. Условия Мадридского мирного договора обязывали Франциска помогать Карлу в подавлении лютеранства и других пагубных сект в Германии, и когда он был подписан, император, казалось, был волен сокрушить немецких протестантов. Но сам его успех был против него; папская дипломатия сплела вокруг него еще одну паутину; он по-прежнему не мог посетить Отечество, и религиозный вопрос пришлось обсуждать в Шпейере в его отсутствие.

Когда заседал сейм, национальная враждебность к Риму не проявляла никаких признаков ослабления. Тема недовольства немцев курией была вновь поднята, и утверждалось, что главными причинами крестьянской войны были безжалостные поборы духовных землевладельцев. Возможно, это мнение было оправдано тем фактом, что положение крестьянства на землях монастырей и епископов было заведомо хуже, чем на землях светских владельцев; и что, хотя клерикальные землевладельцы мало что сделали для усмирения повстанцев, они были безжалостны после того, как повстанцы были усмирены. В этом обвинении было достаточно правды, чтобы сделать его достаточным ответом на обвинение в том, что социальная революция была результатом учения Лютера.

Фердинанд Австрийский председательствовал в отсутствие своего брата и, действуя по указанию императора, потребовал приведения в исполнение Вормсского эдикта и декрета сейма о запрете всех нововведений в богослужении и доктрине. Он пообещал, что, если эти императорские требования будут удовлетворены, император убедит папу созвать Генеральный собор для окончательного урегулирования религиозных трудностей. Но сейм не был склонен принять эти предложения. Император находился в состоянии войны с папой римским. Многие представители духовенства чувствовали себя в щекотливом положении и не присутствовали. Сторонники лютеранства составляли большинство, и делегаты от городов настаивали на невозможности привести в исполнение Вормсский эдикт. Комитет князей [327](#) предложил урегулировать религиозный вопрос путем компромисса, который был почти полностью благоприятен Реформации. Они предложили признать брак священников, раздачу чаши мирянам, использование немецкого языка, а также латыни при крещении и причастии; отменить все частные мессы; значительно сократить количество церковных праздников; и что при изложении Священного Писания правилом должно быть толкование Священного Писания

на основании Священного Писания. После долгих препирательств сейм, наконец, принял решение об освобождении, которое предусматривало, что слово Божье должно проповедоваться без помех, что должно быть предоставлено возмещение за прошлые нарушения Вормсского эдикта и что до заседания Генерального совета, которое должно состояться в одном из немецких городов, каждое государство должно жить так, чтобы оно надеялось ответить за свое поведение перед Богом и императором.

Это решение стало триумфом территориальной системы, а также Реформации и предвещало постоянный религиозный мир в Аугсбурге (1555). Трудно понять, как Карл или Фердинанд могли принять это. Их молчаливое согласие, вероятно, было связано с тем фактом, что император в то время находился в состоянии войны с Папой Римским (разграбление Рима констеблем Бурбоном произошло 6 мая 1527 года), и что угроза немецкого церковного восстания была хорошим оружием для использования против Его Святейшества. Фердинанд вел переговоры об избрании на короны Венгрии и Богемии и не осмеливался оскорблять своих немецких подданных. Оба брата рассматривали любые уступки немецким лютеранам как временные компромиссы, которые должны быть отменены, как только они смогут отстаивать свои собственные взгляды.

Протестантские штаты и города сразу же истолковали это решение сейма как означающее, что они имеют законное право организовывать территориальные Церкви и вносить в общественное богослужение такие изменения, которые приведут его в соответствие с их евангельскими верованиями.³²⁸ Скрытое евангельское чувство сразу же проявилось. Почти вся Северная Германия, за исключением Бранденбурга, герцогской Саксонии и Брауншвейг-Вольфенбюттеля, стала лютеранской в течение трех лет. Тем не менее, следует отметить, что юридическое признание было предоставлено светским властям и что правящий князь, у которого не было очень твердых религиозных убеждений, мог изменить религию своего княжества из политических или эгоистичных побуждений. В 1529 году стало очевидно, что политические чувства или страх перед императором были намного сильнее, чем решения поддерживать евангелическую реформацию.

Вскоре после созыва сейма Филипп Гессенский совершил политическую ошибку, которая, по мнению многих его друзей-евангелистов, была связана с нелояльностью к Отечеству, заставила их опасаться связывать себя с ним и значительно ослабила протестантскую партию. Ибо большинство этих северогерманских князей, несмотря на их приверженность разрушительному территориальному принципу, обладали твердым сознательным патриотизмом, который заставлял их чувствовать, что ни один порядочный немец не должен обращаться за помощью к Франции или заключать союз с чехом. Многие римско-католические князья, раздраженные распространением и организацией лютеранства, последовавшими за решением сейма 1526 года, преследовали своих подданных-лютеран путем конфискации имущества и смертной казни. Ландграф женился на дочери герцога Георга Саксонского и знал, что его тесть постоянно изрекает угрозы в адрес курфюрста Саксонии. Размышляя над этими вещами, Филипп постепенно пришел к убеждению, что романистские князья планируют смертельное нападение на лютеран и что сначала нападут на курфюрста, а затем и на него самого, а их территории будут разделены между завоевателями. У него не было доказательств, но его подозрения были сильны. Случай свел его с Отто фон Паком, управляющим канцелярией герцогства Саксония, который на допросе признал, что подозрения Филиппа были верны, и пообещал раздобыть копию договора. Пак был негодяем. Такого договора не существовало. Он подделал документ,

который объявил копией подлинного договора, и получил 4000 гульденов за свои старания. Филипп отнес подделку курфюрсту Саксонии и Лютеру, оба из которых не сомневались в ее подлинном характере. Однако они оба отказались согласиться с планом Филиппа обратиться за помощью за пределы империи. Ландграф считал ситуацию слишком опасной, чтобы оставаться пассивным. Он попытался заручиться поддержкой Франциска Французского и Запольи, решительного противника Австрийского дома в Богемии. Только после того, как он полностью посвятил себя делу, было сделано открытие, что документ, которому он доверял, был не чем иным, как подделкой. Его поспешные действия по обращению к Франции и Богемии с просьбой вмешаться во внутренние дела империи вызвали возмущение его единоверцев. Когда сейм собрался в Шпейере, лютеране были разделены и дискредитированы. С другой стороны, папа и император больше не находились в состоянии войны, и члены духовенства в большом количестве стекались в сейм.

На этом памятном сейме в Шпейере (1529) компактное римско-католическое большинство столкнулось со слабым лютеранским меньшинством. Император через своих уполномоченных с самого начала заявил, что он отменил “своей императорской и абсолютной властью (Machtvollkommenheit)” пункт указа 1526 года, на который опирались лютеране, когда основывали свои территориальные Церкви; по его словам, это было причиной “многих дурных советов и недоразумений”. Большинство членов сейма поддержали решение императора, и практический эффект постановления, за которое было проголосовано, заключался в отмене постановления от 1526 года. В нем говорилось, что германские государства, принявшие Вормсский эдикт, должны продолжать это делать; это означало, что в латинистских округах не должно быть никакой терпимости к лютеранам. В нем говорилось, что в округах, вышедших из-под действия Эдикта, не должно быть никаких дальнейших нововведений, за исключением того, что никому нельзя препятствовать посещать мессу; что секты, отрицающие причастие истинного Тела и Крови Христа (цвинглианцы), должны быть терпимы не больше, чем анабаптисты. Что было самым важным, в нем провозглашалось, что ни один церковный орган не должен быть лишен своих полномочий или доходов. Именно этот последний пункт уничтожил всякую возможность создания лютеранских церквей; ибо это означало, что повсюду должно было быть восстановлено средневековое церковное правление, а вместе с ним и право епископов иметь дело со всеми проповедниками в пределах своих епархий.

§ 2. Протест.329

Именно это постановление вызвало знаменитый ПРОТЕСТ, от которого и произошло название протестантского. Протест был зачитан в сейме в тот день (19 апреля 1529 г.), когда было отказано во всех уступках лютеранам. Фердинанд и другие имперские уполномоченные не разрешили его публикацию во время “перерыва”, и протестующие подготовили и опубликовали юридический документ, в котором они воплотили Протест, со всеми необходимыми документами в приложении. Принятая правовая позиция заключалась в том, что единогласное решение одного сейма (1526 г.) не могло быть отменено большинством голосов второго сейма (1529 г.). Протестующие заявили, что они намерены соблюдать “перерыв” 1526 года; что “перерыв” 1529 года не должен быть обязательным для них, потому что они не были сторонами, давшими согласие. Когда их заставляли делать выбор между послушанием Богу и императору, они были вынуждены выбрать первое; и они апеллировали из-за обид, причиненных им на

Сейме, к императору, к следующему свободному Генеральному совету Святого христианского мира или к церковному конгрессу немецкой нации. Документ подписали курфюрст Иоанн Саксонский, маркграф Георг Бранденбургский, герцоги Эрнест и Франциск Брауншвейг-Люнебургские, ландграф Филипп Гессенский и принц Вольфганг Ангальтский. The fourteen cities which adhered were Strassburg, Nürnberg, Ulm, Constance, Lindau, Memmingen, Kempten, Nördlingen, Heilbronn, Reutlingen, Isny, St. Gallen, Wissenberg, and Windsheim. Многие из этих городов были скорее цвинглианскими, чем лютеранскими, но все они объединились перед лицом общей опасности.

Протест в Шпайере воплощал в себе не новый принцип, согласно которому меньшинство немецких государств, когда они чувствовали себя угнетенными большинством, могло закрепиться за законами Империи; и эта идея проявляется в действии вплоть до Сейма 1555 года, когда она была определенно признана. Такое меньшинство, чтобы поддерживать успешную оборону, должно было быть сплоченным и способным защитить себя силой, если это необходимо. Это сразу же почувствовали; и через три дня после того, как Протест был зачитан в сейме (22 апреля), выборные Саксония, Гессен и города Страсбург, Ульм и Нюрнберг заключили “секретный и особый договор”. Они обязались защищать друг друга в случае нападения по слову Божьему, независимо от того, исходило ли нападение от Швабской лиги, от Рейхсрегистратии или от самого императора. Вскоре после заседания сейма были выдвинуты предложения о том, чтобы сделать соглашение эффективным и обширным, — одно было разработано представителями городов, а другое — курфюрстом Саксонии, — которые очень тщательно предусматривали взаимную поддержку; но ни одно из них не принимало во внимание разногласия, стоявшие за протестом. Эти расхождения были достаточно сильны, чтобы разрушить союз.

Разногласия, разделявшие немецких протестантов, носили не только теологический характер, хотя их доктринальные споры были наиболее очевидны.

§ 3. Лютер и Цвингли.

Движение за реформацию, которое практически ничем не было обязано Виттенбергу, быстро развивалось в Швейцарии, и два самых сильных кантона, Цюрих и Берн, восстали против Римской церкви. Ее лидер, Хульдрайх Цвингли, был совершенно не похож на Лютера по темпераменту, образованию и окружению.

Он никогда не проходил через ужасные духовные конфликты, которые оставили след в жизни Лютера и сделали его тем человеком, которым он был. Никакое глубокое чувство личного греха никогда не преследовало его, не делало его раннюю зрелость бременем для него. Долгое время после того, как он стал известен как реформатор, он умел сочетать сильное чувство моральной ответственности с некоторой распушенностью в личной жизни. В отличие от Лютера и Кальвина, он был не из тех людей, которые могли бы стать лидером в глубоко духовном возрождении.

Он с детства подвергался влиянию гуманизма. Его дядя, Бартоломью Цвингли, приходской священник в Вильдхаусе, и декан Уэзена, на попечение которого был отдан мальчик,

испытывали сильную симпатию к Новому Знанию, и мальчик впитал его. Его юный интеллект питался Гомером, Пиндаром и Цицероном; и всю свою жизнь он почитал великих язычников древности так же высоко, как любого христианского святого. Если можно сказать, что он склонился перед доминирующим влиянием какого-либо одного человека, то именно Эразм, а не Лютер вызвал у него восхищение. У него был учитель Томас Виттенбах, который был наполовину реформатором, наполовину учеником Эразма; и он научился у него изучать Священные Писания и труды таких ранних Отцов Церкви, как Ориген, Иероним и Златоуст. Как и на многих других гуманистов к северу от Альп, мистический христианский платонизм Пико делла Мирандолы оказал на него некоторое влияние. Он никогда не изучал схоластическую теологию и ничего не знал о том, какие чары она накладывает на людей, прошедших в ней обучение. Из всех реформаторов Лютер был наименее удален от средневекового взгляда на религию, а Цвингли ушел от него дальше всех.

Его раннее церковное окружение также отличалось от окружения Лютера. В детстве его никогда не учили считать Церковь Домом папы Римского, в котором епископ Рима имел право на почтение и послушание, подобающие домашнему отцу. На его земле люди давно привыкли сами управлять своими церковными делами. Большая часть Швейцарии мало что знала о преимуществах или недостатках средневекового епископального правления. Церковная собственность платила свою долю общественных налогов, и даже монастыри подлежали гражданской инспекции. Если в наши дни случайный турист забредет в церковь, которая называется Кафедральным собором в этой сохранившейся древней средневековой республике, Сан-Марино, он обнаружит, что места “консулов” маленькой республики занимают то место, где он ожидает найти епископскую кафедру. Гражданская власть утверждала свое превосходство над церковной в большинстве случаев в этих маленьких средневековых республиках. Папам нужно было, чтобы Сан-Марино было занозой в боку Малатесты из Римини, они наняли большую часть своих солдат из швейцарских кантонов и поэтому терпели многое, чего не допустили бы в другом месте.

Социальное окружение швейцарского реформатора сильно отличалось от окружения Лютера. Он был свободным швейцарцем, который в детстве слушал рассказы о героических битвах при Моргартене, Семпахе, Море и Нанси и впитал наследственную ненависть к Дому Габсбургов. Он не боялся “простого человека”, пугала Лютера после Крестьянской войны. Упорядоченная демократическая жизнь была воздухом, которым он дышал, и то почтение, которое Лютер питал к императору, “который защищал бедных людей от турок”, и к землевладельцам, Цвингли питал к отцам общества, избранным всенародным голосованием. Когда немецкий реформатор думал о Цвингли, он всегда бормотал то, что архиепископ Паркер сказал о Джоне Ноксе: “Боже, сохрани нас от таких посещений, какие пытался совершить Нокс в Шотландии; пусть люди сами распоряжаются всем!”³³⁰

Несомненно, благодаря этому республиканскому воспитанию, Цвингли не обладал той отстраненностью от политических дел, которая была характерной чертой Лютера. Он верил, что его миссия имеет такое же отношение к политике, как и к религии, и что религиозная реформация должна быть осуществлена политическими силами, будь то в более ограниченной сфере Швейцарии или в более обширной Германии. Он никогда не делал ни шага вперед, пока не увлек за собой гражданские власти Цюриха. Его продвижение вперед всегда было рассчитано. Тезисы Лютера (ноябрь 1517 г.) были вулканической вспышкой совести, обеспокоенной видом великого религиозного скандала, и их автор не имел намерения делать

ничего, кроме протеста против единого великого зла; в то время он понятия не имел, к чему приведет его протест. Тезисы Цвингли (январь 1523 г.) были тщательно разработанной программой Реформации, которую он намеревался осуществлять постепенно и при содействии Цюрихского совета. Его ум был полон политических комбинаций с целью осуществления его планов реформации. Еще в 1524 году он вел переписку с Пиркхаймером о возможности заключения союза между Нюрнбергом и Цюрихом — двумя могущественными протестантскими городами. Этот союз не сложился. Но в 1527 году между Цюрихом и Констанцем, имперским немецким городом, была заключена религиозно-политическая лига (*das christliche Bürgerrecht*); Санкт-Галлен присоединился в 1528 году; Биль, Мюльхаузен и Базель в 1529 году; даже Страсбург, опасавшийся растущего могущества Дома Габсбургов, был включен в состав в 1530 году. Лихорадочная политическая деятельность Цвингли привлекала к нему Филиппа Гессенского почти так же сильно, как вызывала неприязнь и даже страх Фердинанда Австрийского. Курфюрст Саксонии и Лютер опасались его влияния на “молодого человека из Гессена”.

Меланхтон был первым, кто настаивал на пагубном влиянии деятельности Цвингли на мир в Империи. Он убедил себя, что, если бы лютеране остались в Шпейере одни, романисты были бы готовы пойти на уступки, которые сделали бы протест ненужным. Он вернулся в Виттенберг, полный дурных предчувствий. Протест мог привести к неповиновению императору и подрыву Империи. Правильно ли было для подданных защищаться войной против гражданской власти, которая была предопределена Богом? “Моя совесть, - писал он, - встревожена из-за этого; я наполовину мертв, думая об этом”.

Он находил Лютера только чересчур симпатичным; он был полон решимости утверждать, что если принц приказывает что-либо, противоречащее слову Божьему, долг подданного - оказать насколько возможно пассивное сопротивление, но что никогда не было правильным активно противодействовать ему силой оружия. Еще в меньшей степени долг христианина заключать союз для такого сопротивления с теми, кто не придерживался “всей истины Божьей”. Следовательно, Лютер не имел ничего общего с наступательным и оборонительным союзом против императора с городами, разделявшими, по его мнению, ошибки Цвингли.

Это означало гораздо больше, чем разрыв со швейцарцами. Южногерманские города Страсбург, Мемминген, Констанц, Линдау и другие были скорее цвинглианскими, чем лютеранскими. Дело было не только в том, что они были склонны к более радикальной теологии швейцарского реформатора; они обнаружили, что его метод организации реформированной церкви, разработанный для нужд Цюриха, подходил их муниципальным учреждениям лучше, чем территориальные организации, принятые лютеранскими церквями Северной Германии. Для Лютера, чьи взгляды на место “простого человека” в Церкви изменила Крестьянская война, это само по себе было опасностью, угрожавшей благополучию зарождающихся Церквей. Это сделало церковное управление слишком демократичным; и оно сделало это в тех самых центрах, где демократия была наиболее опасна. Он не мог забыть, что толпа в этих немецких городах принимала участие в недавно подавленной социальной революции, что их рабочее население все еще было местом вербовки анабаптистских сектантов, и что в самом Меммингене цвинглианские партизаны помогли организовать революцию и связать ее с религиозным пробуждением. Кроме того, притяжение, которое привлекло эти немецкие города

к Швейцарии, могло привести к более масштабным политическим последствиям, которые, казалось, угрожали тому единству, которое еще оставалось у Германской империи. Это может привести к отделению городов от немецкого Отечества и образованию новых кантонов, оторванных от Германии, чтобы увеличить мощь Швейцарской конфедерации.

§ 4. Марбургский коллоквиум.331

Все эти мысли были в умах Лютера и его коллег-богословов и оказали влияние на курфюрста Саксонского, когда их отказ присоединиться сделал невозможным создание предложенного оборонительного союза. Никто не был разочарован больше, чем ландграф Гессенский, самый способный политический лидер, которого породила немецкая реформация. Он знал о Цвингли больше, чем его собратья-князья в Северной Германии; он живо интересовался богословскими вопросами; он в какой-то степени сочувствовал особым взглядам Цвингли; и у него не было того страха перед демократией, который испытывали Лютер и его избиратель. Он справедливо полагал, как показали события, что разногласия или подозрения в различиях в теологии были сильнейшими причинами разделения; он был прав, предполагая, что лютеранские богословы по невежеству преувеличивали эти различия; и он надеялся, что если удастся свести лютеран и швейцарцев вместе, они научатся лучше узнавать друг друга. Поэтому он попытался организовать религиозную конференцию в своем замке в Марбурге. Ему пришлось преодолеть много трудностей, связанных с лютеранами. Ни Лютер, ни Меланхтон не желали встречаться с Цвингли. Меланхтон подумал, что если уж проводить конференцию, то было бы гораздо лучше встретиться с Эколампадием и, возможно, с некоторыми учеными-романистами. Цвингли, с другой стороны, очень хотел встретиться с Лютером. Он ответил сразу. Он приехал, не дожидаясь разрешения Цюрихского совета, через страну, полную врагов. Конференция проходила с 30 октября по 5 ноября 1529 года. Лютера сопровождали Меланхтон, Юстус Йонас и Круцигер, Фредерик Мекум из Готы, Осиандер из Нюрнберга, Бренц из Халля, Стефан Агрикола из Аугсбурга и другие. С Цвингли приехали Эколампадиус, Буцер и Хедио из Страсбурга, Рудольф Коллин (который оставил самый полный отчет о дискуссии), два члена совета из Базеля и Цюриха и Якоб Штурм из Страсбурга. После предварительного совещания между Цвингли и Меланхтоном, с одной стороны, и Лютером и Эколампадием - с другой, настоящая дискуссия состоялась в большом зале Замка. Туристу по-прежнему показывают точное место, где был установлен стол, разделявший спорщиков.

Этот Марбургский коллоквиум, как называлась конференция, принес важные положительные результаты, хотя и не оправдал ожиданий ландграфа. Это продемонстрировало реальную и существенную гармонию между двумя группами теологов по всем пунктам, кроме одного. В пятнадцатибогословских статьях (Марбургские статьи) излагались главные главы христианской веры, и четырнадцать были подписаны Лютером и Цвингли. Единственным вопросом, по которому они не могли прийти к согласию, было отношение Тела Христова к элементам Хлеба и Вина в Таинстве Вечери. Едва ли можно было ожидать, что в доктринальном вопросе, по которому велись столь длительные и ожесточенные споры, может быть достигнуто согласие.

Оба богослова нашли в средневековом учении о таинстве Вечери то, что они считали непреодолимым заблуждением, разрушительным для духовной жизни. Это предполагало, что

священник в силу таинственных полномочий, даруемых при рукоположении, мог давать или отказывать христианскому народу в благах, передаваемых в Таинстве. В нем утверждалось, что священник может превратить элементы Хлеба и Вина в само Тело и Кровь Христа, и что без этого изменения не было бы присутствия Христа в таинстве и возможности получения сакраментальной благодати для причастника. Лютер взялся за проблему как средневековый христианин, довольный, что если он смог очистить таинство от этого единственного недостатка, то оставил все остальное таким, каким он его нашел. Цвингли пришел как гуманист, чьим фундаментальным правилом было полностью выйти за рамки средневекового богословия и попытаться выяснить, как более ранние Отцы Церкви могли помочь ему решить проблему. Это различие в ментальном отношении привело их к подходу к предмету с разных сторон; а средневековый взгляд на предмет в целом очень облегчал различие подходов. Средневековая Церковь разделяла Таинство Вечери Господней на две отдельные части — Мессу и Евхаристию.³³² Месса была неразрывно связана с мыслью о великой Жертве Христа на Кресте, а Евхаристия - с мыслью об общении верующего с Воскресшим Живым Христом. Цвингли критиковал римское учение о мессе, а Лютер стремился придать евангельский смысл средневековой концепции Евхаристии. Следовательно, два протестантских антагониста никогда не стояли друг против друга лицом к лицу.

Занятия Лютера в монастыре Д'Айи, Биль, и их общего учителя Уильяма Оккама позволили ему показать, что возможно присутствие Прославленного Тела Христова, распространенного в пространстве, в элементах Хлеба и Вина естественным образом и без какого-либо священнического чуда: и это удовлетворило его; это позволило ему отрицать священническое чудо и самым буквальным образом придерживаться слов учреждения: “Это Мое Тело”.

Цвингли, с другой стороны, настаивал на том, что основное упоминание о Вечере Господней относится к смерти Христа и что это, прежде всего, памятный обряд. Он преобразовал средневековую мессу в евангельское таинство, поместив идею поминовения там, где средневековый богослов поместил идею повторения, и считал, что средством присвоения является вера, а не еда ртом. Это, по его мнению, было возвращением к вере первых веков, до того, как концепция таинства была искажена языческими идеями.

Подобно Лютеру, он считал себя наследником трудов более ранних теологов; но он не пошел к Оккаму, Биллю или Д'Айи, как это сделал немецкий реформатор. Эразм, которому не нравилось священническое чудо во время Мессы и которого мало заботило строгое буквальное толкование слов этого учреждения, заявил, что таинство Вечери было символом поминовения, завета с Богом и братства всех верующих во Христа, и это соответствовало концепции Цвингли о социальном характере христианства; но он был слишком большим христианским богословом, чтобы довольствоваться таким расплывчатым представлением об обряде. Многие богословы позднего Средневековья, когда спекуляции были более свободными, чем это могло быть после более строгих определений Тридентского собора, пытались очистить и одухотворить верования Церкви о значении центрального христианского обряда. Выдающимся среди них был Джон Вессел (ок. 1420-1489) с его длинным и подробным трактатом "О таинстве евхаристии". Он учил, что Вечеря Господня - это обряд, в ходе которого смерть Христа преподносится верующему и присваивается им; что это прежде всего воспоминание об этой смерти и причастие к последовавшим за ней благам; что общение с духовным присутствием Иисуса имеет гораздо большее значение, чем любой телесный контакт с Телом Христовым; и что это общение разделяется через веру. Эти мысли были подхвачены Кристофером Хониусом,

священнослужителем из Нидерландов, который подкрепил их, настаивая на том, что речь нашего Господа в 6-й главе Евангелия от Святого Иоанна осуждает любую материалистическую концепцию Вечери Господней; и что *поэтому* слова этого учреждения не следует понимать в их строгом буквальном значении. Он был первым, кто предположил, что слово *is* в “Сие есть тело Мое” должно означать *означает*. Вессел и Хониус были предшественниками Цвингли, и он вплел их мысли в свое учение о Вечере Господней. Следует помнить, что Лютер также был знаком с трудами Весселя и Хония, и что они не только не привлекали его, но и вызывали отвращение просто потому, что, по его мнению, они не оказывали должного уважения буквальному значению слов этого учреждения.

Не следует забывать, что Лютер знал Цвингли только как каким-то образом связанного с Эндрю Боденштейном из Карлштадта. Карлштадт заявил, что принимает теорию Хония о природе связи Присутствия Христа с элементами Хлеба и Вина, заявив, что последние были *признаками* первого, и не более того. Вскоре в Виттенберге разгорелась полемика, связанная со скандалом вокруг немецкого протестантизма. Лютер все больше и больше настаивал на необходимости Присутствия в элементах Тела Христова “телесно протяженного в пространстве”, в то время как Карлштадт отрицал это Присутствие в каком бы то ни было смысле. Лютер настаивал со всей силой языка, которая была в его распоряжении, что буквальный смысл слов учреждения должен быть сохранен и что слова “Сие есть Тело Мое” должны относиться к Хлебу и Вину; в то время как Карлштадт считал более вероятным, что при использовании слов наш Господь указывал на Свое собственное Тело, а если нет, то религиозные убеждения требовали иного толкования, чем то, на котором настаивал Лютер.

Пыль всех этих споров была в глазах теологов, когда они встретились в Марбурге, и помешала им тщательно изучить доктринальную позицию друг друга. Во всех существенных вопросах Лютер и Цвингли были не так далеки друг от друга, как предполагали. Их соответствующие теории, изложенные очень кратко, можно резюмировать следующим образом.

Цвингли, рассматривая главным образом средневековое учение о Мессе, учил: (1) Вечеря Господня - это *неповторение* жертвы Христа на Кресте, но *воспоминание* об этой жертве, однажды принесенной; и элементами являются не новоприношенный Христос, а *знаки* Тела и Крови Христа, которые были раз и навсегда принесены на Голгофе. (2) Что прощение грехов достигается не *причастием* только что принесенному в жертву Христу, а *верой* в Христа, однажды принесенного в жертву. (3) Что блага дела Христа всегда усваиваются верой, и что искупление таким образом усваивается в таинстве, посредством которого Христос становится нашей пищей; но пища, не будучи ни плотской, ни телесной, усваивается не устами, а верой, пребывающей в душе. Следовательно, в таинстве присутствует Реальное Присутствие Христа, но это духовное Присутствие, а не телесное. Настоящая и живая вера всегда предполагает союз верующего со Христом и, следовательно, Реальное Присутствие Христа; а Присутствие Христа, которое присутствует в каждом акте веры, присутствует в таинстве для верного причастника. (4) Что, хотя Вечеря Господня в первую очередь относится к жертве Христа, и хотя элементы, Хлеб и Вино, являются символами распятого Тела Христова, вкушение элементов также является символом и залогом вечно обновляющегося живого союза с Воскресшим Христом. (5) Поскольку Сам наш Господь особо предостерегал Своих последователей от мысли питаться от Него каким-либо телесным способом (Иоанна vi.), слова учреждения нельзя понимать строго буквально, и фраза “Сие есть Тело Мое” означает “Это означает Мое Тело”. Четвертая позиция была скорее неявной, чем прямо заявленной.

Лютер, рассматривая главным образом средневековое учение о Евхаристии, учил: (1) Что основное назначение таинства состоит в том, чтобы привести верующих причастников в непосредственный контакт с Живым Воскресшим Христом. (2) Что с этой целью в Хлебе и Вине должно присутствовать местное Присутствие Прославленного Тела Христова, которое он всегда понимал как “тело, простирающееся в пространстве”; причащающиеся, соприкасаясь с этим Телом Христовым, имеют с Ним общение, подобное тому, какое имели Его ученики на земле и какое сейчас имеют Его святые на небесах. (3) Что это местное Присутствие Христа не предполагает какого-либо особого священнического чуда, ибо в силу своей *повсеместности* Прославленное Тело Христова находится *повсюду* естественным образом и, следовательно, находится в Хлебе и вине: это естественное Присутствие становится сакраментальным Присутствием благодаря Божьему обетованию, связанному с благоговейным и верующим принятием причастия. (4) Это общение с Живым Воскресшим Христом подразумевает присвоение Смерти Христа и Искупления, обретенного этой смертью; но эта последняя мысль Лютера, которая является первой мыслью Цвингли, имплицитно содержится в его учении, но на ней никто не останавливается.

Эти две теории, насколько можно судить по доктринальному учению, скорее дополняют друг друга, чем являются антагонистами. У каждой есть слабое место. Теория Лютера основана на сомнительной средневековой идее *повсеместности*, а теория Цвингли - на несколько поверхностной экзегезе. Было прискорбно, но вполне естественно, что, когда два теологических лидера встретились в Марбурге, вместо того, чтобы искать точки взаимного согласия, каждый из них атаковал слабое место в теории другого. Лютер начал с того, что написал мелом на столе перед собой слова *Hoc est Corpus Meum* и сказал: “Я понимаю эти слова буквально; если кто-то не понимает, я не буду спорить, а буду противоречить”; а Цвингли потратил все свои аргументационные способности, оспаривая доктрину *вездесущности*. Долгие дебаты крутились вокруг этих двух пунктов, и от них никак нельзя было отвертеться. Цвингли утверждал, что Тело Христа находилось Одесную Бога и не могло присутствовать, растянутое в пространстве, в элементах, которые были знаками, представляющими то, чего не было. Лютер утверждал, что Тело Христа находилось в стихиях, поскольку, используя его собственную иллюстрацию, меч присутствует в ножнах. Как солдат мог предъявить свой вложенный в ножны меч и сказать, истинно и буквально, *это мой меч*, хотя ничего, кроме ножен, видно не было; так и, хотя ничего нельзя было увидеть или пощупать, кроме Хлеба и Вина, эти элементы Святой Вечери можно было буквально и истинно назвать Телом и Кровью Христа.

Существенная гармония, обнаружившаяся в четырнадцати статьях, которые все они могли подписать, показывала, что у немцев и швейцарцев была одна вера. Но Лютер настаивал на том, что их разногласия в Таинстве Вечери помешали им стать одним видимым братством, и непосредственная цель ландграфа Гессенского не была достигнута.

Неустршимый своим поражением, Филипп в следующий раз предпринял попытку заключить менее всеобъемлющий союз. Если Лютер и Цвингли не могли быть включены в единое братство, то не могли бы немецкие города юга и лютеранские князья быть объединены? Еще одна конференция была организована в Швабахе (октябрь 1529 г.), когда для согласования должна была быть представлена серия богословских статей. Лютер подготовил семнадцать статей, которые должны были быть представлены на конференции. Они были основаны на Марбургских статьях; но поскольку Лютер изложил свое собственное учение о Святой Вечере в

самой бескомпромиссной форме, неудивительно, что делегаты из южных городов не решались подписать его. Они сказали, что исповедь (поскольку статьи приняли именно такую форму) не соответствует доктринам, проповедуемым среди них, и что им нужно будет проконсультироваться со своими согражданами, прежде чем посвящать их в это. Таким образом, попытки Филиппа объединить протестантов Германии провалились во второй раз, и разделенный протестантизм ожидал прихода императора, который решил лично разрешить религиозную проблему.

§ 5. Император в Германии.

Карл V был в зените своего могущества. Болезненного вида юноша из Вормса превратился в серьезного тридцатилетнего мужчину, чьи девять лет непрерывного успеха сделали его самой влиятельной фигурой в Европе. Он усмирил мятежных испанцев; он сокрушил своего блестящего соперника Францию в битве при Павии; он унизил папу и при разграблении Рима объяснил Его Святейшеству опасность неповиновения Главе Священной Римской империи; и он вынудил сопротивляющегося понтифика возложить на него императорскую корону. Он пополнил и консолидировал семейные владения Дома Габсбургов, и только недавно его брат Фердинанд завоевал, по крайней мере номинально, короны Богемии и Венгрии. Теперь он был полон решимости посетить Германию и своим личным присутствием и влиянием покончить с религиозными трудностями, которые мешали этой части его обширных владений. Он также намеревался обеспечить наследование империи своему брату Фердинанду, добившись его избрания римским королем.

Чарльз приехал из Италии через перевал Бреннер весной и был великолепно принят тирольцами, стремившимися оказать все почести внуку их любимого кайзера Макса. Его письма брату, написанные на этапах путешествия, раскрывают настолько полно, насколько эта замкнутая душа могла раскрыться, его планы по умиротворению Германии. Он намеревался использовать все возможные средства убеждения, пойти на те компромиссы, которые позволяла его совесть (ибо католицизм был верой Чарльза), чтобы добиться мирного урегулирования. Но если бы это не удалось, он был полон решимости сокрушить Реформацию силой. Кажется, он никогда не сомневался в том, что добьется успеха. Ему никогда не приходила в голову мысль о том, что он вот-вот столкнется с великой духовной силой, глубину и мощь которой он не мог измерить и которая медленно создавала новый мир, неизвестный ни ему самому, ни его современникам. Находясь в Инсбруке, он пригласил курфюрста Саксонии навестить его и был несколько разочарован тем, что лютеранский принц не принял приглашение; но это предвкушение неприятностей не доставляло ему никакого беспокойства.

Призыв к сейму, предписывающий курфюрстам, принцам и всем сословиям империи собраться в Аугсбурге 8 апреля 1530 года, был издан, когда Карл находился в Болонье. Никакие угрозы не омрачали приглашение. Император объявил, что намерен предоставить все прошлые ошибки суду Спасителя; что он желает благосклонно выслушать мнения, мысли и замыслы каждого человека; и что его единственным желанием было добиться того, чтобы все могли жить под властью единого Христа, в едином Государстве, единой Церкви и Единстве.³³³ Он покинул Инсбрук 6 июня и, двигаясь медленно, достиг моста через Лех, недалеко от Аугсбурга, вечером

15-го. Там он нашел великих князей Империи, которые ждали его прибытия с двух часов дня. Они вышли, чтобы выразить ему почтение, и он тоже грациозно спешил и приветствовал их со всей учтивостью. Карл привез папского нунция, кардинала Кампеджио, в своей свите. Большинство курфюрстов преклонили колени, чтобы получить благословение кардинала, но Иоанн Саксонский выпрямился и отказался от предложенного благословения.

Процессия — одна из самых великолепных, которые когда-либо видела Германия, — была выстроена для торжественного въезда в город. Все свиты курфюрстов были одеты в соответствующие цвета и гербы — Саксония, по древнему предписывающему праву, возглавляла авангард. Затем шел император один, над головой у него был балахон. Он хотел, чтобы нунций и его брат ехали рядом с ним под балдахином, но немцы этого не допустили; ни одному представителю папы римского не было позволено ехать плечом к плечу с главой Германской империи, въезжающим в самый важный из его имперских городов.³³⁴

Аугсбург находился тогда на пике своего процветания. Это был крупный торговый центр между Италией, Левантом и городами Северной Европы. Это был дом Вельзеров и фуггеров, крупных капиталистов позднесредневековой Европы. Он хвастался, что его граждане равны принцам и что его дочери в тот век глубоко укоренившихся классовых различий вышли замуж за представителей княжеских домов. По сей день название одной из его улиц — Филиппин Вельзерштрассе — носит память о свадьбе наследницы Вельзеров с эрцгерцогом Австрии; а настенные украшения старых домов свидетельствуют о древнем великолепии города.³³⁵

У городских ворот процессию встречало духовенство с пением *Advenisti desiderabilis*. Все — император, духовенство, князья и их свита — вошли в собор. Была пропета "Те Деум", и император получил благословение. Затем процессия перестроилась и проводила Карла в его апартаменты во дворце епископа.

Там император предпринял свое первое покушение на своих подданных-лютеран. Он пригласил курфюрста Саксонии, Георга Бранденбургского, Филиппа Гессенского и Франциска Люнебургского сопровождать его в его личные апартаменты. Он сказал им, что ему сообщили, что они привезли с собой в Аугсбург своих лютеранских проповедников и что он ожидает, что они заставят их молчать во время заседаний сейма. Они отказались. Тогда Чарльз попросил их запретить противоречивые проповеди. В этой просьбе также было отказано. В конце концов Чарльз напомнил им, что его требование строго соответствует решению 1526 года; что император является господином имперских городов; и он пообещал им, что сам назначит проповедников и что проповедей не будет — только чтение Священного Писания без комментариев. С этим согласились. Затем он попросил их присоединиться к нему в процессии в честь Тела Христова на следующий день. Они отказались — Филипп Гессенский с аргументами, выслушанными Фердинандом с возмущением, а Карлом с безразличием, вероятно, потому, что он не понимал по-немецки. Император настаивал. Тогда вперед выступил старый Георг Бранденбургский и сказал Его величеству, что он не может и не будет повиноваться. Это была короткая, грубая речь, хотя и в высшей степени уважительная, и закончилась она следующими словами, которые облетели Германию, зажигая сердца, как огонь зажигает лен: "Прежде чем я отрекусь от моего Бога и Его Евангелия, я бы предпочел преклонить колени здесь, перед вашим величеством, и чтобы мне отрубили голову", — и старик ударил себя ребром ладони по шее. Чарльзу не нужно было знать немецкий, чтобы понять. "Не забивай голову, дорогой принц, не забивай голову", — ласково сказал он на своем фламандско-немецком (*Nit Kop ab, lever Ferst*,

nit Кор ab). Карл шел в процессии по улицам Аугсбурга в ослепительно жаркий день, сутулясь под тяжелой пурпурной мантией, с потрескивающей лишней свечой в руке; но евангелические князья оставались в своих домах.³³⁶

§ 6. Аугсбургский сейм 1530 г.³³⁷

Сейм был официально открыт 20 июня (1530 г.), и в Предложении или Речи с трона было объявлено, что Ассамблее будет предложено обсудить вооружение против турок и что Его Величество стремится “честными и щадящими средствами” положить конец религиозным разногласиям, которые отвлекали Германию. Протестантам снова было предложено изложить императору в письменном виде свои мнения и трудности. Было решено сначала рассмотреть религиозный вопрос. 24 июня лютеране были готовы со своим “заявлением о своих жалобах и мнениях, касающихся веры”. На следующий день (25 июня) сейм собрался в зале Епископского дворца, и то, что известно как Аугсбургское признание, было зачитано канцлером Саксонии доктором Кристианом Байером таким чистым звучным голосом, что его слышали не только присутствующие в зале, но и толпа, заполонившая двор снаружи.³³⁸ Когда чтение закончилось, канцлер Брюк вручил документ и дубликат на латыни императору. Их подписали курфюрст Саксонии и его сын Иоанн Фридрих, Георг, маркграф Бранденбургский, герцоги Эрнест и Франциск Люнебургские, ландграф Гессенский, принц Вольфганг Ангальтский и делегаты городов Нюрнберг и Ройтлинген. Эти принцы знали об опасности, которая угрожала им, когда они ставили свои имена под Признанием. Богословы Саксонии умоляли своего курфюрста разрешить оставить их имена отдельно, но он спокойно ответил: *Я тоже буду исповедовать моего Христа*. Он не был таким блестящим человеком, как Филипп Гессенский. Он был непритязательным, миролюбивым и замкнутым по натуре - Иоанн Стойкий, как называли его люди. Недавние историки подробно останавливались на примиренческой позиции и судебном духе, проявленных императором на этом сейме, и они были правы в этом; но рука в кольчуге иногда проявляла себя. Карл отказался наделить Иоанна избирательными правами в обычной феодальной манере, и в его окружении шептались, что, если курфюрст не согласится с доводами императора, у него могут отобрать электорат и передать родственному дому герцогов Саксонии, который в лице герцога Георга так стойко поддерживал старую религию.³³⁹ Обладая тем “похвальным, хотя и придиричвым конституционализмом, который был наследственным качеством саксонской линии Эрнестин”,³⁴⁰ он испытывал искреннюю привязанность к императору. Оба понимали, что этот Аугсбургский сейм разделил их безвозвратно. “Дядя, дядя, - сказал Чарльз курфюрсту Джону при их прощальной беседе, - я не ожидал этого от тебя”. Глаза курфюрста наполнились слезами; он не мог говорить; он молча отвернулся и вскоре покинул город.³⁴¹

§ 7. Аугсбургское исповедание.³⁴²

Аугсбургское исповедание (Confessio Augustana) было тем, за что себя выдавало, - изложением “мнений и обид”, и не претендует на полное изложение доктринальных догматов. Люди, написавшие это (Меланхтон отвечал за фразеологию) и представившие это на рассмотрение Сейма, утверждали, что принадлежат к древней и видимой Католической церкви и верят во все символы веры, изложенные Вселенской Церковью, и особенно в Апостольские и Никейские

символы веры; но они утверждали, что вкрались злоупотребления, которые затемнили древние доктрины. Исповедь показала, почему они не могли оставаться в связи с нереформированной Церковью. Их позиция точно определена во вступительном предложении второй части Исповеди. “Поскольку Церкви среди нас не расходятся ни в каких догматах веры из Священного Писания или Католической Церкви и опускают лишь некоторые из определенных злоупотреблений, которые являются новыми и частично проникли со временем, а частично были введены насилием и противоречат смыслу канонов, мы просим ваше Императорское Величество благосклонно выслушать, что следует изменить, и каковы причины, по которым людей не следует принуждать против своей совести соблюдать эти злоупотребления”.

Исповедание часто представляется как попытка свести к минимуму различия между лютеранами и католиками и преувеличить различия между лютеранами и цвинглианцами, и для этого утверждения есть некоторые основания. Меланхтон вернулся с сейма в Шпейере (1529 г.), убежденный, что, если бы лютеране более основательно отделились от городов Южной Германии, было бы больше шансов на рабочий компромисс, и вполне естественно ожидать, что эта идея должна была окрасить его набросок позиции лютеран в Аугсбурге. И все же в основном это утверждение неверно. Отчетливо протестантская концепция духовного священства всех верующих лежит в основе всего документа; и это никогда не может быть приведено в реальную гармонию с позицией и притязаниями католиков. Нетрудно изложить римскую и протестантскую доктрины почти идентичными фразами, при условии, что это единственное большое догматическое различие будет на данный момент устранено с одной стороны. Конференции в Регенсбурге в 1541 году (27 апреля- 22 мая) доказали это. Никто не поверит, что Кальвин был склонен преуменьшать различия между протестантами и романистами, однако он добровольно подписал Аугсбургское исповедание и сделал это, по его словам, в том смысле, в каком его понимал автор (Меланхтон). Это Аугсбургское исповедание и Краткий катехизис Лютера являются символическими книгами, которые до сих пор используются во всех лютеранских церквях.

Аугсбургское исповедание (Confessio Augustana) разделено на две части, в первой выражаются взгляды тех, кто его подписал, а во второй излагаются ошибки, против которых они протестовали. Как форма, так и язык показывают, что авторы не имели намерения составить исчерпывающую программу богословских мнений или навязывать свои статьи как неизменную систему догматической истины. Они просто хотели выразить то, во что они объединились, веря. Такие фразы, как *наши Церкви учат, этому учат, нам ложно приписывают такие-то и такие-то мнения*, проясняют это. В первой части авторы показывают, как много у них общего со средневековой церковью; как они придерживаются учения св. Августина, великий богослов Запада; чем они отличаются от более радикальных протестантов, таких как цвинглианцы, и отвергают учение анабаптистов. Лютеранская доктрина оправдания верой изложена очень ясно и кратко в отдельном разделе, но на нее постоянно ссылаются и показывают, что она является основой многих частей их общей системы верований. Во второй части они излагают, какие вещи вынуждают их расходиться со взглядами и практикой средневековой церкви — принудительное безбрачие духовенства, жертвенный характер мессы, необходимость исповеди перед сном, монашеские обеты и смешение духовной и светской власти, наблюдаемое в немецком епископате.

Источник документа был таков. Когда прокламация императора о созыве сейма достигла Саксонии, канцлер Грегори брюккпредложил саксонским теологам подготовить изложение

своих мнений, которое могло бы быть представлено императору, если потребуется.³⁴³ Это было сделано. Богословы обратились к Швабахским статьям, и Меланхтон пересмотрел их, переформулировал и сделал как можно более безобидными. Документ должен был дать минимум, за который боролись протестанты, и примирительный дух Меланхтона проявляется во всем. В то же время это бальзамирует некоторые резкие фразы Лютера: “Христианское совершенство заключается в том, чтобы искренне бояться Бога; и опять же, иметь великую веру и твердо верить, что Бог благосклонен к нам ради Христа; просить и, безусловно, искать помощи от Бога во всех наших делах в соответствии с нашим призванием; и внешне усердно совершать добрые дела и следовать своему призванию. В этих вещах заключается истинное совершенство и истинное поклонение Богу: оно не состоит в том, чтобы быть неженатым, просить милостыню или носить грязную одежду”. Его безразличие к формам церковного управления и его готовность сохранять старое проявляется в предложении: “Итак, мы не хотим, чтобы у епископов отняли правление; но от них требуется только одно, чтобы они позволили преподавать Евангелие в чистоте и ослабили некоторые обряды, которые невозможно соблюдать без греха”.

Когда теологи-романисты представили императору свое Опровержение этого Признания, Меланхтону снова было поручено подготовить ответ — Апологию аугсбургского исповедания. Извинение примерно в семь раз длиннее Исповеди и является благородным и ученым документом. Император отказался принять его, и Меланхтон долго рассматривал его, прежде чем ему разрешили его увидеть.

Посоветовавшись с князьями-романистами (*die Chur und Fursten so bepstisch gewesen*),³⁴⁴ было решено передать Признание комитету теологов-романистов, которых кардинал-нунций³⁴⁵ обязался собрать вместе, изучить его и дать ответ. Среди них были Джон Экк из Ингольштадта, Фабер и Кохлей. Было мало надежды достичь компромисса с такими сторонниками на стороне папы, и Карлу вскоре пришлось обнаружить, что его самыми сильными противниками в достижении мирного решения были нунций и его комитет богословов. Пять раз они приводили опровержения, и пять раз император и сейм возвращали их работу, прося переработать ее в более мягких и менее бескомпромиссных выражениях.³⁴⁶ Шестой проект выходил далеко за рамки пожеланий Карла, но императору пришлось принять его и представить как изложение своих убеждений. Это делало примирение безнадежным.

§ 8. Реформация, которая должна быть сокрушена.

Религиозные трудности не были устранены компромиссом. Оставалась сила - другая альтернатива, предсказанная императором. Время казалось подходящим. Протестантизм был разделен и выставлял напоказ свои разногласия в присутствии императора. Филипп Гессенский подписал Аугсбургское признание с колебаниями не потому, что не верил его заявлениям, а потому, что оно, казалось, закрывало дверь для полного объединения всех партий, присоединившихся к Протесту 1529 года. Четыре города - Страсбург, Констанц, Линдау и Мемминген - представили императору отдельное Признание (*Confessio Tetrapolitana*); и теологи-романисты также написали опровержение этого. Цвингли прислал третьего.

Лютера не было среди богословов, присутствовавших на сейме в Аугсбурге. Технически он все еще был вне закона, поскольку запрет на Вормсскую диету так и не был снят юридически.

Курфюрст попросил его остаться в его замке Кобург. Там он и остался, встревоженный, нервничающий, как орел в клетке. Он опасался, что примирительный дух Меланхтона может заставить его отказаться от некоторых незаменимых частей евангельской истины; он опасался порывистости ландграфа Гессенского и его известных цвинглианских симпатий. Его секретарь написал Виттенбергу, что он плохо себя чувствует; ему не терпится вернуться в Виттенберг, где он мог бы, по крайней мере, учить своих студентов. Именно тогда Кэтрин попросила их друга Лукаса Кранаха нарисовать их маленькую дочь Магдалену, которой было всего двенадцать месяцев, и послала рисунок своему мужу, чтобы у него было немного домашнего очага, чтобы подбодрить его. Лютер повесил фотографию так, чтобы он всегда мог видеть ее со своего стула, и он говорит нам, что милое маленькое личико, смотрящее на него сверху вниз, придавало ему мужества во время тоскливых месяцев ожидания. Почта принесла ему новости из Сейма: что Признание было зачитано Сословиям; что романисты готовят Опровержение; что их ответ был готов 3 августа; что Филипп Гессенский внезапно покинул Сейм 6 августа, чтобы собрать войска для борьбы с императором, как сообщалось; что Меланхтон запутался в совещаниях и отказывается от всего. Его сильная пылкая натура проявляется в его письмах из Кобурга (18 апреля- 4 октября), в которых он призывает своих друзей рассказать ему, как идут дела; призывает Меланхтона быть твердым; находит утешение в тексте “Сердитесь и не грешите”; сравнивает диету с грачами и гнездовьем на деревьях под его окном.³⁴⁷ Именно из Кобурга он написал свое очаровательное письмо своему маленькому сыну.³⁴⁸ Именно там он написал ободряющее письмо испытанному и верному канцлеру Брюку:

“Недавно я увидел два чуда: первое, когда я выглянул из своего окна и увидел звезды на небе и весь этот прекрасный свод Божий, и все же я не увидел колонн, на которых Мастер-Строитель укрепил этот свод; однако небеса не рухнули, и великий свод устоял. Теперь есть такие, кто ищет столпы и хочет прикоснуться к ним и ухватиться за них; а когда они не могут, они удивляются и трепещут, как будто небеса непременно должны рухнуть только потому, что они не могут ухватиться за их столбы. Если бы они только могли возложить на них свои руки, они думают, что небеса были бы непоколебимы!

“Вторым чудом было: я увидел огромные облака, нависавшие над нами с такой тяжестью, что они казались огромным океаном, и все же я не видел основания, на котором они покоились, и берега, который ограничивал их; и все же они не опускались, а хмурились на нас и текли дальше. Но когда они прошли мимо, то засияли и их пол, и наша крыша, которые сдерживали их, — радуга! Хрупкий, тонкий пол и крыша, которые вскоре растворились в облаках и были больше похожи на призму с тенями, какую мы видим через цветное стекло, чем на крепкий, незыблемый фундамент, и мы вполне могли бы не доверять слабому валу, сдерживающему этот страшный напор воды. И все же мы обнаружили, что эта невещественная призма способна выдерживать вес воды и что она надежно охраняет нас! Но есть и такие, кто больше обращает внимание на толщу и массивный вес вод и облаков, чем на этот тонкий, легкий, узкий многообещающий лук. Они хотели бы ощутить силу этой призрачной исчезающей арки, и поскольку они не могут этого сделать, они всегда боятся, что облака вернут потоп”.³⁴⁹

Казалось, протестанты никогда не были в худшем положении; но, как писал Лютер, грозившие беды миновали — по крайней мере, на этот раз.

Кампеджио стремился немедленно сокрушить Реформацию. Его письма в Курию настаивают на том, что политика сильной руки является единственным эффективным способом борьбы с

лютеранскими князьями. Но Карл обнаружил, что некоторые южногерманские князья, которые стремились к тому, чтобы не было никаких компромиссов с лютеранами, очень не желали принуждать их силой оружия. У них не было никакого желания видеть императора всемогущим в Германии. Герцоги-романисты Баварии (Виттельсбахи) были столь же решительно настроены против Габсбургов, как и сам Филипп Гессенский; и у Карла не было никакого желания разжигать антигабсбургские чувства. Вместо этого было предложено провести³⁵⁰ конференций, чтобы посмотреть, не удастся ли в конце концов достичь некоторого взаимопонимания; и сейм позаботился о том, чтобы представить мирян в надежде, что они окажутся менее бескомпромиссными, чем теологи-романисты. Встречи закончились без какого-либо определенного результата. Протестантские князья отказались идти на необходимые уступки, и Карл обнаружил, что его планам со всех сторон препятствуют. После чего католическое большинство сейма объявило “перерыв”, в котором было объявлено, что протестантам должно быть позволено беспрепятственно существовать до 15 апреля 1531 года, а затем они должны быть подавлены силой. Тем временем им было приказано больше не вносить новшеств в богослужение или доктрину; они должны были воздерживаться от преследования романистов на своих территориях; и они должны были помогать императору и романистским князьям в уничтожении сторонников Цвингли и анабаптистов. Эта резолюция вызвала второй протест, подписанный лютеранскими князьями и четырнадцатью городами.

Ничто так не вызывало гнева Карла, как решительная позиция, занятая городами. Он считал, что он, император, был верховным правителем в имперском городе; и он использовал убеждение и угрозы, чтобы заставить их делегатов согласиться на “перерыв”. Даже Аугсбург отказался.

Заявив свой протест, лютеранские князья и делегаты от протестующих городов покинули сейм, не заботясь о том, что может предпринять романистское большинство в дальнейшем. В их отсутствие было принято важное постановление. Сейм постановил, что Вормсский эдикт должен быть приведен в исполнение; что церковная юрисдикция должна быть сохранена, а вся церковная собственность восстановлена; и, что было наиболее важно, что Имперский апелляционный суд по всем спорным судебным делам в пределах Империи (Reichskammersgericht) должен быть восстановлен. Последнее положение указывало на новый способ борьбы с распространяющимся протестантизмом путем судебного преследования, которое, исходя из характера суда, всегда должно было выноситься против инакомыслящих, не подпадающих под церковную юрисдикцию средневековой империи.³⁵¹ Все случаи конфискации церковных бенефиций, любое неповиновение решениям епископата могли быть обжалованы в этом центральном суде; а поскольку правовые принципы, на которых он выносил свои решения, и контролирующие органы, которые он признавал, были средневековыми, протестанты никогда не могли надеяться на справедливый суд. решение в их пользу. Например, лютеранская церковь в Саксонии с ее пасторами и школьными учителями содержалась на деньги, взятые из старых церковных фондов. Согласно этому решению сейма, каждый случай такой передачи собственности мог быть обжалован в этом центральном суде, который в соответствии со своей конституцией был обязан принять решение против такой передачи. Если протестантские князья игнорировали решения центрального суда, император был в пределах своего права обращаться с ними как с людьми, нарушившими конституцию Империи.³⁵²

Карл столкнулся в Аугсбурге с первым серьезным испытанием в своей доселе успешной карьере, но он был целеустремлен и никогда не стремился торопить дело с бесповоротным

завершением. Он тщательно изучил проблему, и в Аугсбурге у него в головесложилась три способа справиться с религиозными трудностями — путем компромисса, путем оставления протестантов в покое на более или менее длительный период и с помощью Генерального совета, который был бы свободным. По-видимому, в Аугсбурге он впервые всерьез решил, что состояние Европы таково, что папа должен быть *вынужден* созвать Собор и предоставить ему свободу дебатов и действий. Чарльз опробовал все три плана в Германии в течение последующих пятнадцати лет.

§ 9. Шмалькальдская лига.353

Император опубликовал решение сейма 19 ноября, и протестантам пришлось разработать какой-то общий план выхода из сложившейся ситуации. Они встретились, принцы и делегаты городов, в маленьком горном городке Шмалькальден, расположенном на юго-западной границе Избирательной Саксонии, окруженном невысокими холмами, белыми от снега (22-31 декабря). Им сразу же пришлось столкнуться с изматывающими судебными разбирательствами, а после 15 апреля - с угрозой того, что они будут уничтожены силой оружия. Собирались ли они по-прежнему придерживаться своей доктрины пассивного сопротивления? Этот вопрос серьезно обсуждался. Подумайте об этих серьезных немецких князьях и бюргерах, их жизни и имуществу поставлены на карту, они день за днем обсуждают этот абстрактный вопрос, полные решимости привести в порядок свою совесть, прежде чем прийти к какому-либо решению защищать себя! Все адвокаты были на стороне активной защиты. Были составлены условия залога. Имя императора было тщательно опущено, а причины, вынудившие их принять меры, были скорее намекнуты неопределенно, чем изложены с точностью. Свои подписи поставили курфюрст Саксонии, ландграф Гессенский, герцог Люнебургский, принц Ангальтский, два графа Мансфельд и делегаты из Магдебурга и Бремена. Благочестивый старый Георг Бранденбургский не был убежден, что сопротивление императору законно; у депутатов Нюрнберга тоже были серьезные сомнения. Многие другие присутствующие чувствовали, что им нужно время, чтобы принять решение. Но лига была создана, и вскоре ей предстояло принять огромные масштабы.

Конфедераты исповедали новые доктрины и опубликовали свое Признание. Теперь они решили, что будут защищать себя в случае судебного преследования или иным образом. Не было никакой попытки исключить южногерманские города; и ожидания Карла о том, что богословские разногласия помешают объединению протестантов внутри Германии, не оправдались. Героическая смерть Цвингли при Каппеле (11 октября 1531 г.) смягчила сердца всех протестантов по отношению к его последователям. Южногерманские города последовали примеру Буцера, который стремился к объединению. Многие из этих городов теперь присоединились к Шмалькальдской лиге. К ней присоединился Брауншвейг. Присоединились Гамбург и Росток на крайнем севере, Гослар и Геттинген в центре. Почти вся Северная Германия и более важные имперские города на юге были объединены в одну сильную конфедерацию этой Шмалькальдской лигой. Она стала одной из европейских держав. Дания пожелала присоединиться. Томас Кромвель был озабочен присоединением Англии. Лига была неизбежно настроена против Габсбургов, и императору приходилось с этим считаться.

Его сила проявилась на Нюрнбергском сейме в 1532 году. Страшный день (15 апреля 1531 года), когда протестанты должны были быть уничтожены огнем и мечом, прошел спокойно. Чарльз был окружен трудностями, которые не позволяли ему привести в исполнение угрозы, опубликованные им 19 ноября 1530 года. Турки угрожали Вене и Австрийскому герцогству; папа был готов воспользоваться любыми признаками слабости империи; Франция была непримирима; Англия была враждебна; а баварские герцоги делали все возможное, чтобы ослабить власть Габсбургов в Германии.

Когда сейм собрался в Нюрнберге в 1532 году, император понял, что не в состоянии принудить лютеран, и вернулся к своей прежней вежливой манере обращения с ними. Они были более патриотичны, чем немецкие романисты, для которых он так много сделал. Лютер решительно заявил, что турок нужно встретить и отбросить назад, и что все немцы должны поддержать императора в отражении вторжения. В сейме был предложен “перерыв”, на время которого религиозное перемирие продлевалось на неопределенный срок; процессы против протестантов в рейхскамерсгерихте должны были быть отменены, и ни одно государство не должно было быть привлечено к ответственности по делам, возникающим из-за религиозных разногласий. Члены союза романистов отказались принять это; “перерыв” так и не был опубликован. Но протестантские государства заявили, что они доверяют честному слову императора, и предоставили императору войска для защиты Вены, и вторжение было отражено.

История борьбы в Германии между сеймом 1532 года и началом войны в 1546 году очень запутанна, и ее нельзя изложить как простое состязание Реформации и антиреформации.

В шестнадцатом веке почти все вдумчивые и серьезно мыслящие люди желали реформирования Церкви. Римская курия была единственным противником всех реформ любого рода. Но два разных представления о том, какой должна быть Реформация, разделили людей, жаждавших реформ. Единый желал видеть оцепенелую и формалистическую средневековую Церковь наполненной новой религиозной жизнью, в то время как она сохраняла свои примечательные характеристики священнического служения и видимое внешнее единство в рамках единой иерархии, кульминацией которой является папство. Другой желал освободить человеческий дух от оков чисто церковной власти и перестроить Церковь на принципе духовного священства всех верующих мужчин и женщин. В борьбе в Германии император Карл может быть взят как воплощение первого, подобно тому как Лютер представлял второго. Одному казалось необходимым поддерживать внешнее единство и авторитет Церкви в соответствии со средневековым идеалом; другой мог довольствоваться тем, что Средневековая Церковь была разделена на территориальные Церкви, каждая из которых, по его утверждению, была частью единой видимой Католической Церкви. Чарльзу не составило труда принять многие изменения в доктрине и обычаях, при условии, что можно было бы достичь подлинного и прочного компромисса, который сохранил бы все в рамках единой церковной организации. Он неоднократно соглашался приостановить борьбу, но он никогда бы не взял на себя ответственность за создание постоянного религиозного поселения, признающего лютеранские церкви. Он не возражал против перемирия, но никогда не согласился бы на длительный мир. Если лютеране не могли быть возвращены в состав Средневековой церкви путем компромисса, то он был готов пойти на все крайности, чтобы заставить их вернуться. Конечно, он был правителем многих земель; он стремился расширить и консолидировать семейные владения своего Дома — так же стремился, как самый алчный из мелких территориальных князьков, — и

ему приходилось быть оппортунистом. Но в основном он никогда не отклонялся от своего представления о том, как следует решать религиозные трудности.

Но с обеих сторон в Германии (как и везде) действовали всевозможные политические и личные мотивы. Филипп Гессенский сочетал твердое принятие принципов лютеранской реформации с не менее глубокой ненавистью к дому Габсбургов и его господству в Германии. Герцоги Баварии, которые были самыми сильными приверженцами римско-католической церкви в Германии, были наследственными врагами Австрийского дома. Религиозное умиротворение Отечества стало невозможным для Карла не только из-за его настойчивости в поддержании концепций средневековой Церкви, но также из-за открытого и тайного нежелания видеть усиление императорской власти и из-за зависти, вызванной территориальным расширением Дома Габсбургов. Несовместимость целей императора и его незаменимого союзника, папы римского, усугубляла ситуацию.

В 1534 году Филипп Гессенский убедил Шмалькальдскую лигу поддержать дело изгнанного герцога Вюртембергского. Его территории были включены в семейные владения Габсбургов, и народ стонал под властью имперской администрации. Швабская лига, которая была опорой империалистов и римско-католиков в Южной Германии, была убеждена герцогами Баварии сохранять нейтралитет, и Филиппу не составило труда победить Фердинанда и изгнать империалистов из герцогства. Ульрих был восстановлен в должности, объявлен сторонником лютеранской реформации, а Вюртемберг был добавлен в список протестантских государств. По условиям Каданского мира (июнь 1534 г.) Фердинанд публично обязался выполнить частное заверение Карла о том, что ни один протестант не должен предстать перед рейхскамергерихтом за что-либо, связанное с религией.³⁵⁴ Последовало еще одно важное следствие. Швабская лига была распущена в 1536 году. Это оставило Шмалькальдскую лигу протестантских государств и городов единственной грозной конфедерацией в Германии.

Политический союз протестантов предполагал более тесное сближение. Южногерманские пасторы попросили встретиться с Лютером и обсудить их богословские разногласия. Они встретились в Виттенберге, и после продолжительного обсуждения выяснилось, что все были согласны, за исключением одного маленького пункта — присутствия, *протяженного в пространстве*, Тела Христова в элементах Святой Вечери. Было решено, что этот вопрос можно оставить открытым; и было подписано так называемое Виттенбергское соглашение, объединившее всех немецких протестантов (май и июнь 1536 г.).³⁵⁵

Три года спустя (1539) умер герцог Георг Саксонский, самый честный и бескорыстный из римско-католических князей. Его брат Генрих, сменивший его, с радостного согласия своих подданных выступил в защиту евангелической веры. Его не устраивало ничего, кроме того, что Лютер приехал в Лейпциг, чтобы возглавить духовенство по столь благоприятному случаю. Лютер проповедовал в большом зале замка, где двадцать лет назад он столкнулся с Эком и услышал, как герцог Георг заявил, что его взгляды пагубны.

В том же году новый курфюрст Бранденбурга также перешел на сторону евангелистов среди ликования своего народа; и два великих римско-католических государства Северной Германии, курфюрстский Бранденбург и герцогская Саксония, стали протестантскими.

Прилив был настолько сильным, что три духовных курфюрста, архиепископы Майнца, Кельна и Трира, а также некоторые епископы подумывали о секуляризации своих княжеств и переходе в

протестантство. Это сильно встревожило Чарльза. Если бы предлагаемая секуляризация состоялась, в Коллегии выборщиков было бы значительное протестантское большинство, и следующий император был бы протестантом.

Карл с тревогой наблюдал за постепенным упадком власти романистских князей в Германии; и сообщения убедили его, что продвижение Реформации среди народа было еще более заметным. Римско-католическая церковь, казалось, находилась в агонии распада даже в тех местах, где она до сих пор была сильна. Бреслау, некогда убежденный романист, теперь стал почти фанатичным лютеранином; в Вене, писал епископ Фабер, население было сплошь лютеранским, за исключением его самого и эрцгерцога. В романских университетах почти не было студентов. Говорили, что в Баварии монастырей больше, чем монахов. Кандидатов в священники стало меньше самым поразительным образом: нунций Верджеро сообщил, что в Богемии он не смог найти ни одного, за исключением нескольких нищих, которые не могли заплатить за свое рукоположение.

Политика папы римского (Павел III, 1534-1549) вызвала отвращение у немецких князей-романистов. Он подчинил благополучие Церкви в их владениях своим антигабсбургским итальянским планам и фактически вступил в союз с Франциском Французским, который интриговал с турками, чтобы помешать императору! Действия и речи Генриха VIII за ними наблюдали и изучали лидеры немецких романистов. Разве они не могли подражать ему в Германии и создать националистическую Церковь, верную средневековой доктрине, иерархии и ритуалам, и в то же время независимую от папы, который так мало заботился о них?

Все это заставило Карла и Фердинанда пересмотреть свою политику. Император начал серьезно обдумывать, не может ли быть выходом из религиозного затруднения либо предоставление длительного перемирия лютеранам (которое, как он надеялся, может и не стать постоянным), либо энергичная работа над созданием Немецкой национальной церкви, которая посредством некоторого рабочего компромисса в доктринах и церемониях могла бы быть вызвана к существованию немецким национальным советом, собранным вопреки папе.

Именно с этими мыслями он отправил своего канцлера Хельда в Германию, чтобы укрепить там дело романистов. Его агент вскоре отказался от более масштабных идей своего хозяина, если он когда-либо их понимал, и удовлетворился публичным объявлением, что частное обещание, данное Карлом в Нюрнберге и подтвержденное Фердинандом при Каданском мире, отменяется. Судебные иски, возбужденные против протестантов в рейхскаммерсгерихте, не подлежали отмене, но должны были преследоваться до победного конца. Он также ухитрился в Нюрнберге (июнь 1538 г.) сформировать лигу князей-романистов, якобы для защиты, но на самом деле для того, чтобы заставить протестантов подчиниться решениям рейхскаммерсгерихта. Эти меры не привели к миру; они едва не привели к гражданской войне, которой удалось избежать только благодаря прямому вмешательству императора.

Канцлер Хельд был отозван, и император послал архиепископа Лунда выяснить, на какие условия согласятся протестанты. Они оказались больше, чем мог предоставить император, но результатом переговоров стало то, что протестанты получили перемирие, которое должно было продлиться десять лет.

Предлагаемая секуляризация церковных электоратов заставила Карла понять, что он не осмеливается ждать заключения этого перемирия. Он всерьез вознамерился выяснить,

невозможны ли компромиссы в доктрине и церемониях. Конференции лютеранских и романистских богословов и мирян проводились в Хагенау (июнь 1540 г.), в Вормсе (ноябрь 1540 г.) и в Регенсбурге (Ратисбон, апрель 1541 г.).³⁵⁶ Последнее было самым важным. Дискуссии показали, что можно сформулировать римскую и лютеранскую доктрины в двусмысленных положениях, которые могут быть приняты богословами обеих конфессий; но что между ними существует огромная пропасть, которую евангелисты никогда не переступят повторно. Духовное священство всех верующих никогда не могло быть согласовано с особым священством средневекового духовенства. Это была последняя попытка Карла найти компромисс, который по собственной воле объединил бы немецких лютеран с немецкими романистами. Он видел, что лютеране никогда не вернутся в Средневековую церковь, если их не вынудить силой, а применить силу было невозможно, если Шмалькальдская лига не была полностью распущена или в ней не было разногласий.

§ 10. Двоеженство Филиппа Гессенского.³⁵⁷

Такая возможность представилась. Торжествующий протестантизм получил самый серьезный удар в результате двоеженства Филиппа Гессенского, которое затронуло репутацию Буцера, Лютера и Меланхтона, а также ландграфа.

Филипп женился, когда ему едва исполнилось девятнадцать, на дочери герцога Георга Саксонского. Недавно он заявил, что поддерживать с ней супружеские отношения невозможно; что воздержание для него невозможно; что состояние, в котором он оказался, преследовало его всю жизнь и мешало ему приходить к Трапезе Господней. В таком случае, как у него, папа КлиментVIII. всего несколько лет назад мужу разрешалось брать вторую жену, и почему протестантские богословы не должны разрешать ему это? Он подготовил для себя дело, которое представил богословам, и получил ответ, подписанный Буцером, Меланхтоном и Лютером, который можно резюмировать следующим образом:

Согласно первоначальной заповеди Божьей, брак заключается между одним мужчиной и одной женщиной, и двое станут одной плотью, и эта первоначальная заповедь была подтверждена нашим Господом; но грех привел к тому, что сначала Ламех, затем язычник, а затем Авраам взяли более одной жены, и это было разрешено законом. Сейчас мы живем по Евангелию, которое не дает предписанных правил для регулирования внешней жизни, и оно прямо не запрещает двоеженство. Существующий закон страны вернулся к первоначальному требованию Бога, и простая обязанность пастырства состоит в том, чтобы настаивать на этом первоначальном требовании Бога и всячески осуждать двоеженство. Тем не менее, пасторство в отдельных случаях крайней необходимости и для предотвращения худшего может санкционировать двоеженство чисто исключительным образом; такой двоеженский брак является истинным браком (необходимость доказана) в глазах Бога и совести; но это не настоящий брак с точки зрения общественного права или обычая. Следовательно, такой брак должен храниться в тайне, и разрешение, данное на него, должно храниться под печатью исповеди. Если об этом станет известно, разрешение становится само по себе недействительным, и брак превращается в простое сожительство.

Таков был странный и скандальный документ, к которому Лютер, Меланхтон и Буцер приложили свои имена.

Конечно, это невозможно было сохранить в секрете, и моральный эффект разоблачения был катастрофическим как среди друзей, так и среди врагов. Особенно пострадали евангелические князья, и было предложено, чтобы ландграфа судили за двоеженство и наказали в соответствии с законами Империи. Когда дело было доведено до сведения императора, он решил, что никакого брака не было, и единственным результатом решения теологов был обман бедной девушки.³⁵⁸

Филипп, униженный и обиженный, изолированный от своих друзей, был готовым инструментом в руках императора в его плане ослабить и, по возможности, уничтожить Шмалькальдскую лигу. Вскоре представилась такая возможность. Отец Вильгельма, герцог Клевский, Джулиерс и Берг были избраны поместьями Гельдерса своим сувереном вопреки договору, который обеспечивал наследование престола Карлу. Отец умер, и сын унаследовал престол почти сразу после подписания договора. Таким образом, было создано мощное антигабсбургское государство в непосредственной близости от владений императора в Нидерландах. Вильгельм Клевский выдал свою сестру Сибиллу замуж за Джона Фредерика, курфюрста Саксонии, и, естественно, тяготел к Шмалькальдской лиге. В 1541 году между императором и Филиппом была достигнута договоренность, согласно которой Филипп гарантировал, что герцог Клевский не присоединится к Лиге или, по крайней мере, не получит от нее поддержки против императора, а взамен Филиппу была обещана компенсация за все прошлые деяния и продвижение по службе императору. Молодой Морис Саксонский, наследовавший своему отцу в герцогстве (18 августа 1541 г.) и женившийся на дочери Филиппа, также присоединился к этой сделке. Таким образом, император расколол великую протестантскую лигу, ибо курфюрст Саксонский отказался покинуть своего шурина. В 1543 году император напал на недружелюбного герцога, полностью разгромил его и отобрал у него Гельдерс, в то время как немецкие протестанты, которым препятствовал Филипп, стали свидетелями свержения одного из своих самых важных союзников. Это дало повод для взаимных обвинений, которые фактически ослабили протестантское дело.

В 1544 году Карл заключил мир с Францией (Крепский мир, 19 ноября) и был волен обратить свое внимание на дела в Германии. В том же месяце он вынудил папу уступить по поводу Генерального собора, который должен был собраться в марте 1545 года. Император хотел, чтобы этот Собор стал в его руках инструментом для подчинения как протестантов, так и папы римского. Он намеревался реформировать Церковь в смысле освобождения ее от многих пороков, которые проникли в нее, и особенно в уменьшении власти Римской курии; и в этом его поддерживали испанские епископы и большая часть латинского христианского мира. Но папа был более искусным дипломатом и превзошел императора в общих чертах. Собор был созван в Тренте, чисто итальянском городке, хотя номинально он находился в Германии. Было решено, что все его члены должны присутствовать лично, а не через депутатов, что означало, что итальянские епископы имели постоянное большинство; а выбор доминиканцев и иезуитов в качестве ведущих богословов ясно давал понять, что протестантам не будут сделаны никакие доктринальные уступки. С самого начала протестанты отказались каким-либо образом подчиняться его решениям, и Карл вскоре понял, что инструмент, на который он рассчитывал,

сломался в его руках. Если церковное единство и должно было быть сохранено в Германии, то это могло быть сделано только с помощью силы. Нет сомнений, что императору не хотелось идти на эту крайность; но его переписка со своей сестрой Марией и братом Фердинандом показывает, что к середине 1545 года он пришел к выводу о необходимости этого.

Его первой попыткой было разрушить Протестантскую лигу, которая вновь объединилась. Он снова попытался отстранить Филиппа Гессенского, но безуспешно. Однако он смог убедить курфюрста Бранденбургского, маркграфа Бранденбург-Кульмбахского и некоторых других сохранять нейтралитет — курфюрста, пообещав в любом случае, что религиозное урегулирование, которое было достигнуто в Бранденбурге (1541 г.), останется неизменным; и, что сослужило ему лучшую службу, он убедил молодого Мориса Саксонского стать его активным союзником.

§ 11. Морис Саксонский.

Морис Саксонский был одним из самых интересных, потому что был одной из самых загадочных личностей своего времени, которое было богато интересными личностями. Он был протестантом по убеждениям и никогда не отступал от своей веры; однако в конфликте между римским императором и протестантскими князьями он принял сторону императора и больше, чем кто-либо другой, способствовал свержению своих собратьев-протестантов. Его сделка с Карлом заключалась в том, что электорат должен быть передан от семьи Эрнестин Саксон к его семье, Альбертине, что он должен получить Магдебург и Хальберштадт, и что ни он, ни его народ не должны подчиняться постановлениям Тридентского собора. Затем, когда он лишил соперничающую семью электората, он спланировал и осуществил успешное восстание протестантских князей против императора и сыграл главную роль в обеспечении общественного признания лютеранства в Германии и в достижении постоянного религиозного мира 1555 года.³⁵⁹

§ 12. Смерть Лютера.

Именно в эти месяцы, когда Германии угрожали военные тревоги, Лютер скончался. С каждым годом он становился все слабее и никогда не щадил себя ради дела, которое было у него в сердце. Он считал, что должен выполнить еще одну, последнюю работу. Графы Мансфельд поссорились из-за каких-то пустяков при разделе своего имущества и согласились принять посредничество Лютера. Это вынудило его отправиться в Айсleben в пронизывающе холодную погоду (январь 1546 года). “Я бы с радостью лег костями в могилу, если бы только мог примирить моих дорогих лордов”, - сказал он; и это было то, что от него требовалось. Он завершил арбитражное разбирательство к удовлетворению обоих братьев и получил в качестве гонорара пожертвования для деревенских школ в регионе Мансфельд. Все документы были подписаны к 17 февраля (1546 г.), и работа Лютера была завершена в Мансфельде - и для его поколения. В ту ночь он тяжело заболел и умер на следующее утро, задолго до рассвета. “Преподобный отец, ” сказал Юстус Йонас, который был с ним, - останешься ли ты верен Христу и учению, которое ты проповедовал?” Умиравший пришел в себя, чтобы сказать “Да”. Это было его последнее слово. Двадцать минут спустя он скончался с глубоким вздохом.

Лютер умер на шестьдесят третьем году жизни — через двадцать восемь с половиной лет после того, как он, проявив большую смелость, прибил свои Тезисы к дверям церкви Всех Святых в Виттенберге, через двадцать семь после того, как он открыл смысл своих Тезисов в памятные дни, когда он встретился с Эком в Лейпциге, и через двадцать пять после того, как он предстал перед императором и Сеймом в Вормсе, когда вся Германия приветствовала его как своего защитника против папы римского и испанца. Годы между 1519 и 1524 годами были, с внешней точки зрения, самыми славными в жизни Лютера. Он доминировал и вел свою нацию, и дал единство этой растерянной и разделенной стране, которого у нее никогда не было до тех пор. Он говорил и чувствовал себя пророком. “У меня есть Евангелие не от людей, но с небес через Господа нашего Иисуса Христа, так что я мог бы описать себя и прославиться как служитель и евангелист”. Это положение пришло к нему не внезапно, как видение. Его вели к нему шаг за шагом, медленно подталкивая вперед силой, более могущественной, чем его собственная; и знание этого делало его смиренным перед своим Богом. В эти годы казалось, что его мечта — ожидание, разделяемое его мудрым курфюрстом, самым опытным государственным деятелем Германии, — о Германии, объединенной под властью единой Национальной Церкви, отделенной от рабства Рима, отвергающей ее богохульства, отвергающей ее традиции, которые извратили религию древних и более чистых дней, и отрекающейся от ее самонадеянных посягательств на сферу гражданской власти, предначертанную Богом, вот-вот осуществится.

Затем последовало разочарование Крестьянской войной, когда зубы дракона были посеяны по радио над Германией и принесли урожай мрачных подозрений и черных страхов. После того как восстание выдохлось и, несмотря на почти непоправимый ущерб, который оно и использование его папскими дипломатами нанесли реформационному движению, к Лютеру вернулось его безмятежное мужество и он восстановил большую часть утраченных позиций. Но сокрушительный удар оставил на нем свой след. Он так же верил в Бога, но с гораздо большим недоверием относился к людям, боялся “беспорядков”, был полон решимости не иметь ничего общего ни с кем, кто имел хоть малейшую связь с теми, кто подстрекал введенных в заблуждение крестьян. Он сплотил силы Реформации и вернул их к дисциплине благодаря вере, которую они питали к нему как к своему лидеру. Его личность господствовала над этими королями Германии, обладавшими таким же сильным чувством собственного достоинства и автократических прав, как любой Тюдор или Валуа, и они подчинились его руководству. Избирательная Саксония, Гессен, Люнебург, Ангальт, Восточная Пруссия и Мансфельд, а также около десятка имперских городов с самого начала преданно следовали за ним; и по прошествии лет герцогские Саксония и Вюртемберг в центре и на юге и Бранденбург на севере объявили себя протестантскими государствами. Эти более крупные княжества привели за собой все более мелкие государства-сателлиты, которые группировались вокруг них. Можно сказать, что до смерти Лютера гораздо большая часть Германской империи была завоевана для евангелической религии — территория, которую можно грубо описать как большой треугольник, основанием которого были берега Балтийского моря от Нидерландов на западе до восточных границ Восточной Пруссии, а вершиной была Швейцария. Часть этой земли была занята церковными княжествами, которые оставались римско-католическими, - районами, окружавшими Кельн на западе, и территориями Падерборна, Фульды и многими другими в центре, — но, с другой стороны, многие убежденные протестантские города, такие как Нюрнберг, Констанц и Аугсбург, были основаны на территориях, которые находились за пределами этих границ. Масштабы и мощь этой протестантской Германии были достаточны,

чтобы противостоять любым попыткам императора и католических князей одолеть ее силой оружия, при условии, что только ее правители оставались верны друг другу.

На этой обширной территории страны были основаны евангелические церкви, и были приняты меры для образования детей и поддержки бедных в постановлениях, изданных высшими светскими властями, которые управляли ее многочисленными подразделениями. Месса с ее предполагаемой заместительной жертвой и посредническим священством была отменена. Немецкий язык вытеснил средневековую латынь в общественном богослужении, и верующие могли принимать участие в богослужениях с полным пониманием торжественных действий, в которых они участвовали. На каждой кафедре лежала немецкая Библия, а на скамьях у людей были свои экземпляры. Были исполнены переводы Псалмов и немецких евангелических гимнов, а также произнесены проповеди на немецком языке. Были приложены все усилия, чтобы обеспечить образованное евангельское служение, которое верно проповедовало бы Евангелие и добросовестно выполняло все обязанности, связанные с “исцелением душ”. Церковная собственность средневековой церкви в основном использовалась в евангелических целях. В этих новых порядках не было механического единообразия. Лютер отказался играть роль церковного автократа: он советовал, когда его просили дать совет, но никогда не приказывал. Никакое виттенбергское “использование” не должно было противостоять римскому “использованию” и быть единственным способом служения и церковной организацией.

Движение, основанное Лютером, распространилось далеко за пределы Германии еще до 1546 года. Каждая страна Европы ощущала его пульсацию. Уже в 1519 году (апрель) ученые мужи Парижа почти лихорадочно изучали его труды.³⁶⁰ Их охотно читали в Англии до 1521 года.³⁶¹ Алеандр, обращаясь из Вормса в Курию, жалуется, что испанские торговцы получали переводы книг Лютера, сделанные для распространения в Испании.³⁶² В Италии их с восхищением изучали еще раньше. Шотландский парламент тщетно пытался предотвратить их въезд в эту страну к 1525 году.³⁶³ Лютеранская реформация была юридически закреплена в Дании, Норвегии и Швеции задолго до смерти Лютера.

Лютер был единственным великим человеком своего поколения, стоявшим на голову выше всех остальных. Это не означает, что он впитал в свою индивидуальность все, что произвела эпоха для дальнейшего развития человечества. В том шестнадцатом веке существовало много стремлений к добру, которых Лютер никогда не признавал; ибо эпоха всегда богаче любого человека, принадлежащего к ней. Он стоял вне великого художественного движения. Он мог бы многому научиться у Эразма, с одной стороны, и у лидеров Крестьянской войны - с другой, что оставалось скрытым от него. Он величайший только в одной сфере религии — в величайшей из всех сфер. Его поведение по отношению к Цвингли и резкие высказывания, которые он использовал в адрес оппонентов, заставляют наше поколение обнаружить ту черту нетерпимости, которую мы предпочли бы не видеть в столь великом человеке; но его современники не выносили и не могли вынести о нем такого же суждения. В такой разделенной Германии никто, кроме человека широчайшей терпимости, не смог бы объединить протестантские силы так, как это сделал Лютер; и мы можем понять, кем он был, когда вспомним печальные последствия мелочной ортодоксии Амсдорфов и Осиандеров, пришедших после него.

Такова судьба большинства авторов революций - быть поглощенными движением, которое они вызвали к жизни. Лютер вызвал величайшую революцию, которую когда-либо видела Западная Европа, и он правил ею до самой своей смерти. История не знает более могущественного человека, чем этот сын тюрингского шахтера.

§ 13. Религиозная война.364

Война началась вскоре после смерти Лютера. Император ввел в Германию свою испанскую пехоту, положив начало тому, что должно было стать проклятием для этой страны на протяжении многих поколений, и произошли различные маневры и стычки, самой важной из которых было вторжение Морица Саксонского в Курфюршество. Наконец император встретился с курфюрстом в битве при Мюльберге (24 апреля 1547 г.), где Иоанн Фридрих потерпел полное поражение и был взят в плен. Виттенберг, стойко защищаемый Сибиллой, вскоре после этого сдался. Это был конец. Филиппа вынудили сдаться обещания благоприятного отношения, данные выборщиками, оставшимися на стороне императора. Карл отказался выполнять обещание, данное от его имени, и ландграф тоже оказался в плену. Вся Германия, за исключением Констанца на юге и некоторых прибалтийских земель, лежала ниц у ног императора. Оставалось посмотреть, как он воспользуется своей победой.

В свое время он поставил перед собой задачу добиться того, что, по его мнению, было разумным компромиссом, который позволил бы всей Германии остаться в рамках единой Национальной церкви. Сначала он пытался побудить отдельные партии выработать его между собой; и когда это оказалось безнадежным, он, подобно второму Юстиниану, решил создать символ веры и силой навязать его всем, особенно лютеранам. Для начала ему пришлось бросить вызов папе и пренебречь Генеральным советом, за который он нес главную ответственность. Он официально потребовал, чтобы Собор вернулся на немецкую землю (он был переведен в Болонью), и, когда в этом было отказано, он выразил протест против его существования и, подобно немецким протестантам, которых он принуждал, заявил, что не подчинится его постановлениям. Затем он выбрал трех теологов, Майкла Хелдинга, Юлиуса фон Пфлюга и Агриколу, — медиевиста, эразмианца и очень консервативного лютеране, — чтобы создать то, что было названо Аугсбургским временным периодом.

§ 14. Временный Аугсбургский суд.365

Этот документ учил догмату Пресуществления, семи таинствам, поклонению Пресвятой Деве и Святым, сохранял большинство средневековых церемоний и обычаев и объявлял Папу Главой Церкви. Это должно было понравиться романистам. Она понравилась лютеранам, приняв доктрину оправдания верой в измененной форме, брак священников с некоторыми оговорками, использование Чаши мирянами на Святой Вечере и значительно изменив доктрину жертвенного характера мессы. Конечно, все его положения были двусмысленными и могли быть истолкованы двояко. Вероятно, таково было намерение создателей; если так, то они добились большого успеха.

Ничто из того, за что Чарльз когда-либо брался, не приводило к такому печальному провалу, как это лоскутное кредо, составленное из фрагментов двух Исповедей. Какими бы безжизненными

ни стали вероучения, все они — настоящие — выросли из живого христианского опыта их создателей и содержали саму жизненную кровь их сердец, а также их мозгов. Создавать вероучения - безнадежная задача, как портной шьет пальто.

Карл, однако, гордился своим кредо и делал все возможное, чтобы утвердить его. Сейм 1548 года показал ему его трудности. Временное соглашение было принято и провозглашено в качестве эдикта этим сеймом (15 мая), но только после того, как император, очень неохотно, практически заявил, что оно предназначено только для протестантов. “Император, ” сказал член сейма, - борется за религию против папы Римского, которого он признает ее главой, и против двух частей христианского мира в Германии — массы протестантов и церковных князей”. Таким образом, с самого начала то, что должно было стать инструментом объединения немецкого христианского мира, было преобразовано в “смирительную рубашку для лютеран”, и это не сделало его более приемлемым для них. Поначалу решительные меры, принятые императором, вынудили многих протестантских князей номинально принять его.³⁶⁶ В городах, которые казались наиболее непокорными, Советы были очищены от членов-демократов, а лютеранские проповедники отправлены в изгнание — Мэтью Альбер из Ройтлинга, Вольфганг Мускулус из Аугсбурга, Бренц из Халля, Осиандер из Нюрнберга, Шнепф из Тюбингена. Буцеру и Фагиусу пришлось бежать из Страсбурга и найти убежище в Англии. Город Констанц был осажден и пал после героической обороны; он был лишен своих привилегий имперского города и был присоединен к семейным владениям Австрийского дома. Его пастор Бларер был отправлен в изгнание. Четыреста лютеранских священнослужителей были изгнаны из своих домов.

Если бы Карл, поддержанный своими испанскими и итальянскими войсками, смог добиться номинального подчинения своему Временному правительству, он не смог бы принудить народ принять это. Церкви стояли пустыми в Аугсбурге, Ульме и других городах. Люди встретили это почти всеобщим пассивным сопротивлением — если пение дурацких куплетов в насмешку над Временным периодом можно назвать пассивным. Когда император приказал герцогу Кристоферу Вюртембергскому изгнать Бренца из его убежища в своем государстве, герцог ответил ему, что он не может изгнать все его население. Народные чувства, как это обычно бывает в подобных случаях, нашли выход во всевозможных сатирических песнях, памфлетах и даже катехизисах. Как и во времена, предшествовавшие Крестьянской войне, эта грубая популярная литература имела огромный тираж. Большая часть этого имела форму грубых разворотов с изображением, как правило, сатирическим, вверху, а песня, иногда с музыкальной партитурой, была напечатана ниже.³⁶⁷ Бродячие проповедники, которых не мог остановить никакой полицейский надзор, выступили с критикой Временного правительства, распространяя грубую литературу по деревням и среди представителей демократии в городах. Вскоре символ веры и эдикт, приведший его в исполнение, стали практически мертвой буквой на большей части Германии.

Присутствие испанских войск императора на земле Отечества раздражало чувства немцев, будь то румын или протестантов; наглость и бесчинства этих солдат задели простых людей; а их использование для навязывания ненавистного Временного режима протестантам было дополнительным оскорблением. Гражданам одного имперского города сказали, что если они не примут Временное правительство, то им придется обучаться теологии в испанских войсках, а в другом - что они еще научатся говорить на испанском языке. В то время как народная ненависть к Карлу постепенно нарастала, он ухитрился усилить ее, предложив своему сыну Филиппу

унаследовать императорскую корону после своего брата Фердинанда. Избрание самого Шарля было вызвано патриотическими чувствами. Люди думали, что немец лучше француза, и они слишком поздно узнали, что им достался не немец, а испанец. Фердинанд прожил в Германии достаточно долго, чтобы знать ее нужды, а его сын Максимилиан показал, что обладает многими качествами, которые импонируют немецкому характеру. Предложение заменить Филиппа, каким бы естественным оно ни было с точки зрения Чарльза и соответствовало его более ранней идее о том, что у Дома Габсбургов должен быть один глава, означало для немцев еще большую “испаноязычность” Германии. Эта непопулярность Карла среди немцев всех рангов и классов быстро росла между 1548 и 1552 годами; и в те же годы его зарубежный престиж быстро шел на убыль. Он оставался в Германии, за исключением короткого визита в Нидерланды; но, несмотря на его присутствие, анархия становилась все хуже и хуже. Вспыхнувшее восстание могло бы вспыхнуть гораздо раньше, если бы протестанты смогли преодолеть свою ненависть и подозрительность к Маврикию Саксонскому, сотрудничество которого было почти необходимо. Нет необходимости описывать интриги, которые плелись вокруг императора, небрежные, хотя и не без предупреждения.

Морис завершил свои договоренности со своими немецкими союзниками и Францией в начале 1552 года. Император удалился из Аугсбурга в Инсбрук. Морис захватил перевал Эренберг в ночь с 18 на 19 мая и двинулся к Инсбруку, надеясь “загнать старого лиса на землю”. Чарльзу удалось спастись на несколько часов, и он в сопровождении своего брата Фердинанда бежал через перевал Бреннер под шквалом снега и дождя. Это была дорога, по которой он въехал в Германию в ясную весеннюю погоду, когда прибыл в 1530 году, в зените своего могущества, чтобы урегулировать, как он уверенно ожидал, религиозные трудности в Германии. Он благополучно добрался до Филлаха в Каринтии и там стал ждать продолжения событий.

Немецкие князья в большом количестве собрались в Пассау (август 1552 г.), чтобы обсудить положение и прийти к соглашению. Морис якобы был хозяином положения, поскольку его войска и войска его дикого союзника Альберта Алкивиада Бранденбург-Кульмбахского находились в городе, и многие принцы чувствовали себя “так, словно у них в груди заяц”. Его требования к общественному благу были умеренными и подобающими государственному деятелю. Он потребовал немедленного освобождения своего тестя, ландграфа Гессенского; для урегулирования религиозного вопроса на постоянной основе на встрече немецких князей, достаточно представительных от двух партий — ни один Совет, созываемый и направляемый папой римским, никогда не даст честной игры протестантам, сказал он, и они не могут ожидать добиться этого от Сейма, где большое количество церковных членов дает неоправданный перевес стороне романистов; и для урегулирования некоторых конституционных вопросов. Присутствовавшие принцы, а вместе с ними и Фердинанд, король римлян, были склонны принять эти требования. Но когда они были переданы Карлу в Филлах, он категорически отказался допустить, чтобы религиозный или конституционный вопрос решался каким-либо собранием, кроме Сейма Империи. Ничто не могло изменить его мнения - ни мольбы брата, ни его собственная личная опасность. Он все еще рассчитывал на разногласия среди протестантов и считал, что ему достаточно поддержать “прирожденного курфюрста” Саксонии против того, кого он создал сам, чтобы лишить Мориса его силы. Возможно, у Мориса были свои страхи, возможно, он был рад возможности показать, что “испанец” был единственным врагом прочного мира в Германии. Он удовлетворился молчаливым согласием Джона Фридриха на безвозвратную потерю электората, как это было оговорено в Виттенбергском мире (1547).

После этого Карл был свободен вернуться в Аугсбург, где он получил мелкое удовлетворение, пригрозив вернувшимся лютеранским проповедникам и снова свергнув демократическое правительство города. Затем он отправился, чтобы принять командование немецкой армией, противостоявшей французам. За его неспособностью взять город Мец последовал его практический отказ от руководства делами Германии, которые были оставлены в руках Фердинанда. Беспорядки того времени отложили заседание Сейма до 1555 года (открылось 5 февраля). Курфюрст и “прирожденный курфюрст” Саксонии были мертвы — Джон Фредерик, измученный несчастьями и тюремным заключением (3 марта 1554 г.), которому сочувствовали как друзья, так и враги; и Морис, которому было всего тридцать два года, убитый в момент победы при Зиверсхаузене (9 июля 1553 г.).

Летом 1554 года император передал управление делами Германии в тщательно ограниченной форме своему брату Фердинанду, королю римлян. Условия передачи полномочий подразумевают, что это было сделано Карлом, чтобы избежать унижения от личной ответственности за согласие с тем, что было для него ненавистной необходимостью, и признания неудачи в его управлении Германией с 1530 года. Все признавали, что мир необходим почти любой ценой, но Фердинанд и высшие церковные князья боялись столкнуться с неизбежным. Король римлян все еще лелеял какие-то смутные надежды на компромисс, который сохранил бы единство средневековой немецкой церкви, и эгоистичная политика многих протестантских князей поощряла его. Курфюрст Иоахим Бранденбургский пожелал архиепископства Магдебургского и епископства Хальберштадтского своему сыну Сигизмунду и заявил, что его устроит Временный пост! Христофор Вюртембергский лелеял аналогичные планы в отношении церковной собственности. Август Саксонский, брат и преемник Мориса, пожелал получить епископство Мейсен. Все эти планы могли бы быть легче осуществлены, если бы внешнее единство средневековой церкви оставалось нерушимым.

§ 15. Религиозный мир в Аугсбурге.368

Сейм был созван на 13 ноября (1554 г.), но когда Фердинанд прибыл в Аугсбург примерно в конце года, Сословия еще не собрались. Он смог официально открыть сейм 5 февраля (1555 г.), но ни один из выборщиков и только два великих церковных князя, кардинал-епископ Аугсбурга и епископ Эйхштадта, лично не присутствовали. Пока сейм бесцельно тянулся, протестантские князья собрались на свой собственный большой совет в Наумбурге (3 марта 1555 г.), чтобы выработать общую политику. Среди присутствующих были курфюрсты Бранденбурга и Саксонии, сыновья Иоганна Фридриха, злополучного “прирожденного курфюрста”, и ландграф Гессенский — шестнадцать принцев и множество магнатов. После долгих дебатов ассамблея решила (13 марта), что они будут придерживаться Аугсбургского исповедания 1530 года и что меньшинство объединится с большинством в проведении единой политики. Даже “жирный старый временный поверенный”, как прозвали курфюрста Иоахима Бранденбургского, был вынужден подчиниться; протестанты стояли на твердой почве с определенной программой и обязались поддерживать друг друга.

Эта памятная встреча в Наумбурге заставила членов сейма напрячься. Каждый член церкви, за исключением кардинала—епископа Аугсбургского, желал *постоянного* урегулирования религиозного вопроса, и их рвение проявлялось во множестве прилагательных, используемых для выражения преобладающей мысли - “бестендигер, беаррлихер, небедингер, фюр и фюр

эвиг верендер” была фраза. Встреча в Наумбурге показала им, что этого нельзя добиться без признания лютеранства законной религией в Германской империи.

Когда протестантские требования были официально представлены на рассмотрение сейма, выяснилось, что они включают в себя: безопасность в соответствии с Публичным правом Империи для всех, кто исповедует Аугсбургское исповедание, и для всех, кто в будущем может исповедовать ту же профессию; свободу законного владения всей церковной собственностью, которая была или могла бы в будущем быть секуляризована; полную терпимость ко всем лютеранам, проживавшим в романистических государствах, без соответствующей терпимости к романистам в лютеранских государствах. Эти требования шли гораздо дальше, чем все, что формулировал сам Лютер, и действительно применяли к романистам некоторые положения шпейерского “перерыва” (1529 г.), которые, будучи применены к лютеранам, вызвали протест. Против них яростно возражали члены сейма-романисты, и, поскольку обе партии, казалось, не желали ни в чем уступать другой, существовала некоторая опасность того, что религиозная война вспыхнет снова. Посредничество Фердинанда от имени румын и Фридриха Саксонского от имени протестантов привело к компромиссу после нескольких месяцев дебатов. Было решено, что лютеранская религия должна быть легализована в пределах Империи и что все лютеранские князья должны иметь полную безопасность в отправлении своей веры; что средневековая епископальная юрисдикция должна прекратиться на их землях; и что они должны сохранить все церковные владения, которые были секуляризованы до принятия Пассауского мирного договора (1552). Будущие изменения веры должны были определяться принципом *cuius regio eius religio*. Светский территориальный правитель мог выбирать между католической или лютеранской верой, и его решение состояло в том, чтобы связать всех своих подданных. Если подданный исповедовал религию, иную от своего принца, ему должно было быть разрешено эмигрировать без каких-либо домогательств. Эти положения были согласованы всеми и воплощены в “перерыве”. Два очень важных вопроса оставались нерешенными. Романисты требовали, чтобы любой церковный князь, изменивший свою веру, лишался земель и званий — “церковной резервации”. Это было воплощено в “перерыве”, но протестанты заявили, что они не будут связаны им. С другой стороны, протестанты требовали терпимости ко всем лютеранам, проживающим на территориях романистических князей. Это не было воплощено в “перерыве”, хотя Фердинанд пообещал, что проследит за его осуществлением на практике.³⁶⁹ Таков был знаменитый Аугсбургский мир. Не было никаких причин, по которым это не должно было произойти годами раньше и без предшествовавшей ему дикой военной бури, за исключением того факта, что в неудачном порыве энтузиазма немцы избрали своим императором молодого короля Испании. Они выбрали внука добродушного Максимилиана, считая его настоящим немцем, и получили человека, чье отношение к религии “было на полпути между добродушной ортодоксальностью его деда Максимилиана и мрачным фанатизмом его сына Филиппа II.” и чей “ум всегда отклонялся от первого ко второму”.³⁷⁰ Чем дольше он жил, тем больше он становился испанцем и тем менее способным понимать Германию, как со светской, так и с религиозной стороны. Вся его общественная жизнь, насколько это касалось этой страны, была одним катастрофическим провалом. Он преуспел только тогда, когда использовал свое имперское положение для увеличения и консолидации территориальных владений Дома Габсбургов; ибо обвинение в расчленении империи может быть предъявлено Карлу с таким же успехом, как и самому эгоистичному из принцев Германии.

Религиозный мир в Аугсбурге содержался в решениях Шпейера в 1526 году, и он повторялся во всех перемириях, которые император заключал со своими подданными-лютеранами с 1530 по

1544 год.³⁷¹ Если бы какое-либо из них было сделано постоянным, религиозная война с ее результатом в дикой анархии, ожесточенных религиозных антагонизмах и семени междоусобицы, которое было посеяно в Тридцатилетней войне, никогда бы не произошла. Но Карл, чья миссия, как он воображал, заключалась в сохранении единства “бесшовных одежд Христа”, как он выразился, мог предпринять попытку, только залив поля Германии кровью и увековечив и усилив религиозные противоречия страны, которая избрала его своим Защитником.

Этот религиозный мир в Аугсбурге был провозглашен, и справедливо, победой религиозной свободы.

С одной точки зрения, победа не была большой. Единственное признание, которое допускалось, - это Аугсбург. Швейцарская реформация и ее приверженцы находились за пределами религиозного мира. То, что превратилось в Реформатскую или кальвинистскую церковь, также находилось за пределами. Оно ограничивалось исключительно лютеранством, или, как его еще называли, евангельским вероучением. Не было большой выгоды и от личной свободы совести. Можно с уверенностью сказать, что в лютеранской территориальной системе Церквей, а также в Римско-католической церкви, реорганизованной в соответствии с канонами и декретами Тридента, было меньше свободы совести, чем в средневековой Церкви.

Победа заключалась в том, что был нанесен первый удар по освобождению человечества от оков романистического абсолютизма; что был сделан первый неуверенный шаг на пути к религиозной свободе; и первый ценен не тем, что он есть сам по себе, а тем, что он представляет и тем, что последует за ним. Религиозный мир в Аугсбурге мало чем уступал современным стандартам; но он содержал силу и обещание будущего. Важен всегда первый шаг.

Глава VI. Организация лютеранских церквей.³⁷²

Две концепции, вторая из которых вытекает из первой, лежат в основе всего, что Лютер говорил или делал об организации христианского братства в церкви.

Первичной и кардинальной доктриной, которая была основой всего, было духовное священство всех верующих. Это, по его мнению, подразумевало, что проповедь, совершение таинств, церковная дисциплина и так далее не были исключительным достоянием особой касты людей, которым они были поручены Богом и которые, следовательно, были посредниками между Богом и человеком. Эти божественные обязанности принадлежали всей общине как сообществу верующих мужчин и женщин; но поскольку разделение труда было необходимо, и поскольку каждый отдельный христианин не может выполнять такие обязанности без возникновения беспорядков, община должна искать и выделять определенных своих членов для выполнения их от своего имени.

Вторая концепция заключалась в том, что светское правление - это постановление, установленное Богом, и что особое правление, на которое претендовал римский понтифик над светскими и священными вещами, было узурпацией полномочий, переданных Богом светской власти. Лютер понимал это как означающее, что христианская магистратура вполне может представлять христианскую общину верующих и от ее имени или ассоциироваться с ней, брать на себя организацию и руководство гражданской или территориальной Церковью.

В своих ранних работах, написанных до начала крестьянской войны, Лютер больше всего останавливается на мысли об сообществе верующих, их правах и полномочиях; в более поздних, когда им овладел страх перед обычным человеком, светская власть занимает все поле его размышлений. Но хотя до Крестьянской войны Лютер не отводил светской магистратуре такого постоянного места как единственному источнику власти или надзора за Церковью, эта концепция была у него в голове с самого начала.

Среди различных обязанностей, которые принадлежат обществу верующих, Лютер выбрал три как наиболее выдающиеся: те, что связаны с пастырством, включая проповедь, раздачу таинств и так далее; служение христианскому милосердию; и обязанность следить за тем, чтобы дети, принадлежащие общине, и особенно “бедные, несчастные и покинутые дети”, были должным образом образованы и натренированы, чтобы стать полезными членами общества.

В нескольких примерах попыток, предпринятых до Крестьянской войны, сформулировать эти концепции в правилах для общин, организованных в соответствии с евангельскими принципами, мы обнаруживаем, что община и магистратура объединяются, чтобы заботиться о богослужении, бедных и образовании. Иллюстрации можно увидеть в Виттенбергском ордонансе 1522 года (Карлштадт) и ордонансах Лейснига (1523) и Магдебурга (1524).³⁷³ Все три являются примерами того, как местная власть в небольшой общине пытается, по наущению проповедников и простых людей, выразить в определенных правилах некоторые требования новой евангелической жизни.

Сам Лютер считал эти более ранние постановления преждевременными и настаивал на отмене Виттенбергского указа. Он знал, что перемены должны произойти; но он надеялся увидеть, как они будут происходить постепенно, почти незаметно, проявляясь для всех без специальных действий, предписанных внешней властью. Он опубликовал предложения о проведении Вечери Господней и крещения в церквях Виттенберга еще в 1523 году; он собрал и издал небольшую подборку евангельских гимнов, которые можно было исполнять во время публичных богослужений (1524); в том же году он обратился к бургомистрам и советникам всех немецких городов по поводу строительства и содержания христианских школ; и он поздравил более чем один муниципалитет с принятием мер по заботе о бедных.³⁷⁴ Прежде всего, находясь в Вартбурге, он завершил перевод Нового Завета которая, после доработки Меланктоном и другими друзьями, была опубликована в 1522 году (21 сентября) и выдержала шестнадцать исправленных изданий и более пятидесяти переизданий до 1534 года. Перевод Ветхого Завета был сделан группой ученых в Виттенберге, публиковался по частям и, наконец, в полном виде в 1534 году.

Он всегда лелеял надежду, что евангельская вера спокойно распространится по всей его дорогой Родине, если только будет создано место для проповеди Евангелия. Это само по себе,

думал он, в свое время приведет к мирному преобразованию церковной жизни и богослужения. Диеты Нюрнберга и Шпейера предоставили поле для этой незаметной трансформации, которое постоянно расширялось. Лютер был так же безразличен к формам церковного управления, как и Джон Уэсли, и, как и Уэсли, каждый шаг, который он предпринимал для создания отдельной организации, был ему навязан как практическая необходимость. До самого последнего он лелеял надежду, что, возможно, не потребуется никаких серьезных изменений во внешнем управлении Церковью. Само Аугсбургское исповедание (1530) завершается словами. “Мы не хотим, чтобы у епископов отняли правление; но от них требуется только одно, чтобы они позволили преподавать Евангелие в чистоте и ослабили некоторые обряды, которые не могут соблюдаться без греха. Но если они никого не отпустят, пусть посмотрят, как они отчитаются перед Богом за то, что своим упрямством создают причину разделения и раскола, которых, тем не менее, следовало бы помочь избежать”.³⁷⁵ Не то чтобы он верил, что существование видимой Католической Церкви зависит от того, что двусмысленно называется апостольской преемственностью епископов, которые через дары, даруемые при рукоположении, создают священников, которые, в свою очередь, посредством таинств превращают язычников в христиан. Он не верил, что для рукоположения нужен епископ; он ясно изложил свою позицию по этому вопросу еще в 1525 году, и с тех пор рукоположение практиковалось без участия епископов. Но у него не было желания вносить изменения ради самих изменений. Датская церковь по сей день является одновременно епископальной и лютеранской.

Следует также помнить, что Лютер и все реформаторы верили и твердо придерживались доктрины видимой Католической Церкви Христа и что евангелическое движение, которое они возглавляли, было результатом столетий святой жизни *внутри* этой видимой Католической церкви. Они ни на минуту не предполагали, что, отказываясь от власти римского епископа, они отделяют себя от видимой Церкви. Они также не представляли себе, что, обеспечивая, временно или постоянно, проповедь слова, распределение таинств, соблюдение дисциплины и так далее, они основывали новую Церковь или отделяли себя от той видимой Церкви, в рамках которой они были крещены. Они отказывались признавать термин “католик” за своими оппонентами, и на различных конференциях, которые они проводили с ними, римские католики всегда *официально* обозначались как “приверженцы старой религии”, в то время как их называли “сподвижниками Аугсбургского исповедания”.

Еще в 1545 году Лютер лелеял надежду, что, возможно, не потребуется постоянного изменения внешней формы Церкви в Германии; и это придает всем более ранним схемам организации общин, исповедующих евангельскую веру, несколько импровизированный и временный вид, которым они на самом деле обладали.

Сейм в Шпейере 1526 года дал евангелическим князьям и городам право, по их мнению, реорганизовывать общественное богослужение и церковную организацию в своих владениях, и этим правом в значительной степени воспользовались. Корреспонденты со всех концов света просили совета и сотрудничества у Лютера, и из его ответов мы можем узнать, что он стремился к тому, чтобы на местах было как можно больше свободы, чтобы общины пытались выяснить, что им больше подходит, и чтобы “использование” Виттенберга не использовалось для регулирования обычаев всех других мест.

Городским властям было легче взять на себя ответственность за церковное устройство. В средневековые времена у них был некоторый опыт в этом вопросе; а городская жизнь была

настолько компактной, что было легко регулировать церковную часть. Преобладающий тип, представленный в ряде дошедших до нас "постановлений", собранных Рихтером и Зехлингом, заключается в том, что над городскими церквями был поставлен суперинтендант, один из городских священнослужителей, и что он был более или менее ответственен перед отцами города за церковную жизнь и правление во владениях города.

Церковная организация территорий князей была гораздо более сложной задачей. Лютер предложил курфюрсту Саксонии тщательно осмотреть его княжество, район за районом, чтобы выяснить положение дел и что необходимо сделать.

Переписка Лютера за 1525-1527 годы показывает, насколько настоятельной казалась ему необходимость такого посещения. Он несколько раз проезжал через страну. Приходские священники рассказали ему о своих трудностях и спросили его совета. В его письмах наглядно описывается их неимоверная бедность, бедность, усугубляемая тем фактом, что единственным применением новой евангелической свободы, к которому прибегли многие люди, был отказ платить все церковные взносы. Он пришел к выводу, что "простой человек" не уважал ни священника, ни проповедника, что в сельских районах не было церковного надзора и никаких полномочий по содержанию даже необходимых церковных зданий. Он выразил опасение, что если оставить все так, как есть, то вскоре во многих приходах не останется ни домов священников, ни школ, ни ученых. Сообщения о первом посещении саксов показали, что Лютер не преувеличивал.³⁷⁶ Округ вокруг Виттенберга был в гораздо лучшем порядке, чем в других; но в отдаленных частях было обнаружено очень плохое положение вещей. В деревне недалеко от Торгау посетители обнаружили старого священника, который с трудом мог повторить Символ веры или Молитву Господню,³⁷⁷ но который пользовался большим уважением как экзорцист и получал хороший доход от применения своего мастерства в борьбе со злым влиянием ведьм. Священников приходилось изгонять за вопиющую безнравственность. Некоторые из них были владельцами таверн или занимались другими мирскими делами. Деревенские школы встречались редко. Некоторые крестьяне жаловались, что Молитва Господня была такой длинной, что они не могли ее выучить; и в одном месте Посетители обнаружили, что ни один крестьянин вообще не знал никакой молитвы.

Это саксонское посещение послужило образцом для аналогичных посещений, совершенных почти во всех евангелических княжествах, и его отчеты показывают, какая была потребность в расследовании и реорганизации. Земли Избирательной Саксонии были разделены на четыре "круга", и для исполнения обязанностей в каждом круге была назначена комиссия из богословов и юристов. Посещение одного "круга" Виттенберга с его тридцатью восемью приходами может быть взято в качестве примера того, как была проделана работа и какие изменения были предложены. Уполномоченными или посетителями были Мартин Лютер и Юстус Йонас, богословы, а также Ганс Мецш, Бенедикт Паули и Иоганн в. Таубенгейм, юристы. Они начали в октябре 1528 года и потратили два месяца на выполнение своей задачи. Это было строго деловое мероприятие. Нет никаких сведений о том, что Лютер или Йонас проповедовали во время тура. Посетители с большой энергией приступили к своей работе, проводя конференции с приходскими священниками и представителями общины. Они расспрашивали священников о религиозном состоянии людей — была ли какая-либо грубая и открытая безнравственность, регулярно ли люди посещали церковь и причащались. Они спросили людей, как священники выполняют среди них свою работу — в городах их совещания проводились с Ратью, а в сельских районах и деревнях - с главами семей мужского пола. Их

общая работа заключалась в том, чтобы выяснить, что делается для “исцеления душ”, наставления молодежи и заботы о бедных. Под “исцелением душ” (Seelsorge) они подразумевали проповедь, отправление таинств, катехизическое наставление и пастырское посещение больных. Теологи должны были оценить способности пасторов, а юристы - оценить имеющийся доход, разобраться во всех юридических трудностях, которые могли возникнуть, и особенно разобраться в затруднениях, вызванных предполагаемой юрисдикцией монастырей над многими приходами.

Этот небольшой округ состоял из трех отдаленных частей трех епархий Бранденбурга, Магдебурга и Мейсена. На памяти человечества это место никто не проверял, и результаты епископской халатности были очевидны. В Клебице крестьяне прогнали приходского писаря и поместили деревенское стадо в его доме. В Бюльциге не было ни пасторского дома, ни дома приходского писаря, и священник был иногородним. Так было и в Данне, где священник проводил бенефиции в Косвиге и, кроме того, был капелланом в Виттенберге, в то время как клерк жил в Захне. Все приходские дома находились в плохом состоянии, и местные власти ничего нельзя было заставить сделать. Крыши протекали, стены осыпались, считалось, что морозы следующей зимы убьют кого-то физически. В Пратау священник все построил сам — дом приходского священника, пристройки, конюшню и хлевы. Все это было должным образом отмечено, чтобы о нем доложили. Что касается священников, то жалоб на них было действительно очень мало. В одном случае люди сказали, что их священник пил и его постоянно видели в трактире. Однако обычно жалобы, если таковые поступали, сводились к тому, что священник был слишком стар для своей работы или был настолько совершенно необразован, что мог лишь бормотать Мессу. Имелись скудные свидетельства того, что люди очень ясно понимали евангельское богословие. Вкушение Вечери Господней в обоих “видах” или только в одном было признанным и ценным различием между новым и старым учением; и когда у людей был выбор, они повсеместно предпочитали новое. В одном случае прихожане пожаловались, что их священник настаивал на проведении мессы на латыни, а не на немецком. Только в одном случае посетители обнаружили какие-либо возражения против евангелической службы. Это было в Мерее, где, как сообщалось, жена приходского клерка была врагом нового пастора из-за того, что он читал службу по-немецки. Однако оказалось, что ее настоящее возражение заключалось в том, что пастор вытеснил ее мужа. В Бледдине крестьяне рассказали посетителям, что их пастор Кристофер Рихтер был образованным и благочестивым человеком, который регулярно проповедовал по всем воскресеньям и праздничным дням, и обычно четыре раза в неделю в разных частях прихода. Однако оказалось, что их восхищение им не заставляло их посещать его служения с большой регулярностью. Все энергичные пасторы были молодыми людьми, получившими образование в Виттенберге. Мужчины постарше, все они были крестьянскими сыновьями, едва ли были образованнее своих прихожан и совершенно не умели проповедовать им. Посетители действительно нашли очень мало приходов, где не были названы имена трех, четырех, пяти или более человек, которые никогда не посещали церковь и не приходили к Трапезе Господней; в некоторых приходах на проповедь регулярно приходили мужчины, которые никогда не пришли бы к Причастию. Что больше всего поразило Посетителей, так это невежество, одурманенное невежество людей. Они допросили их напрямую; выяснили, знают ли они Апостольский символ веры, Десять заповедей и Молитву Господню; а затем спросили их о значении этих слов; и ответы были разочаровывающими.

Лютер вернулся с Посещения в сильно подавленном настроении и выразил свои чувства своим обычным энергичным языком. Он говорит во введении к своему Небольшому Катехизису, к работе над которым он приступил, как только вернулся после Посещения:

“Излагая этот Катехизис или христианскую доктрину в такой простой, сжатой и понятной форме, я был вынужден и движим жалким состоянием дел, которое я обнаружил недавно, когда выступал в качестве Посетителя. Милосердный Боже, какое несчастье я видел, когда простые люди вообще ничего не знали о христианском учении, особенно в деревнях! и, к сожалению, многие пасторы практически неквалифицированы и неспособны учить; и хотя все они называются христианами и принимают Святое Причастие, они не знают ни Молитвы Господней, ни Символа веры, ни Десяти заповедей, а живут как бедный скот и бессмысленные свиньи, хотя теперь, когда пришло Евангелие, они достаточно хорошо узнали, как они могут злоупотреблять своей свободой. О, вы, епископы, как вы когда-нибудь ответите перед Христом за то, что вы так постыдно пренебрегли народом и ни на мгновение не уделили внимания своему служению? Да отвратится от вас все зло! (Das euch alles unglück fliche). Вы запрещаете принимать Причастие в каком-либо одном виде и настаиваете на ваших человеческих законах, но никогда не спрашиваете, знают ли они Молитву Господню, Веру, Десять Заповедей или какие-либо другие слова Божьи. О, горе тебе во веки веков!”

Посетители обнаружили, что в домах священников можно было увидеть совсем немного книг. Они отмечают одно примечательное исключение - дом священника в Шмидеберге, где у священника была библиотека из двенадцати томов. Нельзя было ожидать, что такие необразованные люди смогут проповедовать что-то назидательное; и одна из рекомендаций Посетителей заключалась в том, чтобы копии постов Лютера или коротких проповедей об уроках дня были разосланы по всем приходам с приказом, чтобы пасторы прочитали их своим прихожанам.

Они нигде не обнаружили следов систематических пастырских посещений или катехизации.

В своих практических предложениях по прекращению неэффективности священничества Посетители сделали простые и домашние приготовления. Возьмем один пример— в Лизнице престарелый пастор Конрад был совершенно неспособен из-за возраста и невежества выполнять свои обязанности; но он был хорошим, безобидным стариком. Было условлено, что у него будет коадьютор, которого должен был содержать богатый человек прихода и получать плату, в то время как старый пастор сохранял за собой дом священника и стипендию, из которой он должен был ежегодно выплачивать своему коадьютору четырнадцать гульденов.

Посетители обнаружили, что в большинстве деревень школ не существовало, и были разочарованы состоянием школ, которые они обнаружили в небольших городах. Предлагалось сделать приходских клерков сельскими школьными учителями; но они были совершенно некомпетентны, и Посетители не видели ничего иного, кроме как предложить, чтобы пасторы стали сельскими школьными учителями. Приходским клеркам было приказано научить детей повторять Небольшой катехизис наизусть, а пасторам - проверять их на катехизисе по воскресеньям во второй половине дня. В городах, где в церквях обычно был *кантор* или регент, этого чиновника просили обучать детей пению евангельских гимнов.

Расспрашивая о заботе о бедных, Приезжие обнаружили, что в деревнях не было особой необходимости что-либо делать, но в городах дело обстояло иначе. Они обнаружили, что в

большинстве из них существовали старые фонды, предназначенные для оказания помощи бедным, и они обнаружили всевозможные злоупотребления и растраты этих средств. Были внесены предложения по восстановлению использования этих средств по назначению.

Этот очень сжатый отчет о том, что происходило в виттенбергском “круге”, показывает, как выполнялась работа Посетителей; потребовалось второе и третье посещение Избирательной Саксонии, прежде чем все было должным образом организовано; но в конце концов была выполнена хорошая работа. Курфюрст отказался использовать какие-либо из конфискованных монастырских земель и имущества в гражданских целях, и они, вместе с церковными пожертвованиями, обеспечивали стипендии пасторам, жалование школьным учителям и стабильное обеспечение бедных.

Когда Посещение было завершено и отчеты представлены, Посетителей попросили составить и дать Инструкцию или пространный совет духовенству и людям из “круга”, который они проинспектировали. Эта Инструкция не считалась обычным юридическим документом, но ожидалось, что по ее содержанию будут приняты соответствующие меры.

Эти посещения и Наставления были самыми ранними попытками реорганизации Евангелической церкви в Избирательной Саксонии. Посетители оставались в качестве “примитивной евангелической консистории”, чтобы руководить своими “кругами”.

Саксонские посещения стали образцом для большинства северогерманских евангелических территориальных церквей, а Инструкции представляют собой самый ранний сборник требований, изложенных для руководства пасторами и христианами. Указания очень подробные. Пасторам рассказывают, как проповедовать, как проводить пастырские посещения, от каких грехов они должны особенно предостерегать своих людей и какой пример они должны им показывать. Не была забыта забота о школах и бедных.³⁷⁸

Тот факт, что супружеские дела в средние века почти неизменно рассматривались в церковных судах, обусловил необходимость предоставления определенных юридических полномочий для вынесения решений по таким делам, когда средневековые епископальные суды либо временно, либо навсегда утратили свой авторитет. Это привело к временному устройству церковного управления в избирательной Саксонии, которое приняло обычную юридическую форму. В каждом из четырех “кругов”, на которые была разделена территория с целью Посещения, был назначен пастор, называемый суперинтендантом, который действовал наряду с обычной магистратурой по всем церковным вопросам, включая судебное разбирательство супружеских дел.³⁷⁹ Этот саксонский порядок также распространился в основном на евангелические государства северной Германии.

Третье посещение Избирательной Саксонии состоялось в 1532 году и привело к важным церковным изменениям, которые легли в основу всего, что произошло впоследствии. В результате отчетов Посетителей, из которых Юстус Йонас, по-видимому, был самым энергичным, приходы были реорганизованы, доходы приходских священников скорректированы, и все церковные доходы средневековой церкви в Избирательной Саксонии были выделены на три евангелические цели: поддержку служения, обеспечение школ и заботу о бедных. Доктрина, церемонии и богослужение евангелической церкви также были установлены на определенной основе.³⁸⁰

Посетители отметили, что до сих пор не было принято никаких мер по наделению всего церковного управления единой центральной властью. Князь-выборщик всегда считался верховным правителем Церкви в пределах своих владений, но поскольку он не мог лично руководить всем, требовался некий верховный суд, который мог бы действовать во всех церковных делах в качестве его представителя или инструмента. Посетители предложили возродить средневековые епископальные консисториальные суды, модифицированные в соответствии с новыми обстоятельствами. Епископы в средневековом смысле этого слова могли быть и считались излишними, но их истинная функция, *jus episcopale*, право надзора, была незаменимой. Согласно идеям Лютера — идеям, которые набирали силу в Германии с последней четверти пятнадцатого века, — это *jus episcopale* принадлежало высшей светской власти. Средневековый епископ осуществлял свое право надзора через суд *консистории*, состоящий из богословов и канонических юристов, назначенных им самим. Предполагалось, что эти средневековые суды могут быть преобразованы в лютеранские церковные суды, если князь сформирует постоянный совет, состоящий из юристов и богословов, который будет действовать от его имени по всем церковным вопросам, включая супружеские. Посетители набросали свой план; он был представлен на доработку Лютеру и канцлеру Брюку, и результатом стала Церковная консистория Виттенберга, основанная в 1542 году.³⁸¹ То, что договоренность все еще была несколько предварительной, вытекает из того факта, что суд не обладал юрисдикцией над всеми избирательными округами, и что две другие консистории, одна в Цайце, а другая в Цвиккау, были учреждены с аналогичными полномочиями. Но следует отметить, что эти суды были построены по образцу старых средневековых консисторских епископальных судов и что, подобно им, они состояли из юристов и теологов. Существенное различие заключалось в том, что эти лютеранские суды назначались высшей светской властью и действовали от ее имени. В избирательной Саксонии их местные границы юрисдикции не соответствовали границам средневековых судов. Это было невозможно. Избирательная Саксония, говорится в постановлении о создании самой консистории, состояла из частей “десяти или двенадцати” средневековых епархий. За судами были закреплены разные округа, но во всем остальном они воспроизводили средневековые суды консистории.

Уставы этих судов предусматривали созыв и проведение Синодов для обсуждения дел Церкви. Генеральный Синод состоял из Консистории и суперинтендантов различных “кругов”; и частных Синодов, которые имели отношение к церковным делам “круга”, суперинтенданта и всего духовенства “круга”.

Таково было зарождение консисторской системы церковного управления, которая является отличительной чертой лютеранской церкви и которая демонстрирует некоторые индивидуальные черты личности Лютера. Мы можем видеть в этом его желание в полной мере использовать любые части средневековых церковных обычаев, которые могли быть использованы на службе его евангелической Церкви; его концепцию о том, что единственной высшей властью на земле является светское правительство; его подозрительность к “простому” человеку и его решимость помешать людям осуществлять какой-либо контроль над устройством Церкви.

Постепенно все лютеранские церкви приняли, по крайней мере в общих чертах, эту консисторскую систему; но было бы ошибкой думать, что виттенбергское “употребление” было принято во всех деталях. Сам Лютер, как уже было сказано, не стремился к чему-либо подобному единообразию, и вначале его не было. Все схемы церковного управления исходят из

идеи, что епископское право или право церковного надзора принадлежит высшей территориальной светской власти. Все они включают в себя в рамках одного набора постановлений положения о поддержке министерства, о содержании школ и о заботе о бедных — последнее обычно выражается в положениях об “общей казне”. Огромное разнообразие разработанных и принятых форм церковного правления можно изучить в сборнике Рихтера, который включает сто семьдесят две отдельные церковные конституции и который, по общему признанию, очень несовершенен. Постепенный рост организации, окончательно принятой в каждом городе и штате, можно проследить для части Германии в незаконченной работе Зелинга.³⁸²

Количество этих церковных таинств огромно, и это количество отчасти объясняется тем, как Германия была разделена на множество маленьких государств в шестнадцатом веке, а также частично тем фактом, что Лютер решительно выступал за разнообразие.

Указы издавались самыми разными способами. Возможно, чаще всего князь публиковал и вводил в действие их по собственному усмотрению, как и любой другой акт территориального законодательства. Иногда он поручал комитету, действующему от его имени, составить текст и опубликовать его. В других случаях они были результатом консультаций между принцем и магистратами одного из городов в пределах его владений. Иногда они приходили от советов и пасторов городов, в которые они обращались. В других случаях они выдавались евангелическим епископом. И в некоторых случаях это просто правила, изданные одним пастором для его собственного прихода, которые светские власти и не подумали изменять.

Хотя они независимы друг от друга, их можно сгруппировать в семейства, которые очень похожи друг на друга.³⁸³

Некоторые территории перешли к консисториальной системе гораздо раньше, чем другие. Если княжество полностью или частично входило в состав секуляризованного церковного государства, механизм суда консистории был готов к действию князя и сразу же приспособивался к использованию евангелической церковью. Естественно, медленнее всего эта система развивалась в имперских городах, большинство из которых поначалу предпочитали организацию, очертания которой были заимствованы из конституции, разработанной Цвингли для Цюриха.

Лишь однажды мы сталкиваемся с попыткой придать евангелической Церкви, занимающей большую территорию, демократическую конституцию. Это сделал Филипп, ландграф Гессенский, который никогда не боялся демократии. Ни один немецкий принц не завоевывал так основательно доверия своего народа. Крестьянская война никогда не опустошала его владения. Он не участвовал в жестоких преследованиях анабаптистов, которые опозорили как лютеранское, так и римско-католическое государства во второй половине шестнадцатого века. Естественно, что более ранние идеи Лютера о правах христианской общины (Gemeinde) пришлись ему по душе. В 1526 году (6 октября), когда сейм Шпейера разрешил организацию евангелических церквей, Филипп созвал Синод в Хомберге и пригласил не только пасторов и церковных юристов, но и представителей знати и городов. План церковного управления, составленный Фрэнсисом Ламбертом, бывшим монахом-францисканцем, был представлен ассамблее и принят. Она была основана на идее, что слово Божье является единственным высшим правилом, которое направляет Её Церковь и управляет ею, и что Каноническому праву вообще нет места в Евангелической Церкви. Писание учит, поясняется в документе, что

выбирать и увольнять пасторов и соблюдать дисциплину посредством отлучения от церкви принадлежит самой христианской общине. Последнее право должно быть использовано на еженедельном собрании (по воскресеньям) прихожан и пастора. В целях упорядоченного правления Церковь должна иметь должностных лиц, которые должны как можно ближе соответствовать тем, которые упоминаются в Священных Писаниях Нового Завета. Это епископы (пасторы), старейшины и дьяконы; а дьяконы - это опекуны бедных, а также церковные чиновники. Все эти должностные лица должны помнить, что их функция - функция слуг, и ни в коем случае не властная. Они должны быть избраны собранием и отделены друг от друга возложением рук в соответствии с апостольской практикой. Епископ (пастор) должен быть рукоположен по крайней мере тремя пасторами, а дьякон - пастором или двумя старейшинами. Управление всей Церковью должно быть в руках Синода, состоящего из всех пасторов и делегата от каждого прихода. Таково в общих чертах было демократическое церковное правление, предложенное для территории Гессена и принятое ландграфом.³⁸⁴ Однако решительные протесты Лютера убедили его отказаться от него. В организации лютеранских церквей нет места демократическому или представительному элементу.

Глава VII. Лютеранская реформация за пределами Германии.³⁸⁵

Влияние Лютера вышло далеко за пределы Германии. Оно ощущалось в Англии, Франции, Шотландии, Голландии, Польше и Скандинавии. Англия пошла своим особым путем; Франция, Голландия и Шотландия, в конце концов, приняли лидерство Кальвина; лютеранская реформация за пределами Германии действительно была ограничена только Скандинавией.

В этих скандинавских землях религиозное пробуждение было связано с политическими и социальными движениями больше, чем в каких-либо других странах. Реформация в Церкви действительно была начата людьми, которые учились у Лютера в Виттенберге или которые получили первые указания из его трудов; но она была продолжена и доведена до успешного завершения государственными деятелями, которые видели в ней средство избавить свою страну от политической анархии, вызванной чрезмерной независимостью и буйством крупных церковных вельмож, и которые были почти вынуждены смотреть на обширные владения Церкви как на средство пополнить свои истощенные казначейства, не разоряя обремененных налогоплательщиков.

Когда Эрик был коронован королем Дании, Швеции и Норвегии в 1397 году, собравшаяся знать, представляющая три королевства, согласилась на знаменитую Кальмарскую унию, в которой провозглашалось, что три земли должны быть навеки объединены под властью одного суверена. Договор был чисто династическим, его условия были расплывчатыми, и он никогда не был очень эффективным. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что король жил в Дании и правил в интересах этой страны; что он также, можно сказать, правил в Норвегии; но что в Швеции его власть была чисто номинальной, а иногда даже и не такой. В самой Дании монархическое правление было трудным делом. Скандинавское правление было выборным, и каждые выборы давали возможность уменьшить привилегии, авторитет и богатство суверена и

увеличить привилегии знати и великих духовных лиц, которые, будучи привилегированными классами, были освобождены от уплаты налогов.

В 1513 году Кристиан II., племянник курфюрста Саксонии и шурина императора Карла V. (1515), вззошел на трон, и его восшествие на престол знаменует начало новой эры, которая должна была закончиться триумфом Реформации во всех трех странах. Кристиан был человеком с большими природными способностями, с глубоким пониманием жалкого положения простых людей в его владениях, вызванного мелкой тиранией знати, церковной и светской. Ни один правящий принц, за исключением, возможно, Георга, герцога Саксонии, не мог соперничать с ним в учености; но он был жесток отчасти по натуре, отчасти по политике. Он решил установить свою власть над тремя королевствами, номинальным королем которых он был, и освободить простолюдинов от их гнета, слолив власть знати и великих церковников. Задача была чрезвычайно сложной, и лично он потерпел неудачу; но его усилия заложили фундамент, на котором преемники смогли надежно строить.

Он начал с завоевания мятежной Швеции и опозорил свою победу вероломной резней шведской знати в Стокгольме (1520) — поступком, который, в конце концов, привел к полному отделению Швеции от Дании. Укрепив таким образом, как он предполагал, свою власть, он продвигал свои планы реформ. Он прилагал все усилия для поощрения торговли и сельского хозяйства Дании; он покровительствовал образованию. Он написал своему дяде (1519) Фридриху, курфюрсту Саксонии, с просьбой прислать ему проповедников, обученных Лютером; и в ответ на его призыв принял сначала Мартина Рейнхарда, а затем Эндрю Боденштайна из Карлштадта. Эти иностранцы, которые могли обращаться к народу только через переводчиков, не производили особого впечатления; но король продвигал реформацию. Он опубликовал от своего имени два свода законов, касающихся дворян и Церкви и подчиняющих их суверену. Он постановил, что все монастыри должны находиться под контролем епископии. Иногороднее и неграмотное духовенство было юридически упразднено. В Копенгагене было учреждено нечто вроде королевского суда консистории, который был объявлен высшей церковной судебной инстанцией страны; апелляции в Рим были запрещены. Вряд ли можно сказать, что эти законы когда-либо действовали. Восстание ютландцев усилило недовольство, вызванное предлагаемыми реформами. Кристиан бежал из Дании (1523) и провел остаток своей жизни в изгнании или в тюрьме. Его юридические книги были сожжены.

Ютландцы призвали на трон Фридриха Шлезвиг-Гольштейнского, дядю Кристиана, и в 1523 году он был признан королем Дании и Норвегии. Он приехал в королевство из-за реакции против реформ своего племянника, но в глубине души знал, что они необходимы. Он обещал защищать интересы знати и Церковь от распространения лютеранских взглядов, но вскоре попытался найти способ уклониться от своих обещаний. Он обнаружил это, когда натравил знать на высшее духовенство и объявил, что никогда не обещал поддерживать заблуждения Римской церкви. На Национальном собрании (Herredag) в Оденсе он смог добиться разрешения брака священников и указа о том, что епископы в будущем должны обращаться за своим паллиумом к королю, а не к папе римскому. Теперь у Реформации были местные проповедники, которые поддерживали ее, особенно Ханс Таусен, которого называли датским лютером, и король поощрял их. На Херредаге в Копенгагене в 1530 году по наущению епископов был вызван двадцать один из этих лютеранских проповедников, и против них были выдвинуты официальные обвинения в проповеди ереси. Таусен и его товарищи подготовили исповедание веры, состоящее из сорока трех статей, все из которых он и его товарищи предложили защищать. Был

предложен публичный диспут, который не состоялся, поскольку романистическая партия отказалась выступать на датском языке. Этот отказ был истолкован людьми как означающий, что они боялись вести дискуссию на языке, который понимали все. Лютеранство быстро распространилось среди всех классов населения.

После смерти Фридриха возник спор о престолонаследии, который привел к гражданской войне. В конце концов сын Фридриха взошел на трон как Кристиан III., король Дании и Норвегии (1536). Король, присутствовавший на Вормсском сейме и научившийся там высоко ценить Лютера, был убежденным лютеранином и твердо решил покончить с властью римских епископов. Он предложил своему совету, чтобы епископы больше не имели никакой доли в правительстве и чтобы их имущество было передано короне. Это было одобрено не только советом, но и Национальным собранием, собравшимся в Копенгагене (30 октября 1536 г.), где далее было заявлено, что народ желает проповеди святого Евангелия и упразднения всей епископальной власти. Король попросил Лютера прислать ему кого-нибудь, кто руководил бы его народом в их церковных делах. Бугенхаген был отправлен в отставку, прибыл в Копенгаген (1537) и принял главное церковное участие в коронации короля. Были назначены и хиротонизированы семь суперинтендантов (которые впоследствии приняли титул епископов). Реформация проводилась в консервативных лютеранских традициях, и старый ритуал в значительной степени был сохранен. Исповедание Таусена было отменено в пользу Аугсбургского исповедания и Небольшого катехизиса Лютера, и лютеранская реформация была полностью и юридически закреплена.

Реформация также стала свершившимся фактом в Норвегии и Исландии, но ее внедрение на этих землях было в гораздо большей степени актом королевской власти.

После резни шведской знати в Стокгольме (ноябрь 1520 г.) молодой Густав Эрикссон, широко известный как Густав Васа, из-за васы или снопа, который был на его гербе, поднял знамя восстания против Дании. Постепенно ему удалось сплотить вокруг себя весь народ, и датчане были изгнаны из королевства. В 1521 году Густав был объявлен регентом Швеции, а в 1523 году глас народа призвал его на трон. Он оказался в окружении почти непреодолимых трудностей. В Швеции почти столетие практически не существовало постоянного правительства, и каждый крупный землевладелец был фактически независимым сувереном. Страна была разорена длительными войнами. Две трети земли принадлежали Церкви, а оставшаяся треть почти полностью находилась в руках светской знати. И церковь, и дворяне требовали освобождения от налогообложения. Торговля страны находилась в руках иностранцев — датчан или ганзейцев. Густав занял деньги в городе Любек для своей освободительной работы. Город настаивал на выплате долга, и его уполномоченные следовали за смущенным монархом, куда бы он ни пошел. Было безнадежно рассчитывать собрать деньги за счет дальнейшего налогообложения и без того подавленных и обнищавших крестьян.

В этих обстоятельствах король обратился к Церкви. Он вынудил епископов предоставить ему более одной субсидии (1522, 1523); но этого было недостаточно для его нужд. Церковная собственность была большой, и король планировал свергнуть церковную аристократию с помощью лютеранской реформации.

Лютеранство в Швеции процветало. Два брата, Олаус и Лаврентий Петри, сыновья кузнеца из Эребру, были отправлены отцом учиться в Германию. Они намеревались поступить в Лейпцигский университет, но, привлеченные растущей известностью Лютера, отправились в

Виттенберг и стали восторженными учениками Реформатора. По возвращении в Швецию (1519) они проповедовали лютеранское учение и обратили в свою веру многих, в том числе Лаврентия Андрея, архидиакона в Стренгнесе. Несмотря на протесты епископов, эти трое мужчин находились под защитой короля. Олаус Петри был особенно активен и совершал длительные проповеднические поездки, заявляя, что он учит чистому Евангелию, которое “Ансгар, апостол Севера, проповедовал семьсот лет назад в Швеции”.

Густав привез Олауса в Стокгольм (1524) и назначил его городским клерком; его брат Лаврентий был назначен профессором теологии в Упсале; Лаврентий Эндрю был назначен архидиаконом Упсалы и канцлером Швеции. Когда епископы потребовали заставить реформаторов замолчать, Олаус вызвал их на публичный диспут. Вызов был отклонен, но в 1524 году в королевском дворце в Стокгольме был устроен диспут между Олаусом и доктором Галле, который поддерживал старую религию. Конференция, которая включала обсуждение доктрин оправдания верой, Индульгенций, Мессы, Чистилища и Светской власти папы римского, способствовала укреплению дела Реформации. В 1525 году Олаус бросил вызов правилам средневековой церкви, публично женившись на своей жене. В том же году король потребовал перевода Священного Писания на шведский язык, и в 1526 году Лаврентий Петри опубликовал свой Новый Завет. Перевод всей Библии был отредактирован тем же ученым и опубликован в 1540-1541 годах. Эти переводы, особенно Нового Завета, стали очень популярными, и люди, державшие в руках Священное Писание, смогли увидеть, какое учение проповедников или епископов в наибольшей степени соответствует Священному Писанию.

Нет никаких оснований полагать, что король не встал на сторону лютеранской реформации по искренним убеждениям. Он познакомился с братьями Петри еще до того, как был призван стать освободителем своей страны. Но бесспорно, что его финансовые затруднения подогрели его рвение к реформированию Церкви в Швеции. Дело подходило к кризису, который был достигнут в 1527 году. На сейме в том году канцлер от имени короля объяснил необходимость увеличения доходов и предположил, что церковная собственность является единственным источником, из которого ее можно получить. Епископы во главе с Йоханом Браском, епископом Линчепинга, ответили, что у них есть приказ папы защищать собственность Церкви. Знать поддержала их. Затем Густав предъявил свой ультиматум. Он прямо сказал сейму, что они должны подчиниться предложениям канцлера или принять его отставку, выплатить ему компенсацию за его имущество, вернуть ему деньги, которые он потратил на защиту королевства, и разрешить ему покинуть страну, чтобы никогда не возвращаться. Сейм провел три дня в пререканиях, а затем подчинился его пожеланиям. Вся церковная собственность — епископальная, столичная и монастырская, — которая не была абсолютно необходима для поддержки Церкви, должна была быть передана в руки короля. Тем временем проповедники должны были излагать чистое Евангелие до тех пор, пока конференция, проводимая в присутствии Сейма, не позволит этому собранию прийти к решению по вопросам религии. Сейм, не дожидаясь конференции, принял двадцать четыре постановления, которые стали знаменитыми Постановлениями Вестераса и воплотили в себе правовую реформу. Они содержали положения о секуляризации церковной собственности в соответствии с предыдущим решением сейма; заявляли, что король имеет право накладывать вето на решения высших духовных лиц; что назначение приходского духовенства находится в руках епископов, но что король может отстранить их за неэффективность; что чистое Евангелие должно преподаваться в каждой школе; и что исповедь под носом больше не является обязательной.

Хотя эти Постановления лишили шведскую церковь значительной части ее собственности и сделали ее подвластной королю, они не разрушили ее епископальную организацию и не привели к ее полному обеднению. Большинство монастырей опустели, когда у них отобрали имущество. Король знал, что крестьяне едва ли понимают реформатские доктрины, и не хотел чрезмерно навязывать их своему народу. По той же причине было позволено сохранить старые церемонии и обычаи, которые не противоречили новым доктринам и которым было придано евангельское значение. Первый сборник евангельских гимнов был опубликован в 1530 году, а шведская “Месса” - в 1531 году, оба составлены по лютеранскому образцу. Лаврентий Андреэ был назначен архиепископом Упсалы (1527), и под его председательством в Эребру был проведен Национальный синод (1528), который руководил Реформацией в соответствии со строго консервативными лютеранскими идеалами. Таким образом, еще до смерти Густава Васы Швеция присоединилась к кругу лютеранских церквей, и ее народ постепенно начинал понимать принципы Реформации. Реформация была очень мирной. Никто не понес смерти за свои религиозные убеждения.

Судьба Шведской церкви несколько изменилась при непосредственных преемниках Густава. Его злополучный сын проявлял признаки предпочтения кальвинизму и настаивал на отмене некоторых церковных праздников и некоторых старых обрядов, которые были сохранены; но эти попытки закончились с его воцарением. Его брат и преемник, Юхан III., впал в противоположную крайность и долго кокетничал с Римом, выдвигая предложения о воссоединении, — предложения, которые не имели серьезного результата. Когда Юхан умер в 1592 году, его сын и преемник, избранный королем Польши и ставший римско-католиком, вызвал опасения своих шведских подданных, что он может пойти гораздо дальше своего отца. Народ решил убедиться в своем протестантизме до прибытия в страну нового монарха. Был созван Синод, на котором присутствовали как миряне, так и церковные депутаты. Члены церкви сначала установили общее правило, согласно которому Священное Писание является их высшим вероучительным стандартом, а затем выбрали Аугсбургское исповедание в качестве исповедания Шведской церкви. Небольшой катехизис Лютера, который был изъят из школ королем Юханом III., был восстановлен. Эта встреча в Упсале определила на будущее церковное устройство Швеции. Страна продемонстрировала свою приверженность более строгому лютеранству, приняв Формулу Согласия в 1664 году.

Глава VIII. Религиозные принципы, вдохновившие Реформацию.386

§ 1. Реформация возникла не из Критики Доктрин.

Вся религиозная история Лютера, от его вступления в Эрфуртский монастырь до публикации "Аугсбургского исповедания", показывает, что движение, душой и центром которого он был, возникло не в результате какой-либо чисто интеллектуальной критики доктрин средневековой

церкви и что оно привело к гораздо большему, чем пересмотр или реконструкция системы доктринальных концепций.³⁸⁷ В сознании Лютера во время высшего кризиса его истории нет и следа каких-либо интеллектуальных трудностей, связанных с доктринами или их изложением. Он был изгнан из мира человеческой жизни и надежды, где он был вполне пригоден для выполнения мужской работы, под непреодолимым давлением великой практической религиозной потребности — беспокойства о спасении своей души. Он сам сказал, что пословица о том, что сомнение делает монаха, была верна в его случае. Он сомневался, сможет ли спасти свою душу в миру, и поэтому был вынужден покинуть его и уйти в монастырь.

Он утратил все евангельское учение, которому научился в детстве или в доме фрау Котты в Айзенахе. Он подчинился распространенному убеждению, возвращенному всей покаянной системой средневековой Церкви, что человек может и должен сделать себя пригодным для получения благодати Божьей, которая обеспечивает спасение. Самоистязающий крик: “О, когда же ты станешь святым и способным обрести благодать Божью?” (O wenn will tu einmal fromm werden und genug thun du einen gnädigen Gott kriegest?), drove him into the convent. Он верил, и с ним соглашалось почти единодушное мнение его сверстников, что там, если вообще где-либо, он сможет обрести покой, которого искал с таким отчаянием.

Внутри монастыря он приложил все усилия, присущие сильной натуре, используя все средства, которыми располагала сложная покаянная система Церкви, чтобы помочь ему стать благочестивым и пригодным для того, чтобы быть вместилищем благодати Божьей. Он подчинялся приказам своих начальников со слепым послушанием, которого требовали самые строгие церковные уставы; он искал утешительных утешений, которые, как было объявлено, давала исповедь; он прошел все этапы сложной системы искупления, рекомендованной средневековой Церковью; он в полной мере пользовался таинствами и тщетно ждал таинственного, необъяснимого переживания благодати, которая, как утверждалось, сопровождала их и проистекала из них. Он выстоял, несмотря на ощущение постоянной неудачи. “Если бы монах когда-либо достиг небес через монашество, - сказал он, - я бы тоже нашел туда дорогу; все мои товарищи по монастырю будут свидетелями этого”.³⁸⁸ Он дал еще более убедительное доказательство своей преданности средневековой церкви и ее советам людям в его душевном настроении; он упорствовал, несмотря на то, что его товарищи и духовное начальство считали его молодым святым, в то время как он знал, что он был совсем другим и что он был не ближе к Богу, чем до того, как поступил в монастырь или начал его поиски чувства прощения греха. Контраст между тем, кем его считали братья, и тем, кем подсказывал ему его собственный опыт, должно быть, добавил горечи к чаше, которую ему пришлось испить в эти ужасные месяцы в эрфуртском монастыре. Он сам говорит:

“После того, как я приняла профессию, приор, монастырь и отец-исповедник поздравили меня с тем, что теперь я была невинным ребенком, прошедшим крещение чистым. Несомненно, я бы охотно порадовался тому славному факту, что я был таким хорошим человеком, который своими собственными делами и без заслуг крови Христа сделал себя таким справедливым и святым, причем так легко и за такое короткое время. Но хотя я с готовностью прислушивался к сладким похвалам и пылким речам о себе и своих деяниях и позволил описать себя как чудотворца, который смог таким простым способом сделать себя святым и мог проглотить смерть, а также дьявола, все же во всем этом не было силы, способной поддержать меня. Когда возникало даже небольшое искушение грехом или смертью, я сразу же падал и обнаруживал, что ни крещение, ни монашество не могут мне помочь; я чувствовал, что давно потерял Христа и Его крещение. Я

был самым несчастным человеком на земле; день и ночь были только стенания и отчаяние, и никто не мог удержать меня”.[389](#)

Он добавляет, что все, что он знал о Христе в то время, - это то, что Он был “суровым судьей, от которого я хотел бы убежать, но не смог”.

В течение этих двух лет страданий Лютер верил, что борется с самим собой и со своим грехом; на самом деле он боролся с религией своего времени и Церковью. Он исследовал его, испытывал на прочность, исследовал все его глубины, боролся со всеми его благодатными средствами и обнаружил, что то, что должно было быть источниками утешения, было просто дополнительными источниками ужаса. Он был слишком прозорлив, его духовные чувства были слишком остры, он был слишком серьезен, чтобы не видеть, что ни одно из этих средств не вело его к твердой почве уверенности, на которой он мог бы основывать свои надежды на время и вечность; и он был слишком честен с самим собой, чтобы поверить, что он был иным, чем подсказывало ему отчаяние.[390](#)

В конце концов, весьма неуверенно руководствуясь Священными Писаниями, особенно Псалмами и Посланием к Римлянам, Апостольским Символом веры и собратьями-монахами, он (используя его собственные слова) пришел к пониманию того, что праведность Божья (Рим. i. 17) - это не та праведность, которой праведный Бог наказывает неправедных и грешников, но та, которой милосердный Бог оправдывает нас через веру (не *justitia, qua dens justus est et peccatores injustosque punit*, но это является оправданием страданий за веру).[391](#) Верую, говорит он. Что же тогда он имел в виду под “верой”?

Он отвечает:

“Есть два вида веры: во-первых, вера в Бога, которая означает, что я верю, что то, что говорят о Боге, истинно. Эта вера является скорее формой знания, чем верой. Есть, во-вторых, вера в Бога, которая означает, что я доверяю Ему, позволяю себе думать, что я могу иметь с Ним дело, и верю без каких-либо сомнений, что Он будет и поступит со мной в соответствии с тем, что о Нем сказано. Только такая вера, *которая возлагается на Бога*, будь то в жизни или в смерти, делает человека христианином”.[392](#)

Вера, которую он ценил, - это та религиозная способность, которая “возлагается на Бога”; и с самого начала Лютер признал, что вера такого рода была прямым даром от Бога. Имея его, мы имеем все; без него у нас нет ничего. Здесь мы обнаруживаем нечто совершенно новое или, по крайней мере, доселе невыраженное, насколько это касалось средневековой теологии. Средневековые богословы признавали веру в смысле того, что Лютер называл *frigida opinio*, и трудно представить, что они также косвенно не признавали, что должно быть что-то вроде доверия или *fiducia*; но вера для них была просто одним из многих человеческих усилий, одинаково необходимых для того, чтобы увидеть и познать Бога. Лютер признавал, что существует такого рода вера, которую человек порождает и претворяет в жизнь в себе, соглашаясь с какими-либо доктринами. Но он не придавал этому большого значения. Он называет это бесполезным, потому что это ничего нам не дает.

“Они думают, что вера - это то, что они могут иметь или не иметь по своему желанию, как и любое другое естественное человеческое свойство; поэтому, когда они приходят к выводу и говорят: “Воистину, доктрина верна, и поэтому я верю в это”, тогда они думают, что это вера. Теперь, когда они видят и чувствуют, что в них самих и в других не произошло никаких

изменений, и что дела не следуют за ними, и они остаются такими же, как прежде, в старой природе, тогда они думают, что вера недостаточно хороша, но что должно быть что-то большее”.³⁹³

Настоящая вера, вера, которая есть доверие, божественный дар, побуждающий нас довериться Богу, дает нам живую уверенность в живом Боге, Который открыл Себя, заставил нас увидеть Свое любящее отеческое сердце во Христе Иисусе; и это христианская религия в самой ее сердцевине. Суть христианства такова: (1) Бог, явленный во Христе, Бог благодати, доступный каждому христианину; и (2) непоколебимое доверие к Тому, Кто отдал Себя нам во Христе Иисусе, — непоколебимое, потому что Христос Своим трудом взялся за наше дело и сделал его Своим.

Бог, к которому у нас есть доступ и Которому мы можем доверять, потому что мы доверились Ему и обнаружили, что Он поддерживает нас, - это не философская абстракция, которую можно описать определениями и аргументировать силлогизмами. Его видят и познают, потому что мы видим и познаем Христа Иисуса. “Видевший Меня видел Отца”. Ибо у Лютера и всех реформаторов Христос заполняет всю сферу Бога; и они не признают никакой теологии, которая не является Христологией.

Вера, которая заставляет нас полагаться на Бога, - это не настроение простого мистического самозабвения. Это сама наша жизнь, как не уставал повторять Лютер. Это Бог внутри нас, который проявляется во всех видах деятельности.

“Вера - это живая, занятая, активная, могущественная вещь; невозможно, чтобы она постоянно не приносила нам пользу. Оно никогда не спрашивает, следует ли совершать добрые дела; оно совершило их до того, как появилось время задать вопрос, и оно всегда совершает их”.³⁹⁴

Таким образом, христианство - это переплетение обетований и молитв веры. С одной стороны, есть Отец, открывающий Себя, ниспосылающий нам Свои обетования, которые суть "да" и "аминь" во Христе Иисусе; а с другой стороны, есть сердца людей, восходящие в вере к Богу, принимающие Божьи обетования и покоящиеся на Них, и на Боге, который всегда отдает Себя в Своих обетованиях.

Вот что пришло к Лютеру и положило конец его долгой и ужасной борьбе. Он не устает описывать это. Описания очень разнообразны, что касается внешней формы и выражения— то наиболее точно цитируются тексты из Псалмов, Пророков или Нового Завета; то фразы, заимствованные из живописного языка средневековых мистиков; то предложения поразительной, даже грубой оригинальности; иногда положения, взятые из средневековой схоластики. Но какими бы ни были слова, смысл всегда один и тот же.

Эта концепция того, что подразумевается под христианством, является религиозной душой Реформации. Она содержит в себе все отчетливо религиозные принципы, которые ее вдохновляли. Ее вряд ли можно назвать догмой. Это переживание, и фразы, которые его излагают, являются описаниями опыта, через который прошла человеческая душа. Сама вещь не поддается точному определению — как и все глубокие переживания. Это нужно прочувствовать и пережить, чтобы познать. Реформация началась с этого личного опыта верующего христианина, который она объявила единственным основополагающим фактом в

христианстве, который никогда не может быть доказан аргументами и никогда не может быть опровергнут спекуляциями. Она провозглашала великую истину, которой повсеместно пренебрегали на протяжении всего периода средневекового богословия все, кроме мистиков, что для того, чтобы познать Бога, человек должен быть в живом контакте с Самим Богом. В этом заключалась его оригинальность и сила. Лютер заново открыл для себя религию, когда заявил, что истинно христианский человек должен прямо и с живой верой цепляться за Бога, Который говорит с ним во Христе, говоря: “Я есмь твое спасение”. Ранние реформаторы никогда не забывали об этом. Лютер провозгласил свое открытие, он никогда не пытался доказать его аргументами; это было нечто самоочевидное - увиденное и познанное на собственном опыте.

Так всегда бывает с великими религиозными пионерами и лидерами. Все они обладали пророческим даром духовного видения и магнетической речью, позволяющей провозглашать то, что они видели, чувствовали и знали. Все они в какой-то степени обладали проницательностью и манерами Иисуса.

Когда наш Господь появился среди людей, утверждая, что он нечто большее, чем просто мудрец или пророк, заявляя, что Он Мессия, Сын Человеческий и Сын Божий, когда Он объявил, что все люди нуждаются в Нем и что Он один может спасти и искупить, Он изложил Свои требования способом, уникальным среди основателей религий. Он произносил их спокойно и как нечто само собой разумеющееся. Он никогда подробно не объяснял, почему присвоил себе эти титулы. Он никогда не рассуждал о Своем положении единственного Спасителя. Он просто объявил об этом, позволив убежденности в истине почти незаметно проникнуть в умы и сердца Его последователей, когда они увидели Его деяния и услышали Его слова. Он предположил, что они должны интерпретировать Его смерть только одним образом. Это всегда было в его манере. Не в Его стиле было объяснять тайны, в которые наше любопытство стремилось проникнуть. Он спокойно принимал как должное многие вещи, о которых мы хотели бы поспорить. Его высказывания исходили от Того, кто жил в постоянном общении с Невидимым Отцом, и Он произносил их спокойно и уверенно, уверенный, что они несут в себе свою собственную самоочевидную силу.

Так было и со святым Павлом. Его письма и проповеди, без сомнения, полны аргументов, мольб и убеждения, но все они начинаются с его видения живого, воскресшего Спасителя и опираются на него. Его последнее слово всегда звучит так: “Когда Богу было угодно открыть во мне Своего Сына”; это был основополагающий факт, который он провозгласил и который подвел итог всему, личный опыт, с которого он начал свою карьеру апостола. Место Афанасия как великого религиозного лидера было затемнено его положением богослова; но когда мы обращаемся к его трудам, где мы находим меньше того, что обычно называют догматическим богословием? Есть споры, умозаключения, поиск доказательств и их утверждение; но все это относится к внешним работам в его учении. Центральная цитадель — это духовная интуиция: *я знаю, что мой Спаситель - это Бог, Сотворивший небо и землю*. Он твердо и непоколебимо отстаивал свою позицию в отношении этого личного опыта, и все остальное не имело большого значения по сравнению с фундаментальным духовным фактом. Его поколение убедили не его аргументы, а его непоколебимая вера.

Так было с Августином, Бернардом, [395](#) Франциском - так было с каждым великим религиозным лидером христианского народа. Его сила, будь то знание, или убежденность, или сочувствие, — его движущая сила, если можно так выразиться, — всегда исходила из непосредственного

общения с невидимым и покоилась на факте, ощущаемом и познанном им самим и сообщаемом другим посредством таинственного сочувствия, что Богу было угодно тем или иным образом открыть в нем Христа.

Так было с Лютером и Реформацией, лидером которой он был. Его движущей силой было великое религиозное переживание, древнее, ибо оно приходило к народу Божьему во всех поколениях, и в то же время новое и свежее, каким бы ни была природа всех подобных переживаний. Он *знал*, что его жизнь была сокрыта со Христом в Боге, несмотря на все зло, несмотря на грех и чувство вины. Его прежний страх перед Богом исчез, и вместо него в его сердце возникла любовь к Богу в ответ на любовь, которая исходила от видения Отца, открывающего Себя. Он пережил это и провозгласил то, через что прошел; и этот опыт и его провозглашение были фундаментом, на котором была построена Реформация. Ее начало было не доктринальным, а экспериментальным.

Доктрины, действительно, не являются началом вещей; они, в лучшем случае, являются хранилищами прошлого и благословенного опыта. Это верно для большинства знаний во всех областях исследований. Мы можем признать, что в правилах логики, древних и современных, есть некоторое практическое применение, но мы знаем, что они являются всего лишь грубыми и неадекватными символами способов, которыми неопределимый ментальный такт, тонкость которого зависит от ума, который его использует, улавливает расхождения и сходства и плетет свою паутину знаний способами, которые невозможно постичь. Мы знаем, что логический аргумент - хороший щит, но плохой меч, и что, хотя силлогизмы могут заставить замолчать, они редко убеждают; что убеждение возникает из тонкой симпатии души к душе, которая так же неопределима, как и личности, которые ее излучают. В основе познания людей и вещей всегда лежит этот тонкий контакт личности с личностью, думаем ли мы о собирании, или сортировке, или обмене мудростью, которой мы обладаем. Если это верно в отношении нашего знания обычных вещей, то это в подавляющем большинстве верно и в отношении всего знания о Боге и божественных вещах. Мы должны быть в контакте с Богом, чтобы познать Его в истинном смысле знания. В основе каждого реального продвижения в религии должно лежать сокровенное видение Бога, запечатленное в нас как религиозный опыт, который мы считаем истинным, потому что мы его прочувствовали; и то, что есть у одного, другой получает в результате своего рода духовного заражения. Возрождение при Франциске Ассизском распространилось так широко, потому что огонь, пылающий в сердце проповедника, зажегся и в сердцах его слушателей. Лютер возглавил Реформацию, потому что люди чувствовали и знали, что он, как он сказал, нашел милостивого Бога, доверившись благодати Божьей, открытой ему во Христе Иисусе. Реформацию совершило не Аугсбургское исповедание; это было расширение того религиозного опыта, который находит весьма неадекватное описание в этом или в любом другом изложении доктрин.

§ 2. Всеобщее священство верующих.

Религиозный опыт Лютера о том, что он, грешник, получил прощение, просто доверившись Богу, явленному во Христе Иисусе, Спасителе, пришел к нему как поразительное откровение, которое было почти слишком велико, чтобы выразить его словами. Он пытался выразить это

разными способами, но все они казались ему слишком неадекватными, чтобы описать это. Мы можем видеть, как он трудился над этим с 1512 по 1517 год. Это было скрыто в его выступлении перед собранием духовенства в епископальном дворце в Зиесаре (5 июня 1512 г.), когда он заявил, что все реформы должны начинаться в сердцах отдельных людей. Мы можем видеть, как она становится все более и более отчетливой в его аннотациях, примечаниях и главах лекций о Псалмах, прочитанных в 1513-1516 годах, из всех сил пытающихся освободиться от фраз схоластического богословия, которые на самом деле не могли ее выразить. Его частные письма, в которых ему меньше мешала фразеология, которую он все еще считал подходящей для теологии, полны более счастливых выражений.³⁹⁶ *Justificatio* - это оживотворение, и означает искупление от грехов без каких-либо заслуг искупаемого человека; это происходит, когда грех не вменяется, но кающиеся считаются праведниками. *Благодать* - это сострадание (*misericordia*) Бога; оно проявляется в прощении грехов; это истина Божья, видимая в исполнении Его обетований в историческом труде Христа; сам Иисус Христос есть благодать, это путь, это жизнь и спасение. *Вера* - это доверие к истине Божьей, проявленной в жизни и труде Иисуса Христа; это значит верить в Бога; это знание Креста Христова; это значит понимать, что Сын Божий воплотился, был распят и воскрес снова для нашего спасения. Три центральные мысли — *оправдание, благодать, вера* — выраженные в этих неадекватных фразах, всегда рассматриваются и используются для регулирования той оценки самих себя, которая составляет основу благочестия. Нет необходимости проследивать растущую адекватность описания. Лютер наконец нашел слова, чтобы сказать, что центральная мысль христианства заключается в том, что верующий, обладающий верой, которая сама по себе является даром Божиим, способен довериться Богу во Христе, Который является его спасением и Который отразил Себя для нас во Христе Иисусе. Он прошел тот утомительный путь, который до него прошел Августин; он пытался *помочь* себе всеми возможными способами; он обнаружил, что при всех своих усилиях ничего не может сделать. Тогда, каким бы странным и таинственным это ни было, открытие принесло не отчаяние, а радость и утешение; ибо, поскольку в человеке не было никакой помощи, его душа была вынуждена найти *всю* — не частичную, а всеобъемлющую — помощь в Боге. Когда он смог выразить свой опыт, он мог бы сказать, что вера, которая возлагается на Бога, которая является собственным Божиим даром, - это уверенность в прощении грехов. Это не было приверженностью к доктринам, более или менее ясно постигнутым; это не был акт посвящения, за которым следовало более близкое приближение к Богу и большая мера Его благодати; это была сила, которая дает жизнь, уверенность, мир, постоянное самоотречение Богу как Отцу и которая преобразует и обновляет всего человека. Это была жизнь души; это было христианство внутри верующего, поскольку Иисус Христос и Его дело — это христианство вне верующего.

Очевидно, что как только этот опыт получил четкое изложение, он неизбежно дискредитировал многое из того, что было в средневековой теологии и религиозном обиходе. И все же поразительным в Лютере было то, что он никогда не пытался использовать его таким образом, пока одно великое злоупотребление не навязалось ему и не вынудило испытать его на этом пробном камне того, что такое истинное христианство. Эта сдержанность не только показывает, что в характере Лютера не было ничего революционного, ничего романтического или донкихотского, она также демонстрирует спокойное величие этого человека. В фундаментальном религиозном опыте Лютера также не было ничего такого, что обязательно противоречило бы содержанию старых церковных доктрин или даже общепринятым обычаям религиозной жизни. Изменилось отношение к обоим и совершенно по-новому оценили их

религиозную ценность, но ничего такого, что требовало бы их немедленной критики, а тем более уничтожения. Вера, которая была христианской жизнью, больше не могла основываться на них; они не были теми существенными вещами, какими должны были быть; но они могли бы иметь свое применение, если бы хранились на своих местах — вспомогательные средства для всякой святой жизни, но не то, из чего проистекала жизнь. Мысль о том, что вся суть религии заключается в “непоколебимом доверии сердца Тому, Кто отдал Себя нам во Христе как нашем Отце, личной уверенности в вере, потому что Христос Своим трудом берется за наше дело”, чудесным образом упростила религию и сделала многие вещи, которые считались существенными, просто внешними вспомогательными средствами. Но это не обязательно сметало их прочь. Хотя принятие определенных форм учения, исповедь на ушах, монашеская жизнь, причащение мирян только одним “видом” в Таинстве Вечери, celibат священства, пост, паломничество, отказ от мяса в пятницу не имели ничего общего с основами христианской жизни; все же не было необходимости настаивать на употреблении мяса в пятницу, на воздержании от поста и так далее. Великим вопросом был дух, в котором такие вещи совершались или оставались незавершенными. Что сделал фундаментальный религиозный опыт, так это показал свободу христианина мужественно доверять Богу и считать все мелочами по сравнению с тем, что было единственным необходимым.

“Из сложной системы искуплений, добрых дел и утешений, из строгих уставов и неопределенного распределения благодати, из магии и слепого повиновения Лютер вывел религию и придал ей чрезвычайно концентрированную форму. Христианская религия — это живая уверенность в живом Боге, Который открыл Себя и Свое сердце во Христе, и ничего более”.³⁹⁷

Жизненно важной частью этого фундаментального опыта было то, что живой Бог, проявивший Себя во Христе, был доступен каждому христианину. Еще раз процитирую Харнака:

“Поднявшись над всеми тревогами и ужасами, над всеми аскетическими приемами, над всеми направлениями теологии, над всеми вмешательствами иерархии и таинств, Лютер отважился ухватиться за Самого Бога во Христе, и в этом акте веры, который он признавал делом Божьим, все его существо обрело стабильность и непоколебимость, более того, даже личную радость и уверенность, которыми никогда не обладал ни один средневековый христианин”.³⁹⁸

Сам Бог дал верующему силу броситься прямо на Бога. Но это противоречило одному из наиболее широко распространенных и наиболее прочно удерживаемых религиозных верований Средневековой Церкви и неизбежно вступало с ним в столкновение всякий раз, когда они сталкивались друг с другом. Универсальной концепцией средневекового благочестия было то, что посредничество священника было необходимо для спасения. Средневековые христиане более или менее отчетливо верили, что сверхъестественная жизнь души *создается*, питается и совершенствуется посредством таинств, и что священники, совершающие их, обладали, в силу своего посвящения, чудесными способностями, посредством которых они ежедневно приносили истинную жертву Иисуса Христа на алтарь, прощали грехи людей и учили истинам спасения с божественной властью. Именно эта общепризнанная власть посреднического духовенства поработила Европу и сделала невозможной свободу христианина. Повсюду священство преграждало или должно было быть в состоянии преградить путь к Богу. Церковь, которая должна была показать, как Бог, открывший Себя во Христе, был доступен каждому верующему, окружила внутреннюю святыню святилища Его Присутствия

тройной защитной стеной, препятствующей входу. Когда мужчина или женщина испытывали сожаление о грехе, им было велено пойти не к Богу, а к мужчине, часто аморального образа жизни, и исповедаться ему в своих грехах, потому что он был священником. Когда они хотели услышать произнесенные утешительные слова прощения, предполагалось, что заверение должно было исходить не от Бога, а от священника. Говорили, что Божья благодать, помогающая вести святую жизнь и приносящая утешение при смерти, была дана только через ряд таинств, которые ограждали жизнь человека, и священники могли давать или отказывать в этих таинствах. Человек был рожден свыше в крещении; он достиг духовного совершеннолетия в конфирмации; его брак был очищен от греха похоти в таинстве супружества; епитимья вернула его духовную жизнь, убитую смертным грехом; Евхаристия дала ему пищу для путешествия по жизни; и благодать на смертном одре была дарована в чрезвычайном соборовании. Эти церемонии не были знаками и обещаниями свободной благодати Божьей, под широким покровом которой, как под покровом небес, человек жил своей духовной жизнью. Это были ревниво охраняемые двери, через которые неохотно и, как правило, не бесплатно, священники раздавали благодать Божью.

В период позднего Средневековья грубое злоупотребление этой концепцией посредствующего священства подчеркнуло порочность этой концепции. Практическое зло, заключающееся во всей этой мысли, было не так уж очевидно, когда дело рассматривалось со стороны раздачи благодати Божьей; но когда дело доходило до удержания ее, тогда становилось ясно, что означала вся концепция. Римские епископы преподали народам Европы много наглядных уроков по этому поводу. Если какой-либо город, район или целая страна оскорбляли папу и Курию, на него накладывался *интердикт*, а священникам предписывалось отказывать народу в причастиях. Они стояли между новорожденным младенцем и первоначальной благодатью, которая, как предполагалось, даровалась при крещении и которой полностью отказывали, если крещение не совершалось; между умирающим человеком и благодатью на смертном одре, которая получалась при соборовании; между молодыми мужчинами и женщинами и законным браком, благословленным Богом; между людьми и ежедневным богослужением и дарованием благодати в Евхаристии. Нельзя было приблизиться к Богу благодати, нельзя было получить благословения прощения и силы для святой жизни, потому что городские власти или король и советники нации оскорбили римского епископа в связи с мирской политикой. Церковь, то есть духовенство, которому, согласно теории, было позволено отказаться от передачи благодати Божьей, закрыла всякий доступ к Богу, открывшему Себя во Христе Иисусе. Считалось, что папа римский одним росчерком пера мог помешать целой нации приблизиться к Богу, потому что он мог запретить священникам совершать обычные сакраментальные действия, которые только и приближали Его. *Запрет* означал духовную смерть для местности, на которую он обрушился, и, согласно средневековой теории, он был более смертоносен для духовной жизни, чем худшее из бедствий, сама Черная смерть, для тела. *Запрет* заставил самый незамысловатый интеллект увидеть, понять и содрогнуться от ужасной и таинственной силы, которой, как говорили, обладало жречество-посредник.

Фундаментальный религиозный опыт Лютера позволил ему понять, что Отец, открывший Себя в Своем Сыне, доступен каждому смиренному кающемуся и верному искателю Бога. Он громко провозгласил духовное священство всех верующих. Он заявил об этом со своим обычным графическим акцентом в том своем трактате, который, как он всегда говорил, содержал суть его послания — О христианской свободе. Он начинает с антитезы: “Христианин - самый свободный господин из всех и никому не подчиняется; христианин - самый покорный слуга из всех и

подчиняется всем”; или, как выразился святой Павел, “Хотя я свободен от всех людей, все же я сделал себя слугой всех”. Он разъясняет это, показывая, что никакие внешние вещи не оказывают никакого влияния на достижение христианской праведности или свободы; ни еда, ни питье, ни что-либо в этом роде, ни голод, ни жажда не имеют отношения к свободе или рабству души. Душе не приносит пользы носить священные одежды или пребывать в священных местах; не вредит душе и то, что она облачена в мирские одежды и ест и пьет обычным образом. Душа может обойтись без всего, кроме слова Божьего, и это слово Божье есть Евангелие Божье о Его Сыне, воплотившемся, страдающем, воскресшем и прославленном Духом Освящающим. “Проповедовать Христа - значит питать душу, оправдывать ее, делать ее свободной, спасать ее, если она верит проповеди; ибо только вера и эффективное использование слова Божьего приносят спасение”. Именно вера объединяет Христа с верующим, и таким образом “душа только через веру, без дел, по слову Божьему оправдывается, освящается, наделяется истиной, миром, свободой и исполняется всякого добра, и воистину становится чадом Божиим”. Ибо вера объединяет душу и слово, и слово воздействует на душу, подобно тому как железо, подвергнутое воздействию огня, светится подобно огню из-за своего соединения с огнем. Вера почитает Того, на Кого она уповает, и прилепляется к Его обещаниям, никогда не сомневаясь, кроме того, что Он все меняет к лучшему. Вера соединяет душу со Христом, так что “Христос и душа становятся одной плотью”. “Таким образом, верующая душа, благодаря залогу своей веры во Христа, становится свободной от всякого греха, не боится смерти, в безопасности от ада и наделяется вечной праведностью, жизнью и спасением своего мужа Христа”. Это дает свободу христианину; никакие опасности не могут по-настоящему навредить ему, никакие печали не могут полностью сокрушить его: ибо его всегда сопровождает Христос, с которым он соединен своей верой.

“Здесь вы спросите, - говорит Лютер, - ”Если все, кто находится в Церкви, являются священниками, то по какому признаку тех, кого мы сейчас называем священниками, следует отличать от мирян?” Я отвечаю, что при использовании этих слов ‘священник’, ‘духовенство’, “духовное лицо”, “экклезиаст” была допущена несправедливость, поскольку они были переданы от оставшейся части христиан тем немногим, кого теперь, по пагубному обычаю, называют экклезиастами. Ибо Священное Писание не делает различия между ними, за исключением того, что тех, кого сейчас хвастливо называют папами, епископами и лордами, оно называет министрами, слугами и управителями, которые должны служить остальным в служении слова, для обучения вере Христовой и свободе верующих. Ибо, хотя это правда, что все мы в равной степени священники, все же мы не можем и не должны были бы, если бы могли, все служить и учить публично”.

Первая часть трактата показывает, что все, что есть у христианина, в конце концов возвращается к его вере; если у него есть это, у него есть все; если у него этого нет, ему не хватает ничего другого. Точно так же вторая часть показывает, что все, что делает христианин, должно исходить из его веры. Возможно, потребуется поститься и поддерживать тело в тонусе; необходимо будет использовать все церемонии богослужения, которые были признаны эффективными для духовного воспитания человека. Следует помнить, что это не добрые дела сами по себе в смысле того, чтобы сделать человека хорошим; все они скорее являются знаками его веры, и их следует совершать с радостью, потому что они совершаются для Бога, с которым вера объединяет нас. Таким образом, церковные церемонии, или то, что можно назвать механизмом церковной жизни, ценны и действительно необходимы для жизни души, при условии, что только они рассматриваются надлежащим образом и хранятся на своем

надлежащем месте; но они могут стать вредными и наиболее разрушительными для истинной религиозной жизни, если их рассматривать в каком-либо ином свете, кроме как как средство достижения цели. “Мы не осуждаем дела,” говорит Лютер, - более того, мы придаем им наивысшую ценность. Мы осуждаем только то мнение о делах, которое рассматривает их как составляющие истинную праведность”. Они, объясняет он, подобны строительным лесам здания, чрезвычайно полезны до тех пор, пока помогают строителю; вредны, если мешают; и в лучшем случае имеют временную ценность. Они разрушительны для духовной жизни, когда встают между душой и Богом. Следовательно, из этого следует, что если из-за человеческой испорченности и пренебрежения простыми предписаниями слова Божьего эти церковные обычаи препятствуют, вместо того чтобы помогать истинному росту души, их следует изменить или покончить с ними; и тот факт, что душа человека, в конечном счете, не нуждается абсолютно ни в чем, кроме слова Божьего, обитающего в ней, дает людям мужество и спокойствие требовать своего преобразования.

Точно так же нельзя позволять ближним становиться между Богом и человеческой душой; в этом нет необходимости. Что касается духовного положения и привилегий, миряне находятся на том же уровне, что и духовенство, ибо как миряне, так и духовенство имеют непосредственный доступ к Богу через веру, и оба обязаны делать все, что в их силах, для дальнейшего продвижения царства Божьего среди своих ближних. Все верующие миряне “достойны предстать перед Богом, молиться за других, взаимно учить друг друга тому, что от Бога ... и как наш Небесный Отец добровольно помог нам во Христе, так и мы должны свободно помогать нашим ближним своим телом и своими делами, и каждый должен стать для другого своего рода Христом, чтобы мы могли быть взаимно Христами, и чтобы один и тот же Христос мог быть во всех нас; чтобы мы могли быть истинными христианами”. Лютер утверждал, что мужчины и женщины, живущие своей жизнью в семье, в мастерской, в гражданском мире, занимают там свое положение не по какому-то косвенному разрешению, полученному от Бога из Его сострадания к человеческим слабостям, а по столь прямому призванию, которое призывает человека к тому, что по ошибке считалось единственной “религиозной жизнью”. Разница между духовенством и мирянами заключалась не в предполагаемом факте, что первые были духовным орденом высшего ранга в религиозной жизни, в то время как вторые принадлежали к более низкому сословию. Духовенство отличалось от мирян просто тем, что они были избраны для выполнения определенных обязанностей; но эта функция не делала того, кто ее выполнял, более святым человеком по своей сути. Если духовенство злоупотребляло своим положением и не выполняло работу, для выполнения которой оно было выделено, то нет причин, по которым миряне не должны были бы заставить их изменить свой образ жизни. Даже при совершении самых священных обрядов не было различия между духовенством и мирянами, за исключением того, что во избежание беспорядков первое руководило обрядами, в которых участвовали все. Во время Евхаристии

“наш священник или служитель стоит перед алтарем, будучи публично призван к своему священническому служению; он публично и отчетливо повторяет слова Христа об учреждении; он берет Хлеб и вино и распределяет их в соответствии со словами Христа; и мы все преклоняем колени рядом с ним и вокруг него, мужчины и женщины, молодые и старые, господин и слуга, госпожа и служанка, все святые священники вместе, освященные кровью Христа. Мы находимся там в нашем священническом сане.... Мы не позволяем священнику самому провозглашать таинство Христа; но он является рупором всех нас, и мы все говорим это вместе с

ним в наших сердцах с истинной верой в Агнца Божьего, Который питает нас Своим Телом и Кровью”.

Именно этот принцип Священства всех верующих избавил людей от смутного страха перед духовенством и побудил их предпринять реформацию Церкви, в которой они были так сильно нуждаются. Это единый великий религиозный принцип, который лежит в основе всего реформационного движения. Это был камень преткновения, о который разбивались все попытки воссоединения с нереформированным христианским миром. Это единственное заметное различие между последователями реформатской и средневековой религии.

Почти все отличительные принципы Реформации группируются вокруг этой единственной мысли о Священстве всех верующих. Для нашей цели достаточно взглянуть на Оправдание верой, концепции Священного Писания, Личности Христа и Церкви.

§ 3. Оправдание верой.

Когда Лютер, подавленный сознанием греховности, поступил в монастырь, он был отягощен идеями традиционной религии о том, что кающийся должен каким-то образом подготовить себя к тому, чтобы стать пригодным для переживания того чувства благодати Божьей, которое дает уверенность в прощении. Только после того, как он полностью освободился от этого груза, он испытал чувство прощения, которого искал. Этот его практический опыт всегда следует иметь в виду, когда мы пытаемся понять, что он имел в виду под Оправданием верой.

Как уже было сказано, Лютер признавал, что существуют два вида веры: одна, которую человек сам породил и благодаря которой он смог согласиться с доктринами того или иного рода; и другая, которую Лютер яростно утверждал, была чистым даром Божьим. Первое он считал сравнительно неважным; второе было для него всем во всем. Вера всегда используется в последнем смысле, когда реформаторы говорят об *оправдании верой*; и резкое различие, которое Лютер проводит между ними, является очень важным элементом в определении того, что он имел в виду, когда говорил, что мы оправданы одной верой.

Эта вера высшего рода, истинная вера, берет свое начало от Бога, действующего над нами и в нас. Ее постоянно подпитывает и поддерживает в силе слово Божье. Обетование Божье со стороны Бога и вера со стороны человека - это две взаимосвязанные вещи; “ибо там, где нет обетования, нет и веры”. Лютер показывает, что такое эта истинная вера, противопоставляя ее другому виду веры в двух очень поучительных и резких отрывках:

“Когда вера такого рода, которую Бог пробуждает и создает в сердце, тогда человек верит во Христа. Тогда он настолько надежно опирается на Христа, что может бросить вызов греху, смерти, аду, дьяволу и всем врагам Божьим. Он не боится зла, каким бы тяжелым и жестоким оно ни оказалось. Такова природа истинной веры, которая совершенно отличается от веры софистов (схоластов), евреев и турок. Их вера, порожденная их мыслями, просто освещает что-то, принимает это, верит, что это то или иное. Бог не имеет дела с таким заблуждением; это дело рук человека и исходит от природы, от свободной воли человека; и люди, обладающие этим, могут сказать, повторяя то, что говорили другие: я верю, что Бог есть. Я верю, что Христос

родился, умер и воскрес ради меня. Но что такое настоящая вера и насколько она могущественна, об этом они ничего не знают”.³⁹⁹

Он снова говорит:

“А потому остерегайтесь той веры, которая сфабрикована или воображаема; ибо истинная вера - это не дело рук человека, и поэтому вера, которая сфабрикована или воображаема, не принесет пользы в смерти, но будет побеждена и полностью ниспровергнута грехом, дьяволом и адскими муками. Истинная вера - это полное доверие сердца Христу, и только Бог пробуждает это в нас. Тот, у кого это есть, благословен, а тот, у кого этого нет, проклят”.⁴⁰⁰

Эта вера опирается на внешний факт — исторического Христа. Этому не помогают и не препятствуют ни доктрина о Личности Христа, ни скрупулезное знание деталей земного служения нашего Господа. Человек, обладающий верой, может многое знать об учении о Личности Христа: это не принесет его вере никакого вреда, кроме пользы, при условии, что только он не совершит ошибку, думая, что учения о Христе, способы, с помощью которых человеческое понимание пытается постичь факт, являются либо самим фактом, либо чем-то лучшим, чем факт. Он может много знать об истории Иисуса, и хорошо бы знать как можно больше; но объем знаний едва ли влияет на веру. Странствующие люди, хотя и глупцы, не должны ошибаться на пути веры.

Вера, которая является даром Божиим, заставляет нас видеть практический смысл в факте исторического Христа, а именно в том, что Иисус Христос находится перед нами как проявление Отеческой любви Бога, открывая нам наше собственное прощение, а вместе с ним возможности Царства Божьего и наше место в нем. Факт исторического Христа существует, видимый людьми естественным образом; но именно сила Божья, заключающаяся в вере, которую Он дал нам, заставляет нас с полной уверенностью видеть значение факта исторического Христа для нас и для нашего спасения. Более того, это видение Бога в историческом Христе, которое является глубочайшим из всех личных проявлений, всегда включает в себя что-то социальное. Это приводит нас в семью верующих, в христианское братство с его подтверждающими доказательствами веры и любви. Сила веры приходит к нам поодиночке, но редко в одиночку; доверие, которое мы испытываем к Богу во Христе, слабо отражается в вере, которую мы учимся питать к членам семьи веры, и в их проявлениях веры и любви, которую порождает вера.

Следовательно, то, что было названо доктриной оправдания верой, скорее является описанием религиозного опыта внутри верующего; и значение этого опыта просто таково. Верующий, который, поскольку у него есть вера — вера, которая является даром Божиим, которая является нашей жизнью и которая возрождает, — является возрожденным и членом христианского братства, и способен творить добрые дела и действительно совершает их, не находит своего положения как личности, оправданной в глазах Бога, его праведности, его уверенности в прощении и спасении, в тех добрых делах, которые он действительно может совершать, но только в посреднической и совершенно праведной работе Христа, которую он научился применять с верой. Его добрые дела, какими бы действительно хорошими они ни были, неизбежно несовершенны, и в этом опыте, который мы называем Оправданием верой, верующий сравнивает свои собственные несовершенные добрые дела с совершенной работой

Христа и признает, что его прощение и спасение зависят только от этого. Это сравнение успокаивает души, озабоченные своим спасением, и благочестивую совесть; и чувство прощения, которое приходит таким образом, всегда переживается как откровение чудесной любви. Это оправдание называется действием и противопоставляется работе; но контраст, хотя и верный, склонен вводить в заблуждение из-за человеческих аналогий, которые будут вторгаться. Это действие, но действие Бога; а божественные действия никогда не совершаются и с ними не покончено, они всегда непрерывны. Лютер перечисляет изменения в этом. Он предостерегает нас от мысли, что акт прощения совершается в одно мгновение. Отпущение грехов священником было делом одного мгновения, и его приходилось совершать снова и снова; но божественное провозглашение прощения является непрерывным просто потому, что это делает Бог. Он говорит:

“Ибо точно так же, как солнце светит не менее ярко, когда я закрываю глаза, так и этот престол благодати, это прощение грехов всегда здесь, даже если я падаю. Точно так же, как я снова вижу солнце, когда открываю глаза, так и я снова получаю прощение и ощущение этого, когда я поднимаю глаза и возвращаюсь ко Христу. Мы не должны измерять прощение так узко, как мечтают глупцы”.⁴⁰¹

В протестантской полемике с римско-католической доктриной концепция оправдания верой противопоставляется концепции Оправдания делами; но это противопоставление несколько вводит в заблуждение. Ибо слово "обоснование" используется в двух словосочетаниях в разных значениях. Прямым аналогом в римско-католическом обиходе идеи Реформации об оправдании верой является отпущение грехов, произносимое священником; и здесь, как всегда, Реформатор апеллирует от человека к Богу. Эти две концепции принадлежат к разным сферам мысли.

“Оправданием, которое испытал средневековый христианин, было нисхождение на него внешнего потока сил из сверхчувственного мира, через Воплощение, по каналам церковных учреждений, посвящения в священники, таинств, исповеди и добрых дел; это было нечто такое, что исходило из его связи со сверхчувственной организацией, которая его окружала. Оправдание верой, которое Лютер пережил в своей душе, было личным опытом верующего, стоящего в непрерывном ряду христианского братства, который получает уверенность в благодати Божьей в своем проявлении личной веры, — опытом, который приходит от принятия дела Христа, которое он способен совершать с помощью той веры, которая является даром Божьим”.⁴⁰²

В одном случае, протестантском, оправдание - это личный опыт, который полон сам по себе и не зависит от каких-либо внешних механизмов; в другом, средневековом, это длительное действие обычаев, таинств, всевозможных внешних механизмов, которые своим совместным действием, как предполагается, постепенно превращают грешника в святого, праведного в глазах Бога. В первом случае это непрерывный опыт; во втором он не может не быть прерывистым, поскольку внешние средства действительно используются или на время откладываются в сторону.

Значение доктрины Реформации об оправдании верой можно еще больше прояснить, противопоставив ее теории, которой учила та более поздняя школа схоластического богословия, которая была всемогущей в начале шестнадцатого века. Более евангельской

теорией Фомы Аквинского в значительной степени пренебрегали, и схоласты-номиналисты основывали свое изложение этой доктрины на учении Джона Дунса Скотта.

Следует помнить, что средневековое богословие никогда не отвергало богословие Августина и признавало, по крайней мере теоретически, что спасение человека и оправдание как его часть всегда в конечном итоге зависели от упреждающей милости Божьей; в своем почтении к учению Аристотеля они верили, что также должны освободить место для действия свободной воли человека, которую они всегда рассматривали как чистую способность выбора между двумя альтернативами. Иоанн Дунс Скот избавился от определенной путаницы, которая существовала между *gratia operans* и *gratia co-operans* Августина, говоря о благодати Божьей, лежащей в основе оправдания человека, как о *gratia habitualis*, или действии благодати Божьей, которое придало воле человека привычную склонность к любви к Богу и человеку. Он утверждал, что при рассмотрении поведения волевой акт важнее любой привычной тенденции, поскольку именно действие использует привычку, а помимо самого действия, привычка - это просто инертная пассивность. Поэтому он считал, что главное в достойном поведении - это не столько привычка, созданная Божьей благодатью, сколько волевой акт, который использует эту привычку. Таким образом, благодать Божья рассматривается просто как общая основа достойного поведения или просто как неперемненное условие, и важным является волевой акт, который может использовать пассивную привычку в остальном. Процесс оправдания — и следует помнить, что схоласты неизменно рассматривали оправдание как процесс, посредством которого грешник постепенно превращался в праведника и полностью и существенно менялся, — поэтому может быть описан как вливание божественной благодати, которая создает привычку воли к любви к Богу и человеку; это закрепляется актами воли, и результатом являются положительные акты любви к Богу и человеку, которые заслуживают похвалы и которые постепенно превращают грешника в праведного человека. Такова теория; но теория претворяется в практику, будучи продемонстрированной в рамках Церкви, созданной для того, чтобы помочь людям обрести благодать Божью, которая является основой для всего. Очевидный и самый простой способ получить ту первоначальную благодать, которая является отправной точкой, — это таинства, которые, как говорят, вливают благодать - благодать, которая необходима для начала процесса оправдания. Благодать вливается с самого начала в Крещении; и она также вливается время от времени, чтобы настроиться на Евхаристию. Если человек был крещен, у него есть первоначальная благодать для начала; и он может получить дополнения в Евхаристии. Это, согласно теории, все, что необходимо для того, чтобы направить волю по пути достойного поведения. Но хотя это демонстрирует идеальный процесс оправдания в соответствии со средневековой теологией, следует помнить, что существует смертный грех — грех, который убивает новую жизнь, начатую в крещении, — и таинство, которое обновляет убитую жизнь, будет практически более важным, чем таинство, которое впервые создает ее. Следовательно, практически весь процесс средневекового оправдания лучше всего виден в таинстве, которое обновляет жизнь, убитую смертными грехами. Это таинство - Покаяние; а теория и практика оправдания лучше всего представлены в Таинстве Покаяния. Доброе расположение воли к Богу видно в исповеди; это движение к Богу завершается, когда завершается исповедь, стимулируемая священником; совершение достойных уважения добрых дел проявляется в том, что кающийся выполняет “удовлетворения”, или задачи, возложенные священником, молитвы, милостыни, умерщвления; в то время как отпущение грехов объявляет, что процесс завершен, и что грешник стал праведником и находится в “состоянии благодати”.

В противовес всему этому Лютер утверждал, что можно пройти через весь этот процесс, предписанный средневековой Церковью, воплощающий схоластическую теорию оправдания, никогда не испытывая реального чувства прощения и никогда не утешаясь чувством любви Божьей. Однако вера, которая является даром Божиим, заставляет верующего видеть во Христе, Который находится перед ним, откровение Божьей Отеческой любви, которое дает ему чувство прощения и в то же время возбуждает в нем желание совершать всевозможные любовные служения. Он подобен прощенному ребенку, которого встречают с нежностью, когда ожидалось наказание, и в радостном изумлении он решает никогда больше не капризничать — так естественна и проста идея Исправления. Эту мысль, однако, можно выразить гораздо более формально. Хемниц выражает ее так:

“Главный пункт спора, который в настоящее время разгорается между нами и папистами, касается добрых дел или нового послушания *возрожденных*. Они считают, что возрожденные оправдываются через то обновление, которое Святой Дух совершает в них *good works*, из этого обновления. Они считают, что добрые дела возрожденных - это то, на что они могут положиться, когда нужно ответить на трудный вопрос, являемся ли мы детьми Божиими и были ли приняты к вечной жизни. С другой стороны, мы считаем, что в истинном покаянии вера удерживает и присваивает себе *удовлетворение Христа*, и при этом имеет нечто, что она может противопоставить обвинениям закона на суде Божьем, и таким образом добиться того, чтобы мы были объявлены праведными.... Действительно, верно, что верующие обретают действительную праведность через свое обновление Святым Духом, но поскольку эта праведность несовершенна и все еще нечиста по причине плоти, все люди не могут предстать с ней перед Божиим судом, и на основании этого Бог не объявляет нас праведными ”.403

Следовательно, мы можем сказать, что разница в двух взглядах на этот вопрос может проявиться в ответе на вопрос, на чем основывается вера в истинное покаяние? Ответ Реформации таков: (1) не на механически полное признание, сделанное священнику, и не на надлежащее выполнение того, что священник предписывает в качестве удовлетворения; но (2) только на то, что Бог во Христе сделал для нас, что видно в жизни, смерти и воскресении Спасителя.

Наиболее разительными различиями между Реформацией и средневековой концепцией оправдания являются:

(1) Мысль Реформации всегда смотрит на сравнительное *несовершенство* дел верующих, признавая при этом, что это добрые дела; средневековый теолог, даже когда призывает людей пренебречь внутренней ценностью их добрых дел, всегда смотрит на относительное *совершенство* этих дел.

(2) У Реформатора было гораздо более конкретное представление о Божьей благодати — это было нечто особенное, особопринципное, уникальное, — потому что он неизменно рассматривал действительно добрые дела, которые люди могут совершать, исходя из их относительного несовершенства; средневековый теолог смотрел на относительное совершенство добрых дел и поэтому мог представлять их как нечто соответствующее Божьей благодати, которая не была резко отличима от них.

(3) Эти взгляды привели Лютера и реформаторов к представлению веры не просто как органа восприятия и присвоения оправдания через Христа, но, вдобавок, как активного инструмента во

всей христианской жизни и труде — вера - это наша жизнь; в то время как средневековые теологи никогда не придерживались такого взгляда на веру.

(4) Реформатор считает, что акт веры в свое оправдание через Христа является основой уверенности верующего в своем прощении и спасении, несмотря на болезненное и постоянное чувство греха; в то время как средневековый теолог считал, что божественный оправдательный приговор, возвращающий грешника в состояние благодати, был результатом совместных действий священника и кающегося в Таинстве покаяния и должен был повторяться с перерывами.

§ 4. Священное Писание.

Все реформаторы шестнадцатого века, будь то Лютер, Цвингли или Кальвин, верили, что в Священных Писаниях Бог говорил с ними точно так же, как в прежние дни обращался к Своим пророкам и Апостолам. Они верили, что если бы у простых людей были Священные Писания на понятном им языке, они могли бы услышать, как Бог говорит с ними напрямую, и могли бы обратиться к Нему за утешением, предупреждением или наставлением; и их описание того, что они подразумевали под Священными Писаниями, - это просто еще один способ сказать, что все верующие могут иметь доступ к самому присутствию Бога. Поэтому Священные Писания были для них личным, а не догматическим откровением. В них рассказывается об опыте общения с Богом, которым наслаждались Его святые в прошлые века, и которым все еще могут делиться верующие. В библейской истории в том виде, в каком ее понимали реформаторы, мы слышим два голоса — голос Бога, говорящего о любви к человеку, и голос обновленного человека, отвечающего в вере Богу. Это общение - не мертвая вещь, принадлежащая ушедшему прошлому; им можно делиться здесь и сейчас.

Но реформационная концепция Священного Писания постоянно излагается таким образом, чтобы лишить его в высшей степени религиозного аспекта, который он имел для людей шестнадцатого века. Постоянно говорится, что реформаторы противопоставили Библию, непогрешимую Книгу, непогрешимой Церкви; и перенесли *тот же вид* непогрешимости, который, как предполагалось, принадлежал Церкви, в эту книгу. В средневековые времена люди принимали решения пап и Соборов как последнее решающее высказывание по всем спорным вопросам доктрины и морали; говорят, что во время Реформации реформаторы поместили Библию туда, где были эти папы и Соборы, и заявили, что последнее обращение должно быть сделано к ее страницам. Этот способ постановки вопроса нашел свое наиболее краткое выражение в высказывании Чиллингворта о том, что “Библия, и только Библия, является религией протестантов”. Совершенно верно, что реформаторы противопоставляли авторитет Священного Писания авторитету пап и Соборов, и что Лютер заявлял, что “простой человек”, “служанка мельника” или “девятилетний мальчик” с Библией знали о божественной истине больше, чем папа без Библии; но это не вся правда, и поэтому вводит в заблуждение. Ибо романисты и протестанты не имеют в виду одно и то же под *Писанием*, равно как и не имеют в виду одно и то же под *Непогрешимостью*, и их различное употребление слов является наиболее важной частью реформационной концепции Священного Писания.

Это различие в значении *Писания* частично внешнее, а частично внутреннее; и последнее является более важным из двух.

The *Священные Писания*, к которым апеллируют романисты, включают апокрифические книги Ветхого Завета; а *Священные Писания*, которые являются авторитетными, - это не книги Ветхого и Нового Завета на языках оригинала, а перевод на латынь, известный как Вульгата папы Сикста v. Таким образом, эта книга в значительной степени отличается от той, к которой апеллируют протестанты.

Каким бы важным ни было это внешнее различие, оно ничто по сравнению с внутренним различием; и все же о последнем постоянно забывают как протестанты, так и католики в своих аргументах.

Чтобы понять это, нужно помнить, что каждый средневековый теолог заявлял, что вся доктринальная система его Церкви основана на Священных Писаниях Ветхого и Нового Заветов. Обращаясь к Писанию, реформаторы не сделали ничего необычного, ничего такого, что противоречило бы обычной практике средневековой Церкви, в которой они родились, получили образование и жили. Лютер произнес свой призыв с той же безмятежной неосознанностью, с какой любой мог бы ему возразить, как он это сделал, когда противопоставил духовный опыт верующего о том факте, что он полагается только на Христа в спасении, предложению продать помилование за деньги. Его оппоненты никогда не пытались оспорить его право апеллировать к Священному Писанию — по крайней мере, поначалу. Они сами апеллировали к тому же; они верили, что способны сопоставить Священное Писание с Писанием. Они были уверены, что авторитет, к которому апеллировали — Священное Писание, — примет решение против Лютера. Однако вскоре стало очевидно, что Лютер неожиданно лучше разбирался в Писании, чем они. Это не означало, что у него была лучшая память на тексты. Было видно, что Лютер каким-то образом мог смотреть на Священное Писание и использовать его как одно прозрачное целое; в то время как они смотрели на него как на сборник фрагментарных текстов. Это дало ему и другим реформаторам навык использования Священного Писания, которого, как начали чувствовать их оппоненты, им не хватало. Они чувствовали, что если они хотят встретиться со своими противниками на равных, то они тоже должны признать единство Священного Писания. Они сделали это, создав внешнее и произвольное единство посредством догматической традиции средневековой Церкви. Отсюда постановление Тридентского собора, которое создало искусственное единство Священного Писания, поместив догматическое предание Церкви рядом с Писанием в качестве равного источника авторитета. Причина, по которой реформаторы нашли естественное единство в Библии и почему романистам пришлось создать искусственное единство, заключалась, как мы увидим, в их различных представлениях о том, что подразумевалось под спасительной верой.

Средневековые теологи смотрели на Библию как на своего рода духовный свод законов, хранилище переданных Богом знаний о доктринальных истинах и правилах нравственного поведения - и ничего более.

Реформаторы видели в нем новый дом для новой жизни, в котором они могли бы иметь близкое общение с Самим Богом — не просто знание о Боге, но действительное общение с Ним.

Существует одна большая трудность, связанная со средневековой концепцией Священных Писаний, которая, по-видимому, неприменима к большей части из них. Имеется богатый

материал для построения доктрин и моральных правил; но это лишь часть того, что содержится в Священных Писаниях. Библия содержит длинные списки генеалогий, главы, которые содержат лишь описание храмового убранства, рассказы о простой человеческой жизни и подробности национальной истории. Средневековый теолог должен был либо полностью отбросить большую часть Библии, либо каким-то образом преобразовать ее в доктринальное и моральное учение. Была выбрана последняя альтернатива, и инструментом трансформации стала мысль о различных смыслах Священного Писания, которая играет столь заметную роль в каждом средневековом утверждении природы и использования откровения Божьего, содержащегося в Библии.⁴⁰⁴ Никто не может отрицать, что книга, где наставления часто даются в притчах или посредством афоризмов и пословиц, должна содержать множество отрывков, имеющих различный смысл. Используя иллюстрации Оригена, можно допустить, что горчичное зерно - это, *буквально*, настоящее семя; *в моральном плане* - вера в отдельного верующего; и, *аллегорически*, царство Божье;⁴⁰⁵ или, хотя это более сомнительно, что маленькие лисички - это буквально детеныши; в моральном плане грехи в сердце отдельного человека; и, *аллегорически*, ереси, которые отвлекают и разлагают Церковь.⁴⁰⁶ Но сказать, что каждая деталь личного или национального жизни в Ветхом или Новом Завете - это просто мертвая история, не имеющая духовной ценности до тех пор, пока она не будет преобразована в доктринальную истину или моральное правило путем применения теории о четырехкратном смысле Священного Писания, что полностью разрушает исторический характер откровения и, кроме того, вносит полную неопределенность в отношении того, что на самом деле должен был провозглашать тот или иной отрывок. Использование четырех смыслов — *буквального, морального, аллегорического и анагогического*— позволяет читателю извлечь любой смысл, который ему заблагорассудится, из любой части Священного Писания.

В то время как средневековые теологи из-за своего сбивающего с толку четырехчастного смысла делали почти безнадежным точное знание того, чему на самом деле учит Библия, другая их идея делала необходимым для спасения то, чтобы люди пришли к абсолютно правильному утверждению того, что Священные Писания действительно открывают о Боге и человеке и отношениях между ними. Они считали, что вера — вера, которая спасает, — это не доверие к человеку, а согласие с правильными положениями о Боге, вселенной и душе человека; и спасительный характер согласия зависел от правильности утверждаемых положений. Это подчинение интеллекта определенным пропозициональным утверждениям, которые либо считаются правильными, либо принимаются как таковые, поскольку гарантированы каким-то сверхъестественным способом. Непогрешимость рассматривается как то, что может гарантировать совершенную правильность утверждений о Боге и человеке в их отношениях друг к другу.

Если необходимо использовать четырехчастный смысл, чтобы запутать простой смысл большей части Священного Писания, и *если* спасение зависит от достижения совершенно правильного интеллектуального понимания абстрактных истин, содержащихся где-то в Библии, то саркастическая ссылка Лакордера на протестантскую концепцию Священного Писания не является неуместной. Он говорит: “Что это за религия, которая спасает людей с помощью книги? Бог дал книгу, но Он не гарантировал вашей личной интерпретации ее. Какая у вас гарантия, что ваши мысли не отметут идеи Бога? Язычник вырезает себе бога из дерева или мрамора; протестант вырезает своего бога из Библии. Если на земле существует истинная религия, она должна быть самой *спокойной* и пользоваться несомненным авторитетом”.⁴⁰⁷ Нам не нужно удивляться тому, что Джон Натин сказал своему сбитою с толку ученику в

Эрфуртском монастыре: “Брат Мартин, оставь Библию в покое; читай старых учителей; чтение Библии просто порождает беспокойство”.⁴⁰⁸ Мы можем посочувствовать некоторым из ранних издателей немецкой Вульгаты, когда они вставили в свои предисловия, что читатели должны быть осторожны и понимать содержание книги так, как это декларирует Церковь.⁴⁰⁹ Люди, обратившиеся к Библии, могли ошибиться, и любая ошибка была равносильна духовной смерти; но все, кто просто соглашался с толкованием Библии, данным в церковном богословии, оставались правы и имели истинную или спасительную веру. Такова была средневековая идея.

Но все это делало невозможным найти в Библии средство общения с Богом. Между Богом, Который открыл Себя там, и человеком средневековый теолог, возможно, поначалу бессознательно, поместил то, что он называл “Церковью”, но на самом деле это были мнения признанных теологов, подтвержденные решениями Соборов или пап. “Церковь” преградила путь к разуму и сердцу Бога в Священных Писаниях, вставив свой авторитетный метод толкования между верующим и Библией, как она вставила священство между грешником и Спасителем-искупителем.

Точно так же, как реформаторы противопоставили свой личный опыт обретения прощения, положившись на милость Бога, явленную во Христе, вмешательству Церкви между ними и Богом, так и они опровергли эту идею Священного Писания личным опытом того, чем Библия была для них. Они чувствовали и знали, что личный Бог, Который создал их и искупил, говорил с ними в этой Книге и там открыто проявлял Свою силу и Свою готовность спасать. Речь иногда была невнятной, но они читали дальше и останавливались на других отрывках, которые были более понятными, и они делали объяснение чем проще, тем сложнее. “Обычный” человек, возможно, не смог бы понять всего этого и не поместил бы все изречения Священного Писания в связное целое интеллектуальной истины; но все, как простые люди, так и богословы, могли услышать голос своего Отца, узнать цель своего Искупителя и иметь веру в обещания своего Господа. Было неплохо сопоставить текст с текстом и построить систему протестантского богословия, с которой мог согласиться их интеллект; но это было не обязательно. Спасительная вера вовсе не была интеллектуальным согласием. Это было простое доверие — доверие ребенка — к обещаниям своего Отца, которые были “Да” и “Аминь” во Христе Иисусе. Единственное, что было важно, - это слышать личного Бога и повиноваться ему, говорящего с ними так, как Он говорил на протяжении веков со Своим народом, обещая Свое спасение то прямыми словами, то в образах Своих отношений с избранным народом. Ни одна деталь жизни не была мертвой историей, ибо она помогала наполнить картину общения между Богом и Его народом. Картина сама по себе была обещанием того, что то, что было в прошлом, будет обновлено в их собственном опыте общения с милостивым Богом, если только у них будет та же вера, которой обладали эти святые Ветхого и Нового Заветов.

Когда эти мысли горели в их сердцах, Библия не могла быть для реформаторов тем, чем она была для средневековых теологов. Бог говорил с ними в нем, как человек говорит со своими братьями. Простой исторический смысл был важным в подавляющем большинстве отрывков. Священное Писание было больше, чем просто хранилищем доктрин и моральных правил. Это было сверх того, что описывало благословенный опыт, который Божьи святые имели в общении со своим Богом-заветом с момента первого откровения Обетования. Поэтому они поспешили перевести Библию на все языки, чтобы вложить ее в руки каждого человека, и сказали, что “обычный человек” с Библией в руках (с говорящим с ним Богом) может знать больше о пути спасения, чем папа или Соборы без Священных Писаний.

Изменение взглядов, отделившее реформаторов от средневековых теологов, почти равносильно повторному открытию Священного Писания; и оно было произведено их концепцией веры. Спасительная вера была для них *личным доверием к личному Спасителю*, Который проявил в Своей жизни и трудах отеческую милость Божью. Это было не просто теологическое определение; это было описание опыта, который, как они знали, они пережили. Это заставило их увидеть, что слово Божье было личным, а не догматическим откровением; что истинный смысл его заключался в том, что за каждым его словом стоял Сам Бог — не абстрактная истина, но личный Отец. С одной стороны, с божественной, был Бог, изливающий все Свое сердце и открывающий сокровенные сокровища Своей праведности и любви во Христе, Воплощенном Слове; с другой стороны, с человеческой, была верующая душа, смотрящая прямо сквозь все дела, все символы и все слова на Самого Христа, соединенная с Ним верой в теснейший личный союз. Такой благословенный опыт — чувство прямого общения между верующим и Воплощенным Богом, общения, подобного тому, которое существует между двумя любящими человеческими душами, вызванное двойным потоком нисходящего личного слова Бога и личной веры человека, восходящей к Богу, — не мог не дать совершенно новой концепции Священного Писания. Средневековая Церковь смотрела на Иисуса Христа, явленного в Священном Писании, как на Учителя, посланного от Бога; и откровение было для них прежде всего сообщением умозрительной истины. Для реформаторов главной функцией Священного Писания было приблизить Иисуса Христа к нам; и поскольку Иисус всегда заполняет для них всю сферу Бога, главная цель Священного Писания - приблизить Бога ко *мне*. Это прямое послание Божьей любви *к мне*, — не доктрина, но обещание (ибо без обещания, как неустанно повторял Лютер, веры не существует); не отображение Божьих мыслей, но Самого Бога как *моего* Бога. Это проявление Бога, которое записано для нас в Священных Писаниях, имело место в историческом процессе, достигшем своей полноты и наивысшего уровня в воплощении и историческом труде Христа, и запись о проявлении была составлена таким образом, чтобы включить все необходимое, чтобы дать нам возможность понять провозглашение Божьей воли в ее историческом контексте и в ее историческом проявлении. “Пусть ни один благочестивый христианин, - говорит Лютер, - не спотыкается на простом слове и истории, которые так часто встречаются ему в Священном Писании”. Это никогда не мертвые истории средневековых теологов, события, которые просто произошли и больше не касаются людей. Они рассказывают, как Бог обращался со Своим верным народом в прошлые века, и являются обещаниями того, как Он будет поступать по отношению к нам сейчас. “История Авраама драгоценна, - говорит он, - потому что она так наполнена Словом Божьим, которым все, что с ним случилось, так украшено и так прекрасно, и потому что Бог повсюду идет перед ним со Своим Словом, обещая, повелевая, утешая, предупреждая, чтобы мы могли воистину увидеть, что Авраам был особым, верным другом Бога. Давайте же отразим себя в этом святом отце Аврааме, который ходит не в золоте и бархате, но препоясанный, увенчанный и облеченный божественным светом, то есть Словом Божьим”. Самые простые библейские истории, даже географические и архитектурные детали, могут дать и дают нам побочный свет, необходимый для завершения явления Бога Его народу.

Теперь возникает вопрос, где и в чем мы должны признать непогрешимость и авторитетный характер Священного Писания? Очевидно, что идеи, связанные с этими словами, должны измениться вместе с изменившимся представлением о сущностном характере того Места Писания, к которому они принадлежат. Этот вопрос также не может обсуждаться отдельно от идеи Реформации о спасительной вере; ибо две мысли Священного Писания и спасительной

веры всегда совпадают. В средневековой теологии они всегда были в первую очередь интеллектуальными и предположительными; в реформаторском мышлении они всегда были в первую очередь экспериментальными и личностными. Описывая авторитетный характер Священного Писания, реформаторы всегда настаивали на том, что его признание пробуждалось в верующих благодаря тому действию, которое они называли свидетельством Святого Духа (*Testimonium Spiritus Sancti*). Точно так же, как Сам Бог дает нам познать и прочувствовать чувство прощения во внутреннем опыте посредством веры, которая является Его собственной работой, они верили, что благодаря действию того же Духа верующие смогли осознать, что Сам Бог авторитетно говорит с нами словами Священного Писания.

Их взгляд на то, что подразумевается под авторитетом и непогрешимостью Священного Писания, нельзя рассматривать отдельно от того, чему они учили о связи между Священным Писанием и словом Божиим. Все они имеют одну и ту же общую концепцию, однако могут различаться в деталях изложения. Если Лютер, по своему обыкновению, говорит более резко, а Кальвин пишет с более ясным видением последствий, которые должны последовать из его утверждений, то у обоих перед глазами одна и та же великая мысль.

Реформаторы проводили различие между словом Божиим и Священным Писанием, которое содержит или представляет это слово. Это различие было реальным, а не просто формальным; это было нечто большее, чем разница между словом Божиим и написанным словом Божиим; и на нем были основаны важные последствия. Если допустить использование метафоры, то слово Божье относится к Священному Писанию так же, как душа относится к телу. Лютер верил, что, хотя слово Божье представлено в каждой части Священного Писания, некоторые отрывки делают его гораздо более очевидным. Он приводит в пример Евангелие и Первое послание святого Иоанна, Послания святого Павла, особенно к Римлянам, к Галатам и к Ефессянам, а также Первое послание святого Петра.⁴¹⁰ Он заявляет, что если бы у христиан не было других книг, кроме этих, путь спасения был бы совершенно ясен. В другом месте он добавляет, что слово Божье с особой ясностью сияет в Псалмах, которые он назвал Библией внутри Библии.

Лютер говорит, что слово Божье может быть описано фразой апостола Павла, “к благовестию Божию, которое он обещал через пророков своих, в святынях, о Сыне Своем, который родился от семени Давидова по плоти, который был объявлен Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых”.⁴¹¹ Кальвин называет это “духовное учение, ворота, как это было, через что мы входим в его Небесное Царство”, - “зеркало, в котором Вера видит Бога,” и “, что при этом он произносит к нам Свою милость во Христе, и assureth нам свою любовь к нам.”⁴¹² шотландцы исповеди называет это откровение обещание “quhilk как она была повторена, и сделал МАИР понятно, время от времени; поэтому было imbraced с радостью, и maist constantlie полученных ООО верных”.⁴¹³ Цвингли и объявляет ее “, что Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, явил нам волю Отца Небесного, и, со своей невинности, искупил нас от смерти”.⁴¹⁴ это сумма Божьи заповеди, угрозы и обетования, адресованные нашей вере, и прежде всего Евангелие предлагаем Христа к нам. Это слово Божье не обязательно должно принимать форму прямого увещания; его можно узнать из простых историй людей или народов, записанных в Священном Писании.

Это истинное различие между словом Божиим и Священным Писанием может быть легко искажено до того, что отвергли бы все реформаторы. Это не должно быть объяснено обычной мистической иллюстрацией ядра и шелухи, которую шелуху (запись) можно выбросить, когда

ядро (слово) однажды достигнуто и усвоено. Это также не может быть использовано для обозначения того, что одна часть Библии является словом Божиим, а другая - нет. Реформаторы единодушно учат, что сутью всего Священного Писания является слово Божье, и что то, что не является частью летописи слова Божьего, не является Священным Писанием. Наконец, различие между ними не должно мешать нам говорить, что Писание - это слово Божье. Лютер очень категоричен в этом вопросе. Он говорит, что готов обсуждать разногласия с любым оппонентом, который признает, что евангельские писания являются словом Божиим; но что, если это будет опровергнуто, он откажется спорить; ибо какой смысл рассуждать с тем, кто отрицает основные принципы? (*prima principia*)⁴¹⁵ Только следует четко понимать, что связка *is* выражает не логическую идентичность, а некоторое такое отношение, которое может быть более точно передано через *содержит, представляет, передает, фиксирует* — все эти фразы используются в трудах реформаторов или в символах веры Реформаторских Церквей. Главное, что следует помнить, это то, что это различие не должно использоваться для отрицания сущности Священного Писания в тех атрибутах авторитета и непогрешимости, которые принадлежат слову Божьему.

С другой стороны, в этом различии есть жизненно важный религиозный интерес. Во-первых, это указывает на то, что подразумевается под непогрешимостью Священного Писания, а во-вторых, позволяет нам проводить различие между божественными и человеческими элементами в Библии.

Авторитетный характер и непогрешимость действительно и в первую очередь принадлежат слову Божьему и лишь во вторую очередь Священному Писанию — Священному Писанию только потому, что это летопись, которая содержит, представляет или передает слово Божье. Именно это слово Божье, это личное проявление нам Бога для нашего спасения в Его обетованиях, является авторитетным и непогрешимым; и Священное Писание разделяет эти атрибуты только постольку, поскольку оно является носителем духовной истины. Реформаторы единодушно заявляют, что Священное Писание есть Священное Писание, потому что оно дает нам то знание о Боге и Его воле, которое необходимо для спасения; потому что оно представляет взору верующих Самого Бога, лично проявляющего Себя во Христе. Именно это представление Самого Бога и Его воли к нашему спасению является непогрешимым и авторитетным. Но это проявление Самого Бога является чем-то духовным и должно быть воспринято духовной способностью, которая является верой, а реформаторы и исповедания Реформации не признают никакой непогрешимости или божественного авторитета, которые постигаются иначе, чем верой. Если это так, то непогрешимость совершенно иного рода, чем та, которую описывали средневековые теологи или современные римские католики, и она также сильно отличается от того, что многие современные протестанты приписывают Священным Писаниям, когда они не отличают их от слова Божьего. У средневековых теологов непогрешимость была чем-то, что гарантировало совершенную правильность абстрактных утверждений; у некоторых современных протестантов она заключается в представлении, что запись не содержит даже малейшей ошибки в словах или описании факта - в ее безошибочности. Но ни непогрешимость, ни правильность абстрактных положений не воспринимаются верой в смысле этого слова реформаторов; это факты, которые должны быть приняты или отвергнуты обычными способностями человека. Непогрешимость и авторитет, для восприятия которых нужна вера, являются и должны быть чем-то совершенно иным; они порождают убежденность в том, что в проявлении Бога в Его слове заключена непогрешимая сила спасения. Все реформаторы говорят, что это дается Свидетельством Духа; “истинная

церковь всегда слышит и повинуетя голосу своего супруга и пастора”.⁴¹⁶ Кальвин обсуждает авторитет и достоверность Священного Писания в своем *Institutio* и говорит: “Тогда пусть это будет рассматриваться как неоспоримая истина, что те, кто был внутренне научен Духом, чувствуют полное согласие с Писанием, и что оно самоутверждено, несет в себе свои собственные доказательства, и его не следует делать предметом демонстрации”. и аргументами разума; но что она получает доверие, которого заслуживает у нас, по свидетельству Духа”.⁴¹⁷ Это религиозная концепция непогрешимости, сильно отличающаяся от средневековой или современной романистической.

Различие между словом Божьим и Священным Писанием также служит для того, чтобы различать божественные и человеческие элементы в Священном Писании и отводить каждому должное место.

Непогрешимость и божественный авторитет относятся к сфере веры и свидетельства Духа и, следовательно, к тому личному проявлению Бога и Его воли по отношению к нам, которое передается или представлено нам в каждой части Священного Писания. Но это проявление дается в ходе событий, которые являются частью человеческой истории, в жизнях людей и народностей, в летописи, которая по внешней форме похожа на другие человеческие труды. Если каждая часть Священного Писания божественна, то каждая его часть также человеческая. Сверхъестественная реальность заключена в человеческие реалии. Чтобы понять первое, необходима вера, озаренная Святым Духом; но достаточно использовать обычные методы исследования, чтобы убедиться в достоверности истории, изложенной в Священном Писании. Когда реформаторы проводили различие между словом Божьим и Священным Писанием, которое передает или представляет его, и когда они заявляли, что авторитет и непогрешимость этого слова принадлежат области веры, они делали этот авторитет и непогрешимость совершенно независимыми от вопросов, которые могли быть подняты о человеческих силах, благодаря которым книга приобрела свою нынешнюю форму. Это не относится к области веры, когда были написаны книги, в которых записано слово Божье, или кем, или в каком стиле, или как часто они редактировались. Для веры не имеет значения, происходили ли происшествия в одной стране или в другой; является ли рассказ об Иове буквальной историей или поэмой, основанной на старых традициях, в которой автор использовал способность воображения, чтобы проиллюстрировать проблемы Божьего провидения и испытания человека; приводятся ли в генеалогических таблицах имена людей или стран и народов. Все эти и подобные им вопросы относятся к человеческой стороне истории. Не требуется особого озарения верой, чтобы воспринять и понять их. Это вопросы для обычных способностей человека и подлежат обычному человеческому исследованию. Лютер свободно воспользовался предоставленной таким образом свободой. Он никогда не чувствовал себя обязанным принимать традиционные представления о масштабах канона, авторстве книг Библии или даже о достоверности некоторых из записанных вещей. Он сказал, говоря о Книге Бытия: “Что, если Моисей никогда ее не писал?”⁴¹⁸ Ему было достаточно того, что книга была там и что он мог ее прочитать. Он считал, что Книги Царств заслуживают большего доверия, чем Книги Паралипоменон;⁴¹⁹ и он считал, что пророки не всегда давали царям Израиля наилучшие политические советы.⁴²⁰

Но хотя Библия - это человеческая литература, и как таковая может и должна подвергаться тем же испытаниям, которые применяются к обычной литературе, она является записью откровения Божьего и была тщательно охраняема Богом. Эта мысль всегда входит в концепцию Священного Писания, которую имели реформаторы. Они говорят об исключительной заботе и провидении

Бога, который сохранил Священные Писания таким образом, что Его народ всегда имеет полное и безошибочное выражение в них Его разума и воли к их спасению. Эта идея навсегда запрещает небрежную или непочтительную библейскую критику, прикрываясь свободой обращения с записями Откровения. Никто не может заранее сказать, сколько или как мало исторических записей необходимо для сохранения веры Церкви; но каждый набожный христианин желает иметь их в большом изобилии. Никто не может ссылаться на свободу, которую принципы реформаторов предоставляют при обращении с записями Священного Писания, как на оправдание наслаждения сведением к минимуму исторической основы христианской веры. Небрежное или непочтительное обращение с текстом Священного Писания - вот что вызывало отвращение у всех реформаторов.⁴²¹

§ 5. Личность Христа.

“Никто не может отрицать, - сказал Лютер, - что мы придерживаемся, верим, поем и исповедуем все в соответствии с Апостольским символом веры, верой старой Церкви, что мы не вносим в него ничего нового и ничего к нему не добавляем, и таким образом мы принадлежим старой Церкви и едины с ней”. И Аугсбургское исповедание, и статьи Шмалькальда начинаются с повторного изложения доктрин старой Католической церкви в том виде, в каком они изложены в Апостольском, Никейском и Афанасианском символах веры, два последних всегда рассматривались Лютером как объясняющие Апостолов - Кредо. Его критика теологических доктрин всегда ограничивалась теориями, представленными схоластами, и извращением старых доктрин Церкви, введенных в средневековье, главным образом для приведения этих доктрин в соответствие с принципами философии Аристотеля. Он выдвинул два обвинения против схоластического богословия. Он настаивал на том, что она была привержена идее трудовой праведности; какие бы случайные протесты ни выдвигались против этой концепции, он утверждал, что эта мысль о трудовой праведности настолько переплетена с ее основой, что все это должно быть отброшено, прежде чем можно будет заново открыть старую и истинную христианскую теологию. Он также объявил, что это софистика; и под этим он имел в виду, что она играла с внешней стороной доктрины, задавала и решала вопросы, которые не имели ничего общего с реальной христианской теологией, что внушительное интеллектуальное здание было пустым внутри, что ее божеством был не Бог и Отец, открытые в Иисусе Христе, а неизвестный Бог, Бог, который никогда не мог быть раскрыт метафизикой, нашпигованной разрозненными текстами Священного Писания, абстрактной сущностью языческой философии. Безошибочным инстинктом он ухватился за схоластическую приверженность Аристотелю как за причину, по которой то, что считалось христианской теологией, было превращено во что-то другое. Схоластическая философия или теология (поскольку это практически одно и то же) определяла себя как попытку примирить веру и разум, и это определение было общепринятым. На словах это правильно; на самом деле это очень вводит в заблуждение из-за значений, придаваемых словам "вера" и "разум". Для схоластов вера в это противопоставление веры и разума означала совокупность святоотеческих учений об истинах христианской религии, извлеченных Отцами Церкви из Священного Писания; а разум означал совокупность философских принципов, извлеченных из трудов древних философов, и особенно

из Аристотеля. Великие схоласты считали своей задачей построить систему христианской философии, объединив святоотеческие доктринальные выводы с выводами человеческого разума, которые, по их мнению, были даны в высшей форме в трудах древнегреческих мудрецов. Они фактически использовали концепции Отцов Церкви как материал для придания формы мысли, найденной готовой для них в рассуждениях Аристотеля и Платона. Христианский материал был подогнан под языческие формы и, как следствие, утратил свои наиболее существенные христианские характеристики. Можно видеть, как самый евангельский из схоластов, Фома Аквинский, тщетно пытается прорваться сквозь сети аристотеля в своих рассуждениях о заслугах и удовлетворении в "Сумме теологии".⁴²² Ему пришлось исходить из мысли о Боге как (1) Абсолюте и (2) как *Primum Movens, Causa efficiens prima*, Разуме, который является всеобщим естественным порядком в прекрасном— концепциях, которые никогда не могут заключить в тюрьму без практического применения. разрушая видение Отца, который открыл Себя в Спасителе Иисусе Христе. Другая его отправная точка, согласно которой человек должен быть описан как обладатель свободной воли в аристотелевском смысле этого термина, никогда не будет содержать христианскую доктрину о полной зависимости человека от Бога в его спасении. Это неизбежно вело к трудовой праведности. Это была "софистика", против которой протестовал Лютер и которую он отменил.

Затем он заявил, что стоит там, где стояла старая католическая церковь, что его богословие, подобное ей, коренится в вере в Бога как Троицу и в вере в Личность Христа, Открывателя Бога. Старая теология не имела ничего общего с мариологией или поклонением святым; она почитала триединого Бога и Иисуса Христа, Его Сына и Спасителя человека. Лютер мог взяться за руки с Афанасием на протяжении двенадцати столетий. Он совершил работу, мало чем отличающуюся от работы великого Александрийца. Его неприятие схоластического аристотелизма можно сравнить с отказом Афанасия позволить теологии Логоса больше путать христианские доктрины о Боге и Личности Христа. Оба верили, что, думая о Боге, они должны не сводить глаз с Его искупительной работы, проявленной в историческом Христе. Афанасий, как и Лютер, вернул теологию к религии из "софистики" и исходил из внутреннего религиозного опыта, что его Искупителем был Бог, сотворивший небо и землю. Великие лидеры древней Церкви, считал Лютер, придерживались того же мнения, что и он, что для того, чтобы иметь представления о Боге, построить настоящую христианскую теологию, необходимо прежде всего познать Самого Бога и что Его можно познать только через Господа Иисуса Христа. Он прошел через тот же опыт, что и они; он мог полностью сочувствовать им и мог перенять выражения, в которых они описывали и кристаллизовали то, что они чувствовали и знали, и это без особого внимания к тонкостям технического языка. Эти доктрины были для них не мертвыми формулами, а выражением живой веры. Поэтому Он мог взять старые догмы и заставить их снова жить в эпоху, когда казалось, что они утратили всю свою жизненную силу.

"Со времен Афанасия, — говорит Гарнак, — не было богослова, который придал бы столько живой силы вере в учение о Божественности Христа, как это сделал Лютер; со времен Кирилла в Церкви не появилось учителя, для которого тайна соединения двух природ во Христе была бы таким утешением, как для Лютера: "У меня есть лучший кормилец, чем все ангелы: он лежит в колыбели и висит на груди девственницы, но, тем не менее, восседает одесную всемогущего отца"; ни один философ-мистик древности не говорил с большей убежденностью и восторгом о священной пище в Евхаристии. Немецкий реформатор вернул жизнь формулам греческого христианства: он вернул их к вере".⁴²³

Но если Лютер принял старые формулы, описывающие Природу Бога и Личность Христа, он сделал это совершенно характерным образом. Ему не нравились технические богословские термины, хотя он признавал, что использовать их было необходимо. Ему не нравился старый термин *homotousios* для описания отношений между Личностями в Троице, и он предпочитал слово “единство”;⁴²⁴ ему даже не нравился термин “Троица” или, по крайней мере, его немецкие эквиваленты, *Dreifaltigkeit* или *Dreiheit* — по его словам, это были плохие немецкие слова;⁴²⁵ он называл технические термины, используемые в старых символах веры, *vocabula mathematica*;⁴²⁶ он старался избегать их использования в своем кратком изложении и даже в своих лекциях. Длинный Катехизис. Но Иисус Христос был для него зеркалом Отеческого сердца Бога и, следовательно, был Богом; Сам Бог был единственным Утешителем, приносящим покой человеческой душе, и Святой Дух был Богом; а старые вероучения исповедовали Единого Бога, Отца, Сына и Святого Духа, и это признание удовлетворяло его, какие бы слова ни использовались. Кроме того, он радовался возможности встать бок о бок с христианами древности, которые верили в Бога во Христе и были свободны от “софизмов” схоластов.

Хотя Лютер честно и радостно принял старую теологию о Боге и Личности Христа, он придал ей новый и более богатый смысл. Лютер позволяет нам снова и снова убеждаться в том, что он верил, что единственное, что стоит учитывать в теологии, — это божественная работа Христа и тот опыт, который мы получаем от нее через веру. Он не верил, что за этими пределами у нас есть какое-либо реальное знание о Боге. За ними находится неизвестный Бог философского язычества, Бог, которому невежественно поклоняются евреи, турки, язычники и номинальные христиане. Чтобы познать Бога, необходимо познать Его через Иисуса Христа истории. Следовательно, у Лютера Христос заполняет всю сферу Бога: “Тот, кто видел Меня, видел Отца”, и наоборот: “Тот, кто не видел Меня, не видел Отца”. Исторический Иисус Христос является для Лютера открывающим и единственным открывающим Отца. Откровение дается в чудесном опыте веры, в котором Иисус заставляет нас видеть в Нем Бога — всего Бога, Который не утаил ничего из того, что Он мог бы дать нам. Весьма сомнительно, что создатели старых символов веры когда-либо осознавали эту мысль. Великий толкователь старого богословия Августин, безусловно, не осознавал. Неспособность войти в него проявилась не только в учении о Боге, но и в теориях благодати. У Лютера вся теология на самом деле является Христологией; он не знал никакого другого Бога, кроме Бога, Который проявил Себя в историческом Христе и заставил нас увидеть в чуде веры, что Он — наше спасение. Это сразу упрощает все христианское богословие и четко отделяет его от той схоластики, которую Лютер называл “софистикой”. Зачем христианам ломать голову над Чем-то Вечным, что не является миром, когда у них есть Отец? Согласно старому богословию, работа Христа практически ограничивалась получением прощения грехов. На этом она закончилась и начались другие благодатные действия Бога — действия благодати. Так возникла сложная система искуплений и сатисфакций, связанных магическими таинствами и ходатайствами святых. Все это было разом сметено, когда весь Бог был виден открытым во Христе в видении веры и нигде больше.

Как и Афанасий, Лютер нашел свое спасение в Божественности Христа.

“У нас должен быть Спаситель, Который больше, чем святой или ангел; ибо, если бы Он не был чем-то большим, лучше и величественнее этих, нам никто не помог бы. Но если он Бог, то сокровище настолько велико, что перевешивает и устраняет грех и смерть; и не только это, но и дает вечную жизнь. Это наша христианская вера, и поэтому мы справедливо исповедуем: ‘Я верю в Иисуса Христа, Его единственного Сына, Господа нашего, Который родился от Марии,

страдал и умер'. Крепко держись этой веры, и, хотя язычники и еретики всегда так мудры, ты будешь благословлен".⁴²⁷

Он повторяет это снова и снова. Если мы не можем сказать, что Бог умер за нас, если это был всего лишь человек, пострадавший на кресте, тогда мы погибли, было самым твердым убеждением Лютера; и мысль о Божественности Христа значила для Лютера больше, чем для предыдущих теологов. Древнее богословие описывало две Природы в Одной Личности Богочеловека таким образом, чтобы предположить, что единственной функцией Божественного было придавать человеческому делу Христа значение, необходимое для осуществления спасения. Лютер всегда отказывался придерживаться такого ограниченного подхода к Божественности Спасителя. Он не отказался перенять и использовать *фразеологию* своих предшественников. Подобно им, он говорил о двух Природах в Одной Личности Христа. Но из его изложения Символа Веры и из его критики современной теологической терминологии ясно, что ему не понравилось это выражение. Он думал, что это наводит на мысль, которая была неправильной и от которой нужно было остерегаться. Он говорит, что мы должны остерегаться думать, будто божество и человечность во Христе настолько внешне едины, что мы можем смотреть на одно отдельно от другого.

“Это первый принцип и самая превосходная статья о том, что Христос есть Отец: мы не должны сомневаться в том, что все, что говорит и делает человек, считается и должно считаться сказанным и сделанным на небесах для всех ангелов; в мире для всех правителей; в аду для всех дьяволов; в сердце для каждой нечистой совести и всех тайных мыслей. Ибо если мы уверены в том, что то, что думает, говорит и желает Иисус, также желает Отец, тогда я бросаю вызов всему, что может бороться против меня. Ибо здесь, во Христе, у Меня сердце и воля Отца”.⁴²⁸

Он ставит мысль о Личности Христа в самую тесную связь с нашим личным опытом. Это не просто доктрина — интеллектуальное нечто вне нас. Это часть того благословенного опыта, который называется Оправданием по Вере. Это неразрывно связано с признанием того, что мы спасены не посредством добрых дел, которые мы можем совершать, а исключительно благодаря работе Христа. Это то, что заставляет нас прекратить всякую работу - праведность и уповать только на Бога, поскольку Он открыл Себя во Христе. Когда мы знаем и чувствуем, что это Бог работает для нас, тогда мы инстинктивно перестаем думать, что можем сами совершить свое спасение.⁴²⁹ Следовательно, Личность Христа никогда не может быть просто доктриной для истинного христианина, о которой должен расспрашивать интеллект. Это то, что мы носим с собой как часть нашей жизни.

“Познать Христа истинным образом - значит знать, что Он умер за нас, что Он взвалил на Себя наши грехи, так что мы считаем все наши собственные дела ничем и отпускаем их все, цепляясь только за веру в то, что Христос отдал Себя за нас, и что все Его страдания, благочестие и добродетели принадлежат мне. Когда я узнаю это, я должна буду в ответ дорожить Им, потому что я должна любить такого человека”.

Он настаивает на человеческом интересе, который Человек Иисус Христос проявляет к нам, и заявляет, что мы должны проявлять такой же интерес ко всей Его жизни на земле, как и к жизни нашего самого близкого друга.

Возможно, следует добавить, хотя сказанное подразумевает именно это, что Лютер всегда подходил к Личности Христа исходя из его посреднической работы, а не из каких-либо ранее

продуманных идей о том, каким должно быть Божество, и каким должно быть человечество, и как они могут быть объединены. Он начинает с посреднической и спасительной работы Христа, которая раскрывается в благословенном опыте, который создает вера, дар Божий. Он поднимается от должности к Личности, а не нисходит от Личности к должности. “Христа называют Христом не потому, что у Него две Природы. Какое это имеет значение для меня? Он носит это славное и утешительное имя благодаря Своему Служению и Работе, которую Он предпринял”.⁴³⁰ Именно таким образом Он становится Спасителем и Искупителем.

Вряд ли можно сказать, что все реформаторы разрабатывали концепцию Личности Христа таким же образом, как Лютер, хотя почти все эти мысли можно найти у Кальвина, но в их сознании всегда присутствует затмевающая концепция — Христос заполняет всю сферу Бога. Это характерная черта реформаторской мысли и реформаторского благочестия, которая встречается повсюду в трудах реформаторов, а также в богослужении и обрядах Реформатской церкви. Исчерпывающее рассмотрение вопроса потребовало бы больше места, чем может быть отведено; но следующие примеры могут быть приняты как указание на универсальную мысль.

1. Реформаторы отмели всякую мысль о ходатаях, которые, как предполагалось, должны были разделить с нашим Господом обретение прощения и спасения, и они заявили против всех попыток проводить различие между различными видами богослужения, которые могли только увести благочестивые души в сторону от единого богослужения, подобающего Богу во Христе. Такие тонкие различия, говорит Кальвин, каклатрия, дулия и гипердулия, неизвестны и не представляются умам тех, кто простирается ниц перед изображениями, пока мир не наполнится идолопоклонством, таким же грубым и незамысловатым, как у древних египтян, которое постоянно осуждали все пророки: они могут только вводить в заблуждение и должны быть отброшены. На самом деле они предлагают верующим пройти мимо Иисуса Христа, единственного Посредника, и обратиться к какому-нибудь покровителю, который пришелся им по душе. Они приводят к тому, что Божественные Должности распределяются между святыми так, как если бы они были назначены коллегами нашего Господа Иисуса Христа; и их заставляют выполнять Его работу, в то время как Сам Он остается на заднем плане, как какой-нибудь обычный человек в толпе. Они несут ответственность за то, что на публичных богослужениях поются гимны, в которых святым воздается всяческое благословение, как если бы они были коллегами Бога.⁴³¹

В соответствии с этими мыслями все исповедания Реформации сходятся в порицающих молитвах святым. В Аугсбургском исповедании говорится:

“Писание не учит призывать святых и не просит помощи у святых, потому что оно предлагает нам единого Христа, Посредника, Умилостивителя, Первосвященника и Ходатая. К этому Христу нужно взывать, и Он пообещал, что услышит наши молитвы, и ему нравится это поклонение, а именно, что к Нему нужно взывать во всех скорбях. ”Если кто согрешит, мы имеем ходатая пред Богом, Иисуса Христа Праведного" (1 Иоанна ii. 1). ”⁴³²

Второе гельветическое исповедание в своей пятой главе, озаглавленной "О поклонении, богослужении и призывании Бога через Единого Посредника, Иисуса Христа", устанавливает правило, что молитва должна совершаться только через Христа, а святым и реликвиям не

следует поклоняться. И ни один молитвенник или литургия ни в одной ветви Реформатской церкви не содержат молитв, обращенных к кому-либо из святых или к Пресвятой Деве.

2. Реформаторы настаивают на необходимости Христа и только Христа для всех верующих. Их Исповедания изобилуют выражениями, призванными возвеличить Личность и Дело Христа и показать, что Он заполняет все поле верующей мысли и богослужения. Краткое нидерландское исповедание 1566 года содержит не менее трех отдельных разделов о Христе - единственном Посреднике и Примирителе, о Христе - единственном Учителе и о Христе - единственном Первосвященнике и Жертве.⁴³³ Гейдельбергский или Палатинский Катехизис называет Христа *моим верным Спасителем* и говорит, что мы можем называть себя христианами, “потому что верую мы являемся членами Иисуса Христа и причастниками Его помазания, так что мы оба исповедуем Его Святое Имя и приносим себя Ему в живую жертву благодарения, и в этой жизни можем со свободной совестью бороться против греха и сатаны, а впоследствии обладать со Христом - вечное царство над всеми созданиями”. Шотландское исповедание изобилует фразами, призванными почтить Господа нашего Иисуса Христа. Оно называет Его *Мессией, Вечной Мудростью, Эммануилом, нашим Главой, Нашим Братом, нашим Пастырем и великим Епископом наших душ, Автором Жизни, Агнцем Божиим, Ходатаем и Посредником и Единственным Первосвященником*. Все исповедания Церковью Реформации содержат одинаковые или схожие выражения. Литургии Церковью также изобилуют схожими терминами поклонения.

3. Реформаторы заявляют, что Христос является *единственным* Открывателем Бога. “Мы никогда бы не признали благодать и милосердие Отца, - говорит Лютер в своем Большом Катехизисе, - если бы не Господь наш Иисус Христос, Который является зеркалом сердца Отца”. “Мы не боимся называть Бога нашим Отцом, - говорится в шотландском исповедании, - не только потому, что Он создал нас, но и потому, что у нас есть общее с отверженными, поскольку Он дал нам Своего единственного Сына”. Инструкции Синода, собравшегося в Берне в 1532 году, очень подчеркивают эту мысль. как видно из заголовков различных статей: (статья 2) Что вся доктрина - это единый Христос (*Das die gantze leer der eyenig Christus sye*); (Статья 3) Что Бог открывается людям только во Христе; (статья 5) Что милостивый Бог воспринимается только через Христа без какого-либо посредничества; (статья 6) Христианская проповедь полностью о Христе и от Него. В третьей статье говорится: “Его Сын, в Котором мы видим дело Божье и Его Отеческое сердце по отношению к нам ... это не тот случай, когда проповедник много говорит о Боге в языческой манере и не являет того же Бога в лице Христа”.⁴³⁴ Исповедания также объединяются в утверждении, что дар Святого Духа исходит от Христа.

4. Представление о том, что Христос заполнил всю сферу Бога, которое было для реформаторов фундаментальным и экспериментальным фактом, позволило им создать духовное учение о таинствах, которое они противопоставляли средневековой Церкви. Конечно, именно различные теории о таинствах были причиной главных разногласий между самими реформаторами; но помимо всех различных идей — единосущия, повсеместности, проявления знаков и знаков, представляющих — реформаторов объединяли мысли о том, что действенность таинств полностью зависит от обетований Христа, содержащихся в Его слове, и что добродетель таинств заключалась в присутствии Христа перед верующим причастником. То, что было получено в таинствах, было не смутной, таинственной, чтобы не сказать магической благодатью, а Самим Христом Иисусом. Он отдал Себя в таинствах, как бы ни объяснялось Его присутствие.

Все они учили, что действенность таинств зависит от обетования Христа, содержащегося в их учреждении, и настаивали на том, что слово и таинство всегда должны восприниматься вместе. Так, Лютер указывает в "Вавилонском пленении Церкви", что одним из возражений против римской практики является то, что получатели "никогда не слышат слов обетования, которые тайно бормочет священник", и призывает своих читателей никогда не упускать из виду важнейшую связь между словом обетования и таинствами; и в своем Большом Катехизисе он заявляет, что таинства включают в себя Слово. "Я призываю вас, - говорит он, - никогда не разделять Слово и воду и не разделять их. Ибо там, где Слово скрыто, у нас есть только та вода, которую горничная использует для приготовления пищи". Нелютеранские конфессии в равной степени придерживаются мнения о необходимости связывать обетование и слова Христа с таинствами. Тридцать девять статей провозглашают, что таинства действительны благодаря "установлению и обетованию Христа". В Гейдельбергском или Палатинском катехизисе (1563) говорится, что таинства "являются святыми и видимыми знамениями, предначертанными Богом для того, чтобы Он мог таким образом более полно провозгласить и запечатлеть для нас *обещание Святого Евангелия*".

Точно так же реформаторы единодушно заявили, что добродетель таинств заключалась не в таинственной благодати, а в том факте, что в них верующие причастники встречались и принимали Самого Христа. В статьях Бернского синода (1532 г.) нам сказано, что таинства - это тайны Божьи, "через которые извне предлагается верующим Христос". В Первом Гельветическом исповедании (1536) говорится о Святой Вечере: "Мы считаем, что на ней Господь действительно предлагает Свое Тело и Свою Кровь, то есть Самого Себя, Своим близким". Второе гелветическое исповедание (1562) провозглашает, что "Тело Христово находится на небесах одесную Отца", и предписывает причащающимся "возвысить свои сердца и не направлять их вниз, к хлебу. Ибо, подобно солнцу, хотя и отсутствующему у нас на небе, оно тем не менее действенно присутствует ... тем более Солнце праведности, отсутствующее у нас на небесах в Своем Телѣ, присутствует перед нами на самом деле не телесно, а духовно посредством животворящей деятельности". Французское исповедание 1557 года говорит, что таинства являются залогами и печатями, и добавляет: "Однако мы считаем, что их сущность и истина находятся в Иисусе Христе". Итак, Шотландское исповедание 1560 года провозглашает, что "мы уверены, что после крещения мы привиты ко Христу Иисусу, чтобы стать участниками Его правосудия, чтобы наши грехи были покрыты и отпущены. И еще, что на Вечере, которую использовал Рихтли, Христос Иисус настолько соединился с нами, что Он стал самой заботой и опорой наших детей". Что касается Порядка проведения Вечери Господней, то Шотландская реформатская церковь в своем увещании предписала служителю сказать людям: "Конец нашего прихода к Трапезе Господней... это искать свою жизнь и совершенство в Иисусе Христе, признавая себя в то же время детьми гнева и осуждения. Давайте же подумаем о том, что это таинство является исключительным лекарством для всех бедных больных созданий, удобной помощью слабым душам, и что наш Господь не требует от нас никаких других достоинств, кроме того, чтобы мы искренне признавали нашу порочность и несовершенство".

Повсюду в молитве, богослужении и обучении реформаторы видят Христа, заполняющего всю сферу Бога. Иисус был Богом, появляющимся в истории и обращающимся к человеку.

§ 6. Церковь.

В Посланиях Святого Павла Церковь Христова выступает как *братство*, которое является одновременно божественным и человеческим. На стороне божественного это общение с Иисусом, его распятым, воскресшим и вознесшимся Господом; на стороне человеческого это общение между людьми, которые находятся в таком же отношении к Иисусу. Это общение с Иисусом и с братьями является тайной Церкви — в чем его выражение, что отличает его от всех других сообществ. Каждая другая характеристика, которая ему присуща, должна быть окрашена этой мыслью о двойном общении. Именно двойное отношение затрудняет построение концепции Церкви. Это легко почувствовать как опыт, но всегда было трудно выразить это в предложениях.

Не требуется много изощренных размышлений, чтобы построить теорию Церкви, которая будет верна всему, что говорится о братстве с его божественной стороны; также не очень сложно представить великую видимую и историческую организацию, которая в некоторых внешних аспектах представляет христианское братство, при условии, что скрытый союз со Христом, столь заметный в описаниях Святого Павла, либо полностью игнорируется, либо объясняется внешними и материальными способами. Трудность возникает, когда постоянно и серьезно держатся в поле зрения как божественная, так и человеческая стороны общения.

Всегда трудно объяснить невидимое с помощью видимого, вечное с помощью временного и божественное с помощью человеческого; и задача становится едва ли не более сложной, чем обычно, когда темой обсуждения становится объединение этих двух элементов в Церкви Христа. Поэтому нас не должно удивлять, что на протяжении всего Средневековья появлялась не одна, а две концепции христианской церкви, которые никогда не гармонизировали. С одной стороны, Церковь мыслилась как общение Бога с человеком, зависящее от непостижимого замысла Бога и независимое от какой-либо видимой внешней организации; с другой стороны, это было великое общество, существовавшее в историческом мире и скреплявшееся видимыми политическими связями, как и другие общества. У Августина были обе концепции, и диалектическое мастерство великого богослова Запада не смогло объединить их в одно гармоничное целое.

Эти две отдельные, почти взаимоисключающие идеи о том, чем была Церковь Христова, жили бок о бок в Средние века таким же несвязанным образом. Первая, духовная Церковь с ее реальным, но невидимым общением со Христом, была в высшей степени религиозной мыслью. Это была почва, на которой зиждилось наиболее заметное средневековое благочестие. Это был сад, в котором цвели цветы средневекового мистического благочестия. Последнее было построено юридической диалектикой римских канонистов на концепции, согласно которой Церковь была видимым иерархическим государством, имеющим строго монархическую конституцию, а ее королем был епископ Рима, который был видимым представителем Христа. Эта концепция стала почти чисто политической. Она была активной силой во всех церковных битвах с князьями и народами, с реформаторами и с так называемыми еретиками и раскольниками. Она низвела Церковь до уровня государства и содержала мало такого, что могло бы стимулировать к благочестию или святому образу жизни.

Труды великих схоластов XIII века действительно пытались преобразовать эту политическую Церковь в то, что могло бы представлять двойное общение со Христом и с единоверцами, мысль о котором является столь заметной в Новом Завете. Они сделали это, попытавшись показать, что великая политическая Церковь была оградой, содержащей определенные неопределенные таинственные силы искупления, которые спасали людей, добровольно помещавших себя в сферу их действия. Они утверждали, что ядром иерархического устройства Церкви было священство, и что это священство было своего рода пластическим средством, через которое и только через которое Бог действовал, раздавая посредством таинств, вверенных священству, Свою спасительную благодать. Можно усомниться в том, что представление о Церкви как об учреждении, обладающем внутри себя определенными таинственными искупительными силами, которых больше нигде нет, когда-либо полностью согласовывалось с представлением о ней как о совокупности юридических статуты, воплощенных в каноническом праве и находящихся под властью папского абсолютизма. Эти две концепции оставались различными, взаимно дополняя друг друга, но никогда в полной мере не сливались. Таким образом, в шестнадцатом веке в умах и воображении людей присутствовали не менее трех отдельных идей Церкви Христовой; но доминирующей идеей практической религиозной жизни, безусловно, была та, которая представляла Церковь как институт, который, поскольку обладал священством, был обществом, внутри которого можно было найти спасение.

Лютер в полной мере пользовался благами этого общества и с пылом и серьезностью стремился использовать всю его искупительную силу. Он чувствовал, просто потому, что был так честен с самим собой, что это не сделало его настоящим христианином и что его таинственные силы действовали на него напрасно. Его живой христианский опыт помог ему узнать и почувствовать, что какой бы ни была Церковь Христа, это не было обществом, внутри которого священники применяли свою тайную науку искупления. Это было и должно было быть общение святых и хриstopодобных людей; но он чувствовал, что ему очень трудно выразить свой опыт фразами, которые могли бы его удовлетворить. Было трудно избавиться от мыслей, которые он лелеял с детства, и ни одно из этих унаследованных верований не имело над ним большей власти, чем идея о том, что Церковь, как бы ее ни описывали, была Домом папы Римского, в котором епископ Рима правил и должен был править как отец семейства. Интересно наблюдать, какими окольными путями он пришел к ясному представлению о том, что на самом деле представляет собой Церковь Христова;⁴³⁵ заметить, как обрывки старых мнений, которые дремали в его уме, время от времени возрождаются к жизни заново; и как, хотя он научился осознавать бесполезность многих институтов средневековой Церкви, ему было нелегко избавиться от мысли, что они естественным образом принадлежат Церкви Видимой. Монашеские обеты, безбрачие духовенства, пост, иерархия, верховенство папы Римского, право отлучения от церкви со всеми его ужасными последствиями - все это было естественным сопровождением Видимой Церкви в соответствии со средневековыми представлениями, и Лютер с трудом отказался от них. С самого начала мысль Августина о Церкви, состоящей из избранных, помогла ему; он обнаружил, что Гус придерживался той же идеи, и написал другу, что "все мы были гуситами, сами того не зная".⁴³⁶ Но, хотя Лютер и все реформаторы твердо придерживались этой концепции Августина, это не очень помогло в определении концепции Видимой Церкви, которая была более важной практически; и хотя определение Невидимой католической Церкви нашло свое отражение в большинстве протестантских конфессий и использовалось протестантами в полемике. Это всегда оставалось чем-то вроде фона, проясняющего концепцию Церкви в целом, но мало помогало в том, чтобы дать ясное

представление о том, что такое Видимая Церковь. Однако с самого начала Лютер неким неопределенным образом увидел, что существует реальная связь между концепцией Видимой Церкви и провозглашением Слова Божьего — мысли, которой суждено было становиться все более и более определенной, пока она полностью не овладеет им. Уже в октябре 1518 года он смог сообщить Каэтану, что папа должен находиться под властью Слова Божьего, а не выше его.⁴³⁷ Вскоре после этого было сделано его открытие, что общение святых (*communio sanctorum*) не обязательно было иерархией (*ecclesia praelatorum*),⁴³⁸. После Лейпцигского диспута его взгляды прояснились, и к 1520 году они были раскрыты в трех великих трактатах Реформации.

Учение Лютера о Церкви чрезвычайно просто. Церковь - это, как определяет ее Символ Веры, Общение Святых, которое возникло через провозглашение Слова Божьего, услышанного и принятого верой. Он чудесным образом упростил эту фундаментальную христианскую концепцию. Церковь покоится на надежном и незыблемом основании Слова Божьего; и это Слово Божье - не утомительный набор уставов, богохульно изданных епископами Рима во имя Бога. Это не приглашение священства прийти и поделиться таинственными и неопределенными силами спасения, данными им в их управлении таинствами. Это не пространная доктринальная система, построенная из отдельных текстов Священного Писания путем применения четырехчастного смысла, используемого под руководством догматической традиции или правила веры. В этом суть Священных Писаний. Это “Евангелие в соответствии с чистым пониманием”. Это “обетования Божьи”; “свидетельство Иисуса, Который есть Спаситель душ”; это “утешения, предлагаемые во Христе”. Это, как сказал Кальвин, “духовные врата, через которые мы входим в небесное царство Бога”; “зеркало, в котором вера созерцает Бога”. Согласно Вестминстерскому исповеданию, это совокупность Божьих заповедей, угроз, обещаний и, прежде всего, предложение Иисуса Христа. Все это постигается верой. Церковь возникает верой, отвечающей на провозглашение Слова Божьего. Это верная и незыблемая вещь, на которой основана Церковь Христова.

Таким образом, Церковь Христова - это тело, душой которого является Дух Иисуса. Это компания похожих на Христа мужчин и женщин, которых Святой Дух призвал, просветил и освятил через проповедь слова; которых побуждают с нетерпением ждать славного будущего, уготованного народу Божьему; и которые, тем временем, проявляют свою веру во всевозможных служениях с любовью своим единоверцам.

Следовательно, Церковь в некотором смысле невидима. Ее секрет заключается в скрытом общении с Иисусом. Его корни проникают в невидимое и черпают оттуда пищу, необходимую для поддержания его жизни. Но это видимое общество, и его можно увидеть везде, где верно провозглашается Слово Божье и где вера проявляется в свидетельстве и приносе плодов Духа.

Это основной способ описания Церкви, нашедший место в символах веры Реформации. Некоторые различаются в способах выражения своей мысли; некоторые недостаточно различают, по крайней мере на словах, между тем, чем является Церковь, и тем, что она имеет, между тем, что составляет ее существование, и тем, что входит в ее благополучие. Но во всем есть две мысли о том, что Церковь становится видимой благодаря двум фундаментальным вещам — провозглашению слова и проявлению веры.

Этот способ описания Церкви Христовой определяет ее через тот элемент, который отличает ее от всех других форм человеческого объединения — ее особое отношение к божественному; и

показано, что это видно в том месте, где этот божественный элемент может проявляться и проявляет себя. Она определяет Церковь по ее наиболее существенному элементу и отбрасывает все случайное. Она касается того, что такое Церковь, и не включает в себя то, что у Церкви есть. Следовательно, в Нем есть место для всего, что имеет отношение к благополучию Церкви, - только оно отводит им подобающее место.⁴³⁹

Если провозглашение Слова Божьего и проявление веры, которая отвечает на него, являются сутью Церкви, то все, что способствует обоим, должно быть включено в эту мысль. В Церкви Христовой должно быть учреждено какое-то служение словом и таинством, чтобы привести человека к вере. Бог создал это служение, и все Реформатские Церкви старательно заявляли, что никто не должен стремиться вступить в должность, если он не уверен, что был призван к этому Богом; и поскольку его функция состоит в том, чтобы быть служителем Церкви и слугой верующих, никто “не должен публично преподавать или отправлять таинства, если он не призван должным образом (*nisi rite vocatus*)”. Такое служение имеет своей сферой применения просто средства благодати. “Церковь Христова, ” говорит Лютер, - требует честного служения, усердно и преданно обучаемого святому Слову Божьему в чистом христианском понимании и без добавления каких-либо ложных традиций. В таком служении и через него станет ясно, что такое Христос и Его Евангелие, как достичь прощения грехов, а также свойства и власть *ключей* в Церкви”.

Все это вопрос администрации. Некоторые общества верующих могут иметь разные представления о точной форме, которую должно принимать это служение; но такие различия, хотя они могут привести к разделению администраций, не подразумевают какого-либо отделения от единой Католической Церкви Христа, к которой все они принадлежат. Какими бы внешне они ни отличались, все они сохраняют главное - проповедь и преподавание Слова Божьего и надлежащее совершение таинств. Кто-то может предпочесть излагать вероучение одного рода, а другие могут предпочесть другое. У Французской, шотландской и голландской церквей были свои собственные вероучения, и все они считали друг друга частями одной Католической Церкви Христа.

“Когда мы утверждаем, - говорит Кальвин, - что чистое служение Слова и наш порядок в совершении Таинств являются достаточным залогом и искренностью для того, чтобы мы могли безопасно принять общество, в котором есть и то, и другое, как истинную Церковь, мы доводим до этого замечание, что такое общество никогда не следует отвергать, пока оно придерживается этих принципов, хотя в других отношениях оно может быть подвержено множеству ошибок”.⁴⁴⁰

В этом христианском братстве, которым является Церковь Христова, пробуждается чувство, с помощью которого мы видим Бога, и наша вера питается и оживляется. Слово Божье обращается к нам не только в общественном богослужении верующих, но и в жизни братьев; их поступки действуют на нас как простые истории об опыте и провидении, которые содержатся в Священных Писаниях. Слово Божье обращается к нам тысячью способов в жизни и сочувствии братьев. Христианин “получает откровение Бога в живых отношениях христианского братства, и его существенным содержанием является та личная жизнь Иисуса, которая видна в Евангелии и которая излагается жизнями испуленных”.⁴⁴¹

“Христианская церковь, ” говорит Лютер, “ хранит все слова Божьи в своем сердце, и постоянно переворачивает их, и сохраняет их связь друг с другом и со Священным Писанием!

Следовательно, каждый, кто хочет найти Христа, должен сначала найти Церковь. Как кто-либо может знать, где находится Христос и вера в Него, если он не знает, где находятся Его верующие? Тот, кто хочет что-то узнать о Христе, не должен полагаться на себя и с помощью собственного разума не должен строить свой собственный мост к небесам, но должен пойти в Церковь, должен посетить ее и провести расследование. Теперь Церковь - это не дерево и камень, а общество людей, которые верят во Христа. С ними он должен объединиться и посмотреть, как они верят, живут и учат, у которых, несомненно, есть Христос среди них. Ибо вне христианской Церкви нет ни истины, ни Христа, ни блаженства".⁴⁴²

По этим причинам Церковь заслуживает того, чтобы называться Матерью всех христиан, и является ею.

СНОСКИ

1.

SOURCES: Apparatus super quinque libris decretalium (Strassburg, 1488); Burchard, Diarium (ed. by Thuasne, Paris, 1883-1885), in 3 vols.; Brand, Narrenschiff (ed. by Simrock, Berlin, 1872); Denzinger, Enchiridion Symbolorum et Definitionum, quæ de rebus fidei et morum a conciliis æcumenicis et summis pontificibus, emanarunt (Würzburg, 1900), 9th ed.; Erler, Der Liber Cancellariæ Apostolicæ vom Jahre 1480 (Leipzig, 1888); Faber, Tractatus de Ruine Ecclesie Planctu (Memmingen); Murner, Schelmenzunft and Narrenbeschwörung (Nos. 85, 119-124 of Neudrucke deutschen Litteraturwerke); Mirbt, Quellen zur Geschichte des Papsttums (Freiburg i. B. 1895); Tangl, Die päpstlichen Kanzleiordnungen von 1200-1500 (Innsbruck, 1894); and Das Taxwesen der päpstlichen Kirche (Mitt. des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, xiii. 1892).

БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ КНИГИ: "Янус", "Папа и Собор" (Лондон, 1869); Харнак, "История догмы" (Лондон, 1899), тома vi. vii.; Тудичен, "Папситум и реформация" (Лейпциг, 1903); Халлер, "Папситум и Кирхен-реформа" (1903); Леа, "Современная история Кембриджа" (Кембридж, 1902), том i. xix.

2.

"In hac (sc. ecclesia) ejusque potestate duos esse gladios, spirituales videlicet et temporales, evangelicis dictis instruimur.... Ille *sacerdotis*, is manu regum et *militum*, sed ad nutum et patientiam *sacerdotis*"; Boniface VIII. в "Быке", Unam Sanctam.

3.

Краткий отчет об этих подделках можно найти в "Янусе", "Папе Римском и Соборе" (Лондон, 1869), стр. 94.

4.

Харнак, История догмы, vi. 132 н. э. (англ. пер.).

5.

Compare his Opuscula contra errores Græcorum; De regimine principum. (Первые две книги были написаны Фомой, а две другие, вероятно, Толмеем (Птоломеем) из Лукки.)

6.

Apparatus super quinque libris Decretalium (Strassburg, 1488).

7.

Полные цитаты из Булл "Unam Sanctam" и "Inter cætera divinæ" можно найти в "Quellen zur Geschichte des Papstums" Мирбта (Лейпциг, 1895), стр. 88, 107. Быки, Экзекрабилис и пастор Этернус, находятся в Дензингере, Энхиридион (Вюрцбург, 1900), 9-е изд. стр. 172, 174.

Дарственный акт Американского континента Изабелле и Фердинанду содержится в 6-м разделе буллы "Inter cætera divinæ". Оно заключается в следующем: — "Motu proprio ... de nostra mera liberalitate et ex certa scientia ac de apostolicæ potestatis plenitudine omnes insulas et terras firmas inventas et inveniendas, detectas et detegendas versus Occidentem et Meridiem fabricando et construendo unam lineam a Polo Artico scilicet Septentrione ad Polum Antarticum scilicet Meridiem, sive terræ firmæ et insulæ inventæ et inveniendæ sint versus Indiam aut versus aliam quamcumque partem, quæ linea distet a qualibet insularum, quæ vulgariter nuncupantur de los Azores y cabo vierde, centum leucis versus Occidentem et Meridiem; ita quod omnes insulæ et terræ firmæ, repertæ et reperiendæ, detectæ et detegendæ, a præfata linea versus Occidentem et Meridiem per alium Regem aut Principem Christianum non fuerint actualiter possesse usque ad diem nativitatis Domini Nostri Jesu Christi proximi præteritum ... auctoritate omnipotentis Dei nobis in Beato Petro concessa, ac vicarius Jesu Christi, qua fungimur in terris, cum omnibus illarum dominiis, civitatibus, castris, locis et villis, juribusque et jurisdictionibus ac pertinentiis univris, vobis hæredibusque et successoribus vestris in perpetuum tenore præsentium donamus.... Vosque et hæredes ac successores præfatos illarum dominos cum plena, libera et omnimoda potestate, auctoritate et jurisdictione facimus, constituimus et deputamus."

8.

Отлучение от церкви с его последствиями было использовано для угроз королеве Елизавете послом Филиппа II. в 1559 году (Календарь писем и государственных бумаг, касающихся английских дел, сохранившихся в основном в Архиве Симанкаса, i. 62, Лондон, 1892).

9.

Шотландское историческое обозрение, i. 318-320.

10.

Два английских устава Премунции напечатаны в "Джиз энд Харди, Документах, иллюстрирующих историю английской церкви" (Лондон, 1896), стр. 103, 122.

11.

Информацию об английских летописях и *valor ecclesiasticus* см. у Берда, Справочник по общественным архивам, стр. 100, 106.

12.

Х. К. Ли, Кембриджская современная история, i. 670.

13.

J. Haller, Papsttum und Kirchen-Reform (1903), i. 116, 117.

14.

Sebastian Brand, Das Narrenschiff, cap. iii. л. 63-66. Барклай перефразирует эти строки:

“Таким образом, он опровергает утверждения, которые Иисус передал
Петру: разрушает его Семью тейклиндж,
Ниспровергает веру, верит, что они владеют собой
Против нашей веры в эвери тинг,
Такова наша Жизнь без гайда вандеринджа,
темпест дрюэн и мэн сэйл из Торна,
Что без гайда жизнь продолжается”.

—“Корабль дураков”, перевод Александра Барклая, ii. 225 (Эдинбург, 1874).

15.

Cambridge Modern History, I. iii, vii, viii, ix, xi, xii, xiv; Lavissee, Histoire de France depuis les Origines jusqu' à la Révolution. IV. i, ii.

16.

SOURCES: Boccaccio, Lettere edite e inedite, tradotte et commentate con nuovi documenti da Corrazzini (Florence, 1877); Francisci Petrarchæ, Epistolæ familiares et variæ (Florence, 1859); Cusani, Opera (Basel, 1565); Böcking, Ulrici Hutteni Opera, 5 vols. (Лейпциг, 1871); Дополнение, содержащее Epistolæ Obscurorum Virorum, 2 тома. (Leipzig, 1864, 1869); Gillert, Der Briefwechsel des Konrad Mutianus (Halle, 1890); Reuchlin, De Verbo Mirifico (1552).

БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ КНИГИ: Якоб Буркхардт, "Цивилизация периода Возрождения" (англ. пер., Лондон, 1892); Гейгер, "Гуманизм и Возрождение в Италии и Германии" (Берлин, 1882); Мишле, "История Франции", т. vii., "Возрождение" (Париж, 1855); Лависс, "История Франции", v. i., стр. 287 и далее; Саймондс, "Возрождение в Италии" (Лондон, 1877); Х. Халлам, "Введение в литературу Европы XV, XVI вв.", и Семнадцатый век, 6-е изд. (London, 1860); Kamptschulte, Die Universität Erfurt in ihrem Verhältniss zu dem Humanismus und der Reformation, 2 vols. (Trier, 1856, 1860); Krause, Helius Eobanus Hessus, sein Leben und seine Werke, 2 vols. (Gotha, 1879); Geiger, Johann Reuchlin (Leipzig, 1871); Binder, Charitas Pirkheimer, Aebtissin von St. Clara zu Nürnberg (Freiburg i. B., 1893); Höfler, Denkwürdigkeiten der Charitas Pirkheimer (Quellensamml. z. fränk. Gesch. iv., 1858); Roth, Willibald Pirkheimer (Halle, 1874); Scott, Albert Dürer, his Life and Works (London, 1869); Thausing, Dürer's Briefe, Tagebücher, Reime (Vienna, 1884); Cambridge Modern History, I. xvi, xvii; II. i.

17.

Саймондс, "Возрождение в Италии", "Возрождение писем" (Лондон, 1877), стр. 13.

18.

Есть свидетельства того, что знакомство Фомы Аквинского с греческой философией не зависело, как обычно предполагается, от переводов на латынь арабских переводов отрывков из Аристотеля, но что он приобрел латинские версии, сделанные непосредственно с греческого оригинала.

- 19.**
Он обнял ее, вздохнул над ней и сказал, как ему хотелось услышать, как она говорит: Фракассетти, Франциски Петрарка, "Фамильные послания и варианты", ii. 472-475.
- 20.**
Профессор Краусс, Кембриджская современная история, ii. 6.
- 21.**
К. Х. Дельпрот, Верханделинг над де Брендершапом ван Герардом Гроотом (Арнхайм, 1856).
- 22.**
H. Hartfelder, Der Zustand der deutschen Hochschulen am Ende des Mittelalters. Хист. Zeitschr. lxiv. 50-107, 1890.
- 23.**
Struver, Die Schule von Schlettstadt (Leipzig, 1880).
- 24.**
Kriegk, Deutsches Bürgerthum im Mittelalter, neue Folge (Frankfurt a. M. 1868), pp. 77 ff.
- 25.**
Боос, Томас и Феликс Платтер (Лейпциг, 1878), стр. 20 и далее.
- 26.**
H. Boos, Thomas und Felix Platter (Leipzig, 1876); Becker, Chronica des fahrenden Schulers oder Wanderbüchlein des Johannes Butzbach (Ratisbon, 1869).
- 27.**
Scharpff, Der Cardinal und Bischof Nicolaus von Cusa als Reformator in Kirche, Reich und Philosophie (Tübingen, 1871).
- 28.**
Наиболее важные тезисы Весселя об индульгенциях приведены в книге Ульмана "Реформаторы перед реформацией" (Эдинбург, 1855), ii. 546 стр.
- 29.**
Tresling, Vita et Merita Rudolphi Agricola (Gröningen, 1830).
- 30.**
Wiskowatoff, Jacob Wimpeling, sein Leben und seine Schriften (Berlin, 1867).
- 31.**
Roth, Willibald Pirkheimer (Halle, 1887).
- 32.**
Krause, Briefwechsel des Mutianus Rufus (Cassel, 1855), p. 32.
- 33.**
Там же, стр. 94.

34.

Там же. стр. 93.

35.

Там же, стр. 28.

36.

Там же, стр. 427.

37.

Krause, Briefwechsel des Mutianus Rufus (Cassel, 1855), p. 79.

38.

Ibid. p. 175: "Non sit vobiscum in castris (nostris) ulla turpitudine."

39.

Там же; ср., в частности, Письмо Урбану, стр. 352, 353 и стр. 153, 190.

40.

Гейгер в своей книге "Возрождение и гуманизм в Италии и Германии" (Берлин, 1882, серия Онкена) на стр. 457 изобразил знаки отличия поэта-лауреата, а на стр. 459 - изображение коронованного Конрада Целта.

41.

De Verbo Mirifico (ed. 1552), p. 71.

42.

Kriegk, Deutsches Bürgerthum im Mittelalter, pp. 1 ff., 38-53.

43.

Хронику и подробности полемики с Рейхлином можно найти во втором томе приложения к изданию работ Ульриха фон Хаттена Бекинга. Хорошие описания можно найти в книге Гейгера "Возрождение и гуманизм в Италии и Германии", стр. 510 и далее. (Берлин, 1882, серия Онкена); в романе Штрауса "Ульрих фон Хаттен: его жизнь и времена", стр. 100-140 (английский перевод миссис Стердж, Лондон, 1874); и в "Истории папства от Великого раскола до разграбления Рима" Крейтона, том vi. стр. 37 и далее (Лондон, 1897).

44.

Второе издание озаглавлено *Illustrium Virorum Epistolæ Hebraicæ, Grecæ, et Latinæ ad Jo. Рейхлинум*; первое издание было озаглавлено *Clarorum Virorum* и др. Всего писем сорок три— первое из них от Эразма, "самого образованного человека эпохи".

45.

Лучшее издание *Epistolæ Obscurorum Vivorum* можно найти в первом томе Приложения к опере Бекинга "Ульрики Гуттени", 5 томов, в том числе 2 тома. дополнения (Лейпциг, 1864, 1869). Первое издание было опубликовано в 1515 году и состояло из сорока одного письма; второе, в 1516 году, содержало такое же количество; в третьем издании было добавлено приложение из семи дополнительных писем. В 1517 году появилась вторая часть, содержащая шестьдесят два письма, и ко второму изданию второй части было добавлено приложение из восьми писем.

46.

Strauss, Ulrich von Hutten, 2 vols. (2-е изд., Лейпциг, 1874), переведено и слегка сокращено миссис Джордж Стердж (Лондон, 1874).

47.

Источники: Барак, Zimmerische Chronik, 4 тома. (2nd ed., Freiburg i. B. 1881-1882); Chroniken der deutschen Städte, 29 vols. (в процессе); Гримм, Вайстхюмер, 7 томов. (Göttingen, 1840-1878); Haetzerlin, Liederbuch (Quedlinburg, 1840); Liliencron, Die historischen Volkslieder der Deutschen vom dreizehnten bis zum sechzehnten Jahrhundert (Leipzig, 1865-1869); Sebastian Brand's Narrenschiff (Leipzig, 1854); Geiler von Keyserberg's Ausgewählte Schriften (Trier, 1881); Hans Sachs, Fastnachtspiele (Neudrucke deutschen Litteraturwerke, Nos. 26, 27, 31, 32, 39, 40, 42, 43, 51, 52, 60, 63, 64); Hans von Schweinichen, Leben und Abenteuer des schlessischen Ritters, Hans v. Schweinichen (Breslau, 1820-1823); Vandam, Social Life in Luther's Time (Westminster, 1902); Trithemius, Annales Hirsaugienses (St. Gallen, 1590).

БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ КНИГИ: Alwyn Schulz, Deutsches Leben im 14ten und 15ten Jahrhundert (Prague, 1892); Kriegk, Deutsches Bürgerthum im Mittelalter (Frankfurt, 1868, 1871); Freytag, Bilder aus der deutschen Vergangenheit, II. ii. (Leipzig, 1899—translation by Mrs. Malcolm of an earlier edition, London, 1862); the series of Monographien zur deutschen Kulturgeschichte edited by Steinhausen (Leipzig, 1899-1905), are full of valuable information and illustrations; Aloys Schulte, Die Fugger in Rom (Leipzig, 1904); Gothein, Politische und religiöse Volksbewegungen vor der Reformation (Breslau, 1878); Cambridge Modern History, I. i. xv; v. Bezold, Geschichte der deutschen Reformation (Berlin, 1890); Genée, Hans Sachs und seine Zeit (Leipzig, 1902); Janssen, Geschichte des deutschen Volkes, seit dem Ausgang des Mittelalters, I. (1897); Roth v. Schreckenstein, Das Patriziat in den deutschen Städten (Freiburg i. B., no date).

48.

Daenell, Geschichte der deutschen Hanse in der zweiten Hälfte des 14 Jahrhunderts (Leipzig, 1897).

49.

Эти цифры взяты у доктора Ф. фон Безольда ("История немецкой реформации", Берлин, 1890, стр. 36). Когда Хронология. Episc. Hildesheim. говорится, что только в Нюрнберге во время эпидемии чумы умерло 10 000 человек, и эта территория, а также город должны быть включены в список.

50.

Hans von Schweinichen, I. 185.

51.

Zimmerische Chronik, II. 68, 69.

52.

Ephrussi, Les Bains des Femmes d'Albert Dürer (Nurnberg, no date).

53.

В последнее время среди некоторых англиканских и римско-католических писателей вошло в моду останавливаться на "грубости" Лютера, проявляющейся в его трудах. Возникает соблазн спросить, читали ли эти авторы когда-нибудь "Хронику Циммера", знают ли они что-нибудь о

Фастнахтшпиле начала шестнадцатого века, о "Роллвагене", о гуманистах Томасе Мурнере и Бебеле; прежде всего, слышали ли они когда-нибудь притчу о пылинке и бревне?

54.

Наиболее полное собрание Вайстхюмеров состоит из семи томов. Тома i.-iv. под редакцией Дж. Гримма и тома V.-vii. под редакцией Р. Шредера, Геттинген, 1840-1842, 1866, 1869, 1878. Важные выдержки приведены Элвином Шульцем в его книге "Немецкая жизнь в 14 и 15 годах", Вена, 1892, стр. 145-178 (Grosse Ausgabe).

55.

В интересном сборнике средневековых песен, датированном 1470 или 1471 годом, "Liederbuch der Clara Hätzlerin" (Кведлинбург и Лейпциг, 1840), № 67 (стр. 259), озаглавленном "Фон Майр Бетцен", описывается крестьянская свадьба и сообщается, какой вклад внесла каждая пара в "расцвет". Жених, Бетце или Бартоломео Мэйр, подарил своей невесте акр (юхарт) земли, хорошо засеянной льном, восемь бушелей овса, двух овец, петуха и четырнадцать кур, а также небольшую сумму денег (fünff pfunt pfenning); в то время как Метце Нодунг, невеста, принесла в общий фонд два деревянных улья, кобылу, козу, теленка, бурую корову и молодого поросенка. Возможно, стоит отметить, что в соответствии с почти повсеместным обычаем средневековой Германии и вопреки церковным предписаниям и угрозам, фактическая церемония бракосочетания заключалась в том, что отец невесты требовал от молодых людей, принимают ли они друг друга за мужа и жену, и в том, что они давали друг другу клятву верности при свидетелях. Только на следующее утро после заключения брака молодожены отправились в церковь, чтобы получить благословение священника на состоявшийся брак.

56.

Barack, Zeitschrift für deutsche Culturgeschichte, iv. (1859) 36 ff.

57.

Droysen, Geschichte der preussischen Politik, II. i. p. 309 ff. (5 vols., Berlin, 1855-1886); Boos, Thomas und Felix Platter (Leipzig, 1876), p. 21.

58.

Эти цитаты взяты из книги Сибомы "Эпоха протестантской революции", стр. 57, 58 (Лондон, 1875).

59.

Liliencron, Die historischen Volkslieder der Deutschen vom dreizehnten bis zum sechzehnten Jahrhundert, II. No. 146 (Leipzig, 1865-1869); cf. also 131, 132, 133, 136, 137, 138-147. Конрад Столле, пастор из Эрфурта, собрал всю информацию, какую смог, у "священников, студентов-клириков и мирян, торговцев, бюргеров, крестьян, паломников, рыцарей и других хороших людей", и объединил ее в Хронику Тюрингии, которая составляет 33-й том Библиотеки литературных верейнов в Штутгарте. Оно отражает мнения того времени почти так же точно, как и народные песни, и содержит процитированное выше высказывание Чарльза; ср. стр. 61 и далее.

60.

Лучший отчет об этом движении можно найти в статье, опубликованной в Архиве исторических свидетельств унтерфранкистов и Ашаффенбурга, XIV. III. 1, где были тщательно собраны

высказывания Ганса Бема. Также ценна хроника пастора Конрада Штолле, опубликованная в библиотеке Штутгартского литературного общества (Bibliothek des literarischen Vereins в Штутгарте, xxxiii.). Список авторитетов также можно найти в книге Ульмана "Реформаторы перед реформацией" (англ. пер.), i. 377 и далее.

61.

Нарреншифф, с. xi. l. 14-18.

62.

Die historischen Volkslieder der Deutschen vom 13 bis 16 Jahrhundert, ii. No. 148.

63.

Omnium Gentium Mores, iii, xii. (впервые напечатано в 1576 году).

64.

Ландскнехт или ланцкнехт (поскольку слова одни и те же) часто транслитерируется как *рыцарь копьа* в английских государственных документах шестнадцатого века. Английское слово, обозначающее кавалерию, вооруженную пиками, очень вводит в заблуждение. Победы швейцарских крестьян и их репутация солдат натолкнули императора Фридриха, и особенно его сына, императора Максимилиана, на мысль о формировании пехотных войск, набираемых из крестьянства и низших слоев горожан. Были также сформированы кавалерийские отряды аналогичного происхождения, и они назывались рейтерами или рейзигерами. Эти наемники часто получали много денег как за счет жалованья, так и за счет грабежей, и представители классов, из которых они вышли, считали их героями. Liliencron's Die historischen Volkslieder vom 13ten bis zum 16ten Jahrhundert contains many folk-songs celebrating their prowess. История постепенного возвышения и растущего значения этих солдат-крестьян приведена в Schultz, Deutsches Leben im 14ten und 15ten Jahrhundert, стр. 589 f. (Grosse Ausgabe), и в цитируемых там источниках.

65.

Виллибальд Пиркхаймер в своей книге о швейцарской войне, глава II. (Немецкое изд., Базель, 1826).

66.

Gothein, Politische und religiöse Volksbewegungen vor der Reformation (Breslau, 1878), p. 78.

67.

To Sources given to Chapter IV. add: Wackernagel, Das deutsche Kirchenlied von der ältesten Zeit bis zum Anfang des 17 Jahrhunderts (Leipzig, 1864-1877) vols. i. ii.; "Rainerii Sachoni Summa de Catharis et Leonistis" in the Magna Bibliotheca Patrum, vol. xiii. (Koln. 1618), cp. "Comm. Crit. de Rainerii Sachoni Summa" (Göttingen Osterprogramm of 1834); Habler, Das Wallfahrtbuch des Hermann von Vach, und die Pilgerreisen der Deutschen nach Santiago de Compostella (Strassburg, 1899); Mirabilia Romæ (reprint by Parthey, Berlin, 1869); Munzenberger, Frankfurter und Magdeburger Beichtbuchlein (Mainz, 1883); Hasak, Die letzte Rose, etc. (Ratisbon, 1883); Hasak, Der christliche Glaube des deutschen Volkes beim Schluss des Mittelalters (Ratisbon, 1868); Höfler, Denkwürdigkeiten der Charitas Pirckheimer (Quellensamml. z. fränk. Gesch. iv., 1858); Konrad Stolle, Thüringische Chronik (in Bibliothek d. lit. Vereins (Stuttgart), xxxiii.).

LATER BOOKS: v. Bezold, Geschichte der deutschen Reformation (Berlin, 1890); Janssen, Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters (17th ed., 1897), vol. i.; Brück, Der religiöse Unterricht für Jugend und Volk in Deutschland in der zweiten Hälfte des fünfzehnten Jahrhunderts; Cruel, Geschichte der deutschen Predigt im Mittelalter (Detwold, 1879); Dacheux, Jean Geiler de Keyserberg (Paris, 1876); Walther, Die deutsche Bibelübersetzung des Mittelalters (Brunswick, 1889); Uhlhorn, Die christliche Liebesthätigkeit im Mittelalter (Stuttgart, 1887); Wilken, Geschichte der geistlichen Spiele in Deutschland (Göttingen, 1872).

68.

Kalkoff, Die Depeschen des Nuntius Aleander, etc. (Галле А. С., 1897), стр. 26, 45-48.

69.

Между 1471 и 1508 годами вышло не менее шести изданий его Посланий.

70.

v. Bezold, Geschichte der deutschen Reformation, p. 91 f.

71.

Heinzel, Beschreibung des geistlichen Schauspiels im deutschen Mittelalter (Hamburg and Leipzig, 1898); F. J. Mone, Schauspiele des Mittelalters, 2 vols. (Karlsruhe, 1846).

72.

Хэмпсен, Средневековый календарь (Лондон, 1841), i. 140 ф.

73.

Tilliot, Mémoires pour servir à l'histoire de la fête des fous (Lausanne, 1751); cf. Floegel's Geschichte des Grotesk-Komischen (3rd ed., Leipzig, 1886), pp. 199-242.

74.

Старая шотландская версия гласит: “К нам приходит житница блаженства”, Гуди и Годли Баллатес (шотландец. Текстовое общество, Эдинбург, 1897), стр. 51, 250.

75.

Это можно перевести так:

“О Иисус, Учитель, кроткий и незлобивый,
Поскольку Ты когда-то был маленьким ребенком,
Не передашь ли Ты этому моему младенцу
Свою Благодать и все свои благословения?
О Иисус, мастер Милд,
Защити моего маленького ребенка.

Теперь спи, теперь спи, мое маленькое дитя,
Он любит тебя, Иисус, кроткий и незлобивый:
Он никогда не оставит тебя и не покинет,
Он сделает тебя мудрым, добрым и великим.
О Иисус, мастер Милд,
Защити моего маленького ребенка”.

76.

Старая шотландская версия звучала так:

“В dulci júbilo,
А теперь давайте споем весело!
Наше утешение для Хартиса
закljučается в презе́пию;
И шинис в роли Сына
Матери в "гремио".
Alpha es et O,
Alpha es et O!

О Иисус парвуле,
я жажду Тебя;
Утешь мое сердце и разум,
О Чистый оптимизм!
Господь всей милости, такой добрый,
И Принцепс Славы,
Трахни меня после Этого,
Трахни меня после Этого!

Убивай гаудию
Где угодно, только не там,
Где ангелы поют
Новую кантику,
Но и колокольный звон
В Regis curia!
Боже, помоги мне быть там,
Боже, помоги мне быть там!”

—(Гуд и Годли Баллейтс (Шотландия. Текстовое общество, Эдинбург, 1897), стр. 53. 250.)

Существует множество английских версий: “Пусть трубят трубы Jubil, и сердца переполняются восторгом”; “В dulci júbilo мы отправимся в Дом Божий”; “В dulci júbilo пойте и восклицайте все внизу”. Ср. Джулиан, Словарь гимнологий, стр. 564.

77.

Wackernagel, Das deutsche Kirchenlied, etc., ii. 483 ff.

78.

Песня начиналась так:

“Wöllent ir geren hören
Von sant Michel's wunn;
In Gargau ist er gessen

Drei mil im meresgrund.

‘O heilger man, sant Michel,
Wie hastu dass gesundt,
Dass du so tief hast buwen
Wol in des meres grund?’ ”

—(Wackernagel, Das deutsche Kirchenlied, etc. ii. 1003.)

79.

Konrad Stolle, Thüringische Chronik, pp. 128-131 (Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart, xxxiii.).

80.

Kolde, Friedrich der Weise und die Anfänge der Reformation, p. 14.

81.

Lucas Cranach, Wittenberger Heiligenthumbsbuch vom Jahre 1509, in Hirth's Liebhaber-Bibliothek alter Illustratoren in Facsimilien-Reproduktion, No. vii. (Мюнхен, 1896).

82.

Римская Мирабилия, под ред. Г. Парти: цитаты взяты из старонемецкого перевода.

83.

The title is Hæ sunt reliquiæ quæ habentur in hac sanctissima ecclesia Compostellana in qua corpus Beati Jacobi Zebedei in integrum.

84.

No. i. of Drucke und Holzschnitte des 15 und 16 Jahrhunderts (Strassburg, 1899).

85.

“Zway par schuech der darff er wol,
Ein schüssel bei der flaschen;
Ein breiten huet den sol er han,
Und an mantel sol er nit gan
Myt leder wol besezet;
Es schnei oder regn oder wehe der wint,
Dass in die lufft nicht nezet;
Sagkh und stab ist auch dar bey.”

—(Wackernagel, Das deutsche Kirchenlied von der aeltesten Zeit bis zu Anfang des 17 Jahrhunderts, ii. 1009.)

86.

Римскую больницу очень хвалят:

“Da selbst eyn gutter spital ist,
Dar inne gybt mann brot und wyn
Auch synt die bett hubsch und fyn.”

С другой стороны, хотя больница в Монпелье была достаточно хорошей, ее управляющий был заклятым врагом немцев, и паломники из этой страны много страдали от его рук. Этим больницам отведено много места в песне о паломничестве, и горе немцев должным образом описано. Если паломник вежливо попросит еще хлеба:

“Spitelmeister, lieber spitelmeister meyn,
Die brot sein vil zu kleine”;

или предполагает, что кровати не очень чистые:

“Spitelmeister, lieber spitelmeister meyn,
Die bet sein nit gar reine,”

суперинтендант и его дочь (der spitelmeister het eyn tochterlein es mocht recht vol eyn schelckin seyn) заявили, что их не будут беспокоить “немецкие собаки”. —Вакернагель, "Немецкая кирха" и др., ii. 1009-1010.

87.

Zimmerische Chronik (Freiburg i. B. 1881-1882), ii. 314.

88.

Там же. iii. 474-475 iv. 201.

89.

Predigten, i. 448.

90.

Wackernagel, Das deutsche Kirchenlied, etc., ii. 554, 1016-1022.

91.

Schwaumkell, Der Cultus der heiligen Anna am Ausgange des Mittelalters (Freiburg, 1893).

92.

xix. с. 397 и далее., xx. с. 159 и далее., 329 и далее., xxi. с. 43 и далее.

93.

Роман о розе, ii. стр. 168 (издание Temple Classics).

94.

v. Bezold, Geschichte der deutschen Reformation, pp. 95 f.

95.

Kriegk, Deutsches Bürgerthum im Mittelalter. Nach urkundlichen Forschungen und mit besonderer Beziehung auf Frankfurt a. M., pp. 161 ff. (Frankfurt, 1868). Uhlhorn, Die christliche Liebesthätigkeit im Mittelalter, pp. 431 ff. (Stuttgart, 1854).

96.

Wackernagel, Das deutsche Kirchenlied, ii. 768-769; it began:

“Ein zeyt hort ich mit gütter mer
von einem schyfflin sagen,
Wie es mit tugenden also gar
kostlichen war beladen:
Zu dem schyfflin gewan ich ein hertz,
Ich fand dar yn vil güter gemertz
in mancher hande gaden.”

97.

Самый строгий запрет на народные Священные Писания относится ко временам альбигойцев: “Запрет этиам, не разрешающий ветеранский завет, но дающий новое разрешение на жизнь; низи форте псалтирь, великий бревариум о божественном служении, аут хорас Б. Мария aliquis ex devotione habere velit. Sed ne præmissos libros habeant in vulgari translatos, arctissime inhibemus” (Conc. of Toulouse of 1229, c. xiv.). The Constitutiones Thomæ Arundel, for the mediæval Church of England, declared: “Ordinamus ut nemo deinceps aliquem textum S. Scripturæ auctoritate sua in linguam Anglicanam vel aliam transferat per viam libri, libelii aut tractatus” (Art. VII., 1408A.D.).

98.

Папа иннокентий III. осуждал перевод Священного Писания на местный язык, потому что обычные миряне, и особенно женщины, не обладали достаточным интеллектом, чтобы понять их (Epistolæ, ii. 141); а Бертольд, архиепископ Майнцский, в своем епархиальном указе от 1486 года утверждал, что местные языки неспособны выразить глубину мыслей, содержащихся на языках оригинала Священного Писания или на латыни Вульгаты.

99.

Maima Bibliotheca Patrum (Coloniæ Agrippinæ, 1618), xiii. 299.

100.

Walther, Die deutsche Bibelübersetzung des Mittelalters (Brunswick, 1889).

101.

Гуденаус, Дипломатический кодекс. Анекдоты, iv. 469-475 (1758).

102.

Walther, Die deutsche Bibelübersetzungen des Mittelalters (Brunswick, 1889).

103.

Себастьян Бранд, Нарреншифф, Предисловие, строки 1-4:

“Alle Land ist jetz voll heilger Schrift,
Und was der seelen Heil betrifft
Bibel und heilger Vater Lehr
Und andrer frommen Bücher mehr.”

104.

Magna Bibliotheca Patrum (Coloniæ Agrippinæ, 1618), vol. xiii. стр. 290-301.

105.

SOURCES: Casanova and Guasti, Poesie di G. Savonarola (Florence, 1862); Scella di Prediche e Scritti di Frà G. Savonarola, con nuovi Documenti intorno alla sua Vita, by Villari and Casanova (Florence, 1898); Bayonne, Œuvres Spirituelles choisies de Jerome Savonarola (Paris, 1879); The Workes of Sir Thomas More ... написано им в "Английском тонге" (Лондон, 1557); Эразм, Opera Omnia, изд. Ле Клерк (Лейден, 1703-1706); Николс, "Послания Эразма от его самых ранних писем до пятидесяти первого года жизни, расположенные в порядке времени" (Лондон, 1901); "Энхиридион Милитис Кристиани" (Кембридж, 1685); "Все знакомые коллоквиумы Эразма" (Лондон, 1877); сэр Томас Мор, "Утопия" (серия Temple Classics).

БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ РАБОТЫ: Виллари, Джироламо Савонарола, 2 тома. (Флоренция, 1887-1888; англ. пер., Лондон, 1890); Сибом, Оксфордские реформаторы: Джон Колет, Эразм и Томас Мор и др. (Лондон, 1887); Драммонд, Эразм, его жизнь и характер (Лондон, 1873); Вольтман, Гольбейн и его время (Лондон, 1872); Фронда, Жизнь и письма Эразма (Лондон, 1894); Амиэль, "Свободная книга для 16-летнего возраста: Эразм" (Париж, 1889); Эммертон, Дезидериус Эразм Роттердамский (Нью-Йорк, 1899).

106.

Труды сэра Томаса Мора, рыцаря, канцлера Англии, написанные им в "Английском языке" (Лондон, 1557), стр. 6 С.

107.

Труды сэра Томаса Мора, рыцаря, некоего лорда-канцлера Англии, Написанные им в "Английском языке" (Лондон, 1557), стр. 13 С.

108.

Там же. 5 А.

109.

Там же. 6 В.

110.

Там же. 6 С.

111.

Там же. 8 D.

112.

Там же. 6 D.

113.

Труды сэра Томаса Мора, рыцаря, канцлера Англии, написанные им в "Английском языке" (Лондон, 1557), 13 Ф.

114.

Там же. 12 Д.

115.

Там же. 7 D.

116.

Жизнь и времена Джироламо Савонаролы, стр. 771 (англ. пер., Лондон, 1897).

117.

Сибом, Оксфордские реформаторы: Джон Колет, Эразм и Томас Мор; история их совместной работы, 2-е изд., стр. 125 (Лондон, 1869). Г-н Сибом, по-видимому, считает, что реформаторы придерживались средневековой концепции богодуховенности Священного Писания. Кальвин придерживался тех же идей, что и Колет, и выражал их тем же способом. Ср. Его комментарии к Матфею. xxvii. 9: “*Quomodo Hieremiæ nomen obrepserit, me nescire fateor, nec anxie laboro: certe Hieremiæ nomen errore positum esse pro Zacharia, res ipsa ostendit*”; and his comment on Acts vii. 16: “найдите его locus corrigendus est”.

118.

Тезисы Колета о Небесных и Земных иерархиях были опубликованы преподобным Дж. Х. Лаптоном (Лондон, 1869) из рукописи Школы Святого Павла. Мистер Лаптон также опубликовал “Трактат Колета О таинствах Церкви” (Лондон, 1867). Лучшим изданием сочинений псевдо-Дионисия является издание Бальтазара Кордериуса, S.J., опубликованное в Венеции в 1755 году. Фактические труды псевдо-Дионисия невелики; редактор добавил переводы, примечания, схолии, комментарии и т.д., А его фолиантное издание содержит более тысячи страниц.

119.

“Радикальная концепция чаще всего связана с Дионисием; эти отрывки отражают бурление, вызванное дионисийскими концепциями в сознании Колета.... Огонь действительно во многом принадлежал Колету. Я нахожу отрывки, которые горят в аннотации Колета, застывают в оригинале”. —Сибом, Оксфордские реформаторы, стр. 76 (2-е изд., Лондон, 1869). Мои знания о проповедях Колета почерпнуты из отрывков из работы мистера Сибома.

120.

Ср. перевод “Церковных иерархий” мистера Лаптона, глава ii. Если позволительно привести доказательства из Утопии сэра Томаса Мора, то анти-священнические взгляды оксфордских реформаторов пошли гораздо дальше. В Утопии исповедь делалась главе семьи, а не священникам; женщины могли быть священниками; разрешался развод с постелью и питанием. Ср. издание Temple Classics, стр. 116 (развод), стр. 148 (женщины-священницы), стр. 152 (исповедь).

121.

Сибом, Оксфордские реформаторы, стр. 221 (2-е изд., 1869).

122.

Erasmus, Opera Omnia (Leyden, 1703-1706), v. 140.

123.

Эразм, Opera Omnia (Лейден, 1703-1706), v. 26. Сарказм Эразма находит достаточное подтверждение в “Покровительстве небесам” Керлера (Ульм, 1905), где утверждается, что святой Рохус с пятьюдесятью девятью святыми-спутниками готов услышать молитвы тех, кто боится чумы; Святая Аполлония с восемнадцатью другими проявляет особый интерес ко всем, кто страдает от зубной боли; святой Иов с тринадцатью спутниками готов вылечить чесотку; и

святая Барбара со святым Георгием фигурируют как защитники от насильственной смерти; ср. стр. 266-273, 419-422, 218-219, 358-359.

124.

Erasmus, Opera Omnia, v. 35-36.

125.

Там же. iv. 465.

126.

Erasmus, Opera Omnia, iv. 481-484.

127.

Там же. iv. 471-474.

128.

Там же. iv. 445.

129.

Leitschuh, Albrecht Dürer's Tagebuch der Reise in die Niederlande (Leipzig, 1884), p. 84.

130.

SOURCES: Melancthon, Historia de vita et actis Lutheri (Wittenberg, 1545, in the Corpus Reformatorum, vi.); Mathesius, Historien von ... Martini Lutheri, Anfang, Lere, Leben und Sterben (Prague, 1896); Myconius, Historia Reformationis 1517-1542 (Leipzig, 1718); Ratzeberger, Geschichte über Luther und seine Zeit (Jena, 1850); Kilian Leib, Annales von 1503-1523 (vols. vii. и ix. of v. Aretin's Beiträge zur Geschichte und Litteratur, Munich, 1803-1806); Wrampelmeyer, Tagebuch über Dr. Martin Luther, geführt von Dr. Conrad Cordatus, 1537 (Halle, 1885); Caspar Cruciger, Tabulæ chronologicæ actorum M. Lutheri (Wittenberg, 1553); Förstemann, Neues Urkundenbuch zur Geschichte der evangelischen Kirchen-reformation (Hamburg, 1842); Kolde, Analecta Lutherana (Gotha, 1883); G. Loesche, Analecta Lutherana et Melancthoniana (Gotha, 1892); Löscher, Vollständige Reformationen-Acta und Documenta (Leipzig, 1720-1729); Enders, Dr. Martin Luther's Briefwechsel, 5 vols. (Frankfurt, 1884-1893); De Wette, Dr. Martin Luther's Briefe, Sendschreiben und Bedenken, 5 vols. (Берлин, 1825-1828); Дж. Кохлей (рим. Cath.), Commentarius de actis et scriptis M. Lutheri ... ab anno 1517 usque ad annum 1537 (St. Victor prope Moguntiam, 1549); V. L. Seekendorf, Commentarius ... de Lutheranismus (Frankfurt, 1692); Constitutiones Fratrum Heremitarum Sancti Augustini (Nürnberg, 1504); Cambridge Modern History, II. iv.

LATER BOOKS: J. Köstlin, Martin Luther, sein Leben und seine Schriften, 2 vols. (Берлин, 1889); Т. Кольде, Мартин Лютер. Eine Biographie, 2 vols. (Gotha, 1884, 1893); A. Hausrath, Luther's Leben, 2 vols. (Berlin, 1904); Lindsay, Luther and the German Reformation (Edinburgh, 1900); Kolde, Friedrich der Weise und die Anfänge der Reformation mit archivalischen Beilagen (Erlangen, 1881), and Die deutsche Augustiner-Congregation und Johann v. Staupitz (Gotha, 1879); A. Hausrath, M. Luther's Romfahrt nach einem gleichzeitigen Pilgerbuche (Berlin, 1894); Oergel, Vom jungen Luther (Erfurt, 1899); Jürgens, Luther von seiner Geburt bis zum Ablassetreib, 3 vols. (Leipzig, 1846-1847); Krumhaar, Die Grafschaft Mansfeld im Reformationszeitalter (Eisleben, 1845); Buchwald, Zur Wittenberg Stadt- und Universitätsgeschichte in der Reformationszeit (Leipzig, 1893); Kampschulte, Die Universität Erfurt in ihrem Verhältniss zu dem Humanismus und der Reformation (Trier, 1856-1860).

131.

Albrecht Dürer's Tugebuch der Reise in die Niederlande. Под редакцией доктора о. Лейтшуха (Лейпциг, 1884), стр. 28-84.

132.

Николас, родившийся в Лире, деревне в Нормандии, был одним из первых исследователей еврейских Писаний; он объяснил общепринятый четырехчастный смысл Священного Писания в следующем отрывке:

*“Litera gesta docet, quid credas Allegoria,
Moralis quid agas, quo tendas Anagogia.”*

Лютер использовал свои комментарии, когда стал профессором теологии в Виттенберге, и признал свой долг; но это слишком много, чтобы сказать:

*“Si Lyra non lyrasset,
Lutherus non saltasset.”*

133.

Существует одно настойчивое современное предположение, что Лютера в конце концов подтолкнула к этому шагу внезапная смерть товарища, в пользу которой можно многое сказать. Эргель показал на основании тщательных исследований в университетских архивах, что близкий друг Лютера, Иероним Понц из Виндсхайма, который работал вместе с ним над получением степени магистра, внезапно умер от плеврита до окончания экзамена; что через несколько недель после получения Лютером степени другой многообещающий студент, которого он знал, умер от чумы; что чума снова вспыхнула в Эрфурте три месяца спустя; и что Лютер ушел в монастырь через несколько дней после этого второго проявления чумы. — Ср. Георг Эрг, Том Юнген. Лютер (Эрфурт, 1899), стр. 35-41.

134.

Ср. выше, стр. 127 и далее.

135.

В моей главе о Лютере в “Кембриджской современной истории”, ii. стр. 114, где примечания были запрещены, я слишком резко сказал, что Джон из Пальца был “учителем самого Лютера”. Лютер, несомненно, обучался богословию у Иоанна Пальцкого, и последний проживал в монастыре в течение двух лет пребывания там Лютера; но более вероятно, что фактическим наставником Лютера был Натин.

136.

В “Тишредене” (Прегер, Лейпциг, 1888), i. 27, это высказывание приписывается Бартоломею Узингену, которого ошибочно называют учителем Лютера в Эрфуртском монастыре. Узинген поступил в монастырь только в 1512 году. Он был профессором Эрфуртского университета, а не монастыря.

137.

N. Selnecker, Historia . . . D. M. Lutheri: “Jussus est omissis Sacris Bibliis ex obedientia legere scholastica et sophistica scripta.”

138.

Современные романисты описывают все это как самоистязание истеричного юноши. Они, конечно, не обращают внимания на тот факт, что единственный великий немецкий средневековый мистик, канонизированный Римской церковью, Генрих Сузо, прошел через подобный опыт; и что сами эти переживания в обоих случаях рассматривались современниками как плоды более чем обычного благочестия.

139.

Резолюции, Предисловие.

140.

Деяния viii. 4.

141.

Рим. xiii. 14.

142.

Матфей. x. 9.

143.

Притч. ii. 1.

144.

“Если мы рассмотрим всех мужчин и женщин Запада со времен Августина, которых история за характер, владевший ими, определила как выдающихся христиан, мы всегда увидим один и тот же тип; мы находим явное осуждение греха, полное отречение от собственной силы и веру в благодать, в личного Бога, который воспринимается как Милосердный в смирении Христа. Вариации этого состояния ума неисчислимы, но фундаментальный тип один и тот же. Этому образу мыслей учат в проповедях и наставлениях истинно благочестивые католики и евангелисты; в нем воспитываются молодые христиане, и догматика строится в гармонии с ним. Это всегда производило столь мощный эффект, даже там, где это проповедовалось только как опыт других, что тот, кто соприкоснулся с этим, никогда не сможет забыть его; это сопровождает его как облачный столп днем и огненный ночью; тот, кто воображает, что он давно избавился от этого, видит, как оно внезапно возникает перед ним снова”. — История догмы Гарнака, т. 74 (английский перевод, Лондон, 1898).

145.

В библиотеке Вольфенбюттеля хранится Псалтирь (Вульгата), которую Лютер использовал при чтении лекций по Псалмам. Книга была напечатана в Виттенберге в 1513 году Джоном Гроненбергом и содержит заметки Лютера, сделанные на полях и между напечатанными строками.

146.

Долг Лютера Жерсону (Жану Шарлье, родившемуся в 1363 году в Жерсоне, деревушке недалеко от Ретеля в Арденнах, которого некоторые считают автором "Подражания Христу") не был в достаточной степени замечен. Частично это можно оценить по собственному утверждению Лютера, что большинство богословов-экспериментаторов, включая Августина, когда имеют дело с борьбой пробужденной души, придают наибольшее значение той части конфликта,

которая исходит от искушений плоти; Герсон ограничивается теми, которые носят чисто духовный характер. Лютер во время своих душевных терзаний в монастыре был молодым монахом, который прожил по-человечески безупречную жизнь, без порицания; Августин, профессор риторики средних лет, годами жил в состоянии греховной сожительницы.

147.

Обычно говорят, что Лютер использовал *мистические* отрывки, встречающиеся у этих и других авторов; но *мистический* - очень двусмысленное слово. Оно постоянно используется для выражения личного или индивидуального благочестия в целом; или этой личной религии в противоположность той религиозной жизни, которой сознательно живут в сообществе людей, называемом Церковью, обеспеченном внешними средствами благодати. Это, однако, очень вольное употребление этого слова. Фундаментальная проблема, даже в христианском мистицизме, как мне кажется, заключается в том, как преодолеть пропасть между творением и Творцом, в то время как проблема теологии Реформации заключается в том, как преодолеть пропасть между грешным человеком и праведным Богом. Следовательно, в мистицизме *тенденция* всегда состоит в том, чтобы рассматривать грех как несовершенство, в то время как в теологии Реформации грех всегда является силой зла и неизменно включает мысль о вине. Лютер не был мистиком в том смысле, что желал затеряться в Боге: он хотел быть спасенным через Христа.

148.

Конечно, яркая индивидуальность Лютера проявилась в его языке с самого начала. Возьмем в качестве примера примечание к Псалму. lxxxiv. 4: "Как луг для коровы, дом для человека, гнездо для птицы, скала для серны и ручей для рыбы, так и Священное Писание для верующей души".

149.

Это выражение интересно, потому что оно показывает, что влияние Лютера заставило по крайней мере двоих его коллег изменить свои взгляды. Николас Амсдорф и Эндрю Боденштайн из Карлштадта приехали в Виттенберг преподавать схоластическое богословие, и Амсдорф сделал себе громкое имя как представитель более старого типа этого богословия.

150.

Иллюстрированный каталог коллекции реликвий Фредерика был подготовлен Лукасом Кранахом и опубликован под названием "Виттенбергер Хайлигтумсбух в Яхре 1509". Она была перепечатана Г. Хиртом из Мюнхена в его "Либхабер-библиотеке альтернативных иллюстраторов" в факсимильном переиздании, № vi.

151.

"Amore et studio elucidandæ veritatis hæc subscripta disputabuntur Wittenbergæ, præsidente R. P. Martino Lutther, artium et sacræ theologiæ magistro eiusdemque ibidem lectore ordinario. Quare petit, ut qui non possunt verbis præsentibus nobiscum disceptare, agant id literis absentes. In nomine Domini nostri Ihesu Christi. Аминь".

152.

SOURCES: Thomas Aquinas, Summa Theologiæ, Supplementum Tertiæ Partis, Quæstiones xxv.-xxvii.; Alexander of Hales, Summa Theologiæ, iv.; Bonaventura, Opera Omnia; In Librum Quartum Sententiarum, dist. xx.; vol. v. 264 ff. (Moguntia, 1609); Denzinger, Enchiridion Symbolorum et Definitionum, quæ de rebus fidei et morum a conciliis œcumenicis et summis pontificibus

emanarunt, 9th ed. (Würzburg, 1900), p. 175; Köhler, Documenta zum Ablassstreit von 1517 (Tübingen, 1902).

LATER BOOKS: F. Beringer (Soc. Jes.), Der Ablass, sein Wesen und Gebrauch, 12th ed. (Падерборн, 1898); Бувье, Трактат об индульгенциях (Лондон, 1848); Леа, История исповеди ушной раковины и индульгенций в латинской церкви, 3 тома. (Philadelphia, 1896); Brieger, Das Wesen des Ablasses am Ausgange des Mittelalters (Leipzig, 1897); Harnack, History of Dogma, vi. pp. 243-270; Götz, "Studien zur Geschichte des Buss-sacraments" in Zeitschrift für Kirchengeschichte, xv. 321 ff., xvi. 541 ff.; Schneider, Der Ablass (1881); Cambridge Modern History, II. iv.

153.

Использование слова *удовлетворение* для обозначения внешнего признака скорби о грехе, который, как предполагалось, был угоден Богу и давал разумное основание собранию восстанавливать ушедшего члена, очень древнее — намного древнее, чем использование этого слова для обозначения работы Христа. Оно встречается еще во времена Тертуллиана и Киприана.

154.

Тертуллиан не верил ни в какое снисхождение, оказываемое кающимся грешникам, и его рассказ о том, как кающиеся появлялись перед собранием, чтобы просить об отпущении грехов или смягчении вынесенного им церковного приговора, несомненно, является карикатурой, но его можно воспринять как небезосновательное описание того, что, должно быть, часто происходило: "Вы вводите в Церковь кающегося прелюбодея с целью растопить братство своими мольбами. Ты ведешь его в самую гущу событий, одетого во вретисце, покрытого пеплом, представляющего собой смесь позора и ужаса. Он падает ниц перед вдовами, перед старейшинами, выпрашивая слезы у всех; он хватается за края их одежд, он обхватывает их колени, он целует отпечатки их стоп. Тем временем ты обращаешься к людям с речью и возбуждаешь в них сострадание к печальной участи кающихся. Добрый пастор, благословенный отец, каким бы ты ни был, ты описываешь возвращение своей козы, рассказывая притчу о заблудшей овце. И на случай, если твоя овца-ягненок может совершить еще один прыжок из загона ... ты наполняешь всю остальную паству тревогой в тот самый момент, когда даруешь индульгенцию". — (De Pudicitia, 13.)

155.

В одной дисциплинарной книге человеку, совершившему определенные грехи, предписывается либо отправляться в паломничество в течение десяти лет, либо жить на хлебе и воде в течение двух лет, либо платить 12 шиллингов в год. Detailed information may be found in Schmitz, Die Bussbücher und die Bussdisziplin der Kirche.

156.

Сумма, iv. 23.

157.

Фома Аквинский, "Сумма теологии", iii., Дополнение, Вопрос xxv. 1.

158.

"Du sprichst 'So ich am letzten in todes not,
Ain yeder priester mich zu absolviren not':

Von Schuld ist war, noch mitt von pein, so du bist tod,
Ja für ain stund in fegfeür dort.
Gabst du des Kaysers güte.”

—(Wackernagel, Das deutsche Kirchenlied, etc. ii. 1068.)

159.

Bonaventura, In Librum Quartum Sententiarum, Dist. xx. Quæst. 5. Александр Хейлский, Сумма, iv. Вопрос. 59; Фома Аквинский, Сумма, iii., Дополнение. Вопрос. i. 2.

160.

Фома Аквинский, "Сумма теологии", iii, Дополнение. Quæstio xxv. 1: "Ecclesia universalis non potest errare ... ecclesia universalis indulgentias approbat et facit. Ergo indulgentiæ aliquid valent ... quia impium esset dicere quod Ecclesia aliquid vanè faceret."

161.

Ср. гимн "Der guldin Ablass" пятнадцатого века в Вакернагеле, ii. 283-284.

162.

SOURCES: Köhler, Luthers 95 Theses samt seinen Resolutionen sowie den Gegenschriften von Wimpina-Tetzel, Eck, und Prierias und den Antworten Luthers darauf (Leipzig, 1903); Emil Reich, Select Documents illustrating Mediæval and Modern History (London, 1905).

LATER BOOKS: J. E. Kapp, Sammlung einiger zum päpstlichen Ablass, überhaupt ... aber zu der ... zwischen Martin Luther und Johann Tetzel hiervongeführten Streitigkeit gehörigen Schriften, mit Einleitungen und Anmerkungen versehen (Leipzig, 1721), and Kleine Nachlese einiger ... zur Erläuterung der Reformationsgeschichte nützlicher Urkunden (Four parts, Leipzig, 1727-1733); Bratke, Luthers 95 Theses und ihre dogmenhistorischen Voraussetzungen (Göttingen, 1884); Dieckhoff, Der Ablassstreit dogmengeschichtlich dargestellt (Gotha, 1886); Gröne, Tetzel und Luther (Soest, 1860).

163.

"Обелиски Эка" были напечатаны и распространялись частным образом задолго до их публикации; копия была в руках Лютера 4 марта 1518 года; он ответил на нее 24 марта и опубликовал в августе следующего года.

164.

Келер собрал воедино Девяносто пять тезисов, Резолюций и нападок на тезисы Вимпины-Тецеля, Эка и Приериаса и опубликовал их в одной небольшой книге (Лейпциг, 1903). Это справочное пособие, и тексты документов были тщательно изучены.

165.

Все аргументы были основаны на книге Фомы Аквинского "Сумма", iii, Дополнение, Вопрос xxv. л.

166.

Томас де Вио родился в Гете, городке, расположенном на мысе примерно в пятидесяти милях к северу от Неаполя, и по месту своего рождения получил название Каэтанус. При крещении его звали Джеймс, и он взял имя Фома в честь Фомы Аквинского. Он вступил в доминиканский орден в возрасте шестнадцати лет; он был образованным человеком, схоластом старшего

томистского типа и не без евангелических симпатий; но у него была доминиканская идея о том, что церковная дисциплина должна поддерживаться любой ценой.

167.

Seidemann, Die Leipziger Disputation im Jahre 1519 (Dresden, 1843).

168.

Zeitschrift für die historische Theologie for 1872, p. 534.

169.

Petri Mosellani, "Epistola de Disput. Губы." в книге Лешера "Акт о реформациях и документы" (Лейпциг, 1720-1729), i. стр. 242 и далее.

170.

Zeitschrift für die historische Theologie for 1872, p. 535. Автор дневника - М. Себастьян Фрошер.

171.

Уэйс и Буххайм, Основные труды Лютера (Лондон, 1896).

172.

Дензингер, Энчиридион и др., стр. 175.

173.

В брошюре, написанной Эком в 1519 году, он утверждал, что все теологи Германии были настроены против Лютера, за исключением нескольких неученых каноников. Это вызвало к концу года Ответ в виде Неученого Канона, который обычно приписывали Бернарду Адельманну, канонику из Аугсбурга, но который на самом деле был написан Эколампадием. Пиркхаймер написал едкую атаку на Эка в сатире, в которой немецкая грубость была облачена в элегантную латинизацию, под названием "Eccius Dedolatus" (Угол обструган, "Eck" по-немецки означает "угол"), опубликованной в журнале Lateinische Litteraturdenkmäler des 15 und 16 Jahrhunderts (Берлин, 1891). Карлштадт выступал против Эка в Лейпциге.

174.

Копия уведомления Лютера сохранилась в рукописи. "Annals" of Peter Schumann in the Zwickau Ratsschulbibliothek at Zwickau. Это было напечатано в "Analecta Lutherana" Кольде (Гота, 1883), стр. 26: "Quisquis veritatis Evangelicee studio teneatur. Adesto sub horam nonam, modo ad templum S. Crucis extra mœnia oppidi, ubi pro veteri et apostolico ritu impii pontificiarum constitutionum et scholasticæ theologiæ libri cremabuntur quandoquidem eo processit audacia inimicorum Evangelii, ut pios ac evangelicos Luteri exusserit. Age pia et studiosa juvenus ad hoc pium ac religiosum spectaculum constituito. Fortassis enim nunc tempus est quo revelari Antichristum oportuit."

175.

У о. В. Безольда есть несколько превосходных страниц на эту тему в его книге "История немецкой реформации" (Берлин, 1890), стр. 278 и далее. Я использовал материал, который он собрал, и дополнил его своим собственным чтением.

176.

SOURCES: Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Karl v., 3 vols. были опубликованы (Гота, 1893-1901); Балан, Monumenta Reformationis Lutheranæ ex tabulis S. Sedis secretis 1521-1525 (Ратисбон, 1883-1884); Ламмер, Monumenta Vaticana historiam ecclesiasticam sæculi 16 illustrantia (Фрайбург, 1861); Meletematum Romanorum Mantissa (Перенсбург, 1875); Бригер, Алеандр и Лютер 1521: Die вервольфский дворец Алеандра-Депешен небст Унтерсучунген над рейхстагом Вормсера (Гота, 1894); Календарь государственных документов Испании (Лондон, 1886); Календарь государственных документов Венеции, тома iii.-vi. (Лондон, 1864-1884); Письма и документы, иностранные и внутренние, правления Генриха VIII., тома iii.-xix. (London, 1860-1903); V. E. Loescher, Vollständige Reformations-Acta und Documenta, 3 vols. (Лейпциг, 1713-1722); Спалатин, "Анналы реформации" (Лейпциг, 1768); "Хроникон", 2-й том. of Mencke's Scriptorum rerum Germanicarum præcipue Saxonicarum, 3 vols. (Лейпциг, 1728-1730); Historischer Nachlass und Briefe (Йена, 1851); также источники, упомянутые в первой главе этой части.

LATER BOOKS: Hausrath, Aleander und Luther auf dem Reichstage zu Worms (Berlin, 1897); Kolde, Luther und der Reichstag zu Worms 1521 (Halle, 1883); Friedrich, der Reichstag zu Worms 1521 (Munich, 1871); Ranke, Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation (Leipzig, 1881; Eng. trans., London, 1905); Armstrong, The Emperor Charles v. (London, 1902); v. Bezold, Geschichte der deutschen Reformation (Berlin, 1890); Creighton, A History of the Papacy, vol. vi. (London, 1897); Gebhardt, Die Gravamina der deutschen Nation (Breslan, 1895).

177.

Kalkoff, Die Depeschen, etc. pp. 46, 50, 58, 69, etc.

178.

Он стал архиепископом Бриндизи и Орио, а затем кардиналом.

179.

Breiger, Aleander und Luther 1521: Die vervollständigten Aleander-Depeschen, p. 53 (Gotha, 1884); non superstitiose verax, Erasmus said.

180.

Kalkoff, Die Depeschen des Nuntius Aleander, etc. pp. 19, 20, 23, 24, 265, 266.

181.

Breiger, Aleander und Luther 1521: Die vervollständigten Aleander-Depeschen (Gotha, 1884), Quellen und Forschungen zur Geschichte der Reformation, i.; Friedensburg, Eine ungedruckte Depesche Aleanders von seiner ersten Nuntiatur bei Karl v., in Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven, i. (1897); Kalkoff, Die Depeschen des Nuntius Aleander vom Wormser Reichstage 1521 (Halle, 1897, 2nd ed.); Kolde, Luther und der Reichstag zu Worms 1521 (Halle, 1883); Hausrath, Aleander und Luther auf dem Reichstage zu Worms (Berlin, 1897); Gebhardt, Die Gravamina der deutschen Nation (Breslau, 1895, 2nd ed.).

182.

“Каким бы сдержанным ни был Чарльз, потрясение лишило его возможности сделать самое откровенное признание своей веры, которое он когда-либо произносил. Нигде больше невозможно так близко подойти к проявлениям его духовной природы, кроме как в конфиденциальных письмах к его брату в последние беспокойные часы правления, когда он

повторял, что на его совести не было нарушать безупречную мантию Церкви”. — Армстронг, Император Карл v., i. 71 (Лондон, 1902). Но у нас есть еще один отрывок из разговора с его сестрой Марией, в котором он признается, что сталлучше думать о лютеранах, поскольку понял, что они не учат ничему, кроме Апостольского символа веры. Cf. Kawerau, Johann Agricola von Eisleben, p. 100 (Berlin, 1881).

183.

Deutsche Reichstagsakten, etc. ii. 595.

184.

Календарь государственных документов, испанский, 1509-1525, стр. 305 (Лондон, 1866).

185.

Для описания косвенных причин, приведших к избранию Карла, см. В. Безоль, "История немецкой реформации", стр. 193 и далее. (Berlin, 1890).

186.

Армстронг, Император Карл v., стр. 73 (Лондон, 1902).

187.

У Карла v был свой духовник Жан Глэпион, который в основном фигурировал в предварительных сценах перед прибытием Лютера в Вормс. У него состоялся примечательный разговор с доктором Брюком, канцлером курфюрста Саксонии, в ходе которого он заявил, что говорит как от имени императора, так и от своего имени. Ранние труды Лютера доставляли ему большое удовольствие; он считал его "известным растением", способным приносить великолепные плоды для Церкви. Но книга о вавилонском пленении потрясла его; он не верил, что она принадлежала Лютеру; она была написана не в его обычном стиле; если ее написал Лютер, то, должно быть, потому, что он на мгновение возмутился папской буллой, а поскольку она была анонимной, ее можно было легко опровергнуть; или, если не опровергнуть, ее можно было объяснить и показать, что ее предложения могут быть истолкованы католиками. Если бы это было сделано, и если бы Лютер отозвал свои яростные высказывания против папы римского, не было бы причин, по которым нельзя было бы прийти к полюбовному соглашению. Папскую буллу можно было легко оспорить, ее можно было отозвать на том основании, что у Лютера никогда не было справедливого судебного разбирательства. Было бы ошибкой предполагать, что император не осознавал остро необходимость реформирования Церкви; его преданность Папе имела пределы; император считал, что заслужил бы гнев Божий, если бы не попытался исправить плачевное состояние Церкви Христа. Таково было заявление Глапиона. Вопрос в том, насколько он был искренен и насколько далеко он мог зайти, выступая от имени императора. Он был другом и почитателем Эразма, но голландец сказал, что ни один человек не может так искусно скрывать свои взгляды. Курфюрст услышал, что после этого разговора Глапион получил от Алеандра 400 экземпляров Буллы против Лютера и раздал их францисканским монахам. Это заставило его усомниться в его искренности, и он отказался предоставить ему аудиенцию. Cf. Reichstagsakten, ii. 477 ff.

188.

Изучение дат проливает свет на эти сделки. В октябре 1520 года Карл издал указ, предписывающий сжигать книги Лютера в пределах своих наследственных владений. В последующие недели Алеандр настаивал на том, чтобы Карл сделал эдикт универсальным; это

было объявлено невозможным, но (28 ноября) Карл написал курфюрсту Саксонии, приказав ему выдать Лютера в Вормсе и помешать ему писать что-либо еще против папы; как бы в ответ (12 декабря) папа намекнул Карлу, что он отозвал свои материалы об инквизиции в Испании. Император прибыл в Вормс примерно в середине декабря. 3 января (1521 г.) папа упростил дело для императора, издав новую Буллу *Decet Romanum*, содержащую имена Лютера и Гуттена; сейм открылся 28 января; 13 февраля Алеандр произнес свою трехчасовую речь против Лютера; 19 февраля Сословия постановили, что Лютер должен предстать перед ними, и не просто с целью отречения — он должен был быть выслушан и получить охранную грамоту; 6 марта - императорское приглашение и охранная грамота, начинающиеся словами: *нобилис, дероте, nobis дилекте*; Алеандр яростно протестовал против этого обращения; император составил универсальный указ, предписывающий сжигать книги Лютера; это, вероятно, не было опубликовано; оно было отозвано в пользу постановления, предписывающего доставлять все книги Лютера магистратам; это было опубликовано в Вормсе 27 марта и вызвало беспорядки; 17 и 18 апреля Лютер предстал перед Сеймом; 8 мая Карл получил обещание папы выступить на его стороне против Франциска; Сейм согласился с запретом Лютера 25 мая; Карл датировал запрет 8 мая.

189.

Календарь государственных бумаг, Генрих VIII. Письма и документы, иностранные и отечественные (Лондон, 1867), III. i. стр. 445.

190.

Kalkoff, *Die Depeschen*, etc. p. 106.

191.

Вероятно, это был титульный лист небольшой книги, содержащей четыре трактата Хаттена и озаглавленной "Геспрах Бюхлин: герр Ульрихс фон Хаттен". *Feber das Erst: Feber das ander: Vadiscus, oder die Römische Dreifaltigkeit: Die Anschawenden; with the motto, Odivi ecclesiam malignantium*. Это изображено на рисунке v. Bezold's *Geschichte der deutschen Reformation*, p. 307 (Berlin, 1890).

192.

Reichtstagsakten, ii. pp. 495 ff.

193.

Там же. 515 и далее.

194.

Reichstsakten, ii. pp. 518 ff.

195.

Brieger, *Aleander und Luther 1521: Die vervollständigten Aleander-Depeschen nebst Untersuchungen über den Wormses Reichstag* (Gotha, 1884), p. 19.

196.

Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Carl v. (Gotha, 1896), ii. 466; Brieger, *Aleander*, etc. pp. 19, 20.

197.

Ср. стр. 267, примечание.

198.

Черновик датирован 15 февраля и находится в Reichstagsakten, ii. 507 и далее.

199.

Ответ сейма был датирован 19 февраля, и его можно найти в Reichstagsakten, ii. 514 и далее, и в обсуждениях к нему, стр. 517, 518 и далее.

200.

Во втором проекте эдикта предлагалось призвать Лютера только к отречению и в то же время приказать сжечь его книги, что было равносильно осуждению, Reichstagsakten, ii. 520.

201.

Пересмотренный проект указа в его окончательном виде был датирован 10 марта, через четыре дня после ссылки и охранного документа, и вполне вероятно, что в конечном итоге он был издан императором с целью напугать Лютера и помешать ему подчиниться цитате и довериться охранному документу, Reichstagsakten, ii. 529 и далее. и примечания.

202.

Лютер получил три охранных грамоты: одну от императора в цитате, одну от курфюрста Саксонии и одну от герцога Георга Саксонского. Reichstagsakten, ii. 526 ff.

203.

Ср. письмо Алеандра от 5 апреля 1521 г. Brieger, Aleander und Luther, etc. pp. 119 ff.

204.

"Реформаторские анналы" Спалатина (издание Киприана), стр. 38.

205.

Reichstagsakten, ii. 850.

206.

Там же. стр. 850.

207.

Там же, стр. 853, примечание.

208.

Reichstagsakten, ii. 863.

209.

Lingke, Luther's Reisegeschichte, pp. 83 f.

210.

Каждого монаха в путешествии должен был сопровождать брат Ордена. Петценштайнер покинул свой монастырь и женился (июль 1522 г.). Кольде, Analecta Lutherana, стр. 38. Для въезда в Вормс, ср. Reichstagsakten, ii. 850, 859; Балау, Monumenta и др., стр. 170.

211.

Brieger, Aleander, etc. p. 143; Zeitschrift f. Kirchengeschichte, iv. 326.

212.

Reichstagsakten, ii. 569; Forstemann, Urkundenbuch, 68 f., Tischreden, iv. 349; Brieger, Aleander, etc. p. 146.

213.

Reichstagsakten, ii. 514, 519 f., 526.

214.

Reichstagsakten, ii. 573.

215.

Там же, стр. 891, где говорится, что императорское окружение и иждивенцы курии ненавидели публичные выступления Лютера больше, чем иностранцы не любят “пиво Айнбекер”.

216.

Ср. Письма Лютера к Кранаху (21 апреля 1521 г.) и курфюрсту Фредерику, Де Ветту, доктору Мартину Лютерсу Брифе и др. i. 588, 599.

217.

Reichstagsakten, ii. 545.

218.

Там же, стр. 859.

219.

Термины *Оратор* и *Чиновник* имеют очень много значений в средневековой церковной латыни. Вероятно, здесь имеется в виду председатель церковного суда архиепископа. Джон Экк был доктором канонического права. Архиепископ Паркер подписался "*Оратор* Сесила" (Календарь государственных документов Елизаветы, Зарубежная серия, 1559-1560, стр. 84).

220.

Бригер, Алеандр и др., стр. 145.

221.

Там же, стр. 145.

222.

Этот параграф и последующий основаны на следующих источниках: официальном отчете, написанном Джоном Эком из Трира; Acta Wormaciae, повествовании, написанном рукой Спалатина; и заявлениях четырнадцати человек, немцев, итальянцев и испанца, присутствовавших на сейме 17 и 18 апреля 1521 года.

223.

Reichstagsakten, ii. 574.

224.

Reichstagsakten, ii. 547.

225.

Там же, стр. 549.

226.

Там же.. стр. 862.

227.

Бригер, Алеандр и др., стр. 147.

228.

Reichstagsakten, ii. 632.

229.

De Wette, Dr. Martin Luthers Briefe, etc. i. 589.

230.

Труды Лютера (Эрлангенское издание), xxiv. 322.

231.

Там же. lxiv. 369.

232.

Бригер, Алеандр и др., стр. 146.

233.

Reichstagsakten, ii. 633.

234.

Там же, стр. 588.

235.

Там же, стр. 547.

236.

Там же, стр. 633.

237.

Названия книг, собранных и положенных на стол, любопытным образом сохранились на клочке бумаги, хранящемся в архиве Библиотеки Ватикана; все они были изданиями, опубликованными Фробениусом из Базеля (Reichstagsakten, ii. 548 и примечание). Возможно, будет достаточно сказать, что среди них (около двадцати пяти) были “Обращение к христианскому дворянству немецкой нации”, трактат о свободе христианина, “Вавилонское пленение Церкви Христовой”, “Против отвратительного быка Антихриста”, некоторые комментарии и несколько трактатов на религиозные темы, “не вызывающих споров”, говорится в официальном отчете.

238.

Вероятно, это был ответ на предложение, сделанное Глапионом канцлеру Брюку, что, если бы Лютер только отрицал авторство “Вавилонского пленения Церкви Христовой”, которое было опубликовано анонимно, дело могло бы быть улажено.

239.

Предложение “И я написал несколько других, которые не были названы” было отступлением, произнесенным более низким тоном, но отчетливо (Reichstagsakten, ii. 589, 860).

240.

Reichstagsakten, ii. 548. В официальном отчете Эка ответ Лютера дан очень кратко; вместо слов Лютера Чиновник говорит: “Что касается другой части вопроса, хотел ли он отказаться от их содержания и спеть другую мелодию (*palinodiam canere*), он начал выдумывать цепь праздных доводов (*causas nectere*) и искать средства спасения (*diffugias quærere*)” (Reichstagsakten, ii. 589).

241.

Reichstagsakten, ii. 851, 863: “Wir habent den Luther nit wol horen reden, dann er mit niederer stim geredet” (Kolde, Analecta, p. 30 n.).

242.

Бригер, Алеандр и др., стр. 146.

243.

Reichstagsakten, ii. 549. Алеандр в письме в Рим говорит, что Чиновник продолжал говорить от имени императора, что Лютеру следует иметь в виду, что он написал много вещей против Папы и Апостольской кафедры и опрометчиво распространил множество еретических заявлений, которые вызвали большой скандал и которые, если их быстро не прекратить, разожгут такой большой пожар, который не смогут погасить ни отречение Лютера, ни императорская власть; и что он призвал Лютера помнить об этом (Бригер, Алеандр, стр. 147). В официальном отчете Эка эти замечания приведены как мнения тех князей, которые не желали, чтобы просьба Лютера была удовлетворена; но они, должно быть, были включены в его речь, поскольку Пейтингер подтверждает отчет нунция (Reichstagsakten, ii. 589 f., 866).

244.

De Wette, Dr. Martin Luthers Briefe, i. 587.

245.

Reichstagsakten, ii. 862.

246.

Там же, стр. 853.

247.

Reichstagsakten, ii. 549 n.; Luther's Works (Erlangen edition), lxiv. 369.

248.

“Я направлялся в аудиторию, чтобы послушать речь (Лютера), но толпа была такой плотной, что я не смог пробиться” (Сикстус Эльхафен Гектору Пемумеру, Reichstagsakten, ii. 854).

249.

Reichstagsakten, ii. 864.

250.

Walch, xv. 2301.

251.

Там же. стр. 2233.

252.

Reichstagsakten, ii. 853.

253.

Бригер, Алеандр и др., стр. 172.

254.

Reichstagsakten, ii. 549.

255.

Там же, стр. 550.

256.

Myconius, *Historia Reformationis* (Leipzig, 1718), p. 39.

257.

Reichstagsakten, ii. 578.

258.

Там же. стр. 550 и далее., 557 и далее., 591 и далее. и т.д.

259.

Труды Лютера (Эрлангенское издание), lxiv. 370.

260.

Бригер, Алеандр и др., стр. 152.

261.

Reichstagsakten, ii. 530.

262.

Desiderii Erasmi Roterodami Opera Omnia (Leyden, 1703), iii. 1095: “Jam audio multis persuasum, ex meis scriptis exstितisse totam hanc Ecclesiæ procellam: cujus verissimi rumoris præcipuus auctor fuit Hieronymus Aleander, homo, ut nihil aliud dicam, non superstitiose verax.”

263.

Бригер, Алеандр и др. стр. 41.

264.

Reichstagsakten, ii. 860 n.

265.

Там же. стр. 860.

266.

Там же. стр. 853.

267.

Там же. стр. 550, 551.

268.

Миконий, "История реформирования", стр. 39.

269.

Walch, xv. 233.

270.

Reichstagsakten, ii. 861.

271.

Reichstagsakten, ii. 555.

272.

Там же. стр. 591.

273.

Там же. стр. 861 н.

274.

Cochlæus, Commentarius и др. стр. 34.

275.

Reichstagsakten, ii. 556-558, 581, 582, 591-594.

276.

Алеандр писал, что император сказал, что не желает больше ничего слышать: и все для детей за Цезаря, че бастава и че без воли божьей, ex quo questui negava li Concilii (Бригер, Алеандр и др., стр. 153).

277.

Рейхстагсактен, ii. 862 (доктор Пейтингер в совете Аугсбурга). Знаменитый финал: Hie stehe ich, ich kann nicht anders thun, Gott helfe mir, Amen, который придает всей сцене такой драматический финал, не встречается в самых ранних записях. Впервые это появилось в отчете, опубликованном в Виттенберге без даты, но, вероятно, очень раннем, а также в издании Работ Лютера 1546 года, приводятся различные версии последних слов, произнесенных Лютером — Gott helf mir, Amen, в Acta Wormaciæ (Reichstagsakten, ii, 557), которые, как полагают, были исправлены самим Лютером; Итак, helf mir Gott, denn kein widerspruch kan ich nicht thun, Аминь, является приведено Спалатиным в его "Анналах" (стр. 41). Каждое описание сцены, взятое из современных источников, показывает, что царилла большая путаница; наиболее вероятно, что в волнении люди унесли с собой только общее впечатление, а не точное воспоминание о последних словах Лютера. Если бы не очень определенное заявление доктора Пейтингера, написанное почти сразу после события, кажется, нет причин, по которым драматический финал не мог бы быть реальным.

278.

Reichstagsakten, ii. 636.

279.

Там же. стр. 862.

280.

Там же, стр. 558.

281.

Reichstagsakten, ii. 636. Алеандр говорит, что только Лютер поднял руку и сделал этот жест; он не присутствовал; испанец, который рассказывает об инциденте так, как описано выше, был зрителем этой сцены.

282.

Luther's Works (Erlangen edition), lxiv. 370; Wrampelmeyer, Tagebuch über Dr. Martin Luther, geführt von Dr. Conrad Cordatus, p. 477; et descendi de pretorio conductus, do sprangen Gesellen herfur, die sagten, "Wie, furt yhr yhn gefangen? Das must nicht sein."

283.

Reichslagsakten, ii. 853.

284.

Сельнекер, История ... Д. М. Лютери (1575), стр. 108.

285.

См. стр. 264-5. Полный текст декларации императора можно найти в Reichstagsakten, ii. 594; Ферстеманн, Neues Urkundenbuch zur Geschichte der evangelischen Kirchen-Reformation (Гамбург, 1842), i. 75; Армстронг, Император Карлв., i. 70 (Лондон, 1902).

286.

Brieger, Aleander und Luther 1521, p. 154 (Gotha, 1884): Dove molti rimasero più pallidi che se fossero stati morti.

287.

Brieger, Luther und Aleander 1521 (Gotha, 1884), pp. 208 ff.; Kalkoff, Die Depeschen des Nuntius Aleander vom Wormser Reichstage 1521 (Halle, 1897), pp. 235 ff.

288.

Leitschuh, Albrecht Dürer's Tagebuch der Reise in die Niederlande (Leipzig, 1884), pp. 82-84.

289.

Kolde, Analecta Lutherana (Gotha, 1883), pp. 31, 32: "Quare, mi doctissime Luthere, si me amas, si reliquos, qui adhuc mecum curam tui habent, Evangeliiue Dei, per te tanto labore, tanta cura, tot sudoribus, tot periculis prædicati fac sciamus, an vivas, an captus sis."

290.

Brieger, Luther und Aleander 1521 (Gotha, 1884), p. 158; Kalkoff, Die Depeschen des Nuntius Aleander (Halle, 1897), p. 182.

291.

Ср. Письмо Кохлеуса Папе Римскому (19 июня) в книге Бригера "Время для кирхгенштейна", xviii. стр. 118.

292.

Brieger, Luther und Aleander 1521 (Gotha, 1884), p. 211.

293.

Важные положения Вормсского эдикта опубликованы в книге Эмиля Райха "Избранные документы, иллюстрирующие средневековую и современную историю" (Лондон, 1905), стр. 209.

294.

Письма и бумаги, иностранные и отечественные, времен правления Генриха VIII., III. i. p. cccxxxviii. Письмо Танстала Вулси от 21 января 1521 года.

295.

Brieger, Aleander und Luther 1521 (Gotha, 1884), p. 263; cf. pp. 249 ff.

296.

Письма и бумаги, иностранные и отечественные, времен правления Генриха VIII., III. 449, 485.

297.

Акт. Часть. Шотландец. II. 295.

298.

В. ранке в его немецкой истории им Zeitalter der Reformation (2-е изд., Лейпциг, 1882), второй. 56, и доктор Буркхардт, архивариус в Веймаре, в году в журнале für умереть как Theologie (Гота) за 1862 год, стр. 456—оба основания на общепризнанным несовершенной информации можно найти в танка Annalen der älteren немецкой Litteratur был (1788-1802)—должны быть выполнены следующие расчеты:—количество печатных книг, изданных на немецком языке, и в Германии, от 1480-1500, не превышает сорок процентов в год; лет 1500-1512 показывают примерно тот же средний; в 1513 году число книг и брошюр, выпущенных из немецкой прессы на немецком языке был 35; в 1514 году было 47; в 1515, 46; в 1516, 55; в 1517 году, 37; затем печатали призывы Лютера в Германии стали появляться люди в форме проповедей, трактатов, спорные сочинения и т. д., и немецкие издания 1518 года вырос до 71, из которых не менее 20 были от Лютера ручка; в 1519 году общее количество составляло 111, из которых 50 были Лютера; в 1520 году в общей сложности было 208, из которых 133 были Лютера; в 1521 году (когда Лютера в Вартбург), Лютер опубликовал 20 отдельных брошюр; в 1522 г., 130; и в 1523 году общее количество составляло 498, из них 180 были Лютера; ср. Деян. Веллер, Реперториуму Typographicum (Нердлинген, 1864-1874), для получения дополнительной информации. Из Письма Лютера совету Нюрнберга (Эндерс, ст. 244) можно сделать вывод, что первое издание каждого из его сочинений обычно раскупалось за семь-восемь недель.

299.

Именно обращение Лютера к христианскому дворянству немецкой нации научило Ульриха фон Гуттена владению немецким языком; Штраус, Ульрих фон Гуттен, Его жизнь и времена (Лондон, 1874), стр. 241.

300.

Ряд наиболее важных из этих противоречивых работ был переиздан под названием Flugschriften aus der Reformationszeit в очень полезной серии Neudrucke deutscher Litteraturwerke в ходе публикации Нимейером из Галле; ср. также Кучинский, Тезаурус libellorum historiam Reformatorem illustrantium (Лейпциг, 1870); О. Шейд, Сатиры и пасквилы на тему реформаторства, 3 тома. (Ганновер, 1856-1858).

301.

Мернер был в Англии в 1523 году, надеясь на аудиенцию у Генриха VIII., в защиту которого он написал письмо против Лютера. "Король из жалости желает, чтобы он вернулся в Германию, поскольку он был одним из главных противников фракции Лютера, и приказал Вулси выплатить ему 100 фунтов стерлингов". Ср. Письмо сэра Томаса Мора Вулси: Письма и бумаги, иностранные и внутренние, Генрих VIII., III. II. 3270.

302.

Сравните главу о социальных условиях, стр. 96 и далее.

303.

Наиболее важные брошюры Эберлина были отредактированы Эндерсом и опубликованы в журнале Нимейера *Flugschriften aus der Reformationszeit*, а также в форме № xi. xv. и xviii. из серии (Галле, 1896, 1900, 1902).

304.

Бекинг считает, что Эколампадий был автором знаменитого памфлета "Нойкарстханс" (лето 1521 г.), который часто приписывают Хаттену. Зикинген - один из выступающих; автор демонстрирует знакомство с Писанием и теологией, которыми Хаттен едва ли мог владеть; а идея церковного устройства, изложенная в общих чертах, по-видимому, заимствована у Марсилия Падуанского.

305.

Hulsse, *Die Einführung der Reformation in der Stadt Magdeburg* (Magdeburg, 1883), p. 46.

306.

Гравюра на дереве впервые была использована для иллюстрации стихотворения Ганса Сакса "Гут Хирт и бесс Хирт, Иоганнис ам Цехенден Капитель"; и приводится в виде факсимильного воспроизведения нескольких стихотворений Ганса Сакса, священных и светских, под названием "Ганс Сакс в Геванде, тайна времени", Гота, 1821. Первоначально стихи были изданы в виде больших листов, иллюстрированных одной гравюрой на дереве, и предназначались для развешивания на стенах комнат.

307.

Многие из этих карикатур на Реформацию можно найти в G. Hirth, *Kulturgeschichtliches Bilderbuch aus drei Jahrhunderten*, I. II. (Мюнхен, 1896), и одну или две иллюстрации в von Bezold, "Истории немецкой реформации" (Берлин, 1890).

308.

"Пассионарные христиане и антихристи" были воспроизведены по факсимиле В. Шерером (Берлин, 1885).

309.

H. Barge, *Andreas Bodenstein von Karlstadt*, 2 vols. (Leipzig, 1905).

310.

Ср. Барге, Андреас Боденштайн фон Карлштадт, I. 357; письмо напечатано во II. 558-559.

311.

The ordinance is printed in Richter's *Die evangelischen Kirchenordnungen des sechszehnten Jahrhunderts* (Weimar, 1846), ii. 484; and, with a more correct text, in Sehling's *Die evangelischen Kirchenordnungen des 16ten Jahrhunderts* (Leipzig), 1902, I. i. 697.

312.

Эту инструкцию можно найти в книге Эндерса, доктора Мартина Лютера *Briefwechsel*, iii. 292-295. Its effect on Luther's return to Wittenberg is discussed at length by von Bezold (*Zeitschrift für Kirchengeschichte*, xx. 186 ff.), Kawerau (*Luther's Rückkehr*, etc., Halle, 1902), and by Barge (*Andreas Bodenstein von Karlstadt*, Leipzig, 1905, p. 432 ff.).

313.

Смотрите его письма Спалатину в книге Эндерса, доктора Мартина Лютера "Краткий Вексель", iii. 271, 286.

314.

Иоганн Кесслер, "Шаббата" (под редакцией Эгли и Шоха, Санкт-Галль, 1902).

315.

В указе говорилось: "Во-первых, мы приказываем, чтобы все, особенно все князья, сословия и подданные, по истечении вышеуказанных двадцати дней, которые заканчиваются 14 мая текущего месяца, не предлагали Лютеру ни крова, ни еды, ни питья, ни какой-либо помощи ему словами или делами, тайно или открыто. Напротив, где бы вы ни завладели им, вы должны немедленно посадить его в тюрьму и отправить ко мне или, во всяком случае, сообщить мне об этом без всякого промедления. За это святое дело вы будете вознаграждены за свои хлопоты и расходы. Точно так же вы должны, в силу священной конституции и запрета нашей Империи, поступить следующим образом со всеми сторонниками, подстрекателями и покровителями Лютера. Вы должны усмирить их и конфисковать их поместья к своей собственной выгоде, если указанные лица не смогут доказать, что они исправились и попросили папского отпущения грехов. Более того, мы приказываем, под страхом вышеупомянутых наказаний, чтобы никто не покупал, не продавал, не читал, не хранил, не копировал и не печатал ни одно из сочинений Мартина Лютера, которые были осуждены нашим святейшим отцом Папой Римским, будь то на латыни или на немецком, ни любое другое из его нечестивых сочинений".

316.

Инструкции папы Римского своему нунцию можно найти в Wrede, *Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Karl v.*, iii. 393 и далее.

317.

Compare Gebhardt, *Die Gravamina der Deutschen Nation*, 2nd ed., Breslau, 1895.

318.

Аннаты представляли собой стипендию на первый год церковного пособия, обычно выплачиваемую по фиксированной ставке.

319.

SOURCES: Baumann, *Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges in Ober-Schwaben* (Stuttgart, 1877); *Die Zwölf Artikel der oberschwäbischen Bauern* (Kempten, 1896); *Akten zur Geschichte des*

Bauernkrieges aus Ober-Schwaben (Freiburg, 1881); Beger, Zur Geschichte des Bauernkrieges nach Urkunden zu Karlsruhe (in Forschungen zur deutschen Geschichte, vols. xxi.-xxii., Göttingen, 1862); Ryhiner, Chronik des Bauernkrieges (Basler Chroniken, vi., 1902); Waldau, Materialien zur Geschichte des Bauernkrieges (Chemnitz, 1791-1794); Vogt, Die Korrespondenz des Schwübischen Bundes-Hauptmanns, 1524-1527 (Augsburg, 1879-1883).

LATER BOOKS: Zimmermann, Allgemeine Geschichte des grossen Bauernkrieges, 3 vols. (Штутгарт, 1856); Э. Белфорт Бакс "Крестьянская война в Германии" (Лондон, 1899); Каутский "Коммунизм в Центральной Европе во времена Реформации" (Лондон, 1897); Стерн "Die Socialisten der Reformationszeit" (Берлин, 1883). Литература о крестьянской войне очень обширна.

320.

Сравните выше, стр. 106.

321.

Линдси, Лютер и немецкая реформация (Эдинбург, 1900), 169 и далее.; Стерн, "Социалистическая реформация", Берлин, 1883.

322.

Friedrich, Astrologie und Reformation, oder die Astrologen als Prediger der Reformation und Urheber des Bauernkrieges, München, 1864.

323.

Ср. "Двенадцать крестьянских статей" в книге Эмиля Райха "Избранные документы, иллюстрирующие средневековую и современную историю", стр. 212.

324.

Поговорив об обязанностях властей, он продолжает: "В случае с повстанцем каждый человек является одновременно судьей и палачом. Поэтому тот, кто может, должен сбить с ног, задушить и заколоть такого публично или частным образом, и не считать ничего более ядовитого, пагубного и дьявольского, чем повстанец.... Настали такие чудесные времена, что принц может больше заслужить небеса кровопролитием, чем другой молитвой".

325.

Лютер отговорил ландграфа Гессенского от окончательного принятия демократической церковной конституции, разработанной Фрэнсисом Ламбертом для церкви Гессена в 1526 году. Отвергнутая конституция была напечатана Рихтером в его книге "Евангелическая церковь для христиан" (Веймар, 1846), i. 56.

326.

SOURCES (besides those given in earlier chapters): Ney, "Analecten zur Geschichte des Reichstags zu Speier im Jahr 1526" (Zeitschrift für Kirchengeschichte, viii. ix. xii.); Friedensburg, Beiträge zum Briefwechsel zwischen Hertzog Georg von Sachsen und Landgraf Philip von Hessen (Neuer Archiv für Sächs. Gesch. vi.); Balan, Clementis vii. Epistolæ (vol. i. of Monumenta Sæculi xvi. Historiam illustrantia, Innsbruck, 1885); Casanova, Lettere di Carlo v. and Clemente vii. 1527-1533 (Florence, 1893); Lanz, Correspondenz des Kaisers Karl v. (Лейпциг, 1845); Брэдфорд, корреспондент Чарльза v. (Лондон, 1850).

LATER BOOKS: Schomburgk, Die Pack'schen Handel (Maurenbrecher's Hist. Taschenbuch, Leipzig, 1882); Stoy, Erste Bündnisbestrebungen evangelischen Stände (Jena, 1888); Cambridge Modern History, II. vi.

327.

Сейм имел обыкновение назначать Комитет князей для приведения в порядок своих наиболее важных постановлений. Постановление называлось “перерыв”.

328.

Описание изменений в организации и богослужении, внесенных после решения сейма 1526 года, отведено для отдельной главы.

329.

Ney, Geschichte des Reichstages zu Speier in 1529 (Hamburg, 1880); Tittmann, Die Protestation zu Speyer (Leipzig, 1829).

330.

Календари государственных бумаг иностранной серии времен правления Елизаветы Петровны, 1559-1560, стр. 84.

331.

SOURCES: Schirmacher, Briefe und Acten zu der Geschichte der Religionsgespräches zu Marburg, 1529, und des Reichstages zu Augsburg, 1530 (Gotha, 1876); Bucer, Historische Nachricht von dem Gespräch zu Marburg (Simler, Sammlung, II. ii. 471 ff.); Rudolphi Collini, “Summa Colloquii Marpurgensis,” printed in Hospinian, Historia sacramentaria, II. 123b-126b, and in Zwinglii Opera, IV. 175-180 (Zurich, 1841); Brieger in Zeitschrift für Kirchengeschichte, I. 628 ff.

LATER BOOKS: Ebrard, Das Dogma vom heiligen Abendmahl und seine Geschichte, vol. II. (Frankfurt a. M., 1846; автор классифицировал рассказы лиц, присутствовавших на конференции, и дал сводное описание дискуссии, стр. 308 и 314 далее); Эрихсон, “Марбургская религиозная традиция” (Страсбург, 1880); Бесс, “Лютер в Марбурге”, 1529 (Preuss. Jahrbücher; civ. 418-431, Berlin, 1901).

332.

В Канонах и постановлениях Тридентского собора Жертвоприношение Мессы определено на 22-м заседании, а Евхаристия - на 13-м заседании.

333.

Schirmacher, Briefe und Acten zu der Geschichte des Religionsgespräches zu Marburg und des Reichstages zu Augsburg, 1530, pp. 33, 34.

334.

Существует несколько современных отчетов об этой встрече на мосту через Лех и о процессии; например, см. Schirmacher, Briefe und Acten и др., стр. 54-57.

335.

Выбор города в качестве места проведения сейма был несколько сомнительной честью для города. Бюргеры Аугсбурга наняли 2000 ландскнехтов для защиты во время сессии (Schirmacher, Briefe und Acten, стр. 52).

336.

Förstemann, Urkundenbuch, etc. i. 268, 271; Schirrmacher, Briefe und Acten, etc. p. 59 and note.

337.

SOURCES: Schirrmacher, Briefe und Acten; Förstemann, Urkundenbuch zu der Geschichte des Reichstags zu Augsburg, 2 vols. (Halle, 1833-1835); and Archiv für die Geschichte der kirchl. Реформация (Галле, 1831).

LATER BOOKS: Moritz Facius, Geschichte des Reichstags zu Augsburg (Leipzig, 1830).

338.

Schirrmacher, Briefe und Acten, etc. p. 90.

339.

The threat is recorded in Archiv für Schweizerische Geschichte und Landeskunde, i. 278.

340.

Армстронг, император Карл v., i. 244.

341.

Förstemann, Archiv, p. 206.

342.

Schaff, The Creeds of the Evangelical Protestant Christian Churches (London, 1877), p. 3; cf. History of the Creeds of Christendom (London, 1877), pp. 220 ff.; Müller, Die Bekenntnisschriften der Reformierten Kirche (Leipzig, 1903), pp. 55-100; Tschakert, Die Augsburgische Konfession, (Leipzig, 1901).

343.

Ферстеманн, Уркунденбух, i. 39: достойный канцлер считал, что документ должен быть составлен “mit gründlicher bewerbung derselbigen aus göttlicher schrift”.

344.

Schirrmacher, Briefe und Acten, etc. p. 98.

345.

Карл хорошо знал, что нунций приложит все свое влияние, чтобы предотвратить урегулирование. В преддверии сейма император конфиденциально попросил Меланхтона изложить ему *минимум* уступок, которые удовлетворили бы лютеран. Меланхтон, по-видимому, ответил (наш источник информации не очень точен): евхаристия в обоих видах; разрешен брак священников; пропущен канон мессы; уступка церковных земель, уже конфискованных; и решение других спорных вопросов на свободном Генеральном соборе. Карл отправил документ в Рим; он обсуждался на конклаве кардиналов, которые решили, что ни одно из требований не может быть удовлетворено.

346.

One document says: “Es war aber zum ersten die *confutation* wol bey zweihundert und achtzig bletter lang gewesen, aber die key. Mäj. hat sie selbst also gereuttert und gerobt, das es nicht mehr denn

zwölf bletter geblieben sind. Solchs soll Doctor Eck sehr verdrossen und wee gethan haben.”—
(Schirmmacher, Briefe und Acten, etc. p. 167.)

347.

De Wette, Luther's Briefe, etc. iv. 1-182.

348.

Там же. iv. 41.

349.

De Wette, Luther's Briefe, etc. iv. 128.

350.

Все время членов сейма не тратилось на богословские дискуссии. Мы читаем о банкетах, на которых лютеране и католики сидели бок о бок; о танцах, которые продолжались далеко за полночь; о том, что можно назвать вечеринкой в саду на “прекрасном лугу”, где был построен деревянный дом для размещения дам; и о турнирах. В одном из них Фердинанд, брат императора, был сброшен, и его лошадь переехала его; и Меланхтон писал Лютеру, что во время одного из этих “нежных и радостных” боевых столкновений были убиты шесть человек.

351.

Католическое большинство решило бороться с протестантским меньшинством не на поле боя, а в судах -нихт фехтен зондерн рехтен, такова была фраза.

352.

Когда в 1545 году действительно началась религиозная война, Карл оправдал применение силы на том основании, что курфюрст Саксонии и ландграф Гессенский нарушили конституцию империи, *отреклись от решений рейхскаммерсгерихта* и протестовали против решений сейма.

353.

Schmidt, Zur Geschichte des Schmalkaldischen Bundes (Forsch. zur Deutschen Geschichte, xxv.); Zangemeister, Die Schmalkaldischen Artikel von 1537 (Heidelberg, 1883); Corpus Reformatorum, iii. 973 ff.

354.

Winckelmann, “Die Verträge von Kadan und Wien” (Zeitschrift für Kirchengeschichte, xi. 212 ff.).

355.

Ср. Kolde, Analecta, стр. 216 и далее, 231 и далее, 262 и далее, 278 и далее и т.д.

356.

Spiegel, “Johannes Timannus Amsterodamus und die Colloquien zu Worms und Regensburg, 1540-1541” (Zeitschrift für hist. Theologie, xlii. (1872) 36 ff.); Moses, Die Religionsverhandlungen in Hagenau und Worms, 1540-1541 (Jena, 1889).

357.

Heppe, "Urkundliche Beiträge zur Geschichte der Doppelhe des Landgrafen Philip v. Hessen" (Zeitschrift für die historische Theologie, xxii. (1852) 263 ff.), cf. xxxviii. 445 ff.; Schultze, Luther und die Doppelhe des Landgrafen v. Hessen (Paderborn (1869)).

358.

Действия Лютера обычно объясняются его желанием не оскорблять могущественного протестантского лидера. Тщательное изучение подлинных документов по делу - переписки и бумаг — не подтверждает эту точку зрения. На мой взгляд, они демонстрируют со стороны Лютера несколько угрюмую и раздражительную добросовестную верность убеждениям, которых он всегда придерживался. При всем своем благоговении к слову Божьему, он никогда не мог избежать придания очень большого авторитета традициям Церкви, когда они явно не противоречили позитивной и прямой божественной заповеди. Церковь привыкла говорить, что она обладает раздающей властью в супружеских делах, представляющих крайнюю трудность; и, несмотря на свои осуждения диспенсаций, дарованных Римской курией, Лютер никогда не отрицал этой власти. Напротив, он искренне полагал, что Церковь действительно обладала этой властью разрешения вплоть до вмешательства в основной закон христианского общества, при условии, что это не противоречило *позитивной* библейской заповеди об обратном. Преступление Курии, по его мнению, заключалось не в выдаче разрешений в *необходимых случаях*, а в предоставлении их в случаях без доказанной необходимости, *и за деньги*.

359.

У Ранке есть интересное исследование характера Мориса в его Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, bk. ix. глава vi. (т. v. стр. 161 и далее. 6-го изд., Лейпциг, 1882); но, возможно, лучшее дано в Maurenbrecher, Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit (Лейпциг, 1874), стр. 135 и далее. Глубокие религиозные убеждения человека могут терпеть незнакомое общество в большинстве эпох, и тот факт, что мы видим, как поборники романизма во Франции погружаются в глубочайшее распутство в течение одной недели, а затем претерпевают муки раскаяния на следующей, или что лютеранские лидеры сочетали случайные супружеские измены и запои с рвением к евангельским принципам, требует более глубокого изучения психологии, чем может быть выражено, в манере некоторых современных английских историков, в нескольких дешевых насмешках.

360.

Henninard, Correspondance des Reformateurs dans les pays de langue française (Geneva and Paris, 1866-1897), i. 47, 48.

361.

Письма и бумаги, иностранные и отечественные, времен правления Генриха VIII., iii. 284.

362.

Kalkoff, Die Depeschen des Nuntius Aleander (Halle, 1897), p. 106.

363.

Акты парламента Шотландии за 1525 и 1527 годы.

364.

Maurenbrecher, Karl V. und die deutschen Protestanten 1545-1555 (Düsseldorf, 1865); Jahn, Geschichte des Schmalkaldischen Krieges (Leipzig, 1837); Lo Mang, Die Darstellung des Schmalkaldischen Krieges in den Denkwürdigkeiten Karls V. (Jena, 1890, 1899, 1900); Brandenburg, Moritz von Sachsen (Leipzig, 1898).

365.

Шмидт, "Повестка дня и письма, относящиеся к Временному периоду", в журнале Zeitschrift für historisch. Theologie, xxxviii. (1868) pp. 431 ff., 461 ff.; Beutel, Über den Ursprung des Augsburger Interim (Leipzig, 1888); Meyer, Der Augsburger Reichstag nach einem fürstlichen Tagebuch (Preuss. Jahrb. 1898, pp. 206-242).

366.

Морису Саксонскому было разрешено внести некоторые изменения во Временный устав своих владений, и его издание получило название "Лейпцигский временный устав".

367.

One of these broadsides is reproduced in von Bezold's Geschichte der deutschen Reformation (Berlin, 1890), p. 806.

368.

Wolf, Der Augsburger Religionsfriede (Stuttgart, 1890); Brandi, Der Augsburger Religionsfriede (Munich, 1896); Druffel, Beiträge zur Reichsgeschichte, 1553-1555 (Munich, 1896).

369.

Эти два нерешенных вопроса стали предметом споров, положивших начало Тридцатилетней войне.

370.

Поллард, Кембриджская современная история, ii. 144.

371.

Религиозный мир в Аугсбурге имел важные дипломатические последствия за пределами Германии. Лютеранская форма веры была признана *religio licita* (если использовать древнеримскую фразу) в Священной Римской империи, которая, согласно правовым представлениям того времени, включала весь западный христианский мир; и папы больше не могли отлучать протестантов просто потому, что они были протестантами, не нанеся серьезного удара по конституции Империи. Никто не понял этого раньше, чем проницательная молодая женщина, ставшая первой протестантской королевой Англии. В первые и неустроенные годы своего правления Елизавета в полной мере использовала защиту, которую давало исповедание лютеранского вероучения, чтобы уберечь ее от отлучения от церкви. Она сделала это, когда граф де Фериа, посол Филиппа II., пригрозил ей судьбой короля Наварры (Календарь писем и государственных бумаг, касающихся английских дел, сохранившийся главным образом в архивах Симанкаса, i. 61, 62); она подавляла все мнения, которые, как можно было предположить, противоречили лютеранскому вероучению, в Тридцати восьми статьях 1563 года; она хранила кресты и лампадки на алтаре своей часовни в лютеранском стиле. Когда папа впервые составил Буллу об отлучении английской королевы от церкви и представил ее императору, ему сказали, что было бы безумием публиковать документ, который аннулировал

бы избрание самого императора; и когда Елизавета была окончательно отлучена от церкви в 1570 году, обвинение против нее заключалось не в том, что она протестантка, а в причастии к “нечестивым тайнам Кальвина” — реформатские или кальвинистские церкви находились за пределами Аугсбургского мирного договора.

372.

SOURCES: Richter, *Die evangelischen Kirchenordnungen des sechszehnten Jahrhunderts* (Weimar, 1846); Sehling, *Die evangelischen Kirchenordnungen des 16ten Jahrhunderts* (Leipzig, 1902); Kins, “Das Stipendiumwesen in Wittenberg und Jena ... im 16ten Jahrhundert” (*Zeitschrift für historische Theologie*, xxxv. (1865) pp. 96 ff.); G. Schmidt, “Eine Kirchenvisitation im Jahre 1525” (*Zeitschrift für die hist. Theol.* xxxv. 291 ff.); Winter, “Die Kirchenvisitation von 1528 im Wittenberger Kreise” (*Zeitsch. für hist. Theol.* xxxiii. (1863) 295 ff.); Muther, “Drei Urkunden zur Reformationsgeschichte” (*Zeitschr. für hist. Theol.* xxx. (1860) 452 ff.); Albrecht, *Der Kleine Catechismus für die gemeine Pfarher und Prediger* (facsimile reprint of edition of 1536; Halle a. S. 1905).

LATER BOOKS: Kästner, *Die Kinderfragen: Der erste deutsche Katechismus* (Leipzig, 1902); Burkhardt, *Geschichte der deutschen Kirchen- und Schulvisitation im Zeitalter der Reformation* (Leipzig, 1879); Berlitz, *Luther, Murner und das Kirchenlied des 16ten Jahrhunderts* (Leipzig, 1899).

373.

Cf. for the Wittenberg ordinance, Richter, *Die evangelischen Kirchenordnungen des sechszehnten Jahrhunderts* (Weimar, 1846), ii. 484, and Sehling, *Die evangelischen Kirchenordnungen des 16ten Jahrhunderts* (Leipzig, 1902), r. i. 697; for Leisnig, Richter, i. 10. An account of the Magdeburg ordinance is to be found in Funk, *Mittheilungen aus der Geschichte des evangelischen Kirchenwesens in Magdeburg* (Magdeburg, 1842), p. 210, and Richter, i. 17.

374.

Ранние предложения Лютера об устройении таинств собраны Зехлингом, i. i. 2, 18. Часть сборника гимнов была воспроизведена по факсимиле в книге фон Безольда “История немецкой реформации”, Берлин, 1890, стр. 566.

375.

Шафф, *Символы веры Евангелических протестантских церквей*, стр. 72.

376.

Winter, “Die Kirchenvisitation von 1528 im Wittenberger Kreise” (*Zeitschrift für die historische Theologie*, xxxiii. pp. 295-322); and *Visitations Protocolle in Neuen Mittheilungen des thüring.-sächs. Geschichts-Verein zu Halle*, ix. ii. pp. 78 ff.

377.

Визит епископа Хупера из епархии Глостера, совершенный в 1551 году, выявил худшее положение дел в Англии. Посетитель задал своим священнослужителям следующие простые вопросы: “Сколько существует заповедей? Где их можно найти? Повторите их. Каковы статьи христианской веры (Апостольский символ веры)? Повторите их. Докажите их на основании Писания. Повторите Молитву Господню. Откуда вы знаете, что она принадлежит Господу? Где ее можно найти?” Триста одиннадцати священнослужителям были заданы эти вопросы, и только пятьдесят ответили на все; из пятидесяти девятнадцать отмечены как ответившие посредственно. Восьмой не мог ответить ни на один из них; и хотя один знал, что число

заповедей равно десяти, он не знал ничего другого [Английское историческое обозрение за 1904 год (январь), стр. 98 и далее].

378.

Sehling, Die evangelischen Kirchenordnungen des 16ten Jahrhunderts (Leipzig, 1902), i. i. 142 ff.

379.

Там же. i. i. 49.

380.

Обряды и церемонии богослужения в лютеранских церквях приведены в книге Даниила "Литургический кодекс лютеранской церкви в редакции epitomen", которая составляет второй том его "Литургического кодекса Вселенской церкви" (Лейпциг, 1848).

381.

The ordinance establishing the Wittenberg Consistory will be found in Richter, Die evangelischen Kirchenordnungen des sechszehnten Jahrhunderts (Weimar, 1846), i. 367; and in Sehling, Die evangelischen Kirchenordnungen des 16ten Jahrhunderts (Leipzig, 1902), i. i. 200. Зехлинг вкратце описывает историю своего учреждения, i. i. 55.

382.

Первая половина первой части "Евангелической церкви 16 смертей" Зельинга появилась в 1902 году, а вторая половина первой части - в 1904 году.

383.

Ср. статью о "Кирхен-орднунге" в 3-м издании "Настоящей энциклопедии протестантского богословия" Херцога.

384.

Richter, Die evangelischen Kirchenordnungen, etc. i. 56 ff.

385.

Источники: Баазиус, Inventarium Eccles. Sveogothorum (1642); Понтоппидан, Церковные анналы Дании, до н.э. ii., iii. (Копенгаген, 1744, 1747).

БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ КНИГИ: Лау, "История реформации в Шлезвиг-Гольштейне" (Гамбург, 1867); Уилсон, "История церкви и государства в Норвегии" (Лондон, 1903); Уотсон, "Шведская революция при Густавусе Васе" (Кембридж, Массачусетс, 1889); Видлинг, "Шведская история реформации в духе времени" (Гота, 1882); "Кембриджская современная история", II. xvii. (Кембридж, 1903).

386.

Dorner, History of Protestant Theology (Edinburgh, 1871); Köstlin, Luthers Theologie in ihrer geschichtlichen Entwicklung und in ihrem innern Zusammenhange (Stuttgart, 1883); Theodor Harnack, Luthers Theologie mit besonderer Beziehung auf seine Versöhnungs- und Erlösungslehre (Erlangen, 1862-1886); A. Ritschl, The Christian Doctrine of Justification and Reconciliation (Edinburgh, 1872); A. Harnack, History of Dogma, vii. (London, 1899); Loofs, Leitfaden zum Studium der Dogmengeschichte (Halle, 1893); Herrmann, Communion with God (London, 1895); Hering, Die Mystik Luthers in Zusammenhang seiner Theologie (Leipzig, 1879); Denifle, Luther und Lutherthum in

der ersten Entwicklung, vol. i. (Mainz, 1904), vol. ii. (1905); Walther, Fur Luther wider Rum (Halle, 1906).

387.

Loofs, Leitfaden, etc. p. 345.

388.

Luther's Works (Erlangen edition), xxxi. 273; in Die Kleine Antwort auf Herzog Georgen nächstes Buch.

389.

Сочинения Лютера (Эрлангенское издание), xxxi. 278, 279.

390.

Гарнак, История догмы, vii. 182.

391.

Loofs, Leitfaden, etc. p. 346.

392.

Сочинения Лютера (Эрлангенское издание), xxi. 15. Ср. xlviii. 5: "Если ты считаешь веру просто мыслью о Боге, то эта мысль так же мало способна дать вечную жизнь, как когда-либо монашеский капюшон мог бы дать ее".

393.

Труды Лютера (2-е эрлангенское издание), xiii. 301.

394.

Труды Лютера (Эрлангенское издание), lxiii. 125.

395.

Случай Бернара из Клерво особенно интересен, поскольку мы могли бы почти назвать его двойником (как сказали бы немцы) - два человека в одном. В своих экспериментальных настроениях, когда он является великим проповедником-возрожденцем, проявляющихся в его проповедях о Песне Песней и в других местах, все, что христианин может делать, говорить или думать, исходит из откровения Божьей благодати внутри человека, в то время как в своих более чисто теологических работах он едва ли когда-либо освобождается от пут схоластического богословия. На двойственности Бернарда подробно останавливался А. Ритчль в своей "Критической истории христианского учения об оправдании и примирении" (Эдинбург, 1872), стр. 95-101.

396.

Эти аннотации, пояснения и конспекты лекций были собраны и опубликованы в томах III. и IV. Веймарского издания сочинений Лютера. Наиболее важные фразы были тщательно извлечены Лоуфсом из его Лейтфадена, стр. 345-352.

397.

А. Гарнак, История догмы, vii. 183.

398.

Там же. vii. 184.

399.

Труды Лютера (2-е эрлангенское издание), xv. 540.

400.

Труды Лютера (2-е эрлангенское издание), xv. 542.

401.

Труды Лютера (2-е эрлангенское издание), xiv. 294.

402.

Dilthey, Archiv für Geschichte der Philosophie, v. ii. 358.

403.

Examen Concilii Tridentini (Geneva, 1641), pp. 134 f.

404.

Средневековый четырехчастный смысл Священного Писания был объяснен Николасом де Лири в дистихе:

*“Littera gesta docet, quid credas Allegoria,
Moralis quid agas, quo tendas Anagogia.”*

Это кратко изложено Фомой Аквинским, "Сумма теологии", I. I. 10.

405.

Матфей. xiii. 31.

406.

Песнь песней, ii. 15.

407.

Lettres à jeunes gens, à Eugene l'hermite (Paris, 1863).

408.

Ср. выше, стр. 200.

409.

Ср. выше, стр. 151.

410.

Luther is continually reproached for having called the Epistle of James an Epistle of straw; it is forgotten that he uses the term comparatively (Prefaces to the New Testament; Works (Erlangen edition), lxiii. 115): “Summa, Sancti Johannis Evangelium, und seine erste Epistel, Sancti Paulus Epistel, sonderlich die zu Römern, Galatern, Ephesern, und Sancti Petri erste Epistel, das sind die Bücher, die dir Christum zeigen und alles lehren, das dir zu wissen noth und selig ist, ob du schon kein ander Buch noch Lehre nimmermehr sehest noch hörst. Darumb ist Sancti Jacobi Epistel ein recht strohern Epistel gegen sie, denn sie doch kein evangelisch Art an ihr hat.”

411.

О свободе (издание Эрлангена, латынь), xxxv. 222; Рим. i. 1-3.

412.

Женевский катехизис; Institutio, III. II. 6: “Само слово, *каким бы образом оно ни было передано нам*, является зеркалом, в котором вера может узреть Бога”; Второй Женевский катехизис.

413.

(Данлоп), Сборник исповеданий веры, II. 26.

414.

Цюрихские статьи 1523 года, I. II.

415.

Сочинения Лютера (Эрлангенское издание), LVII. 34.

416.

Шотландское исповедание, ст. XIX.; (Данлоп), Сборник признаний, стр. 73.

417.

Institutio, I. VII. 5.

418.

Сочинения Лютера (Эрлангенское издание), LVII. 35.

419.

Там же. LXII. 132.

420.

Там же. (2-е издание в Эрлангене), VIII. 23.

421.

Возможно, полезно отметить утверждения об авторитете Священного Писания в более ранних символах веры Реформации. Лютеране, всегда запаздывавшие с распознаванием истинных доктринальных основ своей религиозной уверенности, не считали нужным догматически утверждать высший авторитет Священного Писания вплоть до второго поколения протестантизма. Статьи Шмалькальда и Аугсбургское исповедание прямо утверждают, что человеческие традиции относятся к числу злоупотреблений, с которыми следует покончить; но они не осуждают их как авторитеты, установленные их противниками в противовес слову Божьему, а только как то, что отягощает совесть и склоняет людей к ложным попыткам быть в мире с Богом (Аугсбургское исповедание, приведенное в Шафф, “Вероучения евангелических протестантских церквей”, стр. 65; Статьи Шмалькальда, XV.). Это было только в 1576 году в книге Торгау и в 1580 году в формуле Concordiae, что они чувствовали необходимость догматически заявить в противовес римским католикам, что “единственным стандартом, по которому следует оценивать все догмы и всех учителей, является не что иное, как пророческие и апостольские писания Ветхого и Нового Заветов” (§ 1).

Цвингли, с более ясной догматической проницательностью, которую он всегда проявлял, очень рано почувствовал необходимость в утверждении теологического места Писания и заявил в “Первом гельветическом исповедании” (1536), что “Каноническое Писание, слово Божье, данное Святым Духом и изложенное миру пророками и апостолами, самая совершенная и древняя из всех философий, единственная в совершенстве содержит все благочестие и все

правила жизни”. Различные реформатские конфессии, вдохновленные Кальвином, последовали примеру Цвингли, и высший авторитет Священного Писания был изложен во всех символических книгах Реформатских церквей Швейцарии, Франции, Англии, Нидерландов, Шотландии и т.д.— Женевское исповедание 1536 года (ст. 1), Второе Гельветическое исповедание 1562 года (ст. 1), Французское исповедание 1559 года (ст. 3-6), Бельгийское исповедание 1561 года (статьи 4-7), Тридцать девять статей 1563 и 1571 годов (статья 6), Шотландское исповедание 1560 года (статья 19). Однако поучительно отметить, как это делается. Ключ к центральной ноте всех этих догматических утверждений следует искать в первом и втором из Шестидесяти семи Тезисов, опубликованных в 1523 году Цвингли в Цюрихе, где провозглашается, что все, кто говорит, что Евангелие не имеет ценности, кроме его подтверждения Церковью, заблуждаются и богохульствуют против Бога, и где суть Евангелия сводится к тому, что “Господь наш Иисус Христос, истинный Сын Божий, открыл нам волю Небесного Отца и Своей невинностью искупил нас от смерти и примирил нас с Богом”. Следовательно, главная мысль всех этих Исповеданий состоит не в том, чтобы утверждать формальное превосходство Священного Писания над Традицией, а скорее в том, чтобы провозгласить высшую ценность Священного Писания, которое открывает нам благую волю Бога к нам в Иисусе Христе, которая должна быть принята только верой, а не всеми человеческими традициями, которые уводили бы нас в сторону от Бога и истинной веры. Перед реформаторами стояло не просто богословское желание точно определить природу того авторитета, к которому апеллирует все христианское учение, но религиозная потребность держаться богооткровенного пути спасения и отвернуться от всякого человеческого вмешательства и растления. Они желают показать, что доверяют Богу больше, чем человеку. Поэтому почти все они стараются ясно выразить потребность в Свидетельстве Святого Духа.

422.

Сравните, в частности, обсуждения в первой части второй книги "Итогов".

423.

Гарнак, История догмы, vii. 173-174.

424.

Luther's Works (Erlangen edition), Latin, xxxvi. 506: “Quodsi odit anima mea vocem hominum, et nolim ea uti, non ero hæreticus, quis enim me coget uti, modo rem teneam, quæ in concilio per scripturas definita est?” Можно отметить, что самому Афанасию не нравилось слово, которое стало так ассоциироваться с его именем.

425.

Luther's Works (2nd Erlangen edition), vi. 358: “Dreyfaltigkeit ist ein recht böse Deutsch, denn in der Gottheit ist die höchste Einigkeit. Etliche nennen es Dreyheit; aber das lautet allzuspöttisch”; he says that the expression is not in Scripture, and adds: “darum lautet es auch kalt and viel besser sprach man Gott denn die Dreyfaltigkeit” (xii. 408).

426.

Там же., ст. 236.

427.

Сочинения Лютера (Эрлангенское издание), xlvii. 3, 4.

428.

Сочинения Лютера (Эрлангенское издание), xlix. 183, 184.

429.

Труды Лютера (2-е издание в Эрлангене), xii. 244.

430.

Там же. xii. 259.

431.

Кальвин, Opera omnia (Амстердам, 1667), viii. 38, 39.

432.

Аугсбургское исповедание, статья XXI.

433.

Müller, Die Bekenntnisschriften der reformierten Kirche, pp. 935 f.

434.

Müller, Die Bekenntnisschriften der reformierten Kirche, pp. 34 ff.

435.

Постепенный прогресс Лютера к его окончательному взгляду на Церковь подробно прослеживается в Loofs, Leitfaden, стр. 359 и далее.

436.

Enders, Dr. Martin Luthers Briefwechsel, ii. 345.

437.

Enders, Dr. Martin Luthers Briefwechsel, i. 253.

438.

Сочинения Лютера (Веймарское издание), i. 190.

439.

Труды Лютера (Эрлангенское издание), xii. 249.

440.

Кальвин, Institutio, iv. i. 12.

441.

Германн, Общение с Богом, стр. 149.

442.

Труды Лютера (2-е издание в Эрлангене), x. 162.